



АЛЕКСЕЙ ВЕЛИЧКО

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

**От Василия I Македонянина
до Михаила VI Стратиотика**

Москва
«ВЕЧЕ»



УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4
В27

Величко, А.М.

В27 История византийских императоров. От Василия I Македонянина до Михаила VI Стратиотика / Алексей Величко. — М.: Вече, 2015. — 480 с. : ил.

ISBN 978-5-4444-2761-3

Знак информационной продукции **16+**

Шеститомное сочинение А.М. Величко «История Византийских императоров» раскрывает события царствования всех монархических династий Священной Римской (Византийской) империи — от св. Константина Великого до падения Константинополя в 1453 г. Это первое комплексное исследование, в котором исторические события из политической жизни Византийского государства изображаются в их органической взаимосвязи с жизнью древней Церкви и личностью конкретных царей. В работе детально и обстоятельно изображены интереснейшие перипетии истории Византийской державы, в том числе в части межцерковных отношений Рима и Константинополя. Приводятся многочисленные события времен Вселенских Соборов, раскрываются роль и формы участия императоров в деятельности Кафолической Церкви. Сочинение снабжено портретами всех императоров Византийской империи, картами и широким справочным материалом.

Для всех интересующихся историей Византии, Церкви, права и политики, а также студентов юридических и исторических факультетов.

Настоящий том охватывает эпоху от Василия I Македонянина до Михаила VI Стратиотика.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4

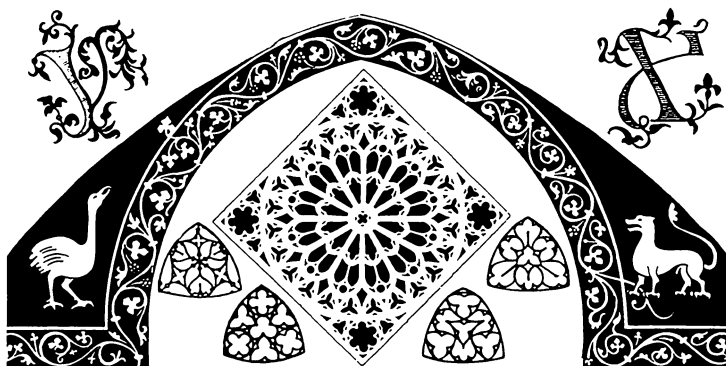
ISBN 978-5-4444-2761-3

© Величко А.М., 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015



МАКЕДОНСКАЯ ДИНАСТИЯ





ХЛИ. ИМПЕРАТОР ВАСИЛИЙ I МАКЕДОНИЯНИН (867—886)

Глава 1. «Византийская сказка» — дорога к царству. Начало славных дел

Жизнеописание родоначальника великой Македонской династии императора Василия I Македонянина еще раз подтверждает тот простой факт, что не право первородства, а Божественная воля, Провидение, помноженные на доблесть, честь, мужество того или иного лица, являлись для византийцев основанием занятия престола древних Римских царей. И это проявлялось так часто, что стало настоящим правилом, которое действовало в Византии наряду с другим неписанным обычаем передачи царской власти от отца к сыну, нередко имея даже большую силу. Это можно назвать «византийской сказкой», когда из простого крестьянина, воина, торговца получался великолепный император, нередко — настоящий спаситель своего отечества и Кафолической Церкви. Не стал исключением и наш герой.

Родился Василий Македонянин в 812 г. в армянской колонии близ Адрианополя, в Македонии, отчего впоследствии и получил свое прозвище. Когда он был совсем еще ребенком, Болгарский хан Крум захватил его семью в плен вместе с множеством других армян, и несколько лет Василий прожил среди диких болгар-язычников.



Позже он вернулся в Македонию и устроился на службу к местному аристократу¹.

Нет никаких сомнений, что Василий происходил из простой семьи, хотя последующие историки и летописцы прилагали многократные усилия для того, чтобы вывести его родословную от Армянских царей и даже от самого Александра Македонского. Но это отдавало такой искусственностью, настолько светилось ложью, что сын Василия, будущий император *Лев VI*, при погребении отца произнес несколько двусмысленную фразу на этот счет: «Лучше стоять у истоков собственного рода, чем примазываться к иному». Да и авторитет Византийского василевса и его потомков к тому времени был настолько высок, что он не нуждался в сомнительных сказках².

Очевидно, не только сын, но и другие современники не очень доверяли таким «свидетельствам», и поэтому в отношении Василия I появилось множество легенд, должных параллельно подтвердить его *избранность Богом*. Так, в частности, рассказывали, будто еще ребенком, оставленный матерью в поле, Василий лежал в шалаше, а прилетевший орел расправил свои крылья над ним и защищал от полуденного зноя. Испуганная мать не посмела прогнать громадную птицу, ласково смотревшую на женщину. Эта картина повторялась несколько дней кряду, да и впоследствии, как гласит предание, орел часто навещал Македонянина и укрывал крылами от солнца³.

По другой истории, его матери привиделся чудесный и пророческий сон, будто из нее выросло громадное дерево, а некий старец, назвавшийся пророком Ильей, поведал ей о том, что ее сын получит скипетр Римского царства. Наконец, по третьему, наиболее распространенному преданию, некогда юноша Василий остановился у монастыря святого мученика Диомиды, что находился у Золотых ворот Константинополя. Усталый и запыленный, Македонянин прилег у ворот и заснул, а к игумену этой обители явился их небесный покровитель и приказал выйти и позвать человека по имени Василий, обеспечив тому кров, пищу и одежду, ибо человек тот помазан Богом на царство. На окрик монаха, к его удивлению, вышел Македонянин, ничего не понявший из речи игумена о грядущем исполнении пророчества, но получивший приют в монастыре⁴. Впрочем, это не последнее свидетельство о *предназначенности*



царства Василия I, и вскоре мы столкнемся еще с одной историей, существенно повлиявшей на судьбу нашего героя.

Родившись в суровой Македонии, привыкший сизмальства заниматься тяжелым крестьянским трудом, Василий рос мальчиком красивым, энергичным, рослым и удивительно сильным. По одной, возможно несколько категоричной, оценке, он представлял тогда собой «красивое человеческое животное»⁵. Остается только гадать, каким образом этот «чистый лист бумаги» смог получить бесценный опыт управления государством и армией, став впоследствии одним из самых выдающихся императоров Римского государства и блестящим законодателем.

Надо, впрочем, сказать, что, не получив образования, Василий с лихвой компенсировал отсутствие школьной премудрости отцовскими наставлениями — отец был для него всем. Воспитанный в благочестии, послушании и смирении, целомудренный и мужественный, глубоко религиозный душой и статный телом, Василий заметно выделялся среди сверстников. Едва он достиг отроческого возраста, как отец умер. Старший в семье, юноша принял на себя все попечение о матери и сестрах. Но его не привлекал труд простого крестьянина — большие города, где можно было бы отличиться, манили его взор. Мать категорично возражала, но, получив чудесные предзнаменования о судьбе своего мальчика, благословила его в дорогу в Константинополь, напомнив, что Господь наблюдает за ним, и потому Василий не вправе презирать благочестие.

В конце концов, в 840 г. Василий тронулся в путь и по дороге действительно останавливался в монастыре святого Диомида, получив от игумена приют и первые рекомендации. Вскоре Македонянина приняли на службу к сановнику Феофилу — родственнику императора Михаила III, которого поразили красота и сила молодого человека. Очень быстро Македонянин попал в круг наиболее доверенных слуг сановника, неизменно демонстрируя ум, прилежность и исполнительность. Однажды Феофил отправился в Ахейские Петры, где решил посетить храм Андрея Первозванного. Феофил со свитой вошел в храм, но один монах, сидящий на скамье, не обратил на него никакого внимания. Зато когда в святилище вошел Василий, тот встал перед ним, как высшим по званию, и произнес славословия, какие употребляют в присутствии царской особы. Весть об этом случае облетела всю округу, и некая богатая



молодая вдова по имени Данилида пожелала познакомиться с Василием. Тот, случайно простудившись, не смог сопровождать своего господина на обратном пути и вынужденно задержался в этом небольшом Пелопоннеском городке. Данилида взяла на себя бремя ухода за больным, и вскоре их отношения стали очень близкими. Когда Василию уже необходимо было вернуться в столицу, она попросила его заключить духовное братство с ее сыном Иоанном, а взамен дала ему 30 слуг, много денег и отписала Македонянину большие земельные владения. С тех пор Василий вошел в круг наиболее богатых людей Византии, что позволило ему раз и навсегда материально обеспечить свою мать и сестер⁶.

Удивительно, но спустя многие годы, придя к царской власти, Василий Македонянин не забудет своей первой благодетельницы. Ее сын Иоанн, «духовный брат» Македонянина, станет протоспатарием и получит «право свободной речи». А прежняя возлюбленная Василия, уже далеко не молодая женщина, будет доставлена в Константинополь, где при встрече передаст царю 500 слуг, евнухов и золотошвеек, обширные поместья в Пелопоннесе, а также другие богатые дары. Обласканная и вознагражденная титулом «матери царя», Данилида потом оставит столицу и вернется в свое имение⁷. Эта поразительная женщина проживет еще много лет. Поняв, что жизнь ее клонится к закату, она еще раз направится в столицу, чтобы своими глазами увидеть наследника императора, его сына Льва, которому отпишет все свое состояние — ее сын Иоанн к тому времени уже умрет. Достаточно сказать, что помимо золота и 3 тыс. подаренных рабов, которых царь поместит на свободное жительство в фему Лонгивардия, Данилида передаст царю 80 поместий в его личную собственность. Впрочем, это произойдет еще не скоро, а пока Василий даже предположить не мог, насколько встреча с Данилидой изменит его жизнь.

Это был, конечно, счастливый случай, но далеко не последний для нашего Македонянина. Как-то раз кесарь (греческий вариант слова «цезарь») Варда устроил пир в честь болгарского посольства, на который были приглашены среди прочих Константин Армянин, Феофил — господин Василия и патрикий Фома. Подвыпив, один гость стал хвалиться силой своего раба-варвара, казавшейся безграничной. Чтобы защитить честь римлян, Феофил вызвал Василия, который в борьбе с болгаринном без труда одолел того. Этот эпизод сблизил Македонянина с Константином Армянином, позволил ему

приобрести новых друзей и покровителей. А вскоре удача сполна вознаградила юношу за его старания и терпение.

Как известно, император Михаил III был большим любителем и знатоком лошадей. Как-то раз царь отправился на охоту, приказав оседлать одного из самых любимых своих коней. Поразив палицей зайца, василевс соскочил с коня, чтобы собственноручно подобрать добычу, а благородное животное, предоставленное самому себе, немедленно вырвалось из рук слуг и ускакало. Все попытки поймать лошадь казались тщетными, и тогда разгневанный монарх приказал подрубить животному задние ноги. Кесарь Варда просил василевса пощадить лошадь, но царь был непреклонен. Тогда Василий спросил у царя разрешения, догнал и усмирил вольного коня. Возликовавший Михаил III тотчас назначил Василия своим конюшенным, а вскоре, поразившись уму, силе, красоте и ловкости юноши, назначил его главным конюшенным царского дворца (*протостратором*). После этого — а назначение Василия на царскую службу состоялось в 856 г. — карьера молодого сановника начала стремительно продвигаться⁸.

Через короткое время император назначил его своим *паракимоном* (главным спальничьим), хотя обычно эта должность предоставлялась евнухам. Открытый и честный, немного *внешне* простоватый и безупречный в исполнении своих обязанностей, Македонянин казался царю оптимальной фигурой для разрешения некоторых личных вопросов. Хотя Василий был женат на женщине по имени Мария, император велел ему разойтись с ней и женил на своей любовнице Евдокии Ингерине, присвоив попутно титул патрикия (патриция). Видимо, не только в награду Македонянину за этот «подвиг», но и для того, чтобы его любимая женщина не чувствовала себя обделенной царским вниманием.

«Византийская сказка», допускавшая чудесные превращения бедного юноши в сановного вельможу, в исполнении Македонянина вызвала естественную негативную реакцию среди других аристократов. Василия ненавидел кесарь Варда, чувствовавший в нем откровенного соперника, опасалась императрица св. Феодора. Но вместе с этим вокруг Македонянина сформировался кружок преданных друзей, готовых рискнуть на многое ради новых почестей и денег, а также для блага отечества, поскольку ошибки царствования Михаила III ни для кого не были секретом. Казалось,



только один царь ни о чем не догадывался, полностью доверяя своему сановнику⁹.

В личной жизни Василий был и счастлив и несчастлив одновременно. От первой и по-настоящему любимой жены Марии у него появился на свет сын *Константин* — тайная гордость и любовь отца. От Евдокии Ингерины родился сын *Лев*, о котором сановная молва утверждала, будто мальчик приходился сыном императору Михаилу III — ведь и после замужества Евдокии на Македоняnine он не прерывал с ней близких отношений. Впоследствии у Василия родятся еще два сына — *Александр* и св. *Стефан*, а также четыре дочери — *Анна*, *Анастасия*, *Елена* и *Мария*. Конечно, в глубине души Македонянин был глубоко оскорблен тем, что ему, молодому и красивому мужчине, передали безнравственную женщину, дабы скрыть грехи царя. Еще более Василия угнетала мысль о том, что под именем его сына Льва скрывается плод грешной любви царя с Евдокией. Насколько справедливы были эти подозрения — невозможно ответить однозначно. Но Македонянин не скрывал, что всегда и во всем отдавал предпочтение своему первенцу и любимцу Константину, которого надеялся увидеть преемником.

Как рассказывалось в предыдущем повествовании, умертвив кесаря Варду, Василий удостоился титула «императора». Наконец, он убил Михаила III и стал новым василевсом римлян под именем **Василий I Македонянин**, венчавшись на царство 24 сентября 867 г. в храме Святой Софии.

Состояние Римского государства, в котором его застало начало царствования Василия I Македонянина, было в буквальном смысле слова плачевным. Казна оказалась пуста — царь продемонстрировал синклиту всего 3 кентария золота, хранившиеся в ней. Неудачные войны с арабами последних лет привели к потере Сицилии, Крита и многих малоазиатских владений. На Западе, в Италии, сарацины захватили почти все прежние византийские земли. Правда, имелись и свои плюсы. Благодаря самоотверженной позиции царицы св. Феодоры, иконоборческий кризис был окончательно преодолен. А греческий элемент, и ранее довлевший в культурной жизни Византии, укрепил свою окончательную гегемонию, хотя и допускал то «*содружество наций*», вследствие которого на царский престол всходили один за другим представители армянского и сирийского этносов. Да, территории Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской патриархий



были уже почти безвозвратно потеряны, но зато отпали проблемы, связанные с существованием параллельных церковных организаций несториан и монофизитов. Константинопольская патриархия стала Церковью единомышленников и лиц, принадлежавших в массе своей к одному — греческому — этносу.

Казалось бы, неграмотный император, до конца своих дней едва умевший писать, не в состоянии справиться со многими задачами, свалившимися на его плечи. Но, по счастью, в лице Василия Македонянина Византия получила прекрасного государя, заботливого и рачительного, мудрого и осторожного, своего рода *«благочестивого прагматика»*, который единственно и смог вывести Империю из смертельного пике.

В первую очередь император озаботился восстановлением государственной казны, причем проявил удивительную чуткость и распорядительность, а также нестандартность избранных путей решения проблемы. Собрав синклит (сенат) и представителей основных сословий, он провел решение о возврате денег лицами, ранее получившими их от покойного Михаила III по случайным основаниям. Эти дары справедливо были квалифицированы как *безосновательное вознаграждение*. И тут же явил свою царскую милость, разрешив возвращать не всю сумму, а только половину. В результате казна получила одновременно 300 кентариев золота, которые император направил на неотложные нужды. Затем царь провел ревизию личных средств своего предшественника и разыскал множество золота и украшений, которые приказал переплавить в слитки и отчеканить в монеты. Кроме того, по несколько туманному свидетельству летописца, обнаружилось несколько богатых кладов, зарытых некогда в землю, также поступивших в государственную казну¹⁰.

В отличие от Михаила III император Василий I проявил недюжинные способности к государственному управлению, проводя все дни в хлопотах о державе, бодрствуя ночами и не гнушаясь деталями, как истинный самодержец, отдавая себя всего без остатка Римской империи и народу. Хотя еще император св. Юстиниан Великий боролся с коррупцией и продажей должностей, эта болезнь продолжала жить в недрах византийского общества, нанося серьезный ущерб и авторитету власти, и народному благосостоянию. Теперь за решение этой задачи взялся Василий Македонянин. Нисколько не боясь последствий, император провел решение



о тотальной смене всех «кормленцев» на территории Римского государства, заменив их способными, хотя зачастую и неродовитыми людьми. Причем, в отличие от практики последних лет, все назначения происходили на безвозмездной основе. Его чиновники получили строжайший приказ блюсти правосудие и обеспечивать торжество закона, что в короткое время и было достигнуто. Опасаясь царского гнева и желая наилучшим образом исполнить его волю, правители фем буквально состязались друг с другом, чтобы обеспечить благоденствие своих территорий. Всякие взятки в судах решительным образом пресекались, налогообложение населения значительно облегчилось, и вскоре равноправие и справедливость были восстановлены повсеместно¹¹.

Однажды в Константинополе случился голод вследствие неурожая, и спекулянты из числа чиновных лиц тут же воспользовались этим, чтобы продавать государственный хлеб по завышенной цене. Когда император на Праздник Пасхи отправился в храм Святой Софии, встречавшие по пути царя константинопольцы начали ему выговаривать о злоупотреблениях с хлебом. Тогда, повинившись перед всем народом, царь вернулся во дворец, созвал городских чиновников и обрушил на них свой гнев. Спекуляции с хлебом моментально прекратились¹².

Кроме этого, царь реставрировал здание Халки, в котором организовал общий суд, куда помимо судов на периферии мог обратиться любой желающий. Опасаясь, что не все истцы и ответчики из низших сословий могут оставаться в Константинополе в течение судебного разбирательства, император положил всем им специальное пожалование, способное поддержать их материально. Сам василевс, когда предоставлялась свободная минута, неизменно отправлялся в Геникон, где располагалась государственная казна и царский суд. Попутно, анализируя судебную практику, император своевременно устранял пробелы в законодательстве. В частности, придя к выводу о том, что система записи налогов, как она сложилась в Римском государстве, позволяет сборщикам злоупотреблять своим положением, он приказал изменить ее, сделав более доступной и понятной для крестьян.

Обновленная Василием I судебная система оказалась настолько эффективной, что вскоре все спорные дела были разобраны. Дошло до того, что однажды император, по обыкновению, направился в суд, чтобы непосредственно убедиться в справедливости право-

судия, но никого в зале судебных заседаний не обнаружил. Македонянин решил, что, как это часто бывает, чиновники разогнали жалобщиков, и дал команду своей охране пройтись по столице в поисках тех, кто ищет защиты и правды в суде. Но таковых не оказалось! Счастливый император рухнул на колени и у всех на виду возблагодарил Бога, Который даровал ему разум и силы¹³.

Царь, воспитанный в бедной хижине крестьянина, оказался удивительно восприимчивым к образованию. По его приказу самые знаменитые педагоги давали ему уроки истории, политики, богословия, грамматики, риторики. Особый интерес Василия I вызывали лекции о военных походах и бывших полководцах. Император изучал их поведение, стратегию, сами биографии блистательных военачальников. Как благочестивый человек, Македонянин любил встречаться со святыми подвижниками, к которым, презрев царский сан, сам ходил пешком. Пример царя не мог не оказаться неким *эталонном поведении*, и многие сановники старались следовать ему¹⁴.

Желая во всем подражать своим кумирам, Македонянин организовал масштабное строительство храмов. При содействии своей бывшей любовницы Данилиды он воздвиг в Константинополе новые храмы в честь Спасителя, Архангела Михаила и Ильи Пророка. Затем император выделил большие средства для реставрации храма Святой Софии, а также повелел нанести мозаичные изображения Богородицы с Младенцем на руках, окруженной апостолами Петром и Павлом — по-видимому, первые в этом знаменитом храме Константинополя. Из своих личных доходов царь выделил большие средства для обеспечения клириков величественного храма, а также передал в собственность Церкви поместье Мантея, дабы «священные светильники не погасли». Вслед за этим были восстановлены храм Святых Апостолов, уже почти разрушившийся от старости, храм Богородицы в Пигах, а также храм Богородицы в Сигмах.

Наконец, под конец жизни в императоре проснулся литературный талант. Сохранилось два его политических сочинения, написанных в качестве руководства к действию для сына Льва — «Главы наставительные к сыну Льву» и «Другое наставление к сыну, императору Льву». Оба произведения имеют не только политический, но и нравственный характер, своего рода *руководство по практической морали*. Особое место в них занимает разъяснение статуса Римского



царя и его обязанностей. Василий Македонянин упорно проводил ту мысль, что для императора важнее всего — быть хорошим человеком и христианином, все остальное — вторично. Императорская власть понимается им как власть, врученная Богом, хотя, конечно, значение имеет и воля предшествующего василевса. Власть дана царю не для личного благополучия, а для *блага граждан*. Император обязан твердо верить в Бога, быть первым в добродетелях, образом Христа на земле, строгим в словах и клятвах. Император должен стать настоящим неписанным законом в глазах подданных. Поощрение здоровых общественных сил и борьба с вредными элементами составляют его главную задачу, как главы Римского государства. Царь должен помнить заповедь о блаженстве миротворцев, а потому следует замирать всякую борьбу в обществе. Василевс является и первым хранителем законов — неуважение к ранее изданным нормам неизбежно влечет неуважение и к вновь принятым правовым актам. Однако Македонянин не стремится к слепому следованию букве закона и требует, чтобы уважение к праву сочеталось со снисходительностью и уважением к достоинству человека. В таком духе написаны обе книги¹⁵.

В целом в считанные годы Империя преобразилась. Можно только поразиться тому, насколько богатой оказалась Византийская держава. Создавалось впечатление, что Константинополь *заново перестраивается* — все старые храмы, а также церкви, разрушенные землетрясениями, повсеместно восстанавливались. Это храм Св. Мокия, церкви в честь Апостола Андрея, Св. Романа, Св. Анны в Девтере, мученика Дмитрия, Св. Эмилиана, Богоматери в Равде, страстотерпца Назария, Воскресения Господня, мученицы Анастасии в портике Домиана, великомученика Платона, мучеников Эспера и Зои, мученика Акакия в Гептаскале, пророка Ильи в Петрии, святомученика Лаврентия в Пульхерианах. Кроме этого, император добавил пристройки к храмам Богородицы в Халкопратиях и Богородицы близ Форума Константина¹⁶.

Помимо храмов, приказом Василия I были воздвигнуты огромный триклиний у Маркиановой галереи, именовавшейся Пентакувикломом, поражавшая всех красотой и элегантностью молельня апостола Павла, молельня св. Варвары Мученицы, а также роскошные царские палаты возле Золотого триклиния. Рядом были возведены знаменитые римские бани. После этого были построены на личные средства царя, не желавшего тратить на это государствен-

ные деньги, императорское имение Мангам, а также царские палаты в Пигах. Македонянин возвел также громадное водохранилище, чтобы обеспечить столицу чистой питьевой водой¹⁷. Можно назвать еще не один десяток построек, возведенных Василием Македонянином, но вернемся к основному изложению.

Продолжая миссионерскую деятельность среди болгар и россов, начатую еще при императрице св. Феодоре, Василий I направил к Болгарскому царю св. Михаилу архиепископа для проповеди Слова Божия, что и решило вопрос о том, *какая* Церковь будет кормить Болгарию — Римская или Константинопольская. Желая предотвратить набеги россов, ставшие уже ощутимым бедствием для греков, император щедрыми дарами склонил их вождей к мирному соглашению, а затем направил к ним одного архиерея. Собрав вокруг себя старейшин росского племени, святой подвижник Православия прочитал несколько стихов из Евангелия о чудесах Иисуса Христа. Славяне заявили: «Если мы сами не увидим чуда, то не поверим в сказанное тобой». Архиерей взмолился Господу, а затем, обернувшись к вождям, сказал, что бросит Священное Писание в огонь, но оно не сгорит. Так и произошло: огонь погас, а книга лежала поверх пепла нетронутой. Эта сцена так потрясла россов, что многие из них сразу же пожелали креститься. По-видимому, это — первая описанная в летописи сцена крещения россов, сохранившаяся до нашего времени¹⁸.

Однако далеко не все сановники из числа высшей политической элиты с радостью встретили известие о воцарении Василия I Македонянина. И вскоре выяснилось, что два из них — некто Симватий (очевидно, зять покойного кесаря Варды) и Георгий Пиган — организовали заговор против императора, к счастью, своевременно раскрытый. По обыкновению того времени заговорщикам грозила смертная казнь, но император пощадил обоих, хотя и наказал. Чуткий к опасности, как и все люди, благодаря своим трудам пробившиеся на вершину политической власти, Македонянин решил гарантировать покой и себе, и своей семье.

Поэтому 6 января 870 г. он возвел на престол в качестве соимператоров сразу двух своих сыновей — Константина и Льва. Через некоторое время был приобщен к царству и малолетний Александр — третий сын Василия I. Сына св. Стефана, равно как и всех дочерей, царь приказал постричь в монахи и отдал в монастырь. Возможно, он руководствовался тем же соображением, что



некогда император Феофил, опасавшийся, что мужья дочерей сами начнут со временем претендовать на царство. Но нет сомнений, что пострижение малолетнего св. Стефана в монахи совершилось с личного согласия мальчика, и, как мы вскоре узнаем, царевич со временем сделает высшую духовную карьеру¹⁹.

Занимаясь делами государственного управления, строительством и приумножением государственной казны, император ни на минуту не забывал о своих воинственных соседях. Византийская армия по-прежнему включала в себя различные формирования, в том числе и наемные отряды, но фемное ополчение составляло основу вооруженных сил Империи. Проведя ревизию воинских списков, царь с тревогой обнаружил, что численность армии резко сократилась вследствие поражений последних лет и отсутствия должного финансирования. Нужно было срочно набирать новобранцев и гасить долги перед старыми солдатами, давно уже не получавшими жалованья за свои ратные труды. Как некогда великие императоры, прославившие римское оружие на поле брани, Македонянин лично проводил занятия со своим вновь сформированным войском, упражняя солдат «до седьмого пота», и восстановил строжайшую дисциплину. Наконец, приведя армию в боевую готовность, император решил, что наступила пора действовать.

Глава 2. Примирение с Римом. «Восьмой Вселенский» Собор 869—870 гг.

Как стало ясно уже буквально на следующий день после воцарения Василия I, Македонянин совершенно не собирался мириться с тем, что многие территории захвачены арабами, а потому исподволь начал готовить почву для проведения военных операций, преследующих своей целью возврат исконных византийских земель. Конечно, в одиночку такие смелые планы едва ли могли быть реализованы, а единственными *потенциальными* союзниками в борьбе с сарацинами на Западе являлись потомки Карла Великого. В свою очередь попытки привлечь их к своим планам для Василия Македонянина означали непременно примирение с Римским папой, имевшим на франков серьезное влияние. Это примирение было тем более необходимо, что Западная Римская империя уже давно не представляла единого политического тела,

и лицо, носившее на Западе титул «императора», не обладало единоличной властью. Только папа мог стать центром интеграции усилий всех западных государей, их представителем в переговорах с Константинополем. Императору нужен был лишь *повод* для мирных инициатив с папой, который нашелся очень быстро.

Выше уже отмечалось, что в течение нескольких лет наиболее грозным врагом Македонянина являлся кесарь Варда — близкий друг и благодетель Константинопольского патриарха св. Фотия. Трудно предположить, что отношения патриарха с молодым сановником отличались добросердечностью, и уже тем более они не могли улучшиться после того, как Варда пал от руки Василия. И архиерей стал первой жертвой затеянной императором политики примирения с Римом, уже 25 сентября 867 г. низвергнутый царем со своей кафедры. Правда, *сплетничали*, будто накануне патриарх отказал императору в причастии, за что и поплатился, но эти слухи мало похожи на правду. Ведь совершенно очевидно, что Василию I не было необходимости создавать повод для смены патриарха — как полновластный правитель Римского государства, он с полным основанием *единолично* решал такие вопросы. Безусловно, царь не мог не понимать, что его шаг будет с восторгом встречен на Западе, где св. Фотия уже заочно анафематствовали.

Оставался актуальным вопрос — *кто* должен стать преемником св. Фотия, но и здесь затруднений не встретилось: император не упускал из виду фигуру низвергнутого патриарха св. Игнатия, за которого ранее бесперспективно заступался Римский епископ Николай I. Поскольку понтифик не признал каноничным низвержение св. Игнатия, казалось совершенно естественным вернуть того на столичный престол и тем самым пойти навстречу апостолику. Этот шаг казался правильным и с тем учетом, что «друг монахов» пользовался большим авторитетом среди рядовых византийцев. Патриарх из царского рода, ярый противник иконоборцев, благочестивый страдалец — все эти качества не могли не привлекать к нему простых христиан. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что для многих, очень многих византийцев св. Игнатий ассоциировался с императрицей св. Феодорой, а св. Фотий — с малопопулярным императором Михаилом III²⁰.

Через два месяца после удаления св. Фотия в монастырь Сретения, что располагался на берегу Босфора, император и св. Игнатий, восстановленный в патриаршем достоинстве царем, направили



письмо папе Николаю I, которого к тому времени уже сменил папа *Адриан II* (867—872). Македонянин уведомлял понтифика, что крайне обеспокоен состоянием Восточной Церкви и потому решил лечить ее. «Одну часть врачевания», по выражению царя, он уже совершил — имелось в виду удаление св. Фотия, «прегрешившего против истины и Рима». Теперь осталось уврачевать другую сторону: император напрямую предлагал папе поддержать восстановление св. Игнатия и организовать суд над епископами, представленными бывшим патриархом.

Если послание императора не выходило за рамки традиционной вежливости, то письмо св. Игнатия поражало позицией, какую тот занял. Патриарх с начала письма именовал понтифика «единственным врачом в Церкви», которому принадлежит *исключительная власть*, как преемнику апостола Петра. Дальнейшее содержание письма выглядит откровенной капитуляцией — все, за что боролся св. Фотий, было отдано без боя и с немалыми унижениями. «Того, кто противозаконно присвоил себе не принадлежащее ему, кто похитил чужое достояние, кто, подобно вору, не в дверь, а в окно проник в овчарню, — писал о св. Фотии новый патриарх, — того твоя святость, папа, через мощное вмешательство твоей первосвященнической и апостольской власти, отсекала от общего тела Церкви, и подражая ревности главы апостолов, приговором твоих могущественных слов умертвила. А нас, претерпевших тяжкую несправедливость, ты, в силу твоей строгой справедливости и твоей братской любви, удостоил твоего праведного суда, возвратил нас нашей Церкви и нашей кафедре»²¹.

Хотя эти письма были настоящим елеем для сердца апостолика, Рим довольно долго хранил молчание. И дело заключалось не только в желании лишний раз подчеркнуть таким способом статус папы — просто Адриан II решил созвать Собор на Западе для заочного осуждения св. Фотия. Можно было, конечно, ограничиться и старым поводом, но нашлась новая причина — в 868 г. св. Фотий разослал окружное послание всем восточным архиереям, в котором жестоко критиковал *Filioque*, опресноки, субботний пост и другие римские нововведения²². Конечно, Собор осудил свергнутого Константинопольского архиерея: всем было ясно, что это — дело техники.

Только летом 869 г. в Константинополь прибыли три папских легата — епископы Донат и Стефан и диакон Марин. Прибытие

легатов происходило в обстановке большой торжественности: еще в Фессалониках их встречали спафарии, а затем от императора прислали 40 лошадей, серебряную утварь и большое количество прислуги. В субботу, 24 сентября 869 г., легаты прибыли в крепость Стронгил возле Константинополя, а наутро совершили парадный въезд в греческую столицу. Они имели несколько аудиенций у Римского царя и уведомили Василия I, что не допустят участия в предстоящем Соборе восточных епископов, *заранее* не подписавшихся под папской формулой («*libellus satisfactionis*»), которую они торжественно произнесут на первом заседании. Но эта атака по закреплению папской практики в качестве обязательной для Восточной Церкви тут же наткнулась на императора, который просто заявил, что прежде голосования нужно познакомиться с документом, переведя его на греческий язык. Латиняне уступили, и началась подготовка к намеченному Собору²³.

Собор открыл свою работу 5 октября 869 г., в среду, в храме Святой Софии в торжественной обстановке. Но собрать внушительный кворум не удалось: в зале присутствовали папские легаты, 12 высших сановников Римского государства, и всего... *12 (!) епископов* от Восточной Церкви — безусловные сторонники патриарха св. Игнатия и враги св. Фотия. Уже это обстоятельство наглядно демонстрировало, насколько непопулярной была идея воссоединения Римской и Константинопольской кафедр на условиях, продиктованных папой. Пожалуй, ни один совместный Собор Западной и Восточной Церквей не имел такого узкого представительства. Председательствовали римские легаты, *разрешившие* св. Игнатию войти в зал, как Константинопольскому патриарху.

Вначале была зачитана краткая речь императора участникам собрания, в которой Василий I увещевал епископов забыть свои личные интересы и принять необходимые меры по уврачеванию Церкви. Это было величественное по своему смирению письмо, тональность которого не могла не понравиться папским легатам. Император наподобие святого царя Давида публично каялся в своих ошибках и просил прощения для блага Церкви и Римского государства.

«Нет ничего постыдного в том, — писал Василий I, — чтобы являть свои раны и искать покаяния и исцеления. Нет стыда в том, братия, чтобы простираться ниц пред Богом. Пред Ним простираются те, кто подчиняет себя Церкви и Святым Отцам. Разве вы



испытываете от этого стыд, чтобы я был бы для вас образом такого смирения, я, кто не имеет ни мудрости, ни знания, для вас, которые суть мудрецы и преславные учителя? Я, который погружен в свои грехи, пред вами, чистыми, являющими добродетель, я бросаюсь пред вами на землю первым. Наступайте на мое лицо, попирайте мои глаза, не беспокойтесь о том, что вы топчете спину императора. Я же готов претерпевать всякое, дабы увидеть единство всяческих»²⁴.

Затем, следуя устоявшейся традиции, сановник Ваанис предложил подтвердить полномочия представителям апостолика и остальных патриархов, но это законное требование неожиданно вызвало растерянность и протест легатов. Они заявили, что такое требование является *нововведением* (!) и подрывает авторитет папы. Чтобы сгладить неловкость, Ваанис стал объяснять, будто преследует благие цели, чтобы не случилось, как ранее на «Двукратном» Соборе 861 г., когда понтифик не утвердил решения собственных посланников. Только после этого объяснения легаты предъявили письмо папы императору, которое и было зачитано под восторженные выкрики св. Игнатия и его сторонников.

Но еще большие волнения ждали императорских сановников впереди, когда дело дошло до подтверждения полномочий местоблюстителей двух восточных патриархов. От их лица выступил Иерусалимский пресвитер и синкелл Илия. Пресвитер заявил, что он и митрополит Тирский Фома, представлявший Антиохийского патриарха, хорошо известны императору и присутствующим епископам. Поскольку Антиохийская кафедра вдовствует, добавил он, то митрополит Фома не нуждается ни в какой доверенности и служит *сам для себя* (!) авторитетом. Относительно собственной персоны Илия представил письмо Иерусалимского патриарха Феодосия (862—878) на имя Македонянина, в котором архиерей уведомлял царя о поездке Илии в Константинополь... для решения вопроса *об обмене пленных сарацин* по приказанию эмира Ахмета (!). Конечно, никоим образом такие полномочия не корреспондировались с предметом соборного обсуждения. Но «игнатиане» и легаты сделали вид, что удовлетворены таким «подтверждением»²⁵.

С грехом пополам начали работу, и первыми получили слово римские легаты, зачитавшие папскую формулу воссоединения Церквей. Формула эта без всяких околичностей требовала признать Римского папу главой Кафолической Церкви. В послании

папа уведомлял также, что анафематствовал св. Фотия и епископа Григория Сиракузского, их последователей и сообщников, Собор 858 г., Двукратный Собор 861 г. и Собор 867 г., отлучивший Римского папу Николая I от Церкви. Папа напрямую указал, что св. Фотий хиротонисан незаконно, а потому признает Константинопольским патриархом только св. Игнатия. Закончив чтение, легаты потребовали, чтобы все присутствующие епископы поставили под формулой свои подписи²⁶. Восточные епископы исполнили данное требование под зорким приглядом императорских сановников, из чего само собой выходило, что св. Фотий *уже осужден* (!) до суда. Но и здесь «не заметили» нарушения канонического порядка низложения патриарха.

Ваанис попытался в очередной раз сгладить неловкость, задав легатам вопрос: как св. Фотий мог быть осужден в Риме, если он туда не приглашался и на Соборе не присутствовал? На что получил ответ, согласно которому папа Николай I *сам осудил* патриарха на основе их переписки (!). Этот же вопрос был обращен и в адрес патриарших представителей — митрополита Фомы и синкелла Илии. Без всякого стеснения Илия ответил от них обоих, что неканоничность возведения св. Фотия на патриаршество — несомненный факт и *не нуждается в отдельном доказывании* (!). На этой ноте Собор закончил первое свое заседание²⁷.

Второе заседание Собора состоялось 7 октября 869 г. и было столь же малочисленным, что и первое, и еще более неприглядным по содержанию. Принимали в общение епископов, ранее состоявших в лагере св. Фотия, — всего 10 архиереев. От имени этой группы епископ Феодор Карийский представил записку, в которой живописал якобы имевшие место гонения на них со стороны опального патриарха. Что и подвигло их на измену св. Игнатию, как объяснил он. В конце своей речи эти лица дали обещание не вступать в общение со св. Фотием и соглашались понести любое наказание, какое им вынесет папа Адриан II и св. Игнатий. Их простили, и св. Игнатий возложил на них свой омофор со словами из Евангелия (Ин. 5, 14): «Вот ты выздоровел, не грехи же, чтобы не случилось с тобой чего хуже». Затем с покаянием явились 11 пресвитеров, 9 диаконов и 6 иподиаконов. Все подписали папскую формулу и были приняты в общение. На них наложили небольшую епитимию, должную, скорее, служить примером для всех остальных, чем реальным наказанием за содеянные «грехи».

Третье заседание произошло 11 октября 869 г., и на нем присутствовало уже 23 епископа Восточной Церкви. Открылось без труда, что, желая какими угодно средствами увеличить число присутствующих архиереев, организаторы Собора привлекли и тех, кого приняли в общение на прошлом заседании. Делалась даже попытка привлечь к Собору двух епископов, рукоположенных еще при Константинопольском патриархе св. Мефодии: Феодула Анкирского и Никифора Никейского. Но те категорично отказались участвовать в данном судилище, хотя и обосновали свой отказ в уклончивой форме, заявив, что не имеет смысла подписываться под папской формулой, поскольку при посвящении они уже излагали Символ Веры. Стало ясно, что говорить больше не о чем, и в оставшееся время участники перечитывали переписку императора Василия I и св. Игнатия с папами²⁸.

После того как необходимая почва была подготовлена, Собор решил наконец-то изучить дело самого св. Фотия. В принципе при том беззаконии, которое творилось на его заседаниях, необходимость в этом уже отсутствовала. Но в дело вмешались два обстоятельства: во-первых, «игнатианам» и папским легатам очень хотелось окончательно унизить свергнутого патриарха; а, во-вторых, неожиданно возникла необходимость исследовать дело тех епископов и клириков, которые не желали признавать св. Игнатия Константинопольским патриархом. Этому вопросу и было посвящено четвертое заседание Собора, состоявшееся 13 октября 869 г.

Патрикий Ваанис сделал заявление о том, что два епископа — Феофил и Захария, бывшие в составе посольства в Рим для уведомления папы Николая I о посвящении св. Фотия патриархом, уверяли, будто понтифик принял того в общение. Поэтому Ваанис предложил пригласить этих архиереев и доказать им, что их слова лишены основы. К ним направили делегацию, которой Феофил и Захария заявили, что не считают св. Игнатия своим патриархом. Члены Собора воскликнули: «Так пусть и они разделят жребий св. Фотия!» Но Ваанис не удовлетворился таким ответом, заявив, что нельзя св. Фотия считать осужденным, не сделав ни одной попытки пригласить его на заседание Собора, — совершенно справедливое мнение, не понятое легатами. Те искренне полагали, что, осудив бывшего патриарха, папа уже совершил окончательное осуждение; но восточный епископат все же думал иначе. Легаты упрямылись,

Ваанис настаивал на своем. Он даже высказал в адрес папских представителей угрозу: если св. Фотий не будет приглашен на Собор, то не станет подписывать от имени императора соборные акты.

Безусловно, эти грозные заявления были сделаны после предварительной консультации с Василием I, *втайне* совершенно не желавшим признавать абсолютную власть Римского епископа и нарушать каноничную процедуру суда над патриархом²⁹. Его активно поддержали даже «игнатиане», прекрасно понимавшие, что только благодаря Василию I стало возможным восстановление св. Игнатия на патриаршестве. Весь малочисленный Собор начал, к удивлению неподготовленных к такому обороту легатов, восклицать: «Определяем, чтобы подлежащие суду были вызваны на Собор, и чтобы суд был в их присутствии; им нужно дать право защиты!» Единственным утешением легатам стали льстивые слова, что суд папы — непреложен, а сами восточные епископы почитают их «как пророков». Все-таки папские посланники попытались мягко протестовать, спросив: «Разве осуждение папы неизвестно св. Фотию и остальным епископам?» Ведь раз произнесенное суждение папы не может быть никем отменено («*Roma locuta res decisa*»). Но получили ответ, что осужденные своими ушами не слышали его и потому должны быть приглашены на суд. Наконец легаты сдались, опасаясь остаться в полном одиночестве³⁰.

Была отправлена делегация к «фотианам», из которых почему-то пригласили только уже знакомых нам епископов Феофила и Захарию. К великому недовольству легатов, те стали утверждать, что во время посещения Рима сослужили с папой Николаем I Божественную Литургию, а если понтифик принял их в церковное общение, то, следовательно, признал и св. Фотия патриархом, как его посланников. Возник длительный спор, полный противоречивых свидетельств и ложных клятв со стороны беспринципного синкелла Илии. Устав от словопрений, участники Собора предложили Феофилу и Захарии подписаться под папской формулой, но те и слышать об этом не хотели. Разъяренные легаты воскликнули: «Тогда выбросьте их вон!» — и «фотианских» епископов удалили из зала заседаний. Так завершился очередной день³¹.

На пятое заседание Собора, случившееся 20 октября 869 г., был наконец вызван приказом императора сам св. Фотий. Впрочем, это распоряжение царя вызвало новое замешательство у легатов, которые долго выясняли: пожелал ли бывший патриарх сам предстать

перед Собором или нет? На это никто не смог ответить определенно, но все же решили направить делегацию для вызова подсудимого на суд. И здесь легаты попытались унижить св. Фотия, настаивая, чтобы к нему, *как мирянину*, направили светских лиц. Но остальные епископы не согласились с ними. Члены делегации пришли к монастырю, где пребывал отставной патриарх, и пригласили того на суд, на что св. Фотий ответил, что по доброй воле не пойдет, а только по принуждению (приказу). Ответ, переданный Собору через делегацию, вызвал настоящие волнения: легаты возмущались, но остальные участники вынуждены были составить приглашение в письменном виде, которое еще дважды направлялось св. Фотию. В конце концов св. Фотий ступил на порог храма Святой Софии и сразу же попал под допрос римских легатов, вопрошавших: готов ли он принять приговоры Николая I и Адриана II? Но святой патриарх молчал. Когда его спросили о мотивах молчания, св. Фотий ответил, что Господь слышит его голос. Ему пригрозили: «Своим молчанием ты не оправдаешься», на что получили ответ: «И Иисус молчанием не избегнул осуждения».

Эти слова привели легатов в ярость — они нашли их богохульными. Легатов в очередной раз активно поддержал все тот же синкелл Илия. «Соборяне» неистовствовали, св. Фотий молчал. Спустя какое-то время Илия выступил с обвинительной речью, в которой, впрочем, не было ничего нового, кроме оскорблений. Затем начались увещания в адрес подсудимого признать св. Игнатия патриархом и принять суд Римского папы — св. Фотий молчал. Желая убедить св. Фотия, что спасения ему ждать неоткуда, а потому следует уступить и тем самым облегчить свою участь, Ваанис сказал: «К какому суду ты мог бы обратиться потом? В Рим? Но здесь уже сидят папские легаты. На Восток? Но здесь присутствуют патриаршие представители». На это не без благородства и смирения перед волей Бога св. Фотий ответил: «Мое оправдание не от мира сего; если бы оно было от мира сего, вы бы его услышали». Однако и сейчас участники Собора побоялись его осудить, дав срок для размышления. На этом заседание завершилось³².

Следующее, шестое, заседание Собора состоялось 25 октября 869 г. и ознаменовалось личным присутствием императора Василия I Македонянина. Видимо, желая своим видом восполнить численный недостаток епископов, царь внял просьбам «игнатиан» и прибыл на Собор. С его приходом число епископов несколько

увеличилось и достигло 36 персон — все равно ничтожно мало для «Вселенского» Собора, как его пытались представить римские легаты и новый Константинопольский патриарх. Верные своим убеждениям в абсолютном характере власти понтифика, легаты начали настаивать на скорейшем признании св. Фотия низвергнутым, но император имел свои расчеты и не стал торопить события, повелев вновь вызвать св. Фотия и его сторонников на Собор.

Начались уговоры «фотиан», не принесшие, однако, успеха. Наиболее близкие св. Фотию лица — Евсхимон, митрополит Кесарии Каппадокийской, и епископ Халкидонский Захария — произнесли великолепные речи против всевластия папы, чем вызвали негодование участников. «Вы — *миряне*, — кричали из зала, — и вас пригласили не для того, чтобы вы лаяли на нас и городили вздор!» Дальнейшее заседание сбилось с намеченного сценария: император начал спорить с «фотианами» по посторонним вопросам, желая доказать, будто св. Фотий потворствовал императору Михаилу III в бесчинствах и богохульстве — очевидная ложь, *нужная* Македонянину, чтобы хоть как-то придать моральное обоснование своему неблагоприятному поступку (убийству императора). Легаты, которым надоели эти дискуссии, предложили «фотианам» принять папскую формулу и признать св. Игнатия патриархом — те категорично отказались³³.

Тогда попытались опровергнуть аргументы, высказанные Захарией Халкидонским — особенно старался друг св. Игнатия Митрофан Смирнский, но малоубедительно. Затем император произнес длинную речь, в которой вновь мотивировал созыв Собора желанием уврачевать Церковь, и речь произвела на легатов большое впечатление. Эта речь, говорили они, *более приличествует епископу, чем императору*. Но практического результата выступление царя не дало — сторонники св. Фотия остались на своих позициях. Собор дал им 7 дней на размышление, угрожая по окончании этого срока анафематствовать упорных епископов. К немалому сожалению «игнатиан» и легатов, шестое заседание вновь не принесло им успеха³⁴.

29 октября собрались на седьмое заседание, и опять в присутствии императора. На Собор вновь явился по приказу царя св. Фотий. Когда Ваанис поинтересовался, готов ли тот подчиниться Собору, св. Фотий предложил самим легатам покаяться в их прегрешениях, как лицам, нарушившим канонический поря-

док судопроизводства. Конечно, это вызвало бурное негодование со стороны латинян. Они заявили, обращаясь к императору, что прибыли в Константинополь не для того, чтобы сносить оскорбления, а судить виновных. Поднялся шум, причем наибольшую активность вновь проявил синкелл Илия. Но св. Фотий опять не смирился перед несправедливым судом, отказавшись признать папскую формулу и свою вину. Его сторонники, среди которых выделяются монументальные фигуры Захарии Халкидонского, Иоанна Ираклийского и Амфилохия Иконийского, также отказались признать папскую формулу. Снова и снова пытался Ваанис поймать подсудимых на противоречиях, но ничего не выходило.

Были прочитаны письма пап Николая I и Адриана II, затем с большой речью выступил сам св. Игнатий, расхваливавший Римского понтифика и императора, который, по его мнению, выступал в роли *послушного сына* «непогрешимого» апостолика. Наконец, после всех велеречий, Собор анафематствовал св. Фотия: «Фотию, придворному и узурпатору, анафема! Фотию, неофиту и тирану, анафема!» и т.д. Завершились анафематствования гадкими стишками в адрес св. Фотия, а также анафематствованием всех «фотиан». Примечательно, что приговор св. Фотию и его сторонникам был подписан присутствующими епископами не чернилами, а *евхаристической кровью*, в которую макали перо. После этого закончилось седьмое заседание³⁵.

Хотя главное дело было сделано, Собор продолжил свою работу, имея еще три заседания. Сославшись на то, что предыдущие Соборы принимали решения под давлением насилия (очевидный намек на императора Михаила III), решили акты этих собраний сжечь. Затем как символ единения Западной и Восточной Церквей были приглашены на заседание последние иконоборцы, которых оказалось всего четыре человека. Собственно говоря, этим и завершилось восьмое заседание.

Затем наступил длительный перерыв на три месяца, вызванный следующими причинами. Во-первых, до сих пор не прибыл местоблюститель Александрийского патриархата, и в его отсутствие Собор никак не мог быть признан «вселенским», поскольку по уже сложившейся канонической традиции полагалось присутствовать *всем* патриархам Кафолической Церкви. Во-вторых, всех смущало чрезвычайно малое число присутствовавших епископов, которых не набралось даже к концу последнего заседания более сорока.

Лишь 12 февраля 870 г. Собор продолжил свою работу (9-е заседание), имея в штате 26 митрополитов и около 40 епископов. Первым делом подтвердили полномочия прибывшего наконец-то представителя Александрийского патриарха *Михаила* (859—871) архидиакона Иосифа, но и тут не обошлось без неприятностей для св. Игнатия и «игнатиан». Патриарх написал, что по причине удаленности своего города мало знает о деле св. Фотия, но полагает, что *оба они* — и св. Фотий, и св. Игнатий — достойны патриаршества. «Пусть же выберет император, как глава и учитель Кафолической Церкви», — подытожил Александрийский архиепископ. Недовольны были и легаты, которым мало понравились тезисы о главенстве императора в Церкви³⁶.

И вновь, как раньше, начался разбор «Двукратного» собора 861 г. с целью обелить св. Игнатия и окончательно унижить св. Фотия. Вызывали свидетелей и участников того собрания и поочередно заставляли лгать на опального патриарха. Эти детали настолько неприглядны и даже омерзительны, что можно с легкостью оставить их вне нашего рассмотрения.

Здесь же возник еще один острый вопрос — о церковном подчинении Болгарии. В свое время царь св. Михаил рассорился с греками и обратился к папе Николаю I со 106 вопросами относительно устройства церковной жизни. Среди прочих там присутствовали такие вопросы, как, например: можно ли христианину иметь несколько жен, позволительно ли ему носить штаны и иметь рабов и т.п. Причем царь задавал очень тревожный для понтифика вопрос: можно ли Болгарии иметь своего *патриарха*? Несмотря на внешнюю простоту вопросов, касавшихся самых рядовых и обыденных проблем, в письме сквозило резкое раздражение Болгарского царя поведением византийских клириков, постоянно вмешивавшихся в политическую жизнь болгар. Святой Михаил начал небезосновательно опасаться, что претензии Константинопольского патриарха лишают его надежд на церковную автономию Болгарии³⁷.

Но едва ли римская альтернатива могла принести ему больше выгод. На письмо Болгарского царя апостолик отвечал уклончиво, что сейчас же готов отправить им епископа, чтобы тот изучил край; и лишь после этого можно будет решать вопрос о патриаршестве. Разумеется, папа совершенно не собирался предоставлять болгарским неофитам столь широкие церковные полномочия, и осознание этого факта св. Михаилом не заставило себя ждать³⁸. Воз-

ники и другие неприятные моменты. Когда на смену греческим епископам пришли римские архиереи, выяснилось, что болгары рано радовались: их царь просил папу назначить Болгарским архиепископом Формоза, а тот категорично отказал ему в просьбе, полагая, что выбор кандидата — его прерогатива. Латиняне категорично заявили, что крещение, совершенное греческими пресвитерами, не благодатно, а потому все болгары должны перекреститься у римских священников. В конце концов все закончилось договором между св. Михаилом и Василием I Македонянином, согласно которому болгары приняли греческую юрисдикцию³⁹.

Теперь на Соборе легаты жестко стояли на том, что окормлять Болгарию духовно вправе исключительно Римский престол, против чего не менее категорично возражали восточные епископы. Затеялся спор уже между единомышленниками в деле посрамления св. Фотия, и греки припомнили некоторые обстоятельства, должны судить об ошибках Римского епископа. Однако для них ушатом холодной воды стали слова папских послов: «Апостольская кафедра не выбирала вас своими судьями. Вы ниже папы, и судить его вам не пристало, потому что один папа имеет право судить все другие Церкви». В ответ константинопольцы, словно забыв, что только что папские посланники и греки именовали друг друга единомышленниками, отвечали, что неприлично латинянам, *отпавшим от Греческой церкви и отдавшимися во власть франкам (!)*, поставлять епископов на территории Византийской империи. Поскольку Болгария — исконная имперская территория, то и окормлять ее должна Восточная Церковь.

Дискуссия достигла своего апогея, и тогда легаты напрямую обратились к св. Игнатию: «Тебя, патриарх Игнатий, именем Бога и Его Ангелов заклинаем, чтобы ты, сообразно с посланием папы Адриана, который восстановил тебя в должности, не вмешивался в дела Болгарии и не посвящал никого для этой страны и не посылал туда кого-либо из духовных лиц». Патриарх, попавший в неловкую ситуацию, не посмел перечить легатам, но и не рискнул открыто выступить против собственного клира. Он ответил неопределенной фразой, что будет остерегаться всего того, что может послужить к оскорблению Римского папы. Подумав, архиерей добавил: «Я не так молод и не так стар, чтобы позволить себе нечто несообразное со справедливостью». На этом прения и завершились⁴⁰.

В конце концов 28 февраля 870 г. состоялось последнее, десятое, заседание Собора. Попытались сделать его максимально пышным, и для этого туда прибыл император Василий I и его сын Константин, патриарх св. Игнатий, 108 архиереев, 20 патрициев, послы Болгарского царя, 3 посланника Западного императора *Людовика II* (855—875). Были торжественно зачитаны каноны, которые рекомендовалось принять. В латинском переводе значилось 27 правил, в греческом — 14. Понятно, что значительное число канонов было направлено против св. Фотия и его сторонников: их не только не признали духовными лицами, но и запретили преподавать науки и писать иконы — замечательное свидетельство интеллектуального уровня «фотиан». Затем «прошлись» по св. Фотию, запретив возводить в ускоренном порядке светских лиц в епископы, положив минимальный срок для этого 10 лет.

Особое внимание было уделено максимальному ограничению влияния императора на церковные дела. Было определено, что избрание епископов осуществляется впредь только на Соборе архиереев, причем ни царь, ни его представитель не должны там присутствовать *под угрозой анафемы* (!). Императору было также запрещено препятствовать епископам собираться на Соборы, на которых он к тому же не имел права присутствовать. Царю разрешалось посещать лишь Вселенские Соборы в память о старой традиции, но лишь в качестве *наблюдателя*. Для ограждения чести епископов было определено, что отныне никакой архиерей не должен слезать с лошади, увидев царя, или кланяться ему при встрече. Наказание в таком случае ожидало и императора, и епископа. Едва ли Василий I Македонянин ожидал такого наступления на свои прерогативы. Впрочем, его ждало еще последнее унижение. По традиции он пожелал подписаться после всех епископов, тем самым *утверждая* соборные решения, но легаты настояли, чтобы его подпись стояла после патриарших, но *до* епископов⁴¹.

Правда, и легатов ждали большие неприятности. Весной 870 г. они тронулись в обратный путь, но по дороге были взяты в плен пиратами и ограблены. Папа не скоро узнал об их печальной судьбе, но его попытки выкупить собственных послов долгое время не удавались. Только в декабре 870 г. легаты, нищие и раздетые, возвратились в Рим, не имея на руках даже самих соборных актов, которые так страстно желал увидеть папа Адриан II. Ждало разочарование папу и по «болгарскому вопросу»: едва завершился Собор,

как греки заключили договор с Болгарским царем, и все угрозы папы оказывались тщетными⁴².

А что же низвергнутый патриарх и «фотиане»? Святой Фотий не признал полномочий митрополита Фомы и синкелла Илии: «Никогда не бывало, чтобы посланники нечестивых измаильтян преобразовались в мужей священноначальных, чтобы им предоставлялись патриаршие права и объявлялись они представителями Собора». Не признал он и самого Собора, который назвал «варварской засадой», «комедией», «покрывалом стыда». Действительно, Собор, весь сотканный из *политического полотна*, имевший для императора Василия I значение только в части примирения с Римским епископом и объединения сил для борьбы с арабами, едва ли можно отнести к жемчужинам соборного творчества.

Ценой унижения св. Фотия и всей Восточной Церкви царь решил *конкретную задачу*, но плата за этот мимолетный успех оказалась слишком высока. Константинопольский клир, и так до сих пор без особого восторга наблюдавший за попытками понтификов узурпировать власть в Кафолической Церкви, теперь окончательно убедился, что Запад и Восток разъединяет гораздо большее, чем сближает. Именно эта пиррова победа папы Адриана II предопределила последующий раскол Церквей, ставший уже почти неизбежным. И император понял — правда, довольно поздно, — что попытки расплатиться за политические успехи головой Константинопольского патриарха ведут к умалению достоинства самого Римского царя. Разве кто-нибудь мог себе представить перед началом Собора, что его каноны так унижат императора? Неужели когда-нибудь позволялось так откровенно и публично «ставить на место» главу Вселенной, наследника Римских владык? Неудивительно, что вскоре симпатии императора Василия I резко изменятся. И время, как мы увидим, расставит все на свои места.

Глава 3. Война с арабами. Девальвация императорства на Западе

Внешнее положение Римской империи в те годы было далеко не однозначным. *На время* болгарская и восточная границы оставались спокойными, и правитель Армении *Ашот Багратуни* (859—891), добившийся в 859 г. независимости от арабов, выступал

своего рода буфером между двумя народами, получая, как нейтральная сторона, царский венец и от арабов, и от Византийского императора.

А в марте 870 г. Болгария и Византия заключили мирный договор, который включал нормы, регулирующие церковные отношения. В частности, Болгария была признана архиепископией, хотя подчиненной Константинопольскому патриарху, но с широкой автономией и высоким статусом. Достаточно сказать, что в списке священноначалия Восточной Церкви Болгарский архиепископ занимал почетное 16-е место, в то время как византийские митрополиты и архиепископы занимали 58, 59-е и последующие места⁴³. Сын царя св. Михаила *Симеон* поселился в Константинополе, где получал образование наравне с императорскими детьми. Как следствие, Империя могла в течение 20 лет отдыхать, не опасаясь никаких неприятностей от воинственных соседей⁴⁴. В свою очередь мир был нужен и Болгарскому царю св. Михаилу, чтобы укрепить Церковь в своей стране. И, надо отдать должное, «коварные» греки также ни разу не нарушили условий этого договора⁴⁵.

Помимо этого, Василию I удалось заключить мирный договор с россамы, вождям которых он подарил много шелковых тканей, золотых и серебряных украшений, а те в ответ приняли архиепископа, рукоположенного св. Игнатием и получившего благословение на проповедь Слова Божия в далекой северной стране. Славяне, поселившиеся в Греции, Македонии, Адриатике, усмирненные еще при императоре Михаиле III, склонялись к близости с Византией, и ее культурное влияние начинало играть все большую роль. Вставал еще вопрос об отношениях с Венецией. Как Римский император, Македонянин был, конечно, недоволен тем, что Венеция уже фактически вышла из состава Империи, но ввиду арабской опасности в Италии он вынужденно мирился с этим обстоятельством.

Положение дел в Аббасидском халифате было далеко не однозначным. Только что прошла череда дворцовых переворотов, наглядно продемонстрировавших силу турецких гвардейцев и слабость их хозяина — халифа. После смерти самого молодого халифа в истории мусульманского мира *аль-Мутазза Биллаха Мухаммада ибн Джафара аль-Мутаваккиля* (867—870), довершившего внутренний разгром системы управления и ввергнувшего страну в хаос братоубийственной войны, ситуация заметно улучшилась героическими усилиями последующих правителей мусульманского мира.

В 870 г., после того как аль-Мутазз отказался от престола и погиб, его сменил *аль-Мухтади Биллах Муххамад ибн Харун аль-Васик* (870—871) — по виду робкий и нежный молодой человек, большой поклонник богословия. Турки обеспечили избрание его новым халифом, будучи абсолютно уверены в том, что тот станет их марионеткой. Увы, они горько ошиблись: это был человек с железным характером и невероятной волей, способный согнуть и сломить любого врага. Турки к этому времени настолько разложились от безделья и богатств, что уже не представляли организованных подразделений, подвластных своим командирам. А потому аль-Васик решил действовать немедленно⁴⁶.

К сожалению для него, реализация замыслов наткнулась на интересы двух полководцев, решивших избавиться от своего правителя, — Салиха ибн Васифа и Мухаммеда ибн Буге. Вместо того чтобы направиться на подавление мятежных хураджитов, они повернули свои армии против халифа. В окружении верных берберов с обнаженной саблей халиф отбивал атаки изменников, которым помогали турки; но в конце концов был взят в плен. Напрасно, однако, турки пытались пытками вынудить его отречься от престола — халиф мужественно принял смерть. Однако его гибель была не напрасна — героическое поведение аль-Васика пробудило национальную гордость арабов и подорвало уверенность (или, правильнее сказать, наглость) турецких военачальников.

Новым халифом правоверных стал представитель семьи Мутаваккилей, брат покойного халифа аль-Мутазза *аль-Мутамид Алялах Ахмад ибн Джафар аль-Мутаваккиль* (871—892). Как и многие другие халифы, рожденный от невольницы своего отца, аль-Мутамид вел довольно спокойный образ жизни, уделяя внимание главным образом развлечениям. Но у него был замечательный советник и помощник — родной брат аль-Муваффак, умный, энергичный и сильный человек. Влияние аль-Муваффака было столь велико, что на пятничных молитвах его имя упоминалось наравне с халифом. Благодаря его усилиям турки присмирели, а некоторые наиболее одиозные мятежники разбиты. Впрочем, как это обычно бывает, отношения между братьями через некоторое время испортились, и халиф даже перебрался из Самарры в Багдад, опасаясь, что брат умертвит его и наследует престол⁴⁷.

Лучшие арабские правители предпринимали титанические усилия, чтобы сохранить целостность Халифата, но их усилия

пропадали втуне: государство медленно, но верно разлагалось. В скором времени пала династия знаменитых Тахиридов, на смену которым пришли представители семьи Саффаридов. Их предок, некто Якуб, имел мастерскую по изготовлению медной посуды, а затем собрал шайку из лихих людей и отвоевал у Тахиридов часть их владений. А в 867 г. Якуб захватил и оставшиеся земли своего противника, чем немало порадовал подданных, нашедших в нем замечательного и справедливого правителя. Халиф довольно безразлично отнесся к этому событию. Но когда Якуб стал угрожать Багдаду, аль-Мутамид направил против того войско. Неподалеку от Васита враги встретились, и Якуб потерпел поражение. Вскоре мятежный правитель умер, но ему наследовал брат Амр, которому хватило осмотрительности заключить с халифом мирный договор и легализовать свои владения⁴⁸.

В таких условиях византийцам не стоило опасаться военных действий арабов на Востоке. Однако все еще оставалась актуальной угроза со стороны африканских сарацин, завоевавших острова Крит, Сицилию, а также почти все греческие территории в Южной Италии. Это, по одному справедливому замечанию, уже было настоящей *арабской колонизацией* итальянских территорий от Тарента до Бари. Город Бари с 841 г. стал сарацинской столицей на полуострове, как и Палермо в Сицилии. Население этих земель хотя и являлось в массе своей греческим, но уже совершенно разуверилось в способностях собственных императоров отстоять их свободу и жизнь и уже дважды приглашало к себе на помощь Западного императора Людовика II. Однако первое столкновение Франкского короля с арабами в 858 г. под Бари не принесло ему успеха.

Более того, мусульмане предприняли встречное наступление в Кампании, опустошили окрестности Неаполя, разбили войска дукса Сполетто, а также заставили князей Беневента и Салерно заключить с ними договор на поставку снаряжения и продовольствия для их армии⁴⁹. В 866 г. Людовик II вновь попытался овладеть Бари, но был вынужден отвлечься на Беневент и Сполетто, выступивших против него согласно договору с сарацинами; осаду Бари отложили. В 867 г. поход Людовика II также закончился плачевно — его армия потерпела сокрушительное поражение. Правда, затем, как мы увидим, дела франков пошли гораздо успешнее⁵⁰.

На фоне этих событий Македонянин проявил *мудрую осторожность*: стараясь поддерживать мирные отношения с восточными



сарацинами, он направил все свои силы на Запад, чтобы отвоевать Далмацию, Сицилию и Южную Италию. Время неумолимо подгоняло Византийского императора: уже в 866 г. арабский флот под командованием полководцев Муфариг-ибн-Салима, Кальфуна и Саба в количестве 36 судов осадил важнейшую в стратегическом отношении крепость Рагузу (Дубровник) — самый укрепленный пункт Далмации. Осада длилась почти 15 месяцев, и обессилившие горожане направили послов к Византийскому царю с просьбой о помощи. Василий I не стал терять времени и тут же направил 100 судов-*хеландий* под командованием друнгария флота Никиты Орифы. Узнав о приближении римлян, арабы, изрядно истощившие свои силы, спешно бежали; Рагуза была спасена.

К этому времени подоспело послание Василию I от Людовика II, в котором Западный император предложил василевсу союз и просил помощи греческого флота для взятия осажденного им города Бари. Король предлагал также заключить брачный союз, выдав свою дочь Ирменгарду за сына Византийского царя Константина. Эти идеи поддержал и папа, оценивший перемену в своих отношениях с Византийским царем. Наконец, формальности, как казалось, были преодолены, и Василий I отправил под Бари мощный флот во главе с патрикием Георгием, причем к византийцам примкнули воины из множества славянских племен из Далмации, опасавшихся мусульман.

Зимой с 870 на 871 г. греческий флот подошел к Бари, но не предпринял никаких активных действий против сарацин. Как полагают, такая пассивность была обусловлена отсутствием положительного результата (все-таки!) в переговорах о браке наследников обоих престолов. Кроме того, Василия I не могла не смущать излишняя активность со стороны западного союзника. Еще летом 870 г. Людовик II, получив просьбу о помощи от населения Калабрии, помог им одолеть арабов, но потребовал взамен клятву о верности. Затем, найдя формальный повод, франк напал на Неаполь и присовокупил город к своим владениям. Василия I поразило, что, присоединив к себе имперские территории, Людовик II даже не подумал поставить его в известность и справиться о мнении Византийского императора.

Конечно, союз Запада и Византийской империи против арабов был необходим, но реальные события демонстрировали, насколько шатким он являлся. Когда наконец в феврале 871 г. Бари был взят

общим штурмом франков и византийцев, Людовик II присоединил и этот город к своей державе, выделив грекам лишь часть добычи за участие в войне, как *наемникам*. Взамен Византийский император публично объявил, что желает наказать пиратов, поднявших руку на легатов Римского епископа, и его флот под командованием Никиты Орифы напал на сербские земли, уводя их население в плен; т.е. грабил земли, принадлежащие Людовику II. Возможно, отношения между двумя государями окончательно бы расстроились, но в 872 г. Западный император попал в плен к герцогу Беневента *Адальгизу* и на время выпал из игры.

История этого пленения со всей очевидностью показала иллюзорность надежд на воссоединение германцев с греками. Затаив обиду на Людовика II, оставившего его без трофеев, Василий Македонянин втайне договорился с греками Италии и Адальгизом о совместных действиях против франков. И вскоре большинство городов провинций Самнии, Кампании и Лукании признали над собой власть Константинополя. Правда, император Запада быстро вернул их себе, но не смог взять хорошо укрепленной Капуи. В этот момент он и попался на хитрость герцога Беневента. Адальгиз прибыл во дворец Людовика II и в ходе разговора убедил того в своей преданности. Но ночью, когда император спал, герцог захватил дворец и самого монарха. Тому пришлось пережить постыдный плен и дать клятву Адальгизу в том, что никогда более не станет претендовать на итальянские владения Византийской короны и не будет мстить Беневенту.

Разумеется, это был позор для императора Запада, и в 873 г., наполненный жадой мести, он прибыл в Рим, где получил освобождение от клятвы, как данной под давлением непреодолимых обстоятельств. Папа объявил Адальгиза врагом Церкви и дал санкцию Людовику II на войну с герцогом. Правда, опасаясь все же, что франки признают его клятвопреступником, Людовик II отправил против Адальгиза с войском свою супругу. Но сражения не состоялось: герцог скрылся на Корсике, прекрасно понимая, что у франков нет флота, чтобы блокировать остров⁵¹.

Это событие в некоторой степени развязало руки Византийскому императору, который до сих пор с некоторым волнением взирал на фактическое поправление королем Людовиком II старых договоренностей. У Василия I были все основания считать, что Лангобардские князья с большей охотой готовы признать его

власть, чем подчиниться франку. Между союзниками возникли некоторые трения, которые замечательно иллюстрирует одно из писем Людовика II Василию Македонянину.

Вопрос о легитимности занятия отвоеванных территорий в значительной степени имел *идейную* подоплеку — кто по праву владел императорским титулом, тот и мог считать эти земли своими. Вторая фигура лишь могла *просить* их себе на тех или иных условиях у законного собственника. По этому вопросу и разыгрался диспут между Людовиком II и Василием I. Когда император высказал соответствующие претензии франку, тот разродился пространном письмом, в котором попытался обосновать, что не Византийский царь, а *именно он* является единственным законным наследником короны правителей Священной Римской империи. Надо сказать, эта попытка выглядит несколько неуверенной. Нет, конечно, франк не сомневался в том, что он является (также?) императором, но остерегся откровенно заявлять Василию I, будто тот нелегитимно носит пурпурную обувь.

«Напрасно мудрость твоя, — пишет король императору, — настаивает на капризном мнении, что другие, кроме тебя, не имеют права называться императорами (василевсами). Ты утверждаешь, что четыре патриарших престола на Святой Литургии упоминают одну Империю и что таково святое Предание, идущее от святых апостолов, и советуешь убедить в этом тех, кто величает нас императором. Но даже дяди наши, славные короли, обращаются к нам с титулом императора и, как смею думать, признают это достоинство не ради возраста, поскольку старше меня, но во внимание к священному помазанию и возложению рук первосвященника и молитве, каковыми мы по Божественной воле возведены на эту величайшую степень и обладание Римской империей. И то вызывает смех, что ты говоришь по поводу императорского титула, что он не свойственен ни моим предкам, ни народу, когда известно, что Римские императоры происходили и из испанцев, и исаврийцев, и хазар. Разве ты станешь утверждать, что эти народы превосходят франков религией или доблестями? Ты удивляешься, почему мы называемся не Франкскими, а Римскими императорами? Но, не будучи Римским императором, я не мог быть и Франкским. Это имя и достоинство мы приняли от римлян, ибо Франкские вожди назывались сначала королями, а потом императорами, именно те, кто которые помазаны были от руки Римского епископа»⁵².

Затем Людовик настоятельно объяснял, почему Бари должен принадлежать франкам, равно как Калабрия и Сицилия. Конечно, такие письма не могли не охладить отношений между двумя монархами и их державами. Оставался неясным главный вопрос: *сколько императоров* может быть у Священной Римской империи, и сколько вообще «Вселенских» империй может существовать на белом свете? Как следствие, территориальные споры оказались неразрешенными.

Пока происходили эти события, византийцы бессильно смотрели на то, как Сицилия, контролирующая все морские пути в Средиземноморье, окончательно подпадает под власть африканских арабов. Василий I пытался предпринимать контрмеры, имевшие частичный успех, но в целом в течение нескольких лет ни одна из сторон не сумела окончательно решить вопрос в свою пользу.

В 868 г. император попытался перебороть негативную тенденцию, но его флот потерпел поражение от сарацинского правителя острова Хаваджи. Возвратившись 26 июня 868 г. в Палермо, где находилась его резиденция, Хаваджа в тот же день направил своего сына Мухаммеда с флотом для нападения на Италию, и вскоре тот вернулся с богатой добычей. Весной 869 г. Хаваджа попытался овладеть важной крепостью Таорминой, но успеха не имел. Решив реваншироваться за неудачу, в марте этого же года он направил сына Мухаммеда к Сиракузам, подвластным Византийскому императору, но и эта попытка оказалась неудачной. В сражении, данном сарацинами, византийцы одержали блистательную победу, и Мухаммеду пришлось возвращаться в Палермо, где в июне один из берберов убил его отца — самого опасного на тот момент врага Константинополя. Подозревали (и, наверное, небезосновательно), что это убийство — дело рук византийской дипломатии и секретных служб.

В ответ полный энергией молодой вождь сарацинов вскоре захватил Мальту, остров Коссира (Понтеллария), Эгатские и Липарские острова. В результате Сицилия оказалась в мусульманском окружении, и византийскому флоту все труднее удавалось проникать в Сиракузы. По счастью для них, 27 мая 871 г. собственные евнухи убили Мухаммеда, и на время для Василия I Македонянина наступила передышка⁵³.

Пока на Западе шли бои, император попытался разобраться со старыми врагами Римской короны — *павликианами*, досаждавши-

ми византийцам еще при императрице св. Феодоре и Михаиле III. Это крепко спаянная, многочисленная и хорошо организованная секта уже не раз доставляла заботы византийскому правительству. Но первоначально Римский царь решил прекратить старую вражду миром. С этой целью в 869 г. он направил в Теффрику, главный город павликиан, епископа Петра Сицилийца, сочинение которого об этом путешествии дошло до нас. Но глава павликиан Хрисохир дерзко отказал императору в предложении мира и обмене пленными, выдвинув свои условия: безоговорочный отказ Василия I Македонянина от всей Малой Азии, которую следовало передать в руки павликиан. В противном случае Хрисохир грозился вообще лишить императора царства и разгромить Римское государство. С этими известиями Петр Сицилиец и вернулся в 870 г. в Константинополь⁵⁴. Между прочим, из этого ответа легко можно определить, как *беспомощно* выглядела Византийская империя в глазах врагов, и сколько трудностей пришлось преодолеть Василию Македонянину, чтобы изменить внешние представления о собственной державе.

Нет никаких сомнений, что ответ Хрисохира жестоко оскорбил Василия I. Особую его тревогу, как христианского правителя, вызвали известия Петра Сицилийца о том, что павликиане затеяли переговоры с болгарами и пытаются активно миссионерствовать среди этих неофитов. Конечно, в таком случае возникала реальная угроза повреждения веры у людей, совершенно не искушенных в православной догматике и организации церковной жизни. Кроме этого, создавалась опасность заполучить второй центр павликианства уже на Западе⁵⁵.

Получив секретные сообщения о том, что в данный момент восточные арабы заняты собственными делами и не могут поддержать павликиан, император весной 871 г. сам во главе войска двинулся на Хрисохира. К несчастью, в первом же сражении его армия потерпела поражение. Более того, Хрисохир сам перешел в стратегическое наступление и в 872 г. дошел до Анкиры, лежавшей в Южной Галатии. Единственное, что удалось императору, — разрушить несколько малозначительных крепостей. Но в том же 872 г. военное счастье улыбнулось все же уже римлянам: зять императора Христофор разгромил Хрисохира в сражении, а затем взял штурмом и до основания разрушил Теффрику, попутно присоединив к византийским владениям города Таранту, Локану, Куртикий. Самому Хрисохиму удалось бежать, но Василий I отдал приказ

во что бы то ни стало схватить его. И вот как-то вечером, когда Хрисохир расположился лагерем на равнине, 1200 византийских воинов внезапно напали на его отряд. В ходе боя один из греков по имени Пуллад, ранее бывший в плену у павликиан и знавший Хрисохира в лицо, убил того копьем в бок, когда вождь еретиков пытался скрыться на лошади⁵⁶. Голову грозного врага доставили в Константинополь, и император, потребовав свой лук, пронзил страшный трофей тремя выпущенными стрелами⁵⁷.

Победа римлян над павликианами была отмечена пышным триумфом императора в столице. На европейском берегу, куда царь переплыл на лодке, возвратившись из похода, его встречал весь синклит в сопровождении громадных толп константинопольцев с цветами в руках. Император вошел в храм Св. Иоанна Предтечи в Гевдомоне, где помолился, а затем, переодевшись в пурпурное платье, в сопровождении сына Константина направился к монастырю Богородицы близ Золотых ворот. Когда Македонянин въехал в столицу, весь город от Золотых ворот до Халки был устлан цветами и тканями. На площадке у Золотых ворот расположили палатки, куда привезли самых знатных пленников, лучшую часть добычи, захваченные знамена и оружие.

Царя встречали представители цирковых партий, надевшие праздничные одежды, с криками: «Слава Богу, возвратившему нам наших владык с победой! Слава Богу, возвеличившему вас, самодержцы римлян! Добро пожаловать, победоносные, храбрейшие государи!» Городской эпарх и царский наместник пали ниц перед Василием и Константином и по старому обычаю преподнесли царю золотой венец, как символ победы, а император отблагодарил их золотыми монетами. Продвигаясь по Константинополю, императоры дошли до храма Святой Софии, куда все вошли для торжественного богослужения. Затем был дан превосходный пир, после которого участникам похода и жителям столицы даровали различные и обильные милости царя⁵⁸.

Теперь, после победы над многолетними врагами, византийцы вышли на старые границы своей державы, соприкасающиеся с арабскими землями. Однако после этого открылось, что отныне неизбежны новые столкновения греков с восточными сарацинами, поэтому император решил разработать план военных действий на следующий год. Он правильно учел, что у арабов продолжается междоусобица, и в 873 г. начал поход, имевший своей целью

взятие города Малатия. Очень тщательно продумав предстоящую операцию, Василий I отдал приказ захватить несколько мелких крепостей, должных обеспечить безопасность римской армии. Он прошел с войском всю Малую Азию, а затем направил своего полководца с отрядом войск для взятия города Запетра. Приказ был успешно выполнен, и греки, захватив множество пленных, добычу и освободив большое количество христиан, томившихся в мусульманском плену, вернулись к императору, ставшему лагерем на реке Зарнук.

После этого все войско греков двинулось к Малатии, и их отдельные отряды даже переходили Евфрат, но в итоге византийцы потерпели поражение в данном арабами сражении. Чтобы несколько сгладить эту неловкость, император Василий I вторгся на соседнюю территорию, где захватил несколько второстепенных крепостей. Все же и такие успехи не казались современникам ничтожными — как-никак, но уже давно Римские императоры не поили своих лошадей из Евфрата. Был организован новый триумф Македонянина, и патриарх св. Игнатий торжественно возложил на его главу венец победителя⁵⁹.

Тем не менее борьба на два фронта — с африканскими и восточными арабами — оказывалась для Византии едва ли по силам, а потому успехи обильно чередовались с неудачами. Напротив, арабы начинали демонстрировать завидную слаженность в действиях. В сентябре 871 г. мусульмане Калабрии обратились за помощью к своим братьям в Африке, чтобы отвоевать обратно Бари, и вскоре Аглабитский правитель направил им свое войско, ведомое Абдаллах-ибн-Якубом, заранее назначенным *правителем Италии*, на Салерно.

Город был осажден и после нескольких месяцев осады уже готов был открыть свои ворота, но Людовик II, все еще остававшийся в Италии, разбил сарацин в сражениях при Сан-Мартино и у Беневента. Арабы срочно сняли осаду и ретировались. Как уже говорилось, эти земли находились в сфере интересов Константинополя, и потому в 873 г. Василий I направил в Отранто войско во главе с патрикием Григорием, чем вызвал новое недовольство Людовика II.

Василию I постоянно приходилось быть очень осторожным, старательно варьируя между многочисленными и опасными арабами, и своим, таким ненадежным западным союзником. Едва

ли могла речь пойти о совместных действиях его войск и армии франков, а любая отдельно взятая операция тут же оборачивалась новыми проблемами. Так, критские арабы, тотчас прознавшие о передвижении византийских войск в Италию, организовали внушительную флотилию и устроили настоящий грабёж Далмации, опустошив даже Святую гору Афон. Но друнгарий флота, непобедимый Никита Орифа, разгромил разбойников, потопив 20 судов из 27 кораблей сарацин. Арабы попытались было перестроиться и организовать нападения на западные берега Пелопоннеса, но и здесь неутомимый Никита Орифа разбил их в морском сражении. Эта битва настолько деморализовала критян, что они срочно запросили мира у Римского императора сроком на 10 лет⁶⁰.

Вслед за этим тяжелое поражение было нанесено арабам при попытке овладеть ими городом Еврипид (Халкиду) на Эвбее. Теперь император Василий Македонянин решил покончить с пиратством на Средиземном море, выбрав в качестве главного пункта наступления остров Кипр, захваченный арабами еще в 825 г. Поход был успешным: его войско под командованием стратига Алексея, этнического армянина, в 874 г. провело удачную операцию, освободив остров от власти сарацин.

Но в это же время осложнились дела в Италии: в 875 г. умер король Людовик II, и теперь внутренние раздоры между Беневентом, Салерно, Неаполем, Амальфи и Гаэтой фактически открыли сарацинам путь на полуостров. Следует сказать, что покойный монарх являл собой достойную и величественную картину. Стоит лишь жалеть о том, что он и Василий Македонянин так и не смогли соединить усилия, дабы преодолеть разногласия и вражду, глухо таящуюся между двумя великими народами христианской цивилизации. Когда Людовик II скончался, современник дал ему следующую характеристику. «Это был христианнейший князь, по вере католик, достаточно сведущий как в светских, так и в церковных науках; усерднейший исполнитель всего, что требует благочестие, мир и справедливость, хитрый нравом и разумнейший в советах. Никто не мог подкупить его дарами и никому не раздавал он за деньги ни церковных, ни светских должностей; но церковные чины приобретались добрыми нравами и святым образом жизни, а светские — преданной службой и верностью»⁶¹.

Теперь, после его смерти, франки, по обыкновению, никак не могли поделить отцовские престолы, тратя свои силы не на

арабов, а на междоусобицы. 52-летний *Карл Лысый* (875—877) — последний сын императора *Людвика I Благочестивого*, попытался занять Лотарингию и Италию. Но его возможности были, увы, весьма ограничены. Несмотря на все старания, Карл так и не сумел вернуть себе восточные территории, где покоился прах его великого деда. Центр императорской власти все более ограничивался Западной Франкией. Но и там его власть была далеко не безусловной. Западный император все более был вынужден вступать в сделки с аристократией, и теперь престиж его титула уравнивался обязательствами Карла Лысого перед вельможами. Автономия франкской аристократии находила отпор только в Западной Церкви, и авторитет Рима все более возрастал. Собственно говоря, едва ли Карла Лысого можно было назвать могущественным владыкой⁶².

Тем не менее, надеясь на его армию, папа венчал Карла Лысого императором Западной Римской империи, но тот вступил в войну со своим старшим братом *Людвиком Немецким* — королем Восточно-Франкского королевства (будущей Германии) и был разбит в сражении. Сразу же после этого итальянцы отреклись от своего неудачливого правителя, а вскоре тот скончался⁶³.

Словно бич Божий опускался на плечи отпрысков Карла Великого: они один за другим умирали в молодом возрасте или рождались с тяжелыми болезнями. Баварский король *Карломан II* (879—884) — старший из сыновей Людовика Немецкого, разваливший державу отца, в 35 лет был разбит параличом и через два года отрекся от престола. Но в 880 г. у его брата, *Людвика III Молодого*, в 33 года также обнаружились признаки тяжелого недуга, и он скончался в 882 г. Папа *Марин I* (882—884) спешно венчал императором *Карла III Толстого* (884—887), еще одного сына Людовика Немецкого. Он прилагал титанические усилия для того, чтобы сохранить единство власти в обеих частях Западной империи. И казалось, что такая ситуация *объективно* может быть на руку смелому претенденту на императорство в Западной империи, поскольку за неимением других наследников можно предъявлять претензии на единовластие. Ведь он уже был королем Восточно-Франкского королевства с 876 г., теперь стал государем Западной части державы Карла Великого. Но Карл Толстый совсем не обладал достоинствами своего деда. В 885 г. он с большой армией не смог предотвратить осады Парижа норманнами, а в 887 г. сильно

заболел, отказался от императорской короны и вскоре скончался от инсульта⁶⁴.

Теперь императорская корона стала настоящей и ничего не стоящей *игрушкой* в руках франкских правителей. Единая Западная империя раскололась на Восточно-Франкское и Западно-Франкское королевства. Затем, вследствие борьбы сыновей со своими отцами и между собой, выделились Бавария, Тюрингия, Саксония, Италия, Лотарингия и Аквитания. Междоусобица осложнялась тем, что в это же время жесточайшие по своим последствиям набеги норманнов стали не просто обычным, а *системным* явлением для побережья Франции и даже внутри Западно-Франкского королевства.

Единственной силой, способной обеспечить итальянцев сухопутной армией и флотом, стал Римский император. Уже в 876 г. понтифик *Иоанн VIII* (872—882) писал Василию Македонянину: «Города, крепости и села уничтожены вместе с их жителями, епископы разогнаны, в стенах Рима ищут приюта остатки совершенно беззащитного народа. За стенами города все разорено и превращено в пустыню. Вся Кампания лишена своего населения; и мы, и монастыри, и другие благочестивые учреждения, и Римский сенат оставлены без средств к существованию. Окрестности города опустошены до такой степени, что в них нельзя найти ни одной живой души, ни взрослого, ни ребенка»⁶⁵.

Когда жители Бари обратились к Византийскому императору, греческий стратиг Григорий с флотом отплыл из Отранто и взял город под охрану. Обрадованный папа Иоанн VIII тут же написал Македонянину письмо, в котором горячо благодарил того за помощь Римской церкви и просил выделить корабли для охраны морских вод Западной Италии⁶⁶.

В эти годы Византийский царь пожинал плоды своей блестящей стратегии. В 876 г. Василий I восстановил византийское влияние на славяно-италийско-франкской границе и назначил Венецианского дожа протоспафарием, вследствие чего Константинополь начал довлеть и над хорватскими славянами. В 877 г. императору удалось захватить часть франкской Далмации. Затем Македонянин утвердил на хорватском троне *Здеслава* (878—879), приславшего посольство в Константинополь. Даже военные действия с арабами на некоторое время прекратились⁶⁷.

В 876 г. Македонянин совершил еще один удачный поход против павликиан и арабов, опустошив все территории, расположенные между Тарсом и Марашем. Предпринятый сарацинами в 878 г. поход закончился их страшным поражением, и лишь в 883 г. им удалось взять некоторый реванш у греков. Война показала, что силы сторон, при очевидном *стратегическом* превосходстве византийцев, все еще почти равны. А потому оба противника не стремились к большим территориальным приобретениям, поставив перед собой главную задачу истощить вражеские владения. Как следствие, в эти годы пышным цветом расцвел морской разбой, причем здесь перевес наблюдался уже у мусульман — в 880 г. их быстроходные корабли дошли чуть ли не до гавани Константинополя. Перевес арабов на море самым печальным образом сказался в самые ближайшие годы⁶⁸.

Но случались и весьма чувствительные поражения, как, например, окончательная потеря Сицилии. В августе 877 г. правитель Африки Ибрахим-ибн-Ахмед, деятельный и энергичный воин, уничтожил посеы вокруг Сиракуз и осадил город с моря и суши. К несчастью, император почему-то не придал большого значения известию об этом — видимо, посчитал этот поход очередной грабительской экспедицией, не способной захватить хорошо укрепленный город; и поплатился за это. Конечно, нужно было действовать более решительно, но следует принять во внимание то, что император был вынужден выделить много судов для охраны острова Кипр, и поэтому оказался не в состоянии защитить сразу два пункта обороны.

Правда, Василий I направил на помощь городу небольшой флот под командованием полководца Адриана, но тот легкомысленно остановился в гавани города Монемиасии и все ждал попутного ветра на Сиракузы. Настолько долго, что известие о взятии последнего на острове греческого города застало его еще в Греции. До мая 878 г. продолжалась героическая оборона Сиракуз, но 21-го числа этого месяца арабам удалось пробить брешь в башне и войти в город. Один из отрядов под командованием Иоанна Патрина заперся в цитадели, но был полностью уничтожен. У храма находилось еще несколько десятков вооруженных византийцев, попытавшихся спасти мирных жителей, но и тех перебили мечами. Выломав двери храма, где прятались горожане, сарацины вырезали

всех женщин, стариков и детей — только *знатных* лиц погибло более 4 тыс. человек.

Мужество защитников поразило даже выдавших виды арабских летописцев, равно как и жестокость сарацин. Стратиг города попытался во главе отряда из 70 воинов пробиться сквозь строй врагов, но был схвачен в плен, а на восьмой день после взятия города умерщвлен. Его товарищи были также убиты мусульманами: их забили камнями и палками. С особой жестокостью был казнен некто Никита из Тарса, известный сарацинам тем, что ежедневно со стены поносил пророка Мухаммеда. Два месяца арабы собирали обильную добычу, а затем вернулись в Палермо, до основания разрушив некогда сильнейший город острова. В довершение всех бед другой византийский флот, посланный запоздало Василием I для обороны Сиракуз, погиб в сражении с арабами⁶⁹.

Потеря Сиракуз стала переломным моментом во внешней политике Византийского императора. Он отложил в сторону наступательные планы на Западе, полностью сосредоточившись на обороне своих восточных владений, выбирая направление движения своей армии по мере поступления сообщений о нападениях врагов. В 878 г. греки из Киликии, Каппадокии и Селевкии, ведомые пятью стратигами, неожиданно напали на арабский отряд численностью 4 тыс. воинов и почти полностью разгромили его: удалось убежать не более 500 сарацинам. Данный успех был не единственным: эти же пять византийских полководцев в январе 879 г. во главе 30-тысячного войска напали на арабского правителя области Урхуза. Они взяли в плен самого правителя, 400 воинов и убили почти 1,5 тыс. сарацин. А весной этого же года император вместе с сыном Константином во главе другой армии отправился к сирийской границе. Он захватил три арабских города, и местный правитель спешно искал спасения в бегстве. Затем византийские полководцы разрушили еще несколько важных арабских крепостей, внушая ужас врагам.

Это было время громких успехов: в течение 10 лет византийские войска постоянно тревожили крепости Самосат и Малатью и даже захватили важный в стратегическом отношении город Лулую. В 879 г. арабы под командованием Абдуллы ибн Рашида ибн Кавуса были разгромлены, а их командующий попал в плен. В следующем году 30-тысячная византийская армия вошла в Адану,

а затем захватила Диярбакыр. Чуть позднее греки дошли до Тарса, и арабы с великим трудом отстояли город⁷⁰.

Но в конце 879 г. императору пришлось срочно возвращаться в Константинополь: заболел его старший сын Константин. Все попытки поднять наследника на ноги не увенчались успехом: юноша вскоре умер после возвращения из последнего военного похода (декабрь 879 г.)⁷¹. К сожалению, эта потеря самым негативным образом сказалась на царе: с этих пор он часто впадал в глубокую депрессию, и на него даже находили приступы кратковременного безумия⁷².

На Западе после взятия Сиракуз арабы вскоре начали организовывать новые рейды по всему итальянскому побережью. Но в 880 г. они потерпели тяжелейшее поражение в морской битве у берегов Греции. Стратиг Назар, организатор победы, направился к берегам Италии, где соединился с сухопутным войском византийцев под командованием протовестиария Прокопия и Льва Апостиппа, стратига Фракии и Македонии. Вместе они одержали ряд побед, в частности, вновь разгромили арабский флот и захватили целый ряд важнейших городов и крепостей. Но настроение войска было переменчивым, как морской ветер. И офицерам нередко приходилось предпринимать жесткие меры, чтобы восстановить дисциплину. Так, в ходе военных действий некоторые матросы византийского флота попытались дезертировать, но по приказу Пелопоннесского стратига Иоанна Критского их посадили на кол. Как следствие, настроение солдат резко изменилось и вновь стало боевым.

Победоносный флот продолжил наступление на арабов. Восторженный папа, противопоставляя короля императору, писал Карлу Лысому, какие великолепные победы одержаны греками над арабами. Он, как живой современник тех событий, не мог не отдавать себе отчета в том, что родоначальник Македонской династии являл собой полную противоположность потомкам Каролингов. Если кому и было по силам вернуть Италию христианской цивилизации, так только Василию I⁷³.

На фоне отдельных неудач успехи Македонянина — и особенно в Италии — не могли не броситься в глаза. Беневент признал власть Византийского императора, Бари в 876 г. открыл свои ворота войскам Василия I, 7 лет греки владели Кипром, укрепились в Пелопоннесе, Далмации и Средней Греции, Южная Италия почти вся вернулась под Византийскую корону или контролировалась

Константинополем. Именно этим и объясняется уступчивая позиция Апостольской кафедры в отношениях с Василием Македонянином. В свою очередь, поведение папы со всей очевидностью показало самому императору, что его политика сближения с Римом оказалась в итоге холостым выстрелом. Западные державы не стали союзниками византийцев в борьбе с сарацинами, Рим по-прежнему претендовал на Болгарию, а в самой Византии переориентация царя со своего патриарха на папу вызывала глухой ропот в народе. И нет никаких сомнений в том, что все эти события имели самое непосредственное отношение к новой церковной политике, которую император Василий I начал проводить в конце 70-х годов IX века⁷⁴.

Глава 4. Собор «В храме Святой Софии» 879—880 гг. «Прохирон» и «Эпанагога». Смерть императора

После Собора 869—870 гг. понтифик совершенно искренне полагал для себя, что после тех услуг, какие оказаны императору и *лично* св. Игнатию, он вправе рассчитывать на встречное уважение, и в первую очередь на признание прав Рима на Болгарию. Увы, действительность грубо растоптала его мечты, заставив апостолика действовать более решительно и высказываться более категорично. Правда, с учетом внешнеполитического положения Рима, державшегося исключительно за счет поддержки Византийского царя, он не посмел дерзить Василию I, зато полностью излил свой гнев на св. Игнатия.

«Как ни велики были знаки благосклонности, какие показывал ранее император папскому престолу, — пишет он василевсу, — теперь они готовы, однако, совсем стереться. Соепископ наш Игнатий дерзнул поставить предстоятеля в страну Болгарию, чему мы удивляемся, а вы со своей стороны тому благоприятствуете, чем мы изумлены. Поэтому просим вас: увещивайте Игнатия отказать от юрисдикции в Болгарии, иначе и он сам не избежит законного отмщения».

Тональность письма понтифика к Константинопольскому патриарху была, конечно, совсем иной. «Уже дважды я в письмах

уещевал тебя, чтобы ты довольствовался Константинопольским диоцезом, который *дан тебе в силу авторитета Римской кафедры* и пределов этого диоцеза не должна переступить твоя нога! — пишет он св. Игнатию, нисколько не сдерживаясь в чувствах и выражениях. — Но ты, закрыв глаза, безрассудно пограл определения Святых Отцов, своей благодетельнице, Римской церкви, заплатил неблагодарностью, присвоил себе древнюю Римскую епархию в стране Болгарии. Уже за это ты заслуживаешь лишения церковного общения, но ради снисхождения мы в третий раз обращаемся к тебе письменно и уещеваем тебя: чтобы в течение 30 дней ни одного епископа, ни одного духовного, посвященного тобой или тебе подчиненными епископами, не оставалось в Болгарии». В противном случае папа обещал наложить на св. Игнатия епитимию, а затем *лишить патриаршества* и вообще низвергнуть из священства⁷⁵.

Естественно, содержание этих писем не являлось секретом для императора, и он стал понемногу вносить коррективы в свою церковную политику. Как опытный правитель, Василий I понял, что св. Игнатий оказался не в состоянии преодолеть образовавшийся церковный раскол на Востоке, где нередко в епархиях находились по два епископа — один, поставленный св. Игнатием, другой — св. Фотием. Патриарх св. Игнатий вконец запутался между своими пристрастиями к «папской» идее, царскими указаниями и собственным клиром, где все громче раздавались голоса недовольства слишком уж легким забвением прерогатив Константинопольского престола⁷⁶. Но самую большую обеспокоенность императора вызывал описанный выше «болгарский вопрос» — кто вправе окормлять Болгарию: Рим или Константинополь. Очевидно, для царской власти было далеко не безразлично, как этот вопрос решится: по существу, речь шла о возможности *политического* влияния на беспокойного соседа.

Василий Македонянин прекрасно понимал, что тот характер отношений, который сложился между Римским епископом, Константинопольским патриархом и Византийским царем, не может продолжаться вечно, а в силу своей неопределенности и искусственности неизбежно приведет к жестокому расколу. На настоящий момент времени папа еще опасался открыто выступать против императора, всецело завися от его армии. Но завтра, когда обстоятельства изменятся, таким ли уж корректным и послушным царю останется Римский епископ? Вопрос, конечно, риториче-

ский. И император решил осторожно и незаметно «переиграть партию», вызвав из небытия униженного и лишенного всех прав св. Фотия.

Судьба опального патриарха первое время после Собора 869—870 гг. была печальна: его сослали в Стенос, где располагалось много монастырей, и держали на положении *государственного преступника*. Даже он, человек невиданной твердости и мужества, писал в одном из писем: «Не говорю о чем-либо ином, я требую просто, чтобы соблюдались в отношении меня права человека. Я заточен, разлучен с родственниками, друзьями, слугами, у меня отнято всякое человеческое утешение. Моя жизнь хуже смерти». Однажды экс-патриарх серьезно заболел, но тщетно в течение 30 дней просил пригласить к себе врача. Но, к разочарованию «игнатиан» и византийского правительства, ни св. Фотий, ни его сторонники так и не признали определений недавнего Собора, равно как и патриаршество св. Игнатия. Более того, *ни один* епископ, посвященный в сан св. Фотием, не признал нового патриарха.

Но теперь все изменилось для них к лучшему. В 876 г. был отозван из ссылки св. Фотий, которому император предоставил для жительства Магнавский дворец и поручил воспитание своих детей. Не довольствуясь этим, с разрешения василевса бывший патриарх организовал великолепную библиотеку и попутно открыл школу для обучения детей высших сановников. Затем, выждав время, Василий I предпринял довольно рискованную комбинацию для снятия анафем со св. Фотия и его сторонников.

Возвращение св. Фотия в орбиту политики было далеко не простым делом. Он был экс-патриархом и интересовал императора исключительно в качестве предстоятеля Восточной Церкви. Но как вернуть св. Фотию ранее отобранное — вот вопрос. А потому объективные обстоятельства вынуждали царя вновь обратиться в Рим, к папе. На этот раз, к Иоанну VIII — тот стал понтификом после смерти Адриана II. Но если император ранее обращался к апостолику с тем, чтобы низвергнуть патриарха, то теперь волею-неволей приходилось прибегать к его услугам, но с противоположной целью. Ведь без Римской кафедры это дело было сделать невозможно.

Кроме того, требовался *внешний* (для Восточной Церкви) духовный авторитет, чтобы примирить «игнатиан» с «фотианами», не задействуя ресурс императора: по обыкновению, Василий I же-

лал официально оставаться *над* событиями. Эта задача казалась тем более сложной для выполнения, что св. Игнатий был еще жив и занимал Константинопольский престол. Но не успел папа ответить на первое (и осторожное) письмо царя, как 23 октября 877 г. св. Игнатий скончался в возрасте 80 лет. Рассказывают, что перед смертью он поинтересовался, какой нынче праздник, а затем умер со словами: «Живите благополучно! Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь»⁷⁷.

Прошло буквально три дня, и св. Фотий вновь занял патриарший престол византийской столицы, к несказанной радости подавляющего большинства восточных епископов и мирян. Тем не менее проблема примирения нового патриарха с Римом сохранялась, и это стало новой, главной задачей, которую должен был решать император. Трудность ее обуславливалась тем, что такой исход с железной последовательностью означал необходимость для папы Иоанна VIII *отозвать* те декреталии, которые ранее выносились его предшественниками на Римском престоле по данному вопросу. Впрочем, Василий Македонянин точно учел, что военная зависимость папы от него все еще продолжала сохраняться, и тонко на этом сыграл. Он дал понять папе, что только примирение двух «вселенских» кафедр может дать мир Кафолической Церкви и обеспечить успех в войне с арабами. А победив, он, как единственно легитимный Римский император, в состоянии *положительно* решить вопрос о Болгарии. Но это *как бы* к слову, а сейчас главное решить вопрос о восстановлении св. Фотия на патриаршестве.

И папа Иоанн VIII не смог удержаться от соблазна получить вожделенную болгарскую страну в свои владения. Он положительно ответил императору, найдя доводы, позволяющие с честью и с выгодой, как казалось Римскому епископу, выйти из затруднительной ситуации. Вкратце, «теоретическое» обоснование политического «реверса» заключалось в следующем. Во-первых, Константинопольская кафедра вдовствует, а потому ее может занять любое другое лицо, пусть даже и св. Фотий. А, во-вторых, как преемник апостола Петра, папа сам волен решать, кому достанется патриаршество, тем более что за св. Фотия просил лично Римский император — *единственный* законный владыка Вселенной⁷⁸. К несказанному удивлению «игнатиан», новый папа объявил их не исповедниками и мучениками, как ранее поступали предшественники Иоанна VIII, а *преступниками*. Выговорив «игнатианам»,

папа подал им единственный совет — срочно признать св. Фотия Константинопольским патриархом и вступить с ним в общение. По его мнению, не надо смущаться тем, что ранее св. Фотий был анафематствован: как заметил папа, «Церковь Христова получила власть разрешать всякие узы»⁷⁹.

В августе 879 г. Иоанн VIII разослал окружное послание всем епископам, в котором призывал тех войти в общение с новым Константинопольским патриархом. По договоренности с императором было решено созвать также представительный Собор в Константинополе, который и начал свою работу в ноябре 879 г. в храме Святой Софии. Это было поистине грандиозное собрание: помимо трех папских легатов и представителей восточных патриархов здесь присутствовало 383 архиерея, из них 80 митрополитов и архиепископов. Конечно, такое число не шло ни в какое сравнение с представительством на Соборе 869—870 гг. Председателем Собора стал сам св. Фотий, занявший почетное место.

После открытия первого заседания патриарх и легаты облобызали друг друга, воздав благодарение Богу, приведшему их в Константинополь. Легаты зачитали письмо папы, уверив св. Фотия и всех присутствующих, что понтифик питает глубокую любовь к новому патриарху греков. Они передали св. Фотию и подарок от папы Иоанна VIII в честь его восстановления на патриаршей кафедре — фелонь, омофор, стихарь и остальные части богослужебного одеяния.

Посыпались обратные славословия в адрес апостолика, которого сам св. Фотий назвал «подражателем Христу, первому и верховному Первосвященнику». Выступило несколько горячих приверженцев нового патриарха, в богатых выражениях описавших мудрость, кротость и благочестие своего кумира и главы Восточной Церкви. Выражая глубокую признательность и перечисляя заслуги Римской кафедры, византийцы, тем не менее, ядовито дали понять, что именно *чрезмерная ревность* предыдущих понтификов по своим надуманным прерогативам поссорила Запад и Восток. Видимо, латиняне, не знавшие греческого языка, плохо поняли смысл отдельных реплик, поскольку никак не отреагировали на неприятные для них оценки. Напротив, в конце первого заседания они подтвердили факт церковного общения папы и Константинопольского патриарха, а также попытались выяснить, нет ли среди



присутствующих тех, кто против св. Фотия. Таковых не нашлось, и после этого первое заседание завершилось⁸⁰.

Второе заседание, проходившее 17 ноября 870 г., было еще более торжественным. Святой Фотий вновь председательствовал, а легатам предложили *вторые места* после него — наглядная картина, свидетельствующая о том, насколько разнились новый и покойный патриархи. Было зачитано письмо папы императору, в котором, между прочим, понтифик отмечал, что принимает Константинопольского епископа в общение и *восстанавливает его* в патриаршем достоинстве. Представители восточных патриархов также заявили, что еще до Собора приняли св. Фотия в общение, тем самым несколько сбив пафос речи римских послов. Легаты несколько раз вопрошали, все ли епископы принимают св. Фотия в качестве легитимного патриарха, на что получили утвердительный ответ. А затем задали вопрос: принимает ли Собор послание папы со всеми его подробностями? Очевидно, они желали таким способом без усилий решить вопрос о церковном окормлении Болгарии, но получили неприятный ответ: «Все, что касается главы Церкви и признания св. Фотия патриархом, мы принимаем. *Но то, что относится до дел государственных и императора, то мы решение их предоставляем самому императору*».

Хотелось или нет, но легатам пришлось напрямую дискутировать вопрос о Болгарии. Но не тут-то было: в своей ответной речи св. Фотий отметил, что никогда не искал присоединения к своей патриархии болгарских земель, поскольку для него это — увеличение забот и трудов. Легаты похвалили его: «Ты правильно мыслишь и правильно поступаешь». Но тут слово взяли два митрополита — Прокопий Кесарийский и Григорий Эфесский, заявившие: «Можно надеяться, что Бог поможет нашему императору подчинить своей власти все страны света, тогда он сделает новый передел патриархатов и удовлетворит желания всех высших иерархов». Собор тут же согласился с их мнением, заявив, что не дело епископов устанавливать церковные границы, и что вообще это нужно предоставить будущему времени⁸¹.

Видимо, в отместку легаты вновь начали вопрошать о том, каким образом, т.е. законно или нет, вошел св. Фотий на патриаршую кафедру, и не было ли при этом *тирании*? Им тонко ответили, что есть большая разница между тиранией и увещанием, и вообще не ясно, почему и отчего вдруг возник вопрос о тирании? Легатам

пришлось ответить, что данные слова их удовлетворили. Предоставили слово самому св. Фотию, поведавшему, что он никогда не домогался патриаршей кафедры, а вошел на нее по приказу императора; и все епископы подтвердили эти слова. Затем патриарх рассказал, что когда был возвращен царем из ссылки, то принимал в своем дворце св. Игнатия, с которым они просили друг у друга прощения и пали в ноги.

Латинянам не очень понравились слова св. Фотия о том, что именно *воля императора* возвела его повторно на патриарший престол, и они заметили, будто патриарх обязан своим восстановлением Римскому папе, который и ранее восстанавливал опальных архиереев, и никому другому. На что св. Фотий ответил по своей «формуле»: «Благодарим Христа, Бога нашего, а также папу Иоанна, ибо он показал себя твердым в борьбе с схизматиками и содействовал общему умиротворению Церквей». Но его мысль о том, что Восточная Церковь сама, *без помощи понтифика*, привела св. Фотия к патриаршеству, была подтверждена письмами остальных патриархов, зачитанными тут же на заседании⁸². Можно быть абсолютно убежденным, что такое единогласие отнюдь не было заранее организованным. Просто Запад и Восток *качественно иначе* понимали место Римского епископа в Кафолической Церкви и объем его полномочий.

Третье заседание произошло 19 ноября 879 г. и продемонстрировало, насколько различной стала каноническая практика на Западе и Востоке. Легаты прочитали очередное письмо папы — на этот раз самому св. Фотию, в котором понтифик несколько сетовал на появившийся в Восточной Церкви обычай ставить епископов из мирян. Святой Тарасий и св. Фотий являются прекрасными пастырями, замечал апостолик. Но сама по себе эта практика порочна. Вопрос о Болгарии, как его сформулировал в письме папа, был поставлен в короткой и ригоричной редакции: Константинополь *обязан* признать римскую юрисдикцию над данной территорией. Однако и эта попытка навязать Восточной Церкви свою волю оказалась для папы и его легатов безуспешной. На вопрос папского посланника, принимают ли все епископы письмо понтифика, византийцы вновь ответили, что не вправе вмешиваться в компетенцию императора и не уполномочены определять границы епархий и их юрисдикцию.

А по поводу посвящения мирян в епископы Прокопий Кесарийский дал легатам довольно жесткую отповедь: «На это нет церковного воспрещения. Латиняне ссылаются на правила Сардикского Собора 343 г., но в этих правилах запрещается избирать в епископы лишь тех мирян, которые обременены богатствами или проходят адвокатскую деятельность, а таких лиц Восточная Церковь никогда не возводила в епископское достоинство. Да если бы какое церковное правило запрещало всех без исключения мирян избирать в епископы, то такое правило должно быть утверждено не Поместным, а Вселенским Собором, чтобы иметь силу закона. В таком случае правило бы имело обязательную силу для тех Церквей, где обычай не утвердил другой практики, ибо часто право обычая устраняет писанные правила»⁸³.

Такое суждение было, конечно, очень неприятно для легатов, поскольку на данные аргументы было трудно возразить. Их особенно поразило то, что византийцами совершенно отрицался столь дорогой для Рима Сардикский Собор, на котором курия строила свою теорию о первенстве папы в Кафолической Церкви. Однако в данный момент им оставалось только слушать опровержение этих аргументов.

Прокопия Кесарийского активно поддержал другой друг св. Фотия, Захарий Халкидонский. Он добросовестно разобрал канонические предпосылки для поставления мирян в епископы, привел исторические справки об избрании архипастырями таких светочей Православия, как св. Амвросий Медиоланский, патриарх Нектарий, Евсевий Самосатский, Ефрем Антиохийский. «К чему человека, украшенного добродетелями, нужно наперед заставлять проходить низшие церковные степени для получения епископства, как скоро эти добродетели уже приобретены им?» — закончил он свою речь. Легатам ничего не оставалось, как согласиться с общей оценкой Собора⁸⁴.

Из других событий, которыми было богато третье заседание, следует особенно отметить довольно неожиданное публичное прочтение легатами папских инструкций, данных им перед началом Собора, — дело беспрецедентное, труднообъяснимое и совершенно невыгодное в данный момент времени самим легатам. Из всех других поручений папа наставлял своих посланников относительно Собора 869—870 гг.: «Хотим, чтобы Собор, бывший при папе Адриане в Константинополе, считался отвергнутым, лишенным

значения и чтобы он не причислялся к прочим святым Соборам». Едва ли можно точно указать, почему папа высказал столь суровую оценку «VIII Вселенскому Собору», как его любили называть в Риме, но, очевидно, этот факт очень важен для опровержения и этой, явно завышенной, оценки бывшего Собора, и пресловутой «папской непогрешимости». Конечно же, греки восторженно воскликнули, что, признав св. Фотия законным патриархом, они тем самым *анафематствовали* Собор 869—870 гг.⁸⁵ Легаты поняли, что попались в собственную же ловушку: одно дело не признавать Собор 869—870 гг. «Вселенским», другое — *анафематствовать* его; но было уже поздно.

Четвертое заседание знаменитого Собора состоялось лишь 24 декабря 879 г., т.е. после месячного перерыва, вызванного «рабочими» встречами с представителями партии непримиримых «игнатиан», не желавших вступать в общение со св. Фотием. Как следует из объяснений легатов, им удалось склонить тех к миру, и они покаяться в своих ошибках. Раздосадованные тем, что им так и не удалось выполнить инструкции понтифика по «болгарскому вопросу», легаты вновь попытались вернуться к нему. Куда там! Блестяще владевшие риторикой, восточные епископы в очередной раз повторили, что это — дело императора. А чтобы несколько смягчить удар, византийцы перешли на неопределенные формы славословий в адрес Константинопольского патриарха и Римского папы. «Любовь и духовное братство между Римским первосвященником и нашим патриархом, — кричали они, — так велико, что они составляют как бы одну душу. Поэтому можно считать, что они *как бы сообща управляют* подведомственным им народом и подчиненными их власти странами. И каждый из них в приобретении другого видит свое собственное приобретение». Ясно, что такой идиллической картины не было даже во времена древней Церкви, когда земные вопросы не так глубоко влияли на взаимоотношения между различными епископами. Что же говорить о IX веке, полном церковных расколов? Конечно, эта тирада — почти не скрываемая издевка, на которую легатам было нечего возразить.

Опять возникла тема посвящения мирян в епископы, и теперь греки выразились более «канонично»: «В каждой Церкви есть свои обычаи, наследованные от древних времен. Их находят в Церквях Римской, Константинопольской и прочих восточных патриархатах. Если Римская церковь никогда не допускала избрания епископов

из мирян, то и пусть она остается при этом обыкновении. Можно только пожелать, чтобы между клириками и монахами встречалось как можно больше людей, достойных епископского сана. Но, во всяком случае, никого не следует отстранять от епископской должности под предлогом непринадлежности его к числу клириков. Разумеется, если избираемый — лицо, отличающееся способностями и достоинствами»⁸⁶. Действительно, это читается как *писанный канон*.

Если представить «в лицах» картину этого заседания, то становится очевидным, насколько одинокими и беспомощными чувствовали себя некогда грозные легаты «непогрешимого» Римского епископа. Насколько растерянными и *неповоротливыми* они оказались перед дружной и сплоченной стеной сотен греческих епископов, отстаивавших честь Константинопольской кафедры. Казалось бы, при полном фиаско по основным проблемным вопросам легатам следовало проявить встречную инициативу, попытаться выдвигать дополнительные условия, но, сломленные натиском восточных архиереев, они продолжали с завидным упорством исполнять инструкции папы, данные им *до* Собора, сдавая одну позицию за другой. Так, легаты вновь вынесли на обсуждение предложение понтифика, гласившее: «Что сделано против патриарха св. Фотия как на Римском соборе при папе Адриане I, так и на Константинопольском соборе при этом же папе, следует считать уничтоженным». Конечно, византийцы с восторгом согласились с этим пунктом: «Анафематствуем с величайшей ревностью все, что учинено против св. Фотия!»⁸⁷ Но разве папа предлагал анафематствовать *свой* Римский собор, где председательствовал его предшественник?

26 января 880 г. состоялось пятое заседание Собора, на котором в первую очередь св. Фотий предложил утвердить авторитет VII Вселенского Собора. Он справедливо отметил, что этот Собор уже давно признан и на Западе, и на Востоке, но, к сожалению, не почитается равным среди остальных Вселенских Соборов.

Это событие очень важно. Очевидно, что, предложив рецепировать VII Вселенский Собор, св. Фотий выразил недвусмысленное желание придать и проводимому Собору статус *Вселенского*, поскольку обыкновенно так и происходило ранее. Никогда ни один Поместный собор не претендовал на то, чтобы утвердить статус Вселенского собрания. И, конечно, придав Собору «В храме Свя-

той Софии» высший авторитет, он тем более уничижал Собор 869—870 гг. Кроме того, возвеличивание VII Вселенского Собора, бывшего при патриархе св. Тарасии, поставленном в епископы также из мирян, укрепляло авторитет самого св. Фотия. После краткого обсуждения выяснилось, что ни у кого из присутствующих лиц нет возражений против этой инициативы Константинопольского патриарха⁸⁸.

Затем Собор перешел к обсуждению канонов, предложенных к принятию. Первый из них очень любопытен, и его следует привести полностью. «Если кто из италийских клириков, или мирян, или епископов, обитающих в Азии, или Европе, или в Ливии подверглись или узам отлучения, или низвержению из сана, или анафеме от святейшего папы Иоанна, те да будут и от святейшего Фотия, патриарха Константинопольского, подвержены той же степени церковного наказания. А кого из клириков, или мирян, или архиереев или иереев Фотий, святейший патриарх наш, в какой бы ни было епархии, подвергнет отлучению, или низвержению, или предаст анафеме, таковых и святейший папа Иоанн, и с ним святая Божья Римская церковь да признает подлежащими такому же наказанию. Притом в преимуществах, принадлежащих святейшему престолу Римской церкви и ее предстоятелю, совершенно да не будет никакого нововведения ни теперь, ни впредь».

Подробный разбор этого канона будет сделан в соответствующем приложении, сейчас лишь отметим, что им, во-первых, утверждено в окончательном виде первенство в Кафолической Церкви двух «вселенских» кафедр — Римской и Константинопольской, а, во-вторых, четко обозначены границы папской власти. Нельзя не обратить внимания на то, что этот канон не только является «родным ребенком» 28-го канона Халкидонского Собора и 36-го Трулльского, но и заметно возвеличивает Константинопольского патриарха, который теперь с полным основанием мог считать себя не вторым по чести епископом в Кафолической Церкви, а *равным* Римскому епископу. После этого были приняты еще два канона, и все присутствующие подписались под актами Собора, видимо решив, что это — последнее заседание.

Но жизнь внесла свои коррективы: 3 марта 880 г. состоялось шестое заседание Собора — уже в императорском дворце в присутствии самого царя и его сыновей (Льва и Александра). Была зачитана речь Василия I Македонянина к Собору, в котором им-



ператор отмечал, что сознательно не принимал участия в его заседании, дабы никто не говорил, что над волей епископов довлела царская власть. Конечно, это была предупредительная мера против возможных обвинений папы в давлении на своих легатов. А потом — очевидно, под влиянием св. Фотия — император предложил легатам провозгласить Символ Веры, поскольку, по его словам, «появляются те, кто осмеливается менять его текст».

Нет сомнения, что это было сделано Константинопольским патриархом ради исключения *Filioque*, принятого к тому времени почти всеми западными епископами и самим папой, из Символа Веры. И легаты послушно согласились подтвердить истинность Никео-Цареградского Символа, чем вызвали бурный восторг присутствующих лиц. После этого Собор просил императора Василия I утвердить его акты, что и было сделано⁸⁹. Седьмое и последнее заседание Собора «В Храме Святой Софии», на котором Западная и Восточная Церкви проявили редкостное единодушие, носило сугубо торжественный характер. Так закончилась деятельность этого замечательного Собора — великой победы кафолического разума и лично св. Фотия.

Увы, Церковь уже не могла жить единым телом — настолько сильны были разногласия между «вселенскими» кафедрами. Когда папа Иоанн VIII узнал, что на Соборе 879—880 гг. не решен вопрос о Болгарии, но зато отвергнуто *Filioque*, он взошел на кафедру одного из римских храмов с Евангелием в руках и заявил, что анафематствует любого, кто *не признает* св. Фотия преступником, проклятым еще понтификами Николаем I и Адрианом II. Такая легкость в суждениях не встретила понимания на Востоке: когда легат папы Марин вновь приехал в Константинополь, чтобы восстановить «справедливость», его просто упрятали в тюрьму, а затем выдворили без долгих слов за городские ворота. После смерти Иоанна VIII новый папа — не так давно униженный в Константинополе прежний легат *Марин I* (882—884) — подтвердил анафемы в адрес св. Фотия. Впрочем, он будет далеко не последним в этом ряду⁹⁰.

Но вернемся к делам политическим. После некоторого перерыва, вызванного проведением Собора, император возобновил военные действия на Востоке. Летом 882 г. он выступил с войском под город Мараш, но не смог взять его и в преддверии зимы отступил обратно. На обратном пути он нанес поражение местному араб-

скому правителю Абделамелю, немедленно запросившему мира у византийцев. Вновь, как и раньше, въезд императора в Константинополь был организован в виде пышного триумфа. Попутно летом 882 г. византийцы одержали важные победы в Сицилии, причем с одной победой связана легенда, будто их полководцу Мусилику было видение патриарха св. Игнатия на белом коне, указавшего ему правильное направление атаки. Однако следующий, 883 год принес больше разочарований. Вследствие придворных интриг император отставил от командования скифа Андрея, с именем которого были связаны многие последние победы (в том числе при Подендоне в 878 г.). Как следствие, летом 883 г. арабы одержали победу у сирийской границы. Кроме того, преемник Андрея стратиг Феодор Сантабарин, малоопытный воин, в сентябре 883 г. потерпел страшное поражение у города Тарса⁹¹.

Но уже в 885 г. в Италию прибыл знаменитый малоазиатский полководец Никифор Фока Старший — дед будущего императора св. Никифора II Фоки. Он нанес арабам несколько чувствительных поражений, захватив города Амантию, Тропею и крепость св. Северины. Вследствие побед византийских полководцев императору удалось организовать новую фему — *Лангобардию*, куда вошли Амальфи, Сорренто, Неаполь и Гаэта⁹². Видя такие успехи, папа *Стефан V* (885—891) перестал искать помощи на Западе, склонившись к престолу Византийского императора, хотя прежних анафем в адрес св. Фотия не отменил.

Однако военные действия и церковные дела занимали далеко не все время Римского царя. В истории император Василий I Македонянин остался не только великим василевсом, буквально сохранившим Италию и саму христианскую цивилизацию от очередной арабской экспансии, примирителем Церкви и борцом за права Константинопольской кафедры, но и *блестящим законодателем*. Законодательство времен св. Юстиниана I Великого к тому времени уже значительно устарело и стало неудобным в применении, поскольку, во-первых, было написано на латыни, которой греки уже практически не владели; а, во-вторых, содержало много противоречий с позднейшими узаконениями. К тому же разбросанные по нескольким кодексам законы были трудны для практикующих судей и адвокатов. Едва взойдя на трон, император поставил перед собой три задачи: а) отменить старые и устаревшие законы, б) уничтожить все контрроверзы, в) составить краткое руко-



водство к изучению права. Об этом хорошо говорится во введении в «Эпанагогу», о которой речь пойдет ниже. «Наше царство, будучи посвящено некоторым божественным и неизреченным способом в таинства физической монархии и тройственной власти, со многим тщанием и прилежанием обратилось к провозглашению доброго и миротворительного закона. И, прежде всего, произведя очистку в тексте древних законов, мы соединили в 40 книгах весь чистый и непорочный свод закона и предложили его вам, как бы некоторый божественный напиток. Мы предложили его вам как спасительное руководство, как душеполезный закон, сокращенный и ясный, который будет служить вам введением к содержанию заключающегося в Сорока книгах»⁹³.

И уже в период с 870 по 878 г. Василием I и его сыновьями Константином и Львом был опубликован «*Прохирон*» («Руководство по праву»), принадлежавший их перу. Кодификация законодательства продолжилась дальше, и в 884 г. вышел в свет сборник тех законов из законодательства св. Юстиниана Великого, которые могли применяться в данное время. К сожалению, этот сборник до нас не дошел. Наконец, в 886 г. было подготовлено новое издание «*Прохирона*» под наименованием «*Эпанагога*» («Введение»), в разработке которой деятельное участие принял Константинопольский патриарх св. Фотий. По обстоятельствам, которые мы изложим позднее, многие исследователи полагают, что «*Эпанагога*» никогда не являлась законодательным актом, а представляет собой лишь *проект*, так и не увидевший свет⁹⁴. Но в любом случае многие идеи и юридические институты, изложенные в ней, вошли в состав сборника «*Василики*» («Царские законы»), изданного уже при сыне Василия Македонянина императоре Льве VI Мудром⁹⁵.

Как уже отмечалось, назначение «*Прохирона*» состояло в передаче в краткой форме громадного законодательного материала, а также в установлении новых правовых положений. «*Прохирон*» состоял из 40 титулов и предисловия. Титулы с 1-го по 11-й регулируют вопросы брака и распоряжения приданым, с 12-го по 20-й — гражданские обязательства, с 20-го по 37-й — наследственное право. Собственно, публичные вопросы регулируют последние титулы «*Прохирона*»: о военных преступлениях, общественных постройках, воинской добыче. Значение «*Прохирона*» было огромно: достаточно сказать, что он использовался еще в XIV веке и стал основой для нового законодательного сборника Арменопула. Его

изучали все греческие канонисты, когда им приходилось разбирать казусы, касающиеся и церковных, и гражданских отношений. Под наименованием «Градского закона» он вошел и в состав нашей русской «Кормчей»⁹⁶.

В отличие от «Прохирона», в основе которого лежали институции св. Юстиниана и «Эклога» Льва III и Константина V Исауров, «Эпанагога» содержала много новых законов: о царской власти и власти патриарха, а также общие нормы права. В частности, в 1-м титуле говорится о праве и правосудии, о полномочиях императора говорится в титулах со 2-го по 7-й. Титулы с 8-го по 10-й регулируют вопросы о священнодействующих. Титулы 12 и 13 дают правила о свидетелях и документах, титулы с 14-го по 17-й и 21-й титул — о помолвке и браке, титулы с 18-го по 20-й — о приданом и дарениях между мужем и женой. Учение о договорах изложено в титулах с 22-го по 28-й. В титулах с 29-го по 38-й дается учение о завещаниях. Титулы 39 и 40 посвящены уголовным преступлениям⁹⁷.

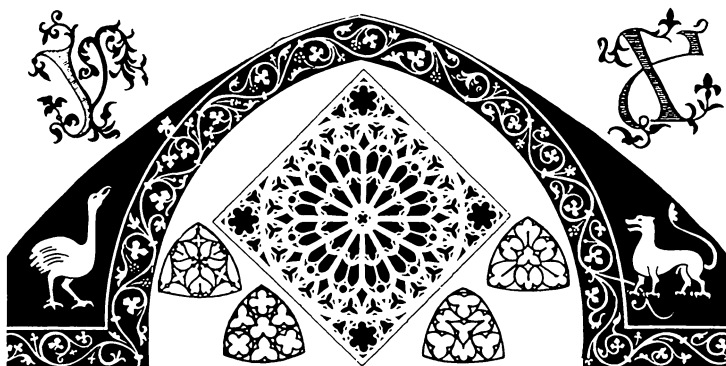
Но самому императору не удалось вкусить всех плодов своих трудов. Как гласит предание, однажды он, уже далеко не молодой человек, помчался за громадным оленем. Внезапно животное остановилось, развернулось и, случайно зацепив пояс императора своим рогом, понеслось вместе с несчастным царем в чашу. Напрасно придворные, обнаружившие царского скакуна без седока, пытались перехватить оленя — животное неизменно убегало от охотников. Только через несколько часов двум слугам удалось подкрасться к оленю и перерубить пояс императора, на котором тот висел; Василий Македонянин без чувств рухнул на землю.

Интересно, что старый и израненный император, изверившийся во многом, придя в себя, никак не мог поверить, что слуги не смогли перерубить ремни, на которых он висел, — ему казалось, что они покушались на его жизнь, а потому своим бездействием убивали царя. Впрочем, возможно, что подозрения императора были небезосновательны. Возникал помимо указанного выше еще один вопрос: как животное могло протащить по лесу такое грузное тело, не пытаясь освободиться от обременительного груза? Наконец, самое большое подозрение вызывало то обстоятельство, что спасательный отряд в лесу возглавил Стилиан Заутца, отец любовницы Льва Мудрого, которого император откровенно не любил. Вполне возможно, что, опасаясь неуравновешенности императора, который однажды уже чуть не погубил сына, сановник

решил помочь царевичу получить престол, надеясь на будущие преференции. Было это так или иначе — никто достоверно не знал, по крайней мере в хрониках нигде не упоминаются альтернативные версии случившегося⁹⁸.

Императора принесли во дворец, где обнаружили признаки серьезного повреждения внутренних органов. Поняв, что ему осталось совсем немного времени, Василий Македонянин отдал последние распоряжения. По его приказу, опекуном его сыновей Льва и Александра был назначен Заутца — армянин, родившийся в Македонии, как и сам Василий I. Ему он поручил управление всеми церковными и государственными делами. Спустя 9 дней, 29 августа 886 г., великий император скончался в возрасте 74 лет⁹⁹.





XLII. ИМПЕРАТОР ЛЕВ VI МУДРЫЙ (886—912)

Глава 1. Нелюбимый сын. Философ на троне

Родившийся в 866 г. Лев VI, прозванный впоследствии *Мудрым*, имел все основания считать свое детство малосчастливым. Вследствие упорных сплетен и слухов, бродивших по дворцу, Василий Македонянин до конца своих дней полагал, что Лев является отпрыском покойного императора Михаила III и откровенно недолюбливал сына. Правда, в 870 г. Лев вместе со старшим братом Константином был удостоен императорского титула, но в принципе это еще ничего не значило. Нет, конечно, Лев получил блестящее образование — его учителем был сам св. Фотий, но Василий I наглядно демонстрировал перед всеми, что его сердце отдано старшему сыну Константину, которого он желал видеть наследником престола. Когда вследствие роковой болезни Константин умер в декабре 879 г., Лев неожиданно для себя стал первым претендентом на императорство, что, впрочем, не улучшило их отношений с отцом.

Нередко излишне прагматичный и властный, Василий Македонянин *по-своему* устраивал судьбу сына, мало заботясь о его интересах и желаниях. Отдавая себе отчет в том, что сыну необходимо получить поддержку со стороны высшей аристократии Римской империи, он женил его в 882 г. на дочери патрикия Константина

из знатного рода Мартинакиев *св. Феофании*, 16-летней скромной и богобоязненной девушке, к которой Лев не испытывал ровным счетом никакого влечения. По преданию, выбор невесты произошел следующим образом. Как обычно, созвали девушек из богатых семей со всех уголков Римской империи, и когда выдалось свободное время, девушки коротали время, возбужденные предстоящими смотрами. Одна из кандидаток, афинянка, предложила погадать необычным образом: все должны были разуться, и первая, кто встанет, наденет свои туфли и сделает красивый поклон, станет избранницей судьбы. Так и поступили, и *св. Феофания* выиграла состязание. Девушки живо обсуждали происшедшее событие, когда в дверь вошли император и императрица. Они сразу обратили внимание на *св. Феофанию*, стоящую в центре зала в окружении остальных девиц. Девушка понравилась им своей красотой и набожностью, и они тут же остановили свой выбор на ней.

Льва, конечно, никто не спрашивал: между отцом и сыном отношения были не столь нежны и доверительны, чтобы ожидать со стороны Василия I такого шага¹⁰⁰. Более того, по личному признанию Льва VI, сделанному позднее, Василий Македонянин избил его, *заставив* жениться на *св. Феофании*. Разумеется, никто не спрашивал согласия и у невесты — все решала воля родителей жениха¹⁰¹.

Безусловно, *св. Феофания* являла собой широко распространенный пример женской святости и благочестия, далеко не редкий в те дни. Тем не менее ее судьба и жизнь не вполне обычны. Святая царица принадлежала к знатному роду, и ее отец занимал при императорском дворе должность *иллюстрия*. У него и его жены Анны долго не было детей, но по их горячим молитвам Господь подарил им ребенка, *св. Феофанию*. Уже с 6-летнего возраста та знала Псалтирь наизусть, а ее благочестие стало широко известным. На нее обратил внимание сам василевс, по приказу которого *св. Феофания* была приглашена во дворец; теперь она стала женой Льва Мудрого¹⁰².

Рожденная, скорее, для монастырской обители, чем для царского дворца, *св. Феофания* под роскошным царским платьем носила обноски, спала на жесткой подстилке вместо кровати и ночью каждый час вставала для молитвы. Все дни она проводила в благочестивых делах и быстро наскучила молодому царевичу, пышущему энергией и мужской силой.

Неудивительно, что вскоре Лев Мудрый сошелся тайной связью с дочерью *этериарха* (начальника иноземной дворцовой стражи) Стилиана Заутцы Зоей. Обворожительная девица полностью пленила сердце Льва, и их отношения стали настолько открытыми, что св. Феофания однажды не выдержала и пожаловалась свекру на поведение собственного супруга. Не мудрствуя лукаво Василий Македонянин тут же приказал венчать Зою с неким придворным Феодором Гузуанитом, а сыну сделал жесткое взыскание. Этот инцидент еще более охладил отношения Льва с отцом, что привело в 885 г. к печальным последствиям¹⁰³.

В число доверенных лиц императора входил Евхаитский архиепископ Феодор Сантаварин, друг патриарха св. Фотия. Со Львом они откровенно не любили друг друга — Сантаварин публично высказывал сожаление по поводу легкомысленности царевича, и, кроме того, как друг св. Фотия, не без опасения следил за тем, что вокруг Льва Мудрого образовалась группа придворных, недовольных политикой Константинопольского патриарха. Заметим попутно, что, по мнению некоторых историков, Сантаварин являлся тайным манихеем и приверженцем волхования. Как уверяют, сохранилась даже история о том, как он волховал перед самим Василием I Македонянином и тот, пораженный его способностями, ошибочно принятыми за проявление святости, доверился хитрому архиерею¹⁰⁴.

А тот задумал дьявольскую комбинацию, результатом которой должно было стать окончательное отвержение императором своего сына. Как-то он посоветовал Льву вооружиться коротким мечом, чтобы не быть застигнутым врасплох недругами, которые — уверял царевича архиепископ — желают его смерти; и юноша доверчиво внял словам архиерея. Но вслед за этим Феодор Сантарин «открыл» императору, будто неблагодарный сын желает его убить. Льва доставили в царские покои и обыскали — конечно, меч был при нем. Разгневанный василевс отдал приказ *ослепить сына* (!), и лишь горячее заступничество св. Фотия, Заутцы и многих сенаторов спасло Льва. Все же царь лишил сына права носить пурпурные сапоги и на три года заключил под стражу — верная св. Феофания добровольно разделила с мужем тяжесть пребывания в заключении. Все время пребывания под стражей супруги предавались молитве и посту, моля Бога о даровании им прощения и спасения. Вместе

со Львом наказания не избегли и его ближайшие товарищи — доместик схол Андрей и магистр Стефан¹⁰⁵.

Однако друзья Льва, которых было много среди придворных сановников, неоднократно предпринимали попытки освободить его. Сохранилось известие о том, что кто-то из них специально обучил говорящего попугая, клетка с которым висела в большом зале Священного дворца, и во время обеда птица постоянно повторяла: «Бедный Лев! Бедный Лев!» Во время одной трапезы император заметил грусть на лицах своих сановников и спросил, в чем причина. «Как мы можем пировать с легким сердцем, государь, — ответили они ему, — если птица и та укоряет нас за наше поведение. Как мы можем среди веселья забыть несчастного царевича?»¹⁰⁶ Под давлением придворных сердце отца смягчилось.

В течение всего срока заточения сын не переставал писать отцу, пытаясь оправдаться в возводимых на него обвинениях, и наконец на праздник Илии Пророка (20 июля) Василий I дал ему свободу, разрешив даже участвовать вместе с собой в пышной процессии. Когда обрадованные константинопольцы начали славословить Льва, император рассерженно воскликнул: «Вы благодарите Бога за моего сына? О, вы еще переживете с ним немало бед!» Нет сомнений в том, что он непременно лишил бы Льва императорского достоинства, но второй сын, Александр, демонстрировал еще худшие качества, а младший сын св. Стефан откровенно стремился к духовной жизни. Поэтому сразу после смерти отца новым императором Римского государства стал **Лев VI Мудрый**.

Жертва своего тревожного детства, Лев вырос человеком закрытым, но решительным и с твердым характером, небесхитростным, но благочестивым. Поскольку никто в семье не предполагал, что когда-нибудь Лев станет единовластным правителем, его не готовили к ратным подвигам, а стремление к учению и любовь к наукам навсегда поселились в его душе. Возможно, религиозное чувство нового царя не было таким горячим, как у св. Феодании, но глубоким. Лев VI много жертвовал на строительство монастырей и храмов, а также писал праздничные каноны и стихиры, вошедшие в состав богослужебных книг. Император настолько увлекался чтением классиков, что тратил на это занятие не короткие часы досуга, а почти все время. Неправильно, однако, полагать, будто государственные дела совершенно не волновали его. По многим направлениям деятельности Римского государства он продолжил



политику отца и, в частности, решительно уничтожал последние остатки республиканского строя — отжившие атавизмы. Затем он упразднил сенат и отменил муниципальное устройство в городах.

Первым его делом после вступления на царский престол стало восстановление доброго имени и отдание последних почестей (пусть и запоздалых) императору Михаилу III. В Хрисополь, где находился прах погибшего царя, был отправлен стратилат Андрей, сенаторы и священники. Они извлекли останки Михаила III, обрядили в царские одежды, положили в кипарисовый гроб, а затем доставили в Константинополь и торжественно перенесли в усыпальницу храма Святых Апостолов¹⁰⁷. Это событие вновь возродило старые слухи, будто *настоящим* родителем Льва Мудрого являлся император Михаил III. Но едва ли действия молодого царя имели своей целью почтить память «отца». Во-первых, им могло двигать желание хотя бы немного загладить вину Василия Македонянина. А, во-вторых, как настоящий Римский царь, полный сознания своего статуса, он наверняка желал отдать дань своему предшественнику царского рода.

Его считали чрезмерно подозрительным, но мог ли жить с открытой душой император, на жизнь которого не раз покушались самые близкие люди? Едва он стал единоличным правителем, как выяснилось, что отец его возлюбленной Зои Заутцы вместе с несколькими придворными составили заговор с целью убийства царя. И самое удивительное, что, открыв намерения заговорщиков, Лев VI не смог их покарать, *спрятавшись от них* в своем дворце (!). Лишь после того как некий магистр Лев Феодотакис примирил царя с отцом его возлюбленной, император осмелился открыто ходить по царским покоем¹⁰⁸.

В этом нет ничего удивительного: еще не приобретший опыта в делах государственного управления, Лев Мудрый казался многим придворным излишне робким и неуверенным в себе. Напротив, Заутца, прекрасно понимавший, *что* может произойти с ним лично вследствие какого-нибудь удачного заговора, очень опасался за свою жизнь. Как и в любом обществе, высший свет Византии был изнутри разделен на множество партий и групп, соединившихся по интересам. Понятно, что первый сподвижник и друг покойного Василия Македонянина мог в случае неудачного правления Льва Мудрого расстаться с жизнью, причем не по своей воле. Заутца

резко осаживал молодого царя и не давал воли жалости, постригая в монахи и ссылая всех подозрительных людей. Особенно неприятно было для Льва VI то, что Заутца поссорился с его любимым духовником Евфимием, и все попытки примирить их ничего не дали. На этой почве и произошла первая размолвка Заутцы с императором, закончившаяся, как видим, тем, что Лев Мудрый первым пошел навстречу своему опекуну¹⁰⁹.

Этот заговор был первым, но далеко не последним. Незадолго до смерти второй жены, Зои, ее родственники — эпископ (служащий из числа конюшенных) Василий, этериарх Николай и друнгарий виглы Парда, — опасаясь, что царь женится в третий раз и забудет о них, решились просто *сместить его с престола*. По счастью, некий евнух из арабов по имени Самон донес императору о готовящемся перевороте, и тот схватил изменников. Примечательно, но ни один из них не был казнен¹¹⁰.

Если перечень малосимпатичных качеств Льва VI довольно ограничен, то, напротив, о его достоинствах можно сказать много. Так, по одному справедливому замечанию, Льва Мудрого следует отнести к самым выдающимся церковным законодателям после императора св. Юстиниана Великого. Замечательно, что, как и его отец, Лев VI шел в этом отношении путем, указанным еще царями Исаурийской династии, хотя официально законодательство Исауриков было отвергнуто по идейным соображениям. Цари-македонцы продолжили ревизию действующего законодательства, отменяя устаревшие институты и нормы и издавая новеллы для удовлетворения насущных вопросов бытия. «Кодекс Юстиниана» уже давно не соответствовал потребностям жизни Византийской империи. И зачастую местные судьи были вынуждены самостоятельно составлять целые *сборники местных обычаев*, которые применялись в конкретном месте, а со временем даже стали вытеснять официальные сборники права. Нельзя также забывать, что этнический состав многих территорий резко изменился за последние 300 лет, и пришельцам были чужды старые законы¹¹¹.

«Под влиянием местных обычаев, — писал об этом сам царь Лев VI, — еще не ставших законным правом и единственно почерпывающих силу в угодливости толпе, возникают многие новшества, происходит путаница в применении закона, и в делах чрезмерные запущение и беспорядок». Между тем, продолжает он свою мысль, «законы служат как бы охранителями нашей жизни и врачами, ко-

торые, с одной стороны, затрудняют укоренение в жизни дурных привычек, с другой, устраняют вредные последствия тех, которые уже незаметно проникли в общество, отсекая зло с корнем и не давая ему укрепиться»¹¹².

Доработав при содействии юристов отцовское наследие, император выпустил сборник *«Василики»*, состоявший из 6 томов или 60 книг. Не удовлетворившись этой работой, царь выпустил еще более 100 новелл по вопросам канонического права — по другим источникам, всего им было выпущено 120 или даже более 200 новелл. Например, только на имя своего брата Константинопольского патриарха св. Стефана он написал более 50 законов, причем каждое из новых узаконений сопровождалось подробными разъяснениями самого царя относительно мотивов своего решения и должной практики применения данной новеллы. Отличительная же черта новелл заключалась в том, что они проникнуты мягкостью, гуманностью и *практичностью*¹¹³. Лев не считал себя связанным старыми правилами, а потому, действуя свободно, устанавливал новые канонические нормы. В вопросах о браке, священстве, крещении младенцев, владении церковными имуществами (например, новеллы 7, 16, 17) царь рассуждал совсем иначе, чем его предшественники. Его новеллы, по обыкновению, пестрят ссылками на Святое Писание, апостольские и святоотеческие правила, гражданские законы прошлых лет, внося и закрепляя тем не менее новые идеи.

При этом император строго разделял сферу действия своих новелл и освященных древностью канонов, заявив как-то: «В делах гражданских полезнее законы гражданские, а в делах церковных, для благоустройства всех, полезнее священные постановления». Правда, на практике эта граница неоднократно нарушалась Львом Мудрым — да и могло ли быть иначе в условиях все еще сохраняющейся «симфонии властей»? В частности, царь заметил как-то, что память многих святых подвижников Православия не празднуется в Римской империи, а потому 38-й новеллой установил эти праздники. В другом случае (2-я новелла) царь установил правило о том, что лица, имеющие детей, также вправе претендовать на епископство¹¹⁴. Кроме того, василевс установил обязательное празднование воскресного дня, запретив в этот день любые работы — исключение делалось лишь для земледельцев в летнюю страду. Подтвердив узаконения своего отца о принудительном крещении



иудеев, 55-й новеллой Лев VI признал их разумными и обязал их жить по христианскому обычаю.

Забываясь о благочестии клириков, император установил 15-й, 36-й и 39-й новеллами, что архиереев и священников, унижающих свое достоинство адвокатской практикой и выполнением частных поручений, следует на время запрещать в священничестве, а также налагать на них епитимию. После покаяния они могут вернуться к священнодействию, отмечал Лев Мудрый, поскольку эти прегрешения вполне понятны по слабости человеческой природы и нашей немощи. Но если они вновь будут пойманы на этом, то должны быть *навсегда* запрещены к служению. Конечно, это было известным отступлением от некоторых канонов, установленных Вселенскими Соборами, но вполне оправданным с точки зрения жизни¹¹⁵.

Развивая идеи, изложенные в 82-м Апостольском правиле, император 11-й новеллой установил, что раб, достигший епископского сана без ведома и разрешения своего господина, лишается его. «Мы не только не прощаем тех, кто достиг какой-либо цели обманом или воровством, и не позволяем им пользоваться тем, что они приобрели, но и нередко наказываем их как преступников. Тем более мы не позволяем, чтобы спокойно жил и пользовался двумя самыми почетными преимуществами — свободой и священством тот, кто осмелился получить их путем воровства, пронырливости и постыдного обмана».

В брачном законодательстве отдельные новеллы Льва VI вызвали настоящий переворот. Например, он *уравнял в правах* на вступление в брак свободных лиц и рабов. Василевс объявил, что брачные союзы рабов и свободных граждан должны считаться законными, хотя некоторое время свободная женщина, вышедшая замуж за раба, должна претерпеть в несвободе. Однако дети от такого брака в любом случае являются полноправными гражданами Римской империи. Затем император решительно запретил конкубинат (внебрачное сожительство), заявляя, что такого насилия над верой и природой он в своем государстве не потерпит. Рядом с этим законом стоит новелла, согласно которой брак непременно должен начинаться с благословения Церкви — ранее сакральные церемонии осуществлялись лишь по желанию самих брачующихся сторон. Таким образом, старое промежуточное состояние между браком и безбрачием, известное еще с античных времен, было законодательно упразднено (39-я новелла).



Львом Мудрым было введено обязательное правило об обручении брачующихся лиц, согласно которому нарушение обручения противно церковному обычаю и потому неприемлемо (73-я новелла). Запрещено было также обручать лиц моложе 15 и 13 лет (соответственно мужчину и женщину)¹¹⁶. Заботясь о своих солдатах, император 33-й новеллой совершенно запретил женам воинов, пропавших без вести, вступать в брак без удостоверения воинскими властями смерти их супругов. За ослушание они подвергались телесным наказанием вместе со своим новым мужем, и военные командиры — большому штрафу. Мужьям и женам пленников также запрещалось вступать в новый брак.

Вместе с тем Лев Мудрый расширил перечень оснований для расторжения брака. В частности, согласно 30-й новелле, поводом к разводу считалось соглашение замужней женщины с другим мужчиной о браке, поскольку, как считал царь, прежний брачный союз уже не существует по Божественным заповедям. Аборт также стал считаться основанием для развода — конечно, при желании мужа (31-я новелла). В случае сумасшествия жены муж также мог развестись с супругой.

Другим замечательным юридическим памятником являлась «Книга епарха», также принадлежавшая перу императора Льва Мудрого. Как известно, градоначальник Константинополя, епарх, занимал высокую ступеньку в византийской «табели о рангах», и «Книга епарха» детально регламентирует его деятельность. В этом сочинении регулируются также вопросы организации торговли корпорациями, обязанности чиновников по поддержанию порядка торговли на столичных рынках, а также внутренняя организация самих корпораций, торговых и ремесленных цехов¹¹⁷.

Надо сказать, что свод законодательства Льва Мудрого активно использовался в восточных христианских странах, включая Грузию и Армению. Интересно, что еще в XV веке Молдавский князь *Александр Добрый* (1401—1433) приказал перевести на молдавский язык «Василики», полученные им из Константинополя. Албанский свод законов, изданный в 1646 г., также включал в себя в качестве важнейшей составной части «Василики» Льва VI. В Валахии в 1634 г. был издан свод государственных и церковных законов, который исследователи считают точной копией «Василик»¹¹⁸.

«Василики» и новеллы Льва Мудрого широко использовались не только на Востоке, но и на Западе, где превалировало законо-

дательство св. Юстиниана Великого. Но «Василики» были очень удобны тем, что зачастую не только содержали тексты новелл святого императора, но и давали ссылки на их источники, что очень нравилось глоссаторам.

Как некогда знаменитый св. Юстиниан Великий, Лев VI много времени посвящал составлению проповедей и церковных песнопений. Сохранились его «слова» на Рождество Богородицы, Введение Ее в храм, Благовещение, Сретение, Рождество Христово, Вербное Воскресенье, Воздвижение Святого Креста Господня, Воскресение и Вознесение Христа, Сошествие Святого Духа и Пятидесятницу, Успение Богородицы, Неделю всех святых, Усекновение главы Иоанна Предтечи, в честь св. Иоанна Златоуста и св. Николая Мирликийского, и «слово» ко всем христианам — всего 19 проповедей. Из несохранившихся сочинений известны работы «О судьбе», «Главы о добродетели», «Нравственные правила». Кроме того, Льву Мудрому приписывается полемическое сочинение с сарацинским князем Омаром. Как правило, эти проповеди зачитывались в храмах его чиновниками, но нередко царь и сам выходил с текстом на амвон¹¹⁹.

Не менее плодотворным император был и в области церковной гимнографии. Он написал стихиру на «Хвалите» в Лазареву Субботу, две стихиры на Великий Пяток, стихиру на утрени «Презревши, душа моя, божественных помазаний», 5 стихир на «Господи воззвах» за вечерей, 11 стихир Евангельских, среди них известную стихиру «Придите, людие, триипостастному Господу поклонимся». Его перу принадлежит и песнь на второе пришествие Христа, впоследствии положенная на ноты¹²⁰.

Анализ проповедей императора показывает, что он владел достаточными познаниями в Священном Писании и богословской литературе, не без успеха раскрывал догматико-полемические темы, пользовался церковно-историческими и житийными материалами. И по форме все его проповеди имеют признаки риторически правильных сочинений. Речь царя полна сравнений и образов, в общем — перед нами яркий пример схоластической проповеди, образец риторической науки. Но в «словах» Льва Мудрого встречаются и элементы современности. Он призывает к доброте и добролюбию, духовному единению, и сам обещает употребить все силы для доброго управления вверенным ему Богом народом¹²¹.

Глава 2. Царь и патриарх. Четыре брака императора

Все же иногда высказываемые суждения, будто в лице Льва VI на царский престол взошел *только философ*, как уже было замечено выше, лишены основания. Император прекрасно ориентировался в сложившейся к концу царствования своего отца ситуации в Римской державе и предпринял предупредительные меры, направленные на укрепление царской власти и ее самодержавие. Со времени Собора 879—880 гг. прежний баланс отношений между императором и столичным клиром оказался нарушенным, и «симфония властей» испытала первый системный кризис — об этом подробно речь пойдет в специальном приложении. Сейчас лишь отметим, что первым следствием этого кризиса стало постепенное *удаление* императора от управления Восточной Церковью и сосредоточение в руках столичного патриарха невиданных ранее прерогатив, сравнимых разве что с папскими полномочиями на далеком Западе.

Идеологом этого движения, душой и *живым символом* новой церковной партии стал св. Фотий. Уже давно не молодой человек, претерпевший множество испытаний, угнетаемый недугами, он все еще оставался мощной политической фигурой в византийском обществе. Это обстоятельство и решило судьбу св. Фотия, которого первым коснулись перемены. Вскоре после начала царствования бывший ученик святителя прямо высказал свою волю — св. Фотий должен оставить патриарший престол столицы. В принципе патриарх мог и побороться за себя: и ранее, и позднее некоторые непокорные архиереи позволяли себе апелляции к епископским собраниям, не желая подчиниться воле василевса. Но св. Фотий не стал сопротивляться и добровольно отправился в монастырь Гордон. Впрочем, сохранились свидетельства, что престарелый патриарх оказался замешанным, хотя бы и косвенно, в очередном заговоре против Льва VI — по прошествии времени этот факт не был никем ни подтвержден, ни опровергнут. Уже знакомый нам архиепископ Феодор Сантаварин — главный обвиняемый по проведенному расследованию, был ослеплен и сослан в Афины, а св. Фотий удален в монастырь¹²².

На его место император возвел в патриаршее достоинство своего младшего брата 16-летнего св. *Стефана* (886—893), носившего

сан диакона и бывшего синкеллом (сокелейником) св. Фотия. Это был жестокий удар по клирикам, чьим мнением никто не поинтересовался — понятно, что никаких заслуг перед Церковью св. Стефан не продемонстрировал по причине своего юного возраста, и его назначение состоялось по единоличной воле царя. На Рождество 886 г. митрополит Кесарии Каппадокийской Феофан совершил посвящение св. Стефана в присутствии множества архиереев и самого василевса. Теперь при юном патриархе, к тому же его брате, император мог быть абсолютно убежден в том, что все ветви власти в Римской империи сосредоточены в его руках.

Поражению партии «фотиан» много способствовало одно послание из Рима, принадлежавшее папе *Стефану V* (885—891). Верный последователь Николая I и Адриана II, Стефан V не преминул после начала своего понтификата высказать некоторые претензии Василию I Македонянину. Он заметил, что наверняка автором последних, так раздражавших понтифика писем императора в Рим является не император, а Константинопольский патриарх — «царь, верный постановлениям Собора 869—870 гг., не мог так плохо писать о Римской церкви». Опровергнув слова об ошибках предыдущих понтификов («представитель всех Церквей не может ошибаться»), апостолик перешел в наступление, утверждая, что если и есть где нестроения, так это в Константинополе. Святой Фотий, по его мнению, всего лишь *мирянин*, и только любовь Римского епископа к императору заставляет его воздержаться от порицаний в адрес Восточной Церкви. В конце папа выражал радость по поводу того, что Василий Македонянин предназначил своему сыну св. Стефану духовную карьеру — видимо, в Риме были хорошо осведомлены относительно ближайших планов василевса. Это послание пришло в византийскую столицу осенью 886 г., когда Василий I уже почил в Бозе, и в значительной степени развязало руки Льву VI в отставку св. Фотия. Если папа не признает св. Фотия законным патриархом, то как тот может оставаться на престоле? И наоборот: если понтифик приветствовал рукоположение св. Стефана в клирики, то, значит, с назначением брата Константинопольским патриархом проблем не будет¹²³.

Опасения царя связывались не с возрастом нового патриарха, а все с тем же св. Фотием. Дело в том, что рукополагал св. Стефана в диаконы сам св. Фотий. Но если он не признан *законным патриархом*, то, очевидно, и все его рукоположения являются ничтожны-

ми с канонической точки зрения. Однако император, не вдаваясь в такие подробности, никоим образом не ставил под сомнение факт посвящения своего брата. А сторонники св. Фотия тем более желали отдать последнюю дань уважения своему учителю и вождю. Оставался Рим, с которым Лев Мудрый начал выстраивать добрососедские отношения, и «игнатиане», вовсе не исчезнувшие из церковной истории после смерти св. Игнатия и сохранившие вес в обществе. Они, известные ригористы и сторонники застывших форм, представляли главную угрозу для Льва VI и св. Стефана.

Чтобы не создавать очередного раскола, император собрал всех заинтересованных лиц в Константинополе в начале 887 г. на Собор, причем в число приглашенных попали не только епископы и игумены, но и рядовые монахи, пресвитеры, диаконы. Возглавлял «игнатиан» митрополит Неокесарийский Стилиан. В своей речи царь напрямую предложил «игнатианам», если те опасаются вступать в общение с патриархом св. Стефаном, направить просьбу папе в Рим дать разрешение на служение с клириками, поставленными св. Фотием. Естественно, «игнатиане», довольные отставкой св. Фотия, согласились и направили послание папе Стефану V¹²⁴.

В своем письме в Рим Стилиан долго обличал св. Фотия, просил простить народ Константинополя за заблуждения относительно свергнутого патриарха, неожиданно и *неприятно* для понтифика заметив, что это произошло под руководством папских легатов, а затем сформулировал главную просьбу. «О, честный глава! Ведь никто из бывших в общении с Фотием не сделал этого по собственному побуждению, но лишь по насилию предрежащей тогда власти. Молим твое преподобие: пожалей отчаявшихся людей! Через это ты и сам удостоишься милости Божией, дабы молитвами Богородицы и всех святых управлять как можно дольше Апостольской церковью». Получив столь лестное для себя (за небольшим исключением) послание митрополита, понтифик не без удовольствия вмешался в дела Константинопольской Церкви в роли почетного и абсолютного судьи. Однако апостолик решил все же начать сначала, а потому в первоочередном порядке вернулся к вопросу поставления патриархом св. Фотия.

В своем ответном письме он выразил недоумение тем обстоятельством, что в послании восточного клира речь говорилась *о низложении* св. Фотия, а в послании императора — *о добровольном оставлении* им патриаршего престола. Эта разница слишком суще-

ственна, заметил понтифик, чтобы пропустить ее мимо. А поэтому потребовал прислать в Рим восточных епископов, дабы исследовать все обстоятельства дела, а затем уже вынести окончательное суждение. «Ибо святая Римская церковь служит как бы зеркалом и образцом для прочих церквей, и что она постановит, то остается нерушимым на вечные времена»¹²⁵.

Письмо папы поставило Стилиана и его сторонников в крайне затруднительное положение. Получалось, что если св. Фотий добровольно оставил престол, то, следовательно, ранее он занимал его *законно*. Говорить же, что его низвергли, — значит утверждать заведомую ложь: ведь никакого специального Собора для повторного осуждения св. Фотия не собирали; и Рим прекрасно знал об этом. Целых три года «игнатиане» находились в размышлении относительно того, как отвечать апостолику; наконец, ответ был подготовлен.

В ответном послании они пояснили, что якобы просто вышло недоразумение. Те, кто писал, будто св. Фотий отрекся добровольно от патриаршества, признавали его священническое достоинство, но они сами строго следовали приговорам пап Николая I и Адриана II. «Как мы могли признать *осужденного* добровольно отказавшимся?» — риторически вопрошали «игнатиане». Вместе с тем они обращались со старой просьбой относительно тех, кто признавал св. Фотия патриархом *по насилью*, и ссылались на аналогичную просьбу императора, «который вывел нас из тьмы и сени смертной и даровал свет свободы». За счет таких хитроумных словопрений митрополит Стилиан и его партия надеялись выйти из сложного положения, одновременно с этим уклоняясь от категоричных суждений по главному вопросу — признают они св. Фотия легитимным патриархом или нет.

Но папе Стефану V не суждено было завершить начатое дело, поскольку к тому времени он уже отдал Богу душу. Впрочем, смена лиц на папском престоле практически не повлияла на существо вопроса. Новый понтифик *Формоза* (891—896) направил в 892 г. в Константинополь послание, в котором укорял греков за то, что они не уточняют, *кого* следует прощать: если признавших св. Фотия патриархом мирян, то они достойны снисхождения; а если клирики, то, как *сообщники осужденного*, сами заслуживают осуждения. Правда, новый папа готов был простить и их, если те признают себя согрешившими, покаются и пообещают впредь не грешить.

Однако имело место существенное уточнение в письме Формозы: папа особенно отмечал, что таковых он готов простить, но *как мирян*, из чего выходило, что и Константинопольский патриарх св. Стефан, царственный брат, по существу, должен оставить патриаршую кафедру и остаться в звании мирянина. Отдельно досталось митрополиту Стилиану, которого папа Формоза жестко отчитывал за отказ прямо и откровенно ответить на главный вопрос: признает ли он св. Фотия патриархом? Послание это было привезено в Константинополь папскими легатами, которым Формоза поручил дальнейшее расследование дела.

Столь негибкая позиция Рима в очередной раз сильно охладила отношения между Западной и Восточной Церквями. Разумеется, император Лев Мудрый никогда не пошел бы на то, чтобы добровольно, своими руками низвергнуть с патриаршего престола собственного брата, им же поставленного в столичные архиереи. Даже строгие «паписты» — Стилиан и «игнатиане», основу которых составляли Студийские монахи, — испытали горькое разочарование по поводу столь нелепых амбиций Рима. Мало-помалу они начали присоединяться к своему юному патриарху, нисколько не забываясь о том, признан он таковым Римским епископом или нет¹²⁶. Поскольку же в этот период времени всеми делами в Восточной Церкви управлял сам император, то, по сути, весь клир объединился вокруг Льва Мудрого. Возможно, эта история еще могла бы иметь свое продолжение, но 17 мая 893 г. патриарх св. Стефан скончался и был погребен в малоизвестном Сикейском монастыре. Позднее он был причислен Константинопольской Церковью к лику святых.

Смерть св. Стефана вызвала новые интриги, связанные с личностью будущего патриарха. Небезызвестный нам Заутца, по-прежнему имевший серьезное влияние на императора, делал все, чтобы не допустить поставления в столичные архиереи Евфимия — духовника Льва Мудрого, яркого представителя партии «игнатиан». И действительно, новым Константинопольским патриархом решением царя был назначен *св. Антоний II Кавлей* (893—901), ранее подвизавшийся на монашеском поприще в одной из обителей на берегу Босфора. Это был очень интересный человек, происходивший из знатного рода, начитанный (он научился читать в 5-летнем возрасте), благочестивый и аскетичный. Еще в молодости он был посвящен св. Фотием в пресвитеры и, следовательно, являлся пред-

ставителем партии «фотиан» — неприятное известие для Рима. Кроме того, незлобивый и простой, патриарх св. Антоний II сни-скал любовь и уважение среди «игнатиан». Выбор царя пал на него не только по этим причинам, но и вследствие того, что, будучи престарелого возраста, совершенно не разбираясь в политических делах и далекий от дворцовых интриг, он никак не мог стать конкурентом Льву Мудрому в части церковного и государственного управления¹²⁷.

Даже ригоричный Стилиан признал св. Антония II в патриаршем достоинстве и лишь написал в Рим письмо, в котором *ради приличия* спрашивал согласия папы на церковное общение с «фотианами», мало беспокоясь ожидаемым ответом. Конечно, это послание повергло понтифика в шок. Новый папа *Иоанн IX* (898—900) даже усомнился, не в насмешку ли над ним Стилиан направил такое письмо, не стремился ли тот унижить Римский престол, и, разумеется, не дал своего согласия. Но, умудренный печальным опытом своих предшественников, заметно смягчил тон ответного письма, опасаясь окончательно потерять сторонников в Константинополе. В конце концов отношения между двумя «вселенскими» кафедрами выровнялись и стали *почти* мирными, тем более что вскоре патриарх св. Антоний II скончался, а вместе с ним исчез и предмет спора¹²⁸.

Но здесь возник новый вопрос, вновь взбудораживший Кафолическую Церковь. Как известно, замужество первой любви Льва Мудрого Зои Заутцы на Феодоре Гузуниате не прервало, однако, между ними прежних интимных отношений. В 893 г. Льва VI постигло сразу два несчастья: умерла его дочь Евдокия, а вслед за ней императрица св. Феофания (10 ноября). Царь решил построить храм в ее честь, и вскоре многочисленные чудеса на могиле покойной императрицы засвидетельствовали, что Византия обрела новую святую¹²⁹. А в начале 894 г. скончался муж его старой возлюбленной — теперь его руки оказались развязанными. Недолго думая он поселил Зою у себя во дворце, а в утешение даровал ее отцу новый в византийской иерархии титул «*василеопатр*» («отец царя»).

Однако его горячее желание соединиться с Зоей законным браком встретило неожиданное препятствие со стороны царского духовника Евфимия, наотрез отказавшегося венчать императора с этой «дурной женщиной». Он вполне резонно говорил царю,

что тот может венчаться с любой другой женщиной, но только не с этой, поскольку в таком случае все подумают, будто слухи и сплетни об их связи являются правдой. Но Льву Мудрому было нечего терять — он и так знал истинное положение дел и потому не принял аргументов старца, стараясь его уговорить¹³⁰. Однако пресвитер неизменно отвечал на все просьбы отказом, за что и был отправлен в обитель св. Диомида, откуда продолжал порицать «дерзновенное беззаконие». Нет никаких сомнений в том, что это довольно суровое наказание было подсказано императору василеопатром Заутцой, которого очень обидел отказ Евфимия венчать его дочь с царем. Все же в конце 894 г. придворный священник Синап совершил таинство брака, за что был подвергнут запрещению патриархом св. Антонием. Впрочем, император недолго наслаждался счастьем — осенью 896 г. императрица Зоя умерла от внезапной болезни. Как рассказывали, для похорон ей нашли гроб, на котором были вырезаны слова: «Дочь Вавилона несчастная» — явный намек на Зою как «Вавилонскую блудницу»¹³¹.

Горе не сломило императора, и он, думая о продолжении династии (брат Александр, проводящий время в пьянстве и развлечениях, внушал мало надежд), в 899 г. женился в третий раз на девушке Евдокии, происходящей из знатного рода Ваяни и проживавшей до этого в Опсикийской феме. Но вновь пришла беда — в 900 г. при родах новая царица умерла, а вместе с ней и новорожденный ребенок, сын Василий. И тут неожиданно василевсу пришлось встретиться с жесткой оппозицией со стороны столичного клира. По обыкновению, царь желал придать тело покойной супруги земле, но игумен монастыря св. Лазаря вернул гроб в царский дворец, отговорившись тем, что не желает совершать погребение в праздник Святой Пасхи. *На самом деле* это событие имело тайный подтекст: клирики отказывались признать Евдокию императрицей, поскольку та являлась третьей женой Льва Мудрого, а, следовательно, данный брак по государственному закону был сомнительным.

Разумеется, этот подтекст не являлся тайной для царя. По его приказу гроб доставили в храм Святых Апостолов, но желание императора отпеть покойную в День Воскресения Христова было вновь отвергнуто. Царь написал послание Евфимию, в котором просил пресвитера совершить печальный обряд, ссылаясь на то, что в канонах нигде не содержится запрета на отпевание покойников в Святую Пасху, однако тот был непреклонен. Он отписал ответ

императору, в котором недвусмысленно отмечал, будто царь сам виновен в случившемся: «Что мы сами устроаем себе, то и принимаем от Того, Который праведно судит наши дела». Старец намекал на недавнее предсказание, переданное императору, согласно которому ему предлагалось выпустить из тюрем всех должников, иначе его постигнет несчастье. Этот *тайный* подтекст, являющийся очередной попыткой вмешаться в полномочия царя, нигде не оглашался. Официальная версия склонялась к тому, что в Пасху хоронить нельзя¹³².

Разумеется, Лев Мудрый был не тем человеком, которого пугали препятствия. Желали того отдельные клирики или нет, но он решил похоронить Евдокию *как Римскую царицу* и привел свой замысел в исполнение: 20 апреля 900 г. она была погребена в храме Святых Апостолов¹³³.

Вновь император остался один, и чтобы не нарушать строгого этикета, царящего во дворце, венчал императрицей свою дочь от первого брака Анну *как царицу*, что, конечно, не решало главной проблемы — рождения наследника. Этот шаг отчетливо свидетельствует о том, что первоначально Лев Мудрый не собирался жениться, а если и искал новую супругу, то не для плотских утех, а с целью обеспечить Византии законного преемника царской власти¹³⁴. Анна не могла бесконечно долго играть роль императрицы, поскольку уже была сосватана за Людовика Провансальского. Вскоре она покинет родные стены.

И нет ничего удивительного в том, что в 902 г. Лев Мудрый сошелся с Зоей Карбоносиной («черноокой»), от которой надеялся получить наконец-то наследника, что было невозможно с правовой точки зрения без его бракосочетания с пассией. Для укрепления своей позиции и достижения цели (брак с Зоей) Лев VI возвел на патриарший трон друга детства и *приемного брата* (его крестным отцом выступил сам император Василий I Македонянин) *Николая Мистика* (901—907 и 912—925). Ранее он являлся секретарем царя, «*мистиком*», откуда и получил свое прозвище. Однако вскоре выяснилось, что этот выбор был, мягко говоря, неудачным. Во вновь поставленном патриархе внезапно обнаружилась сильнейшая тяга к власти и желание сосредоточить в одних руках (естественно, своих) все нити управления и Церковью, и государством. Он полагал само собой разумеющимся оспаривать акты царя и вообще свысока смотрел на императора, которого считал по статусу ниже себя.

«Его бессердечие и черствость в отношении тех, кому он раньше выказывал самую низкую лесть, были непреклонны; без всяких зазрений совести, без пощады он топтал своих врагов ногами, готовый при этом во всякую минуту, если бы счастье повернулось и собственная выгода того потребовала, вновь стать их крайне почтительным и самым верным слугой», — давал нелицеприятную характеристику Николаю один исследователь, и к этим словам стоит прислушаться¹³⁵.

Ученик св. Фотия, харáктерный и один из самых образованнейших людей своего времени, Мистик вовсе не собирався уподобляться покорному воле императора св. Стефану или св. Антонию II Кавлею. Конечно, в перипетиях последующих событий присутствовал и личный аспект неприязненных отношений патриарха к василевсу и его отпрыску, но это было не главным. Личность нового патриарха не следует ни демонизировать, ни идеализировать. Как и св. Фотий, Николай Мистик являлся *человеком идеи* и отдавал ей себя всего целиком, не размениваясь на «мелочи», к которым он относил вопрос о преемственности царской власти и личности будущего императора. Убежденный в превосходстве священнической власти над царской, он делал все, чтобы новый принцип получил право на жизнь в Византийской империи. Однако эта идея шла вразрез с устоявшейся практикой управления Римским государством и Церковью и вела прямым ходом к грядущему разрыву отношений с Римской кафедрой.

Встретились два решительных характера, ни в чем не уступающие друг другу, и Льву VI пришлось уже в ближайшее время с опаской поглядывать в сторону патриарших палат. Отсутствие законного наследника являлось, собственно говоря, его *личной* проблемой, поскольку брат царя Александр официально также являлся императором, а потому после смерти Льва становился законным преемником власти. Отношения с ним у Николая Мистика складывались самые лучшие, а настрой мыслей и душевные качества соимператора навевали куда более позитивные и оптимистичные мысли в голове столичного архиерея, чем личностные качества Льва Мудрого, серьезно стеснявшего клерикальную партию.

11 мая 903 г. император со свитой, как обычно, явился в храм Св. Мокия, день памяти которого отмечался, и тут на него неожиданно набросился некий человек с дубиной в руках. Только чудо спасло императора: оружие убийства в полете столкнулось с паника-

дилом и потому удар, пришедшийся на Льва Мудрого, был заметно ослаблен. Все же рана оказалась серьезной, хотя и не смертельной. Преступника поймали — им оказался некий Стилиан — и долго пытали, пытаясь найти сообщников, но тот так ничего и не открыл. Однако этот инцидент зародил в душе Льва VI подозрения, что покушение было организовано окружением его брата Александра при тайном и молчаливом согласии патриарха Николая Мистика. По-видимому, эти мысли были далеко не безосновательными, но подозрения, как известно, к делу не пришьешь, а потому никто из подозреваемых не пострадал¹³⁶.

Но буквально через год произошла еще одна история, усугубившая подозрения царя относительно своего брата и патриарха. В августе 904 г. полководец Андроник Дука получил приказ царя соединить силы с адмиралом Имерием и напасть на арабский флот в Эгейском море. Но в силу тайных интриг он не успел к битве, в которой византийцы нанесли арабам поражение. Испугавшись наказания, Дука вместе со своей семьей и отданным под его командованием отрядом отправился в крепость Кавала, что в Иконии, где прожил зиму с 904 на 905 год¹³⁷.

На письма царя Андроник не отвечал, а когда узнал, что за ним направлен отряд под командованием domestika Григора Ивиритца, просто перешел на сторону сарацин. В это время ко Льву Мудрому прибыло несколько перебежчиков из числа слуг Андроника, и среди них оказался личный нотариий изменника, доставивший императору переписку Дуки с различными лицами, проживавшими в столице. Одно из них принадлежало патриарху Николаю Мистик. Особый интерес вызвало то обстоятельство, что в письме архипастырь умолял Андроника, которого величал *будущим императором*, быть предельно осторожным и не доверять царю¹³⁸.

Может показаться странным, но император не покарал изменника — и этот факт иногда приводится как неопровержимое доказательство в пользу того предположения, что Мистик не участвовал в заговоре, и вообще письмо оказалось подложным. Но на самом деле ситуация в Константинополе была не настолько благоприятна для Льва VI, чтобы затевать политический процесс и публично карать патриарха. Его отношения с клерикальной партией и так оказались чрезмерно натянутыми, и в случае смещения Мистика царь мог получить открытую оппозицию, поддерживавшую его брата и других конкурентов на властном поприще. Понятно, что

в этом случае легализация его сожительства с Зоей Карбоносиной становилась практически невозможной. А ведь в это время Зоя уже ждала ребенка, наследника царя, и все признаки свидетельствовали, что он — мальчик. Поэтому император не дал хода следствию и даже скрыл от патриарха, что знает о письме.

Но тот почувствовал перемену в настроениях своего названного брата и резко смягчил свою позицию — очевидно, что все же некоторые сановники донесли ему о подозрениях царя. Патриарх начал проявлять подобострастие и даже пообещал василевсу узаконить брак и статус наследника, хотя против этого открыто возражал митрополит Лаодикийский Епифаний. Более того, патриарх начал *добровольно* докладывать императору о тайных разговорах, происходящих среди епископов и митрополитов, и всячески ему угождал¹³⁹. Не могут не вызывать умиления картины, когда при встречах патриарх предсказывал царю рождение мальчика и уверял в благополучном исходе всех его пожеланий¹⁴⁰. А когда наступило время родов (сентябрь 905 г.), архиерей вместе со всем клиром молился о благополучном разрешении Зои от бремени. Примечательно, что при рождении Константина Порфирородного на небе появилась яркая комета, после этого 40 дней испускавшая лучи, и все решили, что родился новый василевс, царствие которого будет успешным¹⁴¹.

Здесь-то и проявилось все коварство Мистика — патриарх подтвердил свое обещание крестить новорожденного Константина, будущего императора Рима, как царевича, но при том обязательном условии, что *царь расстанется с Зоей (!)*. Лев Мудрый слишком поздно понял, в какую попался ловушку: в данный момент времени только патриарх мог в привычных для византийцев формах признать Константина законным сыном и наследником императора, и потому никакое административное насилие в отношении него, включая отставку, ничего бы не дало. Начались тайные переговоры, и в конце концов Мистик *вырвал* у Льва клятву выгнать Зою из дворца и навсегда прекратить с ней связь. Лишь в январе 906 г. младенец, восприемниками которого стали император Александр и духовник царя Евфимий, был крещен патриархом в царской купели.

И тут Лев вернул Мистику долг: буквально через три дня Зоя была публично введена императором во дворец. Патриарх негодовал, но ничего поделать не мог. В отместку он заявил царю, что

никогда не повенчает их с Зоей — она останется конкубиной, *сожительницей*, и никогда не станет императрицей. Поняв, что мирно уладить отношения с Мистиком не удастся, император в день Пасхи 906 г. поручил придворному пресвитеру Фоме совершить Таинство, и сам возложил на голову жены императорскую диадему. После говорили, что Лев Мудрый был для Зои «и муж, и архиерей»¹⁴².

Долгие месяцы прошли в бесконечных спорах между архиереем и царем: Мистик все пытался убедить Льва Мудрого отказаться от Зои и дезавуировать свой брак, но император был непреклонен. Понятно, что предложение архиерея было неприемлемо для Льва Мудрого. Если мать Константина не признана законной женой императора, то при желании и права маленького сына на престол могли быть с легкостью отклонены, как незаконнорожденного царевича¹⁴³. Царь понимал, что едва ли Мистика смущают канонические основания его брака и что на самом деле архиерей ведет свою почти беспроектную *политическую игру*. На кону стоял вопрос о власти, причем в различных аспектах. В первую очередь, кто является властителем Римской империи — царь или патриарх. Во вторую — кто *станет* императором. Понятно, что оба вопроса были взаимосвязаны: личности *конкретных* императоров и патриархов много значили для формирования устойчивой политической тенденции в Византии. При одном развитии событий столичный архиерей мог стать лицом, властвующим над Константином, когда тому придет время взять власть в свои руки. При другом сценарии Николай Мистик оказывал большую услугу брату царя Александру, отказываясь венчать после смерти Льва Мудрого его наследника на царство и передав власть тому, кто еще Василием Македонянином признан соимператором.

Следует учесть и *правовую* подоплеку событий, о которой много говорили позднее. В принципе вопрос о каноничности четвертого брака не был к тому времени решен со всей непреклонностью церковных и государственных законов. До св. Юстиниана I Великого и много позже четвертые браки разрешались мужчинам, и только императрица св. Ирина в 800 г. запретила третий брак, не говоря уже о последующих. Император Василий I Македонянин также в «Прохироне» посчитал четвертый брак неблагочестивым, обязав накладывать епитимию и на брачующихся в третий раз. Наконец, сам Лев VI Мудрый в одном из своих недавних законов осуждал третий брак, и теперь сам шел наперекор собственному же узаконению. Но на

Западе третий и четвертый браки не считались предосудительными, и данное обстоятельство в условиях все еще *единой* Кафолической Церкви и только складывающейся практики на этот счет даровало императору надежду на счастливое разрешение своего вопроса.

В конце концов патриарх предложил созвать Собор и поручить ему решение этого вопроса. Лев VI согласился, но тут же внес существенные коррективы — Собор будет созван, но только для того, *чтобы признать его брак каноничным* и тем самым решить разом две задачи: развязать руки патриарху, сняв с того бремя персональной ответственности, и узаконить статус наследника через разрешение четвертого брака. Пожалуй, едва ли кто-нибудь станет оспаривать тот факт, что данное предложение было вполне приемлемым для обеих сторон. К сожалению, как и ранее, над патриархом довели политические пристрастия, и он начал открытую борьбу.

В развитие мысли о способе узаконения своего брака император направил приглашение в Рим и в другие патриархии прибыть на Собор в Константинополь, но в отместку Николай Мистик отлучил Льва от Церкви (!), хотя и довольно сомнительным способом. Царю не воспрещалось посещать Литургию и слушать Евангелие, но запрещалось приобщаться Святых Тайн, кадить в храме и носить светильник во время Великого входа¹⁴⁴. Но Лев не признал таких поблажек, решив довести дело до логического конца: «Пока не увижу епископов, идущих из Рима, не буду входить в храм», — заявил он патриарху. Мистик откровенно был напуган — его волновали даже не «упрямство» царя, а тот факт, что, ссылаясь на Рим и ожидая *заведомо положительного* ответа оттуда, император тем самым ставил под сомнение его авторитет как «Вселенского» патриарха.

Напряжение возрастало, и тогда Лев Мудрый передал через доверенных лиц Николая Мистика, что в случае несговорчивости архиерея обнародует его письма к Андронику Дуке и, как государственного изменника, низвергнет с престола. В ответ патриарх на Рождество 906 г. запретил императору вход в храм Святой Софии, перегородив ему дорогу. Мистик предупредил Льва VI: «Если попытаешься войти в храм, я тотчас выйду из него со всеми священниками». В ответ василевс произнес: «Как кажется, ты, патриарх, издеваешься над нашим царским величеством, раз так говоришь и делаешь. Уж не ожидаешь ли ты мятежника Дуку из Сирии и, надеясь на него, презираешь нас?» Он вошел в храм, но по прочтении Евангелия вышел со свитой из него¹⁴⁵.

Вражда между царем и патриархом перестала быть тайной, и теперь обе стороны предпринимали меры, чтобы выиграть грядущий Собор. Первым неписаные правила нарушил Мистик, собравший всех восточных епископов, пребывавших в Константинополе, и потребовавший подписать «соборную» грамоту царю о незаконности его четвертого брака. «Чтобы никто не пренебрегал своим престолом и не уступал его по отречению, но боролся до самой смертной участи. Чтобы все были тверды, непреклонны, не отрекались от Церкви, не уступали воле императора, но твердо стояли на своем», — напутствовал архиереев патриарх. «А кто не будет тверд, да будет ему анафема!» Своему окружению он объяснял: «Если император прикажет под внушением дьявола что-нибудь противное закону Божьему, ему не должно повиноваться; должно считать несуществующим нечестивое повеление, исходящее от нечестивого человека. Никогда служитель Божий не будет повиноваться таким преступным приказаниям, и он скорее должен предпочесть утратить жизнь, чем служить такому господину»¹⁴⁶.

В этой риторике не только звучит непривычная для Византии тональность, когда речь заходила о царях, но и обращают на себя внимание исключительно негативные предположения о характере деятельности государя. Такое ощущение, будто император только и делал, что подпадал под внушения дьявола и творил беззакония, а мудрый патриарх его обрывал и поправлял.

Это было уже настоящей попыткой государственного переворота — ведь речь шла о *прямом неповиновении* царю, чего ранее никогда не случалось в Константинопольской Церкви. Настала пора действовать уже императору, и 1 февраля 907 г., в день памяти святого мученика Трифона, он пригласил к себе на обед патриарха и епископов. Под конец трапезы царь спросил Мистика: «Доколе ложные обязательства и пустые обещания? До каких пор ложно измышляемые тобой распоряжения? Ты думаешь, мне неизвестны твои лукавства?» Растерянный патриарх ответил, что грамота была написана им *по требованию архиереев* (!), но царь продолжил: «Неужели архиереи поручили тебе поощрять мятежника Дуку и подкапывать основания нашего царства?» В заключение диалога император объявил свою волю: патриарх и некоторые митрополиты должны быть изолированы до времени начала Собора, чтобы не

смущать умы константинопольцев; это фактически означало недопущение Мистика на Собор.

В таких условиях греческие епископы вдруг поняли, что на Соборе они окажутся без своего главы, и это, несомненно, *уронит честь* Восточной Церкви в глазах римских легатов, мнение которых заранее проглядывалось в ходе переписки царя с папой: они наверняка разрешат четвертый брак, как допустимый в Римской Церкви. И вновь получится не равноправное обсуждение вопроса, а *диктовка* Римом своей позиции, которую, нет сомнений, утвердит император. И после того, как в присутствии митрополитов Лев Мудрый приказал бывшим слугам Андроника Дуки зачитать старые письма патриарха мятежнику, многие архиереи решительно заняли сторону царя — это была соломинка, которая, по пословице, ломает хребет верблюда.

Действительно, против Мистика свидетельствовали уважаемые люди — 2 стратига, 4 протоспафария, а также нотариий. Используя их присутствие, Лев VI немедленно предложил присутствующим архипастырям осудить Николая Мистика и низвергнуть с престола, что и произошло в действительности. Все же император не желал скандала, а потому направил опальному архиепископу столицы послание, в котором предлагал тому добровольно отречься от патриаршей кафедры, а в противном случае явиться на суд и оправдаться от обвинений в государственной измене. Немного поупрямившись, Мистик написал прошение об отречении. Разумеется, этот факт опровергал все прежние и будущие разговоры о лживости возводимых на патриарха обвинений¹⁴⁷.

Теперь руки Льва VI были развязаны, и он, не теряя времени, предложил епископам назвать достойного кандидата на патриаршество. Но те и сами знали, какая кандидатура будет наиболее приятна царю — его духовник, престарелый и благочестивый *Евфимий* (907—912), бывший ученик св. Игнатия, родом из Селевкии, которому исполнилось уже более 70 лет. Их отношения со Львом Мудрым были настолько дружескими, что даже временная размолвка из-за второго брака императора не смогла их испортить, и Евфимий был возведен царем в достоинство патриаршего синкелла. Желая всегда иметь его поблизости, василевс построил старцу монастырь Псамматий неподалеку от Студийской обители, где Евфимий и проживал. Когда духовнику доложили о выборе царя и епископов, он решительно воспротивился своему назначению,

говоря, что нельзя назначать другого патриарха на место Мистика, а следует простить ошибшегося архиерея. Но его мнение в данном случае мало что значило.

В феврале 907 г. в Константинополь начали прибывать представители других восточных патриархов и римские легаты от папы *Сергия III* (904—911). Они имели на руках грамоту царю от понтифика, в которой тот принимал покаяние царя и разрешал ему четвертый брак. Начался Собор, на который император приглашал и Николая Мистика вместе с его сторонниками, но те решительно отказались, не желая вообще вступать в общение с участниками этого собрания. На соборных заседаниях сенсации не произошло: легаты высказались в том миролюбивой тоне, что третий и четвертый браки не противоречат учению Христа и святым традициям, а потому и говорить, в общем-то, не о чем. Если же императора и можно в чем-либо упрекнуть, то, как глава Церкви и Римской империи, он заслуживает снисхождения. Их позиция нашла понимание и у представителей восточных патриархов, подписавшихся под этим решением¹⁴⁸.

Напоследок решили обсудить дело самого экс-патриарха Николая Мистика, которого нашли виновным и достойным заключения в монастырь. Поскольку патриаршая кафедра оказалась вакантной, вспомнив старые обычаи, сообща назначили на нее Евфимия — старец не стал упорствовать перед лицом представителей *всей* Кафолической Церкви.

Увы, эта мера только принесла новый раскол Восточной Церкви: Мистик не признал Евфимия патриархом, а в ответ тот запретил в служении священников, не желавших вступать с ним в церковное общение. Некоторых даже пришлось отправить в ссылку, например Григория, митрополита Эфесского, и Фотия, митрополита Гераклеяского. А из далекой ссылки Мистик посылал бывшей пастве одно послание за другим, призывая бойкотировать Евфимия. Собственно говоря, это являлось реставрацией старого противостояния «игнатиян» и «фотиян», но предмет их спора отнюдь не ограничивался фигурой Льва Мудрого и его четвертым браком¹⁴⁹. Раскол принизил всю Восточную Церковь до самых последних провинций, а престарелый Евфимий оказался не в состоянии преодолеть его и залечить духовные раны своей паствы. Но главное событие все же произошло: 9 июня 911 г. патриарх Евфимий венчал 5-летнего младенца *Константина Порфирородного* на царство¹⁵⁰. Лев VI решил свой наболевший вопрос, но,

как мы вскоре увидим, последнее слово в этой истории осталось все же не за ним...

Как же оценить это противостояние царской и патриаршей власти? Обратим внимание на главные детали. В условиях, когда вселенские каноны не оговаривали все случаи церковной дисциплины и касались лишь конкретных прецедентов, не было ничего невероятного или преступного в том, что царь выбрал ту практику, которая открывала ему желанные возможности. Отметим: помимо субъективных мотивов, Лев, как царствующий монарх, должен был задуматься над тем, *что* будет с государством после его естественной кончины. А ответ в данном случае совершенно очевиден — угасание очередной династии всегда приводило к общественным нестроениям, которые можно было миновать, обеспечив Римской империи законного наследника престола. И, очевидно, правы те, кто утверждал, что в итоге Лев VI Мудрый оказал значительную услугу Византии: только наличие законного наследника, вокруг которого сплотились все его приверженцы, не дало Империи погибнуть в хаосе наступившего безвластия. «Если Македонский дом вместо того, чтобы занимать престол в течение нескольких недолгих лет, управлял Византией в продолжение почти двух веков, дав ей славу и редкое благоденствие, она этим главным образом обязана предусмотрительности Льва VI, тонкой дипломатии и спокойному мужеству, с каким этот царь преследовал свою цель, достигнутую несмотря на все трудности, несмотря на все сопротивления»¹⁵¹.

Глава 3. Война с болгарами и арабами

Нестроения, творящиеся в Церкви, самым негативным образом влияли и на ход государственных дел. К сожалению, жесточайшая дисциплина, установленная императором Василием I для византийского чиновничества, при Льве VI дала трещины — царю было просто недосуг до таких дел. Как следствие, взяточничество и административный произвол вновь стали привычными картинами в провинциях. Очень тяжелая обстановка сложилась на «арабском» фронте. Для того чтобы хоть немного понять, в каких тяжелых условиях приходилось действовать правительству Льва Мудрого, дадим общую картину событий тех волнительных лет.

В Средиземноморье дела для византийцев складывались не лучшим образом. В 888 г. арабы вследствие предательства захватили

пограничный город Ипсилю и взяли всех его жителей в плен¹⁵². Обстоятельства складывались для греков так, что они уже не мечтали вернуть захваченные сарацинами средиземноморские острова, думая, скорее, об активной обороне, чем о наступательных операциях. Но и здесь часто удача была не на стороне византийцев. В октябре 888 г. их флот прибыл в Регнум и, пройдя Мессинский залив, встретился с арабскими кораблями. Сражение закончилось для христиан катастрофой — византийский флот был разбит, погибло более 7 тыс. воинов. Преследуя отступающих греков, арабы достигли берегов Калабрии, а затем вернулись на свою базу в Палермо. Затем сарацины осадили город Самос, стратиг которого Паспала после штурма попал в плен к мусульманам. Правда, вскоре после этого военные действия в Сицилии прекратились, поскольку в 890 г. началась настоящая война между сицилийскими сарацинами и прибывшими на остров африканскими берберами. Более того, сарацины заключили с византийцами перемирие сроком на 40 месяцев, произвели обмен пленными и выдали им своих заложников. Но в конце концов в 900 г. берберы победили, их флот взял штурмом Палермо, и многие арабские семьи даже переселились в немногие оставшиеся на Сицилии греческие города в поисках убежища¹⁵³.

Однако на Востоке стратегический перелом в пользу христиан становился все заметнее, хотя по-прежнему победы чередовались с поражениями. В 892 г., после смерти аль-Мутамида, новым халифом стал *Ахмад ибн-Тальха* (892—902), родной племянник покойного. Твердый и решительный, смелый и удачливый, он стал одним из последних правителей арабов, с чьим именем связывались успехи внутри государства и вовне. Строгий и справедливый, он снискал любовь населения за личную бережливость и высокую образованность. Новый халиф удачно вел войны с Византией и тюрками, угрожавшими Халифату. Его войскам даже удалось пленить их правителя вместе с женой¹⁵⁴.

Не доверяя Саффаридам, халиф прибег к помощи правителя Бухары Исмaила Самани, и они направили объединенную армию против соперника. Едва ли их шансы были выше, чем у Амра, правителя Хорасана, но, к своему несчастью, тот в самом начале сражения упал с лошади, сильно ушибся и потерял управление войском. Его воины, посчитав правителя погибшим, бежали с поля боя, вследствие чего в 901 г. династия Саффаридов закончилась.

Правда, победители тут же стали врагами: Исмаил посчитал, что ему нет никакого резона уступать захваченные земли халифу; разумеется, у того на этот счет имелась иная точка зрения. Теперь к землям Исмала отошел не только Хорасан, но и значительная часть Персии, так что новое государство достигло границ с Китаем. И с полным правом Исмаил образовал собственную династию Саманидов. Само собой разумеется, что эти события резко снизили активность арабов на византийском фронте¹⁵⁵.

Попутно императору пришлось столкнуться с волнениями на Западе, где взбунтовался стратиг фемы Лонгивардия герцог Беневента Аиона, зять Франкского короля. Для усмирения бунтовщика царь отправил войско западных фем под командованием препозита двора Константина, но в случившемся в 887 г. сражении византийцы потерпели поражение около Бари¹⁵⁶. Справиться с герцогом Беневента мешали все те же средиземноморские арабы, вынуждавшие византийцы буквально *распылять* свои силы для противодействия грабительским набегам сарацин и яростной мусульманской экспансии.

Несколько лучше обстояли дела в Закавказье. В 890 г. в Армении на трон пришел сын покойного Ашота I *Семнад I*, продолживший политику отца. Вскоре он направил посольство в Константинополь и был включен в состав союзников Византии. Последующие военные действия шли с переменным успехом для обеих сторон. В 891 г. мусульманский полководец Ахмед-ад-Уджейфи соединился с двумя другими правителями арабских областей и дошел по южному берегу Малой Азии до города Саланду (древний город Селинунт), прибрежного города Западной Киликии. Армия сарацин была весьма многочисленна, к тому же ее активно поддерживал арабский флот, и потому греки уже собирались сдать город, как случайным снарядом катапульты с крепостной стены был убит один из вождей похода Язаман. Смущенные арабы отступили от Саланду.

Однако положение дел в Италии было совершенно катастрофическим: в 891 г. сарацины прочно обосновались на дорогах, ведущих в Рим из Нарни, Риети и Непи, и в течение *30 последующих лет* (!) ни один паломник не имел возможности пройти в Вечный город, не заплатив мусульманам произвольной «дани». Центральной власти на полуострове уже давно не существовало, и каждый город, каждая крепость и область были предоставлены собственным силам¹⁵⁷.

Зато в столице халифата набирала оборот анархия — скорый предвестник кончины Арабского халифата. После смерти Ахмада ибн-Тальха престол занял его сын *аль-Муктафи Биллах* (902—908), которого по праву относят к одному из последних великих халифов арабов. Это был деятельный и воинственный правитель, который не считал мир естественным состоянием своей все еще громадной державы. В первую очередь халиф усмирил *карматов*, грабивших торговые караваны в Сирии. Затем его взор обратился против Тулунидов, захвативших его египетские владения. Несколько лет длилась война, и наконец в 907 г. Тулуниды пали, а Египет был возвращен Халифату. Однако это стало «последней песней» воинственного халифа: в 908 г. в возрасте всего 35 лет он скончался¹⁵⁸.

Осенью 893 г. в Тарс с поручением правителя Египта и Сирии прибыл Ахмед-ибн-Абба, который совместно с Ахмед-ад-Уджейфи произвел нападение на Западную Киликию, дойдя до местности Лалассиса. А летом 894 г. арабы захватили город Малурию. Лев Мудрый, зорко следивший за кавказскими делами, направил в область Фасанианы стратига фемы Армениак Лалакона с отрядами из Колонеи, Месопотамии и Халдеи. Спустя некоторое время к ним присоединился доместик схол Катакал, и совместными усилиями византийцам удалось выбить мусульман из некоторых важных крепостей, занятых арабами¹⁵⁹.

В декабре 895 г. произошло новое столкновение арабов с римскими отрядами, закончившееся победой мусульман. Но арабы, понеся значительные потери, не желали продолжения войны и согласились на перемирие с обменом пленными. Надо сказать, что организация обмена была поставлена из рук вон плохо, и он состоялся только в октябре 896 г. К тому времени Римский император уже заключил мирный договор с болгарами, надеясь аккумулировать силы на Востоке, но особых успехов не достиг. В августе 897 г. сарацины овладели крепостью Курой в Каппадокии, а летом следующего года арабский флот имел решающий успех в битве с византийцами у берегов Малой Азии, потопив множество греческих судов¹⁶⁰.

Но неудачи в Малой Азии закончились с прибытием на Восток знаменитого *Никифора Фоки Старшего*, победителя западных арабов в Италии и Сицилии, в благодарность которому местное население даже возвело храм в честь его Небесного покровителя св. Никифора. В начале 900 г. Никифор Фока по приказу императора

двинулся в Киликию с войсками восточных фем против арабов, осадивших город Мисоию. Через горный проход Маврианон он приблизился к городу Адане и разгромил арабское войско, пытавшееся остановить его. Захватив множество пленных, включая правителя Сирии Абу-Сабита, а также богатую добычу, Никифор не стал штурмовать города, а прошел через другой проход по горной дороге Каридон обратно. Арабское войско, осаждавшее Мисоию, немедленно сняло осаду и бросилось вслед уходящему Никифору Фоке, но безуспешно пыталось его догнать¹⁶¹.

Однако война есть война, и самого Никифора Фоку иногда преследовали неудачи. Летом 901 г. сарацинские отряды под командованием Назар-ибн-Музаммеда взяли несколько пограничных крепостей, захватив 200 знатных пленников, в том числе духовных лиц, и с триумфом вернулись в Багдад. К сожалению, войско Никифора Фоки не смогло им противодействовать. Тем не менее уже в ноябре 901 г. византийский полководец совершил удачное морское нападение на приграничный месопотамский город Кейсума, захватил 15 тыс. пленных и таким способом на время остудил воинственный пыл сарацин¹⁶².

Но в целом император Лев VI не был склонен воевать с сарацинами — за исключением первоначальных операций по закреплению византийского влияния на Кавказе, он не провел ни одной инициативной военной кампании. Даже когда его союзник Армянский царь начал испытывать затруднения в военных столкновениях с сарацинами, Византийский император не спешил ему помочь, занятый внутренними делами и войной на Западе. Однако и арабы все реже проявляли активность в военных операциях против византийцев на Востоке.

Гораздо опаснее положение Римской империи было на Западе, где активизировались болгары. Переломным в отношении между двумя державами стал 894 г., когда Болгарский царь *Симеон* (893—927), с которым некогда Лев Мудрый обучался за одной скамьей у св. Фотия, вступил в войну с греками. Это был поистине выдающийся правитель своего времени. Он отлично изучил логику и риторику и сохранил любовь к наукам на всю жизнь. Как говорят, его палаты были всегда наполнены книгами (дорогое удовольствие), и он неизменно на ночь читал Священное Писание и Святых Отцов. Став в 25 лет, в 888 г., царем болгар, Симеон отличался благородством, умом и аскетизмом — его дворец мало отличался от кельи отшельника¹⁶³.

Христианское рвение Симеона было для всех бесспорным: как говорят, в детстве он даже дал обет принять монашеский чин, хотя впоследствии и отказался от него. Но теперь он стал настоящим *миссионером Болгарии*, искренне желая, чтобы его народ стал православным. Под руководством царя и им лично был осуществлен перевод творений Святых Отцов Кафолической Церкви на болгарский язык. За это Симеон был назван «Новым Птолемеем, который, подобно трудолюбивой пчеле, собирает сок со всех цветов, чтобы распространить его среди бояр»¹⁶⁴.

Рассказывают, что причина войны заключалась в непомерных податях, которыми близкие к василеопатру Заутце торговцы обложили болгарских купцов в Фессалониках. Нет сомнений в том, что ими руководил расчет поставить взяточничество на широкую ногу, что удобнее всего было делать вдали от Константинополя. Симеон потребовал от Римского императора прекратить безобразия, но Лев Мудрый так любил Заутцу (и зависел от него), что проигнорировал эту угрозу. Впрочем, дело заключалось не только в личных пристрастиях. Как известно, Болгария, занимавшая исключительно выгодное географическое положение, организовала широкую торговлю в ущерб грекам, и попытки византийцев изменить ситуацию царь Симеон воспринял крайне негативно.

С этой истории начинается период длительного противостояния Римской империи и Болгарии за мировое первенство. Честолюбивый гений, «*полугрек*», как его называли современники, убежденный в превосходстве всего византийского, включая политическую философию, Симеон задумал стать хозяином Римской империи, включив в нее Болгарию. А для этого требовалось занять Константинополь и венчаться царским титулом «Римского императора»¹⁶⁵.

Болгары выступили в поход, и, увы, военная удача отвернулась от греков: необученное войско, посланное императором в поход под командованием стратилата Кринита, потерпело тяжелое поражение в Македонии, у Адрианополя. Более того, Симеон приказал отрезать всем пленным хазарам из гвардейской царской стражи носы и отправил солдат в таком виде в Константинополь¹⁶⁶.

Лев VI снарядил новое войско под командованием Никифора Фоки Старшего, ставшего domestikом схол, и флот под начальством друнгария Евстафия. Попутно он направил посольство к *мадьярам* (венграм, уграм), склонив тех напасть на болгар. Сыны

земли, расположенной в середине Урала, Волги и Камы, мадьяры постепенно перешли к низовьям Дона, где подчинялись Тюркскому, а затем Хазарскому каганам. Затем они освободились от хазарской зависимости, и около 885 г. мадьярская орда покинула приволжские просторы и поселилась на территории современной Молдавии¹⁶⁷. Теперь они согласились воевать с болгарами.

Правда, миролюбивый Лев Мудрый не желал войны, а потому направил к Симеону своего посланника квестора Константина с предложением мира. Но болгарин не доверял византийцам и попросту заточил посла в темницу, презрев древний дипломатический обычай о неприкосновенности посланника. Началась полномасштабная война, уже менее успешная для Симеона. Пока он *застрля* на Никифоре Фоке, мадьяры вторглись в Болгарию и опустошили всю страну. Болгары попытались препятствовать переправе византийских войск и венгров, но протелат (младший морской офицер) Михаил Варкала со своими солдатами своевременно предприняли меры и не допустили блокады греческого флота по Дунаю.

Симеон попытался все решить в одном сражении, но был наголову разбит степными кочевниками, сам едва спасшись в бою. Желая восстановить добрые отношения с другом детства, Римский император выкупил всех болгарских пленников у мадьяр, чтобы вернуть их на родину, и вскоре получил сообщение от друнгария Евстафия, будто Симеон просит мира. Лев VI дал немедленное согласие начать переговоры и направил к Симеону Льва Хиросфакта, приказав Никифору Фоке и Евстафию вернуться с войском назад на родину, чтобы там распустить его. К сожалению, царь не знал, что Симеон приготовил ему коварную ловушку. Прибывшего византийского посла болгарин без долгих слов заключил в тюрьму. Затем, укрепив свою армию печенегам, разбил мадьяр, которые, оставшись в одиночку, не смогли сопротивляться болгарам. Битва была чрезвычайно кровопролитной, и даже победители — болгары потеряли около 20 тыс. всадников. Месть болгар была жестокой: они истребили почти всех женщин и детей мадьяр, и тем пришлось покинуть степи в низовьях Днепра, чтобы навсегда поселиться между Дунаем и Тисой. И еще много лет они будут вынуждены совершать набеги на славян и германцев, чтобы обеспечить своих мужчин невестами¹⁶⁸.

Поскольку впоследствии нам придется столкнуться с мадьярами еще не раз, кратко проследим их дальнейший путь после страш-

ного поражения от болгар. В 896 г. они прошли на территорию Великоморавского княжества, которое разгромили в считанные недели. К победителям моравов присоединились новые венгерские отряды, ушедшие из-под власти хазар, и в 898 г. они вторглись в Северную Италию, где разгромили войско короля Беренгария. В этом же году они вторглись в Венецию, но были разбиты. В 899 г. венгры вновь вторглись в Венецию, и города сдавались им один за другим. Но у города Альбиолы потерпели тяжелое поражение от войск венецианцев под командованием Трибуно¹⁶⁹.

В 900 г. они наводнили собой Баварию и дошли до Регенсбурга, а оттуда — до Лайбаха (современная Словения). В 903—906 гг. венгры вновь терроризовали Баварию, и король Беренгарий уже не решался вступать с ними в открытые столкновения. В последующие годы опустошительным набегам подверглись Швабия, Тюрингия и Саксония. В 910 г. они совершенно уничтожили войско Германского короля Людовика III. В итоге к 919 г. венгры добрались до Реймса и Шампани¹⁷⁰. После некоторого перерыва, в феврале 954 г., венгры прорвали баварскую границу, разграбили Северную Италию и направились в Германию, которую полагали легкой добычей. Но в битве на реке Лех, в июне 955 г., они были наголову разбиты Германским королем *Оттоном I Великим* (936—973) и отступили в свои края¹⁷¹. Вскоре мы с ними встретимся еще не раз.

Вернемся, однако, к событиям Болгаро-греческой войны. Только разгромив мадьяров, Симеон дал согласие начать переговоры о мире, потребовав у Льва Мудрого в виде аванса бесплатно вернуть всех своих пленных соотечественников, выкупленных византийцами у венгров. Оскорбленные византийцы решили дать еще одно сражение, но в 896 г. в битве при Булгарофиге потерпели очередное поражение¹⁷². Симеон продолжал свой поход на Восток, а у греков не оставалось сил для того, чтобы воспрепятствовать его продвижению. Письма Льва Мудрого болгарину, в которых василевс напоминал об общности их веры, ничего не дали. Ситуацию попытался поправить и патриарх Николай Мистик, также написавший Симеону несколько писем. «После того, — убеждал он Болгарского царя, — как Бог благоволил и вас просветить светом познания Своего и, разрушив средостение вражды, призвал вас к свету славы Своей и соединил с греками, как верой, так и любовью, с этой поры вражда прекратилась, прекратилось и всякое движение оружия и место несогласия заняла любовь. Что же ныне?

Враг Божий снова покушается разрушить единение. Праведно, чтобы ты был наследником не только державы твоего отца, но также наследником миролюбивой души и прочего христианского его настроения. Он с помощью Божьей завязал узел любви к римлянам. Ты же, сколько возможно, должен скрепить его, но не рассекать. Он по внушению свыше отвратил от христиан смертоносное оружие, а ты, чтя отца, должен отбросить это оружие»¹⁷³.

Увы, все было тщетно — Симеон хорошо понимал интересы своего государства и не поддался на лживые уговоры. И тогда царь пошел на крайнюю меру: он вооружил арабских пленников, которым пообещал свободу, и направил их на болгар. Только после этого Симеон одумался, и решил заключить мир с Римской империей на условиях выплаты ежегодной дани¹⁷⁴.

Надо сказать, Льву Мудрому сильно повезло, что война с болгарами по времени не совпала с отражением арабских атак. Но вскоре сарадины напомнили о себе. После того как Никифор Фока Старший покинул Италию, отправившись на войну с болгарами, арабы заметно активизировались. В 902 г. халиф *аль-Муктафи*, считавшийся высшим духовным авторитетом среди мусульман, приказал эмиру Ифрикии Ибрагиму отречься от престола в пользу сына. Тот повиновался, однако, желая найти себе новые владения, объявил, будто собирается в хадж в Мекку, но пройдет туда *через христианские земли*. С войском во главе он перебрался в Сицилию, осадил и 1 августа 902 г. взял греческую крепость Таормину. Всех пленных, отказавшихся перейти из христианства в ислам, он казнил после жестоких мучений, включая и местного епископа. Через месяц Ибрагим высадился в Южной Италии и осадил крепость Региум, которую также вскоре взял. Планы сарацинского вождя простирались до захвата Рима, но вскоре он умер, а его войско, получив отступное, вернулось на родину¹⁷⁵. Таким образом, в 902 г. византийцы окончательно утратили свое влияние на Сицилии, которая прочно перешла в руки сарацин.

Война с сарацинами продолжалась и на Пелопоннесе, население которого особенно донимали критские и сирийские пираты. В 902 г. правитель Дамиан со своим флотом опустошил острова Эгейского моря, затем вошел в Пегасейский залив и произвел нападение на город Димитриаду. Хотя горожане оказали отчаянное сопротивление, Димитриада была взята штурмом, после чего мно-

гие острова Архипелага стали добычей мусульман, включая остров Лемнос, захваченный арабами в 903 г.¹⁷⁶

Весной 904 г. император Лев Мудрый направил громадное войско — говорят, насчитывавшее почти 100 тыс. воинов, — к аль-Хадасу, сжигая все на своем пути и опустошая окрестности. Но ввиду того, что грекам грозила опасность со стороны арабского флота, сухопутная кампания развития не получила¹⁷⁷.

А в 904 г. пришла весть, что бывший римский стратиг Лев Триполийский, перебежавший к арабам и даже принявший ислам, с мусульманским флотом направляется к Константинополю. Навстречу ему царь отправил друнгария флота Евстафия, который, однако, не решился дать сражение сарацинам ввиду их явного численного превосходства. Как следствие, враги беспрепятственно вошли в Геллеспонт и завладели Абидосом, главным таможенным пунктом Византии. Затем они дошли до гавани Парии, являвшейся ключом к проходу в Мраморное море. Срочно навстречу им император направил с флотом протасикрита Имерия, но тот разминуся с арабами. Используя удачный момент, арабы, повернули к Фессалоникам.

Это нападение застало жителей богатейшего города Римской империи врасплох. Они узнали о предстоящей осаде от протоспафария Петронаса, направленного василевсом для организации обороны города. Поскольку времени почти не осталось, многоопытный Петронас посоветовал фессалоникийцам возвести нечто вроде подводного вала, препятствующего арабским кораблям подойти к берегу. Работа была в самом разгаре, когда неожиданно появился другой царский полководец, стратиг Лев Хитцилак, назначенный ответственным за оборону города. Согласно приказу василевса Петронас срочно отзывался в Константинополь. К несчастью, Лев остановил ранее начатые работы, взамен приказав укреплять сухопутные стены — вариант, заранее обреченный на неудачу. Впрочем, и он недолго командовал обороной, поскольку случайно упал с лошади и сильно разбился. Его заменил стратиг Никита, поспешивший позвать для обороны города славян, населявших окрестные земли, но реальной помощи от них не получил — пришло всего несколько малочисленных отрядов¹⁷⁸.

29 июля 904 г. арабский флот появился у мыса Ембол, что у входа в городскую гавань. Арабы не сразу предприняли штурм, но вначале их предводитель Лев Триполийский внимательно иссле-



довал городские укрепления. Затем сарацины попытались подойти к морским стенам Фессалоники, но были остановлены тучей стрел, которые искусно метали славянские воины. Небольшая группа арабов попыталась вплавь достигнуть берега и даже приставила лестницы к крепостным стенам, но была буквально сметена градом стрел сверху. Пока шел бой, стратиг Никита обходил византийских солдат на крепостных стенах и своими словами укреплял их сердца¹⁷⁹.

В этот день арабы не имели успеха, но назавтра продолжили штурм города, выдвинул осадные орудия, метавшие в стены громадные камни. В последующие дни мусульмане продолжили атаки с суши и с моря. Они связали попарно свои суда, соорудив на них высокие башни, и оттуда поражали защитников Фессалоники стрелами. С последующие дни атаки продолжались. Горожане были объаты паникой и уже думали только о том, как бы спастись, но спасение не приходило. Отцы и матери прощались со своими детьми, возлюбленные — друг с другом, кругом стоял плач и стелания¹⁸⁰.

Между тем арабы ворвались в город, и началось *массовое побоище*. Сарацинский меч не щадил никого — дети и взрослые падали, пораженные острой сталью. Алтари церковей заполнились трупами павших горожан и воинов, а в это время арабы, среди которых особенно бесчинствовали берберы, стогнали толпы пленных мирных жителей. Раненые и ослабевшие греки тут же добивались пьяными от крови сарацинами, остальные распределялись между победителями. Среди плененных византийцев оказался даже царский евнух Родофил, отправленный в Фессалоники для передачи жалованья сицилийскому войску, воевавшему с сарацинами на острове. Но хитроумный сановник каким-то чудом сумел передать деньги своему слуге, бежавшему из арабского плена. Когда об этом узнал Лев Триполийский, он вызвал к себе Родофила и задал один вопрос: «Где деньги?» Евнух ответил, что их уже при нем нет, за что был забит палками до смерти по приказу арабского вождя¹⁸¹.

Разорив дотла город, 9 августа 904 г. арабы подняли паруса и прибыли на остров Крит, где продали 22 тыс. греческих пленников, а затем успешно вернулись к своим родным берегам. Подробности этого страшного «путешествия» столь трагичны, что их тяжело переносить на бумагу; заинтересованный читатель может ознакомиться с ними по приведенному в сносках первоисточнику.

Взятие Фессалоники произвело глубокое впечатление на современников. Патриарх Николай Мистик с амвона произнес пространную проповедь на эту тему, риторически вопрошая: «Где св. Дмитрий Солунский (духовный покровитель города. — *А.В.*), непобедимый союзник? Как подвергся стольким несчастьям находившийся под твоей защитой город, недоступный врагам с тех пор, как Солнце смотрит на него?»¹⁸²

Захват Фессалоники пробудил алчные мотивы царя Симеона Болгарского, пожелавшего занять этот благословенный край и присоединить его к своей стране. Лишь с большим трудом императору Льву VI удалось отговорить его от этой затеи и разрешить дело миром. Направленный им к Болгарскому царю посол Лев Хирсфакт каким-то чудом сумел убедить болгарина отказаться от спорной территории и не начинать новой войны с Константинополем. Впрочем, «чуду» в немалой степени способствовало одно неприятное для Симеона обстоятельство. Воспользовавшись тем, что мадьяры воюют в Болгарии, печенеги заняли их земли, и угры быстро поняли всю бесперспективность попыток вернуть потерянное обратно. Они были вынуждены мигрировать через Карпатские горы, создав тем самым угрозу захвата долины Тисы, где находились богатейшие запасы соли. Симеон не мог игнорировать такую угрозу и поспешил прекратить войну на два фронта, заключив мир с Византией¹⁸³.

Потеря Фессалоники заставила византийское правительство предпринять срочные меры по восстановлению мощи греческого флота — стало ясно, что сухопутные операции в новых условиях дают ничтожный эффект без поддержки хорошо оснащенных боевых кораблей. Уже в ноябре и декабре 904 г. римский стратег Андроник Дука, с которым мы сталкивались выше, произвел нападение на город Мараш. Арабы срочно подтянули войска из Массины и Тарса, но потерпели тяжелое поражение, потеряв своего командующего и многих военачальников. Дука решил развить успех и в июле 906 г. двинулся южнее, проникнув в область Алеппо и напав на город Курус. Успешно преодолев оборону врага, греки захватили город, пленили множество жителей и убили командующего арабскими войсками Бени-Темима. В ответ в октябре того же года сарацины дошли по южному берегу Киликии до крепости Саланду и захватили ее, понеся минимальные потери. В октябре 906 г. византийцы смогли, наконец, снарядить большой флот под командо-

ванием Имерия, к которому обязан был согласно плану кампании присоединиться и Андроник Дука с сухопутным войском¹⁸⁴.

Казалось бы, теперь должен был наступить перелом в ходе военных действий, но, запутавшийся в придворных интригах, Дука оставил напарника в одиночестве, что, впрочем, не помешало Имерию одержать блестящую морскую победу над арабами 6 октября 906 г., в день памяти св. Фомы. Тем временем Андроник Дука, договорившийся с арабами о переходе на их сторону, собрал своих приверженцев, усилил их пленными арабами и пробился при помощи подоспевших сарацин на Восток. Битва была очень тяжелой, и множество византийцев из армии стратига Ивиритцы, ставшей на пути Дуки, пали в бою.

Найдя приют у арабов, Андроник получил несколько тайных писем от императора, надеявшегося вернуть своего полководца на родину. Помимо личного расположения к нему, Лев Мудрый не оставлял надежды окончательно разобраться с делом патриарха Николая Мистика и в личном присутствии Андроника выяснить подробности организованного с участием столичного архиерея заговора. Письма василевса вселили надежду в сердце Дуки о прощении, и его сын Константин, благодаря помощи отца, сумел бежать из арабского плена и достичь Константинополя. Самому же Андронику не довелось увидеть родины — вскоре он умер в заточении в арабской темнице¹⁸⁵.

Эти события показали императору, что у византийцев еще не достаточно сил для полномасштабных наступательных операций против арабов. Кроме того, на 907 г. пришлось легендарное нападение россов под руководством князя *Олега* (882—912) на византийскую столицу. У князя было почти 2 тыс. ладей, каждая из которых вмещала по 40 воинов, — всего почти 80 тыс. пехоты. Помимо этого конница насчитывала около 10 тыс. всадников — огромная сила¹⁸⁶. Пользуясь тем, что весь греческий флот был занят в операциях против арабов, россы захватили окрестности Константинополя и вынудили византийцев заключить с ними мирный договор, формализованный на бумаге в 911 г.

Ни одно государство мира не в состоянии долго сражаться сразу с многими мощными противниками, поэтому император предпочел заключить мирный договор с сарацинами и произвести обмен пленными. С этой миссией к халифу в Багдад в 907 г. были направлены неугомонный Лев Хиросфакт и евнух Василий.

Как обычно, они успешно справились с заданием и заключили от имени Римского государства столь необходимый Льву Мудрому мирный договор¹⁸⁷.

В это время Арабский халифат содрогался в конвульсиях скорой смерти. После смерти могучего аль-Муктафи на престол одновременно начали претендовать два конкурента: брат покойного 13-летний Джафар и представитель дома Аббасов Абдулла. Абдулла даже был провозглашен новым халифом, но правил всего 1 день, после чего погиб вследствие дворцового заговора. Увы, для арабов его смерть означала прекращение самостоятельности верховной власти. Мальчик Джафар, вззошедший на трон брата и принявший имя *аль-Муктадир* (908—932), не обладал способностями своего предшественника. Он наделил своего спасителя, евнуха Муниса, много сделавшего для свержения Абдуллы, ранее невиданным титулом Эмир-аль-умара («эмир над эмирами») и всю свою долгую жизнь оставался куклой в руках этого могущественного человека¹⁸⁸. Арабы еще пытались вести наступательные войны на Западном фронте, но успех не сопутствовал им. Настоящих войн уже не было, и стороны перемежали отдельные (хотя и регулярные) пограничные нападения с обменом пленными, которые производились регулярно¹⁸⁹.

Немного восстановив свои силы, Римская империя начала подготовку к большому походу против критских арабов, надеясь в случае успеха вернуть себе остров Кипр и сирийское побережье. Всего было снаряжено около 100 судов, а общая численность моряков флота составила 32 тыс. человек, не считая 500 россос — все они были отданы под командование друнгария флота Имерия. Но эти приготовления не остались тайной для арабов, и те предприняли встречные действия. В мае 909 г. евнух Мунису было приказано явиться к Тарсу для начала военной операции, принесшей арабам большой успех. Они разбили греков в одном из сражений в сентябре 909 г. и возвратились в свои пределы¹⁹⁰.

Тем временем приготовления к морскому походу Имерия были почти завершены, хотя попытка привлечь на свою сторону кипрское население не увенчалась успехом. Летом 910 г. Имерий напал на остров Кипр и разбил арабов, захватив множество пленных. В ответ летом того же года халиф аль-Муктадир отправил в поход своего полководца ал-Касима-ибн-Сима, который успешно разбил греческое войско, захватив 50 римских патрициев, проведенных

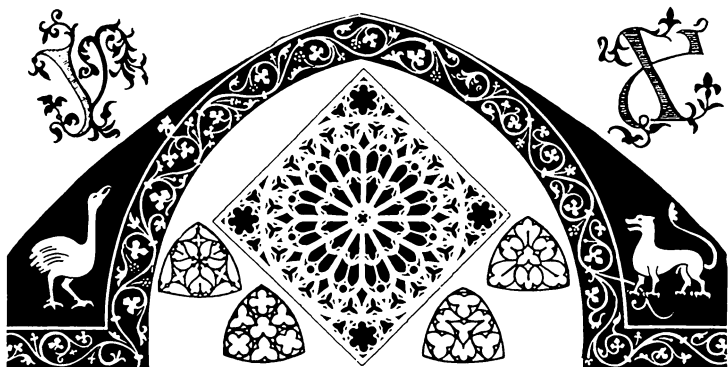
21 ноября 910 г. по Багдаду при триумфе победителей. Зато обосновавшийся на Кипре Имерий успешно воевал по всему сирийскому побережью, захватив несколько крепостей.

Однако арабы вновь продемонстрировали высокое военное искусство: узнав, что на острове осталось мало византийских войск, они в течение четырех месяцев лета 912 г. совершали нападения на незащищенные побережья, выжигая селения и захватывая слабо укрепленные крепости. Командовал арабским флотом христианский ренегат Дамиан¹⁹¹.

К осени оба флотоводца решили дать генеральное сражение, состоявшееся в октябре 911 г. К несчастью, победа досталась сарацинам — римский флот был почти полностью уничтожен арабами, и сам Имерий едва спасся бегством. Слава Богу, что на восточной границе сохранялось относительное спокойствие, позволившее византийцам хоть как-то восстановить силы. Все же крах морского похода Имерия был тяжелым ударом по военной мощи Римской империи, ее международному авторитету и финансам государства. Тем не менее, узнав, что арабы начали карательные экспедиции против дружественной Армении, император сумел собрать значительные силы и во главе новой армии двинулся в свой последний поход. Но по пути Лев VI внезапно слег от желудочной болезни.

Он настолько обессилел, что не рассчитывал дожить до дня Светлой Пасхи. Лишь один вопрос мучил его — судьба наследника Константина Порфирородного. Когда к умирающему царю подошел брат Александр, василевс Лев VI умолял пощадить сына и сберечь его для Римского царства, что тот и обещал сделать. 11 мая 912 г. император Лев Мудрый скончался¹⁹².





XLIII. ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР (912—913)

Глава 1. 13 месяцев царствия патриарха

Строго говоря, царствование 42-летнего императора Александра началось не в тот день, когда Лев VI Мудрый закрыл веки, а раньше: после совершения Таинства венчания над ним при Василии I Македоняnine. Однако во времена правления старшего брата Льва VI Мудрого Александр оставался лишь *номинальным* соправителем Римской империи, прожигая время в развлечениях. Страсть к шумным кампаниям не позволила ему стать семьянином и обзавестись собственным наследником престола — обстоятельство, вынудившее императора Льва VI настаивать на легализации своего четвертого брака и признания законнорожденным сына Константина Порфирородного. А отстраненность от государственных дел не дала возможности Александру приобрести необходимый опыт по управлению Римской империей. Как станет вскоре очевидным, Льва не случайно прозвали Мудрым — если бы не его «упрямство», Византия, чье состояние напрямую зависело от стабильности правящей династии, могла бы испытать жестокий кризис — почти наверняка *смертельный* на фоне арабской и болгарской угроз.

Возможно, последующие историки несколько исказили образ василевса Александра, но все же остается несомненным тот факт, что новый император заметно уступал в силе характера и пони-

мании царского служения своим отцу и старшему брату. Перемена в статусе не изменила привычек и обычного образа жизни Александра — он по-прежнему проводил все время на охоте в сопровождении веселой компании фаворитов, на которых не жалел государственных денег.

Его легкомыслие и равнодушие к делам государства были таковы, что уже в скором времени он навел большую беду на Римскую империю. Когда в Болгарию поступили известия об изменениях, произошедших в византийской столице, царь Симеон направил посольство в Константинополь, дабы по традиции подтвердить условия заключенного при Льве Мудром мирного договора. Прибывшие во дворец послы были допущены к василевсу на аудиенцию. Каково же было их удивление, когда вместо торжественных, хотя и протокольных форм пролонгации старых соглашений, принятых в подобных случаях, *пьяный* Римский император попросту выгнал их вон, заявив, что не намерен платить дань варвару¹⁹³.

Конечно, это было грубейшим нарушением дипломатических обычаев и просто неумно: Византия, еле получившая передышку от войны, оказалась вновь втянутой в нее, да еще в условиях обескровленной армии и разбитого арабами флота. Симеон тут же объявил о начале боевых действий, посчитав все прежние обязательства перед византийцами аннулированными, и двинул армию на Константинополь. Правда, проблему защиты города пришлось уже решать не императору Александру, а его преемникам по трону.

Не очень благополучно обстояли дела и на Востоке, где заседали арабы. Летом 912 г. они выступили из Тарса под командованием Рустум-ибн-Барду и осадили крепость Мелих-ал-Армени, где ранее проживали павликиане, а затем завоевали византийцы и их союзники армяне. Хотя взять крепость не удалось, сарацины сожгли все прилегающие земли, а затем беспрепятственно вернулись на родину¹⁹⁴.

К несчастью, император не блистал добродетелями, хотя внешне был красив и статен. В частности, злопамятство Александра было таково, что однажды он даже высказал мысль о желательности *оскопить* малолетнего Константина Порфирородного и венчать на царство своего любимца славянина Василицу из Славинии. Импе-

ратора едва смогли уговорить старые товарищи Льва Мудрого, сославшись на детский возраст и слабость Константина, неминуемо должного погибнуть после такой «операции». По счастью, авторитет покойного царя Льва VI в народе был очень высок, и Александр не решился реализовать свой план. Тем не менее из ссылки в Галакрине был срочно вызван Николай Мистик, которого с большой торжественностью приказом царя восстановили на патриаршем престоле, а престарелого Евфимия отправили в Агафов монастырь. Все дела в государстве теперь сосредоточились в руках патриарха Николая Мистика, управлявшего ими по своему разумению, не особенно задаваясь мнением царя. Постепенно все, входившие некогда в «близкий круг» императора Льва Мудрого, стали покидать государственные должности по воле архиерея.

Сославшись на поражение, которое потерпел от арабов в октябре 911 г. друнгарий флота Имерий, Александр вызвал заслуженного боевого полководца к себе, долго ругал, а затем удалил в дворцовый монастырь Кампа, где тот вскоре и умер. Следующий после Евфимия удар Мистика пришелся по «евфимитам» — сторонникам низложенного патриарха. Николай потребовал от них вернуть грамоты своего отречения, подписанные в 907 г., желая таким способом обеспечить формально-юридические основания своего второго архиерейства. Но те даже не удостоили Мистика ответом: для них вопрос о каноничности и обоснованности соборного решения 907 г. не подлежал никакому сомнению.

Напрасно сам Евфимий попытался уговорить их принять в общение Николая: «Если из-за меня поднялось это волнение в Церкви, то позвольте мне погрузиться в этой пучине, вы же спасайтесь и будьте в мире между собой. Пусть меня побьют камнями, сожгут, пусть гонят, лишь вы жили в мире и без волнений». Судя по словам Евфимия, едва ли в отношении к опальному патриарху и «евфимитам» применялись *уговоры*, и понятно, почему те не вняли совету своего вождя. Но при *таком* императоре, как Александр, новый патриарх мог не бояться ничего. И уже вскоре митрополит Петр Сардикский был отправлен в заточение, а другие архипастыри низложены: Димитрий, митрополит Гераклеяский, Григорий, митрополит Никомедийский, Гавриил, митрополит Анкирский, Илларион, митрополит Иерапольский, и другие¹⁹⁵.

Однако это было половиной дела. Мистик решил во что бы то ни стало восстановить свою честь, для чего, конечно, нужно было превратить *в ничто* Евфимия. Едва прибыв в столицу, он срочно занялся организацией церковного Собора, который и состоялся уже в мае 912 г. Мистик восседал рядом с императором в центре тронного зала Большого царского дворца в Мангавре, неподалеку расположились немногие епископы, его сторонники, синклит и почему-то сирийские заложники. Пригласили Евфимия и его епископов, которых решил обвинять лично патриарх. Евфимий попытался защищаться, но ему просто не дали говорить, тут же низвергнув из священнического сана и отправив на вечное заточение в монастырь; имя его было вычеркнуто из церковных диптихов.

Последующая сцена едва ли может вызвать умиление: «николаиты» грязно оскорбляли седовласого старца, толкали его, рвали за бороду, называли «вором», «распутником», «соблазнителем чужой жены» — термины, применяемые традиционно клицам, незаконно занявшим епископскую кафедру. Один из подручных Мистика, некто Иоанн Манолимит, великан и силач, так ударил по лицу архиерея, что у того выпали два передних зуба, а сам он лишился сознания¹⁹⁶. Его дом сожгли, а парализованная дочь патриарха, оставшаяся после ссылки отца совершенно одинокой, была вынуждена жить подаванием¹⁹⁷. Приверженцы несчастного Евфимия были лишены своих кафедр, которые тотчас заняли ставленники Мистика.

Как говорят, патриарх Николай дошел до такой степени ярости, что едва не анафематствовал Евфимия, его сторонников и вообще всех рукоположенных опальным архиереем. Однако его остановила твердая позиция уважаемого всеми митрополита Арефа, который заявил Мистiku: «Я не так великодушен, как патриарх Евфимий. Да будет тебе известно, что ни я, ни мои епископы не считаем и не именуем тебя патриархом, и никто из нас не станет служить с тобой, потому что ты сначала привел в смятение Церковь, а затем трижды представлял писанные твоей рукой отречения. Какими же ты воспользовался правилами и *втерся* в Церковь? Кто приготовил тебе вход в Церковь?» Как ни велика была сила Николая, но он не отважился открыто воевать с митрополитом Арефой и немного поутих¹⁹⁸.

Затем настала очередь покойного императора Льва Мудрого, тень которого не давала патриарху покоя. Восстановив главенство в Восточной Церкви, он решил укрепить свои позиции на Западе, написав письмо в высокомерно-уничижительном тоне Римскому папе *Анастасию III* (911—913), в котором вновь возвратился к теме четвертого брака царя. В своем обширном послании патриарх изложил все обстоятельства дела, сетовал на недостойное поведение умершего императора и... римских легатов («остроумная» попытка примирить обе Церкви) и громил доводы своих противников.

В заключение патриарх посоветовал папе проверить донесения и поступки римских послов, бывших на Соборе 907 г., и отменить «соблазнительные» распоряжения Рима по этому поводу. «Вы это сделаете, — подытоживает он, — если уничтожите, как ошибочное, и предадите осуждению то, что случилось и внесло в Церковь причину соблазна, а вас подвело под порицание. Император, волей Божьей, кончил жизнь и успел избежать осуждения и отлучения. Ваш предшественник также оставил настоящую жизнь и воздаст слово о своем управлении Первому и Великому Архиепископу. Но предайте должному осуждению остающихся пока в живых лиц. И, узнав во всей истине дело, восстановите свою древнюю славу!»¹⁹⁹ Иными словами, патриарх приказывал папе признать ошибки римской практики и решений, рецепированных апостоликом, а иначе — в устах патриарха зазвучала угроза — он сам не избежит осуждения наравне с «евфимитами». Небезынтересно и желание патриарха осудить «оставшихся в живых». Как нетрудно догадаться, речь шла об императрице Зое, «блуднице и женщине, замешанной в грязной связи, дозволенной скоту и позорной для человека», и Константине Порфирородном, плоде этого «блуда»²⁰⁰.

Конечно, понтифик просто не ответил на это *хамское*, с его точки зрения, послание, и его можно понять. Евфимий уже был низложен, никто из официальных лиц остальных патриархий не ставил под сомнение легитимность вторичного избрания Николая Константинопольским патриархом. Никаких канонических противоположений для четвертого брака Рим не усматривал ранее, не видел и сейчас. В чем же дело? Только в том, чтобы лишить Константина Порфирородного прав на престол? Но ведь это не более чем потакание собственному тщеславию, попытка присвоить себе право определять личность императора и его преемника. На такое даже сильные характером Римские епископы решались далеко

не всегда, а только в качестве противодействия в случаях, когда их кафедре и власти угрожали серьезные неприятности. Однако в данном случае Николаю Мистик у не грозило ничего — почему же такая категоричность и откуда такая дерзость? Тем более что ради достижения собственных целей он был готов не только порвать не очень прочные и не самые дружественные связи с Западной Церковью, но и объявить ее предстоятелю, Римскому папе, *открытую войну*, угрожая осуждением.

Правда, Анастасию III не пришлось продолжить заочной дискуссии, поскольку в 913 г. он скончался. Но последовательный во всем, что касалось его интересов, Николай Мистик направил очередное послание новому Римскому епископу, *Иоанну X* (914—928). В письме в несколько раздраженном тоне столичный архиерей напоминал понтифику, что уже не раз просил прислать в Константинополь папских послов, могущих устранить соблазн, получивший начало вследствие неправомерных действий прежних римских легатов. Прошло почти 9 лет, а его просьба не удовлетворена. Поэтому Мистик предлагает апостолику вернуться к данному вопросу и отменить ранее данное разрешение Льву Мудрому на четвертый брак²⁰¹.

Его упорство, достойное лучшего применения, станет вполне понятным, если мы учтем, что слабая, как политического деятеля, фигура императора Александра и его бурный образ жизни не оставляли сомнений в кратковременности текущего царства. А тогда, при малолетнем Константине Порфирородном, *соборно* (в мечтах папы) признанным *незаконнорожденным бастардом*, и слабой царице Зое Карбоносине, *лично* патриарх единственно мог указать того, кого он же и венчает на царство. Это должно стать вершиной величия Константинопольской Церкви и ее главы! Нет сомнений — с Римом или без него, но Мистик добился бы успеха, если бы не одно печальное для него обстоятельство, заметно усложнившее патриаршие планы.

К несчастью для Николая, царствование Александра продлилось менее, чем нужно было времени для реализации патриарших мечтаний. Царь и ранее не отказывался от общения с легкими женщинами и, вероятно, заболел постыдной болезнью, до поры до времени не проявлявшей себя. Однажды в летний знойный полдень он отправился поиграть в мяч на улицу, и во время игры болезнь неожиданно сковала его тело. Домой Александр вернулся весь

в крови, истекающей из носа и детородного члена, и 6 июля 913 г. скончался. Его похоронили в царской гробнице рядом с отцом²⁰².

Глава 2. Кризис «папизма» на Западе. Распад и воссоздание Западной Римской империи

События на берегах Босфора станут для нас более понятными, если мы бросим взгляд на состояние дел, царившее на Западе. Расколовшаяся на части Западная Римская империя, где некоторое время *единственной* централизованной силой являлась Римская Церковь, недолго находилась под властью пап, венчавших тех или иных претендентов императорским венцом по своему выбору и усмотрению. Это не принесло успокоения ни германским народам, ни самому Римскому престолу.

В скором времени внешнеполитическая ситуация в Италии и в целом на Западе серьезно осложнилась. Помимо сарацин, всеерьез угрожавших самому Риму, Запад активно донимали *норманны*. Первое известие о них относится к 787 г., когда эти дети северных морей вторглись в Англию. Через 70 лет они совершили нападение на Францию и дошли до Тулузы, опустошив на обратном пути Испанию. В 845 г. норманны осадили Париж, и *Карл Толстый* (876—887) откупился от них за 7 тыс. фунтов серебра. В 856 г. нападение повторилось, и на этот раз *викинги* (другое название норманнов) сожгли город.

С этого злосчастного года норманны начали наступать все более решительно и последовательно. Объектами их разбойных нападений стали Шартр, Эвре, Байе, Бове, Анжер, Тур, Нуайон, Амьен, Орлеан, Перигее, Лимонж и множество крупных аббатств. Дошло до того, что норманны решились на святотатство: в воскресный день в праздник св. Иоанна в Нантском соборе во время богослужения они напали на молящихся христиан и епископа, причем священнослужители были умерщвлены ими в Святом Алтаре.

Но еще более тяжкое преступление против Бога было совершено на Пасху 858 г., когда норманны ворвались в Сен-Жермен-де-Пари и надругались над святынями. Невзирая на сан, многие епископы были убиты: Бальтфрид из Байе, Эрменфрид из Бове, Иммон из Нуайона и другие. Христиан брали в плен и продавали

арабам. Собравшись в Мо, епископы высказались в том духе, что за грехи франков Господь попустил им норманнов. Достаточно принести покаянные молитвы, и эта *чума Европы* исчезнет. Но все старания короля шли прахом, поскольку крупные аристократы предпочитали сидеть сложа руки по принципу: «Умри ты сегодня, а я — завтра». Более того, в 857 г. король *Пипин II Аквитанский* (823—864) пригласил северных разбойников, чтобы отбить Париж у конкурента Западного императора *Карла II Лысого* (843—877). Эксперимент понравился, и в 862 г. уже король Бретонии *Соломон* (857—974) нанял норманнов против императора, хотя ранее состоял его союзником.

Император пытался справиться с проблемами и в некоторых случаях не без успеха — правда, локального. В 861 г. он подкупил *даннов*, чтобы те разгромили своих соотечественников, а в 862 г. остановил большой отряд норманнов на Марне. Карл II оказался настолько удачлив, что сумел развить успех и обратить пленных норманнов в христианство, получив надежных союзников. На Генеральной Ассамблее, в 864 г., Карл Лысый проявил настойчивость и попытался сыграть на совести своих графов и баронов: «Чтобы все без промедления встали на защиту страны, чтобы графы в своих крепостях бдели неусыпно, чтобы крепости возводились быстро и активно!»²⁰³

В 865 г. Париж был опять осажден, и во время деблокады города отличился граф Парижа *Роберт Сильный* (861—866), родоначальник *Робертинской династии*, настойчиво отбиравшей права на королевский титул у слабеющих Каролингов. Осенью следующего года он, правда, погиб у Бриссарте вместе с графом Рамнульфом из Пуатье — их подвиг, многократно украшенный, был сохранен в народном эпосе. Этот пример оказал некоторое побудительное воздействие на остальных франкских аристократов, но ненадолго²⁰⁴.

Несмотря на заключенный с Карлом Лысым договор, норманны почти ежегодно терроризировали Францию. Этому способствовало то негативное обстоятельство, что даже норманнская угроза не смогла примирить верхушку франкского общества, вечно раздираемую спорами и ссорами по поводу земельных наделов. В отчаянии, от крайней необходимости, в 911 г. король Западно-Франкского королевства (будущей Франции) *Карл III Простой* (898—922) выделил норманнскому вождю Рольфу территории Руана, где тем было

создано Норманнское герцогство. Оно начало играть важную роль в жизни Франции, и от норманнов, периодически переходивших от Каролингов к Робертингам, стала уже зависеть судьба королевской и императорской короны²⁰⁵.

Не все было благополучно и в самом Риме. Очередной папа *Стефан V* (885—891), чей понтификат приходился на описываемые события, ранее бывший кардиналом *Quattro Coronati*, происходил из знатного римского рода. Как и его предшественник, он был озабочен действиями сарацин, продолжавших совершать набеги в глубь Лациума и Этрурии. Папа молил о помощи Константинополь и императора Западной империи, но нашел ее лишь у герцога *Гвидо Сполетского* (889—894), который втайне мечтал о короне, пока еще принадлежавшей угасающему роду Каролингов. В 887 г. Гвидо одержал долгожданную победу над арабами, а в ноябре того же года был низложен на имперском съезде надоевший всем Карл Толстый. Его обвинили в неспособности управлять королевством вследствие физической немощи — король страдал эпилепсией и атеросклерозом. В январе 888 г. латиняне оказались и без императора (по-скольку Карл Толстый умер), и Итальянского короля.

Италия, где все еще довлели провизантийские, *имперские* на строения, теперь имела реальный шанс освободиться от чужеземного влияния, но папа Стефан V был настолько немощен, что ему не по силам оказалось взять на себя всю полноту власти и ответственность. Поэтому основная борьба, молчаливым свидетелем которой папе пришлось оставаться, развернулась между Гвидо, объявившим себя, как франк, королем Франции, и Беренгаром, маркграфом Фриульским, сыном дочери короля Людовика Благочестивого. После двух кровопролитных битв победа досталась *Гвидо*, ставшему королем Италии в 889 г. А 21 февраля 891 г. он был увенчан диадемой императора Западной империи, которую носил до самой своей смерти, наступившей в 894 г. Высокий титул, созданный Карлом Великим, теперь украшал незначительную особу герцога, который владел всего лишь несколькими землями в Италии²⁰⁶.

Преемником Стефана V в сентябре 891 г. стал папа *Формоза* (891—896), кардинал и епископ Порто. Ранее он был отлучен от Церкви папой Иоанном VI, восстановлен в сане папой Марином I, и теперь посвящен в понтифики из епископов — откровенно не каноничная для Рима практика. Его сторонники и сам

апостолик искали поддержки у Беренгара, которому способствовал король Восточно-Франкского королевства *Арнульф* (887—899); противная партия сплотилась вокруг Гвидо. Но Формоза был вынужден уступить Гвидо и в 892 г. короновал его сына, юного Ламберта, соимператором. Одновременно с этим папа тайно просил Арнульфа войти в Италию, и тот совершил в 893 г. поход, заняв Павию и Милан, но затем вернулся обратно, так и не дойдя до Рима.

В 894 г. Гвидо внезапно скончался от кровоизлияния в мозг, и *Ламберт* (894—898) поспешил в Рим, чтобы венчаться титулом Римского императора — папа не осмелился ему возражать. В ответ осенью 895 г. Арнульф выступил из Баварии на Италию, желая одновременно устранить от власти и Ламберта, и предателя, как он считал, Формоза. В свою очередь провизантийская партия, не доверявшая понтифику, немедленно заключила папу под стражу. В феврале 896 г. Арнульф с войском овладел Римом, освободил папу и был объявлен императором Западной империи.

Человек, не лишенный дарований, удачливый воитель, Арнульф удачно справлялся с норманнской угрозой, нанеся северным захватчикам ряд чувствительных поражений. Помимо них, жертвами походов воинственного германца стали славяне, которых тот держал в страхе. Не желая ограничиваться собственными землями, Арнульф воевал с соседями, а в 894 г., вступив в земли лангобардов, захватил штурмом их крепость Бергамо и повесил на дереве местного герцога. Характер и нравы Арнульфа проявились в полной мере в 896 г., когда он по просьбе папы Формозы (тот решил воспользоваться военной мощью короля, дабы победить своего конкурента Сергия, одновременно с ним поставленного на папскую кафедру жителями города) взял штурмом Рим. Этот разгром, по словам современников, был сродни взятию Вечного города галлами еще во времена языческой Римской республики. Более того, по приказу Арнульфа его солдаты повесили многих римских вельмож, вполне лояльно относящихся к нему. В благодарность за эту услугу понтифик и венчал Арнульфа императорской короной²⁰⁷.

Поставление *германца*, рожденного к тому же вне брака от конкубинки, помноженное на разгром Рима, было достаточно, чтобы итальянцы посчитали себя глубоко оскорбленными. Они готовы были в очередной раз восстать против узурпатора, но этого даже

не пришлось делать. На обратном пути Арнульф внезапно скончался от какой-то венерической болезни, а вслед за ним 4 апреля 896 г. последовал Формоза, которого смерть спасла от многих прижизненных неприятностей²⁰⁸. После смерти Арнульфа германцы Восточно-Франкского королевства раскололись на 5 главных народов: *франконцев, саксонцев, швабов, баварцев и лотарингцев*, постоянно враждующих друг с другом. Каждый из них находился под управлением своего герцога, и если что-то еще и объединяло их, так это венгерская и славянская угрозы²⁰⁹.

После смерти папы Формозы и очередной смены Западного императора перед Ламбертом возникла настоятельная необходимость доказать незаконность коронации своего предшественника Арнульфа. Эта задача вполне могла бы быть решена путем простой оговорки, что покойный папа совершил Таинство венчания под давлением грозного германца, а тот в свою очередь вообще получил корону путем оружия, что было бы чистой правдой. Но в силу каких-то неведомых причин было принято иное решение — опровергнуть каноничность избрания папой *самого Формозы*. Понятно, что все последующие акты *лжепапы* уже не могли являться каноническими, и это в корне подрывало бы легитимность коронации Арнульфа.

И вот в 896 г. папа *Стефан VI* (896—897) повелел доставить тело умершего и уже 9 месяцев пребывавшего в могиле Формозы на заседание специально созванного Собора, где был разыгран мрачный фарс. С трупа сорвали священнические одежды и надели светское платье, как свидетельство того, что Формоза был не папой, а рядовым мирянином²¹⁰. Специально поставленный при трупе диакон отвечал как бы за мертвого папу от его имени на вопросы судей. В результате этого мрачного анекдота покойного признали виновным во всех смертных грехах, ему отрубили кисть правой руки, а тело выкинули в реку²¹¹. Но вскоре труп выбросило Тибром на берег — некоторые благочестивые люди подобрали его и тайно захоронили. Многие узрели в этом новое свидетельство Божьего суда и несправедливость возведенных на мертвого папу обвинений²¹².

Рим разделился на две партии — сторонников и противников Формозы, дискутировавших по поводу каноничности его избрания папой. Речь шла далеко не о «теоретической» дискуссии — все введенные «разжалованным» папой в церковные должности лица

после суда над Формозой утратили вследствие неканоничности его актов свои места. Как это нередко бывает, маятник общественного мнения качнулся в обратную сторону. «Формозовцы» схватили папу Стефана VI и бросили в темницу, где вскоре и задушили. В сентябре 897 г. вместо умершего папы Стефана VI Римскую кафедру занял *Роман I*, но спустя 4 месяца умер и он.

Папа *Феодор II*, о котором говорили, что он приходился сыном патриарху св. Фотию, правил всего 20 дней, а потом скончался. К числу его достоинств относили торжественное погребение тела папы Формозы и возвращение в суший сан клириков, посвященных несчастным апостоликом. Верх взяла партия покойного Формозы²¹³. Наступила патовая ситуация — обе партии не могли реализовать свои распоряжения, поскольку им противостояла не менее активная сила. Так, например, папа Роман ничего не сделал для спасения своего предшественника Стефана VI. А папа Феодор II, принадлежавший уже к «формозовской» партии, подтвердил распоряжения покойного, но по причине скорой смерти не смог дать им практический ход.

Поставленный королем Италии Ламбертом папа *Иоанн IX* (898—900) признал ранее принятые против Формозы меры предосудительными, но приговор в отношении него не отменил²¹⁴. Специально созданный папой в 898 г. в Равенне Собор подтвердил распоряжения Формозы, а затем констатировал, что причиной прошедших беспорядков являлось *отсутствие императорских представителей* на ранее состоявшихся папских выборах (!). Хотя это установление содержалось в тексте договора 824 г. между королем Лотарем и папой Евгением, оно, однако, не раз нарушалось понтификами. И сейчас все сошлись на мысли, что только таким путем можно обеспечить порядок на выборах²¹⁵.

Более того, согласно новому соборному правилу, любой итальянец получил право апеллировать к императору и искать у того правосудия, и это, конечно, подрывало полномочия папы в своей «вотчине», в Риме. Впрочем, этим же Собором было подтверждено, что церковные владения и Рим составляют особое, *Папское, государство*, власть в котором принадлежит апостолику²¹⁶.

Казалось бы, теперь ситуация стабилизировалась, но, к несчастью, Ламберт умер в этом же году, и его смерть породила новый кризис папства и Западной Римской империи. Вновь начались междоусобицы, которыми воспользовались венгры, совершившие

в 899 г. первое, но не последнее нападение на Северную Италию. А претензии на императорскую корону заявил Людовик Прованский. Именно он разбил в 902 г. венгров, в течение года терроризировавших баварцев, швабов и франков. Но теперь вновь засверкала сарацинская угроза: арабы Африки вернули под свою власть Апулию и Калабрию и завоевали многие города Италии²¹⁷.

Поскольку натиск врагов был страшен, а помощи ждать было неоткуда, латиняне поспешили в 901 г. возвести *Людовика Прованского* (901—905) на императорский престол. Это было совершено руками нового папы *Бенедикта IV*, ставшего Римским епископом после смерти папы Иоанна IX в 900 г. Впрочем, и его понтификат был коротким — летом 903 г. он скончался. На его место заступил папа *Лев V*, но спустя месяц он был низвергнут кардиналом *Христофором*, ставшим новым понтификом. Однако и тот, спустя всего месяц, был брошен в тюрьму и бесследно исчез. Так, в течение 8 лет Рим узнал и попрощался с восемью понтификами — очевидное свидетельство слабости папской власти и ее бессилия²¹⁸.

А интрига все не утихала — церковный раскол на Западе еще только разгорался. Взошедший на кафедру папа *Сергий III* (904—911), избранный «антиформозовской» партией еще в 897 г. (о нем кратко речь шла выше), но реально вступивший в права только в 904 г., оспорил законность возведения в сан своих предшественников²¹⁹. Именно он бросил в тюрьму и там умертвил папу Льва V и папу Христофора и восстановил решения «Собора с трупом»²²⁰.

Примечательно, что, согласно преданию, *Сергий III* и был тем самым диаконом, который на заседаниях «Собора с трупом» отвечал за мертвого *Формозу* на вопросы судей. Его ненависть к *Формозе* была столь велика, что он, хиротонисанный во времена последнего, добровольно сложил с себя епископский сан, чтобы получить его уже из рук папы *Стефана VI*²²¹. Руководя Римской Церковью 7 лет среди бурь и политических штормов, он скончался в 911 г. Два последующих папы — *Анастасий II* и *Ландо* — вершили судьбы Западной Церкви 2 года и 6 месяцев соответственно.

Но и императорская корона никак не могла найти себе постоянного и достойного носителя. В 905 г. освободитель Рима император *Людовик Прованский* был захвачен в плен своим конкурентом *Беренгарием* и ослеплен, после чего отправлен в вотчину доживать свой век. Естественно, *Беренгарий I* (905—924) был возведен на императорский престол.

Отвратительнее всего то, что в этот период времени целый ряд пап были поставлены на кафедру, а впоследствии освобождены от нее по прихоти некой Марозии — представительницы знатной аристократической римской семьи, чья мать Феодора долгое время выполняла функции хранителя папских сокровищ. В возрасте 15 лет, в 890 г., Марозия вступила в блудную связь с Сергием III, кузеном своего отца. А в 909 г. вышла замуж за авантюриста Альберта, маркиза Сполето, которому родила сына Альберта — с ним мы вскоре еще столкнемся. С этого времени папство оказалось в ее крепких и циничных руках²²². В частности, папы *Анастасий III* (911—913), *Ландо* (913—914), *Иоанн XI* (931—936) стали таковыми и утратили достоинство понтифика по ее воле²²³.

Не императоры — Византийский или Западный, а *придворная куртизанка* стала на многие годы центром всевластия Римской церкви. По словам очевидцев тех событий, Латеранский дворец, некогда прибежище святых паломников, в то время стал прибежищем продажных блудниц²²⁴. Не случайно эта эпоха справедливо именуется в истории Западной Церкви «*порнократией*»²²⁵.

Наконец, в 914 г. на Римскую кафедру вступил папа *Иоанн X* (914—928), сумевший продержаться на ней рекордное время — 14 лет. В первую очередь он освободился от ничего не дающей с практической точки зрения опеки над собой слепого Людовика Провансальского. Благодаря его помощи император Беренгарий I заключил союз с Византийским императором малолетним Константином Порфирородным, и соединенные христианские войска в 916 г. разгромили сарацин Гарильяно. Как триумфатор папа явился в Рим под восторженные крики сограждан. Но участь его была предreshена, поскольку Марозия ненавидела понтифика, для чего имела свои причины. Еще в свою бытность епископом Равенны он был любовником ее матери Феодоры, которая, собственно говоря, и сделала Иоанна папой. Но, заняв желанную кафедру, любовник оказался слишком несговорчивым, чего, конечно, Марозия простить ему не могла.

Император находился, разумеется, на стороне апостолика. Но очень скоро правители Тусции и Ломбардии возмутились против Беренгария — героя минувшей войны и свергли того с императорского престола. Само собой, положение понтифика сильно осложнилось. В 923 г. он еще высокомерно писал Хорватскому королю *Томиславу* (910—928): «Всемогущий Бог так устроил, что

вручил нам высшее наблюдение над всеми Церквями, дабы мы в силу духовной власти могли всюду искоренять корни нечестия, в особенности среди любимейших сынов Церкви, к каковым принадлежите вы»²²⁶. Но, очевидно, что эти слова в *ту минуту* звучали голословно.

В конце концов в 924 г. Беренгарий пал в Вероне от рук наемного убийцы — теперь на 37 лет (!) императорская корона Западной Римской империи оставалась вакантной, чтобы затем почтить на голове великого саксонца Оттона I. В Италии наступил хаос полной анархии²²⁷.

Оставшийся один на один с врагами, папа Иоанн X был фактически изолирован в Риме всесильной Марозией и спешно искал новых союзников. В 926 г. его легаты торжественно провозгласили *Гуго Прованского* (926—945) королем Италии. Взамен Гуго обещал отдать своему предшественнику Итальянскому королю *Рудольфу II* (922—926) бургундские владения, которые сам незадолго до этого силой забрал у несчастного слепого императора Людовика Прованского. Легаты передали новому правителю Италии слова апостолика, что папа непременно венчает Гуго императорской диадемой при условии вызволения понтифика от «опеки» Марозии. Эта бесстыдная женщина решила вернуть Рим в условия *патрициата*, и папа ничего не мог ей противопоставить. Однако планам папы не суждено было реализоваться. Гуго отнюдь не отличался большой нравственностью и в скором времени завел у себя во дворце настоящий гарем. Найдя союз с Марозией небезвыгодным для себя, Гуго тут же женился на ней, чем сверг понтифика в ужас. Когда отчаявшийся понтифик направил своего брата Петра к венграм просить помощи, того по возвращении изрубили мечами на куски сторонники Марозии на глазах апостолика, а самого Иоанна X бросили в темницу, где в 929 г. задушили. Двое последующих пап — *Лев VI* (928) и *Стефан VII* (928—931) были уже откровенными крестурмами Марозии²²⁸.

Вскоре по требованию Марозии новым понтификом был объявлен ее сын *Иоанн XI* (931—935), рожденный, по слухам, от блудной связи с папой Сергием III. Однако от дурного дерева не могло быть доброго плода: бракосочетание Гуго с Марозией неожиданно породило жестокую борьбу за власть между императором и вторым сыном Марозии, Альбертом, рожденным от первого брака. Дело в том, что Гуго, не отличавшийся хорошими манерами, в праздник

Святого Ангела походя оскорбил его, ударив по лицу рукой. Сын Марозии понял, что не он является самой желанной персоной во дворце и что участь его предreshена²²⁹.

В отчаянии Альберт воззвал к народу Рима и сумел пробудить чувство гордости его жителей к своей славе и поднял народ на брачную чету. Гуго успел скрыться из дворца по веревочной лестнице, зато Марозию и папу Иоанна XI арестовали и поместили в темницу. После этого о судьбе Марозии ничего более не было слышно — скорее всего, она погибла в тюрьме²³⁰.

Взяв бразды правления в свои руки, Альберт вскоре сделался полновластным диктатором Рима. Справедливо отмечают, что это был первый и беспрецедентный случай, когда главой Папского государства стало *светское лицо*. Однако сила традиций и былой авторитет понтифика были так крепки, что Альберт, именовавший себя титулом «сенатора, патриция и государя всех римлян», был вынужден хотя бы для проформы ввести нового Римского епископа *Льва VII* (936—939) в управление Вечным городом. И принятые при его правлении законы выходили от имени обоих правителей — светского и духовного. Сын своей матери, Альберт крепко держал власть в руках, ревниво оберегая ее от любых покушений конкурентов. За время его правления сменилось четыре папы — *Стефан VIII* (939—942), *Марин II* (942—946), *Аганит II* (946—955) и уже упоминавшийся Лев VII, и ни один из них не рискнул воспротивиться такому положению дел. Официальный король Италии *Лотарь II* (945—950), сын покойного Гуго Прованского, не принес стране успокоения, к тому же вскоре он умер — говорят, был отравлен конкурентами.

Интересно, что своего сына Альберт назвал символическим именем *Октавиан* в честь первого Римского императора Августа Октавиана, а незадолго до своей смерти, последовавшей в 954 г., обязал римскую аристократию дать клятву выбрать следующим апостоликом Октавиана. Видимо, диктатор понимал, что в городе с тысячелетней традицией его сын может приобрести власть только в сане папы. Так и произошло — 18-летний юноша стал новым Римским епископом *Иоанном XII* (955—964). Внук развратной Марозии вскоре превратил Латеранский дворец в настоящий вертеп: всюду там можно было встретить его замужних любовниц и женщин легкого поведения. Сам Альберт, которому едва исполнилось 40 лет, скончался от лихорадки 31 августа 954 г.²³¹

Надо сказать, что сын покойного Альберта не унаследовал его дарований, зато щедро демонстрировал самые худшие качества, заимствованные у двух самых омерзительных персон этой эпохи — своей бабки Марозии и Гуго Прованского. Рассказывали, что папа охотно продавал священнические должности и как-то раз посвятил своего любимого конюха 10-летнего мальчика в епископы. На пирах папа охотно поднимал бокал за здоровье сатаны (!) и за Венеру. Дошло до того, что многие благочестивые женщины опасались появляться в Риме близ Латеранского дворца. Их тревога была небезосновательной: в народе ходили упорные слухи, что некоторые девушки-паломницы *были изнасилованы* (!) этим полным дурной энергии папой у могил святых апостолов²³².

К этому времени папство настолько дискредитировало себя, что для всех стало очевидным — без императорской власти Папское государство существовать не может. Понимая, что власть его вот-вот рухнет, Иоанн XII в 960 г. обратился к Германскому королю и герцогу Саксонии *Оттону I Великому* (936—973) за помощью.

Надо сказать, это был воистину замечательный правитель и великий полководец. Сын главы Восточно-Франкского королевства *Генриха I Птицелова* (919—936), скончавшегося в 936 г., этнический саксонец, он в течение многих лет был вынужден оспаривать завещанный отцом королевский титул у собственных братьев. Коронация 24-летнего Оттона состоялась в Ахене, из чего все сделали верный вывод о том, что сын Генриха I стремится возродить традиции Каролингов. Майнцский архиепископ, обратившись к толпе народа, густо заполонившего пространство возле храма, величал нового правителя словами: «Вот я привожу к вам Оттона, избранного Богом и некогда назначенного государем Генрихом, а ныне возведенного в короли всеми князьями». И весь народ восторженно приветствовал его. Примечательно, что во время коронации Оттон был облачен в обычные франкские одежды, и последующая церемония происходила так, как это было еще при Карле Великом. Хотя считалось, что Оттона выбрали князья, сам саксонец не собирался признавать себя «первым среди равных», но только *самодержцем*²³³.

Постепенно он начал карать тех вассалов, которые слишком уж буквально понимали *федеративную систему власти* в Германском королевстве. Сначала Оттон продемонстрировал свою власть герцогу Франконскому, затем герцогу Баварскому, которого лишил

всех прав и отправил в ссылку; в результате герцогство было передано брату Оттона Великого Бертольду²³⁴.

Ситуация в Западно-Франкском королевстве также благоволила планам Оттона расширить границы своей державы. После смены нескольких династий (Робертинская сменила Каролингов, а затем сама пала под ударом представителя семьи Бозонидов, не давшей более ни одного царственного ростка) в 936 г. на королевский престол был поставлен сын короля *Карла III Простоватого* (898—922) юный *Людовик IV* (936—954), ранее скрывавшийся от врагов в Англии; поэтому он и получил прозвище *Заморский*. Желая опереться на твердую руку, Людовик IV женился в 940 г. на сестре Оттона Великого Герберге. В скором времени этот деятельный правитель вступил в конфликт с могущественным Парижским графом *Гуго Великим* (922—956), чьими усилиями не так давно был возвращен на родину и получил королевство. Незаметными шажками восстанавливая свои скромные владения, Людовик IV вступил в борьбу с Гуго и его союзниками за Лотарингию, что привело лишь к потере им Реймса, жители которого легко перешли на сторону графа Парижского. Спас юного короля Оттон Великий, который в 942 г. примирил врагов... в обмен на Лотарингию, посчитав, что его зять и так уже имеет довольно²³⁵.

Правда, перемирие длилось недолго: в 944 г. Гуго Парижский захватил Людовика IV в плен и держал у себя долгих два года, пока тот не согласился передать в собственность Гуго город Лан, столицу Западно-Франкского королевства. Но едва вырвавшись на свободу, король франков обратился за помощью к зятю, и Оттон Великий, соединив свою армию с отрядами Людовика IV, короля *Конрада Прованского* (937—993) и графа *Арнульфа I Фландрского* (918—964), вторгся в Северную Францию. Военный успех (а союзники вернули Реймс и Лан) был многократно усилен покровительством, которое папы оказали Оттону. По указанию Римского епископа *Аганита* (946—955) в Ингельхейме на Рейне состоялся Собор, который 8 июня 948 г. отлучил от Церкви Гуго Вермандуа — союзника Гуго Парижского. Это было грозным предостережением для самого могущественного графа, но Гуго не внял предостережениям. Он попытал счастья в очередной раз, но все закончилось лишь тем, что следующий Собор, уже в Трире, предал и его анафеме. Этот успех многократно усилил политические позиции Оттона²³⁶.

К тому времени Италия все еще продолжала биться в конвульсиях анархии. Коронованный ее королем *Беренгарий II* (950—964), внук по матери короля Беренгария I, решил укрепить положение своего сына Адальберта путем его женитьбы на Адельгейде — красивой и еще совсем молодой вдове покойного короля Италии Лотаря II. К слову сказать, эта выдающаяся женщина отличалась не только благородством происхождения и красотой, но и глубоким религиозным чувством — не случайно в 1097 г. она была канонизирована Римской церковью.

Конечно же, Адельгейда решительно воспротивилась домогательствам Беренгария II и его сына, за что и была препровождена под домашний арест, вызволить из которого и явился Оттон Великий. Король Италии решил сопротивляться, но был разбит сыном Оттона *Людольфом* (950—957), герцогом Швабским, основателем Штутгарта, попутно завоевавшим Павию и Ломбардию для саксонцев. Более того, освободив королеву Адельгейду, Оттон Великий, к тому времени также успевший стать вдовцом, сам предложил ей свою руку и сердце. На этот раз предложение было принято, и таким образом Оттон приобрел права на Италию²³⁷.

Набожный и честолюбивый, Оттон Великий всегда, как мы видели, стремился заручиться поддержкой Церкви. Кроме того, как человек сугубо практичный, Оттон понимал, что бороться с сепаратизмом собственных герцогов можно лишь при наличии союзника, каковым мог выступить исключительно Римский папа и епископат. Король и ранее активно и широко наделял своих архиереев земельными наделами, попутно лишая герцогов права утверждать священников на принадлежащих им землях.

В частности, он передал Вестфалию и Лотарингию под управление Кельнского архиепископа. Имея высший авторитет в церковных кругах, Оттон I без труда присоединял к своим владениям французские территории, для подстраховки передав герцогские функции Вюрцбургскому епископу. В свою очередь отсутствие по естественным причинам наследственных прав на имущество у прелатов и епископов обеспечивало Оттону Великому контроль за теми территориями, которые он передавал духовным лицам, и позволило сформировать своеобразную форму отношений Церкви и Западной империи, до сих пор не имевшую аналогов²³⁸.

В 952 г., разгромив даннов (датчан), король разделил Ютландию на три епископии и подчинил их Гамбургскому архиепископу. То

же случилось и с городом Ольденбургом, который Оттон отвоевал у славян, — созданное здесь епископство он также переподчинил архиепископу Гамбурга. Таким образом, четыре народа — шведы, данны, норманны, а также славяне Балтии оказались под духовной властью Гамбургского архиепископа. Король же назначал в случае вдовства епископской кафедры новых архиереев, включая епископа влиятельного города Регенсбурга²³⁹. Столь же религиозной была и его семья. Достаточно сказать, что один из сыновей Оттона Великого, Вильгельм, станет архиепископом Майнца, а его единственная дочь Матильда, «украшение монахинь», будет единогласно избрана аббатисой известной обители св. Сервация в Квидленбурге.

И когда в Риме начались ужасные нестроения, папа Иоанн XII по вполне понятным причинам воззвал к Оттону Великому. Не в правилах короля было сидеть без дела, и он, перейдя границы Италии, ввел в Рим свое войско. В качестве благодарности 2 февраля 962 г. король был торжественно коронован папой императором Западной Римской империи, и сам понтифик принес ему клятву верности²⁴⁰. Впрочем, и император по старому Каролингскому обычаю дал понтифику клятву, в которой содержались следующие строки: «Обещаю тебе, что когда вступлю в Рим, сделаю все от меня зависящее для твоего и Римской церкви благополучия. Обещаю, что никогда не буду покушаться на жизнь и здоровье папы и не позволю другим, насколько это в моей власти, причинять ему какой-либо вред. Находясь в Риме, не буду ни проводить собраний, ни издавать постановлений по делам, относящимся к папе и населению города без твоего, святой отец, согласия. И все, что перейдет ко мне из собственности Римской церкви, возвращу обратно. Моих заместителей, назначаемых для управления Итальянским королевством, заставлю присягнуть, что они будут твоими помощниками и защитниками вотчины св. Петра».

Новый император подписал помимо этого так называемую «Оттонову грамоту» («*Ottonianum*»), в которой перечислялись территории, находящиеся во владении понтифика. В частности, Римское герцогство, Равеннский экзархат, Романья и Пентаполь, Сицилия и Южная Италия признавались вассалами папы. Это был переломный момент в истории Запада. После долгих десятилетий забвения Оттон Великий реставрировал старую Каролингскую империю и сделал папу своим капелланом, орудием императора, своей «част-

ной Церковью» и вассалом. Хотя, с другой стороны, исключительно папа получал права короновать то или иное лицо императорской короной. И то обстоятельство, что в ближайшие 25 лет двадцать один Римский епископ будет поставлен императорской властью, в значительной степени уравнивается тем, что ни один император Запада не становился оным без папского благословения²⁴¹.

Примечательно также, но ни у папы, ни у Оттона не возникло никакой неловкости по поводу того, что перечисленные в договоре владения папы, которые за ним закрепил император Запада, с юридической точки зрения по-прежнему являются землями Византийского императора. Оттон Великий обещал также передать Римскому епископу *доходы* от Тосканы и Сполетто, но сами эти земли оставил за собой. В качестве своих прерогатив Оттон I указал преимущественные права над Римом и Папским государством. В частности, он сохранил контроль проведения выборов понтификов — ни один из них не мог считаться избранным без утверждения императором результатов голосования. От папы требовалось также принести после выборов клятву верности императору. Помимо этого, были возобновлены торжественные императорские ритуалы. Очевидно, что великий саксонец действовал, как Византийский император, копируя систему императорской власти, сложившуюся на Востоке, и формы ее отношения с властью духовной. Собственно говоря, и он, и ранее Карл Великий пытались создать у себя то, что уже веками выковалось на Востоке в устойчивую политическую традицию.

Как справедливо замечают, так была *восстановлена Западная империя*, впоследствии получившая название Священной Римской империи германской нации. Впрочем, это событие не имело широкого резонанса по вполне понятным причинам. Западно-Франкские Каролинги искренне полагали, что Римским императором может быть лишь прямой потомок Карла Великого. Английские короли к тому времени также включили в свою титулатуру слово «император», хотя и не рисковали называть себя *Римскими* императорами. В Италии на Оттона смотрели как на *захватчика*, в Константинополе — как на очередного *узурпатора*. Кроме того, и в территориальном отношении империя Оттона Великого уступала империи Карла Великого, включая в свой состав только Германию и часть Италии. Франция (Западная Франкония) в нее не входила, и «недостаток массы» в некоторой степени покрывали

лишь недавно завоеванные земли славян — слабое утешение для тех, кто грезил о *Всемирной* Римской державе²⁴².

После завершения формальных процедур Оттон покинул Италию, но тут же папа переметнулся на сторону его противника. В качестве повода для отзыва ранее данных обещаний Иоанн XII использовал то обстоятельство, что Оттон Великий принял некоторых клириков, изменивших понтифику, а также обязал население территорий, обещанных папе, присягнуть себе. Император возразил: «Как мы можем вернуть папе эти земли, если они все еще заняты разбойниками Беренгария? И как мы можем заставить ее жителей присягать апостолику, прежде чем сами не захватим ее и не приведем население к покорности?» Но эти вопросы остались без ответа — политика зачастую обходится без нравственных принципов и не знает совести. Видимо, деяния папы всерьез задели Оттона Великого, всегда чрезвычайно щепетильного в вопросах чести. Поэтому он направил в Рим своих послов, дав им поручение устроить в случае необходимости даже «Божий поединок», наглядно доказав любому заинтересованному или сомневающемуся лицу, что правда находится на его стороне²⁴³.

Отпраздновав Рождество, император взял штурмом замок, в котором располагался Беренгарий II, и отправил поверженного врага в Баварию, где тот вскоре и отдал Богу душу. Сложнее обстояли дела с самим Римом, многие горожане которого не хотели признавать власть саксонца. 3 января 964 г. они даже организовали заговор, по счастливой случайности не увенчавшийся успехом. Как следствие, император взял 100 знатных жителей и, желая низложить Иоанна XII, организовал над ним судебный процесс, причем Собор был созван им по просьбе самих жителей Рима²⁴⁴.

Римское духовенство *единогласно* высказалось за осуждение понтифика, а тот даже не явился для защиты, чем вызвал большое удивление у Оттона I Великого. Император потребовал конкретных обвинений в адрес папы и узнал много нового. Жители Рима, пребывавшие на Соборе в большом количестве, рассказали, что апостолик состоит в преступной связи с вдовой женщиной, бывшей наложницей своего отца папы Сергия III. Кроме нее, у него есть любовница Анна, племянница которой также сожительствует с папой. Апостолику вменялось в вину, что он ездит на охоту (мало привлекательное, согласимся, для Римского епископа занятие), творит самосуд и приказал кастрировать клирика Иоанна, который от

такой «операции» скончался. Горожане даже поведали, будто папа *брезгает* осенять себя крестным знамением и не служит утреню²⁴⁵. В общем, все дружно просили императора, дабы «это чудовище, коего ни единая добродетель не умаляет пороков, было изгнано из святой Римской церкви и чтобы иной был назначен на его место, который посредством доброго собеседования доказал бы что он способен быть благодетелем, праведно живя сам и устанавливая пример подобного же поведения»²⁴⁶.

Для полноты правосудия требовалось все же вызвать на процесс самого понтифика. В своем письме к папе император потребовал от того явиться на суд и защищаться, на что апостолик ответил только угрозами отлучить всех от Церкви. Дважды направлялись посыльные к Иоанну XII, но и после этого папа не удосужился явиться на Собор, высказав массу претензий в адрес императора. «Это — ребячьи глупости», — произнес Оттон, и на очередном соборном заседании предъявил папе заочное обвинение. Примечательно, что ни одна из тех историй, которые императору рассказывали о понтифике, в обвинительной речи не фигурировала. Оттон Великий обратил внимание присутствующих лишь на то, что Иоанн XII *изменил ему*, императору, вступив в связь с его врагами, и что облачался в боевые доспехи. Участь понтифика была решена — жители Рима дружно просили императора изгнать понтифика с престола и выбрать нового папу²⁴⁷.

Но поставленный императором Западной империи новый Римский епископ *Лев VIII* (963—965), бывший прежде светским чиновником, вскоре едва не погиб. Хотя и свергнутый, но все еще серьезный соперник, Иоанн XII подкупил часть жителей Рима, и они избрали себе нового папу *Бенедикта V*. Впрочем, летом 964 г. Оттон вернулся в Рим в очередной раз, низложил Бенедикта V и вернул Льва VIII на кафедру²⁴⁸.

Состоялся суд над Бенедиктом. Несчастный папа был введен в зал в своем облачении, и архидакон начал задавать вопросы: каким образом тот осмелился возложить на себя знаки папского достоинства, зная, что прежний папа Лев VIII жив? Как он осмелился нарушить клятву императору, данную ранее, зная, что *без его согласия понтифик не может избираться*? На это Бенедикт отвечал лишь: «Если я погрешил, то прошу милосердия!» Прослезившийся император приказал помиловать Бенедикта, который был осужден на вечное изгнание²⁴⁹. Как говорят, низложенный папа был

отдан под надзор архиепископа Бремена Адальгальда и прожил в Саксонии остаток дней²⁵⁰. Судьба низложенного Иоанна XII была гораздо печальнее: предаваясь утехам с некоей молодой особой, он стал жертвой ярости ее мужа и скончался от нанесенных ему ран в возрасте 27 лет²⁵¹.

Прекрасно понимая, что борьба вокруг папской кафедры не утихнет сама собой, особой грамотой папа Лев VIII признал за Западным императором *право назначать папу*. «Государю Оттону I и его преемникам жалуюм навсегда полномочие поставлять первосвященника верховного Апостольского престола», — написал он в своем акте²⁵². Папство, предоставленное самому себе, *морально разложилось*. Последующими папами, равно как и прекращением смуты в Риме, Запад был обязан почти исключительно императорской семье.

Начиналась новая страница в истории Западной Европы. Хотя Оттон Великий и восстановил в 962 г. Западную Римскую империю, его императорская власть при всем внешнем сходстве существенно отличалась от власти Карла Великого. Тот являлся верховным и единовластным повелителем, самодержцем, а Оттон в действительности, несмотря на все успехи, фактически оставался только главой *конфедерации государств*. Примечательно, что, в отличие от Карла Великого, Оттон I не осмелился назвать себя *Imperator August*, а ограничился титулом *Imperator Romanorum et Francorum* («император римлян и франков»).

Но это не спасло его от конфронтации с Византией, где по-прежнему считали, что *единственным* императором может быть только тот, кто резидентирует в Константинополе. В ответ Оттон Великий добился принятия вассальной клятвы себе со стороны Лангобардских князей Беневента и Капуи, земли которых греки считали своими. Конфликт удалось уладить только помолвкой сына Оттона Великого от брака с королевой Адельгейдой, Оттона II Младшего, на девушке из близкой родни Византийского императора²⁵³.

Не ладились дела и в Италии. В 965 г. скончался папа Лев VIII, и новым понтификом с согласия императора был избран епископ Нарни *Иоанн XIII* (965—972). Однако тот настолько жестко вступил в свои права, что вскоре жители Вечного города составили ему мощную фронду. В самое ближайшее время новый понтифик был схвачен и посажен в темницу. Хотелось или нет, но в 966 г. Оттону

Великому пришлось в третий раз брать штурмом Рим, где верховная власть принадлежала уже даже не папе, а специально назначенному префекту. На тот раз король был менее расположен прощать врагов. По его приказу германцы повесили 13 начальников римских военных отрядов на главной площади города, а часть аристократов подверглась высылке в Германию с конфискаций имущества. Желая сгладить эффект от этой расправы и поддержать шатавшуюся власть Римского епископа, Оттон Великий созвал в 967 г. Собор из итальянских епископов, на котором объявил о своем решении передать в собственность папы Равенну, а также другие области, на которые тот претендовал. Попутно император призвал в Италию своего сына Оттона II, который должен был за ранней и неожиданной смертью Людольфа стать наследником престола²⁵⁴.

Оттон твердо решил не покидать Рима и Италии, пока не установит в ней немецкий порядок, но его ждало разочарование — затраченные средства никак не покрывались полученными политическими дивидендами. Тогда император решил слегка *германизировать* Италию. Подрывая только что поднятый им самим авторитет Римской церкви и лично папы, Оттон Великий организовал широкую раздачу итальянских земель германским епископам, а также назначал своих соотечественников на вакантные церковные кафедры. Для управления текущими делами Италии был создан специальный совет, куда вошел Кельнский архиепископ, префекты главных итальянских городов и императорские представители.

Помимо этого, Оттон I пытался перекупить часть итальянской знати, и в некоторой степени не без успеха — его сторонником стал могущественный Тосканский герцог Гуго. Стоит ли говорить, что эта деятельность не осталась незамеченной в Константинополе, где не без возмущения следили за тем, как «варварский германец» хозяйничает на исконной родине Римских царей. А попытки урегулировать ситуацию путем династического брака первоначально успеха не принесли. Лишь впоследствии эта идея получит практическую реализацию, хотя ровным счетом ничего не решит в противостоянии Запада и Востока²⁵⁵.

Проведя шесть лет в Италии, Оттон Великий вернулся в Германию, но, к своему разочарованию, обнаружил, что его власть за период отсутствия сильно ослабла. В Италии императора Запада не любили итальянцы, а в Германии — свои же соотечественники. Правда, до прямого восстания дело не дошло — авторитет Оттона

был чрезвычайно высок, но это было далеко не самодержавное правление, о котором мечтал сам саксонец. Незадолго до своей смерти он созвал съезд своих вассалов в Кведлинбурге, куда прибыли магнаты Венгрии и Польши, Руси и Дании, болгары и беневетцы. Приехали даже представители Византийского императора. Весь христианский мир присутствовал на величественном мероприятии, ставшем последним утешением в жизни великого правителя. Спустя всего несколько недель, 7 мая 973 г., Оттон Великий скончался и был похоронен в соборе своего любимого Магдебурга, которым очень дорожил²⁵⁶.

Но и на этом историческом этапе между папской и королевской властью не сформировалось устойчивых форм сотрудничества. Римская кафедра, имевшая неоспоримый авторитет в Кафолической Церкви, хранила в себе еще много жизненных сил. Пройдет совсем немного времени, и мы увидим *качественно иное* папство и другую Западную Римскую империю.



Приложение №10: «Византийский папизм» и «Эпанагога»

Что же изменилось в Римской империи, если император Лев VI Мудрый был вынужден бессильно взирать на могущественного патриарха Николая Мистика, пытавшегося взять власть в государстве в свои руки? Почему в такой *зависимости* от столичного архиерея оказался царь Александр? Трудно не заметить резкой перемены, которая произошла во взаимоотношениях между Византийским императором и Константинопольским патриархом. Причем, как мы увидим, эти изменения носили системный характер. Легко обвинить *лично* Николая Мистика в желании покуситься с императором Львом VI, а также погубить столь ненавистное ему царственное дитя от четвертого брака, признав Константина Порфирородного незаконнорожденным сыном. Но идея о главенствующем положении столичного патриарха в Кафолической Церкви и Римском государстве была, отнюдь, не нова, и на Николае Мистике история ее реализации не заканчивается. Она и ранее, и позднее высказывалась множеством других Константинопольских архиереев и их сторонников.

Здесь мы встречаемся с так называемым *византийским папизмом*. Первые его проявления легко обнаружить еще во времена древней Церкви, когда Александрийский папа мечтал об узаконении своего главенства на Востоке, «уступив» Римскому понтифику Запад. Но чтобы противопоставить себя царской власти? Такого, несомненно, никто в то время не мог себе даже представить. Тем не менее именно это вскоре и произошло.

Следует учитывать то неблагоприятное для Константинопольских патриархов, что в эпоху Вселенских Соборов истина Православия часто торжествовала только благодаря Римским папам, императорам и отдельным лицам, как, например, св. Максима Исповедника. Кроме того, хотя императоры и считали понтификов своими подданными, но прекрасно понимали, что влияние тех в Италии было почти безгранично. Поэтому, если в ходе извечного противостояния Рима и Константинополя нужно было унижить «своего» патриарха в угоду апостолику, василевсы, как правило, так и поступали²⁵⁷.

Безусловно, некоторую долю вины в развитии на Востоке идей «папизма» должны разделить не только сторонники взглядов Римских пап из числа византийских клириков, но сами императоры-иконоборцы — об этом писалось в соответствующем разделе. Именно тогда у некоторых патриархов и епископов начали *проскальзывать* мысли, невозможные в прежние времена. Да, династия Ираклидов дала великих царей. Действительно, императоры-иконоборцы были блестящими государями и военачальниками. Но не при их ли непосредственном участии Восток сотрясся от штормов ересей? Не с ними ли связаны унижения многих архиереев «нового Рима», отлученных Соборами, поставлены под сомнения честь и авторитет Константинопольских патриархов?

Если святой и равноапостольный Константин Великий действительно признал папу Сильвестра владыкой Церкви и Римской империи, то не являются ли недавние события следствием *отступления* от этого божественного, освященного древностью принципа? В истинность «Константинова дара» на Востоке верили многие. Откуда взялась эта странная практика, при которой василевсы подключались к обсуждению богословских вопросов? Разве канонические правила, доставшиеся от Святых Отцов и Учителей Церкви, говорят об этом праве императора? Неужели цари обладают священнической харизмой, чтобы соучаствовать с иереями в таинствах постижения истинной веры? И постепенно рядом с «симфонией властей» появляются зачатки *альтернативной церковно-политической идеологии*.

Все это были далеко не только «теоретические» размышления. Отцы VII Вселенского Собора еще не называют императоров — Исавров еретиками. Подобная дерзость была бы невиданным оскорблением царского сана. Но *исподволь* некоторые участники спрашивали кающихся епископов-иконоборцев: не вследствие ли насилия над собой со стороны верховной власти (!) они предались ереси?²⁵⁸ На Константинопольском Соборе 843 г. патриарх св. Мефодий заявил императрице св. Феодоре, что *не всякий* Римский царь вправе рассчитывать на признание и молитвы Церкви, а лишь тот, кто «благочестив» и, главное, *правит не самовластно*. Иными словами, тот царь, кто не признает за собой право выступать главой церковного управления, но *разделяет его* с епископатом²⁵⁹.

А сразу же после VII Вселенского Собора образовалась необычная практика, отличная от строгого церемониала прошлых лет.

В первое воскресенье Великого поста, в праздник Торжества Православия, император уже не входил в Святой Алтарь, как это бывало в любую другую воскресную Литургию, а стоял со всем народом. Это была своего рода епитимия, налагаемая на императоров за их поддержку иконоборцев, наглядно подчеркивающая преимущества священства над царством. Впрочем, данная практика длилась недолго, и уже при императоре Константине VII Порфирородном она сходит на нет²⁶⁰.

Это был далеко не единичный прецедент. На Соборе «В храме Святой Софии» 879—880 гг. кто-то спросил св. Фотия: не вследствие ли *тирании* он взошел на Константинопольскую кафедру? Намек на императора очевиден. При решении вопроса о четвертом браке Льва Мудрого некоторые епископы говорили, что, поскольку данный запрет был введен Константином V Исавром, он недействителен.

Однако надо иметь в виду, что «византийский папизм» далеко не однозначен. К его сторонникам и даже идеологам принадлежали такие светочи Православия, как патриархи св. Тарасий (хотя и косвенно), св. Мефодий, св. Фотий, св. Игнатий, св. Полиевкт, а впоследствии столичные архиереи Михаил Керулларий, Лихуд, Иоанн VIII Ксифилина и многие другие Константинопольские архипастыри, с которыми нам еще предстоит познакомиться. Не говоря уже о множестве рядовых епископов, клириков и канонистов высочайшего уровня.

Среди них встречались замечательные борцы с римским всевластием за независимость Восточной Церкви, богословы, отстаивавшие чистоту вероучения. Они, не опасаясь даже низвержения с кафедры, активно и жестко *противостояли* Византийским царям, что некогда позволяли себе *отдельные* Римские епископы и *никогда* восточные. И повторяемость этих событий никак не может быть отнесена исключительно к личностям конкретных архипастырей и царей.

Что же произошло? Отчего лелеемая веками византийская «симфония властей» испытала неожиданно такой глубокий кризис? Ответ мы получим, изучив некоторые исторические факты. Сразу оговоримся: описываемая схема развития событий дана в *современной* редакции — конечно, в действительности она была далеко не столь прямолинейной и последовательной, как это будет изобра-

жено. Но, пожалуй, это — единственный (и вполне допустимый) способ наглядно описать и раскрыть исторический контекст тех далеких событий.

I. Многовековая борьба между Римским епископом и Константинопольским патриархом, иногда открытая и подчас происходящая в скрытых формах, никогда не прекращалась. По одному справедливому мнению, *все историческое развитие Церкви демонстрирует борьбу за власть*. «И само отделение Запада от Востока произошло вследствие неясности отношений между факторами церковной власти и столкновения притязаний на нее, а вовсе не потому, что одна сторона признавала необходимость единой церковной власти, а другая ее отрицала»²⁶¹.

В конце VIII века старое противостояние двух «Вселенских» кафедр — Римской и Константинопольской соединилось с новыми политическими обстоятельствами. Оба великих города, две части некогда единой Римской империи, все более отдалялись друг от друга — и церковно, и политически. Как следствие, возникли новые и неожиданные политические комбинации. Папы попеременно то пытались найти альтернативу Византийскому императору в лице западных королей, то, напротив, прибегали к их защите от тех же германцев, которые даже и не думали склонять свою гордую выю перед апостоликом с его амбициозными идеями о превосходстве священнической власти над государственной. Тем временем Константинопольский патриарх набирал авторитет и полномочия, щедрой рукой даруемые Византийскими царями своему первому помощнику в делах церковного управления.

Политически Рим в то время уже не находился в подчинении Византийского царя, но волей-неволей, как носители имперской, католической идеи, и папа, и василевс были обречены историей органично существовать рядом друг с другом еще долгое время. Соподчинение интересов царя с их записным врагом очень волновало Константинопольских патриархов, всерьез опасавшихся, что император, давший столичной кафедре столь много прав, может ради политической выгоды и сохранения отношений с Римом *отозвать* некоторые из них. Это в известной степени оправдывалось не только умозрительными рассуждениями, но и конкретными примерами текущей практики. Император нередко был вынужден договариваться с Римскими епископами как равный с равным. И по

условиям договора жертвовать некоторыми интересами. Поскольку папа пока еще не покушался на политические полномочия царя, то единственным лицом, за счет которого можно было договариваться, становился Константинопольский архиерей. Особенно ярким в этом отношении является пример с патриархом св. Фотием, которого царь Василий Македонянин «разменял» на союз с Римом. Другой пример — император Лев Мудрый, добившийся легитимизации своего четвертого брака при помощи Римского папы.

Слабость Византийской империи, еще не оправившейся до конца от иконоборческого кризиса и династических пертурбаций, возрастающее политическое могущество и реальность угрозы со стороны воинственных соседей вынуждали императоров искать союзника на Западе. Но это было возможно только при непременном примирении с Римским епископом, который единственно в то время мог объединить разрозненный Запад для борьбы с исламом, в частности. Поэтому, в столице не невозможной мыслилась ситуация, при которой Византийские цари согласятся признать *высший вероисповедальный авторитет* понтификов в ущерб компетенции и интересам Константинопольской кафедры. Можно было себе представить, какие перспективы рисовались в воображении современников. Впрочем, данная комбинация могла возникнуть и в других ситуациях. И тогда, как можно было предположить, Римский папа, поддерживаемый императором, получит законное и неограниченное право вмешиваться в дела *всех* кафедр, включая Константинопольскую.

Это означало ни много ни мало подчинение Восточной Церкви Римскому епископу. А следовательно, закрепление в качестве обязательных римской литургии, каноники и прочих западных «новаций», с которыми так горячо боролись в Константинополе. Было от чего прийти в волнение в окружении восточного «Вселенского» патриарха. Конечно, в этих опасениях было много надуманного — защитники восточной независимости совершенно упускали из виду тот простой факт, что практически все без исключения Византийские императоры осознавали себя главами Кафолической Церкви, и тем более Восточной Церкви. Если они и шли на компромиссы в угоду Рима, то весьма и весьма незначительные. А факты сближения с понтификами, можно сказать, случаи «принудительной дружбы», были вызваны отдельными (пока еще) прецедентами открытого неповиновения их власти со стороны

столичного патриарха и церковными расколами на Востоке, с которыми единолично императоры справиться не могли.

В таких случаях приходилось склоняться под омофор Римского епископа, чей авторитет в Кафолической Церкви по-прежнему был весьма высок. Могла ли императрица св. Ирина самостоятельно, без помощи Рима подорвать корни иконоборческого раскола, если еще во времена императрицы св. Феодоры многие восточные клирики являлись явными иконоборцами? Не были ли *вынужденными* союзы Василия Македонянина и Льва Мудрого с папами? Разумеется, это — риторический вопрос.

Как следствие многих факторов (недопонимание друг друга, властные амбиции обеих «Вселенских» кафедр, растущее могущество Константинополя), некогда единые интересы Византийских императоров и Константинопольских патриархов начали *разделяться*, что цари обнаружили далеко не сразу. Наделяя «своих» патриархов полномочиями, сходными с прерогативами Римских пап, императоры не подозревали, каких со временем противников себе на административно-политическом поприще они готовят и какие мысли бродят в головах некоторых интеллектуалов из числа клириков.

Надо сказать, к тому времени широта компетенции Константинопольского архипастыря, его близость к царю, та роль, которую он играл в Церкви, многочисленность архиереев и монастырей, подчинявшихся ему, и колоссальное честолюбие — все эти обстоятельства уже и до IX века изменили прежний портрет. Патриарх стал чрезвычайно грозным и могущественным лицом в Византийской империи. Богатство Константинопольской Церкви было огромно, авторитет ее архипастыря — высочайшим. Остальные восточные патриархи почти всецело зависели от расположения «Вселенского» патриарха и составляли ближайшее и верное его окружение. Если патриарх, преданный императору, мог оказывать ему серьезную помощь, то враждебно настроенный архиерей был чрезвычайно опасен, и его противодействие могло сломить волю самого царя, что не раз и бывало в действительности²⁶².

Достаточно указать, как быстро расширялась территория столичного диоцеза и росло число епископий, подвластных Константинопольскому архиерею. Так, в частности, только азиатских епископий, напрямую зависящих от Константинополя, с включением Исаврийской области, присоединенной от Антиохийского патриарха, насчитывалось в начале IX века более 400. Кроме того,

патриаршая юрисдикция простиралась на Грецию, Фракию, Македонию, Болгарию, области Южной Италии, включая Сицилию, и на некоторые страны вновь обращенных к христианству народов, в том числе Древнюю Русь. А во времена царствования императора Льва VI Мудрого Константинопольскому патриарху подчинялись уже более 600 епархий, из них 50 митрополий и 48 титулярных архиепископий²⁶³.

Константинопольский патриарх стоял на недостижимой для других восточных патриархов высоте. Ему принадлежало фактически *единоличное* право утверждать церковные каноны, и хотя формально он обязан был осуществлять эту деятельность совокупно с остальными архипастырями и иными органами церковной власти, но на самом деле последние выступали послушными орудиями его воли. Вне всякого сомнения, роль остальных восточных патриархов, практически постоянно проживающих при своем Константинопольском собрате, была лишь пассивно-подчиненной. Как далеко простиралось влияние Константинопольского архипастыря на другие патриархаты, можно оценить хотя бы по тому, что архиереи «царственного града» *по своей инициативе* и *сами* назначали иерархов на патриаршие кафедры.

Уже в 572 г. Константинопольский патриарх св. Иоанн Постник поставил Александрийским архиереем *Иоанна IV* (569—579), несмотря на сопротивление Антиохийского патриарха *Анастасия I* (559—570 и 593—598). За это Постник в 586 г. отстранил его с престола и назначил патриархом Сирии *Григория* (570—593). В 692 г. столичный патриарх Георгий освободил от Антиохийской кафедры *Макария* (653—680), подготовив решение VI Вселенского Собора, а назначил на вдовствующую кафедру *Феофана* (680—687). Но это были еще только отдельные опыты. А после возвращения Антиохии в состав Византии, с 970 г., столичные архиереи взяли за правило назначать на эту кафедру патриархов. Равным образом и Иерусалимские патриархи назначались в Константинополе, особенно после того, как город был захвачен крестоносцами²⁶⁴.

Несколько позднее, уже в XII веке, Анна Комнин опровергала притязания Римского епископа ссылками на *полномочия* Константинопольского патриарха. «И это сделал первосвященник, — писала она по одному поводу, — и это сделал глава Вселенной, как его называют и каким его считают латиняне (это еще одно проявление их наглости)! Ведь когда императорская власть, синклит

и все управление оттуда перешли к нам, в наш царственный город, то вместе с ними перешла к нам и высшая епископская власть. Императоры с самого начала предоставили эти привилегии Константинопольскому престолу, а Халкидонский Собор установил первенство и Константинопольского епископа и подчинил ему все диоцезы всего мира»²⁶⁵.

Разумеется, сказанное в значительной степени является неправдой. Никакой Вселенский Собор не ставил Константинопольскую кафедру выше всех остальных, включая Римскую, да и императоры не передавали столичным патриархам власть над всеми диоцезами. Но, как верно замечал один исследователь, если уж Анна Комнин, одна из самых выдающихся и образованных людей своего времени, так некритично высказывала указанные тезисы, то, значит, она отражала широко распространившиеся в византийском обществе взгляды. С точки зрения рядового грека, притязания Римского епископа казались наглыми и возмутительными, и его национальная гордость никогда не согласилась бы с тем, чтобы отказаться от прерогатив столичного архиерея²⁶⁶.

«Мы получаем возможность воочию, — справедливо отмечал один исследователь, — так сказать, наблюдать знаменательное историческое совпадение: возвышение Константинопольского патриарха над другими патриархами и поставление этого же патриарха рядом с царской властью идут рука об руку, предполагая в то же время разрыв с Римом и обуславливаясь этим разрывом... Здесь развиты те же самые принципы, которые лежали в основании борьбы между *sacerdotium* и *imperium*, потрясшей Западноевропейский мир в Средние века»²⁶⁷.

II. Однако на пути к «освобождению» Константинопольского патриарха из-под опеки Византийского царя стояла одна очень сложная проблема. Издавна было общеизвестно, что второе место в Кафолической Церкви Константинопольский патриарх получил *от императоров*, которые инициировали принятие соответствующих канонов на II, IV и Трулльском Вселенских Соборах. Говорить о вселенской рецепции этих полномочий было невозможно, поскольку Рим, а вслед за ним и вся Западная Церковь категорично их не признавали. И власть патриарха держалась *исключительно* велением василевса, многократно на практике закреплявшим и расширявшим ее в своих законах.

Оставалась единственная надежда — иным образом обосновать власть Константинопольского патриарха, вследствие чего для него отпадет и неприятная необходимость искать источник своих полномочий в воле императора. Не административное значение Константинополя, как это считалось со времен II Вселенского Собора, а Божественный Промысел должен лежать в основе власти патриарха новой столицы Византийской империи — так полагали восточные «паписты». Рим обосновывал это апостольским происхождением своей кафедры — значит, нужно доказать, что и Константинополь обладает этим же качеством.

В столице востребованными становятся апокрифические легенды, в том числе и та, согласно которой епископская кафедра в Константинополе (тогда, в древности, еще именуемом Византием) была основана апостолом Андреем Первозванным, братом апостола Петра. Вследствие этого Константинополь уравнивался в сакральном смысле с Римом, как апостольская кафедра, чем сводил на нет его бывшее преимущество. А попутно «освобождался» и от прямой зависимости от императорских эдиктов. Получалось, что василевс не наделял патриарха должными полномочиями, а лишь *констатировал* те следствия, которые напрямую вытекали из апостольского происхождения Константинопольского архиепископа.

Но этого мало. Приняв на вооружение идеологию Римских пап, согласно которой «священство выше царства», греческий клир должен был устранить второй центр духовной власти в Кафолической Церкви. Иными словами, столичному патриарху нужно было не уравниаться с папой, а *занять во Вселенской Церкви место Римского епископа*. Только после этого можно было обоснованно претендовать на всю полноту власти в Церкви, оттесняя императора на нижний уровень. А затем принять на себя и полную власть в Римской империи.

Справедливости ради следует сказать, что вторая часть суждения автоматически следовала за первой, поскольку органическое понимание природы власти, закрепившееся в Византии еще с древних времен, просто не предполагало *раздельного* существования политического и духовного союзов, источник власти которых был единым — Бог. Кто правит в Церкви, тот правит и в Византийском государстве, — никакой альтернативы этому суждению не было. Конечно, никто из константинопольского клира изначально так не мыслил, но сам ход мыслей неизбежно вел к этому выводу. Неко-

торые патриархи и наиболее авторитетные клирики не испытывали никаких сомнений в том, что все без исключения политические вопросы должны решаться на основе духовных рассуждений, совершенно смешивая и полностью отождествляя оба союза — Церковь и государство.

Именно преподобный Феодор Студит потребовал от царя Михаила I Рангаве организовать жесточайшие гонения на павликиан, манихеев и афинган, вплоть до применения к ним, как государственным преступникам, смертной казни. В результате Византия получила мощную и хорошо организованную силу, с которой пришлось бороться несколько десятилетий. Более того, св. Феодор и патриарх св. Никифор стали первыми советниками императора в вопросах внутренней политики, что ввергло страну во многие беды. А вскоре патриарх, Студит, архиереи и монахи в буквальном смысле слова *заставили* Михаила I отказаться от мирного договора с болгарами²⁶⁸. Как следствие, это привело государство к катастрофе.

Для достижения своей цели «византийским папистам» пришлось использовать все аргументы Рима, но в свою пользу, выводя давнего соискателя на высшее место в Церкви «из игры», и одновременно используя обстоятельства времени и места в свою пользу для нейтрализации императорской власти. И Константинопольский патриарх начал без долгих сомнений *копировать* Римского папу, подправляя для своей выгоды все те аргументы в пользу превосходства духовной власти апостолика, которым сам же ранее категорично оппонировал.

А как же папа Древнего Рима? Ведь для того, чтобы занять его место, Константинополю следовало обосновать, почему тот *уже лишен* этих прерогатив. Понятно, что такое обоснование вело прямым путем к неизбежному разрыву отношений с понтификом и всей Западной Церковью в целом, поскольку, и это было очевидно, Рим добровольно не уступит свои права. Но тогда этого, наверное, никто не понимал. Самым верным шагом было объявить папу схизматиком, еретиком — задача, не невозможная по исполнению. И едва ли случайно появление именно в этот момент времени греческих сочинений, обосновывающих грубейшие отклонения Рима от Святоотеческого Предания и канонических правил. Разумеется, никто ни на Востоке, ни на Западе целенаправленно не желал раскола Церквей, который случится уже очень скоро. Однако сам ход

мыслей с железной неизбежностью вел именно к этому трагичному событию.

Отметим, что психологически для «папистов» из числа столичного клира вопрос о сохранении отношений с папой не являлся самоцелью, и имперская, кафолическая идея в древней ее редакции уже давно не занимала в Константинополе первого места. В Италии, где издавна доминировал Римский епископ, столичному патриарху делать было нечего. Поэтому его взгляд был сосредоточен на Востоке, манящем своими перспективами. Там полномочия столичного патриарха никто не оспаривал, там в массе своей проживали этнические греки, духовно подчиненные ему, носители той же веры, культуры и языка. Туда же были устремлены политические интересы императора, желавшего освободить эти земли от сарацин, — царь оказывался невольным союзником патриарха. Постепенно такое положение дел привело к появлению глубоко укоренившегося впоследствии в сознание Константинопольской церкви греческого *церковного национализма*.

Приведем характерный пример. В одном письме Армянскому католикосу, приписываемому патриарху св. Фотию, говорится буквально следующее: «Господь дал грекам... *imperium*, священнический и пророческий порядок. И как израильтяне обладали *imperium* до пришествия Христа, так и мы верим, что *imperium* не отнимется у греков вплоть до второго пришествия Христа, Господа нашего, который Сам священник, царь, пророк и Бог всего»²⁶⁹. Как видим, Церковь еще оставалась Кафолической, Вселенской, но понемногу в греках формируется националистическое убеждение в том, что истинная вера принадлежит им одним. И по примеру иудеев-талмудистов они начали демонстрировать крайне негативное отношение к попыткам распространить Православие на дикие, языческие народы. Уже императору Льву V Армянину вменялось в вину, что он «доверил болгарам» православную веру», что «метал бисер перед свиньями» и влагал в уста болгар слова Писания²⁷⁰.

В данном случае не имеет существенного значения, действительно ли приведенное выше письмо принадлежало св. Фотию или нет; в любом случае подлинность послания и греческое происхождение его автора не вызывают сомнений. Важно то, что *этнически* Римская империя отождествилась в чьем-то сознании с греками. А римское универсальное, вселенское понятие «Им-

перия» трансформировалось в сугубо националистическую, *a la* полисную *imperium*.

Переиграть Римского папу *политически* было несложно. Первым союзником в этом для восточных «папистов» вновь невольно стал сам Византийский император. Поскольку Рим уже давно связал свою судьбу с германскими народами, между папой и Византийским императором постоянно проскальзывали нотки взаимного недовольства, вызванные естественным различием интересов. Василевсов очень тяготили чрезмерно настойчивые попытки понтификов с высоты своего высочайшего статуса диктовать условия Константинопольской церкви, главой которой цари по-прежнему себя осознавали. И едва ли царям могли понравиться правила Собора 869—870 гг., изложенные выше, покушавшиеся на императорские достоинство, честь и полномочия.

Царей волновало и то, что постоянные споры по поводу юрисдикции патриарха и апостолика нередко далеко выходили за пределы сугубо церковных проблем. Императоры прекрасно понимали, что если, к примеру, удовлетворить ходатайства папы и отдать под его духовное окормление Болгарию, то вскоре на эту территорию будут политически претендовать франки, вассалом короля которых папа являлся. Поэтому не случайно при молчаливом согласии и одобрении Василия Македонянина на самом «проримском» Соборе 869—870 гг. в Константинополе греческие епископы кричали папским легатам: «Латинянам, *отпавшим от Греческой Церкви и отдавшимся во власть франкам*, негоже поставлять епископов Болгарии»²⁷¹.

Теперь оставалось доказать превосходство Константинополя над Римом с канонической точки зрения, а также «похоронить» учение о «пентархии», после чего дойдет очередь и до императора.

Честь и авторитет «вселенских патриархов» уже давно признавали все. Но в том смысле, что оба они, вместе с другими патриархами, считались едиными и органичными элементами знаменитой «пентархии» — нигде и никогда канонически и организационно не оформленного учения о власти всех пяти православных патриархов. Совокупно они могли решить любой вопрос, например на Вселенском Соборе, — отсюда и пошла практика созыва на Соборы *всех* патриархов Кафолической Церкви. Но могли принять решение и заочно, путем обмена письмами и суждениями. В случае крайней необходимости, например временного занятия той или иной па-

триаршей кафедры еретиком, голос «пентархии» мог озвучить даже один *православный* патриарх — как правило, им признавался папа Древнего Рима. Именно так и считал св. Феодор Студит, направляя Римским епископам свои многочисленные требования и просьбы выступить против иконоборцев и озвучить мнение Кафолической Церкви. Однако, по тому же св. Феодору Студиту, честь Православия мог защитить и Иерусалимский патриарх. Легко заметить, что, как и в ситуации с «симфонией властей», идея «пентархии» допускала множественность толкований по содержанию, не утрачивая, однако, своей сущности.

И теперь эта идея оказалась *невостребованной*. В Кафолической Церкви должен быть один глава — стало лозунгом нового времени, но не Римский папа и не император. Правда, нет-нет но иногда восточные «паписты» все же *проговаривались*, и, сами не замечая того, востребовали идею «пентархии» в трудных ситуациях. Согласно 1-му канону Собора «В храме Святой Софии» 879—880 гг., лица, отлученные папой, или изверженные из чина, или преданные проклятию из клириков итальянских, или из мирян, или епископов, признаются таковыми и Константинопольским патриархом, и наоборот. Канонист Феодор Вальсамон уточнял, что это правило *не исключает* преимущества и честь Римского предстоятеля, но фраза явно зависает в воздухе. Недоумение усиливается, когда далее Вальсамон пишет: «Если правило упомянуло только о двух великих архиереях, что должно быть с остальными патриархами? Мы утверждаем, что правило изречено *для всех*»²⁷². Получается, что суд Антиохийского или Иерусалимского, к примеру, патриархов равен суду апостолика великого и древнего Рима. Ввиду полного смешения следствий и выводов Вальсамон благоразумно уклонился от продолжения своих комментариев по данному поводу.

III. Однако самая сложная задача выпала на долю канонистов. Теоретики «византийского папизма» должны были решить две задачи одновременно. Во-первых, обосновав каноничность наличия у Римского папы высших политических и церковно-административных компетенций, против чего ранее Восток категорично возражал. А, во-вторых, законность *перенесения* (!) вероисповедальных прерогатив понтификов на Константинопольского патриарха. Только в этом случае его статус гарантированно мог считаться защищенным от императора, которому, получается,

в церковном управлении больше нет места. Собственно говоря, это и была главная цель правовых исканий. Для этого были востребованы «Константинов дар», искренне признаваемый за достоверный документ, некое «древнее свидетельство» и 28-й канон Халкидона.

Для канонистов, озабоченных правовым обоснованием преимуществ Константинопольской кафедры, было совершенно ясно — без признания высших полномочий у папы (хотя бы в прошлом) решить поставленную задачу невозможно. Поэтому Антиохийский патриарх Феодор Вальсамон, горячий поклонник «папской» идеи, так комментировал упомянутое выше 1-е правило Собора «В храме Святой Софии». «Как будто отвечая на возражения кого-то из итальянских епископов, — писал он, — что такое предписание клонится к отмене преимуществ престола древнего Рима вследствие уравнивания (прав папы и патриарха), отцы Собора присовокупили, что и впредь должны быть соблюдаемы без изменения преимущества и честь Римского предстоятеля»²⁷³. Но, очевидно, одно исключает другое: либо *равенство* судебных полномочий обоих «вселенских» патриархов, либо *высшие и исключительные* судебные функции папы Древнего Рима.

Кроме того, Вальсамон, несомненно, слегка лукавил. Канонист такого уровня, как он, не мог не знать, в какой исторической ситуации принимался этот канон, и смысл, вкладываемый в него отцами Собора. Ведь на самом деле, говоря о том, что «в преимуществах, принадлежащих святейшему престолу Римской церкви и ее предстоятелю, совершенно да не будет никакого нововведения, ни ныне, ни впредь», отцы Собора, скорее, стремились преградить дорогу римским претензиям в сторону Востока, нежели лишний раз подчеркнуть эти «преимущества и честь». Какой смысл был напоминать римским легатам о преимуществах понтифика, если восточные патриархи только что с большим трудом убедили папу не вторгаться в дела Восточной церкви, где главенствовал Константинопольский архиерей? Очевидно, они боялись тех «нововведений» (и, конечно, со стороны Рима), которые позволят папе, забыв и презрев очередные договоренности с Константинополем, вновь начать судить епископов Востока и самих патриархов, а также оценивать, насколько канонична церковная практика греков.

Однако для Вальсамона главное иное: не «консервация» «честь и преимуществ» папы, а как раз *констатация* факта их наличия

у Рима в совсем еще недавние времена, чтобы потом говорить об обоснованности закрепления аналогичных прав за Константинополем; и, наконец, уже о законности перенесении этих прав на «Византийского папу».

Решив первую задачу, можно было взяться и за вторую, далеко не простую. Ее сложность обусловила активную многовековую дискуссию о «правильном» толковании 28-го канона Халкидона, в которую включались в разное время виднейшие византийские канонисты.

В свое время, желая упрочить положение Константинопольского патриарха, Отцы Халкидонского Собора постановили: «Престолу ветхого Рима Отцы прилично дали преимущества: поелику то был царствующий град. Следуя тому же побуждению и сто пятьдесят боголюбезнейших епископов предоставили равные преимущества святейшему престолу нового Рима, праведно рассудив, да град, получивший честь быти градом царя и синклита и имеющий равные преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах *возвеличен будет подобно тому, и будет второй по нем*». И вот эта неопределенность последнего словосочетания, сознательно допущенная в V веке, чтобы не обострять отношений с Римской церковью, теперь требовала своего «истинного» уразумения.

Самым желанным был, конечно, вариант с толкованием, обосновывающим *преходящие* права Рима, и некоторые попытки на этот счет предпринимались задолго до IX века. Уже папа Николай I в завязавшейся скандальной переписке с Константинополем с тревогой отмечал, что «греки даже утверждают, похваляясь, что, когда императоры перебрались из Рима в Константинополь, первенство Римского престола также перешло к Константинопольской церкви, и что преимущества Римской церкви переходят вместе с императорскими почестями»²⁷⁴. И хотя эти тезисы в официальных документах не значились, трудно отделаться от мысли, что, тем не менее, они были широко распространены «в народе». Откуда еще мог папа знать эти мысли, если бы не слышал их в передаче лиц, побывавших на Востоке?

Небезынтересно проследить, каким извилистым был путь канонистов, озадаченных указанной выше задачей. Так, согласно комментариям канониста Алексея Аристина, предлог «по» означает время, а не умаление чести Константинополя перед Римом: «Как

если бы кто сказал: *по многом времени* и епископ Константинопольский получил равную честь с епископом Римским».

Но это была явная по своей искусственности натяжка. Другие канонисты (Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон) опровергли данное толкование, ссылаясь на 131-ю новеллу императора св. Юстиниана I Великого, в которой говорится: «Постановляем, согласно с определениями Святых Соборов, чтобы святейший папа древнего Рима был первым из всех архиереев, а блаженнейший епископ Константинополя, нового Рима, занимал второй чин после Апостольского престола Древнего Рима и имел преимущество чести пред всеми прочими»²⁷⁵. Разумеется, в такой редакции все домыслы Аристина утрачивают всякий смысл.

Впрочем, опровергая доводы Аристина, Вальсамон вовсе не собирался оспаривать безусловную для себя аксиому о преимущественных правах Константинопольского патриарха. И *по-своему* объяснил, почему Рим утратил свои некогда широчайшие полномочия: поскольку папа впал в схизму и им «уже овладел демон гордыни и *ограничил его одним Западом*» (!)²⁷⁶, то его права *переходят* к тому, кто Вселенскими Соборами был признан вторым по чести после Римского епископа, т.е. к Константинопольскому патриарху, заявил Вальсамон.

В толковании на 12-е правило Антиохийского Поместного Собора, канонист излагал свою мысль еще раз, причем основывал окончательный вывод исключительно на римских подделках, принятых им в качестве истинных документов. «Поскольку грамота св. Константина, данная св. Сильвестру, определяет, что папа имеет все императорские права, а II и IV Вселенские Соборы дали патриарху Константинопольскому преимущества папы и определили, что он во всем почтен подобно папе, то приговор его по необходимости не должен подлежать апелляции, как и императорский приговор не обсуждается вновь. Поэтому, как кажется, синодские указы выпускаются с теми же преимуществами, как и императорские указы. И не должно быть дозволено, чтобы патриаршее судебное рассмотрение было переносимо к императору»²⁷⁷.

Несложно заметить, что попутно с уравниванием прав Константинопольского патриарха с Римским папой Вальсамон решил и более глобальную задачу. Он *уравнял* права столичного патриарха и Византийского императора, естественно, за счет полномочий императора, для чего и востребовался «Константинов дар» вместе с 28-м каноном²⁷⁸.

Это далеко не единственный случай ностальгического воспоминания Вальсамона о всемогущем папе Древнего Рима с его многочисленными прерогативами. Нет, конечно, Вальсамон даже и не думал о том, чтобы восстановить его права на территории Восточной Церкви. Но, без всяких сомнений, вспоминал о папских преимуществах и высших экстерриториальных судебных полномочиях, когда возникала необходимость канонически подкрепить статус Константинопольского архипастыря. Комментируя 3-й канон Сардикийского Собора 343 г. о том, что смещенный с кафедры епископ вправе апеллировать к Римскому папе, Вальсамон писал: «То, что во власти папы состоит — быть ли новому рассмотрению отзыва или не быть — составляет особенность церковных дел. Определенное относительно папы должно относиться и к Константинопольскому патриарху, потому что в различных правилах и ему предоставлена во всем такая же честь, как и папе»²⁷⁹.

Конечно, такой комментарий вызывает множество вопросов и сомнений. Если Вальсамон здесь имел в виду 28-й канон Халкидона, то к чему ссылка на «различные правила»? Тем более что сам по себе 28-й канон не затрагивает конкретно вопроса о судебной компетенции Рима и Константинополя. Если же наш комментатор основывался на иных актах, то, безусловно, они должны были быть приведены в тексте. Но вместо традиционного для своего стиля обоснования вывода ссылками на множество эдиктов, новелл, канонов и судебных решений, Вальсамон в данном случае ограничился только *неконкретным обобщением*, что свидетельствует о явной тенденциозности канониста в данном вопросе.

Аналогичный комментарий приводится к 4-му и 5-му правилам Сардикийского Собора. В частности, обосновывая предусмотренную этими нормами возможность оспаривания решений местных Соборов у Римского папы, Вальсамон ссылаясь на *исключения* из судебных процедур и в конце подытоживал: «Этот род суда представлен на усмотрение папы. А поелику в предыдущих правилах мы сказали, что определенное относительно папы не составляет преимущества только его одного, так чтобы каждый епископ в случае осуждения по необходимости обращался к престолу Рима, но должно относиться это и к епископу Константинополя; то это же самое мы утверждаем и опять»²⁸⁰. Иначе говоря, Вальсамон, без всяких сомнений, предоставляет Константинопольскому патриарху право *вселенского судьи*, ссылаясь на аналогичное право Римского

папы. Но, поскольку папа «впал в схизму», то, очевидно, теперь Константинопольский архипастырь становится *единственным* вселенским судьей в Кафолической Церкви.

Исподволь такая аргументация получила на Востоке широкое распространение и признание среди духовных лиц и даже савонников. То обстоятельство, что Вальсамон действовал позднее, чем произошли столкновения между Львом Мудрым и Николаем Мистиком, не должно нас пугать: Вальсамон лишь подытоживал те выводы, к которым другие идеологи «византийского папизма» пришли еще до него.

IV. Как следствие, статус Константинопольского патриарха наполняется новым содержанием, что находит свое отражение в *законодательной* сфере и его титулатуре. Попутно с завидной настойчивостью в публичных речах закрепляется мысль об утрате Римским епископом прежних прерогатив, которые отданы Богом Константинопольскому архипастырю.

Уже в законах императоров-иконоборцев закреплялось право Константинопольского патриарха, в отличие от всех остальных восточных патриархов, поставлять ставропигии и подчинять своей власти монастыри, храмы и молитвенные дома вне своего диоцеза по всему Востоку, а также в местностях проживания инородцев, подчиненных его церковной власти. По праву ставропигии столичный архиерей отчуждал от власти митрополитов и епископов и причислял к своему заведованию эти епархии со всеми правами и имуществом. Ему же принадлежало право высшего суда по всему церковному Востоку. Конечно, это вызывало неудовольствие у других архиереев, но за спиной патриарха стоял император, и все жалобы стихали²⁸¹.

Лев Исавр и Константин V приняли закон, гласивший: «Престол Константинопольский, украшающий столицу, признан первым в соборных постановлениях, последуя которым божественные законы повелевают, чтобы возникающие при других кафедрах несогласия доводились до сведения и поступали на суд этого престола. Патриарху принадлежит попечение о всем, относящемся к спасению души, а равно и в отношении к покаянию и обращению от грехов и ереси он сам и один поставлен распорядителем и правителем. Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, словом и делом *изображающий на себе истину*. Назначение патриарха

в том, чтобы, во-первых, сохранить в благочестии и святой жизни принятых от Бога, а потом по возможности обратиться к Православию и единству с Церковью и всех еретиков... Отличительными свойствами патриарха должно быть то, чтобы он был учителем, и строг в обличении неисправимых. В интересах истины, непоколебимости догматов и соблюдения правды и благочестия он должен делать представления императорам и не смущаться. Одному патриарху приличествует объяснять постановленное древними и определенное Святыми Отцами и утвержденное Святыми Соборами. Патриарху же принадлежит право наблюдать и исследовать сделанное и постановленное на Соборах, относится ли это к отдельной области или ко всей Церкви»²⁸². Откровенно сказать, не зная, *о ком* идет речь, можно было бы с уверенностью сказать, что перед нами самое строгое описание статуса Римского епископа. Здесь есть все, за что боролись папы: и «непогрешимость» *ex cathedra* (за 1000 лет до I Ватиканского Собора), и абсолютная власть в Церкви, и власть «вязать и решать». Только теперь это говорится о Константинопольском патриархе.

В толковании на 9-е правило Халкидонского Собора канонист Аристин писал: «Если епископ или клирик имеет какое-либо дело против митрополита, они должны судиться у патриарха своего округа, под властью которого состоят митрополиты сих областей, или у Константинопольского патриарха. Этого преимущества, т.е. чтобы митрополит, состоящий под властью одного патриарха, был судим другим, ни правилами, ни законами не дано ни одному из прочих патриархов, кроме Константинопольского»²⁸³.

В окружном послании 868 г. Константинопольский патриарх св. Фотий не только резко критиковал догматические нововведения Рима, но и осудил попытки папы принять на себя светскую власть государей. По мнению святителя, после перенесения столицы Римской империи из Рима в Константинополь все папские прерогативы *автоматически* также должны быть делегированы Кафолической Церковью патриарху «нового Рима». И вполне понятно, почему св. Фотий настаивал на апостольском происхождении Константинопольской кафедры²⁸⁴.

Он был далеко не одинок в своих взглядах, и с его именем связано появление партии константинопольских интеллектуалов, убежденных сторонников «византийского папизма». Эта партия отличалась завидным единодушием, твердостью и совершенством организации.

Ее достоинства описываются следующим образом. «Мало-помалу св. Фотий образовал вполне благонадежное войско, состоящее из преданных ему приверженцев; оно было прекрасно организовано. Высшие церковные сановники, в большинстве случаев обязанные ему своим возвышением, были его друзьями, его учениками. Образованных и ученых он привлекал к себе силою своего духа и ослепительным блеском своего образования. Многих из низшего класса он расположил к себе своею благотворительностью. В таком положении он мог начать борьбу даже с более мощным врагом, чем каким был св. Игнатий и его сильно ослабевшая партия»²⁸⁵.

И на Соборе «В храме Святой Софии» 879—880 гг. восточные епископы восклицали в адрес св. Фотия: «Таков и должен быть тот, кому, по образу Первосвященника Христа, поручено смотрение над всем миром. Это именно предусматривая, св. Павел говорил: “Итак, имеем Первосвященника, прошедшего небеса” (Евр. 4, 14). Осмелюсь даже сказать еще большее: Св. Писание людей, живущих по благодати, называет “богами” (Пс. 81, 6)». Обратим внимание и на другие характерные славословия: «От полноты его (т.е. св. Фотия. — *А.В.*) мы все восприяли (Ин. 1, 16), подобно тому, как славные апостолы от нашего Господа Иисуса Христа»²⁸⁶.

Теперь о *новых* законах. В известном правовом сборнике того времени «*Эпанагоге*», авторство которого обоснованно приписывают все тому же св. Фотию, совершенно исчезает столь привычная для древней Церкви теория «пентархии» — «пяти чувств». Вместо священства, которое у св. Юстиниана Великого обозначало совокупность всего духовенства и в первую очередь епископов, возникает личность Константинопольского патриарха. О епископах в «*Эпанагоге*» ничего не говорится, и их роль фактически резко понижается в сравнении с прошлыми веками за счет возвышения личности архипастыря «нового Рима»²⁸⁷. Его собратья по другим восточным кафедрам упоминаются вскользь, а о Римском епископе *не говорится вообще ни слова (!)*.

Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что «*Эпанагога*» не лишена, если можно так выразиться, националистических тонов, раздававшихся все чаще и чаще. Ее автор вполне сознательно исключил из привычного и традиционного списка «пентархии» Римского понтифика, ясно давая понять, что политические и религиозные интересы Константинополя ограничиваются лишь землями, находящимися в непосредственном управлении Визан-

тийского императора. И правы те, кто полагает, что «Эпанагоге» не достает *вселенской перспективы*, характерной для более ранних законодательных актов; она предназначалась только для грекоязычной части Римской империи²⁸⁸.

Но зато внутри этого «греческого мира» «вселенского размаха» было хоть отбавляй. Например, Константинопольский патриарх признавался *земным олицетворением* Спасителя, «всеми своими поступками и словами, — как гласит текст документа, — выражающий истину»²⁸⁹. В силу норм этого сборника, исключительно Константинопольскому патриарху принадлежало отныне право толкования церковных постановлений и правил Вселенских Соборов. Это право еще больше подчиняло остальных восточных патриархов Константинополю: отныне главному цензору догматичности и каноничности практик остальных Поместных Церквей. При таком развитии отношений любое отклонение от какой-то универсальной практики, навязываемой из «нового Рима», могло считаться церковным преступлением со всеми очевидными последствиями. Вмешательство же в эту деятельность императора резко ограничивалось²⁹⁰.

Верховенство «Византийского папы» закрепляется и подчеркивается не единожды. «Константинопольский трон, украшенный царским пребыванием в городе, — говорится в “Эпанагоге”, — соборными постановлениями признан первенствующим, вследствие чего имеющие возникать споры между другими патриаршими кафедрами должны восходить на его окончательное решение»²⁹¹. Таким образом, у епископа царствующего города появляется право суда и наблюдения во всей Вселенской Церкви. К правам Константинопольского архипастыря причислено, помимо прочего, полномочие ставить ставропигии в других патриаршествах, чем вновь подчеркивается зависимое положение остальных восточных патриархов²⁹².

А как же император? С одной стороны, в «Эпанагоге», как замечают исследователи, закреплены некоторые традиционные для Восточной Церкви воззрения на Римского императора и его власть: «Царь есть закономерная власть, общее благо всех подданных», «царь есть судья и хранитель того, что заключено в Священном Писании, что было установлено на Вселенских Соборах»²⁹³. Но вместе с тем уже в седьмой главе без всяких оговорок положение патриарха практически *приравняется* к императорскому стату-

су. Таким образом, «Эпанагога» выдвинула рядом с царем другую власть — власть духовную, по своему значению не только не уступающую ей, но даже в чем-то превосходящую.

Вроде бы в подтверждение известной 6-й новеллы императора св. Юстиниана Великого «Эпанагога» говорит о царстве и священстве как двух величайших дарах человеку от Бога, а сама духовная и политическая власть сравнивается с душой и телом. «Государство наподобие человека состоит из членов и частей, наиважнейшими и необходимейшими членами являются царь и патриарх. В ведении царя находятся тела граждан, в ведении патриарха их души». Однако из этой редакции, как ее воспринимало древнее сознание, скорее напрашивался уже вывод о *превосходстве* священства над царством и даже о признании священства источником политической власти, чем об их равенстве.

Это становится тем более очевидным, что «Эпанагога» ничего не говорит о священстве императора. У царя есть только политическая власть, духовная принадлежит исключительно Константинопольскому патриарху. Нет ни слова о его традиционном праве учительства, царь более не признается епископом, хотя бы и «внешним». Кроме того, закрепляется правило, согласно которому императорские эдикты не должны противоречить церковным канонам. Последнее положение тем более кажется странным, что данный неписанный правовой принцип без всяких напоминаний соблюдался в Византии. Очевидно, акцент был сделан не случайно и в совершенно новом контексте: поскольку решение Константинопольского патриарха признавалось по «Эпанагоге» единственно безгрешным, царь должен был постоянно просить совета у него и, естественно, *следовать его указаниям*²⁹⁴. Иное объяснение этой нормы просто лишено внутренней логики и бессмысленно. Да и как может быть иначе, если толкователем всех канонов и вселенских определений становится исключительно патриарх?

В целом обязанности императора излагаются в 4-й главе 2-го титула: «Император должен защищать и проводить в жизнь, во-первых, все то, что написано в Священном Писании, затем все догматы, принятые святыми Соборами, а также избранные римские законы»²⁹⁵.

После этого трудно не согласиться с мнением, что в таком возвышении Константинопольского архиерея явно сказались западнопапистские настроения, а сама «Эпанагога» представляет

собой образец *временного торжества* «папистской» партии, претензий «Византийских пап», воспользовавшихся некоторой слабостью императорской власти²⁹⁶.

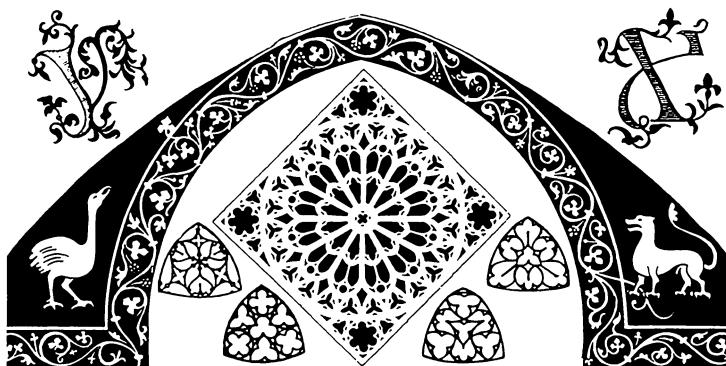
Но, натолкнувшись на сильные характеры императоров Македонской династии — Льва VI Мудрого, св. Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, «Эпанагога» довольно быстро сходит на «нет». Например, в «Василиках» нет ни слова о преимущественном положении Константинопольского патриарха по отношению ко всем остальным восточным архиереям, что ранее было закреплено в законодательстве иконоборцев и «Эпанагоге»²⁹⁷. Без сомнения, это могло случиться лишь потому, что обширные притязания патриарха, выраженные в сборнике, не только не имели под собой корней в религиозно-политических воззрениях населения, но и, кроме того, прямо противоречили существу установившихся основ императорской власти и церковным традициям²⁹⁸.

Уже сам официальный «автор» документа император Василий I Македонянин не дал ходу «Эпанагоге». А впоследствии сборник «затерся, затемнился другими юридическими памятниками той же и последующих эпох»²⁹⁹. Примечательно, что в своем негативном отношении к «Эпанагоге» императоры опирались на поддержку довольно многочисленной группы восточных епископов, также недовольных резким расширением патриарших полномочий в ущерб их собственной компетенции³⁰⁰.

И хотя до сих пор окончательно не завершена дискуссия о том, являлась ли «Эпанагога» сборником действующих законодательных актов либо только *проектом*, так и не увидевшим свет, но большинство специалистов обоснованно склоняются ко второму мнению³⁰¹.

Впрочем, нельзя сказать, что Римские императоры победили в борьбе с Византийским папой — это был бы слишком легкий исход. Отныне «византийский папизм», проросший в IX веке, станет неизменным спутником всех политических столкновений между царской властью и столичным патриархом, в чем нам придется убедиться не раз.





XLIV. ИМПЕРАТОРЫ КОНСТАНТИН VII ПОРФИРОРОДНЫЙ (913—959) И РОМАН I ЛАКАПИН (919—944)

Глава 1. Патриарх и императрица — смертельная схватка

Константин VII, названный впоследствии *Порфирородным*, поскольку был рожден в специальной порфирной зале Большого дворца, имел всего 7 лет от роду, когда после смерти отца и дяди остался единственным законным наследником власти в Римском государстве. *Официально* он царствовал 46 лет, однако это срок должен быть разделен на два неравных периода — время номинального правления при временщиках и императоре Романе I Лакапине и относительно недолгого единоличного правления. Впрочем, все по порядку...

В те два дня, которые отделили приступ болезни императора Александра от его кончины, завязалась очередная смертельная интрига. Понимая, что дни василевса сочтены, патриарх Николай Мистик думал о том, как бы поставить царем Константина Дуку, сына несчастного Андроника Дуки, скончавшегося в Багдаде³⁰². Однако император Александр оставил распоряжение, согласно которому был назначен опекунский совет при Константине VII Порфирородном. Туда вошли: патриарх Николай Мистик (глава

совета), магистры Стефан и Иоанн Элладу, ректор Иоанн, а также сановники Евфимий, Василица и Гаврилопул. Патриарху пришлось оставить свои мысли «на потом», хотя надежды он не терял. Его последующие действия не оставляют сомнений в том, что Николаем двигало не желание обеспечить права Церкви и интересовал не сам по себе вопрос о канонической чистоте последнего брака Льва VI Мудрого, а собственные амбиции и надежды полностью подчинить себе все управление Римской империей. Собственно говоря, он и теперь оставался главной фигурой на политическом Олимпе, главной, но не единственной.

Надо сказать, его оптимизм основывался на прочном базисе. Императрица Зоя, не вошедшая в состав опекунского совета, «виновница» четвертого брака Льва Мудрого, не имела должного авторитета в государстве, чтобы по примеру царицы св. Феодоры взять бразды правления в свои руки. Поэтому заинтересованные лица, к которым, безусловно, относился в первую очередь сам Николай Мистик, могли считать царский трон *почти вакантным* — малолетнего ребенка, конечно, никто в расчет практически не брал. Наверное, единственное, что спасало Константина VII, так это отсутствие среди опекунов общепризнанного лидера, которого соединенными усилиями они могли бы *подсадить* на царский трон вместо царственного мальчика.

Сразу после смерти Александра патриарх велел изолировать наследника Константина Порфирородного в царском дворце. Когда императрица Зоя Карбоносина попыталась прорваться к сыну, ее по приказу Мистика без долгих разговоров выгнали вон. Более того, на следующий день патриарх издал от имени опекунского совета указ. Этим документом *Зоя лишалась царского достоинства* (!), и ей запрещался под любым предлогом вход в царский дворец. В довершение всего путем угроз в адрес ее сына патриарх вынудил императрицу принять монашеский постриг и удалиться в монастырь³⁰³. Правда, Зоя сумела сделать так, что обряд ее пострижения прошел с нарушением канонических правил. В самый день пострижения она, сказавшись больной, попросила мясной пищи, и получила ее³⁰⁴. И это обстоятельство позволило ей в скором времени опроставать свой постриг.

Но в ту минуту царственный мальчик остался совершенно один. И никто не мог, как когда-то мать, защитить его или успокоить. Он все еще оставался живым, а резко отрицательная позиция Римского

папы по поводу мыслей Мистика о четвертом браке не позволяла Николаю открыто отбросить царевича со своего пути, как куклу. Приходилось предпринимать иные меры.

Поэтому через несколько дней после смерти царя Александра Мистик направил с пресвитером храма Святой Софии Артаваздом тайное послание Константину Дуке. Он писал тому, будто все сановники государства знают его как человека мужественного, разумного, зрелого и способного управлять Римским государством³⁰⁵. Предложение попало на благодатную почву — Константин Дука и сам не был чужд высших устремлений. Он не стал медлить, а быстро собрал отряд своих сторонников и ночью высадился у стен Константинополя. Заговорщики беспрепятственно прошли «морскими воротами» в город — очевидно, тайные сторонники в столице ждали и помогали им, и укрылись в доме тестя Дуки Григория. Утром извещенные о прибытии мятежников асикрит (чиновник имперской канцелярии) Никита, магистр Константин и монах Элладик явились к Дуке и вместе с ним в сопровождении отряда мятежников и толпы горожан пошли на ипподром, где и провозгласили Константина Дуку императором. Наивный «царь» всем показывал письма патриарха, надеясь таким способом поднять свой авторитет.

Но в ответ ему были... тишина и копье, которое кто-то метнул в сторону Константина Дуки, сразившее, однако, его конюшенного. Стало ясно, что мятежники просчитались и народ их не поддержал. Узнав об этом, не на шутку взволнованный патриарх (он понимал, *что* угрожает ему в случае неудачи) резко сменил курс. Его мысль была безыскусна, но перспективна: если заговор провалился, то нужно встать во главе законной власти и покарать мятежников. Поэтому патриарх начал срочно и *громогласно* собирать народ против Константина Дуки³⁰⁶. Тем временем, не найдя поддержки у основной массы населения столицы и политической элиты, Дука покинул ипподром и решил использовать свой последний шанс. Он проник в дворцовые пристройки, но встретился с отрядом царской гвардии (экскувитов), срочно поднятым по тревоге магистром Иоанном Элладой. Завязавшийся бой оказался неудачным для Дуки: погиб его сын Григорий, племянник Михаил и множество воинов. Мятежник попытался скрыться на коне, но тот поскользнулся на мокрой от крови мостовой и сбросил седока. Кто-то из подбегавших гвардейцев настиг Константина Дуку

и отрубил ему мечом голову. Вскоре этот страшный трофей был представлен во дворец как очевидное доказательство победы над изменниками³⁰⁷.

А затем начались гонения на оставшихся сообщников покойного Дуки. Его тестя Григория постригли в монахи, инока Константина Элладика били бычьими жилами, одели в лохмотья, посадили на осла задом наперед и сослали в отдаленный монастырь. Льва Катакила и Авессалома, сына Арорты, ослепили и отправили в ссылку. Многих знатных вельмож казнили усекновением головы на ипподроме, а солдат из отряда Дуки распяли на крестах. Нет сомнений, что расправой руководил патриарх, — как член опекунского совета, он единственно мог направлять карающий меч правосудия на виновные и невинные головы. Власти и патриарх так усердствовали, что и над другими представителями самых знатных семей Константинополя нависла угроза наказания. Их спас судья, заявивший опекунам: «Царь еще ребенок, и вы этим пользуетесь. Как вы можете без его приказа казнить людей?» Все же успели постричь жену Константина Дуки в монахини, а его сына Стефана оскопили³⁰⁸.

Тем не менее в итоге интрига патриарха обернулась против него — он заметно растерял свой авторитет, как лицо, подозреваемое в заговоре. Кроме того, суровость мер в отношении арестованных бунтовщиков не на шутку обозлила константинопольцев и высшую знать Римской империи, где имелись родственники и друзья (хотя и не союзники) Константина Дуки. Воспользовавшись этим шансом, энергичная и умная женщина Зоя Карбоносина сделала все, чтобы встретиться с сыном, и наконец в октябре 913 г. ей удалось получить долгожданное разрешение со стороны Мистика посещать царский дворец. Быстро восстановив свое положение, императрица деятельно расправилась с фаворитами патриарха и покойного царя Александра, заменив их своими сторонниками. Вскоре во дворец были возвращены паракимомен (главный спальничий) Константин, братья Гонгилиев Александр и Анастасий, а также сановники императора Александра, которыми Зоя решила укрепить свои ряды: ректор Иоанн, Гаврилопул, Василица и остальные.

Особой удачей стало назначение Доменика етериархом (начальником императорской гвардии), а тот в свою очередь не мудрствуя лукаво предложил ей сместить Николая Мистика³⁰⁹. Возможно, этот план и удался бы, но внутри окружения Зои не было единства.

Уже вскоре паракимомен Константин убедил царицу на основании ложных обвинений, будто Доменик замышляет захватить царскую власть и передать ее своему брату. В то *время общего недоверия* Зоя не стала перепроверять известия, а, для приличия дав Доменику титул патрикия, отставила от службы. Новым этериархом стал Иоанн Гарида, а евнух Дамиан был назначен друнгарием виглы (лицом, ведавшим внешней охраной дворца). Но удачное время было упущено, и царице пришлось перейти к затяжным дворцовым интригам, где Мистик ей искусно противостоял.

Как говорят, отчаявшись справиться с Николаем Мистиком, она даже подослала 50 вооруженных слуг, чтобы убить его, но патриарху удалось остаться в живых. Впрочем, он был так напуган, что в течение 20 дней не решался выйти из храма Святой Софии, где нашел убежище³¹⁰. Пока Мистик спасал свою жизнь, царица попыталась сместить его с престола и горячо уговаривала отставного патриарха Евфимия вновь возглавить Константинопольскую кафедру, но тот наотрез отказался. Стороны оказались в патовой ситуации, из которой можно было выйти только путем взаимных уступок, переговоров и не совсем искренних взаимных обязательств. Зоя обещала не покушаться более на жизнь и статус Николая Мистика. Патриарх взамен дал слово более не вторгаться в сферу политики, не появляться в царском дворце без разрешения императрицы и поминать на Литургии имя царицы наравне с именем Константина VII, что и произошло в первый раз в феврале 914 г.³¹¹

Пока шла смертельная схватка за власть и саму жизнь, Болгарский царь Симеон претворял в действие свой план возмездия. В августе 913 г. он беспрепятственно подошел к византийской столице и окружил город валом от Влахерн до Золотых ворот. Но, простояв какое-то время, в очередной раз убедился, что Константинополя ему не взять: слишком уж неприступными казались стены города. Симеон отошел к Евдому и там стал лагерем, оповестив византийцев, что готов заключить с ними мирный договор на условиях *венчания его на Болгарское царство* Константинопольским патриархом и женитьбы его дочери на царевиче Константине Порфирородном.

Симеон верно учел, что положение императорского тестя, василеопатра, при слабом регентском совете, открывало перед ним много возможностей. В случае смерти болезненного

Константина VII Порфирородного Симеон Болгарский мог стать настоящим Римским императором. Но в любом случае, получив титул Болгарского царя, Симеон резко укрепил свой международный престиж. Поняв, что большего от византийцев получить не получится, болгарин вложил меч в ножны³¹².

Как говорилось ранее, Симеон не был чужд тайных мыслей о том, чтобы самому занять Константинополь и, объединив Римскую империю со своей державой, стать наследником Византийских императоров. Римская империя по-прежнему сохраняла значение *вселенской державы*, где иностранец так же мог стать императором, как и природный римлянин. Имея дочь-императрицу, другом — патриарха Николая Мистика, который ради сохранения за ним права, как «вселенского архиерея», окормлять Болгарию, сильнейшую армию в мире, Симеон мог надежно устроить свою царскую власть. Венчание его патриархом являлось, по сути, реализацией первой части плана — официальным признанием Симеона боговенчанным христианским царем, после чего можно было заявить права и на пурпурную одежду³¹³.

Но, несмотря на все меры предосторожности со стороны царя болгар, византийцам удалось его обмануть. Все начиналось очень заманчиво: во Влахерны явился патриарх Николай Мистик вместе с Константином Порфирородным, и там начался пир с приглашением Симеона и двух его сыновей. Затем, сотворив молитву, Мистик должен был возложить на главу Болгарского царя венец, но вместо него голову Симеона покрыла архиерейская накидка — тот не заметил подмены. В конце концов болгары вернулись в свою страну, но мирный договор не был заключен, поскольку правительство патриарха Николая Мистика оказалось не столь сильным, как Симеон себе представлял³¹⁴.

Вернувшись к власти императрица Зоя категорически воспротивилась таким перспективам, чем вызвала новую войну с Болгарией. Болгарский царь был чрезвычайно разгневан, когда узнал, что ни о какой женитьбе его дочери на Константине VII Зоя и думать не желает. Все его надежды развеялись, как дым. Пришлось вновь начинать войну за мировое господство³¹⁵.

Осенью 914 г. Симеон вновь вторгся в границы Фракийской фемы и начал опустошать ее земли. Военные силы Византии были, конечно, не в состоянии воевать с таким мощным врагом, как болгары, при наличии арабской угрозы. Чтобы хоть как-то

гарантировать себя от атак арабов на Западе, императрица поручила стратигу Калабрии Евстафию заключить мирное соглашение с сицилийскими сарацинами при условии ежегодной выплаты им 22 тыс. золотых монет.

Но, едва обретя мир на Западе, Византия столкнулась с новым арабским вторжением на Востоке. Летом 914 г. мусульмане выдвинулись из крепости Тарса под командованием евнуха Бишра, к которому вскоре примкнул с войском и визирь Али-ибн-Иса. В ходе боевых действий объединенные силы мусульман заняли несколько крепостей, захватили более 2 тыс. пленных, включая 150 патрикиев. Но и римляне, несмотря на многие прежние неудачи, летом 915 г. направили свои усилия на овладение Месопотамией и достигли многих успехов. Они взяли города Хисн-Мансура, Мараш и Шимшат, захватили более 50 тыс. пленных и в битве разбили арабов, убив более 600 всадников³¹⁶.

Боевать на два фронта было очень тяжело, и поэтому императрица, приняв предложение некоего Иоанна Вога, даровала тому титул патрикия и направила на Север. Там он успешно заключил договор с печенегами, согласно которому степняки обещали напасть на Симеона. И они действительно напали на болгар и даже захватили Симеона в плен. Одновременно с этим римская армия прошла через Фракию и остановилась на болгарской границе. Спас Болгарского царя случай — достигнув Дуная, Иоанн Вога поссорился с *Романом Лакапином*, адмиралом флота, и тот отказался перевозить печенегов. Те, поразмыслив, решили, что уже выполнили свои обязательства перед Константинополем, а потому взяли выкуп с Симеона и отпустили его³¹⁷. Как следствие, вскоре болгары захватили Адрианополь, нисколько не беспокоясь о своих тылах. За это нерадение Роман Лакапин был обвинен в преступлении и приговорен к ослеплению, но, по счастью для него, патрикий Константин Гонгила и магистр Стефан уговорили императрицу пощадить полководца.

Тогда августа решилась на крайнюю и чрезвычайно рискованную меру: 17 июля 917 г. она срочно заключила мирный договор с сарацинами, а все освободившиеся войска направила на болгарскую границу. Стратегами были назначены Роман Аргир, его брат Лев и Варда Фока. К войску присоединились и другие знаменитые военачальники, поклявшиеся умереть, но не уступать врагу. Однако, по непостижимому промыслу Божьему, битва у реки Ахелос,

случившаяся 20 августа 917 г., закончилась страшным поражением византийцев. Погибло множество солдат, сложили головы самые храбрые римские командиры.

Причина тяжелой неудачи византийцев — говорили, что такого несчастья их армия не имела с начала веков, — заключалась в некоторых тактических просчетах. Понимая, что его армия по численности уступает византийской (у греков было до 30 тыс. солдат), Симеон заранее выделил сильный резерв и занял склоны гор, чтобы получить лучшую позицию. Болгары атаковали, но безуспешно, зато контрудар византийской конницы был так силен, что болгары начали уступать; под Симеоном даже погиб его конь. Сражение шло с переменным успехом, когда, на свою беду, Лев Фока решил слезть с лошади, чтобы омыть в реке лицо и освежиться. Но конь, оставшийся без седока, внезапно понес. Увидев лошадь своего полководца с пустым седлом, римляне решили, что тот погиб, и дрогнули. Этим моментом тут же воспользовался Симеон, *лично* поведя свой резерв в контратаку. Теперь сказалась малая площадь поля сражения. Греки гибли тысячами под копытами своих лошадей и от давки³¹⁸. Долго еще поле, на котором произошла эта битва, называли *Долиной смерти*, и кости византийской знати, царских гвардейцев и воинов западных фем белели на солнце спустя многие десятилетия³¹⁹.

Осенью другое римское войско под командованием domestika схол Льва, етериарха Иоанна и Николая, сына Дуки, выступило против болгар, но также было уничтожено в битве при Катасирте³²⁰. Вновь пришлось вступать в дело византийской дипломатии. К обычной переписке присоединились послания патриарха Болгарскому царю, пытавшегося спасти гибнущее Римское государство. Но напрасно Николай Мистик внушал Симеону мысль, что они все — христиане, и это обстоятельство объединяет их гораздо больше, чем разделяет национальность. Патриарх убеждал болгарина, что византийцы не вынашивают никаких коварных планов, на что Симеон с грубым простодушием ответил архиерею: «Ты поглупел!»³²¹ Тем не менее Симеон так и не решился на масштабные действия, способные окончательно разделаться с Византией. К чести императрицы Зои, она сумела восстановить против болгар сербов, и уже в 917 г. начались первые вооруженные столкновения между двумя народами. Правда, Симеон имел осведомителей при дворе Сербского князя *Петра* (892—917) и опередил сербов.

Он вторгся в Сербию и в 917 г. заточил ее князя в болгарскую тюрьму, где тот и скончался. В течение 5 лет болгары были абсолютными хозяева Балкан, но так и не смогли взять Константинополь³²².

Несколько лучше развивались дела на Западе. Там от имени малолетнего Константина Порфирородного были заключены соглашения с Римским епископом Иоанном X и герцогом Беневента Пандульфом. Грекам удалось также заручиться поддержкой правителей Сполетто, Салерно, Неаполя и Гаэты, которым присвоили титулы патрикиев. В июне 916 г. греческий флот блокировал Гарильяно с моря, а Римский папа и герцог наступали с суши. Арабы укрылись на вершинах гор и оттуда смотрели на приближающихся врагов. Но в августе 916 г., страдая от недостатка пищи и воды, мусульмане сдались — так закончила свою историю арабская колония Гарильяно, наводившая ужас на Италию в течение 30 лет³²³. Впрочем, как и ранее, успехи чередовались с неудачами. Пользуясь тем, что греки заняты войной с Симеоном, восточные арабы в 918 г. завладели несколькими городами и даже сумели захватить крепость Региум в Италии.

Шаткое положение царской власти и Византийской империи в целом продолжало оставаться таковым до 919 г. Началось с того, что Феодор, воспитатель царевича Константина VII, заподозрил паракимомена Константина в желании сделать своего зятя Льва Фоку царем путем женитьбы на императрице Зое. Еще и ранее ходили упорные слухи, будто бы августа была *слишком расположена* к молодому мужчине, и указанная выше комбинация в принципе могла состояться в действительности. Мальчик, с первых дней своей жизни видевший вокруг лишь интриги, грозящие его жизни, не стал отвергать совет воспитателя найти себе надежного помощника и пресечь готовящийся (или просто гипотетически возможный) заговор. Ведь от нового брака мог родиться *другой наследник*, да и Лев Фока едва ли согласился бы занять второстепенное положение, став императором. В качестве единственно надежного «защитника» одинокого Константина Порфирородного Феодор назвал Романа Лакапина.

Роман, этнический армянин, родился в 870 г., в Каппадокии, в местечке Лакапин, отчего и получил свое прозвище. Происходил он из простых крестьян, трудом, мужеством и умом добившись высших должностей при царской особе. Говорят, некогда его отец имел честь спасти жизнь императора Василия I Македонянина

в бою с сарацинами. Царь не забыл своего спасителя и предоставил тому место в гвардии. Но карьере его сын должен был делать самостоятельно. Не лишенный талантов, Роман поступил на царскую службу и к 30 годам уже занимал должность стратига Самосской фемы. А в 912 г. сменил сановника Гимерия на посту друнгария — верховного адмирала имперского флота. Он был прекрасным отцом и хорошим мужем, и его жена Феодора к описываемому времени подарила Роману шестерых детей; позднее она родит еще двоих³²⁴.

По-видимому, это обстоятельство — скромность происхождения и принадлежность к военной элите — и предопределило его кандидатуру: Константину VII внушили, что Роман никогда не сможет стать ему соперником; и он поверил. Чтобы не возвращаться к характеристике этого человека, сразу отметим его главные черты. Как выходец из скромного сословия, Лакапин не отличался образованностью, особыми талантами и знанием придворной жизни — для высшего света Римской империи он так до конца и не стал «своим». Вспоминая о своем невольном опекуне, повзрослевший Константин Порфирородный впоследствии писал, что Роман Лакапин был ненавидим, порицаем и поносим синклитом, народом и клиром. «Господин Роман василевс был простым и неграмотным человеком, не принадлежал ни к тем, кто с детства воспитан в царских дворцах, ни к тем, кто с самого начала следовал римским обычаям. Он был не из царского и не из знатного рода, а потому он многое вершил деспотично и крайне самовластно, не повинаясь ни запретам Церкви, не следуя заповедям и повелениям великого Константина»³²⁵.

Впрочем, вернемся к описываемым событиям. Когда предложение Феодора было тайно передано Роману, тот первоначально отказался, поскольку прекрасно понимал, *что* означает для него вступить в схватку с всесильным паракимоменом Константином и его родственниками. И точно — тайна переговоров скоро перестала быть таковой для паракимомена, который явился к Лакапину и потребовал срочно отправиться с флотом по назначению. Хитроумный армянин сделал вид, что во всем подчиняется сановнику. Несколько успокоившись, Константин спросил, нет ли у Романа видных телом и лицом гребцов, способных служить при царской особе, — друнгарий флота ответил утвердительно и предложил паракимомену пойти и посмотреть кандидатов, уже отобранных им.

Но когда они вместе подошли к судну, флотоводец отдал громким голосом приказ, и его матросы схватили Константина. Вельможу отправили под арест, и все просьбы императрицы, обращенные к Роману Лакапину, оказались тщетны. Для всех было ясно, что *политическая* жизнь императрицы уже завершилась. И когда ее посланцы прибыли к Лакапину с требованием освободить паракимомена, народ забросал их камнями. Ответ на вопрос «Почему случился бунт?» дал воспитатель царя Феодор: «Лев Фока погубил римлян, а паракимомен Константин — дворец». Это был прямой намек на страшное поражение, постигшее византийцев при Льве, и надоевшее всем всевластие паракимомена Константина.

Убедившись, что Константин уже не опасен, а авторитет его матери и Льва Фоки сильно пошатнулся, молодой император приказал явиться к нему во дворец патриарху Николаю и магистру Стефану. Он объявил им, что лишает мать царской власти и принимает бразды правления государством в свои руки. Зоя бросилась во дворец, умоляя сына не забирать у нее царского титула, но тот был непреклонным, единственно разрешив ей проживать при себе во дворце. Последняя надежда августы Лев Фока тонко почувствовал ветер перемен и тотчас послал гонца к Лакапину с предложением дружбы, высказав попутно мысль о желательности породниться семьями. Роман ответил ему согласием³²⁶. А тем временем группа придворных насильно постригла императрицу в монахини под именем Анны, отправив в дальний монастырь.

Но и теперь никто не верил никому, и каждый думал только о себе. Явившись 25 марта 919 г. во главе флота в гавань Вуклеон, Лакапин фактически стал хозяином положения. Естественно, юный царь встревожился, а патриарх Николай категорично отказывался признать Лакапина добропорядочным гражданином, утверждая, что перед ним — бунтовщик. Чтобы Мистик не мешал, патрикий Никита, свойственник Лакапина, удалил патриарха из дворца, и Роман, встретившись с Константином VII в храме в Фаросе, обменялся с тем клятвами в дружбе. После этого Лакапин был удостоен титула магистра, а вскоре царь назначил его великим этериархом. Хотя Лев Фока стал Лакапину почти родственником, никто не был застрахован от новых попыток с его стороны овладеть властью. Поэтому, немного поразмыслив, юный император своим законом *запретил Фоке бунтовать* (!) — практика, до сих пор неизвестная Византии. Попутно бывший паракимомен Кон-

стантин получил приказ императора написать письмо Льву Фоке с увещанием не злоумышлять против царской власти. Тот покорно удалился на время от государственных дел и отправился в свое имение³²⁷.

Но Константин Порфирородный и его советники все же прощались: Роман вовсе не собирался удовлетворяться достигнутым положением. Увидев, что все конкуренты обезоружены, он сделал первый шаг, способный одновременно укрепить его положение при Константине VII и заложить основу для реализации пока еще не высказанных вслух мечтаний. В апреле того же 919 г. по настоятельным уговорам Лакапина император женился на его дочери Елене — девушке, действительно отличавшейся красотой и умом. Патриарх Николай, которому не оставили выбора, венчал молодую чету, а император удостоил Романа титула василеопатра («отец царя»). На должность этериарха был назначен старший сын Романа Христофор.

В принципе этот шаг со стороны Лакапина был очевидным, но крайне непопулярным. Вскоре Лакапин воочию убедился, насколько он *одинок* среди столичной аристократии. Первым поднял мятеж Лев Фока, уверявший, что единственной его целью является защита интересов Константина VII от незаконных притязаний Романа Лакапина; и его поддержали многие сановники. Но Роман, находившийся при императоре и практически полностью подчинивший его себе, немедленно разослал хрисовулы, написанные им лично, но подписанные Константином VII, будто те, кто поддерживает Фоку, выступают против василевса. И вскоре от большого и хорошо оснащенного войска мятежника почти ничего не осталось: отряд за отрядом переходил на сторону царя. Предпочитая бегство смерти, Фока скрылся в крепости Атей, но там его настиг Иоанн Тука, которому приказали доставить Льва в Константинополь. Но Тука ослушался Лакапина и на свой страх ослепил Фоку, кардинально решив вопрос.

Прикрываясь фигурой юного царя, Роман сумел избежать больших неприятностей и даже упрочил свое положение при дворе. Он, его сын и дочь вошли в круг самых высокопоставленных людей Римской империи. Но никто не собирался признавать в нем нового Василия Македонянина, а *безродность* Лакапина, отсутствие каких-либо устойчивых связей в Константинополе ставили его в почти безнадежное положение. Да, пользуясь случаем, он мог

продвигать своих детей и родственников на высшие должности, но никто в столице не собирался признавать их права.

Поражение Льва Фоки не успокоило высшую политическую элиту Византии. Трудно сказать, что двигало новыми заговорщиками: искренние опасения за судьбу законного царя, желание отдельных лиц примерить на себя пурпурную одежду или ненависть к *плебею*, выскочившему на вершину властной пирамиды; но попытки устранить его продолжались. В августе 919 г. состоялся еще один безуспешный заговор с целью свергнуть Романа Лакапина. Некто Константин Ктиматин, Давид Камулиан и Михаил, куратор Манган, были схвачены при приготовлении к вооруженному выступлению и ослеплены. В ответ были смещены со своих постов воспитатель царя Феодор и комит конюшни Феофилакт, пытавшиеся вырвать Константина Порфирородного из-под влияния Лакапина. Их лишили должностей и отослали в дальние имения.

Неожиданно на помощь Лакапину пришел патриарх Николай Мистик. Порадовавшись поражению своего давнего врага — императрицы Зои, он заключил с Лакапином тайное соглашение, взаимовыгодное (хотя бы и на время) для них обоих. Роман открыто поддержал патриарха против «евфимитов», несколько поднявших головы при правлении царицы Зои Карбоносины, а патриарх обещал Лакапину венчать его царским венцом при живом императоре Константине VII Порфирородном. Лакапин решил рискнуть, и 24 сентября 919 г. был венчан Мистиком на царство как император **Роман I Лакапин**³²⁸.

Глава 2. Царственный опекун и малолетний император. «Семицарствие»

Нет сомнений в том, что Лакапин втайне желал создать *новую царскую династию*, и факты красноречиво подтверждают это. Уже 6 мая 920 г. патриарх Николай венчал на царство супругу Романа I Феодору, а на день Пятидесятницы 921 г. руками Константина VII Лакапин привел к царскому венцу своего сына Христора. Оценив изменившуюся политическую ситуацию, патриарх Николай Мистик полностью перешел на сторону Лакапина, тем более что их объединяли общие интересы. Патриарх до сих пор не оставлял мыслей о признании четвертого брака Льва Мудрого

неканоничным, и исход этого старого дела был совсем не безразличен Лакапину. Ему было выгодно окончательно *дискредитировать* Константина Порфирородного, признав чужими руками бастардом. Но, как реалист, Лакапин понимал, что малолетний Константин является единственной его опорой у власти: уберечь мальчика, и самого Романа завтра не будет на троне. Поэтому ставить под сомнение легитимность сана и рождения Константина VII слишком опасно, а о *физическом устранении* императора даже думать было страшно — никто из высшего общества не простил бы Роману такое преступление.

Посовещавшись, Лакапин и патриарх пришли к компромиссному решению. Патриарх при содействии Романа Лакапина созвал в 920 г. в Константинополе Собор, который окончательно осудил четвертый брак между христианами, но не распространил свое решение на прошлые времена, т.е. не придал ему «обратной силы». Кроме того, по решительному требованию Лакапина патриарху пришлось отказаться от анафематствования «евфимитов», которых, якобы в целях примирения Церкви простили и приняли в общение. В обмен Мистик получил моральное удовлетворение оттого, что в память Собора 920 г. ежегодно начали отмечать этот день как *праздник*, сопровождая торжества Крестным ходом из храма Св. Ирины до храма Святой Софии. Пока был жив Николай Мистик, юный император Константин VII Порфирородный должен был присутствовать при чтении акта, заклеившего браки, подобные тому, от которого он родился. И каждый год отмечать как праздник прекращение церковного раскола, вызванного четвертым браком своего отца.

Это было, конечно, верхом неприличия и унижения царской власти. Римские легаты, прибывшие на Собор, без возражений подписали его акты, а папа впоследствии их утвердил. Это невероятное событие на самом деле легко объяснимо — достаточно вспомнить, в *каком* глубочайшем кризисе пребывало папство на Западе. В тот момент Римский епископ был готов на многое, лишь бы только получить сильного союзника, каковым традиционно являлся именно Византийский император.

Однако высшая элита Римской империи и после этого упорно отказывалась признать Лакапина своим законным императором. 8 февраля 921 г. был раскрыт заговор Стефана, сына Каломарии, Феофана Тихиота и Павла Орфанотрофа. Заговорщиков пострigli

в монахи и отправили в отдаленный монастырь на остров Антигона. Но вскоре был обезврежен другой заговор со стороны Арсения и манглавита Павла. Затем настала очередь следующего — во главе его стоял сакелларий и начальник монетного двора Анастасий, китонит (стражник императорской опочивальни) Феодорит, нотариус царского фиска Дмитрий, Николай Куваца и протокарав (капитан царского судна) Феодот. Иными словами, самые близкие к царской особе вельможи. Их избили, постригли в монахи и отправили в ссылку.

Роман попытался использовать данные события себе на пользу. Ссылаясь на беспокойное время, он повелел на Литургии и в документах помещать свое имя *впереди* Константина VII. Тем самым Лакапин совершил клятвопреступление, поскольку ранее обещал, что никогда не дерзнет на такое³²⁹. А когда 10 февраля 922 г. скончалась супруга царя Феодора, императрицей была объявлена жена его сына Христофора Софья. Однако это не охладило пыл тех, кто считал Романа узурпатором. В 923 г. был организован еще один заговор, во главе которого стояли стратиг Халдии Варда Воил, халд Адриан и армянин Тацак. Они овладели крепостью Паиперт, но были разбиты domestиком схол Иоанном Куркуасом, который ослепил их, постриг в монахи и отправил в ссылку. Единственным, кто уцелел, был армянин Тацак, которого в обмен на клятву верности назначили манглавитом, но на всякий случай посадили под арест в Манган.

Не признанный обществом, Роман I решил количеством заменить отсутствующее качество, надеясь таким способом обеспечить легитимность своей власти *помимо* Константина Порфирородного. После Христофора он венчал одного за другим императорами своих сыновей Стефана и Константина, внука Михаила (сына Христофора), невесток Анну и Елену. Если присоединить сюда императора Константина Порфирородного и его сына Романа II, а также императрицу Елену, жену Константина VII, то картина получится просто фантастической и, во всяком случае, беспрецедентной в Римской истории. Наступило настоящее «семицарствие» из императоров и императриц, принадлежавших одной семье, из которых, повторимся, только Константин VII имел с точки зрения римского общества права на царство. Это одна из загадок византийского монархического сознания, отрицающего очевидные факты, и допускающего построение прочных политических конструкций на отдельных *нравственных островках*.

Надо сказать, что начало правления императора Романа I не принесло желанных побед и ожидаемых перемен — болгары продолжали побеждать византийцев едва ли не при каждом боевом столкновении, и это стало просто неким неписанным «законом» военного искусства³³⁰. Воцарение Лакапина больно ударило по мечтам Симеона. Место василеопатра теперь было занято Романом I, и на все требования Симеона немедленно сместить Лакапина Константинополь неизменно отвечал категоричным отказом. Византийцы были готовы идти на серьезные уступки, но ни при каких обстоятельствах не соглашались, чтобы Болгарский царь сел на престол Римских императоров³³¹.

В марте 921 г. Болгарский царь, до этого в течение 3 лет систематически разорявший приграничные территории, в очередной раз отправился со своим войском на Константинополь и дошел до Манглавы. Навстречу ему царь Роман I отправил ректора Иоанна, Льва и Пафоса Аргиров во главе большого войска, собранного из царских гвардейцев-телохранителей и воинов остальных тагм. Но в завязавшемся сражении римские полководцы действовали, как неопытные мальчишки. В результате почти все войско погибло или было пленено, а вместе с ними и многие высокие военачальники, например друнгарий Алексей Муселе и Фотин, сын Платипода. Как заметил летописец, «страшны неразумение и неопытность, соединенные с дерзостью!»³³²

Патриарх Николай вновь попытался призвать болгарина к миру, но безуспешно. Ему была предложена в жены дочь Лакапина, но Симеон желал венчаться только на сестре Константина Порфирородного, признавая его одного законным Римским императором. Архиерей предлагал назначить любую цену за мир, на что Болгарский царь ответил не без иронии: «Я не хочу, чтобы патриарх оживлял мертвых болгар — это мне малоинтересно». Симеон выставил *одно* условие, но какое! Император Роман I должен был оставить престол, а синклит обязан избрать Римским царем его, Симеона. В ответ на одно из писем патриарха он строго выговорил тому, чтобы архиерей не смел называть себя его отцом — такие вольности не допустимы в сношениях с Болгарским царем; и Мистик сник³³³.

Но тут проявил свои умения и дальновидность сам Лакапин. Его агенты сумели обезвредить послов Болгарского царя к арабам, которые должны были договориться об объединении усилий в захвате Византии. Послов, естественно, казнили в тюрьме, а арабам

Роман Лакапин срочно направил ежегодную дань, с извинениями отметив, что нарушение срока ее отправки было вызвано войной с Симеоном. Он так тонко написал письмо, что халиф решил вдвое уменьшить размер дани и даже не взглянул на болгарские предложения, доставленные второй партией послов Симеона. Попутно византийские дипломаты разогрели вольнолюбивые настроения у сербов, входивших в число данников Симеона. Те решили бороться за независимость своего племени и в скором времени нанесли тяжелое поражение болгарскому войску, казнив всех пленных воевод и отправив их головы «в подарок» Роману I Лакапину. В таких условиях штурмовать Константинополь было бессмысленной затеей, и Симеон вернулся в Болгарию³³⁴.

Однако в 922 г. болгары снова начали терзать Македонию и Фракию, дойдя до дворца императрицы св. Феодоры, располагавшегося у оконечности Золотого Рога. Роман Лакапин срочно созвал к себе на завтрак начальников тагм и *просил* их выступить против врага. В условиях тяжелейшей войны он предлагал им забыть о старых обидах и объединиться в борьбе с болгарями. Но призывы Лакапина не были услышаны. Только один из присутствовавших военачальников, некто Сактик, во главе царских телохранителей напал на болгар и нанес им большой урон, хотя сам был смертельно ранен в бою. Остальные офицеры только на словах поддержали императора, отговорившись «бессмысленным» подвигом Сактика от дальнейших действий.

Конечно, не самопожертвование Сактика при всем уважении к его поступку спасло византийскую столицу в данный момент. Болгарский царь простоял какое-то время под Константинополем, убедился, что его стены ему недоступны, и повернул к многострадальному Адрианополю. Стратигом Адрианополя в то время являлся военачальник по имени Дуролев, которого за храбрость звали *Храброльвом*. Осажденные мужественно боролись с болгарями, доели последние остатки пищи, но, не выдержав мук голода, сдались на милость победителям. Симеон, однако, ее не проявил: плененного стратига предали многим пыткам, а потом казнили. Однако и силы болгар были не беспредельны. Когда оставленный в Адрианополе болгарский гарнизон услышал, что к городу подступают греческие войска, он покинул его стены; Адрианополь вновь стал византийским³³⁵. Так и продолжалась эта война: стороны периодически устраивали набеги, но затем, не имея сил полностью

подчинить себе завоеванные территории, отступали, истребляя и сжигая все на своем пути.

В положении, где все висело на волоске, патриарх Николай Мистик проявил недюжинные способности в дипломатии. Желая обеспечить долгожданный мир, Николай использовал авторитет римских легатов, прибывших в Константинополь на Собор 920 г. и собиравшихся оттуда к Симеону с каким-то поручением от папы. Он убедил латинян, что болгарин редко кого пускает к себе и предложил для начала отправить письмо в Болгарию — якобы для того, чтобы выяснить настроение грозного царя. В своем послании Мистик отмечал, что главной целью прибытия легатов в Византию является желание понтифика прекратить войну греков с болгарами. «Как мы узнали, — продолжал он, — ты очень чествуешь Святых и Верховных Апостолов. А если по истине их чествуешь, то не станешь позорить папу, сидящего на их престоле. Не позволяй себе презирать пишущего к тебе Римского архиерея, как презираешь нас: в противном случае Апостолы, сочтя его бесчестие своим, воззрят на тебя гневно»³³⁶. Конечно, такой тон мало солидаризировался с идеями, которые в последние десятилетия высказывали Константинопольские патриархи. Но, что делать — Мистик должен был *любой ценой* добиться мира с Симеоном.

Зашевелились и арабы. Известный ренегат и арабский пират Лев Триполийский во главе большого флота выступил к острову Лесбос, но в 923 г. был разбит римскими моряками под командованием патрикия Иоанна и друнгария флота Радиана. А тем временем патриарх Николай Мистик продолжал сколачивать коалицию для защиты Византии. Еще в 920 г. он направил послание Армянскому католикосу Иоанну, в котором предлагал тому прекратить все распри и объединиться в борьбе с мусульманами. Это письмо ободрило католикоса, который отвечал в таких выражениях: «За надежной стеной вашей силы и страха, который вы внушаете врагам, и под защитой императорских крыльев, мы находимся как бы в укрепленном лагере или среди прекрасного города». Император Роман I выделили Армянскому царю *Ашоту II* (922—929) значительные средства, а также дал большой военный отряд, при помощи которого тот сумел упрочить свою власть и оборониться от сарацин³³⁷. Но сами греки в ближайшие годы терпели фатальные поражения в столкновениях с сарацинами. В 923 г. полководец Мунис-аль-Музаффар разгромил их на море и на суше, а весь 924 г.

арабы почти безнаказанно — все наличные силы были брошены против болгар — разорали спорные территории, захватив множество пленных, золота и скота.

В сентябре 924 г. Симеон в очередной раз с большим войском подошел к стенам Константинополя и пригласил к себе в ставку патриарха Николая и сановников для переговоров о мире. Встретившись с ними, Болгарский царь неожиданно выразил желание переговорить непосредственно с самим Романом Лакапином, о котором слышал много доброго. Роман обрадовался такой возможности — он надеялся, используя свой опыт и хитрость, склонить Симеона к миру. По его приказу слуги соорудили надежную пристань, к которой могла бы подойти царская триера. Пока шло строительство, болгары спалили храм Пресвятой Богородицы в Пиге — варварское напоминание о своем присутствии. Ситуация была почти безнадёжная — оставалась только надежда на Божью милость и помощь. Прибыв накануне встречи с Симеоном во Влахернский дворец, император вместе с патриархом Николаем пали ниц перед омофором Приснодевы и долго со слезами на глазах молили Пресвятую Богородицу *даровать их стране мир с болгарами*.

Оставалась слабая надежда на то, что мир с болгаринном удастся купить. Однако казна была опустошена, и эта последняя возможность казалась эфемерной. И тогда патриарх Николай Мистик, о котором можно говорить разное, совершил настоящий гражданский подвиг. Он обратился к митрополитам своего диоцеза с требованием собрать с подчиненных им епархий и приходов крупные суммы денег и выслать в Константинополь. Патриарх в конце письма добавил, что если средств будет выслано мало, то императорские чиновники без согласия митрополитов соберут необходимые суммы. Надо сказать, архиерейское поручение было исполнено очень быстро, и необходимые средства собраны. После этого император Роман Лакапин тронулся на встречу с Симеоном, состоявшуюся 9 сентября 924 г.³³⁸

Тот явился в окружении отрядов своих воинов, блистающих украшениями и богатым вооружением. Окружив Симеона, они славословили его, *как Римского царя (!)*; Роман стоял в окружении синклита. Наконец, он первым пошел навстречу болгарину. Точных свидетельств о содержании их разговора не осталось. Как говорят, при встрече Лакапин сказал следующее: «Я слышал, что ты — человек благочестивый и христианин, однако твои дела

расходятся с такими словами. Только нечестивый и неверный наслаждается кровью и убийствами. Если ты, а я в этом уверен, истинный христианин, прекрати нечестивые кровопролития и заключи мир с нами. Какой отчет ты дашь Богу, когда окончатся твои дни? Возрадуйся миру, возлюби согласие!» Разумеется, этот текст едва ли был произнесен в таком виде, скорее всего, он выражает лишь *общую мысль*, высказанную Лакапином. Едва ли могущественный болгарин позволил бы разговаривать с собой в подобной тональности. После этого император передал Симеону богатые дары. Болгарин вернулся в свою ставку и дал согласие заключить мирный договор³³⁹.

Столь благоприятный исход противостояния был обусловлен, по-видимому, тем, что Симеон *психологически надорвался*. Столько лет он мечтал об императорской диадеме, но понял, что Константинополя ему никогда не взять — сколь ни велико было его сухопутное войско, однако болгары не имели флота, а без него осада византийской столицы была невозможна. Тем не менее мечта детства не угасла в нем. Он вернулся в Болгарию и в 925 г. принял титул *«императора ромеев и болгар»*, против чего яростно возражал Роман Лакапин. Так проявилась обида болгарина, которому не суждено было реализовать свои мечты³⁴⁰. Однако Рим в 926 г. положительно отреагировал на просьбу Симеона признать за ним императорский титул. Затем, подобно тому, как были выстроены отношения в Византии, Симеон решил поставить рядом с собой *Болгарского патриарха*. Рим опять не стал возражать — конечно, в пику Константинополю³⁴¹.

Это был пик могущества Первого Болгарского царства. Благодаря усилиям Симеона, государство болгар включало в свои границы на севере Задунайскую область, в том числе нынешнюю Венгрию, Семиградье и Валахию до реки Тисы, Мармарош и всю область на восток от рек Днестра и Южного Буга. На юге в состав Болгарии входила почти вся Фракия, приморские области Македонии, Северная Фессалия. На западе — почти все побережье Албании до реки Боян, и сербские земли вплоть до реки Дрины по ее течению до впадения в реку Саву³⁴².

После этого наступило короткое время передышки, которым попытался активно воспользоваться Роман Лакапин, чтобы укрепить свое положение. Последнего сына, 7-летнего Феофилакта, царь постриг в клирики, а патриарх рукоположил в иподиаконы

и назначил своим синкеллом. Очевидно, Лакапин полагал, что после кончины Мистика Феофилакта можно будет поставить Константинопольским патриархом. Нет сомнений, что примером для подражания он избрал практику императоров Василия Македонянина и Льва Мудрого, поставивших патриархом св. Стефана. Но эта комбинация оказалась слишком преждевременной: Николай Мистик скончался 15 мая 925 г., а Феофилакт был слишком мал, чтобы претендовать на патриаршество. Назначили столичным архиереем евнуха *Стефана II* (925—928), митрополита Амасии. И тут же раскрыли очередной заговор, в котором вновь состояли самые близкие Лакапину лица: мистик (личный секретарь) Иоанн, логофет Косьма, стольник Константин, сын Воилы³⁴³. Получалось, что все усилия Лакапина ни к чему не приводили: его по-прежнему не желали признавать законным царем. Постоянно возникали какие-то комбинации, главной целью которых являлось лишение Романа I царской власти. Однажды заговорщики попытались поиграть на честолюбии царского сына. В 928 г. магистр Никита, тесть императора Христофора, советовал своему зятю выступить против отца и захватить власть. Когда об этом стало известно Роману I, Никиту схватили, постригли в монахи и сослали в ссылку³⁴⁴.

Правда, вскоре удача улыбнулась и Роману I: в Константинополь пришло радостное известие о том, что 27 мая 927 г. Болгарский царь Симеон был разбит войском хорватов, которых, как и ранее сербов, решил покорить. Его блистательное правление стало угнетать болгар — постоянные войны и вызванные ими налоги всегда в тягость рядовому обывателю. А потому множество подданных Симеона решило перебраться на территорию Византийской империи — по словам Романа Лакапина, не менее 20 тыс. болгар мигрировало в Фессалию, поскольку им «опротивели военнлюбивые устремления Симеона и его непримиримость»³⁴⁵.

Вскоре после этого (вторая радостная весть) гроза Византии и победитель римлян Симеон Болгарский умер. Вслед за этим уже сама Болгария оказалась в тяжелом положении. В стране случился неурожай, а тут, в довершение всех бед, окружающие страну враги (венгры, хорваты, сербы) объединили свои усилия, чтобы поквитаться с обидчиками. Поэтому наследники царя Симеона — его сыновья *св. Петр* (927—969) и Георгий направили к Роману Лакапину тайное посольство, с которым передали предложение заключить мир и брачный союз, как его залог. Конечно, Лакапин

согласился, и, невзирая на протесты со стороны императорского двора, срочно подыскал невесту — Марию, дочь своего сына Христофора. Уже 8 октября 927 г. св. Петр обвенчался с Марией законным браком³⁴⁶.

Роман I полагал, что теперь его авторитет вырастет, но в очередной раз ошибся. В Константинополе такой брак посчитали *предосудительным* — кто мог решиться выдать царскую дочь за варвара? Только плебей, не осознающий величия царского титула и не знающий древних традиций. Лакапин оправдывался: Мария была дочерью не Римского самодержца, а лишь третьего в иерархии царя греков, ни к какой реальной власти в государстве не причастного. Христофор, хоть и венчаный император, но не порфирородный царь, т.е. как бы чуть-чуть ненастоящий василевс. Поэтому и его дочь *не совсем* царица. Более того, настаивал Роман I, этот договор стоил того, чтобы принести в жертву даже и члена царской семьи. Ведь в качестве обязательного условия предстоящего брака болгары должны были освободить всех римских пленных. «К тому же нельзя забывать, что болгары наши единоверцы», — приводил Лакапин последний аргумент.

Но это было малоубедительно для современников. Константин VII Порфирородный, царствовавший *как бы из-за ширмы*, номинальное лицо при Роме и его сыновьях, тем не менее, не дал своего согласия на этот союз и объяснял свое решение таким образом. «Нет здесь отличий: той или иной из царских родственников она оказалась. Из далеких или близких царскому благородству семей она была, ради общепольного или какого иного дела она выдана замуж. И неважно, что самого незначительного и не властвующего она была дочерью. Этот брак противоречит канонам и церковной традиции»³⁴⁷. Собственно говоря, он озвучил то, что думал каждый константинополец.

Как бы там ни было, но этот брачный союз в действительности много способствовал спокойствию на западных границах Византии. Надо сказать, что и для Болгарии мирный договор 927 г. давал значительные преимущества. Была установлена наконец-то политическая граница Болгарского царства и обеспечена автокефальность Болгарской церкви. Петр получил титул *императора*, но только болгар, а не римлян, как мечтал Симеон. Народы, проживавшие внутри Болгарского царства, начали постепенно объединяться под влиянием церковнославянского языка — замечательного наследия

св. Кирилла и св. Мефодия, «апостолов славянства». Более того, женитьба царя св. Петра на императорской внучке (и дочке) Марии резко подняла престиж Болгарии в международных делах. Большую помощь в этом св. Петру оказал сам император Роман Лакапин. Он повелел поместить имя Христофора в поминальниках на второе место после себя, а Константина VII Порфирородного расположил на третьем месте. Теперь, по существующему в Византии царскому этикету, Болгарский царь и даже его представитель располагался на императорских пирах выше любого другого иностранца, даже Западного императора³⁴⁸.

После успокоения дел на Западе византийцы смогли наконец сосредоточиться на войне с арабами. И, надо сказать, действия их войск на восточной границе развивались не без успеха. В 926 г. византийцы вступили в Малатию, жестоко расправившись с местным мусульманским населением. В этом же году на Восток был направлен талантливый и энергичный полководец Иоанн Куркуас, на счету которого было множество городов и крепостей, взятых у сарацин. Правда, тщательно спланированная и блестяще организованная экспедиция греков по освобождению Египта завершилась катастрофой. Страшная буря разметала их флот и потопила более 300 кораблей с экипажами. Понятно, что после этого морские операции пришлось отложить³⁴⁹.

Тем не менее в 927 г. Куркуас нанес арабам несколько поражений, захватив попутно сильную крепость Самосат. Затем Лакапин отдал приказ Куркуасу двинуться на помощь Армении. Римский полководец отправился в путь, однако возле города Дебиль потерпел поражение — на поле боя пало до 10 тыс. византийцев. Но, не вспоминая о неудаче, Иоанн Куркуас вместе с братом, патрикием Феофаном, продолжил наступление на Армению и занял город Хилат. Население этой местности было настолько перепугано византийским войском, что направило посланников в Багдад, прося помощи, но все было тщетно. Дошло до того, что целый ряд городов Месопотамии — Малатия, Майяфа, Амида, Арзен *добровольно* желали перейти под власть Римского императора.

Впрочем, в течение 930 и 931 гг. арабы также нанесли отдельным греческим отрядам чувствительные поражения. Почти дойдя до важного в стратегическом отношении пункта Дамьетты в Египте, греки были остановлены армией Халифата. А в 931 г. под Тарсом их ждало поражение, завершившееся потерей почти 3000 солдат.

В качестве компенсации греки вновь осадили Самосат, но город спас от гибели наместник Мосула. В ответ византийцы вновь напали на Малатю и попытались разграбить город. Однако и на этот раз полководец Саид ибн Хамдан спас своих соотечественников³⁵⁰. А египетский флот под командованием Абу-Али-Юсуф-ал-Хаджи совершил нападение на византийские прибрежные территории. Кроме того, летом 931 г. сарацины в очередной раз овладели, хотя и без боя, городом Аморием, население которого бежало в страхе перед ними³⁵¹.

Все же при некоторых неудачах греки постепенно овладевали методами войны с сарацинами, попутно перестраивая свою армию. И 19 мая 934 г. Куркуас после длительной осады взял сильнейшую крепость Мелитину, которую вместе с прилегающими территориями перевели в разряд царских доменов³⁵². Был разбит и уничтожен страшный пират-ренегат, гроза византийцев Лев Трипольский, консолидирована императорская власть в Армении, а в 934 г. инкорпорирован в состав Византийской империи арабский эмират Мелитина³⁵³.

Надо сказать, что Куркуас относится к той немногочисленной плеяде лиц, которые *творяют историю*. Он один стоил многих армий и полководцев и не случайно был прозван «новым Велизарием» и «новым Траяном» за блистательные победы над арабами. Следует сказать, что род Куркуасов имел многих достойных представителей, славно служивших Римской империи. Помимо Иоанна Куркуаса, на полях сражений прославился и его брат, патрикий Феофил. Будучи стратигем Халдии, он заставил признать власть Римского императора Феодосиополь и многие города Месопотамии. С его внуком, будущим императором Иоанном Цимисхием, мы также вскоре встретимся³⁵⁴.

Распространившиеся известия о победоносном шествии византийской армии привели к тому, что арабское племя Бени-Хабиб, родственное хамданидам, в количестве 12 тыс. всадников перешло в византийское подданство. Сам Бени-Хабиб стал верным подданным Римского царя и предпринимал далеко не бесполезные усилия по переманиванию остальных своих родственников на сторону византийцев. Так верная и здравая политика византийского правительства способствовала постепенной подготовке почвы для перехода многих арабских племен в стан союзников и последующему захвату Месопотамии³⁵⁵.

Поражения арабов шли рука об руку с процессом заката династии Аббасидов, представители которой все более и более *тускнели* на фоне своих предшественников. С 932 по 934 г. Халифатом управлял *аль-Кахир Мухаммад ибн Ахмад*, ставший правителем после убийства своего брата аль-Муктадира. Жестокий до потери рассудка, новый халиф тут же уничтожил подчистую всю семью покойного брата. Доведенная до нищеты, часть армии подняла восстание, которое халиф затопил в крови. Но в 934 г. восстание повторилось и на этот раз восставшим удалось закрепиться в Исфагане, после чего эта территория, а также Фарс и Хорасан отпали от Халифата. Разочарованные в своем правителе, командиры военных отрядов захватили его и бросили в темницу, предварительно ослепив. Оттуда он был выпущен лишь в 944 г. и был вынужден остаток дней жить в нищете, удовлетворяясь подаениями.

Вместо него новым правителем правоверных стал *аль-Ради Биллах Мухаммад ибн Джафар* (934—940) — скромный, воспитанный человек, чрезвычайно начитанный и увлекающийся стихами. Насколько мог, халиф смикшировал недостатки прежнего правления, но Хорасан и Фарс, отошедшие уже к авантюристу *Али ибн Буфейху*, лишь номинально числились среди его вассалов. Из-за агрессивной позиции карматов на несколько лет паломники не имели физической возможности посетить Мекку, и восстановление старой традиции стало возможным лишь после того, как халиф обещал выплачивать карматам 5 динаров за каждого паломника и 7 монет за каждого верблюда, вошедшего в священный для мусульман город. Практически все правители провинций стали независимыми правителями (Персия, Месопотамия, Хорасан, Трансокеанские владения, Египет и Северная Африка), и власть халифа, по существу, распространялась лишь на Багдад и окрестные территории. Возможно, его правление могло бы еще принести полезные плоды, но в возрасте 32 лет халиф внезапно скончался³⁵⁶.

Собственно говоря, власть халифов закончилась на этом поэтическом правителе, все последующие преемники их власти не только всецело зависели от турецких гвардейцев, но и утратили свои важнейшие традиционные прерогативы. Никогда более они не будут выступать на пятничной молитве с проповедью, обращенной к мусульманам, никогда впоследствии их мысли не будут издавать в виде отдельных книг. Все вопросы, особенно войны и мира, теперь станут обсуждать командиры их гвардии³⁵⁷.

В скором времени в Северной Африке возникли и просуществовали довольно длительное время государства, возглавляемые династиями *Мидраридов* (757—976), *Аглабидов* (800—909), *Зиридов* (972—1159), *Магравидов* (975—1070), *Ихшимидов* (933—969), *Хамданидов* (875—1009) и халифат *Фатимидов* (910—1171). В Средней Азии образовалось сильное государство *ширваншахов*, *Шахдадидов* (951—1008), Табаристан (865—1033), в Афганистане и Индии мусульмане создали государство *Газневидов* (961—1187). И это не считая Испании, где правили *Омейяды*, и Сицилии, где образовалось государство *Хусайнидов*.

Тем не менее местные правители оставались еще очень сильными и оказывали византийцам жесткое сопротивление. Так, 8 октября 938 г. арабы нанесли сильнейшее поражение Куркуасу — победителем был эмир Алеппо Сейф-ад-Даул (легендарный полководец мусульман), и греки потеряли только пленными 70 патрикиев. Поэтому Роман Лакапин поспешил проявить мирную инициативу и направил Багдадскому халифу предложение о мире. Письмо было оформлено оригинально: греческий текст написали золотыми буквами, а арабский перевод — серебряными. После некоторого раздумья халиф согласился на мир, оговорив сразу же и вопрос об обмене пленными.

При всех военных успехах, выпавших на долю Лакапина, ему не удалось реализовать давнюю мечту и освободить Сицилию от арабов — более того, позиции сарацин на острове укреплялись год от года. Оттуда, как из форпоста, мусульмане продолжали свои грабительские рейды по Южной Италии, соединяясь со своими единоверцами из Африки и случайными пиратами других национальностей. Так, в 927 г. из Египта в Сицилию прибыл на 144 кораблях славянин Саян. Соединившись с арабами, он направился на Тарент, который после упорной обороны пал 15 августа 927 г. В 928 г. Саян напал на города ал-Гиран и Калат-ал-Хасаб, захватил их, направился в Саренто, а оттуда в Неаполь. Только после долгих переговоров население города выкупило свою свободу за большую сумму денег. В 929 г. Саян совершил третье нападение на Италию. Он высадился в Калабрии и взял город Тириоло, захватив до 12 тыс. пленных. Только после этого наступило затишье на несколько лет. В 939 г. население города Джирдженти на Сицилии подняло восстание против арабов, и Лакапин по их просьбе при-

слал даже небольшой отряд на помощь. Но восстание не получило распространение и в ноябре 940 г. захлебнулось³⁵⁸.

Последующие смуты у арабов несколько облегчили положение Византии. Императору Роману Лакапину даже удалось отказаться от выплаты дани африканским арабам и собрать силы для похода против южно-французских сарацин совместно с Бургундским королем *Луго* (928—933). В обмен на помощь Лакапин просил руки дочери короля для внука Романа, сына Константина Порфирородного, но тот ответил, что у него нет законной дочери, зато есть дети от наложниц. Несмотря на очевидное неравенство сторон в грядущем браке, Лакапин дал согласие на этот *непопулярный* в Византии союз и стал готовить флот к отплытию³⁵⁹.

Глава 3. Войны, заговоры, войны. Дети против отца

К чести Романа Лакапина, он был далеко не самым худшим императором Римской империи. Когда в 928 г. наступил страшный неурожай, василевс проявил сострадание и милосердие, приказал выделять деньги для помощи голодающим из царской казны на их питание³⁶⁰. В 940 г. он за счет собственных средств погасил долги всех бедных константинопольцев, потратив на это 19 кентариев золота — громадные деньги. Затем царь начал выплачивать, опять же, так называемые «квартирные деньги» за бедняков, установил систематическую раздачу денег нищим, и даже содержал заключенных в тюрьмах. Им был построен странноприимный дом в Мавриане, другие гостиные дома и ночлежки. Помимо этого, царь распорядился выделить значительные средства монастырям Олимпа, Афона, Вараха, Латроса, Кимины³⁶¹.

Положение дел в контексте земельной собственности постепенно привело к тому, что в X веке сословию свободных, но бедных («убогих») крестьян противостояло сословие властителей — местных земельных магнатов, активно участвующих в управлении провинциями посредством вхождения во всевозможные муниципальные органы власти. И хотя это сословие не являлось закрытым — известно, что многие «убогие», но удачливые крестьяне нередко получали шанс стать «властителями», оно выступало неким оппонентом центральной власти и разорителем мелкого,

но свободного крестьянства. Однако императоры, как правило, никогда не мирволили «властителям», видя свой первый долг в защите прав свободного крестьянства. «Чем безграничнее была власть восточных автократоров, чем более давала она простора их личному произволу, тем они были ревнивее в охране ее. Чем безраздельнее они пользовались ею, тем более были чутки ко всякой опасности, грозящей со стороны каких-либо аристократических элементов». И в противоположность западным монархам, Византийские императоры, обладавшие колоссальным политическим опытом и чутьем, быстро поняли вред, который возникал вследствие уменьшения сословия свободных землевладельцев³⁶².

Первый удар по «властителям» нанес еще Лев VI Мудрый, отменив своим эдиктом муниципальные органы власти и управления и тем самым лишив «властителей» специальных политических прав. Затем Роман Лакапин предпринял меры, преследующие всего одну, но очень значимую цель — не допустить «властителям» вход в свободные общины и приобретение земельных участков у «убогих».

С великим трудом удерживаясь у власти, император не стал разменивать обороноспособность государства на личную выгоду. Казалось бы, при сложившихся обстоятельствах ему было удобнее поддержать крупных землевладельцев, но Лакапин поступил иначе. В 922 г. появляется его новелла, направленная на защиту прав средних и мелких землевладельцев, дающих основную массу солдат (стратиотов) в византийскую армию. Новелла содержала три главных положения. Во-первых, устанавливала преимущественное право приобретения пустующей земли крестьянской общине и крестьянам. Во-вторых, запрещала «властителям» принимать дары от бедных в виде земли, неважно в какой форме. Наконец, в-третьих, воинские участки, отчужденные каким-либо способом в течение последних 30 лет, возвращались без всякого вознаграждения первоначальному собственнику.

«Запрещаем на будущее время “властителям”, — говорится в новелле, — приобретать что-либо от бедных тем или иным способом, посредством ли простого дара, или завещанием по случаю смерти, или только в виде одного пользования, или, наконец, под предлогом какой-либо помощи и защиты, а исключением того случая, когда властитель будет находиться в родстве с бедным. Также запрещается “властителям” делать покупки и наймы или мены

в селах и деревнях, в которых они не имеют собственного земельного имущества, от местных крестьянских обывателей. Если же кто-то из “властителей” дерзнет совершить что-либо противное этим определениям, то он будет лишен приобретенного имущества и, сверх того, обязан будет уплатить пеню в пользу государственной казны. Еще мы повелеваем, чтобы воинские участки, отчужденные каким-либо образом в продолжение последних 30 лет или же имеющие впредь быть отчужденными, были без всякого вознаграждения возвращены к своему первоначальному назначению, т.е. к лежащей на них повинности воинской службы»³⁶³.

Этот закон вызвал открытое возмущение крупных землевладельцев. В ответ в 934 г. Лакапин издал второй эдикт, предоставивший крестьянам, у которых, вопреки закону, была приобретена земля в голодный год, выкупить ее за ту же цену у нового собственника³⁶⁴. Обратим внимание на *мотивацию* императора и цели издания им закона, как он их огласил публично. «Есть люди, — повествует император, — которые заботятся только о земных благах и временном благополучии, отказываясь таким образом от прав на небесные награды и забывая о дне Судном. Такие люди — причина всех бедствий... Но за бедных вступается Сам Господь. Если же Сам Бог, возведший нас на царство, восстает на отмщение убогих, то как можем мы пренебречь своим долгом или вконец позабыть о своей обязанности, когда именно от одних очей царских бедняк ждет себе здесь утешения».

Далее следуют нормы указа и вывод: «Мы постановляем это не из ненависти к сильным, но из благорасположения к бедным, ради защиты и ради общего блага. Ибо те, которые получили от Бога власть и возвысились славою и богатством, вместо того, чтобы взять на себя попечение о бедных, смотрят на них как на свою добычу»³⁶⁵.

Царь напоминает тем властителям, которые достигли своего статуса с «низов», что помимо земных благ существует еще и Суд Христов. «Есть люди, которые по рождению принадлежат к сословию бедных, но по милости Божественного Промысла или какими другими непонятными судьбами из своей более скромной доли поднялись наверх и достигли лучшего положения в жизни. Мы считаем справедливым, чтобы они оставались при том наследстве и владении, которое им сначала досталось. Они не должны, преступая мерку своего первоначального состояния, являться причиной

бедствий своих соседей, отнимая у них разбойнически имущество, — а таково обычное обвинение в отношении сделок, заключаемых со стороны гордых своим высоким положением и славой лиц с другими, более скромными. Скорее таким беднякам, поднявшимся наверх, следовало бы, памятуя особенную к ним милость Божию, оказывать благорасположение к своим односельчанам и, имея в виду неизвестность будущего, а также неизбежность Страшного суда, не превращать имущества ближних в предмет хищничества»³⁶⁶.

Мужественный и благочестивый человек, *государственник*, император Роман I надеялся снискать расположение общества, но все было тщетно. Лакапин всем сердцем желал патриаршества своего сына, надеясь, что с этим событием все волнения улягутся сами собой. Иногда казалось, что судьба дарует ему счастливый шанс, но это было иллюзией. 15 июля 928 г. скончался патриарх Стефан, и 14 декабря того же года на Константинопольский престол императором был возведен *Трифон* (928—931), ранее монашествующий в Опсикии, известный своим благочестием и святостью. Это в принципе рядовое событие знаменательно тем, что Трифона по распоряжению царя рукоположили патриархом *на определенный срок* (!), пока не подрастет царевич Феофилакт³⁶⁷. В 931 г. Трифона низложили, хотя и не без хитрости — тот никак не желал добровольно оставлять патриаршего престола, и назначили Константинопольским архиереем Феофилактом, которому исполнилось только 13 лет. Поскольку этот возраст, как говорится, бил в глаза, императору пришлось прождать около полутора лет, чтобы царевич достиг канонического возраста для посвящения в священнослужители³⁶⁸. 6 февраля 933 г. *Феофилакт* (933—956) стал новым Константинопольским патриархом. К несчастью для Лакапина, сын не оправдал его надежд. Беспутный и безвольный, он заметно уступал тем величественным фигурам, которые до него управляли Восточной Церковью.

В августе 931 г. Романа I настиг тяжелый удар судьбы — умер его старший и любимый сын Христофор, которому он втайне мечтал передать царскую власть в обход Константина Порфирородного. И тут же Римское государство потрясло восстание Василия по прозвищу Медная Рука, выдававшего себя за покойного Константина Дуку, о котором ранее шла речь. Он был схвачен турмахом Элефантином из Опсикии, доставлен в Константинополь и лишен

правой руки — довольно гуманное наказание для государственного преступника. Но Василий вновь явился в Опсикий, приладил себе медную руку взамен утерянной (откуда и пошло его прозвище). К мятежнику примкнуло довольно много людей, и он даже захватил крепость Платея Петра, но вскоре был разбит, доставлен в столицу, там допрошен и казнен³⁶⁹.

Год за годом разочарованно убеждаясь, что византийский высший свет его не признает законным императором, Роман Лакапин попытался, как и раньше, «*обложить*» трон своими сыновьями, невестками и внуками. После смерти Христофора он срочно женил своего юного сына Стефана на Анне, дочери Гавалы, внучке Катакилы, надеясь при помощи женитьбы приобрести новых союзников среди византийской политической элиты. Тотчас после свадьбы Анна была также венчана на царство, как Римская царица. А в 940 г. наступила очередь младшего сына Константина, которого отец женил на Елене, дочери патрикия Адриана. Когда же Елена умерла в феврале 941 г., царь женил Константина вторично на Феофано, происходившей из знатного рода Мамы³⁷⁰. Чтобы поддержать свой шаткий авторитет угрозой церковного наказания, Роман I Лакапин издал новеллу, в которой угрожал анафемой всем тем, кто посягает на царство: «Каждому, кто осмелится затевать заговор или бунт, провозглашаю анафема. Всякому, кто будет их помощниками и соучастниками в их отступничестве анафема. Всем, кто будет их советниками и возбудителем анафема. Всем, кто будет идти под их знаменами анафема. Священникам, если они примут кого-либо из таких на исповедь, не заставив их покаяться и отказаться от их отступничества, тоже анафема»³⁷¹.

Адворцовые интриги по-прежнему густо перемешивались с внешними нападениями — на этот раз с далекого Севера. В мае 941 г. на Константинополь напали довольно большие силы росссов под командованием князя *Игоря* (912—945), флот которых насчитывал до 10 тыс. быстроходных судов. Надо сказать, это было рискованное предприятие, поскольку даже в тяжелые годы войны с арабскими пиратами греческую столицу постоянно охранял сильный византийский флот. Впрочем, россы не встретили большого сопротивления, поскольку основные фемные войска находились на восточной границе, а основные морские силы воевали на Западе. Россам сопутствовал даже некоторый *временный* успех: вся территория Босфора от Ривы до Хрисополя была разграблена захватчиками.

Но в целом их ждало разочарование. Во-первых, имея прекрасную разведку и дипломатов, византийское правительство своевременно получило сообщение от болгар о приближающемся русском флоте. Во-вторых, даже немногие византийские суда, которые Лакапин собрал в Константинополе, снабженные «греческим огнем», показали несомненное превосходство над юркими, но простыми и грубоватыми судами россов. Конечно, византийцам способствовала определенная удача — на арабской границе ситуация поуспокоилась, и потому император смог отозвать войска Иоанна Куркуаса и Варды Фоки. Патрикий Феофан, посланный Лакапином на врага, напал на их суда на Иероне и многие уничтожил. А когда высадившиеся на берег захватчики направились в Вифинию для того, чтобы запастись продовольствием, на них напал Варда Фока во главе византийской армии и нанес россам второе поражение. Разгром врага довершил Иоанн Куркуас — лишь немногие россы сумели добраться до своих судов и вернуться на родину³⁷². За проявленные заслуги перед отечеством патрикий Феофан был удостоен звания паракимомена.

Война была повсюду, и можно только удивиться внутренней крепости Византийской империи, способной практически *ежегодно* отбивать удары со всех сторон, постепенно переходя к наступательным операциям. В январе 942 г. византийцы предприняли поход на Алеппо, захватив до 15 тыс. пленных. Но сарацины встречно выступили из Тарса и также захватили множество пленных, среди которых отмечалось большое число патрикиев. В октябре 942 г. Куркуас в очередной раз предпринял наступление на Кавказ, захватив крепость Арзен в Армении на северном берегу озера Ван. Затем, развивая успех, он занял крепости Диарбек, Нисибин и, наконец, многострадальную крепость Дару, которая являлась камнем преткновения еще в Персо-византийских войнах времен императора св. Юстиниана Великого³⁷³.

Но если Римская империя демонстрировала удивительную внутреннюю жизнеспособность, то этого нельзя было сказать об Арабском халифате. В 940 г. череду «промежуточных» халифов добавил аль-Муттаки Лиллах Ибрахим ибн Джафар аль-Муктадир (940—945), не оказавший никакого влияния на дела государства и всецело зависевший от турок-гвардейцев. Потерпев поражение в борьбе с правителем Васите Абуль Хусайном Мухаммадом ибн Али аль-Мериди, халиф бежал в Мосул, у правителя которого искал

помощи. Вернув Васите, в 945 г. халиф потерял Багдад, который взял штурмом некий повстанец Тузун. Доверившись слову этого авантюриста, халиф решил вернуться в свою столицу, но был арестован по приказу Тузуна, ослеплен и брошен в темницу, где провел 25 лет.

Его преемником стал племянник *аль-Мустакфи Биллах Абдулла ибн Али аль-Муктафи* (945—946). Несмотря на краткость правления, новый халиф совершил некоторые исторические события, предопределившие появление новой династии *Буидов*. Это случилось после того, как войска под командованием Буида Ахмада ибн Бувайха захватили Багдад, находившийся к тому времени уже в руках Абу Джафара ибн Ширзада. Халиф неосмотрительно (хотя, с другой стороны, что оставалось ему делать?!) приблизил победителя к себе, дав имя *Муизз ад-Даул* («Опора государства»), и тот вскоре установил свой контроль над казной. Уже в следующем году «опора» заподозрил своего правителя в заговоре и двинул свою турецкую гвардию во дворец. Солдаты сбросили халифа с трона, волочили по земле, а затем ослепили; остаток дней бывший правитель провел в темнице.

Надо сказать, что Буди (или *Бувейхиды*) не отличались изысканностью происхождения, но являли собой реальную силу. Выходцы племени *дейлемитов*, проживавших на побережье Каспийского моря, они давно стали первыми союзниками Алидов, из Табаристана нападавших на внутренние провинции Персии. Однако их почтение к потомкам Али имело свои границы, а потому, войдя во вкус побед, Буиды начали собственную игру, захватив Среднюю Персию и собираясь захватить Хузистан³⁷⁴.

Теперь при их помощи очередным халифом стал брат покойного халифа аль-Муктадира *аль-Мутиу Лиллах аль-Фадл ибн Джафар аль-Муктадир* (946—974). Надо сказать, не сразу *истинный* правитель Халифата Муизз ад-Даул решил поставить аль-Мутиу на трон — как шиит, он вообще считал Аббасидов ренегатами и узурпаторами и подумывал о том, чтобы вернуть власть потомкам Али ибн Абу Талиба. Впрочем, по здравом размышлении он оставил эту идею, опасаясь, что любой Алид, как духовный вождь шиитов, непременно ограничил бы власть Буидов. Поэтому Муизз ад-Даул просто отменил должность визиря, как и многие другие при особе халифа, а самого правителя правоверных сделал декоративной фигурой. Халифу начислили денежное содержание в 100 дирхемов,

и специальный секретарь вел записи о расходах — единственный чиновник, оставшийся при нем³⁷⁵.

Более того, не желая оставаться в тени, Муизз ад-Даул присвоил себе титул *султан*, оставив для халифа лишь полномочия духовного правителя арабов. Но поскольку сам султан являлся шиитом, это главенство не значило для него лично *ничего*. Попутно Буиды овладели всей Персией до границ с Хорасаном, не считая Багдада — жемчужиной в любых руках — и стали сильнее почти всех остальных мусульманских правителей Халифата³⁷⁶.

И теперь западные границы стали привлекать к себе все больше внимания василевса. В 943 г. венгры напали на римские земли, но патрикий Феофан заключил с ними мирный договор. Пользуясь передышкой от военных действий, Лакапин соорудил множество городов во Фракии и Македонии, а также множество царских дворцов, приютов для стариков, гостиниц для путников и ночлежек для бедняков³⁷⁷. К числу успехов, цену которых невозможно определить только в военном отношении, следует считать возвращение в Константинополь образа Христа из Эдессы. Когда византийское войско осадило этот город, арабы, изнемогшие от обороны, предложили Роману Лакапину через своих послов выдать образ Христа и вернуть всех пленных в обмен на обещание мира. Разумеется, император согласился, и 15 августа 944 г. патрикий Феофан прибыл к Золотым воротам, где Роман I, его сыновья, патриарх Феофилакт и весь синклит на коленях встретили святыню. После торжественной процессии ее доставили в храм Святой Софии³⁷⁸.

Переговоры с Эдессой не помешали грекам продолжить военные действия в Месопотамии и захватить город Рас-Айн. Возвращение чудотворного образа Спасителя самым лучшим образом сказалось на боевом духе константинопольцев. И когда в 944 г. поступили сведения о новом походе Русского князя Игоря в союзе с печенегами на греческую столицу, Лакапин просто направил к нему послов с предложением мира. Князь посоветовался с дружиной, а потом, уже стоя на берегу Дуная, решил вернуться обратно, удовлетворившись условиями, предложенными Византийским императором. Естественно, греки приписали мирное разрешение конфликта чудесной иконе³⁷⁹.

Между россам и византийцами был заключен мирный договор, как между двумя *равноправными сторонами*. Причем, как следует из текста документа, среди россов уже было много христиан,

и наши предки клялись следующим образом: «Кто помыслит от страны Росской разрушити таку любовь, то принявшие крещение да примут наказание от Бога Вседержителя, а некрещенные да не имуть помощи от Перуна»³⁸⁰. А осенью 944 г. Варда Фока совершил очередное удачное нападение на Сирию, захватив города Мараш и Баграс — важный путь для прохода через Киликийское ущелье. Зато в октябре 944 г. арабский полководец Сейф-ад-Даул нанес поражение грекам у Алеппо, хотя и сам понес значительные потери, не позволившие ему развить свой успех.

Тем временем в Пелопоннесе беспокоились славянские племена *милингов* и *езеритов*. Они уже давно стремились к автономии и значительно преуспели в этом, пользуясь тем, что основные силы византийцев были сконцентрированы на Востоке. Чтобы привести их к былому повиновению, император Роман I Лакапин приказал стратигу фемы Пелопоннеса протоспафарию Криниту Аротру выступить против сепаратистов с войском. Действия греческой армии были успешными — они сожгли все посевы и разорили славянские селения, внушая врагам страх. Доведенные до крайности, славяне вскоре попросили простить их за былые прегрешения перед императором и выразили свою покорность³⁸¹.

Удивительно, но презираемый и ненавидимый высшим светом Римской империи император Роман I сумел отразить практически все атаки на Византию и добиться впечатляющих военных успехов. Стабилизировав, насколько это вообще было возможно, политическую ситуацию в Византии, он, сын малограмотных крестьян, постоянно опасавшийся заговоров в отношении себя и своей власти, отбил все атаки сарацин и многое сделал для восстановления границ Римской империи в прежних пределах. После двух столетий обороны при нем византийская армия начала медленно *наступать*. Пограничные провинции получили некоторую передышку от набегов сарацин, и в течение последних 12 лет царствования Лакапина арабские отряды лишь дважды решились пересечь византийскую границу. Василевсу Роману I Византия была обязана выбором и продвижением на первые роли наиболее талантливых полководцев римской армии — Иоанна Куркуаса, Льва, Варды и св. Никифора Фоки³⁸².

Поставив их на высшие военные должности, доверившись им, Роман Лакапин сумел получить стратегический перевес над мусульманами. При нем греческие войска дошли до удаленных

уголков Сирии, освободили от арабов земли Армении, вследствие чего ислам был оттеснен за озеро Ван и Битлис. Византийская граница была отодвинута от Галиса до Евфрата и Тигра, и ряд вновь созданных провинций (фемы Севастея, Месопотамия, Селевкия, Ликанд) свидетельствовал о значительности византийских завоеваний. Армения и Иверия сбросили с себя иго ислама и вошли в сферу византийского влияния³⁸³.

Каждая провинция, каждый город теперь должны были прилагать титанические усилия, чтобы противостоять могучему Куркуасу и его армии. А тот продолжал серию своих побед, овладев в 942 г. Низибисом и даже Рас аль-Айном³⁸⁴.

Интересно, что, начиная с 947 г., вместе с византийской армией в войне с арабами принимали участие и болгарские отряды, немало способствовавшие успеху христианского оружия³⁸⁵.

Эти успехи давали некоторые шансы василевсу на реализацию собственных планов. Вновь и вновь Лакапин строил комбинации, способные обеспечить права на императорство членов своей семьи. Но каждый раз его ждало разочарование: помимо внешних врагов, с завидной регулярностью организуемых против него заговоры, он встретил жестокую оппозицию со стороны *собственных сыновей*, венчаных им на царство. «Первой ласточкой» была история, напрямую связанная с именем легендарного полководца Иоанна Куркуаса. Видя, насколько тот успешен в сражениях и популярен в обществе, император благоразумно решил женить его дочь Ефросинью на своем внуке, будущем императоре Романе II, сыне Константина Порфирородного и его дочери Елены. Но намерение императора только вызвало зависть к Куркуасу со стороны детей Лакапина. Конечно, это было с их стороны просто неумно: в условиях *политической изоляции* их семейства царям Стефану и Константину следовало бы отбросить в сторону личные мотивы и сплотиться с потенциальными союзниками, а не создавать из них новых врагов. Тем не менее Иоанн, получивший титул доместика схол, в 945 г. был вынужден оставить свой пост³⁸⁶.

Поскольку женитьба внука Лакапина малолетнего Романа на дочери Иоанна Куркуаса не состоялась, император направил в 944 г. послов к королю Бургундии Гуго с предложением выдать за Романа его незаконнорожденную дочь Берту. Видимо, это событие окончательно разуверило сыновей Романа I в планах их отца — они почему-то решили, что от этого выиграет Констан-

тин VII Порфирородный. Это было совершенно дикое предположение, не имеющее под собой никакой почвы. Неблагодарные сыновья забыли все, что в течение десятилетий делал их отец, чтобы обеспечить права детей на царский престол. Образовалась новая интрига против Лакапина, не оставшаяся тайной для императора. В отместку Роман I издал свой последний закон, согласно которому императором в случае его смерти и отставки должен считаться Константин VII, а Стефана и Константина следует поминать *после* законного царя. Под конец жизни он все больше времени начал проводить с монахами, пытаясь найти душевное спокойствие. Как натура совестливая, василевс все чаще вспоминал, что его приход к царству был связан с клятвопреступлением и обманом. Чтобы хоть как-то вернуть долг совести Константину Порфирородному, он составил завещание, согласно которому единоличная власть в Римской империи после смерти Романа Лакапина должна перейти исключительно потомку императора Льва VI Мудрого³⁸⁷.

Вскоре сыновья императора дерзнули на невиданное преступление. В конце декабря 944 г. Стефан и Константин удалили отца из царского дворца, постригли в монахи и приготовились сослать на остров Прот. Падение и ссылку императора должны были разделить монах Сергей, племянник патриарха св. Фотия, и будущий Константинопольский патриарх св. Полиевкт. 16 декабря 944 г. Стефан и Константин перенесли больного отца на лодку, чтобы отправить в ссылку, но тут неожиданно заволновался Константинополь, где пронесся слух, будто сыновья Романа Лакапина убили Константина Порфирородного. Чтобы успокоить народ, Константина VII срочно показали перед публикой, и толпа тут же шумно объявила его *законным* Римским царем³⁸⁸.

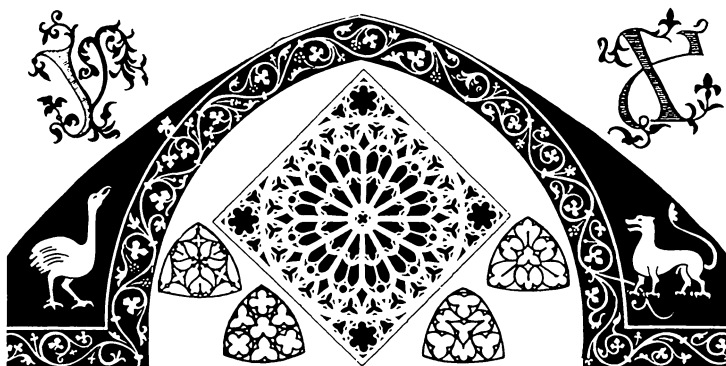
Константин Порфирородный был к тому времени уже зрелым человеком, видевшим множество дворцовых интриг и вполне поднаторевшим в них. Поэтому он не стал терять времени, а тут же назначил Варду Фоку магистром и domestikом схол, командующим флотом сделал Константина Гонгилу, а главными стратигами — других достойных людей из числа своих сторонников. Великим этериархом и патрикием стал Василий по прозвищу Петин, а комитом конюшни был назначен Марианн Аргирои, с которого Константин VII приказал снять монашеское облачение. Михаил Куртикий стал друнгарием виглы.

Возникло «*троецарствие*», по счастью, продолжавшееся недолго. 27 января 945 г. Константин Порфирородный отдал приказ арестовать Стефана и Константина. «Если они не пожалели родного отца, то почему они должны пожалеть меня?» — сказал император своему ближайшему окружению. Братьев привели к царю со ртами, набитыми едой — их вывели прямо из-за стола, где они трапезничали, постригли в монахи и отправили на остров Прот. Говорят, увидев сыновей, несчастный Роман Лакапин воскликнул: «Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против меня!» Затем Константина и Стефана отправили в другие места, определенные им для вечной ссылки. Стефан проживал на острове Приконис, а Константин — в Самофракии. Там он попытался бежать, убил охранявшего его протоспафария Никиту, но был заколот солдатами и похоронен с почестями в гробнице, где покоилась его первая жена Елена. Оставшиеся в Константинополе патриарх Феофилакт и паракимомен Феофан попытались вернуть власть старому Роману I, но их неумелый заговор был без труда раскрыт Константином VII. Другой такой же неудачный заговор был составлен в пользу сосланного Стефана — заговорщиков на этот раз довольно жестоко наказали.

А 15 июня 948 г. скончался престарелый Роман I Лакапин, тело которого перевезли в Мирелею. Как говорят, в Святой Четверг, в присутствии 300 монахов (!), приехавших со всех уголков Римской империи и даже из самого Рима, он громко перечислил все свои грехи, прося отпустить их. Затем перед Святым престолом молодой монах высек бывшего императора плетью, после чего Роман вернулся в келью³⁸⁹. Как видно, совесть до последнего дня не давала ему покоя. Но, с другой стороны, много ли подобных примеров видела история, не говоря уже о новейшем времени?

Позднее скончался и соимператор Стефан, а сына императора Христофора, малолетнего Михаила, также носившего царский сан, причислили к клирикам³⁹⁰. Теперь уже никто не мог притязать на власть, кроме одного человека. Началось *единоличное правление* императора Константина VII Порфирородного.





XLV. ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН VII ПОРФИРОРОДНЫЙ (945—959). ЕДИНОЛИЧНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Глава 1. Царствие ученого-императора

Новый император, только по прошествии двух десятилетий получивший право на единоличное правление, являлся к тому времени уже зрелым человеком — ему исполнилось 40 лет. Он был высок ростом, широкоплеч, розовощек, красавец с орлиным носом. Константина Порфирородного выделяли прирожденное благородство, приветливость в общении с людьми и незлобивость. Царь отличался спокойствием и выдержкой, любил хорошо поесть и выпить вина. Щедрый к друзьям и незлопамятный к врагам, он очень нравился византийцам³⁹¹.

Возможно, он был менее деятельным, чем другие выдающиеся Византийские василевсы, и занимался государственными делами не больше, чем литературными и научными трудами. При помощи целой армии писцов царь составил многочисленные сборники по практически всем отраслям наук. Никто и никогда не мог похвастать таким количеством трактатов по истории, дипломатии, правоведению, агиографии, медицине, агрономии, естествознанию и хирургии, как Константин Порфирородный. Кроме того, император был страстным коллекционером и великолепным художником. Это был своего рода *сибарит*, но полный чувства цар-

ского достоинства и прекрасно понимавший свои обязанности перед Римским государством. Все отмечают, что василевс являлся прекрасным кадровиком, замечательным управленцем и чутким, незлобивым, неизменно-учтивым правителем³⁹².

В целом царствование императора Константина VII Порфирородного начиналось, несмотря на неоднократные попытки (хотя и безуспешные) Константинопольского патриарха Феофилакта и старых друзей Романа Лакапина вернуть Стефана на царство, довольно спокойно и успешно в военном отношении. Хотя арабы на Востоке и Западе по-прежнему беспокоили Византию, зато болгары, царь которых св. Петр демонстрировал миролюбие, не собирались воевать. Армения в годы его правления жила в условиях, пожалуй, самого мирного периода в истории своей государственности. Желая ликвидировать венгерскую угрозу, Константин Порфирородный предусмотрительно завязал дипломатические отношения с Западным императором Оттоном I Великим. Уже в 945 г. он направил к нему посольство, а в 955 г. поздравил по случаю победы германских войск над венграми под Аугсбургом.

В этом же году произошло международное событие, промыслительно предопределившее судьбу России и характер взаимоотношений между двумя великими народами — русским и греческим. В конце лета 955 г. в Константинополь прибыла *святая княгиня Ольга*, преследовавшая, очевидно, не только дипломатические цели (пролонгацию мирного договора), но и культурные. По-видимому, это было уже второе посещение св. Ольгой греческой столицы, но, конечно, самое важное для истории христианской цивилизации. 9 сентября 955 г. в ее честь был устроен торжественный прием у императора. Княгиню приняли с соблюдением всех правил церемониала: ее провели по многочисленным залам Большого дворца и ввели в великий триклиний Мангавры, где стояло чудо света — трон Соломона. Вокруг него располагалось множество сановников в золотых одеждах, а за занавесками скрыто стояли золотые и серебряные органы, издававшие прекрасные звуки мелодий. Затем на троне внезапно поднялись золотые рыкающие львы, и стоявшие за треном золотые деревья неожиданно украсились золотыми же птицами. Они раскрывали клювы, и мелодия от скрытых музыкальных инструментов, как казалось, лилась из их глоток. Святую Ольгу принял вначале император, а затем и царица — особая честь, которой удостоивался далеко не каждый иностранец.

В этот же день был дан роскошный обед, на котором княгиня сидела за одним столом с царской четой, а вокруг пели певчие и давались сценические представления. В другом зале дворца были накрыты столы для княжеской свиты, которых насчитывалось 88 мужчин — бояре, купцы, военные люди, и 35 женщин. 18 октября 955 г. был дан еще один обед, и на этот раз святая княгиня восседала рядом с императором, а царица со всей императорской семьей располагалась за отдельным столом. Нет сомнений, что пышность и величие царского дворца и в целом Константинополя произвели неотразимое впечатление на россов; особенно поразили святыни и храм Святой Софии. Росская княгиня приняла Святое Крещение, и ее восприемником стал сам император Константин VII Порфирородный. По примеру святой Ольги вся остальная свита также приняла Крещение. После этого отношения Римской империи с Русью качественно изменились к лучшему³⁹³.

Помимо этого, император Константин VII занялся восстановлением порядка и правосудия в Византийской империи. Узнав о том, что дворцы замечательных защитников Римского государства полководца Иоанна Куркуаса, магистра Романа Саронита и многих других вельмож были разграблены в период последних дворцовых волнений, он тут же приказал епарху Константинополя вернуть потерпевшим все их имущество. И хотя самовластный чиновник возвратил им только десятую часть похищенного, явно бойкотировав приказ василевса, окружающие обратили внимание на настрой мыслей нового царя.

Следующие шаги Константина Порфирородного также снижали к нему любовь населения. Постоянно демонстрируя миролюбие, желая консолидировать все силы византийского общества и покончить с расколом политической элиты, василевс не стал карать бывших товарищей своего предшественника. Так, например, он назначил незаконнорожденного сына императора Романа I Лакапина Василия Варвара (тот был рожден от русской наложницы) — умного, рассудительного и удачливого человека, патрикием. И Василий действительно стал хорошим помощником василевсу. В частности, в 958 г. он вместе с Иоанном Цимисхием принял участие в военном походе и удачно воевал, неоднократно проявляя личное мужество и талант полководца. Помимо этого, патрикия и препозита Иосифа Вринге он назначил друнгарием флота, а Варду Фоку — командующим сухопутной армией.

Как и прежние Римские императоры, Константин VII считал своим прямым долгом *лично* рассматривать судебные жалобы. В окружении адвокатов и знатоков права он часто выносил решения по самым сложным делам. Хорошо поставленная система государственного управления позволяла царю оперативно получать донесения о том, что творится в самых дальних уголках Византийской империи. Его глазам открылись страшные картины чиновничьих злоупотреблений в провинциях. Чтобы разобраться и наказать виновных, царь направил на периферию своих близких помощников: магистр Роман Саронита отбыл в фему Анатолик, магистр Роман Муселе — в Опсикий, патрикий Фотий — во Фракию, Лев Агеласт — в Армениак.

Спокойно и не торопясь, не поддаваясь гневу, царь отчитывал своих архонтов. Не желая создавать себе врагов — очень мудрая политика в период еще не улегшихся политических страстей, — император менял дурных чиновников, предварительно одаривая их. Так, в частности, упомянутый выше эпарх Константинополя Феофил, проигнорировавший приказ императора, получил титул патрикия, а затем был освобожден от занимаемой должности, которую занял протоспафарий Константин, преподаватель философии в столичной академии.

Почитая превыше всего христианскую добродетель, царь в самом начале своего единодержавного правления повелел освободить всех заключенных, томящихся в тюрьмах. Получая множество жалоб относительно спекуляций и незаконных приобретений земли со стороны местных вельмож, император созвал синклит и провел любопытный закон. Согласно царскому эдикту, все, кто разбогател с начала его правления, обязывались вернуть приобретенное имущество беднякам обратно без всякого вознаграждения³⁹⁴.

Получив известия о том, что изложенные ранее новеллы императора Романа Лакапина часто игнорируются «властителями», Константин VII Порфирородный продолжил его политику по защите мелких свободных крестьян. В 947 г. василевс издал новеллу, в которой обобщил негативную практику Анатолийской и Фракисийской фем. «От многих мы слышали, что “властители” и выдающиеся мужи в феме Фракисийской, презирая царские законы и самое естественное право, не перестают вкупаться в села или вступать в них посредством дарения и наследства, и под этим предлогом тиранствуют над несчастными “убогими”, стгоня их

с собственных полей, вытесняют с земли, им принадлежавшей». Император подтвердил неизменность старого закона и объявил, что *любое* приобретение земли, совершенное в период с 928 по 945 гг., является незаконным и подлежит отмене³⁹⁵.

Позаботился император и о римской армии. Любопытны слова императора, никогда не бравшего в руки оружие, о значении армии в жизни Империи, сохранившиеся в указанной новелле. «Что в теле голова, то в государстве войско. Сообразно с тем и другим состоянием все изменяется; кто не прилагает о них большой заботы, тот погрешает против собственной безопасности. Так как с течением времени воинское устройство ослабело, а источники, откуда стратиоты получали средства к существованию и жизни, сделались более скудными и затруднительными, то наше царство приняло меры для приведения их в более благоприятное состояние, благоволив учинить дело, полезное для всех». Затем следует результирующая часть: «Мы постановляем то самое, что неписанный обычай уже ранее утвердил — именно, что не позволено стратиотам продавать имения, с которых они отправляют воинскую службу, а, напротив, нужно, чтобы для каждой службы сохранялось недвижимое имущество»³⁹⁶.

Безвольный и бесталанный патриарх Феофилакт не был, конечно, помехой императору (как не являлся и помощником), и Константин VII терпеливо дождался естественного окончания его архиерейства. Тот тяжело заболел в 956 г. и вскоре умер. На его место император назначил Константинопольским патриархом *св. Полиевкта* (956—970), монаха, известного своим аскетизмом и ученостью, — все считали его вторым св. Иоанном Златоустом³⁹⁷. Правда, отношения между царем и патриархом вскоре приняли натянутый характер. Константин Порфирородный, как и Роман Лакапин, вовсе не собирался отказываться от своих прав в части управления Восточной Церковью, что очень не нравилось столичному архиерею. До открытого разрыва отношений дело не дошло, но и особой доверительности между ними не возникло.

Воспитанный, скорее, ученым, чем василевсом, Константин Порфирородный очень много времени уделял восстановлению императорского образа, несколько подпорченного во времена «семицарствия», и распространению науки в византийском обществе. Основную деятельность по управлению Римским государством осуществляла его жена Елена, сформировавшая вокруг себя кру-

жок доверенных друзей. А василевс создавал новые школы и взял действующие учебные учреждения под личное покровительство. Он своими трудами восстановил в Византийской империи астрономию, геометрию, арифметику, музыку, стереометрию и, конечно, философию. Во главе всех византийских школ находилась Константинопольская академия, в которой существовало 4 факультета — философский, риторический, геометрический и астрономический. Это не были сугубо «теоретические» учебные заведения; в случае необходимости предметом исследований являлись и практические вопросы. В частности, там была разработана «Земледельческая энциклопедия»³⁹⁸.

Словно реализуя идеи Платона, император назначал на высшие должности в государственном управлении ученых мужей. Протоспафария Константина, философа и мистика, патрикия Никифора, знатока геометрии, асикрита Григория, сведущего в астрономии, он ввел в ближайший круг, сделал их постоянными участниками царских обедов и делил с ними минуты отдыха. Из их учеников царь назначал судей, секретарей, клириков, чем заметно оздоровил чиновничьи кадры. Помимо этого, император много писал. Его перу принадлежит несколько выдающихся произведений, по счастью, дошедших до нашего времени. Помимо сочинения «О фемах», особый интерес представляет работа «Об управлении империей», написанная как руководство по управлению Римским государством для единственного сына и будущего Римского императора Романа II.

«Восприми, — обращается он в предисловии книги к сыну, — что тебе должно узнать в первую очередь, и умно возьмись на кормило власти. Поразмысли о настоящем и вразумись на будущее, дабы соединить опыт с благоразумием и стать удачливым в делах. Учти, для тебя я пишу поучение, чтобы в нем соединились опыт и знание для выбора лучших решений, и чтобы ты не погрешил против общего блага. Сначала — о том, какой иноплеменный народ и в чем может быть полезен римлянам, а в чем вреден. Все это я продумал, — продолжает василевс, — наедине с собой, и решил сделать известным тебе, любимому сыну моему, чтобы ты знал особенности каждого из народов: как вести с ними дела и приручать их или воевать и противостоять им. Ты будешь казаться страшным для них, и от лика твоего дрожь объяст их. И Вседержитель укроет тебя Своим щитом, и вразумит тебя твой Создатель»³⁹⁹.

Энциклопедичность познаний императора, *часть* которых он перенес на бумагу, просто поражает воображение. И хотя говорят, что данная работа представляет собой известную компиляцию более ранних сочинений, но, несомненно, уже сам по себе факт знакомства с ними императора позволяет оценить его интеллект. Кроме того, систематизация многих трудов сама по себе представляет далеко не простое занятие, требующее знаний, терпения, навыков работы с пером.

Другая общеизвестная работа василевса, «О церемониях Византийского двора», также открывает много интереснейших деталей из официальной жизни царского дворца. Справедливо отмечают, что нет в области церковной и политической истории Византии такого предмета, которого бы не касалась книга «О церемониях». Мы узнаем о порядке избрания патриархов, характер их отношений с василевсами, устройство греческого храма, количество и порядок проведения праздников. Здесь же содержатся описание коронации Римских царей, процедура празднования их свадеб, крещения царских детей, производство придворных в следующие чины. Описывается, как византийцы отмечали народные праздники, принимали иностранные посольства и многое, многое другое⁴⁰⁰.

Стараниями Константина Порфирородного было сооружено пристанище для бедняков и приют для стариков, в который переделали бывшие роскошные конюшни патриарха Феофилакта. Особой любовью царя пользовалась музыка, и василевс сам любил составлять хоры, назначать регентов, слушал пение и не раз становился сам в хор певчих.

На протяжении всей своей долгой жизни василевс сохранил любовь и нежность к своей супруге, императрице Елене. Когда она всерьез занемогла, то обратилась с просьбой к супругу даровать построенному ей странноприимному дому земельные имения, а специальными хрисовулами (грамотами, заверенными золотой царской печатью) обеспечить их поддержку за счет казны. Царь немедленно выполнил все просьбы. Больная женщина радовалась, видя, насколько дружно живут ее муж, сын и 5 дочерей — Агафья, Зоя, Анна, Феофания и Феодора. Следует заметить, что из всех своих дочерей император особенно отличал Агафью, которая постоянно помогала ему в государственных делах и посредничала, как секретарь, во многих вопросах⁴⁰¹.

Дела в государстве шли совсем неплохо, и царь имел возможность направлять значительные средства на строительство новых дворцов (в частности, он построил дворец для своего сына Романа) и реконструкции старых, на украшение столицы и церквей, а также выделил средства на укрепление имперского флота.

Наконец, император Константин VII договорился с эмиром Египта Ихшидом об обмене пленными и направил для проведения этой процедуры Иоанна Куркуаса. Эмир Ихшид в это время воевал с записным врагом Византии Сирийским эмиром Сейф-ад-Даулом. Желая привлечь Ихшида на свою сторону, еще император Роман Лакапин завязал обмен пленными, вследствие которого свободу получили около 2,5 тыс. греков. Надо сказать, что при всей внешней простоте обмен пленными всегда признавался *тонким* мероприятием, при котором приходилось проявлять хитрость, мужество и находчивость. Не раз и не два обмены пленными срывались по причине взаимного недовольства сторонами друг другом и неурегулированности некоторых пунктов договора. Но на этот раз Куркуас удачно провел эту операцию на реке Ламос⁴⁰².

Это событие примечательно еще по одной очень любопытной причине. Предваряя переговоры, Лакапин направил эмиру письмо, полное новых интонаций. «Ты познал сам и много слышал от других о высоте и величии царства римлян, о том, что оно является самым сильным и могущественным на земле, о том, какими богатствами и земными благами оно владеет. Если ты возымел намерение сделаться другом нашего величества, сообщи нам через верного тебе и подходящего человека о том, какую и ты имеешь искреннюю любовь к нам, чтобы мы из этого могли убедиться в твоём намерении. И если ты хочешь всецело быть нашим другом, если тебе угодно жить в пределах наших, то мы почтим тебя званием архонта и прикажем Каикию, магистру Апасикию и другим правителям на Востоке, живущим в тех же пределах, подчиняться твоим советам и словам». Иными словами, император предложил сарацину принять римское гражданство и *присоединить Египетский эмират к Римской империи (!)*.

Далее василевс выдвинул еще более соблазнительное предложение — если эмир пожелает прибыть в Константинополь, то ему окажут великий прием и даруют титул патрикия. Конечно, араб не принял этого предложения, но сама по себе возможность получить почетный римский титул и завязать дружбу с сильнейшим импе-

раторским двором Вселенной ему очень льстили. Роман Лакапин не дожидаясь конца переговоров, и теперь Константин Порфирородный завершил начатое им дело. Однако 11 июля 946 г. Ихшид умер, и надежда на приобретение могучего союзника растаяла, как дым⁴⁰³.

Глава 2. Неудача на Крите. Стратегический перелом в войне с арабами

Едва заступив на царство, Константин Багрянородный решил во что бы то ни стало вернуть Римской империи остров Крит. Арабы, поселившиеся на нем, донимали своими набегами прибрежные византийские земли и составляли серьезную угрозу греческому мореплаванию. Подготавливая экспедицию, император вначале заключил мирный договор с могущественным правителем Испании *Абд-ар-Рахманом III* (929—961) и получил дипломатическую поддержку со стороны короля Оттона I Великого. В августе 947 г. византийское посольство во главе с Саломоном достигло Кордобы, где ему устроили пышную встречу; в ответ греки передали эмиру дорогие подарки, среди которых находилась книга по медицине Диоскорида. После коротких, но содержательных переговоров эмир согласился заключить мирный договор и направил в Константинополь ответное посольство с аналогичными дарами⁴⁰⁴.

Но мирный договор и обещание не выступать на стороне единоверцев в случае войны с византийцами — разные вопросы. Поэтому еще почти 2 года длились переговоры между Кордобой и Константинополем, пока в 949 г. тайное согласие от испанских Омейядов, хотя и с большой неохотой, было получено. Пока шли переговоры, император Константин VII, не стесняясь в средствах, организовывал мощную экспедицию, в состав которой вошло более 80 судов, множество солдат, включая более 600 россос и 1 тыс. наемников. Особенную заботу императора вызвала кавалерия, вошедшая в экспедиционный корпус в количестве 5 тыс. всадников. Летом 949 г. флотилия отплыла, хотя св. Павел Латрский, с которым царь состоял в переписке, не советовал начинать эту войну. Общее руководство флотом осуществлял патрикий Константин Гонгила, родом из Пафлагонии, совершенно неопытный в военных делах

придворный евнух. Это обстоятельство и предопределило грядущее поражение византийцев.

Высадившись на Крите, Гонгила раз за разом демонстрировал полное незнание основ стратегии и тактики военного дела. В частности, он не озадачился обустройством лагеря и не задумался над тем, чтобы обеспечить контроль над передвижениями неприятеля. Быстро поняв, *кто* находится перед ними, арабы приступили к активным действиям. Однажды ночью они напали на греческий лагерь и одержали блистательную победу — сам Гонгила едва спасся бегством, а большинство солдат римской армии сложили свои головы⁴⁰⁵. Блестяще подготовленная операция была с позором провалена вследствие нераспорядительности полководца. Данная неудача так расстроила византийцев, что еще долгое время они боялись помышлять о реванше.

Если, как говорилось выше, императору Константину Порфирородному удалось поддерживать мирные отношения почти со всеми потенциальными врагами, то арабская угроза была по-прежнему весьма актуальна. Еще в 945 г. сицилийские сарацины внезапно обратились к василевсу с требованием возобновить старые платежи за обещание мира и вернуть перебежчиков. Константин Порфирородный отказал им, и вскоре начались *локальные* военные действия. Впрочем, византийцы вовсе не собирались отсиживаться в глухой обороне, постоянно предпринимая попытки перехватить *стратегическую инициативу*. Так, в 951 г., не дожидаясь атаки мусульман, византийцы высадили в Италии, в Торенто, войско под командованием патрикия Малакина, который должен был соединиться со стратигом Калабрии Пасхалием. Им навстречу двинулась арабская армия под командованием правителя Сицилии *ал-Хасана*, получившего серьезные подкрепления из Африки. Осадив город Джерачи, сарацины надеялись захватить город, но вскоре получили известие о приближающейся греческой армии, взяли выкуп с горожан и ушли; византийцы не стали их догонять и вернулись в Бари и Отранто⁴⁰⁶.

Видимо, византийские военачальники не имели никакой власти над своим войском, поскольку их солдаты прославились только грабежами мирного населения, боявшегося греков больше, чем арабов. Как известно, состояние дисциплины напрямую влияет на боеспособность армии, и неудивительно, что в 952 г. византийцы были разбиты *ал-Хасаном* у того же самого города Джерачи, хотя

и превосходили арабов численностью. Сам патрикий Малакин пал в сражении. Сразу после этого Константин Порфирородный предложил правителю Сицилии заключить мир, и тот принял предложение. Интересно, что одним из условий мирного договора являлось разрешение мусульманского обряда в Калабрии, все еще остававшейся византийской территорией. Видимо, это обстоятельство, а также желание восстановить утраченное влияние на Юге Италии и на Сицилии спровоцировало еще несколько малоудачных операций византийцев против сарацин. Но в итоге осенью 958 г. был заключен новый мирный договор, длившийся до начала правления императора св. Никифора Фоки⁴⁰⁷.

С переменным успехом шли военные действия и на Востоке, хотя постепенно стало выясняться, что византийцы мало-помалу *вытесняют* сарацин с ранее завоеванных территорий Римской империи. Уже победы Иоанна Куркуаса, одержанные им в Армении, заставляли арабов пребывать в страхе при появлении известий о наступлениях византийских армий. К тому же дворцовая сумятица и ярко выраженный сепаратизм привели к тому, что каждый город и провинция вынуждены были самостоятельно обороняться от могущественного Константинополя, восстававшего, как птица Феникс из пепла, при каждой неудаче. Уже в 942 и 944 гг. Куркуас овладел Низибисом и Рас аль-Айном, и только отзвев его с театра боевых действий вследствие наговора на полководца со стороны завистников задержал на время дальнейшую экспансию Византии на Востоке⁴⁰⁸.

Используя то обстоятельство, что эмир Алеппо *Сейф-ад-Даул* (945—967), завоевавший с помощью арабского племени *вану-килаб* этот блестящий город, жемчужину Северной Сирии, вступил вследствие этого в конфронтацию с Египетскими Ихшидами, Дамаска, византийцы вскоре усилили натиск на сирийской границе. Весной 948 г. они сделали удачное нападение на приграничную арабскую крепость, но сарацины догнали их и отбили захваченную добычу. В это же время византийское войско под командованием Варды Фоки осадило город ал-Хадас. Помощь от сирийских арабов так и не пришла, и вскоре осажденные сарацины сдались грекам. Весной 949 г. римляне вновь вторглись в арабские пределы, захватили город Мараш и разбили возле него войско Сейф-ад-Даула. Не встречая сопротивления, византийцы вторглись в область города Тарса и нанесли его гарнизону тяжелое поражение. Развивая успех,

Лев Фока летом 949 г. вступил в пределы Антиохийского города Бука, разбив попутно очередной арабский отряд, — те потеряли более 400 человек только убитыми и много пленными. Осенью того же года византийцы захватили крупный центр Каликалу (Эрзерум, Феодосиополь) и разгромили другой арабский отряд. После этого на целый год наступило затишье в действиях⁴⁰⁹.

24 января 952 г. пришла еще одна радостная весть — византийский флот разгромил африканских арабов в тяжелом морском бою, но победа стоила того. Сразу после битвы эмир Египта предложил заключить долгосрочный мирный договор, а эмир Персии, также потерпевший несколько чувствительных уколов в боях с греками, поспешил заявить о своем миролюбии⁴¹⁰.

Однако, примирившись с единоверцами, Сейф-ад-Даул решил взять реванш у греков за поражения последних лет. В конце сентября 950 г. его войско, насчитывавшее до 30 тыс. воинов, двинулось на Каппадокию. Поначалу все шло очень даже неплохо для арабов: они брали одним за другим небольшие города и пленили множество людей. Насытившись добычей, в преддверии зимы сарацины повернули обратно. Но, когда арабские отряды, составлявшие войско Сейф-ад-Даула, стали разбредаться по домам, внезапно выяснилось, что греки под командованием Льва Фоки все время скрытно шли за ними по пятам. И на одном из горных перевалов в области Хадаса византийские отряды перерезали арабам дорогу, поставив их в затруднительное положение. В бешенстве эмир Сирии приказал резать 400 греческих пленных, находившихся впереди колонны, но это не спасло его от могучего натиска византийской армии — почти 5 тыс. арабов нашли свою смерть в битве 26 октября 950 г. и около 3 тыс. попали в плен⁴¹¹.

Два последующих года прошли в параллельных наступлениях и кратких, ожесточенных сражениях, где удача попеременно улыбалась каждой из сторон. С учетом того, что совокупно арабское войско численно превосходило греков, эмир Сирии, закрепившийся на византийских территориях, легкомысленно посчитал, что его победа предрешена. В первое время он удачно грабил приграничные земли, а затем решил дать отдых своей армии. Но византийские полководцы придерживались иной точки зрения — соединив свои силы, они направились вслед уходящим арабам. Летом 952 г. греки перешли Евфрат и, к великому раздражению Сейф-ад-Даула, овладели месопотамским городом Серуджем. Правда, как это бы-

вало не раз и ранее, в том же году Варда Фока потерпел поражение у крепости Мараш, восстановлению которой пытался помешать. В апреле 953 г. к Сейф-ад-Даулу явился греческий посол Василий из Родоса с предложением императора заключить мирный договор, но араб отверг эту инициативу. Примечательно, что св. Павел Латрский вновь заранее предсказал императору Константину VII результат данного посольства.

После этого по непредсказуемому капризу судьбы некоторое время удача в целом сопутствовала арабам. Летом 953 г. сирийцы вновь перешли в наступление, взяли крепость Малатию, а затем дали сражение сыну Варды Фоки Константину. Битва не выявила победителя, но потери у арабов были очень тяжелыми, и они повернули обратно, грабя все на своем пути. Вновь горели поселения в Северной Месопотамии и гибли люди. Император направил в 954 г. против сарацин Варда Фоку, но, к несчастью, стареющий полководец потерпел поражение 30 октября в битве с Сейф-ад-Даулом у горы ал-Ухайдиб. Арабы даже захватили в плен его сына Константина, который умер от ран по дороге⁴¹².

Поэтому в самом начале 955 г. император назначил вместо Варды Фоки доместиком схол его сына, блистательного полководца и стратига Анатолика св. *Никифора Фоку*, будущего императора Византии. Явившись к своему войску, Фока в сжатые сроки восстановил дисциплину и укрепил дух солдат. Руководствуясь старыми традициями, св. Никифор совершенно исключил случаи дезертирства, пьянства и неповиновения командирам со стороны стратиотов. Постоянно тренируя солдат в боевых упражнениях, полководец довел управление армией до высокой степени военного искусства. Его солдаты не боялись конных атак арабов, научившись плотно сжимать щиты и выстраивать лес из копий.

Весной 955 г. неожиданно взбунтовались фемы Калабрия и Лонгивардия. Они решили выйти из-под власти Византийского царя и заключить мирный договор с арабами, признав их власть над собой в обмен на покой и безопасность. Царь направил против них войско под командованием патрикия Иоанна, который осадил Неаполь и вскоре взял его штурмом. Ему деятельно помогал с моря флот под руководством патрикия Мариана Аргира. В результате вскоре эти территории были приведены в покорность.

Осенью 955 г. полководец св. Никифор Фока отправился к городу Хадасу и успешно разорял земли арабов, но, получив известия

о приближении эмира, спешно удалился — их силы были явно неравны. Константин VII вновь попытался убедить Сейф-ад-Даула заключить мир, но тот передал через послов, что для Римского царя у него есть всего три слова: «Меч, копьё, конь».

В 956 г. эмир напал на римское войско у крепости Телл-Батрик, командующим которого являлся Иоанн Цимисхий, и обратил того в бегство; погибло до 4 тыс. византийцев. Впрочем, арабская армия, оставленная для охраны крепости Аранда, потерпела поражение от Льва Фоки, который даже взял в плен арабского командующего Абу-л-Ашаира и отвез в Константинополь⁴¹³. Явившись в столицу, Лев Фока был удостоен высоких почестей от царя⁴¹⁴. Он же был назначен новым стратигом фемы Анатолик вместо своего брата св. Никифора.

Осенью 956 г. новая победа над арабами подняла дух римской армии. Византийский флот под командованием талантливого и опытного флотоводца патрикия Василия Ексамилита разгромил арабскую эскадру, вышедшую из Тарса для грабежа византийских приморских городов. Несмотря на очевидную разницу в силах, Василий проявил редкое хладнокровие и мужество, наголову разбив врага. Все арабские корабли сгорели, в плен попало около 2 тыс. арабских воинов. За эту победу патрикий Василий был удостоен триумфа в столице. В этом же году византийцев ждала еще одна большая радость: Антиохийский диакон Иов, напоив арабскую стражу, сумел выкрасть из Антиохийского храма и вывезти в Константинополь великую святыню — руку св. Иоанна Крестителя. Святыня была торжественно встречена константинопольцами, и сам император в первых рядах вышел навстречу религиозной процессии⁴¹⁵.

Не надеясь миром договориться с Сейф-ад-Даулом, император направил летом 958 г. Иоанна Цимисхия в Северную Месопотамию, где тот нанес тяжелейшее поражение арабской армии эмира Алеппо, уничтожив до 5 тыс. сарацин. Осенью 958 г. для поддержки Иоанна Цимисхия василевс направил своего помощника паракимомена Василия в очередной поход против правителя Сирии Саиф-ад-Даулы, и тот захватил крупнейший город этого края Самосату на берегу Евфрата. Чтобы помочь осажденному городу, арабский правитель направил для деблокады Самосаты войско, но в завязавшейся битве успех сопутствовал римлянам, наголову разгромившим врага. Василию в признательность за

блистательную победу император также даровал триумф в Константинополе.

Из других событий этого года следует выделить попытку угрожать напомнить о себе. На праздник Святой Пасхи внезапно случилось нападение венгров, неожиданно ночью ворвавшихся в римский лагерь и пленивших всех фракийцев (т.е. солдат Фракийской фемы). Но вовремя подоспевший domestikos экскувитов Аргир совместно со стратигами фем Вукеллариев, Опсикия и Фракисия отбили у варваров и добычу, и пленных⁴¹⁶.

Развивая успех прошлых лет, византийцы овладели Хадасом, а в 959 г. дошли до Эдессы и Харрана. И это, как мы вскоре увидим, были далеко не последние успехи римского оружия⁴¹⁷.

В целом, говоря о времени правления императоров Романа Лакапина и Константина Порфирородного, следует отметить, что при них успехи римского оружия на Востоке были очень значительны. По сравнению с предыдущими периодами многих унижительных (хотя зачастую и мелких) поражений византийцы захватили Мараш, Эдессу, Хадас, Феодосиополь, Самосат. В результате открылись дороги на Иерусалим, Антиохию, Тарс, Кипр. Тем самым, по одному замечанию, своими деяниями император Константин VII Порфирородный открыл эпоху Крестовых походов, расчистив путь западным армиям на Восток⁴¹⁸.

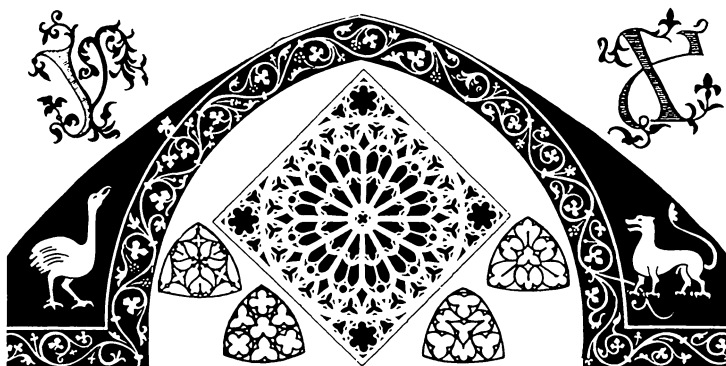
К сожалению, век императора Константина VII уже близился к своему завершению. Почувствовав болезнь, этот еще в принципе нестарый человек решил посетить святыне обители горы Олимп. Он отправился в Вифинию, оттуда в Никею, где поблизости располагался знаменитый с древних времен монастырь святого мученика Афиногена. Настоятель монастыря показал царю книгу, в которой расписался его отец, император Лев Мудрый, и заметил, что во время поездки прежнего царя некий святой старец предсказал появление здесь через годы наследника мудрого императора. Оттуда Константин Порфирородный отправился на Олимп, посетив множество келий и проводя время в благочестивых беседах с монахами⁴¹⁹.

Но во время возвращения домой самочувствие императора резко ухудшилось. Корабль, на котором плыл Римский царь, прибыл в Константинополь, и тотчас город огласился плачем и стенаниями — все жалели горячо любимого василевса. Уже находясь при смерти, император призвал своего сына и объявил того новым

Римским самодержцем **Романом II**. Поскольку наследник был еще очень молод, император назначил ему и помощника — препозита и патрикия Иосифа Вринге, взяв с того клятву оберегать сына и радеть об общем благе Римского государства.

6 ноября 959 г., когда царь испустил дух, августа Елена, царские дочери, препозит Василий и все близкие кинулись к смертному ложу покойного государя и оросили его слезами. Омытое тело василевса перенесли в Халку, где императора почтили прощальным поцелуем все архиереи, иереи, магистры, патрикии и весь синклит. Оттуда гроб перенесли в храм Святых Апостолов, а сенаторы сопровождали покойного василевса, идя за ним с погребальным пением. Согласно старинному обычаю, тело василевса положили на парадном одре, и перед тем, как печальная процессия двинулась дальше, глашатай воскликнул: «Встань, царь земной, и иди на призыв Царя Царей!»⁴²⁰ Вокруг толпилась масса горожан, горестно восклицавших и со слезами на глазах провожая в последний путь императора Константина VII. В храме Святых Апостолов приготовили усыпальницу, и сын лег рядом со своим отцом Львом VI Мудрым, которому оставался преданным всю свою жизнь⁴²¹.





XLVI. ИМПЕРАТОР РОМАН II (959—963)

Глава 1. Возврат Крита. Триумф византийского оружия в Сирии

Краткое царствие 21-летнего императора Романа II вначале обещало Римскому государству много благ. Юный василевс был крепок телом, красив лицом и статен. Стройный, как кипарис, высокий мужчина с копной светлых, пшеничных волос, с красивыми глазами и «римским носом», розовощекий, спокойный, приятный в беседах, он вызывал любовь у народа и восхищение у женщин. Воспитанный отцом как ученый, Роман II прекрасно владел словом и письмом и относился к числу самых образованных людей своего времени. Во многом походивший на отца — и внешне, как мы могли убедиться, и по складу характера, император всегда находил время, чтобы помимо государственных дел заняться любимыми забавами. Правда, со временем его интересы изменились, и вместо научных бесед василевса все более стали увлекать охота — царь был страстным охотником, игра в мяч, состязания на ипподроме и пиры⁴²².

Но этот юноша вовсе не был прожигателем жизни, как иногда пытаются показать. Уже первые шаги нового царя показали, что на трон вззошел человек, наполненный чувством ответственности за судьбу Римской державы и прекрасно разбирающийся в своих обязанностях. «Он любил родину, как мать», — скажет впослед-

ствии о нем анонимный летописец, и это истинная правда. Иными словами, Роман II был *настоящим самодержцем*. Первым делом император воздал почести некоторым престарелым товарищам и помощникам покойного отца, которым Византия была обязана последними победами. Но вслед за этим... удалил их от дел, набрав себе новый штат сановников.

Согласно последней воле Константина Порфирородного, главой синклита царь поставил друнгария флота, препозита Иосифа Вринге, способного (хотя и надменного) администратора, сосредоточившего в своих руках многие вопросы государственного управления. Протоспафария Иоанна Хирина он возвел в достоинство патрикия и назначил *великим этериархом*. Другой любимец императора, протоспафарий Сисиний, ученый муж и опытный государственный деятель, стал *логофетом геникона* (начальником податного ведомства). Эпархом Константинополя приказом царя был определен другой ученейший человек своего времени, его близкий друг, Феодор Дафнопат. Опытные юристы и благочестивые люди, они поддержали тот режим законности, который царил при императоре Константине VII, становясь, по словам летописца, «судьями для обидчиков».

Деятельность и опытность новых сановников замечательно иллюстрирует эпизод, случившийся в октябре 960 г. В силу неурожая Константинополь внезапно оказался на грани голода — ячменя и хлеба катастрофически не хватало. Тогда Иосиф Вринге отправил своих чиновников на Восток и Запад, чтобы те прекратили скупку хлеба частными торговцами в провинциях с целью перепродажи по спекулятивным ценам в столице. И вскоре цена на хлеб восстановилась, а население города не испытывало уже нужды в нем⁴²³.

Желая расположить к себе политическую элиту Римской империи, царь предпринимал многочисленные шаги для ее укрепления и преодоления вечных, как мир, раздоров. Неоднократно его можно было видеть на трапезе с представителями знатных родов, которых он награждал почетными титулами и одаривал подарками. Занятый заботами об армии, император полностью доверил свои войска двум замечательным полководцам современности — св. Никифору и Льву Фокам, одновременно с этим украсив их титулами магистра и доместика Запада соответственно⁴²⁴.

Оставаясь верным политике своего царственного дома, Роман II издал две новеллы, посвященные вопросам обеспечения

прав свободного крестьянства и стратиотов. В первой новелле развиваются идеи, законодательно закреплённые его царственным отцом, о недействительности сделок по приобретению крестьянских наделов «властителями» в период с 928 по 945 г. Император подробно разобрал несколько типичных случаев таких приобретений и установил новые льготы для крестьян, вызвавшие глухой ропот среди провинциальной аристократии.

А в 962 г. вышла в свет новелла «О воинских участках». «В ней не только нет речи о какой-либо формальной отмене прежнего законодательства, но и совсем не заметно признаков, чтобы молодой царь стремился приобрести славу великодушия и удовольствие видеть вокруг себя веселые лица уступками окружающей его среде на счет более отдаленной, хотя и многочисленной массы “убогих” и стратиотов». Иными словами, император подтвердил жесткие правила по обеспечению прав стратиотов на их участки.

«Относительно лиц, владеющих какими-нибудь частями воинских поместий, — говорится в законе, — мы определяем, что если они приобрели их добросовестным образом, то у них следует только отбирать само поместье для возврата жалующимся стратиотам, но не следует налагать на них какого-либо штрафа. Достаточно того, что они обязаны *безденежно* возвратить поместье. Если же кто владеет воинскими участками вследствие насильственного захвата, то похитителю назначается пеня сообразно с ценностью захваченного имения»⁴²⁵.

В планы Романа II входило постепенное освобождение старых римских территорий от арабов, и поэтому он, предуготовляя будущие походы, мудро поспешил сохранить мир с теми народами, которые непосредственно не угрожали безопасности Византии. После этого василевс занялся приготовлениями к битвам с сарацинами.

Сам государь не был сведущ в военном деле, а поэтому решил передовериться профессионалам. Он пригласил к себе полководца св. Никифора Фоку и спросил: «Почему римские (*ромейские*) дела пришли в упадок?» Тот с присущей военным людям прямоот ответил: «Отец мой, которого ты назначил стратигом Востока, корыстолюбив. Если желаешь перемен, то не надейся, что утраченное восстановится тотчас же. Я готов создать тебе надежную основу для будущих походов и только после этого начну воевать с варварами». Император дал свое согласие, предоставив св. Никифору всю

полноту военной власти, и полководец тотчас принялся за дело. Он набрал новые полки из иностранных наемников, но, главное, создал стратиотов из фем, сформировав из них настоящую *профессиональную армию*. Новобранцев он день и ночь обучал стрельбе из лука и метанию копья, военному строю, верховой езде, осаде городов и т.п. И уже через короткое время римская армия стала высокопрофессиональной⁴²⁶. Затем наступила пора действовать.

Понимая опасность оставления у арабов Крита, желая взять реванш за поражение отца, царь приказал полководцу св. Никифору Фоке подготовить новую экспедицию для отвоевания острова, захваченного 158 лет тому назад. Фока и Иосиф Вринге деятельно поддерживали царя, собрав значительное количество судов, вооруженных «греческим огнем», и солдат. В разгар подготовки многие члены синклита резко воспротивились этому походу, напомнив императору, что его предшественники многократно пытались овладеть Критом и каждый раз безуспешно. Им не менее резко и рассудительно возражал Иосиф Вринге.

«Все мы знаем, государь, — сказал он царю при обсуждении спорного вопроса в синклите, — какие беды нам, римлянам, причинили враги Христовы. Вспомним убийства, насилия над девами, разрушение церквей, опустошения прибрежных фем. Сразимся за христиан и единоплеменников, не побоимся ни долгого пути, ни морской пучины, ни изменчивости победы, ни немощи молвы. Наш долг повиноваться твоему боговдохновенному приказу, ибо *Бог внушил тебе эту мысль*. Сердце царя в руке Господа (Притч. 21, 1). Залог этому: твоя боговдохновенная царственность отправляет в поход верного и честного раба — domestika схол Никифора»⁴²⁷.

После таких слов царь уже никого не слушал более, а уплатил войску деньги, выдал оружие и распорядился армии 5 июля 960 г. выступать в поход. Действительно, на этот раз экспедиция была организована превосходно. В распоряжении св. Никифора насчитывалось 2 тыс. судов, оснащенных «греческим огнем», 1 тыс. дромонов для перевозки армии и 307 кораблей с боеприпасами и продовольствием. По пути, согласно заранее подготовленному плану кампании, к основному флоту присоединились суда с греческих островов Митилена, Хиоса, Самоса, Фигелы. Однако, как вскоре выяснилось, никто из греческих моряков не знал дороги на Крит, поскольку путь византийцам туда был давно заказан. Все же кое-как маршрут был проложен, и византийцы не без оснований

рассчитывали на успех в предстоящей кампании. Вновь удачно действовала византийская дипломатия, сумевшая установить, что единоверцы критских арабов в Сирии находились в состоянии жесточайшего раздора и едва ли могли прийти на помощь своим братьям по вере⁴²⁸.

В отличие от неудачника Константина Гонгилы Фока действовал очень осмотрительно. Прибыв в город Фригелы, он выслал вперед быстроходные галеры, которые пристали к острову, а находившиеся на них разведчики захватили «языков» и доставили в ставку римского полководца. Выяснив, что эмира Крита Курупа с войском нет в крепости — он отдыхал в своем поместье, — Фока, не мешкая, причалил флот к берегу и высадился на остров. Разбив лагерь, он окружил его рвом по всем правилам военного искусства и запер критян в городе Хандак, столице эмира. Город был настолько хорошо укреплен, что о моментальном захвате его не могло быть и речи. Поэтому полководец приступил к правильной осаде, а для контроля над местностью отправил конные отряды фракийцев, славян и македонцев. Сам он с основными силами обосновался за городом Сакой. Безопасность римлян была обеспечена в такой степени, что солдаты совершенно не боялись перемещаться по острову, чувствуя себя, как дома⁴²⁹.

Правда, не обошлось без легкомысленной беспечности, стоившей жизни некоторым византийцам. Желая полностью обеспечить безопасность армии, св. Никифор Фока поручил опытному стратигу Никифору Пастиле с отрядом отборных римских воинов обследовать весь остров. Вскоре солдатам показалось, что никакая опасность им вообще не угрожает, и они, нарушив строй и забыв все воинские наставления, предались пьянству. И тут на них напали арабы, тайно следившие за передвижением римлян. Византийцы спохватились и даже пытались дать отпор врагам, но было слишком поздно. Сам Никифор Пастила сражался как герой, был несколько раз ранен, и, пораженный в грудь стрелами и копьем, упал под копыта коня и испустил дух. Остальные воины этого отряда были почти все перебиты, «как жертвенные животные», и только несколько человек смогли добраться до основного лагеря⁴³⁰.

Тем временем эмир Курупа узнал наконец-то о свалившемся на его голову несчастье. Не решаясь в одиночку противостоять св. Никифору, он срочно направил посланников в Испанию и Африку, надеясь получить поддержку у своих единоверцев. Но те предвари-

тельно провели разведку и, выяснив, *какова* численность римского войска, решили, что бороться с Фокой бесполезно. Поэтому вскоре критянин получил «благопристойные» отказы.

Собрав в одном месте все свои силы (всего около 40 тыс.), Курупа решил дать бой и прогнать римлян. Но битва была неудачна для него: греки разбили арабское войско и долго преследовали отступавших сарацин. Желая нагнать страх на осажденных, Фока приказал своим солдатам отрезать головы мусульман и выставить их на копья перед крепостной стеной. Конечно, это было ужасное зрелище, деморализовавшее сарацин. Но когда римский полководец дал команду начать штурм, арабы быстро пришли в себя и храбро отбили все атаки греческих отрядов. Чтобы не губить понапрасну своих солдат, Фока дал приказ отступать и занялся изготовлением осадных орудий⁴³¹.

Византийцы блокировали город с суши и с моря, а осажденные критяне пытались в частых вылазках нанести урон грекам. Но, как правило, св. Никифор Фока своевременно предугадывал их действия и неизменно наносил арабам одно поражение за другим. Месяц сменялся месяцем, наступила холодная зима, а осада продолжалась. Дожди и стужа не способствовали, конечно, поддержанию высокого боевого духа в римской армии. Но в это время и сказался авторитет выдающегося полководца и «отца солдат» св. Никифора Фоки. Собрав солдат, командующий обратился к ним с речью.

«Мои братья и соратники! Вспомним о страхе Божьем, сразимся, чтобы отомстить за оскорбление Бога, доблестно встанем на Крите против воителей нечестия, вооружимся верой — убийцей страхов. Не забывают, что мы находимся на сирийском острове, бегство отсюда чревато великой опасностью. Отомстим за поруганных дев, видя израненными драгоценные тела, восскорбим сердцем. Труды и опасности не остаются без воздаяния. Встоим в борьбе с врагами Христа, и Бог Христос поможет нам, погубит врагов наших и разорит крепость хулителей Христа!» И, конечно, такая речь не могла не иметь добрых последствий — армия воодушевилась и была готова продолжать войну⁴³². Вскоре подошла и помощь — узнав о тяжелом положении своей армии, император приказал направить суда с продовольствием и одеждой.

Наконец, в марте 961 г. войско приготовилось к решающему штурму. Горели трубы, блестели щиты и копья — фемные отряды

выстроились для атаки. Хотя критяне сопротивлялись мужественно, устоять против византийцев они не смогли; город пал⁴³³. Это была выдающаяся победа римского оружия, свидетельство величайшей самоотдачи христианского воинства и не менее высокой боеготовности византийской армии. Правда, как свидетельствуют хроники, победа была омрачена беспощадным истреблением мусульманского населения острова: греческие солдаты насиловали женщин, убивали мужчин и младенцев, говорят, даже сдирали с живых арабов кожу⁴³⁴. Неудивительно, что в ответ на Востоке пронеслась волна христианских погромов. Впрочем, в те времена обе стороны действовали, что называется, «под копирку».

Но, безусловно, это был самый блистательный успех полководца св. Никифора Фоки, с тех пор благоговейно почитаемого на Крите по наши дни. После критской операции св. Никифор стал самым популярным человеком Римской империи, *символом победы*, героем нации. И справедливо — ведь со взятием Крита пал передовой форпост ислама, удерживавший византийцев от нападений на земли Арабского халифата и державший христианский мир в морском плену.

По обычаям того времени город был отдан на разграбление солдатам, а полководца василевс почтил триумфом. В назначенное время сам император Роман II вместе с царицей Феофано, патриархом и сановниками встречал св. Никифора Фоку на ипподроме; голову победителя украшал золотой венец. Мимо царской четы прошло войско и провели пленников, одетых в роскошные одежды. Среди них находился сам эмир Курупа и его сын Анема, знатные горожане-арабы. Вынесли захваченные сокровища — предметы из золота, драгоценные кубки, одежду, монеты. Замечательна судьба пленных арабских государей: Куруп остался жить в Константинополе, и ему разрешили остаться при своей вере и совершать мусульманские обряды. А его сын Анема принял христианство и начал службу в императорской гвардии⁴³⁵.

Можно только поразиться тому, сколько сил хранила в себе Византия. Казалось, экспедиция на Крит заняла все свободные воинские отряды и финансовые средства Римского государства. Но уже в марте 961 г. Лев Фока был послан св. Никифором Фоккой на Восток, чтобы противодействовать арабам. Перед началом кампании, по обыкновению того времени, Лев Фока обратился к солдатам с речью. Он мудро советовал войскам не опасаться

многочисленности вражеского войска, но вместе с тем рекомендовал не рисковать понапрасну. В качестве настоящего приказа полководец указал, что войска должны стремиться действовать из-за горных склонов и засад. «Соратники! — прокричал перед строем полководец, заканчивая свою речь. — Зная вашу отвагу, воинскую доблесть и опытность, общий наш господин и государь послал нас под моим верховным командованием в изнуренную набегами и грабежами, поверженную на колени Азию. Вот почему я склоняю вас не к тому, чтобы вы храбро сражались, — я полагаю, что незачем поощрять речи к мужеству тех, кто с юных лет отличался доблестью и отвагой, — но хочу, чтобы вы побеждали врага благоразумием и рассудительностью»⁴³⁶.

Соединившись с войсками стратига Каппадокии патрикия Константина Малеина, Лев настиг сарацин у местечка Адрас и дал им генеральное сражение. Арабы были наголову разбиты, и их предводитель Сейф-ад-Даул едва спасся, сев на коня своего слуги, ренегата Иоанна, поплатившегося за этот подвиг жизнью. Но византийцы продолжили погоню за убежавшими сарацинами, и опять едва не пленили Сейф-ад-Даула. Чтобы задержать погоню, эмир начал бросать горстями из карманов золотые монеты, алмазы, рубины, и тогда преследователи отстали⁴³⁷. Как рассказывают, арабов было побито столько, что еще много лет спустя можно было видеть их кости на месте сражения. В награду царь даровал Льву Фоке триумф в столице. В это же время на далеком Западе Марианн Аргир, стратиг фемы Македония, наголову разгромил венгров, попытавшихся совершить набег на римские земли⁴³⁸.

Впрочем, как нередко бывало и раньше, вскоре царю стали настойчиво *нашептывать*, будто св. Никифор Фока втайне претендует на императорство. Поскольку незадолго перед этим был раскрыт заговор магистра Василия Петина, Роман II охотно поверил в дурные помыслы любимого всеми воина. От греха подальше царь направил заслуженного полководца на другой театр боевых действий. Хотя войско Сейф-ад-Даула было разбито, он по-прежнему оставался очень опасным противником. Поэтому перед св. Никифором была поставлена главная задача — обезопасить Киликийские ворота. Это было очень сложное по исполнению поручение — дело в том, что война в горах требовала совершенно особой стратегии и тактики со стороны византийцев. Арабам, привыкшим внезапно нападать на римские селения, нужно было

противопоставить систему пограничной службы и заградительных отрядов. Но Фоке удалось решить и эту задачу; более того, этот период войны станет еще одной блестящей страницей в его полководческой биографии.

Святой Никифор ввел специальную систему наблюдения и оповещения, соорудив пограничные башни, рядом с которыми при появлении арабов зажигали костры. Эта защитная линия оказалась очень эффективной, и новые набеги арабов приносили им только поражения. Затем византийский командующий сам перешел в наступление и овладел несколькими важными арабскими горными крепостями, чем почти совершенно парализовал действия Сейф-ад-Даула. По мере успехов св. Никифор решился на более амбициозную задачу — вернуть под власть Римской империи старые провинции: Киликию, Сирию, Месопотамию. При всем умении Сейф-ад-Даула, его решительности, богатстве и таланте, арабскому эмиру было очень нелегко тягаться с византийской военной мощью. Эмир терпел от греков поражение за поражением, но еще большие испытания ждали его впереди. В подчиненном ему Египте эмир решил организовать флот и отомстить римлянам за последние поражения. Но, очевидно, Богу не угодно было видеть гибель христиан. Когда в городе Фустат спустили на море судно, оно внезапно перевернулось и потопило почти 500 человек, находившихся на его борту. После этого затея с отправкой флота сама собой забылась⁴³⁹.

В начале 962 г. Фока с большим войском вторгся в мусульманские владения Сирии, и Сейф-ад-Даул не осмелился дать ему открытое сражение. Пока сарацины пребывали в нерешительности, византийцы захватили 55 или даже 60 вражеских городов. Склонили свои знамена перед византийскими войсками такие крупные и стратегически важные города, как Телух, Рабан, Мараш. Затем греки вплотную подошли к городу Анарбазу — последней преграде к столице эмирата Алеппо (бывший римский город Веррия). Хотя Анарбаз считался неприступной крепостью, очень скоро св. Никифор из метательных орудий разрушил его стены. Византийский полководец предложил гарнизону и жителям почетную капитуляцию, и те согласились. Город был разрушен до основания, а за ним и близлежащие населенные места. В октябре — декабре 962 г. византийцы захватили почти всю Северную Сирию и, пройдя через Сирийские ворота, вышли на открытые пространства, обеспечив

себе стратегический простор. Сейф-ад-Дауд вновь не решился выступить со своим войском им навстречу и почел за благо спрятаться за крепкими стенами Алеппо. Для отражения наступления соратника Фоки полководца Иоанна Цимисхия он выслал один довольно многочисленный отряд, но военное счастье и на этот раз изменило ему — Цимисхий блестяще разбил сарацин в сражении.

20 декабря 962 г. началась осада самого Алеппо, и уже через 3 дня греки ворвались в город, сумев преодолеть крепостные стены. *Резня* была ужасная — по неписаным военным традициям того времени, когда война шла на тотальное уничтожение неприятеля, греки убивали всех подряд. Щадили только красивых женщин и детей, причем пленных мальчиков заранее отбирали для обучения в императорской гвардии. Сам Сейф-ад-Дауд сумел заранее скрыться из города, но теперь всем было очевидно, что дни его правления сочтены. К несчастью самого грозного врага Византии, в 962 г. комендант Тарса поднял знамя борьбы против своего господина, в 963 г., пользуясь болезнью Сейф-ад-Дауда, его примеру последовали другие полководцы эмира, а в 965 г. от Алеппо отложилась Антиохия, объявив о своей независимости⁴⁴⁰.

Не только воинские успехи демонстрировал Роман II. При нем неожиданно для соседей расцвели искусства и науки. Константинопольский университет открыл новый факультет, увеличилось число студентов. Крестьянство, чьи интересы были оберегаемы самой царской властью, стимулировало резкое развитие экономики. Купцы, перевозившие товары из Индии и Китая, хлынули на столичные рынки — морская торговля, которой более не угрожали арабы, давала невиданные доходы казне. Империя процветала в мире и богатстве⁴⁴¹.

Естественным продолжением событий после этого являлось развитие дальнейшее успеха, но тут из Константинополя прибыл посланник с тяжким известием — умер император Роман II⁴⁴².

Глава 2. Царь, отравленный женой

Одно роковое обстоятельство полностью перечеркнуло надежды на спокойное и победоносное царствование Романа II. Вместе с ним на престол Византийской империи взошла и его жена,

18-летняя *Феофано*, разделившая титул августы, царицы, со свекровью Еленой, которая получила его еще в годы правления покойного мужа. Первоначально Роман II был женат на Итальянской принцессе Берте, незаконнорожденной дочери Гуго. Но вскоре супруга скончалась, оставив императору годовалого сына.

После этого молодому царевичу была сосватана девица Анастасия, взявшая после замужества и венчания на царство имя *Феофано*. Эта женщина не менее знаменита в истории Византии, чем св. Феодора, но, увы, по более печальным событиям. *Феофано* поражала всех своей красотой, белизной кожи, умом и грацией. Как рассказывают, ее красота казалась неземной, *божественной*, каким-то неведомым чудом природы. Происхождение ее до сих пор вызывает споры, но в целом все сходится во мнении, что она приходилась дочерью некоему трактирщику Кротиру родом из Лакедемонии, державшему свое заведение в одном из самых бедных районов Константинополя. Каким образом она познакомилась с Романом II и была привлечена на смотрины потенциальных невест, куда обычно приглашались девушки из самых знатных семей Римской империи, — загадка истории. Но, исходя из всех обстоятельств, можно предположить вполне правдоподобную версию, что будущий василевс повстречал *Феофано* задолго до сватовства, и между ними случилась любовная связь. Кроткий и добрый Константин VII Порфирородный не посмел идти против чувств своего горячо любимого сына, а будущая невестка сумела обаять своей красотой и императора, и царицу Елену⁴⁴³.

В 958 г. она родила сына, будущего императора *Василия II*, а в 960 г. юная царица подарила мужу второго наследника, *Констанина VIII*, которого после крещения патриарх св. Полиевкт венчал на царство, как и *Василия II*. Затем царица родила двух дочерей — *Феофано* и *Анну*, которые также вскоре станут деятельными персонажами в истории Византии. *Феофано* выйдет замуж за императора Западной империи Оттона II, а *Анна* станет супругой нашего великого предка святого и равноапостольного князя *Владимира*⁴⁴⁴. Августа Елена не могла нарадоваться на нее, хотя и не подозревала, что эта девушка — выбор ее покойного мужа и влюбчивого сына, — станет причиной последующей трагедии.

Находясь в царском дворце и став матерью цесаревичей, *Феофано* не приобрела высоких понятий. Авторитет царей Македонской династии был столь высок в народе, что никто не посмел вос-

противиться этому неравному браку, хотя новую царицу в народе откровенно не любили. Вскоре нелюбовь переросла в открытую ненависть, и царице приписывали многие злодеяния. В частности, поговаривали, будто она виновна в смерти императора Константина VII Порфирородного, которого якобы отравила, что едва ли на самом деле имело место в действительности. Но бесспорно, что эта красивейшая женщина Византии, честолюбивая и безжалостная, беспринципная и циничная, готова была пойти на любое преступление, чтобы только получить доступ к единоличной власти.

Ее влияние на мужа было абсолютным, но Феофано *принципиально* не желала делить свою власть с кем бы то ни было и моментально устраняла любую преграду, пусть даже и мнимую, со своего пути. Едва став царицей, она, пользуясь своим господством над мужем, заставила того постричь всех царственных сестер в монахини. Напрасно Зоя, Агафья, Феодора, Анна и Феофания рыдали у ног своего брата и заламывали руки; бесполезно мать царя Елена умоляла сына пощадить девушек — Феофано была непреклонна, а василевс во всем подчинялся ей. Помимо них, принудительное пострижение в монашеский чин приняла и августа Софья, жена покойного императора Христофора, сына царя Романа I Лакапина. Несмотря на все уговоры, царевны были помещены в монастырь Каниклий, а затем по приказу царя (Феофано?) были разделены и отправлены по разным обителям. Правда, император все же распорядился обеспечивать их по царскому чину, выдавая им те же средства, какие ранее они получали в мирской жизни, как царевны⁴⁴⁵.

От огорчения императрица Елена заболела и скончалась 19 сентября 961 г. Император был настолько расстроен смертью матери, что приказал изготовить ей гроб, отделанный жемчугами, золотом и драгоценными камнями, и похоронил в гробнице рядом с прахом императора Константина VII Порфирородного⁴⁴⁶.

Дела шли более чем успешно, но не для Феофано. По-видимому, царицу смущали некоторые обстоятельства, которые она приняла слишком близко к сердцу. Ветреность несколько избалованного женским вниманием мужа была известна ей не понаслышке, и императрица всерьез опасалась, что по легкомыслию василевс может найти себе другую пассию. В этом предположении не было ничего невозможного, поскольку при царе образовалась группа вельмож-

ных бездельников, все более и более вовлекавших василевса в не всегда допустимые развлечения. Например, во время постов, когда следовало думать о спасении души, император с шумной компанией нередко выезжал на охоту. В другом месте древний историк говорит о том, что фавориты василевса, «рабы брюха и того, *что под брюхом*», приучили его к «необузданным наслаждениям» и «возбудили в нем склонность к противоестественным страстям». Другой автор также отмечал любовь царя к представительницам противоположного пола, особенно к флейтисткам. Согласимся, это — несколько туманные, но достаточно определенные указания на то, что царица не занимала уже к тому времени *всего* сердца своего мужа⁴⁴⁷.

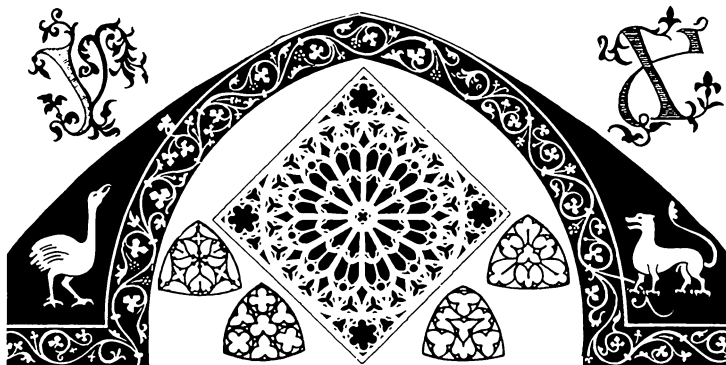
Буквально за два дня до смерти мужа она родила дочь Анну, о которой шла речь выше, и в связи с этим радостным событием можно предположить, почему в голове Феофано родился страшный план, если, конечно, все, что говорилось о ней, — правда. На время ее красота несколько поблекла — обычное явление для рожениц. А несколько возбужденное состояние души, когда женщина преувеличенно обращает внимание на любые мелочи, делая из рядовых событий далеко идущие выводы, могло подтолкнуть Феофано к предположению, что она уже *не является незаменимой* для своего царственного мужа. Что если не фавориты, с которыми она могла еще посчитаться и отодвинуть на второй план, то *другая женщина* вполне может занять сердце Романа II, хотя бы такая связь и не была впоследствии узаконена официальным браком. Впрочем, по большому счету, смерть императрицы, равно как и царя, всегда являлась вполне разрешимой проблемой, и техника незаметного устранения от власти уже тогда была развита чрезвычайно.

Нужно было знать Феофано, чтобы понять, — она не станет мириться с таким положением, поскольку ее давней страстью и мечтой была только одна власть. Являться титулованной, но *номинальной* царицей, ей явно претило. Видимо, произошли еще какие-то события, к сожалению, нам уже неизвестные, ускорившие трагическую развязку. *Официально* все выглядело таким образом. Весной 863 г. император Роман II отправился на охоту в горы, но вернулся оттуда, едва дыша. Посчитали, будто от неумеренной езды верхом у него начались смертельные спазмы, что весьма и весьма сомнительно — для физически хорошо подготовленного молодого человека, регулярно занимавшегося спортом, такая причина от-

крывшегося недуга выглядит смехотворной. Большинство константинопольцев было убеждено, что царя *подпоили* перед охотой *ядом*, принесенным с женской половины дворца, т.е. из покоев Феофано, и разбавленным в питье. Косвенным подтверждением того факта, что смерть Романа II находится на совести императрицы Феофано, — аналогичная судьба двух последующих Римских царей, *кратко* связавших свою судьбу с коварной гречанкой. Впрочем, рассказ об этом еще впереди.

Так или иначе, но 15 марта 963 г. император Роман II скончался, не оставив никаких распоряжений относительно своего наследника. Наступила пора очередных междувластий и дворцовых интриг.





XLVII. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ НИКИФОР II ФОКА (963—969)

Глава 1. Царь-монах

Выдающийся полководец св. Никифор Фока, которому вскоре придется занять престол Римского государства, был 51 года от роду и происходил из знатной каппадокийской семьи, давшей Византии многих замечательных военачальников. Живя «только для войска», по словам летописца, св. Никифор провел полную опасностей жизнь, похоронил жену и сына и был известен своим благочестием и благородством. Мужеством и силой тела он заметно превосходил многих солдат, в военном деле отличался необыкновенной изобретательностью, в трудную минуту никогда не впадал в отчаяние и пренебрегал телесными удовольствиями, как настоящий подвижник Православия. Оставшись после смерти близких ему людей один, он дал обет целомудрия и совершенно отказался от мяса. Его можно было часто видеть молившимся на коленях ночными часами и поющим псалмы перед иконами. Святой Никифор Фока был не подвержен тщеславию и очень скромнен. Нередко его упрекали в ригоризме и чрезмерной требовательности к себе и другим людям, и, пожалуй, справедливо — император никогда не терпел безнравственности и требовал благочестия от всех, с кем ему приходилось делить свои труды и саму жизнь. Как военачальник, он был необычайно суров к нарушителям воинских правил и никогда не прощал виновных, прекрасно понимая, что

значит отсутствие дисциплины в армии во время военного похода. Зато Фока почти не знал поражений, а Римская держава при нем достигла одной из величайших вершин могущества. Но к *личным* врагам он был удивительно терпим и милостив⁴⁴⁸.

Известие о смерти императора Романа II повергло св. Никифора Фоку в шок. Было очевидно, что в ситуации с двумя малолетними мальчиками и одной молодой женщиной, хотя бы и царицей, положение дел в Римском государстве резко осложнится. Поскольку театр боевых действий находился на значительном расстоянии от Константинополя, бледные официальные новости мало отражали реальные события, а потому, как обычно, довели и получали широкое распространение всевозможные слухи. Старый полководец, видевший жизнь в различных ее проявлениях, легко подверг сомнению *естественность* смерти императора Романа II, но подозревал не императрицу Феофано, а других придворных, в первую очередь евнуха Иосифа Вринге, с которым сам уже много лет состоял в откровенно враждебных отношениях. Дальнейший ход мыслей св. Никифора совершенно очевиден: если царя действительно устранил Вринге, то следующим шагом надменный и всевластный евнух попытается поставить императором своего кандидата. В этом случае марионетка евнуха на троне наверняка лишит Фоку командования восточной армией, а затем Иосиф тем или иным способом умертвит старого солдата. Его подозрения только усилились и переросли в уверенность, когда он получил приглашение (приказ?) от Вринге прибыть в столицу — Фока не сомневался, что в Константинополе его ослепят и казнят. Положение полководца осложнялось еще и тем, что буквально накануне смерти императора Романа II он сам распустил войско по домам для отдыха, и теперь ему необходимо было выиграть время, чтобы собрать верных солдат. Имея под рукой преданные полки, можно было не бояться евнуха.

Но св. Никифор несколько недооценивал себя — как и ранее, он являлся самым популярным и известным полководцем Византии, а потому, сам не зная и не желая того, оказался той фигурой, которая предопределяет результат любой придворной интриги. Пока Фока находился в тяжелых раздумьях, к нему прибыло тайное послание от императрицы Феофано, желавшей получить св. Никифора в союзники. Когда ее муж «умер», события потекли по иному сценарию, чем заранее просчитывала Феофана, и вместо

желанного статуса регентши при малолетних мальчиках-царях она рисковала оказаться вообще не у дел, если ее недруг Иосиф Вринге выдвинет перед синклитом своего кандидата. Более того, речь в таком случае уже шла не о том, будет ли царица регентшей, а останется ли она и ее дети *в живых*. Она пришла к выводу, что у нее и Фоки один и тот же враг, и предложила полководцу негласный союз. По совету Феофано св. Никифор отправился в Константинополь, дабы отпраздновать свой триумф, но цель его путешествия была совсем иной.

Вступив в столицу, старый воин был пышно встречен благодарными константинопольцами и синклитом, провел по улицам города пленных сарацин и добычу, продемонстрировал захваченные богатства, а затем удалился в свое имение якобы для отдыха. Перед этим он нанес утром визит Иосифу Вринге. Фока распахнул верхнее платье и показал сановнику власяницу, которую надевал на тело, и заявил, что полюбил монашескую жизнь и собирается оставить мир. Как ни странно, Вринге поверил этим словам и даже просил прощения у св. Никифора, уверяя, что более никогда не заподозрит его в чем-либо недостойном⁴⁴⁹. Однако, едва полководец вышел за дверь, Иосиф Вринге стал жалеть, что выпустил его из своих покоев, и думал о том, как погубить Фоку.

Но и образ мыслей св. Никифора не оставался неизменным. Наглядно убедившись в своей популярности, св. Никифор согласился принять план, предложенный царицей. Спустя несколько дней он неожиданно появился в храме Святой Софии и попросил аудиенции у патриарха св. Полиевкта. Это и был главный совет Феофано, правильно рассчитавшей, что в обнаружившемся противостоянии двух партий столичный архиерей наверняка примет их сторону. Всем была известна набожность и благочестие св. Никифора, его аскетизм и любовь к монашеству. Поэтому его шансы снискать милость патриарха были очень высоки.

Действительно, Фока был чрезвычайно популярен у столичного клира. И эта популярность была вызвана не только его духовными подвигами. Как известно, из последнего похода полководец привез драгоценную святыню — плащ святого Иоанна Крестителя, который поместили в храм Святой Софии⁴⁵⁰. На настроение патриарха св. Полиевкта, известного своей аскетичностью, наверняка положительно влияло и то обстоятельство, что настоятель самого большого Афонского монастыря Лавры св. Афанасий приходился

полководцу родным дядей. А сам Фока уже давно соорудил себе келью на Святой горе и надеялся в ней закончить свой земной путь, приняв в старости Ангельский чин.

Придя к патриарху и благословившись, Фока сказал: «Прекрасную награду получаю я за все мои подвиги и труды от того, кто верховодит во дворце. Он думает укрыться от всевидящего Ока, беспрестанно пытаюсь причинить мне смерть. А ведь я милостью Всевышнего расширил римские пределы, никогда ничем не погрешил против державы и оказал ей больше благодеяний, нежели кто-нибудь другой из людей нашего времени. Это я разорил огнем и мечом обширную страну агарян и сравнял с землей столько городов. А я думал прежде, что всякий муж совета благосклонен, справедлив, не питает постоянно и беспричинно злых умыслов»⁴⁵¹.

Его слова попали «в точку» — патриарх, знавший об истинных планах Вринге, действительно не мог смириться со столь явной несправедливостью по отношению к заслуженному, седовласому воину, которому Римское государство обязано великими победами. И едва ли евнух, к которому у византийцев всегда было настороженное, мягко говоря, отношение, мог стать для него дороже благочестивого воина-монаха, ночью спящего на полу вместо кровати.

Немедленно созвав синклит, патриарх произнес прочувственную речь. «Несправедливо поносить и подвергать позору тех, кто не щадил себя для счастья Римской державы, претерпевал опасности и труды, проявил честность и непритязательность по отношению к соотечественникам. Таких людей надлежит прославлять и награждать. Если вы верите, что я посоветую вам наилучшее, я сейчас же выскажу свое мнение. Мы — римляне (*romei*), и нами управляют божественные законы, поэтому мы должны в честь праотцев наших беречь детей царя Романа, которых мы вместе со всем народом провозгласили самодержцами. Мы обязаны воздавать им такие же почести, как их предкам. И поскольку варварские племена не перестают разорять Римскую землю, я советую вам этого мужа, Никифора, отличающегося пронизательным умом, доблестного в битвах, одержавшего множество побед, назначить автократором-стратигом и вручить ему командование войсками Азии, чтобы он предотвращал и сдерживал натиск иноплеменников. При этом следует взять с него клятву, что он не станет злоумышлять против властей и синклита».

Слова патриарха были поддержаны всеми присутствующими, и св. Никифор, дав клятву никогда не отвергать власть малолетних государей и не злоумышлять против них, был утвержден в искомом статусе. В свою очередь синклит обещал никого не назначать и не смещать на высших государственных должностях без разрешения св. Никифора Фоки и управлять государством по его совету⁴⁵².

Таким образом, рядом с двумя царями и царицей образовалась новая фигура *автократора-стратига* с неопределенными властными полномочиями, почти как у древнего диктатора. Конечно, такая необычная форма единоличной власти была совершенно неожиданна и непривычна для Византии, но в данное конкретное время она являлась *единственной*, которая позволяла св. Никифору выиграть время.

Сразу после этого св. Никифор выехал из столицы и перебрался на противоположный берег, в Каппадокию, откуда разослал приказы по фемным войскам с требованием незамедлительно явиться к нему. Вскоре лагерь Фоки наполнился солдатами, которых он упражнял без устали. Официальная версия сводилась к тому, что Фока собирается продолжить поход на Восток, но *знающие* люди понимали, в чем дело. К их числу, конечно, принадлежал и Иосиф Вринге, который решил найти св. Никифору достойного конкурента. Его выбор пал на патрикия Мариана, командующего Итальянским войском, которому он без обиняков предложил пост командующего войсками Азии, т.е. должность самого Фоки, а впоследствии и сан императора. Но Мариан прекрасно понимал, что ему не по силам тягаться с прославленным полководцем, и внес встречное предложение: заключить союз с другим замечательным военачальником, *Иоанном Цимисхием*, стратигем фемы Анатолик. Вринге нашел этот выбор удачным и, не медля, отправил тайное послание своему потенциальному, как казалось, соратнику в борьбе за царский престол. В письме он предлагал Цимисхию царское достоинство в обмен на то, что тот изолирует св. Никифора Фоку в каппадокийском лагере и доставит в столицу⁴⁵³.

Однако старый евнух просчитался — вместо того чтобы арестовать старого товарища, Иоанн направился к св. Никифору и открыто пересказал предложение Вринге. Цимисхию казалось очень обидным, что старый евнух помыкает ими, боевыми полководцами, по своему усмотрению, как детьми. К тому же по матери он приходился родней св. Никифору, и у него не было причин под-

держивать «штатских»⁴⁵⁴. Фоке в тот день нездоровилось. Не зная, как поступить, он, скорбя душой и телом, спросил совета у Иоанна, на что стратиг фемы Анатолик тут же предложил ему собрать все войска в один кулак и заявить свои права на верховную власть, не ограничивая себя *промежуточным* статусом стратига-автократора. Без большого восторга, но св. Никифор дал согласие. Когда собралось все войско Азии, полководец вышел к старым испытанным боевым друзьям, которые тут же потребовали от Фоки взять бразды правления Римским государством в свои руки. Конечно, предварительную работу с ними провел Иоанн Цимисхий.

Вначале Фока резко отказался от предложения, ссылаясь на свой возраст, вдовство и потерю единственного и любимого сына Варды, который незадолго перед этим погиб в результате несчастного случая от рук своего же двоюродного брата. Он даже предложил скипетр Иоанну Цимисхию, но армянин отказался. Наконец, презрев клятвы, данные патриарху и синклиту, под тем предлогом, что его жизни угрожает опасность, св. Никифор надел пурпурные сапоги под восторженные крики войска⁴⁵⁵.

Выйдя затем из шатра и опираясь на копье, *император* св. Никифор Фока объяснился перед армией: «Не потому, соратники, надел я на себя царское облачение, что стремлюсь к узурпаторству, но принуждаемый вами, войском. Вы сами тому свидетели: ведь я отказывался от столь тягостной заботы о государстве, а вы заставили меня принять ее на себя помимо моей воли». Затем царь напрямую указал, что им противостоит Вринге, и, возможно, прольется кровь, прежде чем он сможет взойти на императорский трон. Вновь радостный крик возвестил, что армия поддерживает своего любимца, — ведь войско любило его всей душой, и каждый гордился его славой. «Вся его жизнь с юных лет прошла в битвах. Он внушал ужас своими подвигами в стычках и сражениях и слыл умелым, непобедимым воином не только благодаря своей силе, но и потому, что был необыкновенно умен и не знал себе равных во всякого рода добродетелях»⁴⁵⁶.

Направив полки к Константинополю, св. Никифор отправил послание патриарху св. Полиевкту, синклиту и Иосифу Вринге, в котором предлагал тем признать за собой царское достоинство. Император обещал беречь, воспитывать малолетних детей покойного Романа II и защищать отечество. А если синклит откажется утвердить решение армии, то «дело будет решаться железом и кро-

вью». Такой тон поразил Вринге в самое сердце, «как стрела, посланная скифом». Но евнух был еще очень силен. Пригласив к себе патрикия Мариана и некоторых других членов синклита, он вверил им командование войсками Македонской фемы, которые заранее вызвал в Константинополь на помощь. Помимо этого, Вринге организовал настоящие гонения на членов семьи св. Никифора и его товарищей по оружию. В частности, отец полководца престарелый Варда Фока во избежание смерти был вынужден искать убежище в храме Святой Софии. Назревала гражданская война, страшная по своим последствиям, но тут в дело вмешался счастливый случай, вернее, *боевая выручка* византийских командиров, связанных к тому же кровными узами родства. В столице в это время находился небезызвестный нам блистательный полководец Лев Фока, который, переодевшись ремесленником, выбрался из города, достиг Иерии, где расположился с войском св. Никифор, и описал тому расположение армии Вринге.

Нашелся еще один высокопоставленный союзник — паракимомен Василий, незаконнорожденный сын Романа I Лакапина, приближенный к себе Константином Порфирородным. Он также недолюбливал Иосифа Вринге и, желая помочь Фоке, вооружив своих слуг, разгромил владение Иосифа. Патрикий Мариан попытался привести константинопольцев к повиновению, но его отряд был в буквальном смысле слова *смят* народом, после чего три дня в городе свирепствовали грабежи и разбои. Тем временем паракимомен захватил суда в гавани, которые должны были отправиться на войну со св. Никифором, и отослал их своему кумиру, но уже в качестве союзных. Фока не стал терять времени и тотчас погрузил войска на корабли и пристал к берегу византийской столицы.

Поняв, что его партия проиграна, Вринге бросился в храм Святой Софии в поисках убежища. А св. Никифор оделся в царские одежды и на белом коне через Золотые ворота вошел в Константинополь, приветствуемый патриархом и вельможами. «Сжалился Бог над народом Своим, поставил тебя, Никифор, императором и самодержцем ромеев! Государство требует, чтобы Никифор стал царем! — неслось ему вслед из толпы. — Дворец ждет Никифора! Мир ждет Никифора! Счастливо пришел ты, Никифор, одержавший победу над фалангами врагов! Благодаря тебе сокрушен, побежден Исмаил! Благодаря тебе скипетры ромеев воскресли! Итак, прими власть, руководи и царствуй! О, Никифор, август! Ты благо-

честивый, ты священный! Бог тебя даровал, Бог тебя будет хранить! Христианскому царству Бог будет защитой! Бог тебя даровал, Бог тебя будет хранить! Почитая Христа, всегда побеждаешь! Никифор, всеобщее благо, будет властвовать! Таковы желания войска и народа, сената и Церкви! Многая лета Никифору!»⁴⁵⁷

16 августа 963 г. он был венчан в храме Святой Софии патриархом св. Полиевктом на царство и стал императором **св. Никифором II Фокой**. В сопровождении сановников и народа он вошел во дворец и занял царский престол, а затем отблагодарил своих соратников. Отец императора Варда стал цезарем (кесарем), его брат Лев Фока — куропалатом и магистром, Иоанн Цимисхий — стратигот Азии, а паракимомен Василий — *проедром*, т.е. высшим гражданским чиновником Римской империи⁴⁵⁸. Интересно, что, вопреки сложившейся неписаной традиции, василевс снисходительно простил своих врагов, никого из них не умертвив. Например, Вринге был сослан в Пафлагонию, где и умер через 10 лет естественной смертью. Началось новое царствование замечательного сына Римского государства и Кафолической Церкви, обещавшее много хорошего. Но все сложилось несколько иначе...

Глава 2. Завоевание Сирии. Спор о Риме и титуле «император» с Оттоном I Великим

Всю зиму с 963 на 964 г. император провел в подготовке к предстоящему походу на сарацин. Он проводил много времени с войском, обучая солдат военному делу, и даже проводил специальные занятия по владению оружием со своими телохранителями, поскольку, как им объяснял сам царь, именно они должны первыми принять удар на себя вражеского войска. Было видно, что император не собирался отсиживаться на поле боя во второй линии. Следует обратить внимание на некоторые военные нововведения императора — максимальное привлечение фемных войск, состоящих из числа *стратиотов* (землевладельцев служилого сословия), к боевым действиям на Востоке, и создание отрядов тяжелой кавалерии *катафрактов*. Тяжеловооруженные, покрытые специальным защитным панцирем, эти конники были способны пробить

любой вражеский строй. А высокая подготовка и взаимовыручка обеспечивала катафрактам невероятную эффективность на поле боя. Именно катафракты обеспечили впоследствии почти все победы св. Никифора Фоки в битвах с арабами, а затем их успешно использовали и его преемники по трону.

Но привлечь стратиотов и даже обучить — было половиной дела. Император решил сформировать из них настоящее *военное сословие* и делал для этого все возможное, установив по аналогии с новеллами своих предшественников *обязательные* минимальные наделы земли для стратиотов. Хотя византийская армия стала практически национальной, тем не менее для ее укрепления император по-прежнему использовал отряды иностранных наемников, роль которых в успехе византийского оружия нельзя недооценивать⁴⁵⁹.

Пока василевс упражнял свою армию, мужественный Иоанн Цимисхий всю зиму со своим войском защищал отвоеванные на Востоке земли и наносил стремительные удары по отдельным боевым соединениям арабов. Сарацины к этому времени овладели Мопсуэстом, и Цимисхий решил вернуть Византии этот город, осадив его. Когда об этом стало известно арабам, из Тарса срочно направился отряд численностью 15 тыс. сарацин для деблокады Мопсуэста, но он героически погиб до последнего человека в сражении с греками — Иоанн опять оказался на высоте положения. Вершина, на которой были добыты остатки арабского войска, сами мусульмане впоследствии называли *Холмом крови*⁴⁶⁰.

Наступила весна — время большого похода. Из Каппадокии, где было назначено место сбора римской армии, император повел свои полки на Тарс, но, найдя город неприступным, изменил направление движения и взял штурмом города Адану, Анаварзу и более 20 других укрепленных поселений. Затем он соединился с Цимисхием у стен Мопсуэста. Хотя гарнизон храбро оборонялся, василевс сумел посредством подкопа разрушить крепостную стену и взять город штурмом.

Интересно, что василевс строго запретил своим солдатам грабить Мопсуэсту — верный признак того, что царь рассматривал его не в качестве добычи, а как город, *возвращенный* Византийской империи. Приближалась зима, и император отвел войска в Каппадокию, где распустил армию, приказав весной собраться вновь. А сам с небольшим отрядом своих телохранителей остался зимо-

вать там⁴⁶¹. Это обстоятельство также весьма симптоматично — демонстративное нежелание императора возвращаться в столицу наглядно показывает, насколько неприветливо ждали его в Константинополе.

Весной 964 г. император вновь направился к Тарсу. Всю зиму его мучила мысль, что он, выйдя победителем из множества сражений, взявший штурмом десятки городов, не справился с крепостью, стены которой не выше крепостных сооружений Рима или Константинополя. Интересно, что в поход император взял с собой Феофано и обоих царевичей — Василия и Константина⁴⁶². Правда, вскоре он оставил императрицу и мальчиков в специально созданном укрепленном пункте в Каппадокии, чтобы им ничто не угрожало, а сам двинулся с войском дальше.

Для обеспечения свободы перемещения своей армии в Сирии св. Никифор решил завладеть островом Кипром — важнейшим центром Средиземноморья. В 964 г. он направил адмирала Никиту Халкуца на остров, и тот блестяще справился с поставленной задачей. Теперь арабы Сирии и Палестины не имели возможности получать подкрепления с Кипра, и ничто не угрожало византийской армии во время похода. Этот стратегический успех и обеспечил последующие победы римского оружия на Востоке⁴⁶³.

По дороге, на марше, произошел один случай, *наглядно* показавший всем, насколько пристально император св. Никифор следит за состоянием воинской дисциплины и как строго он карает виновных. Объезжая марширующую воинскую колонну, царь заметил щит, брошенный по причине усталости одним из солдат в кусты. Подобрав щит, он приказал на ближайшем привале выстроить войско и уточнить, кому вещь принадлежит. Естественно, виновный нашелся быстро, и царь спросил: «Скажи-ка, негодный, если бы на нас набросились сейчас враги, каким оружием ты бы оборонялся?» Разумеется, никакого разумного ответа виновный солдат дать не смог. В наказание василевс приказал *лохагу* (старший стратиот, нечто сродни сегодняшнему сержанту) высечь виновного воина и отрезать ему кончик носа в назидание другим. Однако на следующее утро он увидел виновника живым и невредимым — лохаг пожалел солдата и не выполнил приказа командующего. Но император привык доводить все дела до конца — он спросил лохага: «Неужели ты полагаешь, что я меньше тебя забочусь о войске? Ведь я наказал виновного, чтобы никто не следовал его беззаботности

и не повторял проступка, дабы не оказаться безоружным перед лицом неприятеля». А потом наказал обрезанием носа и битьем розгами самого лохага⁴⁶⁴.

Подойдя к Тарсу, император приказал разорить окрестности города, чтобы раззадорить агарян и выманить их из-за городских стен. Так и случилось: вскоре блистающее сталью войско сарацин вышло из города и выстроилось для битвы. Но св. Никифор предусмотрел дальнейший ход событий: он выдвинул впереди пехоты катафрактов, а позади пешей фаланги поставил стрелков и метателей дротиков. Правый и левый фланги прикрывала кавалерия, которую возглавлял сам царь и Иоанн Цимисхий. Натиск римских войск был страшен, а стрелки, оставаясь в безопасности, наносили арабам серьезные потери — те не выдержали и побежали в город, потеряв многих воинов. Но и теперь штурм города означал неизбежную потерю многих солдат, что подвергало армию серьезному риску, — крепость по-прежнему была почти неприступна. Поэтому василевс просто обложил город по всем правилам осадного искусства, и 16 августа 964 г. Тарс сдался ввиду угрозы голодной смерти. Жителей отпустили, в городе разместился римский гарнизон, а область Тарса была объявлена новой византийской фемой. Добыча, захваченная римлянами, была огромной; помимо прочих ценностей, византийцы вернули христианские кресты, ранее похищенные в виде трофеев сарацинами в неудачных битвах греков. После этой победы император с войском вернулся в Константинополь и дал триумф, а захваченные кресты поместил в храме Святой Софии⁴⁶⁵.

Параллельно с этим 24 октября 964 г. начались военные действия на Западе — византийский флот отплыл на Сицилию под командованием адмирала Никиты; кавалерия и сухопутные части были отданы под начальство полководцу Мануилу, двоюродному брату благочестивого царя. Первоначально кампания развивалась очень удачно: греки овладели Сиракузами, Гимерой, Тавромением и Леонтией — сарацины ничего не могли противопоставить железной византийской коннице и непобедимой пехоте. Но затем сказался горячий и безрассудный нрав Мануила: вместо того чтобы контролировать пастбища и дороги на острове, он ринулся в горы, где его войска потеряли строй и стали легкой добычей арабов. Потери византийцев были огромны — пало почти все войско, включая самого Мануила. После этого греческий флот спешно

отплыл в Константинополь, но по дороге был разгромлен сарацинской эскадрой; адмирал Никита попал в плен. В очередной раз сказалась несогласованность действий флота и армии — возникало впечатление, что Мануил и Никита действовали сами по себе. И хотя император обладал твердостью духа, но и ему пришлось много размышлять о непостоянстве людских дел⁴⁶⁶.

Блестящий стратег и политик, св. Никифор прекрасно понимал, что дальнейшие перспективы развития Византийской империи лежат уже не на Западе, а исключительно на Востоке. Впрочем, он не собирался сдавать разом свои позиции в Италии, которые все еще были довольно сильны. Помимо двух фем — Калабрии и Лангобардии, под протекторатом Византии находились Сардиния, Венеция, Неаполь, Амальфи, Капуя, Салерно и Гаэта. И император имел все основания быть недовольным попытками Оттона Великого присоединить к себе византийские владения на полуострове⁴⁶⁷. Его откровенно тревожил пример измены герцога Беневента и Капуи Пандульфа, давшего присягу верности императору Оттону Великому в 967 г., когда тот зашел в Рим, чтобы венчать императорской короной своего сына 14-летнего *Оттона II* (973—983). В голове Западного императора уже созрел план воссоединения двух частей некогда единой Священной Римской империи. Для этого нужно было подчинить себе Рим, что *почти* случилось, и папство — *уже* несомненный факт, изгнать из Италии греков и арабов и воссоединить все остальные герцогства и графства под своей единой властью⁴⁶⁸. Но на пути германцев стояли византийцы.

Не желая воевать с германцами, василевс отправил к Оттону Великому посольство с предложением заключить мирный договор. Одновременно с этим, опасаясь растущего аппетита великого саксонца, он отменил поход на Восток и двинулся с войском в Македонию, где им был принят посол Оттона Великого венецианец Доминик. Получив от него заверения, что Оттон I не собирается занимать итальянские владения императора, св. Никифор отправил к германцу второе посольство, прибывшее в январе 968 г. в Капую.

Прежнее пренебрежение византийцев к германской знати уже понемногу стало исчезать. И когда наследник Оттона Великого, император Оттон II, посватался к дочери императора Романа II Феофано, ему не стали *сразу* отказывать⁴⁶⁹. Для Константинополя этот возможный брак был своего рода ручательством того, что От-

тон Великий не собирается претендовать на земли Византии. Для самого германца женитьба сына на венценосной девушке означала резкое возвышение статуса его собственной семьи в глазах всего мира. Если уж в годы поражений брачный союз с членом царской семьи считался вершиной дипломатического успеха, то что можно сказать о том же в ситуации, когда Византийская империя *побеждала*?!

Но в силу невыясненных обстоятельств — возможно, условия греков были неприемлемы для германцев, брак в тот момент не состоялся. Правда, сами германцы упорно распространяли слух, будто их посольство, отправленное с благородной миссией в Константинополь, было умерщвлено коварными византийцами. В любом случае, чтобы немного отрезвить своего царственного соседа, Оттон перешел границу и в марте 968 г. уже стоял с войском под стенами города Бари. Город ему взять не удалось — как выяснилось по прибытии на место, без флота правильная осада становилась принципиально невозможной. Все же полководцы Оттона Великого Зигфрид и Гунтер разбили византийские отряды в Калабрии и взыскали с греков дань⁴⁷⁰.

И вновь в дело вступили дипломаты: для урегулирования спорных вопросов и заключения соглашения о брачном союзе в Константинополь был срочно отправлен посол Лиутпранд, епископ Кремонский. Но его миссия оказалась малоуспешной. Он никак не мог договориться с императором по существу спора, а высокомерие западного гостя неприятно поразило царский двор. 7 июня 969 г., в день Святой Троицы, посла принял император, и начался в буквальном смысле слова *«слепой»* разговор: оба собеседника никак не могли понять друг друга. Святой Никифор пояснил, почему так долго не принимал посла: «Мы должны были принять тебя более достойно, но не сделали этого из-за нечестия твоего государя. Он вторгся и захватил Рим, нарушая наши права, и отобрал у наших вассалов их земли». Лиутпранд возразил: «Мой государь вступил в Рим не как тиран или разбойник. Твои предшественники были Римскими императорами *лишь по имени*, и спокойно взирали, как блудницы и их дети правили Римом. Вы пренебрегли своими обязанностями, а мой государь вернул наместникам святых апостолов их владения, власть и почести»⁴⁷¹.

Постепенно спорящие стороны перешли к основной цели посольства. Лиутпранд напомнил, что император Оттон Великий

предлагает сочетать браком своего сына Оттона II с дочерью Романа II Феофано. Для обдумывания взяли 4 дня, но ни к чему не пришли. Во время следующей встречи обсуждение основной задачи посольства вновь оттеснилось на второй план в угоду вопросу о том, *чья* империя является единственно возможной — греков или германцев. Святой Никифор II заметил, что германцы напрасно зовут себя римлянами — они самые настоящие *лангобарды*. На это посол гневно возразил, что римляне на Западе — синоним разврата, трусости, алчности и лживости. Неудивительно после этих слов, что когда он наконец вспомнил, *зачем* его отправил Оттон Великий, посла уже резко осадили. Греки возмущенно заявили Лиутпранду: «Неслыханное дело, чтобы порфирородная принцесса, дочь порфирородного императора была выдана замуж за варвара! Если твой господин, — продолжили византийцы, — хочет этого брака, то пусть вначале вернет нашему императору Рим и Равенну со всеми прилегающими землями. А если ищет дружбы без брака, то пусть дополнительно вернет Капую и Беневент».

Лиутпранд без особого стеснения заявил, что его возмутило, почему греки зовут его господина не императором, а *королем*, сохраняя за Византийскими царями абсолютное право именоваться этим почетным титулом. Понятно, что такой обмен колкостями вновь завел разговор в тупик⁴⁷².

После праздника пророка Илии св. Никифор Фока отправился на войну с сарацинами, едко намекнув Лиутпранду, что долг христианского государя — война с врагами веры, а не со своими единоверцами. Посол остался в Константинополе, и в это время туда прибыли папские легаты с посланием от понтифика *Адриана II* (867—872). К ужасу посла, всерьез опасавшегося после этого за свою безопасность, папа назвал в письме св. Никифора «Греческим императором» и просил примириться с *Римским императором* Оттоном Великим. У византийцев это вызвало шок — они были искренне возмущены: «Как можно было назвать Вселенского Римского императора, августа, великого, единственного, Никифора, Греческим императором, а варварского, нищего человека — Римским императором?» Византийцы были убеждены, что это послание *подсказано* папе Оттоном Великим, и возражений Лиутпранда они просто не приняли. Папские послы были брошены в тюрьму за оскорбление царского величества, а самому Лиутпран-

ду после долгих мытарств только в октябре 969 г. дали разрешение покинуть Константинополь⁴⁷³.

К слову сказать, автономность существования Западной и Восточной церквей к этому времени достигла уже почти своего апогея. Например, Лиутпранд был искренне убежден в том, что Константинопольский патриарх получает свою власть от понтифика. И совершенно не мог понять, почему патриарх св. Полиевкт даровал статус митрополита епископу Отрантскому. Тем более что, по мнению посла, эта область — диоцез Римского папы. А греки недоумевали, отчего далекий папа, полностью находящийся во власти Германского короля, пытается навязать им свою волю. Запад и Восток отходили друг от друга все дальше и дальше...

Тем временем, не получив известий от своего дипломата, Оттон Великий продолжил военные действия. Он двинулся с войском к Апулии, дабы, по его словам, «воссоединить с нашим Итальянским королевством эту страну, *отнятую греками*»⁴⁷⁴. Герцог Капуи *Пандульф I Железная голова* (943—981), изменивший Константинополю в обмен на дарованный ему Оттоном Великим вакантный титул герцога Сполетто, со своим отрядом присоединился к германцам, и ему была даже поручена осада города Бовино. Однако в целом этот поход оказался неудачным для германцев — греки Южной Италии вовсе не собирались сидеть сложа руки и летом 969 г. нанесли сильное поражение Пандульфу при Бовино; причем сам Пандульф попал в плен. Более того, в том же году византийский полководец Евгений направился с армией на север и осадил Капую. К нему тут же присоединился Неаполитанский герцог, и влияние Византии в Италии можно было считать восстановленным. Все вассалы Византии подтвердили свои прежние клятвы, а Беневент, где правил брат Пандульфа *Ландульф III* (959—969), был разорен⁴⁷⁵.

Отношения с Болгарией также не оставались статичными. Под Рождество 964 г. в Константинополь явилось болгарское посольство с напоминанием о необходимости выплаты дани, которую болгары получали с греков с 927 г. Наверное, трудно представить время, *настолько неподходящее* для того, чтобы напоминать о старых обязательствах. Византия, возглавляемая блестящим императором-полководцем, имеющая победоносную, многочисленную, вышколенную в боях и профессиональную армию, в течение нескольких лет сумела упрочить свое положение на Востоке и была уже не той ослабленной и униженной державой, какой ее помнили во време-

на Романа I Лакапина. И легко понять гнев св. Никифора Фоки, который, выслушав болгарских послов, обратился к отцу, кесарю Варде, и спросил: «Неужели ты породил меня рабом и скрыл это? Неужто я, самодержавный государь ромеев, покорюсь нищему, грязному племени и буду платить ему дань?»

Болгария тогда переживала далеко не лучшие времена — казалось, после смерти царя Симеона удача отвернулась от этой страны. Новый царь св. Петр, позднее прославленный Болгарской церковью как *преподобный* (перед смертью он принял монашеский постриг), был полной противоположностью своему отцу. «Даже кровь текла в нем другая», — говорит летописец. Совершенно равнодушный к делам государства, робкий и добрый, он проводил все время в общении с монахами и богословами. Болгарской знати откровенно не нравилось слишком тесное сближение их страны с Византией, но льстило то, что во время больших праздников, когда болгарские послы приезжали в Константинополь, их сажали выше других иностранных посланников, а имя Болгарского царя в поминаниях ставили впереди Западного императора.

Конечно, св. Петра поддерживало болгарское духовенство, выстроенное по образу и подобию византийского клира. Болгария к тому времени обзавелась собственным *патриархом*, под властью которого находилось более 40 епархий. Но, *привыкшие не верить* грекам, убежденные в их хитрости, коварстве и неверности данному слову, болгары возмущались подчинению своей жизни византийской культуре. Их волновало и слишком тесное сближение обоих царских дворов, при котором, как им казалось, страдали болгарские национальные интересы. К тому же чрезмерное увлечение болгарского клира богатством и пышностью привело к тому, что в Болгарии стали приобретать широкую популярность идеи уже знакомых нам *павликиан*. И хотя правительство и официальная Церковь жестоко преследовала их, ересь пустила глубокие корни в болгарском народе⁴⁷⁶.

После того как от Болгарии отпала Сербия, заявившая о своей самостоятельности, национальная партия не выдержала и организовала подряд несколько заговоров — все неудачные. Вначале хотели свергнуть св. Петра и поставить царем его младшего брата Иоанна, но безуспешно. Иоанна выслали в Константинополь, где император Роман I Лакапин даровал тому статус патрикия и женил на знатной армянке. В 930 г. состоялось новое волнение — царем

было решено сделать старшего сына царя Симеона от первого брака — Михаила, ранее постриженного в монахи. Движение расширилось, и неясно, чем бы оно закончилось, но в разгар волнений Михаил внезапно умер. Наконец, в 963 г. некто болгарский боярин *Шишман* возглавил новое восстание. Хотя он и не сумел лишить св. Петра трона, но отложил от того Западную Болгарию и объявил ее самостоятельным государством, а себя — Болгарским царем. Таким образом, Болгария раскололась на два государства — Восточную и Западную Болгарию⁴⁷⁷. Положение болгар еще больше осложнилось регулярными набегами печенегов на их земли, которые, начиная с 944 г., стали ежегодными.

Понятно, почему в таких условиях св. Никифор II Фока настолько почувствовал себя оскорбленным, что лично отхлестал болгарского посла по щекам. Он отправил его обратно к своему царю со словами: «Великий и могучий повелитель римлян вскоре придет к тебе и сполна отдаст дань; я научу покрытого шкурой варвара именовать повелителя римлян своим господином!» Впрочем, по другой версии, которая вполне может дополнить изложенную нами историю, незадолго перед этим император, обеспокоенный систематическими нападениями венгров на византийские территории, попросил св. Петра не пропускать угров через свои земли. Однако, по обыкновению нерешительный, Болгарский царь не дал прямого и *положительного* ответа, что послужило поводом для резкого охлаждения добрососедских отношений между двумя державами. Появление посла с оскорбительным предложением только ускорило разрыв мирного договора⁴⁷⁸.

Не медля, весной 965 г., император с войском отправился в Болгарию и разорил несколько приграничных крепостей. Но затем, решив не рисковать войском в горных проходах, вернулся обратно. В это же время он направил молодого и способного патрикия Калокира к россам⁴⁷⁹. Обычно полагают, будто император хотел руками князя *Святослава Игоревича* (945—972) подчинить себе Болгарию. Но в действительности, как выяснили исследователи, он лишь пытался обезопасить крымские владения Римской державы, на которые уже покушались россы. Действительно, византийской дипломатии было куда проще натравить на болгар тех же печенегов, но только не допускать по соседству опасного Святослава⁴⁸⁰. Рассматривая Болгарию как потенциально свою территорию, Византийский василевс хотел избавить цветущую страну от разорения.

Действительно, воинственного сына святой княгини Ольги не нужно было приглашать в поход. Получив информацию о слабости царской власти в Болгарии, он в 967 г. с 10-тысячным войском отправился в поход и вскоре захватил город Малый Переславль. Это и было целью *первого* похода россов — завоевав город, они успокоились, не собираясь в ближайшее время нападать ни на Болгарию, ни Византию. Однако вскоре ситуация резко изменилась к худшему. Калокир почему-то решил, что его миссия далеко не исчерпывается выполнением поручений св. Никифора Фоки, и сам задумался о царской диадеме. Святослав, к которому патрикий обратился за помощью, обещал поддержать его, и изменник начал свой *путь в бесславие*, попеременно отдаваясь в руки болгар и россов. Был заключен личный тайный договор Святослава с Калокиром против св. Никифора Фоки.

Вскоре царь св. Петр, оправившись от неожиданного нападения, направил против Святослава 30-тысячное войско, но россы разбили его в сражении и вскоре подчинили себе Придунайские области. Однако весной 968 г. Святослав был вынужден срочно вернуться в Киев, на который напали печенеги, и это развязало руки св. Никифору для нормализации отношений с Болгарией и подготовки новых походов в Сирию и Палестину. К слову сказать, ходили упорные и небезосновательные слухи, что это нападение было инсценировано Константинополем, где всерьез начали опасаться удачливого полководца Святослава Игоревича, а потому создали ему проблему у себя на родине. Пользуясь передышкой, Римский император посчитал за благо предложить св. Петру мир, и тот радостно принял это предложение. Это вполне естественно: Византия вовсе не собиралась мириться с наличием россов на Дунае и предприняла необходимые меры предосторожности⁴⁸¹.

В Большой Переславль, столицу Восточной Болгарии, были направлены послы Никита Эротик и архиепископ Евхаетский Филофей, которые помимо проекта мирного договора передали просьбу св. Никифора прислать в Константинополь царских дочерей для женитьбы на царевичах Василии и Константине. Болгарский царь немедленно утвердил договор и направил в греческую столицу царственных девиц, а также своих сыновей, которые оставались там до самой смерти своего отца, случившейся 9 января 969 г.⁴⁸² Правда, эти браки так и остались «на бумаге» — след болгарских царевен затерялся во мгле веков, и что с ними стало — неизвестно⁴⁸³.

А тем временем россы во главе со своим храбрым князем переправились через Дунай и летом 968 г., разбив высланные против них царем св. Петром отряды, захватили все города по Дунаю⁴⁸⁴. Хотя мирный договор с Константинополем все еще действовал, Святослав не оставил мысль создать тайный антивизантийский союз. Он привлек негативно настроенных по отношению к грекам болгар, печенегов, касогов и венгров и организовал необъявленную войну, боевые действия на которой велись на всем протяжении 967—969 гг.⁴⁸⁵

В это же время, посчитав, что ситуация на Западе нормализована, император с войском направился к Антиохии — столице Сирии, уже 300 лет находившейся во власти арабов. Поняв по прибытии к городу, что гарнизон не испытывает недостатка в продовольствии, василевс отказался от штурма, опасаясь повредить город стенобитными орудиями — новое свидетельство того, что греки *возвращались* в Сирию, а не совершали очередной рейд с целью грабежа сирийских провинций. Вместо этого он избрал другой план: истощить воинскую силу сарацин в локальных боях и *вынудить* арабов добровольно сдать город. Он направился с армией по направлению к Палестине в надежде освободить Иерусалим — священный город всех христиан.

По дороге император захватил Эдессу и имел счастливую возможность помолиться в храме Святых исповедников. Там он дал войску отдых. В качестве драгоценного трофея св. Никифор отправил из Эдессы в Константинополь черепицу с нерукотворным изображением Спасителя, которую уложил в изготовленный из золота ларец. Впервые за последние сотни лет византийские отряды появились у стен древних римских крепостей Нисибии и Армиды и дошли до Лаодикеи. Интересно, что, овладев городом Лаодикеи, император оставил проживавшего в нем арабского правителя, ранее зависевшего от эмира Алеппо, и дал ему титул стратига вновь образованной фемы⁴⁸⁶.

Сейф-ад-Даул, не так давно относившийся к самым опасным врагам Византии, теперь, рано состарившись от пережитых поражений и унижений, бессильно взирал на очередные успехи христианского оружия. Едва узнав о потере своих главных городов, эмир скончался 25 января 967 г. в Халебе, в возрасте всего 52 лет. Ему наследовал сын *Сад-ад-Даул* (967—991), очередной правитель из династии Хамданидов, который в течение четверти века пытался

положить предел византийским победам. Но, надо сказать, византийцы очень умело пользовались раздорами в лагере мусульман, вступая попеременно в альянсы с отдельными партиями и раскалывая неприятелей. А потому в некоторые моменты времени Сад-ад-Даул, презрев гордость, был вынужден обращаться к своим врагам, византийцам, чтобы сохранить Халеб от египетских берберов. В такие минуты его власть целиком и полностью зависела от Константинополя⁴⁸⁷.

Затем император овладел городами Мемпетце и Арку — взять город Триполи не представилось возможным, поскольку греческий флот, должный поддерживать сухопутную армию, отстал из-за сильных ветров и непогоды. Как говорят, всего императором было захвачено 18 городов, а в плен попало до 100 тыс. арабов из числа мирного населения. Не желая разрушать великий город, он приказал выстроить крепость напротив Антиохии, оставил там большой гарнизон и приказал ежедневными набегами истощать окрестности, чтобы подорвать способности антиохийцев к сопротивлению. Сам же св. Никифор Фока вернулся с войском в Константинополь, чтобы пересидеть зиму — *последнюю* в его жизни⁴⁸⁸.

Из столицы император направил послание эмиру Египта, в котором предлагал обменять плененного адмирала Никиту на меч пророка Мухаммеда, взятый им в качестве трофея в Палестине. Эмир согласился за это освободить не только Никиту, но *всех* римлян, взятых в плен в ходе последней кампании. В это время, пользуясь смертью престарелого Болгарского царя св. Петра, сын царя Западной Болгарии Шишмана *Давид* попытался присоединить к своим владениям Восточную Болгарию, но сын св. Петра царь *Борис II* (969—977) при помощи византийских войск сумел отбить это нападение⁴⁸⁹.

Летом 969 г. князь Святослав с войском вернулся обратно в Болгарию и разбил болгарскую армию, которую новый царь Борис II направил против него. Состоялось еще несколько сражений, и каждый раз болгары оказывались биты россам. Несмотря на союзнический договор, св. Никифор не сумел помочь Болгарии, поскольку в это время воевал на Востоке. А Святослав Игоревич тем временем взял штурмом Большой Переславль и захватил в плен царя Бориса II со всем его семейством. Надо сказать, нравы того времени были весьма жестокими, и устрашение местного населения относилось к числу наиболее распространенных способов закрепления

завоевателями своей власти на новых землях. А потому нет ничего удивительного в том, что, разграбив в 970 г. Филиппополь, русский князь посадил 20 тыс. его жителей на кол⁴⁹⁰.

Тем самым он вышел на границу Византийской империи, которую довольно легкомысленно решил завоевать. Святослав тайно обратился за помощью к венграм, и уже в 968 г. те несколько раз нарушили римские владения, нанеся римлянам урон⁴⁹¹. Правда, решать «проблему Святослава» пришлось уже не св. Никифору, а его преемнику — об этом рассказ пойдет ниже.

Тем временем пришло известие о том, что оставленный в Сирии отряд под командованием Михаила Вурца 29 октября 969 г. взял штурмом Антиохию. Безусловно, это была великая победа, несколько омраченная тем, что город сильно пострадал вследствие кровопролитных боев. Император воздал благодарственные молитвы Богу, но в силу достоверно неизвестных причин наказал Михаила — *формально* тому ставилось в вину жестокое обращение с жителями Антиохии и разрушение города, который царь желал оставить неприкосновенным. К сожалению, этот не вполне адекватный поступок св. Никифора сослужил вскоре плохую службу, о чем мы поведаем несколько ниже⁴⁹².

Вслед за этим византийцы захватили сам город Алеппо — столицу Сирийского эмирата, после чего был заключен довольно уничижительный для арабов договор. В документе определялись границы и названия местностей в Сирии, которые или переходили во владение Византии, или попадали в вассальную зависимость от Римского императора. Так, в частности, Антиохию присоединили к Византийской империи, а Алеппо стал вассальным городом. Согласно условиям договора, христиане освобождались от всех налогов на территории эмирата, а правитель Алеппо обязывался помогать византийцам во всех их войнах с немусульманами и обеспечивать безопасность торговых путей. Правитель города должен был также сообщать Римскому царю обо всем, что творится на Восточной границе, и оберегать Алеппо от вторжений любых врагов, пусть даже и единоверцев. Были полностью устранены любые ограничения по переходу из ислама в христианство, и наоборот. Помимо этого, население города было обложено данью, дававшей Римской империи доход в размере 44 тыс. золотых монет ежегодно⁴⁹³.

Это был настоящий расцвет византийской армии, победоносная страница ее истории. По словам арабских хронистов, солдаты

св. Никифора Фоки были *счастливы* участвовать в его экспедициях, поскольку они двигались, куда хотели, и брали те города, которые им нравились. Никто не мог оказать им сопротивления или преградить дорогу к намеченной цели. Арабы настолько боялись св. Никифора Фоку, что называли того «Бледнолицая смерть сарацинов». Более 300 лет тому назад император Ираклий I Великий сказал, уезжая с фронта в Константинополь: «Прощай, Сирия!» Теперь его далекий преемник мог с полным основанием сказать: «Здравствуй, *христианская* Сирия!» Поэты славословили императора в пышных фразах, сравнивая с древними героями и могущественнейшими царями, и это было истинной правдой⁴⁹⁴.

И если бы не последующие трагичные события, то, как полагали все современники, император с легкостью восстановил бы старые границы Римского царства и, возможно, покорил Индию⁴⁹⁵.

Глава 3. Любовь старого солдата и юной царицы. Убийство царя

Первое время после смерти своего мужа императрица Феофано находилась в тени, но когда воцарился св. Никифор, своим тонким и циничным умом быстро поняла, что ее время пришло и судьба дарует ей еще один шанс. Как известно, император уже давно слыл аскетом и помимо всех обычных подвигов христианского благочестия не общался плотски с женщинами после смерти любимой жены. Однако 20 сентября 963 г. неожиданно для всех император сочетался браком с Феофано.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять — любовь Феофано являлась выдумкой, и в нее мог поверить только такой благочестивый идеалист, как св. Никифор II Фока. Всю жизнь проведя в военных походах, он не был красив внешне и *очень не подходил* 21-летней женщине как супруг. Среднего роста, с плотной, немного округлой фигурой, очень широкими плечами и выпуклой грудью, он был мало похож на героя-любовника. Его выгоревшее под горячим и беспощадным восточным солнцем лицо имело темный цвет. Волосы были густые и черные, обильно украшенные сединой, глаза также черные, что выдавало в нем армянское происхождение. Нос средний, немного крючковатый, соседствовал с мохнатыми

бровями, борода имела правильную форму, и ее также покрыла седина⁴⁹⁶.

Однако Феофано обладала какой-то мистической притягательной силой, и ни один мужчина не мог устоять против ее чар. Никто из лиц, близко знавших императора св. Никифора долгие годы, не мог себе представить, что этот старый воин, трезвенник, аскет и монах в душе вдруг увлечется молодой женщиной и начнет жить жизнью обычного мирянина. После долгих лет постнической жизни неожиданно для всех василевс начал есть мясо и устранил остальные ограничения в пище, ранее для него незыблемые. Увлечение царя Феофано было быстрым и ярким, как солнечная вспышка. Уже очень скоро император открылся женщине и напрямую сказал, что любит ее, а ради любви готов на все. Естественно, та не стала сопротивляться, хотя, очевидно, была абсолютно холодна к св. Никифору — ее притягивала в нем только сила, гарантирующая ей безопасность и возможность остаться на высшей ступеньке власти⁴⁹⁷.

Едва сочтавшись браком с Феофано, царь подарил ей громадные сокровища и богатые земельные наделы в объемах, явно превосходивших потребности молодой царицы⁴⁹⁸. Узнав о переменах, случившихся со св. Никифором, к нему приехал его дядя игумен Афонской Лавры св. Афанасий. Принятый царем, он с обычной непосредственностью стал бранить его за нарушение обетов, но тот в ответ поклялся, что собирается жить с Феофано, как брат с сестрой, а когда уладит государственные дела, немедленно уйдет в монастырь. Несколько умиротворенный, св. Афанасий вернулся в Афонскую Лавру⁴⁹⁹.

Но здесь возникла новая проблема. Константинопольский патриарх св. Полиевкт вначале крайне неодобрительно отнесся к женитьбе царя-вдовца на вдовой императрице и наложил епитимию на св. Никифора, запретив тому причащаться Святых Таинств в течение года. Император смирился и выполнил все, что требовал от него архиерей. Но затем св. Полиевкт неожиданно отказался признать каноничным сам брак св. Никифора с Феофано, поскольку, как ему сообщили, император некогда стал восприемником от святой купели детей царя Романа II. С большим трудом василевсу удалось доказать патриарху, что восприемником являлся не он, а его брат Варда Фока — в качестве свидетеля явился один священник и показал, что св. Никифор не имеет никакого

духовного родства с императрицей. Епископы, присутствующие при обсуждении вопроса, настойчиво убеждали патриарха, что закон о невозможности брака при духовном родстве был принят при императоре-иконоборце Константине V Исавре, а потому не-обязателен к исполнению⁵⁰⁰. Скорее всего, патриарх не поверил, но, покинутый даже ближайшим окружением из числа клириков, смирился и *сделал вид*, что его устроили объяснения. Впрочем, по Константинополю все равно ходили упорные слухи, будто этот брак является кровосмесительным. Данное событие окончательно испортило отношения царя с патриархом, да и Феофано затаила лю-тую злобу на св. Полиевкта, видя в нем угрозу своему статусу⁵⁰¹.

Надо сказать, что популярность императора у населения Кон-стантинополя постепенно угасала, и на то были причины. Святой Никифор откровенно *лелеял* военное сословие и прощал своим солдатам многие правонарушения в мирной жизни. Кроме того, для пополнения казны он ввел новую монету с собственным изо-бражением, имевшую меньшее содержание золота, но заставил принимать ее по искусственно завышенному курсу, что очень не понравилось населению⁵⁰². А брат царя Лев Фока, некогда бле-стящий военачальник, став куропалатом, переродился в плохого администратора. В 968 г., когда случилась большая засуха, он в на-рушение закона, запрещавшего должностным лицам заниматься торговлей, открыто спекулировал хлебом, покупая его за бесценок на стороне и продавая в столице втридорога. Торговля в Византии тогда осуществлялась через специальные корпорации, и государ-ство тщательно следило за тем, чтобы цены на продукты питания и товары держались в установленных рамках. Поэтому использо-вание Львом своего должностного положения являлось вопиющим попранием закона, в частности § 10 главы VI и § 4 главы 16 «Книги епарха»⁵⁰³.

Куропалат добился резкого повышения цен на продукты и по-всеместного негодования. И хотя сам св. Никифор не имел ника-кого отношения к рыночным махинациям Льва, все посчитали, что братья поровну делят барыши. Однажды, когда царь в поле упражнял свое войско, к нему подошел седовласый старик и по-просил зачисления в стратиоты. Император недоуменно спросил: «Ты же старый человек. Как ты сможешь выдержать всю жизнь солдата?» — на что старик не без иронии ответил, что он сейчас сильнее, чем во времена своей юности. «Ранее, я мог погрузить

хлеб, купленный за одну монету на двух ослов, а сейчас, купив его за две монеты, могу нести на плечах». Довлели и налоги, которыми император *вынужденно* облагал население для обеспечения своей многочисленной армии. В общем, общественное мнение стало склоняться против царя⁵⁰⁴.

Его авторитет упал еще больше после того, как царь наказал любимца войска и константинопольцев Иоанна Цимисхия. Видимо, к этому времени заслуженный полководец, обладавший острым умом и непомерным честолюбием, убедился в непрочности положения св. Никифора II, и в его голове созрели мысли о том, чтобы взять власть в Византийской империи в свои руки. Лучшим средством составить себе положительный образ являлось заступничество за обиженных константинопольцев против нарушителей закона. Цимисхий воспользовался этой возможностью — он горячо выступил против злоупотреблений Льва Фоки, за что поплатился чином стратига Азии, отставкой и ссылкой в имение без права посещать царский дворец.

Другим шагом, постепенно приведшим к политической изоляции императора, стало восстановление прежних царских прерогатив в части церковного управления. При всем своем благочестии и преклонении перед монашеством св. Никифор II вовсе не собирался мириться с тем, что при некоторых прежних императорах столичный клир и Константинопольский патриарх довлели над статусом василевса. То, что касалось лично его, благочестивый император, как мы видели, спокойно принимал. Но, *как царь*, категорически не терпел каких-либо попыток ограничить свою власть, если видел в том угрозу *общему благу* — абсолютной для византийского сознания категории.

Еще будучи полководцем, император пришел к тому нелицеприятному выводу, что существующая практика приобретения монастырями земельных наделов резко подрывает благосостояние Римского государства. Известно, что многие цари пытались ограничить права Церкви на земельные наделы, но в целом добились немногого. Как и ранее, монастыри владели гигантскими площадями сельскохозяйственной земли, не облагавшейся налогами, и тем самым вольно или невольно уничтожали основной финансовый источник Византийской империи для формирования и обеспечения армии. И так же, как в предыдущие времена, здесь создавалась основа для всевозможных спекуляций и злоупотреблений

со стороны заинтересованных лиц, подрывавших экономические и финансовые основы государства.

Уже в 964 г. император издал новеллу, вызвавшую крайнее раздражение у клириков, которые считали, что она «дышит ненавистью к монашеству». В своей новелле св. Никифор обращал внимание в первую очередь на печальное состояние монастырей и монастырского благочестия.

«Не каждый ли час они стараются приобретать тысячи десятин земли, строят великолепные здания, разводят бесконечные табуны лошадей, стада волов, верблюдов и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, так что монашеский чин ничем уже не отличается от мирской жизни со всеми ее суетами? Разве Слово Божье не гласит нечто тому противоположное и не заповедует нам полную свободу от таких попечений? Разве оно не поставляет в посрамление нам беззаботность птиц? Взгляни, какой образ жизни вели святые отцы, которые просияли в Египте, Палестине, Александрии и других местах, и ты найдешь, что жизнь их была до такой степени проста, как будто они имеют лишь душу и достигли бестелесности ангелов. Христос сказал, что только усиливающийся достигает Царствия Небесного и что оно приобретается многими скорбями. Но когда я посмотрю на тех, кто дает обеты удаляться от сей жизни, и перемены одежды как бы знаменуют перемену жизни, и вижу, как они обращают в ложь свои обеты и как противоречат поведением своей наружности, то я не знаю, как назвать это, как не комедией, придуманной для посрамления имени Христова. Не апостольская эта заповедь, не отеческое предание — приобретение громадных имений и множество забот о плодах, приносимых деревьями... Кто из святых отцов учил их этому и каким внушениям следуют они, дойдя до такого излишества, до такого, по слову Давидову, суетного безумия?»⁵⁰⁵

В качестве мер, направленных на устранение этих откровенно неблаговидных поступков, император, во-первых, хотя напрямую и не запрещает строительство новых обителей, но недвусмысленно *не одобряет*. Вместо этого Никифор рекомендовал лицам, жалевшим помочь монастырям, вначале привести в порядок старые, заброшенные обители, а потом уже приниматься за сооружение новых. В качестве альтернативы он разрешил сооружение в пустынных местах келий: «Мы не только не запрещаем этого, но, напротив, считаем делом, достойным похвалы». Во-вторых, им-

ператор категорически запретил дарить и завещать монастырям недвижимое имущество⁵⁰⁶.

Как видим, Фока пошел гораздо дальше своих предшественников. Он не препятствовал властителям приобретать имения знатных лиц, а крестьянам — крестьянские земли, но категорически не допускал возможности приобретать духовенством и настоятелями монастырей крестьянские участки независимо от правового статуса. Царь также запретил любое безвозмездное приобретение земель Церковью — как от аристократов, так и от рядовых граждан. Безусловно, василевс прекрасно понимал, что его указ вызовет соответствующую реакцию, а потому написал в последних строках документа: «Я хорошо знаю, что многие будут стонать и вопить по поводу моего распоряжения. Тем не менее, я решился пойти на это. Впрочем, я утешаю себя мыслью, что все, кто не ограничивается поверхностными суждениями, а старается вникнуть в сущность дела, будут одобрять и благословлять мои распоряжения, как соответствующие общественному благу. Сам апостол Павел меня поддерживает в том решении: разве он не пишет, что мы должны стремиться к тому, чтобы нравиться Богу, а не людям?»⁵⁰⁷

Следующим шагом св. Никифора II стало решительное вторжение в богослужебную практику: он категорично запретил «латинский» обряд в итальянских фемах Византии — Калабрии и Лангобардии и установил «греческий» обряд в качестве общеобязательного. Эта мера была вызвана в первую очередь политическими соображениями — таким способом император недвусмысленно отвергал все претензии саксонца Оттона I Великого на исконные византийские территории. В принципе Константинопольский патриарх св. Полиевкт мог только радоваться, что василевс так рьяно отстаивает интересы Восточной Церкви. Но его наверняка покорибл сам прецедент — при *некоторых* предыдущих императорах в Константинополе привыкли, что такие вопросы относятся к исключительной прерогативе патриарха.

Не могло не вызвать глухого ропота и узаконение св. Никифора II, пожелавшего причислить к лику мучеников *всех* православных воинов, павших на войне с сарацинами. Опять же, мотив действий царя был всем понятен: арабы, как мусульмане, были уверены, что любой воин, погибший за веру, автоматически попадает в Рай; в православном богословии такой причинно-следственной связи никогда не признавали. Поэтому император решил дать сво-

им стратиотам *идейную основу* для бóльшего самопожертвования на войне. Отговорить василевса удалось лишь ссылкой на 13-е правило *св. Василия Великого* (329—379), который советовал убивающим на войне *воздерживаться* в течение трех лет от причащения⁵⁰⁸. И император, всегда чуткий к мнению священства в вопросах веры, своевременно отменил свое решение. Но многих этот эпизод покоробил: «царь навязывает клиру вопросы веры». Внешне вопрос о праве царя на такую инициативу не поднимался — св. Никифор был не тот император, который позволил бы кому-то покушаться на свои полномочия. Но сам эпизод заинтересованным лицам *запомнился*⁵⁰⁹.

Наконец, последний шаг императора в закреплении своих прав, как главы Кафолической Церкви, стал эдикт, согласно которому отныне *избрание епископов* могло состояться только с согласия царя. Конечно, для клира это было вопиющим нарушением прав Константинопольского патриарха — прежнюю практику «симфонии властей» к тому времени порядком подзабыли. В результате уже в скором времени священноначалие Восточной Церкви перестало быть союзником царя, как это было раньше в мятежном 963 г.

Из других узаконений святого императора, быстро уменьшивших круг его доброжелателей из числа светских лиц, следует выделить новеллу 964 г., касающуюся вопроса о крупном землевладении. Как известно, предыдущие василевсы предпринимали значительные меры, чтобы не допустить разорение мелкого крестьянства, а потому различными способами ограничивали возможности сосредоточения земельных угодий в руках местных «*властителей*», как называли группу крупных землевладельцев. Однако эти законы на периферии нередко бойкотировались, что и констатировал император Константин Порфирородный в одной из своих новелл. Надо сказать, в этом вопросе св. Никифор занял, скорее, компромиссную позицию, устранив некоторые жесткие ограничения по приобретению земли «*властителями*». Он сделал акцент на необходимости обеспечить *справедливое соглашение* сторон и по совести решить все разногласия между ними, чтобы ничьи права не страдали. По его мнению, бывшие предшественники на царском троне несколько уклонились от традиционного христианского подхода, забыв, что царь, как «законный защитник общего и для всех равного блага» должен соблюдать нейтралитет. Взяв одну сторону, они, как считал василевс, нарушили справедливость, и это нарушение следовало устранить.

Но за *строками закона* легко угадывалось, что его симпатии лежат совсем не на стороне «властителей». «С тех пор, как мы получили самодержавную власть, — дословно говорится в царской новелле, — и принялись разбирать дела между богатыми и бедными, мы увидели, что властители, страдая страстью приобретения, находят явное поощрение своей страсти в 40-летней давности. Они стараются то посредством подарков, то посредством присущей им силы и влияния миновать как-нибудь этот срок и затем уже получить полное право собственности над тем, что они дурным образом приобрели у убогих. Не должны ли мы сами вступить, обуздать сильных, поддержать бедных в принадлежащих им правах, которые у них злым образом бывают отнимаемы или похищаемы обманом?»

Император, желая, чтобы стороны полюбовно пришли к соглашению, приводит примеры того, как сегодняшние «властители» ранее были бедными крестьянами, и наоборот. В частности, говорит император, некий патрикий Филокали ранее был бедным, а затем разбогател несправедливым путем. И вот царь приказал сравнять с землей его дворцы и отнять всю собственность, кроме той, с какой тот начинал свою жизнь. Василевс не видит никакого резона в 40-летнем сроке давности и отменяет его⁵¹⁰.

Нетрудно предположить, что ближайшее окружение царя, от которого оно было очень зависимо, требовало от него более решительных мер — устранение вообще *всех препятствий* по укрупнению своих владений. Однако император сохранил собственное видение, чем вызвал откровенное недовольство со стороны сильных мира сего. Любовь к бедным ему не простили и не забыли...

У императора не было иллюзий по поводу того, насколько *непопулярна* его новелла: «Кто имеет разум и способен смотреть не на поверхность вещей, а проникать вглубь, ясно, что мы устанавливаем закон выгодный и полезный для живущих по Богу и для всего государства», — писал он. К сожалению, таковых было немного. Этим, очевидно, и вызвано то печальное положение дел, что в скором времени у императора не осталось друзей. Клир откровенно его не любил, крестьяне полагали, что их обманули, а «властители» сетовали на половинчатость решений василевса. Вскоре недовольство проявилось в зримых формах.

На праздник Вознесения Господне император по традиции направился в храм Богородицы в Пиги, расположенный за стена-

ми Константинополя, а в это же время в столице произошло побоище между горожанами и армянскими солдатами, входившими в царскую гвардию. Волнение удалось унять, но по возвращении царя в столицу ему пришлось выслушать много нелестных слов в свой адрес со стороны константинопольцев. Многие открыто его поносили, а какая-то женщина даже бросала камни в св. Никифора⁵¹¹.

В ноябре 969 г. к императору, сохранившему склонность к общению с монахами, явился посланник безымянного святого старца, передавшего св. Никифору письмо. В нем старец написал, что ему открыто Богом время кончины императора, которая случится уже в декабре этого года. Такое известие повергло императора в тревогу: он перестал спать на царской ложе, ночью уединялся на полу, покрытом звериными шкурами, укрываясь сверху плащом монаха Михаила Малеина. Вскоре ему пришлось испытать еще одну утрату — умер его отец 90-летний Варда Фока.

После погребения отца император имел разговор с императрицей Феофано, слезно умолявшей царя простить Иоанна Цимисхия. Она напомнила царю о прежних заслугах опального полководца, его родстве с императором и возвала к доброте и справедливости св. Никифора. Как обычно, мольбы царицы растрогали василевса, и он распорядился немедленно вернуть Цимисхия из ссылки. Получив аудиенцию у императора, Цимисхий просил прощения за свои неразумные поступки, оскорбляющие величие царя, и был прощен. Более того, ему разрешили беспрепятственно бывать в Большом дворце каждый день. Святой Никифор II не знал, что только что своими руками подготовил собственную кончину⁵¹².

Слишком редко бывая в столице, император упустил из виду свою супругу, которая уже давно размышляла о грядущих перспективах для себя и своих детей. Как хитрая и опытная интриганка, она прекрасно понимала шаткость власти св. Никифора, чьи победы в значительной степени были ослаблены указанными выше причинами. Аскетичный и «излишне» благочестивый св. Никифор быстро надоел ей, и, несмотря на все старания и притворство Феофано, между супругами стали мелькать первые нотки взаимного недовольства⁵¹³. Кроме того, подрастали ее дети, и она вполне допускала, что св. Никифор может попытаться устранить их от власти. Что делать — каждый мерит по себе, и роковой женщине нелегко было понять благородную душу св. Никифора, не способного на

такой поступок. И Феофано решила найти замену Фоке на царском престоле.

Для того чтобы заговор против императора имел шансы на успех, нужно было найти *повод* и *лиц*, способных физически устранить св. Никифора II. Повод нашелся быстро — императрица умело распространила *легкий* слух, будто царь желает ослепить Василия и Константина, дабы ни с кем не делить императорство. Затем она остановила свой взор на Иоанне Цимисхии, имевшем все основания считать себя обиженным, хотя бы и заслуженно.

Вступив с ним в тайную переписку, она нашла подтверждение своим догадкам — Цимисхий готов был рискнуть всем ради императорской диадемы. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что молодой и полный сил мужчина, к тому времени уже овдовевший, быстро увлекся красивой женщиной, чье умение обольстить любого представителя противоположного пола было безгранично. В свою очередь 45-летний эlegantный и горячий мужчина стал настоящей и последней любовью Феофано. После того как тайный союз был скреплен взаимными обещаниями и *страстью*, императрица начала действовать. Первая часть плана — возвращение Иоанна Цимисхия в Константинополь, как мы видели, была реализована без больших проблем. Наступило время для реализации второй стадии плана.

Когда Иоанн обосновался в столице, он, не медля, сформировал вокруг себя небольшой кружок доверенных помощников, куда вошли обиженный императором Михаил Вурца и полководец Лев Педиасма, представитель старинного аристократического рода. Через тайные ходы, которыми регулярно пользовался Цимисхий — очевидно, их любовная связь с императрицей приняла устойчивые формы, заговорщики прошли в покои Феофано и устроили совещание с целью определить план устранения св. Никифора от царства. Все быстро сошлось во мнении, что самым надежным способом является *убийство*, и наметили сроки совершения этого преступления. Примечательно, что буквально накануне этого события, исход которого являлся уже predeterminedным, император получил письменное анонимное предупреждение о том, что в покоях царицы находятся вооруженные заговорщики, собирающиеся его убить. Он поручил своему слуге проверить все помещения на женской половине дворца, но тот в силу неведомых причин не выполнил поручения св. Никифора II.

Между тем заговорщиков мучили сомнения в успехе затеянного предприятия. В частности, они опасались, что император запрет двери в свою спальню и тогда все дело рухнет. Им вызвалась помочь все та же неутомимая царица, которая не знала преград, когда речь шла об ее интересах⁵¹⁴. Можно только удивляться цинизму и хладнокровию Феофано. Вечером 10 декабря 969 г., непосредственно перед убийством императора, она, как обычно, зашла в его опочивальню и сообщила, что ей необходимо устроить болгарских царевен — невест ее сыновей Василия и Константина. «Я позабочусь о них, — сказала Феофано царю, — а потом приду к тебе. Вели не запирать дверь в твою спальню — я вернусь и сама ее запру»⁵¹⁵. С кроткой и *многозначительной* улыбкой она вышла, а св. Никифор, предавшись молитве Богу, только под утро уснул перед иконами Спасителя, Богородицы и Иоанна Крестителя — физическая усталость взяла свое.

В это время заговорщики вышли из тайной комнаты, где их прятала Феофано, и, прокравшись по дворцовым покоем, ворвались в опочивальню царя. Было 5 часов утра 11 декабря, темно, шел густой снег, и заговорщики не сразу разглядели, где находится св. Никифор. Его постель была пуста — Цимисхий и остальные убийцы не знали, что царь привык спать на полу, и решили, что императора кто-то предупредил об опасности. Но тут один из слуг Феофано указал им на спящего в дальнем конце спальни императора — заговорщики подбежали к нему и стали пинать ногами его тело. Святой Никифор проснулся и поднял голову, но один из заговорщиков, Лев Валант, также принадлежавший к знатному роду, поразил его сильным ударом меча в голову. Василевс простонал: «Пресвятая Богородица, помоги мне!» — но уже никто не мог помочь ему.

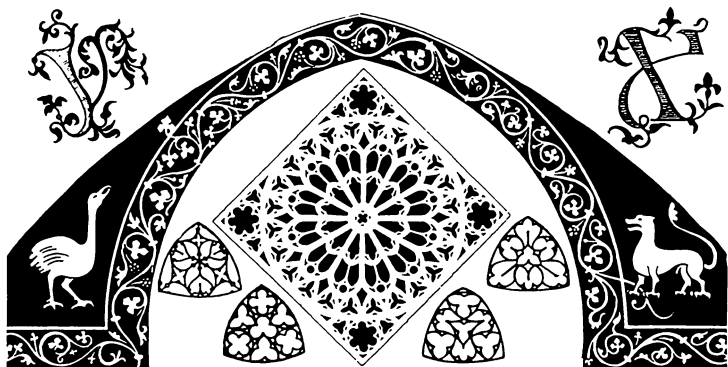
Раненого, истекающего кровью св. Никифора II поволокли по полу к Иоанну Цимисхию. «Скажи, негодный человек, — начал тот свою обвинительную речь, — не я ли поставил тебя на Римский престол, не мне ли ты обязан верховной властью? Как ты мог позабыть о моих благодеяниях и отправить меня в деревню в ссылку, отобрав у меня войско? Говори же, если можешь что-то сказать в свое оправдание!» Но в ответ услышал лишь моления умирающего св. Никифора к Богородице. Тогда Цимисхий начал бить того по лицу, а затем пронзил грудь императора мечом. Чтобы повязать всех заговорщиков кровью несчастного царя, Цимисий, обернув-

шись, приказал остальным заговорщикам нанести по одному удару мечом. Вскоре все было кончено — 57-летний святой император испустил дух⁵¹⁶.

Затем по приказу Иоанна Цимисхия один из заговорщиков отрубил голову царя и пронес ее в дворцовый зал, куда уже вбежали взволнованные смутными слухами гвардейцы. Это страшное зрелище настолько поразило солдат, что они опустили мечи и покорно провозгласили **Иоанна I Цимисхия** императором Римского государства. А тело св. Никифора II еще целые сутки пролежало на улице в снегу, пока наконец его не уложили в деревянный ящик и не отправили в усыпальницу храма Святых Апостолов, где и погребли.

В завершение этой страшной истории следует сказать следующее. Император святой Никифор II Фока был вскоре прославлен Церковью, как *благочестивый царь*, а всех заговорщиков ждали далеко не самые лучшие времена. Свершилось *Божественное Правосудие*, и все они закончили жизнь или насильственным путем, или в нищете и безвестности⁵¹⁷. Особая судьба и горькое искупление ждало и Феофано, в чем ей уже очень скоро придется убедиться...





XLVIII. ИМПЕРАТОР ИОАНН ЦИМИСХИЙ (969—976)

Глава 1. Разочарование Феофано. Восстановление положения императора в Церкви и государстве

Было раннее утро субботы 11 декабря 969 г., Константинополь еще спал. Горожан разбудил крик глашатая, объезжавшего темные улицы и провозглашавшего императорами Римского государства Василия и Константина, сыновей царя Романа II, а также Иоанна I Цимисхия. За глашатаем в отдалении следовал отряд воинов, во главе которого находился проэдр Василий Варвар — незаконнорожденный и оскропленный в далеком детстве сын императора Романа I Лакапина. Позднее его пригласил покойный св. Никифор Фока, отметивший в нем изобретательность и мужество, но неблагодарный сановник примкнул вместе с другими к заговору Иоанна Цимисхия. Непосредственно перед убийством императора он испугался риска и даже на время отошел от заговорщиков, для видимости сказавшись больным. Теперь же, узнав о свершившихся переменах, Василий первым вышел на улицу, чтобы поддержать Цимисхия. Его труды были не напрасны: узнав о рвении Василия, новый император, положение которого было еще, мягко говоря, очень шатким, в первую же ночь на радостях даровал ему титул паракимомена.

Следует сказать, что император Иоанн I очень опасался народных волнений и нестроений в армии, где св. Никифора Фоку очень любили. Поэтому он поспешил вознаградить своих товарищей пышными титулами, надеясь таким способом сформировать пусть еще маленькую, зато устойчивую и преданную лично ему группу сообщников, *намертво* соединив их судьбы со своей судьбой. Вслед за этим, по совету Василия Варвара, он в первый же день своего царствования издал указ, запрещающий всякие народные бунты и неподчинение царской власти⁵¹⁸.

Вообще, хотя Цимисхия и можно осуждать с этической точки зрения, объективно это был далеко не заурядный человек. Кратко остановимся на портрете нового василевса. Он был маленького роста, откуда и получил свое прозвище Цимисхий («*туфелька*»), 45 лет, и происходил из знатного армянского рода. Его предки неоднократно демонстрировали полководческое искусство на полях сражений, и не случайно Цимисхий с рождения выбрал путь воинской славы. Несмотря на маленький рост, этот блондин с голубыми глазами и чистым, белым лицом обладал мужской красотой и нравился женщинам. Невероятно чистоплотный щеголь, он находил время даже среди тягот военной службы привести в порядок свою наружность. Его тело буквально дышало силой: широкая грудь и мускулистая спина, мощные руки, в которых таилась громадная физическая сила, — их обладатель отличался не только честолобием и хитростью, но ловкостью и отвагой.

Это был прирожденный воин: он без труда поражал дротиком цель через отверстие величиной с кольцо и отлично владел всеми видами оружия. На показательных выступлениях Иоанн демонстрировал такой трюк: он клал кожаный мяч на дно стеклянной чаши, а затем, прищпорив коня, проносился мимо на полном скаку, ударяя по мячу с такой силой, что тот подскакивал вверх, а чаша оставалась невредимой. Хотя этот *маленький царь* обладал изрядной долей вероломства, ему не были чужды христианские добродетели. Щедрый и часто совершенно бескорыстный, он практически никогда не отказывал в просьбах о помощи, жертвуя свои средства на благотворительность. Из малопривлекательных качеств современники отмечали его любовь к спиртному и тягу к женскому полу⁵¹⁹.

Больше константинопольцев Цимисхий и его сообщники опасались брата покойного императора Льва Фоки. Достаточно было

тому раздать на улицах столицы богатства, праведным и неправедным путем приобретенные в последние годы, и призвать к отмщению убийц, как качели политического успеха могли качнуться в другую сторону. Военские отряды, преданные св. Никифору Фоке, наверняка поддержали бы его призыв и стерли бы заговорщиков во главе с узурпатором в порошок. Однако, по счастью для Иоанна, Лев откровенно растерялся и струсил — единственным проявлением его активности стало срочное бегство в храм Святой Софии, где он искал убежища.

Не теряя времени, Цимисхий в считанные дни сместил с высших государственных постов всех назначенцев убитого царя и поставил на их места своих товарищей. После этого в храм Святой Софии был направлен представитель царя, объявивший Льву условия его безопасности, — и тот немедленно согласился. Он и его сын патрикий Никифор были сосланы на остров Лесбос, однако не претерпели никакого урона своему имени, чести и здоровью. Другого сына Льва, патрикия Варду, также сместили с должности дуки фемы Халдии и сослали в город Амасий, что располагался в феме Армениак — родовое гнездо фамилии Фок. Буквально за семь дней Иоанн Цимисхий навел порядок и практически бескровно избавился от потенциальных конкурентов и могущественных врагов⁵²⁰.

С вполне обоснованной решительностью Цимисхий направил ся со свитой в храм Святой Софии, чтобы Константинопольский патриарх по традиции венчал его на царство. Однако василевс не учел твердости духа и принципиальности св. Полиевкта. На пороге храма Цимисхия встретил посланный архиереем клирик, заявивший, что ни о каком венчании не может быть и речи, пока Иоанн не назовет убийцу св. Никифора Фоки. Едва ли патриарх не знал всех деталей той страшной ночи, и его требование, скорее, давало Цимисхию надежду публично *оправдаться в преступлении*, найдя «истинного» виновника. Ему откровенно не нравился покойный император, и, успокоившись тем, что убитого не воскресить, св. Полиевкт решил помочь Цимисхию, а заодно решить и два других, очень волнующих его вопроса, о которых мы сейчас скажем.

Иоанн был не настолько неискушен в политической лексике, чтобы не понять истинный смысл слов патриарха. И без колебаний

назвал своего сообщника Льва Валанта убийцей св. Никифора — того немедленно казнили⁵²¹. Но тут Цимисхия «догнали» два других требования св. Полиевкта: изгнать из царского дворца императрицу Феофано и вернуть грамоту покойного императора, ставящую поставление епископов под строгий контроль царя. Делать нечего — погоревав, Цимисхий сослал свою любовь на остров Прота из архипелага Принцевых островов и выдал патриарху искомую грамоту. Помимо этого, он вернул из ссылки всех епископов, сосланных св. Никифором Фокой за отказ починиться его грамоте о новом порядке поставления архиереев.

Ярость Феофано, узнавшей об уготованной ей судьбе, была неопишуемой. Она рвалась увидеться с предавшим ее возлюбленным, надеясь все изменить, но тщетно: слуги царя по его приказу сопровождали императрицу к месту ссылки. Все же через короткое время Феофано удалось убежать с Принцевых островов и вернуться в Константинополь. Она направилась в храм Святой Софии, надеясь найти в нем безопасное убежище. Ей казалось, что достаточно встретиться с Иоанном Цимисхием, и тот не устоит против чар ее прекрасных глаз. И действительно, император дрогнул и дал согласие встретиться с бывшей императрицей. Но тут вмешался «злой демон» Феофано — паракимомен Василий. Он добился, чтобы встреча двух бывших любовников произошла в его присутствии, и очень своевременно. Феофано применила весь присущий ей запас женских хитростей, но ничего не добилась: оглядываясь на стоящего рядом Василия, Цимисхий, желая казаться *настоящим царем*, держался холодно и отстраненно. Не добившись своего, Феофано осыпала Цимисхия потоком ругательств, а затем бросилась с кулаками на первого министра Римской империи. Василию только это и было нужно: по его приказу бывшую царицу арестовали и сослали в ссылку — но уже в далекую Армению. Там она прожила долгих 6 лет, которые окончательно сломили ее некогда твердый характер. Только в 976 г. сын Василий II, ставший новым Византийским императором, вернул мать в Константинополь. Там она поселилась в Большом дворце, но не играла больше никакой роли в государстве. Проведя тихую и незаметную жизнь, Феофано тихо скончалась — даже неизвестно, когда и при каких обстоятельствах. Так закончила свои дни эта роковая женщина⁵²².

Но теперь трудная задача обелить Иоанна Цимисхия в глазах общества возникла уже перед самим св. Полиевктом. Последующие события известны нам по примечаниям канониста, Антиохийского патриарха Феодора Вальсамона. «Пользуясь 12-м правилом Святого Поместного Анкирского Собора, — писал он, — святейший патриарх господин Полиевкт прежде извергнул из священной ограды Святейшей Божьей великой церкви императора Иоанна Цимисхия как убийцу императора господина Никифора Фоки; а напоследок принял. Ибо вместе со святым синодом в состоявшемся в то время соборном деянии, хранящемся в архиве хартофилакса, сказал, что, как помазание святого крещения изглаждает содеянные прежде грехи, каковы бы и сколько бы их ни было, так, конечно, и помазание на царство изгладило совершенное прежде его Цимисхием убийство. Итак, следуя сему деянию, те, которые более расположены к снисходительности и Божье милосердие ставят выше суда, говорят, что помазанием архиерейства изглаждаются соделанные до него прегрешения. И справедливо отстаивают мысль, что архиереи не подлежат наказанию за душевные скверны, соделанные до архиерейства; ибо, как цари называются и суть помазанники Господни, таковы же суть и именуются и архиереи. Они доказывают свою мысль и тем, что одну и ту же силу имеют и те молитвы, которые читаются, когда помазуются цари и когда хиротонисуются архиереи»⁵²³.

Итак, 29 декабря 969 г. состоялось долгожданное для Цимисхия венчание на царство, и он после торжественной процедуры вернулся в царские палаты, сопровождаемый войском и народом⁵²⁴. Однако, опасаясь за свой авторитет, император не удовлетворился минувшими событиями и решил подстраховаться. Обладая громадным состоянием, он разделил *все* свое имущество на две части: одну царь раздал бедным земледельцам, вторую употребил на благотворительные нужды — строил больницы для прокаженных и других несчастных. Часто он сам посещал медицинские учреждения и не брезговал врачевать больных. Отдельно были вознаграждены чиновники, которым увеличили ежегодное жалованье (*ругу*). В память о своей родине, феме Армениак, он освободил ее от налогов⁵²⁵.

Святой Полиевкт мог торжествовать: после неуступчивых духовной власти императоров Льва Мудрого, Романа Лакапина,

Константина Порфирородного и св. Никифора Фоки на престол взошел царь, во всем послушный архиереям. Однако вскоре выяснилось, что добровольное подчинение власти «Вселенского» патриарха явилось тактической уловкой со стороны императора. И очень скоро он, используя тонкие ораторские приемы и неизбежные во все времена разногласия между разными епископами, начал восстанавливать достоинство царской власти, фактически продолжив церковную политику предыдущих императоров Македонской династии.

Первый повод приучить клир к мысли о *высших* церковных полномочиях Римского императора нашелся быстро. Еще 22 мая 967 г. в Антиохии, в разгар христианских погромов, был казнен по приказу эмира патриарх *Христофор* (960—967). Его голову насадили на кол, потом сожгли, а обезглавленное тело бросили в реку Оронт. С тех пор Антиохийская кафедра являлась два с половиной года вдовствующей. Император Иоанн немедленно заявил о своем намерении подыскать ей нового предстоятеля. Кандидатом в патриархи стал по воле василевса известный своей святостью монах *Феодор* (970—976), армянин, из Колонии, который, говорят, некогда предсказал Цимисхию царский венец. В те дни старец находился в Константинополе, и именно его представил св. Полиевкту император для утверждения в патриаршем достоинстве. Вряд ли Константинопольскому архиерею понравился такой оборот, но спорить с царем он не стал. Созвав епископов, св. Полиевкт испытал кандидата, вскользь отметил, что тот не очень силен в *светской премудрости* (не вполне ясно, что патриарх имел в виду), зато чрезвычайно благочестив, а потом венчал патриархом Антиохии. Попутно заметим, что обычай поставлять остальных восточных патриархов в столице Римской империи уже закрепился как обязательный и каноничный.

Но уже 5 февраля 970 г. скончался сам престарелый св. Полиевкт. И тут же император перехватил инициативу, окончательно расставив все точки над «i». Он немедленно созвал синклит и епископов и обратился к ним с речью, в которой за видимыми ссылками на *напистскую* «Эпанагогу» звучат классические «цезаро-папистские» тезисы императора св. Юстиниана Великого. «Я признаю лишь одну наивысшую и главенствующую Силу, — сказал василевс, — Которая вызвала из небытия к бытию все благово-

ление видимого и невидимого мира. Мне известны, однако, две власти в сей жизни, в насущном земном пространстве: священство и царство. Одной из них Создатель поручил заботиться о душах, а другой — управлять телами людей».

Какое, казалось бы, отпадение от старых идеалов, когда Римский царь полагал, что епископ заботится *о душах*, а император — *о душах и телах* граждан! Но дальше следует внезапный поворот мысли. Император продолжил: «И теперь, когда глава Церкви отдал долг природе, надлежит Всевидающему Оку, Которое распознает дела человеческие, определить для священной должности среди всех людей наиболее достойного мужа». Казалось бы — в чем проблема? Пусть *епископы* и определяют нового патриарха. Однако Цимисхий неожиданно для всех заявил: «И вот я *возвожу* (!) на церковный престол человека, издавна мной испытанного и прославленного всяческими добродетелями». После этих слов император вывел перед присутствующими *Василия Скамандира* (970—974), которого епископам только осталось хиротонисать⁵²⁶.

Впрочем, поставив всех архиереев Востока перед свершившимся фактом, император вынужденно предложил им такого кандидата, чей настрой мыслей, что называется, вписывался в мировоззрение столичного клира. Поэтому, хотя патриарх Василий Скамандир и являлся ставленником царя, но как человек, глубоко убежденный в истинности идеологии восточного папизма, шел путем, проторенным его великими предшественниками. Со стороны Цимисхия это была своего рода небольшая уловка, благодаря которой он создавал для себя *контролируемую* ситуацию в Восточной Церкви.

Как уже отмечалось ранее, далеко не все клирики Востока являлись сторонниками папистской идеи, хотя и по разным причинам. Одни твердо стояли за привычный «симфонический» образ мыслей, а потому претензии Константинопольского патриарха на абсолютное господство в Церкви, как его главы, вызывали в них естественное желание противодействовать и поддержать *сильного* императора. Другие епископы, особенно митрополиты, были очень недовольны тем, что по мере закрепления все новых и новых полномочий «византийского папы» их компетенция по отношению к собственным клирикам резко уменьшилась. В этой связи положение Константинопольского патриарха Василия I было далеко не стабильным.

Пока патриарх пытался найти нужную тональность в общении с остальными епископами, император решал насущные вопросы, наглядно демонстрируя, что только власть царя, как боговенчанного и державного государя, способна умиротворить Церковь в минуту разногласий. В это время произошли волнения на святой горе Афон, и в 972 г. император направил туда своего посланца, вручив тому написанный лично им самим «Типикон». Прибыв на полуостров, посланник василевса разобрался в причине конфликта между отдельными монастырями и монахами, а затем объявил царский «Типикон» как обязательный документ, отныне регламентирующий жизнь монашеской «республики»⁵²⁷.

Как уже говорилось, император благоразумно уклонился от каких-либо конфронтаций с патриархом и спокойно наблюдал за тем, как сам собой организовался и ширился заговор митрополитов против столичного патриарха — Василию так и не удалось завоевать их авторитет. Если бы Скамандир *добровольно* признал главенство царя над собой, Цимисхий, без сомнения, быстро подавил эти разрозненные попытки ограничить prerogatives Константинопольского архиерея со стороны митрополитов. Однако патриарх Василий I оказался неискушенным для такой тонкой «игры» и вскоре попался. Он, без всяких оговорок полагая священническую власть выше царской, начал строго следить за благочестием в Римском государстве, действуя через голову царя и *помимо него*, а также собирать сведения о состоянии дел в Византии. Каким-то неосторожным словом или действием он дал повод для обвинений себя в государственной измене, а именно в поддержке какого-то очередного претендента на царскую диадему. Вероятно, его имя связали — конечно, безосновательно, с мятежным Львом Фокой. Так или иначе, но несколько митрополитов и множество епископов весной 974 г. напрямую *обвинили патриарха* перед царем.

Впрочем, это был не единственный повод выставить патриарха в дурном свете. Немного забегаая вперед, скажем, что незадолго до своей смерти Оттон Великий организовал избрание на Римскую кафедру папы *Бенедикта VI* (973—974). Но едва смертный холод сковал его члены, кардинал Франко соединил свои усилия с могущественной семьей Кресценциев, заключил Бенедикта в тюрьму, а сам принял понтификат под именем *Бонифация VII* (974, 984—985). Первым делом он приказал задушить своего пред-

шественника, и даже для выдавшего виды Рима этого оказалось слишком. Бонифация свергли и, спасаясь бегством, тот со всей папской казной бежал в Южную Италию, а оттуда — в Константинополь. Тонкий знаток дел на Западе, он оказал Цимисхию ряд ценных услуг, постоянно поддерживая того своими советами в противостоянии с Западом, а потому жил в Константинополе весьма свободно. Однако патриарх Василий Скамадир, к вящему неудовольствию собственного императора, был настроен совсем иначе. Воспитанный в духе единства Кафолической Церкви и превосходства Римского епископа, патриарх столицы откровенно поддерживал нового понтифика *Бенедикта VII* (974—983). То обстоятельство, что тот анафематствовал Бонифация, наверное, мало волновало Цимисхия. А вот то, что новый папа занимал антивизантийскую позицию и опирался в этом на Константинопольского патриарха, давало повод для обоснованных обвинений. Это в том числе и решило судьбу Скамадира⁵²⁸.

Возникшую ситуацию Цимисхий использовал с максимальной для себя выгодой. Он призвал патриарха на судебное разбирательство, прекрасно понимая, *чем* все завершится. Надо было хорошо знать Василия Скамандира, чтобы уверенно предположить ответ патриарха, — не задумываясь, тот категорично отказался признать над собой суд царя. Патриарх заочно заявил василевсу, что судить его может только Вселенский Собор. Конечно, это была лишь «игра воображения» — никакого канона или канонического обычая на этот счет Кафолическая Церковь не знала и не знает. Воспользовавшись столь очевидной для всех, кроме Скамандира, ошибкой, император без долгих слов лишил его кафедры и сослал в монастырь, где ранее Василий подвизался в монашеской жизни. А на освободившееся место поставил *Антония III Студита* (974—979) — монаха Студийского монастыря⁵²⁹. После этой «тихой» победы над папистской партией, потребовавшей *многих лет* тонких маневров со стороны Цимисхия, положение царя в Церкви многократно укрепилося.

Однако оставались еще и общегосударственные проблемы, требующие принятия немедленных решений. Уже несколько лет свирепствовал неурожай, и цены на хлеб в столице достигли астрономических цифр. Цимисхий не стал повторять ошибок св. Никифора и решительно пресек спекуляции зерном — ситуация понемногу нормализовалась.

Но это были дела мирные; еще оставались военные проблемы. Со всех сторон поступали тревожные сообщения о вражеских нашествиях. Арабы горели желанием взять реванш за потерю Сирии, а рядом появился еще более грозный враг. Им был русский князь Святослав, сын святой и равноапостольной княгини Ольги. Наконец, вследствие неудачных переговоров св. Никифора Фоки с императором Оттоном I Великим очень нестабильными оставались отношения с Западом.

По счастью для Римской империи, Цимисхий являлся трезвым и могучим прагматиком, который никогда специально не умножал ряды врагов, но и не прощал тех, кто осмелился угрожать порученному ему Богом народу. Арабские атаки были нейтрализованы на удивление быстро и успешно. Император поставил во главе войск Месопотамской фемы патрикия Николая, преданного ему евнуха, который в считанные недели сумел отбить нападение сарацин на Антиохию⁵³⁰. Затем, отставив в сторону гордыню, Цимисхий примирился с Западом. По его приказу герцога Беневента Пандульфа освободили из тюрьмы и направили к Оттону I для переговоров о браке его сына Оттона II с Феофано, дочерью императора Романа II. Единственным условием брака со стороны Цимисхия было *немедленное* освобождение германцами Апулии и Калабрии. В конце лета 970 г. Пандульф прибыл к городу Бовино, где со своим войском стоял Оттон Великий, и пересказал предложение Цимисхия. Западный император тут же дал свое согласие и снял осаду⁵³¹.

Осенью 970 г. в Константинополь было отправлено новое посольство во главе с Кельнским архиепископом Геро с двумя другими германскими епископами. Они быстро сговорились с греками, и вскоре Феофано, оставив навсегда родину, простилась с царственными братьями Василием и Константином и отправилась на Запад. С Феофано были отправлены в Германию мощи святого целителя и великомученика Пантелеймона, память которого особенно почитается с тех пор в Кельне, где новая императрица германцев организовала монастырь и оставила в нем драгоценную реликвию. Путь принцессы лежал через Италию, где ее встречали очень пышно. Наконец, в апреле 972 г. было совершено ее бракосочетание с Оттоном II в Риме, в храме Святого Апостола Петра. Надо сказать, этот брак, так тяжело начавшийся для юной принцессы (ведь она, имея всего 16 лет от роду, в одиночестве оказа-

лась в совершенно чужой среде), оказался на редкость счастливым. Феофано имела решающее влияние на своего мужа, а рожденный от этого союза Оттон III, будущий преемник своего отца, скорее был греком по убеждениям, чем германцем⁵³².

В следующем, 973 г. оба императора — молодой и старый — вместе со своими женами императрицами Феофано и Адельгейдой прибыли в Кведлинбург, чтобы отпраздновать Пасху. Туда же поспешил Датский король *Харальд I Синезубый* (958—986), дабы принести дань и произнести слова покорности Западному императору. Сюда же прибыли Польский князь *Мешко* (960—992), герцог Саксонии *Герман Биллунг* (936—973) и другие правители, признающие над собой власть Оттона Великого. Это был, без всякого сомнения, один из знаменательнейших дней его биографии, символизирующий торжество политики Оттона⁵³³.

В этом же году Оттон Великий скончался, и новый император *Оттон II* (973—983) по прозвищу Рыжий, находящийся под большим влиянием своей очаровательной и мудрой жены, не видел препятствий к улучшению отношений с Византийской империей⁵³⁴. По условиям договора, Беневент и Капуя отошли под власть Западного императора, зато Апулия, Калабрия, Салерно и Неаполь были признаны византийской территорией⁵³⁵.

Обезопасив свои границы, император начал подготовку к войне с россам. Но летом 970 г. поступило неприятное известие о начале мятежа, развязанного Вардой Фокой, сыном Льва Фоки и племянником императора св. Никифора Фоки. Пользуясь беспечностью стражи и легким режимом, он бежал из Амасии в Кесарию Каппадокийскую. Его сопровождали три двоюродных брата — патрикии Феодор, Варда и Никифор, прозванные Парсакунитами по месту своего рождения. К ним вскоре присоединилось множество родственников-армян из многочисленного и могущественного семейства Фок и просто искатели приключений. Попутно с этим Варда снесся с отцом, Львом Фокой, который через Стефана, епископа Абидоса, попытался подкупить войска Македонской фемы. Возникла самая настоящая *апостасия*, как называли в те времена восстания против законного правительства. Когда Варда Фока посчитал, что сил у него достаточно, он сбросил черную, обычную, обувь и переобулся в пурпурные сапоги — знак императорской власти, а мятежники объявили его Римским императором.

Узнав об этом, Цимисхий не на шутку взволновался, но не потерял самообладания. Император немедленно лишил Стефана епископии и отдал на суд архиереев, низвергнувших мятежника из священнического сана; затем его отправили в ссылку. Потом под суд были отданы Лев Фока и второй его сын Никифор — их приговорили к смертной казни за участие в государственном перевороте. Однако император вновь проявил милость и заменил смерть вечной ссылкой на том же самом острове Лесбос, где они пребывали ранее, — вероятно, им только ужесточили режим содержания. У остальных мятежников из числа византийской знати конфисковали имущество⁵³⁶.

Самому Варде Фоке василевс отправил послание, в котором предлагал полное прощение, если тот добровольно сложит оружие. Но Фоку, что называется, понесло — он категорически отказался признавать Цимисхия законным императором и без обиняков утверждал, что царем по праву должен быть только он сам. Тогда василевс срочно вызвал из Болгарии Варду Склира и назначил того стратигом войска, выделенного для подавления мятежа. В очередной раз Иоанн Цимисхий проявил мудрость, посоветовав своему полководцу по возможности уклоняться от боевых столкновений, а *действовать золотом* и убеждениями. Император заранее выписал Склиру хрисовулы о присвоении самых высоких титулов с пустой графой для имени. Этими титулами он разрешил по усмотрению полководца награждать мятежников, отказавшихся от участия в апостасии.

Достигнув города Дорилея во Фригии, Склир начал тренировать свое войско, попутно ожидая подкреплений. Приходясь Варде Фоке дальним родственником, он попытался еще раз убедить узурпатора сложить оружие. Но взаимная переписка ничего не дала: Фока оставался непреклонным в своем желании занять императорский престол. Тогда, переступив через искреннее сожаление, Склир выступил в поход и дошел до города Дипотам, что располагался в Кесарии Каппадокийской.

Став лагерем, он заслал в стан врага под видом нищих бродяг множество лазутчиков. Те начали широкую пропаганду среди солдат и командиров, разъясняя им, что оступиться от апостасии гораздо выгоднее, чем погибнуть или стать государственным преступником. Их слова дали хороший результат: вскоре самые

близкие Фоке люди оставили его. Бежали братья Парсакуниты, патрикий Андралест, двоюродный брат Варды Фоки, и Симеон Ампел, отвечавший за привлечение к апостасии простых землевладельцев. Варда безуспешно убеждал оставшихся, что Склир не посмеет напасть на них. Действительно, его войско численно уступало мятежникам. Варду Фоку слушали, но с каждой ночью ряды его армии таяли. Фока попытался воззвать к Богу и начал читать 34-й псалом Давида «Суди, Господи, обижающих меня», но прозвучавший из темноты голос запретил ему продолжать чтение. Как было сказано *свыше*, такой же псалом в это время читает Варда Склир, и его молитва принята Богом⁵³⁷.

Наутро Фока, наигранно демонстрируя подчиненным внешнюю уверенность, вышел из шатра и вскочил на коня, чтобы дать противнику сражение. Случайно бросив взгляд на свои сапоги, Фока ужаснулся — они были *черного цвета*, а не пурпурные. Поблуднев, он стал растерянно спрашивать окружающих, какого цвета обувь, и получал недоуменные ответы: «Пурпурного». Тем временем один за другим командиры отрядов начали докладывать узурпатору, что войско отказывается повиноваться ему. Поняв, что все потеряно, Фока с отрядом из 300 верных ему всадников оставил армию и поспешил укрыться в крепости Тиранов. Ослепив по приказу императора всех оставшихся на поле боя мятежных командиров, не успевших вовремя сдаться на милость победителя, Склир организовал преследование Фоки. После нескольких дней осады Фока попросил представить ему гарантии безопасности и, получив их от Склира, сдался вместе с женой и детьми. Его действительно пощадили — по распоряжению императора Фоку и все его семейство постригли в монахи⁵³⁸.

А в это время в Константинополе император гасил апостасию другими средствами. Он принял совет своего многомудрого паракимомена Василия и женился на принцессе *Феодоре*, дочери императора Константина VII Порфирородного и тетке юных царей Василия и Константина. К сожалению, о новой императрице мало что известно. Пожалуй, лишь то, что она была старше своего супруга, и этот брак имел номинальный характер. Она почти не оставила следа в истории, очевидно, не имея никакого влияния на мужа и государственные дела. Зато Цимисхий таким способом вошел в правящий дом Македонской династии, сроднился с ним

и подтвердил незыблемость прав Василия и Константина на будущее время. Это событие значительно укрепило положение царя Иоанна Цимисхия в обществе⁵³⁹.

Однако вернемся к мятежникам. Увы, судьба Льва Фоки была несчастнее его сына. В 971 г., когда император Иоанн Цимисхий воевал в Болгарии, этот неугомонный искатель царской власти вновь попытался организовать переворот. Он тайно бежал на лодке с Лесбоса и причалил у берегов Константинополя, скрывшись в монастыре Пиламида. Оттуда он скрытно сообщил друзьям о своем местонахождении и целях прибытия в столицу. В ответ те пообещали вооружить воинов и достать ключи, чтобы проникнуть в царский дворец. Заговор стремительно развивался, и Лев уже считал, что императорская диадема сама идет к нему в руки. Все решил, как обычно, случай. Один из заговорщиков направился к своему приятелю, заведовавшему царскими ткацкими мастерскими, и предложил тому присоединиться к мятежу. Тот согласился, но тут же побежал к друнгарии флота Льву, которому Цимисхий оставил управление Римским государством и Константинополем в свое отсутствие. Офицер не стал мешкать и с отрядом воинов арестовал Льва Фоку. Вместе с сыном Никифором того привезли на остров Калоним, где обоих ослепили, а имущество конфисковали⁵⁴⁰. Так завершилась одна из крупнейших апостасий IX века.

Глава 2. Война со Святославом, князем русским. Победы в Сирии

Осенью 969 г. Святослав вновь появился на Дунае, и весьма вовремя, поскольку ситуация к тому времени уже существенно изменилась. Болгарский царь св. Борис, надеясь на помощь византийцев по мирному договору 968 г., отказался признавать над собой верховенство россов и выставил против их князя большое войско. Однако под Переславлем болгары были вновь разбиты, а осенью 969 г. сам город взят штурмом. Надежды болгар на византийцев не оправдались, поскольку те в это время перевели свои самые боеспособные части в Сирию. Напротив, амбиции русского князя стали непомерными: не ограничиваясь присутствием на Дунае, он пожелал основательно закрепиться в Болгарии. Святославу казалось несправедливым, что соседствующая с его государством

Болгария оказалась в числе противников Киева. Он пришел к выводу, что самое правильное — *завоевать* данную страну, хотя бы это и вызвало негативную реакцию Византии⁵⁴¹.

Отдавая дань уважения полководческому таланту Святослава, Цимисхий попытался сыграть тонкую игру. Через своих послов он предложил Святославу присоединить к русским владениям Керченский пролив в обмен на отказ от дальнейшей экспансии Болгарии. Таким способом император направлял князя на беспокойных печенегов и гарантировал безопасность своих владений, а также самой Болгарии, которая *беспомощно* лежала перед двумя великими полководцами. Тем не менее русский князь не удовлетворился таким предложением. Святослав напрямую заявил, что готов на мирные переговоры только после того, как византийцы выкупят у него всех пленных болгар и их города. В противном случае, довольно высокомерно советовал он, императору следует убраться в Азию, а европейские владения Римской империи отдать ему. Иоанн Цимисхий в последний раз попытался его образумить: он напомнил Святославу о силе римской армии, гибели войска и флота его отца, князя Игоря, и пообещал в случае очередного отказа от мира выступить с войском ему навстречу, чем еще более рассердил князя. Ответ того был следующим: «Пусть император римлян не утруждает себя походом — мы сами вскоре прибудем в Константинополь». Император понял, что войны не избежать, а поэтому срочно отдал приказ войскам Азии начать мобилизацию и готовиться к отплытию в Константинополь, чтобы оттуда переправиться в Болгарию⁵⁴².

Продолжая военную реформу своего предшественника, Цимисхий создал свою собственную «полевую» гвардию, отряд знаменитых *«бессмертных»* из катафрактов и лично возглавил ее. Говорят, их насчитывалось до 10 тыс. всадников. «Бессмертные» одновременно составили и ядро будущей армии в походе на Святослава, и выполняли функции телохранителей царя. Понятно, что эта мера предосторожности была далеко не лишней, поскольку Цимисхий обоснованно опасался новых мятежей со стороны друзей и родственников покойного св. Никифора Фоки. Затем он направил брата своей покойной жены Марии Варду Склира, предприимчивого и мужественного полководца, вместе с патрикием Петром в приграничные с Болгарией римские земли. Согласно приказу императора, им предписывалось провести там остаток зимы с 969 на 970 г.,

ежедневно упражняя свое войско и обеспечивая охрану границы. Помимо этого, Цимисхий приказал полководцам организовать широкую разведывательную сеть. Византийцы, одетые в русское платье, владеющие языком противника, посылались по бивуакам и узнавали о ближайших планах врага.

Пока Варда Склир собирал силы, функции римского авангарда выполнял отряд под командованием магистра Иоанна Куркуаса Младшего, сына Романа Куркуаса. Роман много сделал для императора св. Никифора, и теперь его сын получил первое ответственное поручение, дающее ему возможность быстрого продвижения по карьерной лестнице. К сожалению, отпрыск этого славного рода предался от вынужденного безделья пьянству, проявив полную неспособность управлять войсками. Пока он пил, россы безнаказанно грабили приграничные территории, что крайне возмутило императора⁵⁴³.

Но вскоре вместо вечно пьяного Куркуаса россам предстал *профессионал*. Варда Склир быстро переправился со своим войском в Болгарию и стал лагерем, в точности выполнив все приказы царя. Узнав о находящейся поблизости римской армии, россы выделили часть своего войска, присоединили к нему подразделения венгров и болгар и направили навстречу византийцам. Весной 970 г. оба войска встретились под Адрианополем. Здесь и сказались превосходство и выучка римских солдат. По приказу Склира военачальник Иоанн Алакас, чей род брал свое начало от знатного печенега, некогда перешедшего на римскую службу, с отрядом отборных воинов неожиданно напал на вражеский стан, а затем быстро повернул коней назад. Очевидно, его целью было выманить россов на оперативный простор, где должна была сказаться мощь железной византийской пехоты. Так и получилось: 30-тысячное войско россов напало на 12 тыс. греков, которые выстроились двумя фалангами; третья оставалась в засаде. Битва получилась жаркая — с обеих сторон гибли храбрейшие воины, и даже сам Варда Склир, находившийся в первых рядах, едва не пал смертью храбрых. Наконец, почувствовав нужный момент, Склир подал сигнал к атаке, и вперед ринулась резервная фаланга. Она в мгновение ока *перемолола* печенегов, оказавшихся впереди русского войска, нанеся им ужасные потери. Россы смешались и отступили; особенно их деморализовала гибель безвестного нам командующего, которого

сразил лично Варда Склир, разрубил мечом пополам до самого седла. Победа, как считали сами греки, досталась им⁵⁴⁴.

Впрочем, россы были, очевидно, иного мнения на этот счет. Большие потери, которые также понес Склир, не позволили ему полностью нейтрализовать действия русских полководцев. А те, пользуясь своим превосходством в силах, по-прежнему хозяйничали в окрестностях Адрианополя и даже добирались до южных границ Фракии, угрожая самому Константинополю. Положение Цимисхия очень осложняла апостасия Льва Фоки, и Святослав, используя выпавший ему счастливый шанс, едва не дошел до греческой столицы. Император спешно направил посольство к русскому князю, который согласился заключить перемирие на небольшой срок при условии выплаты дани⁵⁴⁵.

Это перемирие было очень важно для Цимисхия. Он тут же отправил высвободившиеся войска против Варды Фоки. Но едва Склир отбыл в Малую Азию, россы, прознав об этом, немедленно активизировались и жестоко разграбили Македонию. Дважды, а по другим сведениям, четыре раза василевс отправлял посольства к Святославу, надеясь сохранить мир, но тщетно. Хотя, как полагают, мирный договор был все же пролонгирован руссами, их князь смотрел на Болгарию как на собственную вотчину. Стало очевидно, что военных действий избежать не удастся⁵⁴⁶.

Как только ситуация изменилась к лучшему, Иоанн Цимисхий в одностороннем порядке разорвал мирное соглашение и начал активные военные действия. Весной 971 г. азиатское войско, возглавляемое самим Римским императором, переправилось через Геллеспонт и ступило на землю Европы. Сухопутную армию сопровождал византийский флот в количестве 300 судов, куда входило много кораблей, вооруженных «греческим огнем». Флот остановился на Истре, а царь прибыл в Адрианополь. После короткого ознакомления с местностью и разведывательными данными, он решил не отсиживаться в обороне, ожидая руссов, а *наступить*, навязав им свою стратегию.

Узнав от лазутчиков, что горные проходы еще свободны — россы по беспечности полагали, будто греки не начнут наступления раньше Святой Пасхи, а потому промедлили, — император собрал военный совет. На нем он высказал очень смелую, по мнению многих стратигов и таксиархов, идею направить армию че-

рез горы. Подчиненные молчали, чем разгневали императора. Он снова и снова разъяснял им свою мысль и убеждал их действовать активно, не дожидаясь, пока враги перекроют им все дороги. Постепенно лед недоверия растаял, и совет единодушно поддержал своего главнокомандующего. Вскочив на коня, император впереди отряда «бессмертных» двинулся в путь. За ними следовала пешая фаланга и легкоконные отряды — всего 15 тыс. пехоты и 13 тыс. кавалерии. Остальная часть войска — отдельные подразделения, обоз и осадные машины — продвигались сзади под командованием проедра Василия⁵⁴⁷.

Так, пройдя горными хребтами, неожиданно для россов император оказался у Преславы — столицы Болгарии. Дав сигнал к атаке, василевс выстроил войско в боевой порядок. Напротив стояли россы, немного отошедшие от внезапного появления римлян. Сражение выдалось очень тяжелым: ни одна из сторон не хотела уступать, и враги попеременно наступали и контратаковали друг друга, не находя решающего успеха. Тогда император встал в первую линию своих «бессмертных» и лично возглавил решающую атаку на левое крыло россов. Это решило исход сражения — противник отступил, потеряв многих воинов убитыми и ранеными.

Россы скрылись в Преславле, но 13 апреля 971 г. император Иоанн Цимисхий, подтянув осадные машины, отдал приказ начать штурм. Россы во главе с воеводой Сфангелом оборонялись отчаянно, но византийцы прорвались в город; бой продолжился и на его улицах. Когда осадные орудия разбили последние очаги обороны, россы вышли с оружием на улицу, выстроились в фалангу и дрались до последней капли крови. Практически весь гарнизон погиб, но не сдался в плен. Помимо других трофеев, византийцы освободили (захватили?) Болгарского царя Бориса II, находившегося до этого дня в качестве *заложника* у россов. Используя этот шанс, чтобы отторгнуть болгар от Святослава, василевс приказал величать Бориса правителем болгар, и тот стал *куклой* в руках могущественного Римского царя.

Наградив войско и дав ему всего один день для отдыха, Цимисхий направил солдат дальше. Освобождение царя Бориса дало ему хороший шанс отложить сильные болгарские дружины от русского князя и сделать их своими союзниками. Цимисхий повсеместно направил гонцов, провозглашавших, что Римский император пришел не поработать Болгарию, а *освободить* ее от россов. И вскоре

многие болгарские города открыли перед ним свои ворота: Плесков, Диния, Констанция и другие⁵⁴⁸.

Затем император двинулся с армией на Доростол, где находился сам Святослав с основным русским войском. По пути император направил князю послание, в котором советовал либо оставить Болгарию в покое, либо решить судьбу кампании в генеральном сражении. Для Святослава это стало неприятной неожиданностью: ведь именно он начинал войну, открыто направляя врагам послание: «Иду на вы!» Обычно такие «объявления» о начале военных действий *психологически* надламывали противников, и они, деморализованные, проигрывали войну задолго до первого столкновения. Теперь против Святослава использовали его же собственное оружие⁵⁴⁹.

После гибели части русского войска у Преславля и перехода на сторону византийцев многих болгар, ранее служивших Святославу, соотношение сил склонилось в пользу греков. Их насчитывалось до 45 тыс. воинов против 25 тыс. россов. Поэтому князь решил оборонять город, контратакуя римлян, но явно не учел всех нюансов своего трудного, на самом деле почти *безнадежного*, положения. Правда, и теперь Святослав оставался грозным противником, не прощающим ошибок. Когда передовая кавалерийская часть византийцев, посланная для рекогносцировки местности, вошла в лес, она в считанные минуты была полностью уничтожена до последнего человека русским отрядом, скрытно разместившимся в этих зарослях. Когда Цимисхий с основными силами прибыл к месту недавнего боя, он увидел лишь тела павших воинов. В гневе император приказал перебить всех находившихся в плену русских воинов⁵⁵⁰. В свою очередь Святослав приказал предать казни 300 самых знатных болгарских вельмож, надеясь устроить не верных болгар. Многих других рядовых болгарских солдат — говорят, несколько тысяч человек, он бросил в темницу⁵⁵¹. Следует отметить, что и ранее Святослав довольно умело избирал место главного удара, неизменно нанося его по тем городам, где проживали болгары, наиболее активно симпатизировавшие грекам. И, захватив селение, действовал невероятно жестоко. Еще летом 970 г. князь захватил Филиппополь и подверг его жителей казням. Но Поиску и иные города, где царили иные настроения, Святослав пощадил⁵⁵².

Осада Доростола, начавшаяся 23 апреля 971 г., вошла во все учебники военного искусства. Встретились два гениальных полководца современности, два самых отважных войска, для которых поражение было горше смерти. Римляне горели желанием разгромить противника и отставили мысли о пассивной осаде. Однако и Святослав делал ставку на своих опытных воинов, с которыми ходил в походы с раннего детства. Утром 24 апреля, едва солнце взошло над полем перед городом, оба войска вышли для битвы. После нескольких часов упорного, ожесточенного боя византийцы стали одолевать противника. Впрочем, россы выдержали 12 греческих атак, нанося врагу серьезный урон⁵⁵³. Все решила, как и раньше, римская кавалерия, катафракты и «бессмертные», на закате солнца отбросившие россов к городским стенам. Они отступили, оставив множество своих павших товарищей на поле боя. Но и потери римлян были ощутимы⁵⁵⁴.

Поняв, что одним сражением не обойтись, на следующий день византийцы начали строительство и обустройство своего лагеря. Им попытались помешать россы, стремительно сделавшие вылазку, но конные отряды греков сумели отбить атаку. Тем временем по Истре к Доростолу подошел флот римлян — тяжелое известие для Святослава. Он понял, что попал в западню, а его войско полностью блокировано. Князь решил прорываться, и на следующий день, выведя свое войско из города, построил его в боевой порядок. Римляне также спешно выступили из лагеря. Вновь завязалось сражение — такое же неудачное для россов, как и предыдущее. Погиб любимец Святослава воевода Сфангел, а у римлян отличился офицер Феодор Лалакон, поразивший множество врагов своей булавой. Поняв, что удача сегодня не на их стороне, россы организованно и медленно отступили за стены городских укреплений⁵⁵⁵.

С 29 июня наступило время относительного затишья, крайне тяжелое для россов, поскольку их мучил голод. Римляне не решились штурмовать хорошо укрепленный Доростол, а россы не имели сил прорвать блокаду. Изредка они делали вылазки, иногда заканчивавшиеся удачей. Затем Святослав попытался разрушить осадные машины византийцев — они ежедневно обстреливали Доростол громадными камнями, от которых гибло множество русских воинов. В короткую летнюю ночь они напали на римский лагерь, целенаправленно разрушая осадные машины. Иоанн Куркуас Младший, в чьи обязанности входило руководство парком

осадных орудий, был болен, но быстро надел доспехи и бросился на врага. На беду, его конь попал копытом в яму и упал вместе с всадником — подбежавшие россы тут же добили Куркуаса, приняв его из-за богатых золотых доспехов за императора. Но в целом их вылазка не достигла цели — осадные орудия, как и раньше, обстреливали Доростол.

На следующий день Святослав вновь выстроил свое войско для боя, надеясь победить римлян, оставшихся, как он полагал, без царя, и прорваться на родину. Однако новое сражение не принесло ему успеха — византийцы вновь отеснили россов к городским стенам. Погибших воинов было так много, что позднее ночью россы складывали их *штабелями* на погребальные костры.

После этого Святослав созвал военный совет, участники которого предлагали князю тайком погрузиться на ладьи и попытаться незаметно проскользнуть мимо византийского флота. Едва ли такой план мог быть успешным: боевое охранение римлян было хорошо организовано, а терять последних воинов от «греческого огня» Святославу, конечно, не хотелось. Кто-то предложил заключить с византийцами мирный договор, но русский князь, горя честолюбием, решительно не желал уступать византийцам Болгарию, которая ему очень понравилась — когда-то он даже писал своей матери, что хочет навсегда поселиться в этой стране. Наконец, подытожив все советы и споры, князь сказал, что не пристало им возвращаться на родину, спасаясь бегством: «Победим или умрем!»

Этой же ночью, 23 июля, произошло еще одно интересное обстоятельство: 2 тыс. русских воинов на маленьких ладьях прошли мимо византийских кораблей, раздобыли провиант на южном берегу реки и двинулись в обратный путь. По пути они столкнулись с небольшой группой греческих кавалеристов, собиравших хворост и поивших лошадей. Внезапно напад, россы опрокинули византийцев и всех перебили. Гнев императора по поводу халатности подчиненных был неописуемый. И он строго предупредил, что в следующий раз предаст виновных смертной казни⁵⁵⁶.

На следующее утро, 24 июля 971 г., россы вышли из крепости и выстроились для решающей битвы; Святослав находился в первых рядах своего войска. Воины горели желанием победить врагов, и их натиск был страшен. Римляне не устояли и начали медленно отступать, гибли их лучшие командиры и солдаты. Тогда император вскочил на коня и во главе отряда «бессмертных» ринулся

в контратаку. Не известно, чем бы завершилось сражение, но в эту минуту внезапно поднялась сильная буря, и пыль забивала глаза россам. Те остановились и замешкались, а на них мчалась великолепная византийская тяжелая кавалерия. Говорят, впереди римского войска находился *белый всадник* на белой лошади, нападавший на россов и расстраивавший их ряды. После битвы, сопоставив свидетельства многих солдат, византийцы пришли к убеждению, что этим безвестным всадником был великомученик Феодор Стратилат, которому молился император в ночь перед сражением. В это время Варда Скляр с резервом зашел к россам в тыл, и началось их повальное бегство. Святослав потерял очень многих воинов, и сам был изранен⁵⁵⁷.

Отступив в крепость, он без долгих слов направил послов к Цимисхию просить мира. В обмен на спасение своего войска князь обещал отказаться от Болгарии, освободить всех пленных византийцев и болгар, а также разрешить торговлю греческим купцам на своей родине. Цимисхий согласился и по просьбе Святослава передал россам хлеб для пропитания на обратном пути. Правда, по дороге россы попали в засаду, устроенную печенегами, и князь Святослав с почти всем оставшимся войском погиб. Как полагают, Цимисхий не очень доверял русскому князю и тайно подговорил печенегов убить его, открыв им, что тот идет с небольшим войском и очень богатой добычей⁵⁵⁸.

Таким образом, всего за четыре месяца Иоанн Цимисхий разгромил грозного врага и вернул Римской империи Болгарию, признавшую свою зависимость от Византии. В болгарских городах были расставлены римские гарнизоны, город Преславль переименовали в Иоаннополь, по имени василевса, а Доростол в Феодорополь — в честь св. Феодора Стратилата, помогавшего византийцам в ходе осады. Болгарского патриарха, имевшего кафедру в Доростоле, Цимисхий *низложил* и объявил, что отныне Болгария входит в Константинопольский диоцез. Царя Бориса с женой и детьми, брата Романа и вообще всех членов болгарской царской династии Иоанн Цимисхий взял с собой в Константинополь⁵⁵⁹.

Его возвращение в Константинополь стало настоящим триумфом: горожане подарили ему венцы и скипетры, украшенные драгоценными камнями. На роскошной золотой колеснице, запряженной белыми конями, василевс промчался по городу, а затем направился в храм Святой Софии, чтобы воздать благодарственные

молитвы за дарованный Богом успех в войне⁵⁶⁰. В храме к неописуемому восторгу константинопольцев император положил на алтарь корону Болгарских царей. Царь Борис публично отказался от царства, сменив свой титул на магистра Римской империи, а его брат Роман был осклопен — византийцы решили не рисковать и устранили таким жестоким способом очередного конкурента на завоеванные их императором болгарские территории⁵⁶¹.

Пока василевс воевал в Болгарии, на Востоке происходили свои события. Летом 971 г. карматы под командованием *Хусайна ибн Ахмада ибн Бахрама* подошли к Дамаску, чтобы вырвать его из-под власти Фатимидов. Наместником города в то время был Джафар ибн Фаллах, не сумевший сохранить Дамаск от врага. Правда, в скором времени Фатимиды сумели вернуть себе Дамаск обратно. Это был едва ли не последний всплеск их активности, больно ударивший по Византии. Пользуясь отсутствием царя, Фатимиды напали на Антиохию и нанесли поражение нескольким римским отрядам. Поэтому император вполне основательно готовился к грядущим военным кампаниям на Востоке⁵⁶².

Зима с 971 на 972 г. прошла в отдыхе и приготовлениях к походам. Император завязал очень удачные переговоры с Армянским царем *Ашотом III* (952—977), чье 10-тысячное войско вошло в состав византийской армии. Кроме того, в армянской области Дарон, в западной части озера Ван, были организованы склады для римской армии⁵⁶³. Летом 972 г. Цимисхий двинулся с армией на Восток, желая обезопасить возвращенные Византией сирийские владения и освободить от власти арабов остальные территории. Переправившись через Евфрат, он подошел к городу Эмет, который сдался без боя, выплатив императору огромный выкуп и признав его власть над собой. Затем, также без боя, он принудил сдаться крупнейший город Месопотамии Миефарким, бывший византийский город Мартирополь, опять получив с жителей громадный выкуп. Оттуда император направился южнее к городу Нисибис (Низибия), который склонил свои знамена перед византийской армией 12 октября 972 г. Всем казалось, что теперь целью армии должен стать Багдад, совершенно не способный противостоять императору. Но в силу неведомых причин Цимисхий повернул назад, к Антиохии⁵⁶⁴.

В следующем году Цимисхий направился к городу Экбатан, столице местного сарацинского эмира. Римлянам очень хотелось овладеть этим городом, полным сокровищ арабской казны, но не-

достаток продовольствия и, главное, воды — местность была пустынной, — не позволили им довершить начатое. Тем не менее этот поход также произвел устрашающее действие на арабов. С полным правом считая себя победителем и в этой кампании, зимой император с армией возвратился в Константинополь⁵⁶⁵.

Но едва он отправился в обратный путь, войско Фатимидов нанесло тяжелое поражение византийской армии под стенами Амиды. Поэтому, приведя дела в столице в порядок, царь весной 975 г. двинулся в новый поход на Восток. Из захваченных ранее областей Северной Сирии он направился в Палестину и овладел городом Мемпеце. В следующем захваченном городе Габаоне ему посчастливилось захватить священные реликвии — сандалии Иисуса Христа и волосы святого Иоанна Предтечи. Сандалии царь поместил в храме Богородицы во Влахернах, а волосы св. Иоанна Крестителя — в построенном им за собственные деньги храме Спасителя. Из Габаоне римская армия направилась на сильную крепость Апамее, которую без труда взяла штурмом, а затем на Дамаск. Но жители этого города не стали сопротивляться, а встретили византийцев у своих ворот с богатыми дарами. Они легко признали над собой власть Римского царя и обещали выплачивать ежегодную дань. Летописец писал: «Народы обретались в великом страхе перед гневом Цимисхия, и меч христиан как серп косил неверных»⁵⁶⁶.

Следует сказать, что масштабные победы и завоевания на Востоке привели к образованию новой практики переселения пленных арабов, печенегов и иных иноплеменников на западные земли Империи. Их расселяли колониями, правительство обеспечивало переселенцев землей и средствами к существованию. Лишь по прошествии трех лет для переселенцев наступала обязанность платить налоги и иные подати в казну. Неудивительно, что в значительной части в скором времени они становились лояльными верховной власти жителями Византии⁵⁶⁷.

Из Дамаска путь Цимисхия лежал через Ливан на город Ворзо (современное название Калат-Берзе), который он взял неожиданным приступом. Не снижая темпов наступления, василевс спустился в Финикию, захватил город Валанею (современное название Банийас) и осадил крепость Верит. После короткого штурма ее участь была решена. Там император захватил другую священную реликвию — икону с изображением распятия Христа, проткнутую копьем. Как рассказывают, некогда иудеи осмелились пронзить

икону копьем, и из изображения Спасителя обильно потекла кровь с водой. С тех пор икона почиталась как чудодейственная⁵⁶⁸.

Походы императора Иоанна Цимисхия на Восток были в высшей степени удачными. Однако отвоевать Иерусалим не удалось — сарацины всевозможными путями уклонялись от сражения с греками, запершись в крепостях, и это не позволило Цимисхию дойти до намеченной цели: оставлять за спиной врага было *принципиально* невозможно. Впрочем, вместо Иерусалима император направился вдоль берега моря на Север и полностью освободил всю Палестину, Сирию и Финикию от власти арабов⁵⁶⁹.

В июне 975 г. римская армия подошла к Триполи и осадила его. Этот цветущий город казался неприступным, и поэтому император не пожелал рисковать жизнями римских солдат, а начал методично опустошать прибрежные города и районы. Но в целом силы войска были уже на пределе — за короткое время в условиях летней жары они совершили тяжелые походы. Василевс благоразумно снял осаду Триполи в середине июля 975 г. и направился в обратный путь в Константинополь.

До наших дней сохранилось письмо Иоанна Цимисхия Ашоту III, в котором император благоговейно описывал своему боевому другу места недавних сражений и связанные с ними истории Священного Писания. Василевс рассказывал о том, как византийская армия дошла до Каира, по пути наблюдая легендарные места. Вот Назарет, где Пресвятая Богородица услышала благовествование из уст Архангела Гавриила. Затем византийцы прошли мимо горы Фавор, где произошло Преображение Господне. Тивериадское озеро, на берегах которого Спаситель явил чудо и накормил слушателей двумя рыбами и пятью хлебами. Единственное, что не сумел сделать император, — освободить из-под власти мусульман Гроб Господень, о чем он горько сожалел⁵⁷⁰.

На обратном пути Цимисхий прошел через Лонгиниану и Дриз — центр Каппадокии, где *вынужденно* начал твердой рукой наводить порядок в местном управлении. Дело в том, что проэдр этой области по имени Василий тиранил население и совершенно забыл о существовании государственных законов — нищета населения просто поражала воображение. Поняв, что дни его службы сочтены, Василий решил умертвить императора. Однажды за обедом некий евнух из свиты проэдра подал царю напиток, куда был добавлен сильный, долгодействующий яд, и уже на следующий день Иоанн

Цимисхий почувствовал себя плохо. Созвали врачей, но те не могли определить причину столь внезапной «болезни».

Однако мужественный воин понял, что дни его сочтены. Перед смертью он желал лишь одного — побывать в только что построенном им храме Спасителя. Поэтому император спешно, насколько позволяло его здоровье, направился в столицу. В Константинополе его встречали триумфально, но Иоанна это уже мало интересовало. Едва вступив в царский дворец, он слег в постель. Перед смертью, которая, он чувствовал, уже близка, царь вспоминал свои грехи и прегрешения, желая напоследок получить у Бога за них прощение. Щедрой рукой он раздавал свои личные средства беднякам, а потом призвал митрополита Адрианопольского Николая, человека святой жизни, и долго исповедовался ему, проливая слезы и взывая к Божьему милосердию. «Не сомневаясь разумом и горя душой», как сказал летописец, 10 января 976 г. 51-летний император Иоанн Цимисхий скончался и был похоронен в храме Спасителя на Халке, который сам и воздвиг⁵⁷¹.



Приложение №11: Римская армия в VIII — X вв.

Изменения, происшедшие в последние три века с Римской империей во внешнеполитическом отношении, не могли не коснуться вопросов административной и военной организации, а также порядка формирования римской армии, ее состава, стратегии военных действий, тактики. И победоносная римская армия того периода заслуживает, чтобы уделить ей несколько слов.

I. Фемное устройство, восходящее еще ко временам царствования императоров Ираклийской династии (VII век), с блеском оправдало себя на протяжении всех минувших столетий. Более того, количество фем постоянно увеличивалось. Первоначально это было связано с желанием некоторых Римских царей уменьшить военные возможности правителей фем, чтобы те не могли покушаться на их власть. Но позднее рост числа фем обуславливался *новыми завоеваниями* (если этим словом можно назвать *возврат* старых территорий) Византии на Востоке и Западе. Так, к концу VII века Византия имела 13 фем. Семь из них располагалось в Малой Азии, три на Балканах и еще три на островах и в прибрежных районах Средиземного и Эгейского морей. Однако к началу X века в Римской империи уже насчитывалось 26 фем: десять в Европе и шестнадцать в Малой Азии⁵⁷².

Затем количество территориальных единиц еще более увеличилось, и в состав земель Византийской империи вошли фемы: Антиохия, Телух, Нижняя Мидия, Мелитина, Месопотамия, Тарон, Верхняя Мидия (Васпуракан), Иверия, Феодосиополь, Халдия, Армениак, Пафлагония, Букелларий, Оптиматы, Опсикий, Абид, Эгей, Хиос, Самос, Фракисий, Кивирреот, Кипр, Анатолик, Каппадокия, Харсианская фема, Ликанд, Колония, Италия, Далматия, Сербия, Диррахий (Драч), Никополь, Пелопоннес (Эллада), Фессалоника, Стримон, Македония, Болгария, Придунайская, Сирмия.

С течением времени не иностранные наемники, а фемные ополчения составляли основную массу римской армии. По мере

сжимания территории Византийской империи национальный элемент приобретал все большее значение. Война с арабами на Востоке носила очевидный для всех *религиозный* характер, и противостоять мусульманам могли только *христианские* воины. Кроме того, частое отсутствие денежных средств в государственной казне не позволяло императорам прибегать, как раньше, к широкой практике найма иностранцев на военную службу. На смену им пришли фемные солдаты, *стратиоты*, которые призывались на военную службу в случае войны. Поскольку же такая необходимость возникала буквально *ежегодно*, то слабообученная масса земледельцев постепенно приобретала профессиональные черты, становясь настоящим *военным сословием*. Димы, прообраз западноевропейских феодалов, практически утратили свое значение, и личные дружины полководцев, подобных гвардии Велизария, уже не решали «битв народов».

Особенность фемной системы комплектования армии заключается в том, что отдельные группы византийцев (*стратиоты*) наделялись землей при условии несения военной службы. Дети стратиотов с малолетства приучались к военной профессии и составляли естественный резерв вооруженных сил Византии. Остальные граждане, не внесенные в воинские списки, только в случае крайней нужды призывались на службу. Стратиоты обязаны были вооружаться за собственный счет (для чего, собственно говоря, им и предоставлялись земельные участки), но в походе содержались за казенный счет⁵⁷³.

Стратиотам предоставлялись некоторые привилегии: императоры стремились закрепить тот принцип, что их земля являлась неотчуждаемым наследственным владением, переходящим к одному из сыновей, если отец становится неспособным к несению военной службы. Эта система, созданная военным гением Византии не по теоретическим доктринам, а продиктованная жизнью, окончательно получила признание при императорах Македонской династии. Согласно новеллам Константина Порфирородного и св. Никифора Фоки, все надельные земли разделялись на две категории в зависимости от вооружения, которое обязаны были приобретать их собственники. Наделы первой категории предназначались для всадников и моряков трех областей — фемы Самос, побережья Эгейского моря и морской фемы Кивирреотов, где находился цвет греческого флота. Наделы второй категории предназначались для

рядовых моряков и пехоты. При мобилизации фема могла выставить в среднем около 4 тыс. всадников и почти 20 тыс. пехоты, хотя такие цифры зачастую носили только «теоретический» характер⁵⁷⁴. Тем не менее эта крепко спаянная сила, состоявшая из людей, бок о бок проживавших рядом и скрепленных узами соседства, дружбы и родства, невольно вызывала страх и уважение у врагов.

Рост числа фем и своего рода их *обмельчание* следует связывать не только с разумными предосторожностями императоров, не желавших создавать предпосылки для возможных апостасий, и не только возвратом старых имперских территорий. Следует иметь в виду, что по мере уменьшения иностранных подразделений фемная армия стала, по существу, *региональным войском*, и опасности арабских вторжений делали особо актуальной тему тесного сотрудничества военной и гражданской администраций. Апеллировать в случае необходимости на решения стратигов можно было лишь к далекому Константинополю, что было довольно сложно. Да и во времена почти ежегодных войн речь шла не столько о развитии, сколько о *выживании*. А потому волей-неволей контроль военных над состоянием дел принял естественно-доминирующий характер. Поэтому, начиная со второй половины VIII века, фемы приняли свои оптимальные размеры и систему управления⁵⁷⁵.

Армия росла, правительству требовалось все больше свободных земель, и здесь оно встретило оппозицию со стороны крупных землевладельцев, «*властителей*», стремившихся купить или захватить земли стратиотов. Но императоры Македонской династии боролись всеми средствами за обеспечение прав рядовых солдат, ограничивая возможности приобретения их земель властителями. И пока в их распоряжении был достаточный земельный фонд для создания военных наделов, главным образом из императорских доменов и освобожденных земель, эта система процветала и давала ожидаемые результаты⁵⁷⁶.

Помимо фемных войск, в армии служили и профессиональные солдаты. Постоянная пехота была организована в *таксиархии*, отряды по 1000 человек. В подчинении у таксиарха — командира таксиса находилось 500 *скутатов*, их также называли гоплитами, 200 метателей дротиков, 300 лучников и прашников-*сфендонитов*. Все таксиархии находились под началом *гоплитарха*. По традиции таксиархии делились на сотни, именовавшиеся *гекатонтархиями*, которыми командовали *гекатонтархи*, или *кентархи* (аналог рим-

ского центуриона). Гекатонтархии делились на *лохи* и *полулохи*, которые в свою очередь подразделялись на *декархии*. Лох, находившийся под командованием *лохага*, состоял из нескольких десятков воинов. Все таксиархии находились под началом *гоплитарха*. Всего насчитывалось 16 таксиархий.

Гвардия византийских императоров (*тагмы*) делилась на конные подразделения — *схолы*, *эскувиты*, *арифмы*, *иканаты* и пешие — *нумера* и *стены*. Помимо них, существовала еще наемная иностранная гвардия — *этерия*, *дворцовая стража*, *кувикулярии*, *кандидаты* и *виглы*. Всеми тагмами, кроме арифм, командовали *доместики*. Помимо причисленных тагм, в X веке упоминается еще *тагма стратилатов*, видимо, являющаяся своеобразной школой подготовки гвардейцев и резервным соединением, источником заполнения вакансий в гвардии. Пешая тагма имела штатную численность 600 воинов, этерия — 2000 солдат, дворцовая стража — 6000 гвардейцев.

При императоре Константине V Исавре была проведена реформа гвардии, вследствие чего она была преобразована в полки профессиональных солдат, которым отводилась двойная роль: борьба с мятежниками и создание основы имперской армии. Теперь тагмы состояли исключительно из тяжеловооруженной конницы и имели завидную мобильность по сравнению с фемными войсками. Располагаясь в непосредственной близости от столицы, они являлись своеобразным центральным резервом на случай арабского вторжения. Кроме того, а тагмах молодые офицеры проходили свою первую военную школу. В то же время служба в тагмах предоставляла возможности подняться наверх по карьерной лестнице и для представителей низших сословий⁵⁷⁷.

Со временем в число дворцовой стражи начинает все больше входить норманнов, россов и англо-варягов, которых византийская служба привлекала своей высокой платой. С другой стороны, они были востребованы императорами, и вот по какой причине. Стратиоты приносили с собой в фемную армию личные, семейные и иные связи, ставящие каждого солдата в зависимость от многих факторов помимо своего главнокомандующего. А наемники с Севера зависели лишь от того, кто платил им деньги, то есть от василевса. Человек, получивший дары, в ответ обязан был быть верным дарителю, если не способен равноценно отплатить, — таков был менталитет жителей Севера в раннем Средневековье. И гру-

бые наемники, которым византийцы не очень доверяли в целом, пользовались славой исключительно верных той династии, которая их наняла. Естественно, Римские цари очень ценили в них это качество⁵⁷⁸.

Правда, в дальнейшем, вследствие ослабления военного сословия, число иностранных наемников в армии опять стало возрастать. Болгары, влахи, печенеги, половцы, сирийцы, арабы и грузины все чаще начали встречаться в военных подразделениях. Это были не столь надежные части, как природные стратиоты, но правительство вынужденно шло на этот шаг вследствие невозможности финансирования национальной армии в прежних объемах и упадка среднего землевладения, к которому принадлежали наделы стратиотов⁵⁷⁹.

Долгое время пехота играла вспомогательную роль при кавалерии, но постепенно ее значение возрастало, в первую очередь тяжеловооруженной пехоты. Особенно это проявилось в военных кампаниях императора св. Никифора. С его именем связана решающая реорганизация римской армии, настоящая военная реформа. После столетий господства легкой кавалерии вновь возродилась тяжелая пехота, спаянная железной дисциплиной и способная отразить нападение арабской кавалерии.

Возможно, акцент на тяжеловооруженную пехоту возник вследствие изменения стратегических планов византийского командования. От св. Константина Великого до Македонской династии римляне исповедовали не столько войну на уничтожение, сколько войну на *предупреждение* опасности. И в этой стратегии легкоконные лучники, вооруженные на гуннский лад дальнобойным луком с обратным загибом, были незаменимыми. Напротив, тяжелая римская пехота, уничтожавшая врагов копьем и мечом, но неповоротливая в тактическом плане, отошла на вторые роли. Однако в условиях *войны на уничтожение*, войны тотальной с Арабским халифатом, приоритеты изменились. Не только в кавалерии появились тяжеловооруженные всадники, способные *стереть* врага, но и восстанавливается старая, проверенная тяжелая пехота, вооруженная кирасами и шлемами.

Следует сказать, что именно император Василий I являлся тем лицом, который вернул пехоте ее прежнюю роль в армии. При нем была проведена реорганизация пехотных соединений и изменена система ее обучения. Пехота была вооружена большим щитом, доспехами из стеганого холста, укрепленными ватой, мечом или

боевым топором, а также копьем, чтобы выстоять против атаки вражеской конницы. И боеготовность византийской пехоты с того времени резко возросла⁵⁸⁰.

В довершение всего особое внимание стало уделяться подготовке новобранцев, от которых требуется умение ходить строем, владеть оружием, метать дротики и стрелы. Лучники и арбалетчики — новый вид войск — по-прежнему являются боевой единицей, и военачальникам настойчиво рекомендуется проводить многочасовые ежедневные тренировки с ними, дабы сохранить у солдат искусство стрельбы из лука⁵⁸¹.

Лучники все еще составляют неотъемлемый элемент византийской армии, но можно смело предположить, что численность их стала совсем небольшой сравнительно с иными видами войск. Отряды конных лучников теперь все больше набирались из иностранцев — венгров, россос, арабов и в некоторых случаях, как, например, во время войн Василия II в Болгарии, они нередко приводили вражеские армии в замешательство. Но уже отходят на второй план на фоне новых видов военных соединений. Особенно тяжеловооруженной кавалерии⁵⁸².

Царю св. Никифору обязана своим созданием тяжеловооруженная кавалерия *катафрактов*, принесяшая Византии множество побед. И всадники, и лошади были защищены с боков и спереди чешуйчатой броней, и, как признался некий арабский летописец, при атаке катафракты казались неведомыми чудовищами, несущимися на крыльях на врага. Позднее император Иоанн Цимисхий даже создал из катафрактов свою личную гвардию «бессмертных», прославившуюся в войнах с русским князем Святославом. Катафракты, составлявшие почти треть конного фемного войска Византии, были организованы в отдельные *турмы*. Впрочем, аналогичная структура применялась и для остальных кавалерийских частей. Катафрактам, как и всем стратиотам, земельные наделы предоставлял император, и продавать их они не имели права. Византийские катафракты мало походили на западноевропейское рыцарское ополчение: как отмечают исследователи, они были достаточно дисциплинированы и организованы в постоянные части. Соединения катафрактов в каждой фемной армии не превышали обычно 500 всадников. Но именно эти бронированные кавалеристы являлись ее главной ударной силой⁵⁸³.

Несмотря на все различия, всегда существовавшие между фемными войсками, профессиональными солдатами, наемниками и гвардией, они подчинялись единой, универсальной системе организации армии. Повсеместно действовал, выражаясь современным языком, *единый* устав несения службы, ко всем военнотружущим применялись одни и те же дисциплинарные наказания и обеспечивались условия участия в дележе военной добычи, являвшейся серьезным источником их благосостояния. Надо сказать, из победоносных войн византийский солдат и командир возвращались на родину довольно обеспеченными людьми.

Общей чертой византийской армии являлась также *униформа*: плащи и пучки конских волос на шлемах определенного цвета обозначали принадлежность воина к тому либо иному подразделению. Совокупно вся римская армия в постоянном составе включала в себя около 114 тыс. воинов — большая численность для того времени⁵⁸⁴. Солдаты обязаны были постоянно тренироваться во владении оружием, сочетая технику и организацию построений. Наконец, много внимания уделялось разработке тактики взаимодействия всех родов войск на поле боя⁵⁸⁵.

Помимо постоянных и фемных войск, восточная граница охранялась цепью тактических подразделений *иррегулярных войск* и небольших сторожевых крепостей (*виглы*). Стратигам фем вменялось в обязанность обеспечить их боеготовность и наладить тактическую разведку. Разведчики (*виглаторы* и *трапезиты*) из местного населения должны были хорошо знать местность и горные дороги. Небольшими отрядами трапезиты уходили в рейды на 15 дней, чтобы проверить все известные маршруты и убедиться в отсутствии врагов. На службу виглаторы должны были отправляться в полном составе, без отклонения от штатной численности; никакой «увольнительной» ни по каким причинам в принципе не предполагалось⁵⁸⁶. Стратигам предписывалось осуществлять и *стратегическую разведку*, широко вербуя агентов из числа купцов (*катаскопов*). Занимался вопросами разведки в фемах специально обученный офицер. Замечательно, как надежно была поставлена в Византии система безопасности населения. В каждой феме существовали заранее подготовленные планы эвакуации мирных жителей на случай войны или набега арабов.

Благополучие границ почти целиком зависело также от местного военного сословия — *акритов*, вся жизнь которых состоя-

ла в отражении набегов врага или в рейдах по его территориям. В этническом плане они были разнородны — исключение составляли армянские земли, где племенной признак с точностью соблюдался, — и почти совершенно независимы от центральной власти. На них также распространялось фемное устройство, но это были особого рода фемы, отличавшиеся от обычных тем, что война была их *постоянным* занятием, а потому акриты обязаны были всегда находиться в состоянии полной боевой готовности. Следствием этого стало постепенное уменьшение населения в данных областях и замена его мигрантами, главным образом армянами, живущими только и исключительно войной⁵⁸⁷.

Но успешные войны Византии сломали эту живучую естественную систему. Занимая уже не горные, а равнинные территории, которые легко было ставить под контроль государственного аппарата, правительство отказалось от услуг слишком независимых акритов. Но «византийские казаки» были очень сильны, а их подвиги и образ жизни притягивал к ним многих любителей приключений. В результате они сформировали множество независимых «аристократов войны», имевших собственные дружины, воевавшие не только с мусульманами, но и с собственным правительством⁵⁸⁸.

Помимо своих сил, Византия прибегала еще и к найму иностранцев. Как правило, это были отряды какого-либо государства, которые за деньги, долю в добыче или иную выгоду привлекались византийским правительством для ведения войны. Особенно часто стали прибегать к услугам таких наемников в X—XI веках, когда своих сил уже не хватало. Но в целом доля наемников в общей массе войск была незначительна⁵⁸⁹.

Воинские звания также претерпели необходимую универсализацию. И теперь, как свидетельствуют арабские и византийские источники, каждыми 10 тыс. солдат командовал *патрикий*, при котором было 2 *турмаха*. При каждом турмахе состояло 5 *друнгари-ев*, командовавших каждый отрядом из 1 тыс. воинов. При каждом друнгарии числилось 5 *комитов* во главе 200 солдат каждый, а при каждом комите 5 *тетрархов*. Соответственно при каждом тетрархе находилось 4 *декарха*⁵⁹⁰.

Высшее управление римской армии включало в себя *стратилатов* — главнокомандующих войсками фем — сродни римскому титулу *magister militum*. Командующие западными и восточными соединениями, своего рода военными «фронтами», носили титул

доместика схол Запада и доместика схол Востока. Возглавлял все вооруженные силы как главнокомандующий сам Римский император.

Не меньшее значение придавалось флоту. Византийцы были большими мастерами в части постоянного усовершенствования своих боевых кораблей и восполнения погибших в сражениях. «Один я, — гордо заявил как-то император св. Никифор Фока, — обладаю могуществом на море», а писатель XI века подтвердил это заявление, говоря: «Флот — слава ромеев». Возрождение византийского флота относится ко времени правления императора Василия I Македонянина, построившего 100 новых судов и определивший фемы, должны поставлять моряков. Объединял командование флотом *друнгарий флота*. Флот процветал и являл собой грозную силу. Как говорят, император св. Никифор Фока как-то заявил Оттону Великому, что без труда может захватить своим флотом и сжечь любой приморский город⁵⁹¹.

Как известно, организацией флота занималась специальная фема Кивирреотов, созданная в 731 г. и располагавшаяся на южном побережье Малой Азии к югу от Милета. Резиденция стратига фемы находилась в Атталии. Ему подчинялись *друнгариус флота*, резидентировавшие в Атталии и Коса, а также *катепан*, который командовал *мардаитами* фемы. Следует напомнить, что мардаиты являлись потомками нескольких тысяч жителей Ливана, переселенных в Юго-Западную Азию при императоре Юстиниане II, чтобы обеспечить флот профессиональными экипажами и морскими пехотинцами. К началу IX века флот Кивирреотов насчитывал 70 судов. Но позднее, по мере того как опасность арабских морских экспедиций уменьшалась, фема Кивирреотов постепенно пришла в упадок и стала возглавляться не стратигом, а *дукой*.

Помимо фемского флота, Византия располагала еще двумя флотилиями, находящимися в Эгейском море. Возглавлявшие их друнгариусы были совершенно самостоятельными в принятии военных решений, чем существенно отличались от других друнгариусов из сухопутных войск. Позднее, около 843 г., на их базе была создана фема Эгейское море под командованием друнгариуса, резидентировавшего в Додеканесе, а затем, в конце IX века, фема Самос с центром в Смирне. Численность первой фемы составила 2610 гребцов и 400 морских пехотинцев, а второй — 3980 гребцов и 900 морских пехотинцев. Число кораблей менялось от 20 до 30 судов. Заметим

также, что некоторые прибрежные фемы, такие как Кефаллиния, Эллада, Пафлагония и Халдия, выполняли смежные функции, рассчитанные на взаимодействие с флотом. Общее число кораблей императорского флота доходило до 250 боевых единиц⁵⁹².

II. Результат военных преобразований, особенно заметных при императорах Македонской династии, поразил современников⁵⁹³. Перед противниками предстала совсем *иная* армия, чем ранее: крепко спаянная дисциплиной, хорошо организованная и обученная.

Профессиональные командиры, как некогда в *классической* римской армии, занимались строевой подготовкой солдат и поддерживали высочайшую дисциплину. Все обязанности высшего командного состава описывались скрупулезно и подлежали безусловному исполнению. Правительством было сделано очень многое для того, чтобы поднять статус военных. Так, например, стратигам особенно предписывалось следить за своевременностью выплат солдатам денежного довольствия и выдачей вещевого снаряжения. Солдаты имели законный иммунитет против сборщиков налогов, арестов и телесных наказаний со стороны любого чиновника Римского государства, кроме, разумеется, собственных архонтов.

Эти правовые льготы возникали по мере того, как византийская армия все более становилась *национальной*. Солдат называли «святыми воинами», и понятно, почему император св. Никифор II Фока настойчиво инициировал принятие церковного канона, согласно которому *все без исключения* павшие в войне с сарацинами римские солдаты должны были считаться спасенными и попавшими в Царство Небесное. В условиях постоянных военных действий, когда, как мы видели, буквально ни один год не обходился без войны, авторитет военнотружущего был вознесен неимоверно высоко — как никогда ранее, только что в Древнем Риме. О них теперь говорят так: «Воины, которые являются защитниками и первыми вслед за Богом *спасителями христиан*, которые, если можно так выразиться, каждый день своей жизни отдают за священных императоров»⁵⁹⁴. Разумеется, различие новой армии с прежними наемниками слишком наглядно, чтобы его не заметить.

Напрягая все свои силы в войнах с мусульманами, византийское правительство профессионально и системно подошло к вопросу учета всех боеспособных мужчин призывного возраста. Был введен

всеобщий именной воинский реестр, за которым строго следили. Так, при организации похода стратеги обязаны были отмечать, кто из солдат пришел на сборы, кто дезертировал, а кто остался дома по уважительным причинам⁵⁹⁵.

Вопросы дисциплины заняли в византийской армии первое место, и не только по причине довольно многочисленных случаев мародерства и дезертирства. Надо сказать, что, хотя армия и вела войну против врагов, она никогда не останавливалась перед грабежом своих же сограждан, что часто ставило в затруднительное положение командующего и даже самого императора. Хуже было то, что византийская армия постоянно вмешивалась во внутренние дела государства. Тесно связанная с крупными землевладельцами, аристократией, занимавшей высокие посты, она готова была поддерживать некоторых из них, своих кумиров, при попытках переворотов⁵⁹⁶. Поэтому императоры прилагали серьезные усилия, чтобы держать войска в рамках дисциплины, и бдительно следили за солдатскими настроениями.

Согласно «Воинскому закону», изданному еще в VIII веке, *любое* неповиновение архонту приравнивалось к бунту и наказывалось отсечением головы. Неисполнение (и ненадлежащее исполнение) приказа командира каралось дисциплинарным наказанием. Если же невнятный приказ отдавал командир, наказанию подлежал уже он сам — за то, что не сумел сформулировать солдату четкую команду. Вопросы борьбы с перебежчиками решались не менее категорично. Любой римский перебежчик подлежал смертной казни, а вместе с ним и те, кто знал о его намерениях, но умолчал и не донес. Для укрепления боеспособности армии вновь была введена *децимация* — казнь каждого десятого солдата из подразделения, самовольно покинувшего поле сражения. Любое уклонение от воинской повинности немедленно наказывалось отсечением головы: «Призванные на воинскую службу и избегающие ее, обращаются в рабство, как предатели свободы родины». Была объявлена борьба с мародерством и воровством в армии. Замеченный в этом преступлении воин изгонялся из армии с лишением всех прав, а также обязывался выдать двойное количество вещей по сравнению с украденными⁵⁹⁷.

Это была современная по методам комплектования и организации войск армия, сохранившая лучшие традиции старой римской армии. Для укрепления взаимодействия и формирования атмос-

феры сплоченности и воинского братства предпринималось много усилий, чтобы создать *воинские традиции* в каждой части. Например, при организации лагеря стратигам категорически запрещалось размещать воинов различных фем, турм, тагм в смешении друг с другом. Помимо прочих положительных аспектов, это позволяло моментально восстановить боевой порядок при внезапном нападении арабов⁵⁹⁸. Для того чтобы армия сохраняла свою боеготовность, младшим командирам (архонтам) предписывалось спать рядом со своими солдатами и категорически запрещалось разбивать для себя отдельные палатки⁵⁹⁹.

Еще одной отличительной особенностью новой римской армии стал высокий процент лиц командного состава. Например, в тагме, насчитывавшей 300 солдат, состояли: *тагматарх*, *иларх* (помощник тагматарха), 2 *гекатонарха*, 30 *декархов*, 30 *пентархов* и 30 *тетрархов*. Любопытно, что командиры фемных войск назначались на свои должности только на время военной кампании. По окончании военных действий они распускались вместе с остальным войском⁶⁰⁰.

Вообще, командирам различных уровней византийские воинские уставы уделяли особое внимание. Стратиг обязан был не только превосходить своих солдат в части владения оружием, но и иметь строго определенный набор личностных качеств. Так, в частности, он должен был *любить* своих солдат, как отец, делить с ними все трудности воинской жизни, беседовать с ними, знать солдат в лицо и по характеристикам. Ему предписывалось работать со своими подчиненными и тратить время на сон и еду меньше, чем они. Наряду с этим стратиг обязан был при всех жизненных перипетиях сохранять решительность, твердость и справедливость, своевременно карая солдат за дисциплинарные проступки. Перед боем он должен был уметь воодушевить солдат, а в случае неудачи — ободрить их и поднять упавший дух⁶⁰¹.

Прекрасный пример дают такие замечательные императоры-полководцы, как Константин V Исавр, св. Никифор II Фока и Иоанн I Цимисхий. Как говорят, Фока отличался блестящей техникой владения оружием, силой и мужеством. Однажды он, уже далеко не молодой человек, сразился с громадным варваром и насквозь пробил его тело и панцирь своим копьем. Ему ни в чем не уступал и Цимисхий. Как рассказывают, он превосходно метал копье и стрелял из лука. Выстроив в ряд четырех лошадей, он легко

перепрыгивал трех и садился на последнюю⁶⁰². Когда возникала необходимость *разъяснить* младшим командирам внешние обстоятельства военной кампании, св. Никифор всегда шел по этому пути. Если нужно было поднять дух солдат, упавший вследствие длительного бездействия, непогоды, голода и т.п., он неизменно оказывался рядом с ними и держал соответствующую речь. История сохранила для нас некоторые его слова, в том числе на Крите во время осады арабской крепости⁶⁰³.

Роль армии в обществе возросла настолько, что многие императоры вновь, как и раньше, выдвигались из военачальников, например: Лев III Исавр, Лев V Армянин, Роман I Лакапин, св. Никифор II Фока, Иоанн I Цимисхий. Другие цари — Константин V Исавр, Константин VI, Никифор I Геник, Михаил I Рангаве, Михаил II Травл, Феофил, Михаил III, Василий I Македонянин — не брезговали становиться в строй и вести свои победоносные войска навстречу врагам. В целом в течение этого времени римские армии водили в бой такие *выдающиеся* полководцы, как Никифор Старший Фока, Лев Фока, братья Иоанн, Роман и Феофил Куркуасы, Варда Фока, Варда Склир, Алексей Муселе, Феоктис Вриенний, Константин Кондомит, св. Феодор Кратер, флотоводцы Имерий Василий Эксамелит и многие, многие другие.

III. Основной тактикой пограничной войны стала система «булавочных уколов». «Стратигу необходимо стремиться, заботиться и прилагать все усилия, чтобы совершать нападения на врага тайно и неожиданно, насколько это возможно. Стратиг, применяющий подобный способ действий, даже с малым войском сможет обратить в бегство большие армии противников», — говорилось в военном руководстве X века⁶⁰⁴.

В случае вторжения неприятельской армии отряды пограничников и разведчиков создавали вокруг нее своеобразную завесу, истребляя продовольствие на ее пути, уничтожая вражеских фуражиров и изнуряя врага постоянными набегами. Эти мобильные соединения были способны объединиться в крупные соединения и дать открытое сражение арабам, они же преследовали сарацин в случае их отхода⁶⁰⁵.

При дальнейшем продвижении арабов византийским командирам предписывалось собрать свое войско и напасть на врага. Правда, наступление разрешалось при обязательном участии пехоты.

Если соотношение войск было не в пользу римлян, стратегу фемы надлежало устраивать засады на пути движения сарацин и всячески мешать их продвижению, пока придут дополнительные силы⁶⁰⁶. Считалось все же, что наиболее эффективным является нападение на врага при его отступлении. Поэтому, используя все подручные средства и все имеющиеся военные подразделения, стратег должен был вымотать арабов и вынудить к отступлению. Нападая на арабов, стратег обязан был по возможности *максимально* уничтожать живую силу сарацин, дабы те вновь не возвращались в набеги.

Конечно, эта тактика требовала замечательной и скрупулезной работы центрального военного штаба. Но наряду с его директивами у местных стратигов сохранялось широкое поле деятельности — в Константинополе *доверяли* своим командирам, и этот принцип являлся краеугольным в византийской воинской стратегии. Им разрешалось самостоятельно определять направление главного удара и средства для достижения поставленных задач. Нет сомнения, что далеко не всегда командиры удачно отражали вражеские набеги, но в целом эта система оказалась очень эффективной.

Все эти и многие другие военные премудрости и хитрости были изложены в нескольких военных сборниках — своего рода *учебниках военного искусства*, авторство которых приписывается св. Никифору Фоке. Это книги «О боевом сопровождении» и «О лагерьном устройстве», продолжившие труды по военному искусству ранних Римских императоров. В них есть практически все, что следовало знать рядовому командиру и стратегу фемы: тактика преследования врага, организация вооруженных сил, порядок организации лагеря, способы определения численности наступающих арабов, противодействия вражеским нападениям, основы разведывательной деятельности и многое другое. Отдельно описывалась организация осады городов и штурмов, а также определялось количество осадных орудий и их виды, которые армия обязана была иметь при себе⁶⁰⁷.

Не менее детально описывалась организация военного лагеря. Как некогда командиры непобедимых легионов античного Рима, византийские стратеги обязаны были заранее определять места размещения своих подразделений и средства боевого охранения. Им предписывалось размещать пехоту в каждом из четырех сторон лагеря, чтобы та могла поддержать кавалерию в случае внезапного

нападения неприятеля. При этом лагерь запрещалось размещать возле гор или густого леса — желательно на возвышенности⁶⁰⁸.

В обязательном порядке лагерь должен был быть опоясан ровом, причем начинать копать его нужно было с левой стороны, оставляя места для выхода войска. Ров должен был иметь не менее 2,5 м глубиной. Императорский шатер или шатер стратига должен был располагаться в центре лагеря, а рядом с ним — шатры начальника стражи, стольника, *протовестиария* (администратора императорского гардероба), *койтонитов* (придворных слуг) и *эбдомаринов* (хранителей личного имущества василевса)⁶⁰⁹. В случае выступления стратигам предписывалось получить благословение императора, а затем поочередно выводить свои войска из лагеря на марш. На марше следовало сохранять предельную осторожность, выделяя легкое охранение, в задачи которого входил поиск неприятеля и отражение внезапных атак сарацин⁶¹⁰.

Коренным изменениям подверглись тыловые службы, которые были максимально сокращены. Мотивировалось это тем простым соображением, что наличие при армии лишних людей только стесняет ее движение. К тому же маркитанты съедали дополнительное продовольствие, чем сокращали сроки пребывания армии на вражеской территории⁶¹¹. Вернулись времена воинской простоты, и всем солдатам и командирам было категорично запрещено вешать на себя дорогое и бесполезное вооружение, особенно безделушки и украшения, стесняющие их на поле боя.

Непрерывное совершенствование методов ведения войны обеспечивало византийской армии неоспоримое превосходство перед их противниками. Кроме того, Византия применяет мощные соединения военных машин, сохраняемых в Константинополе, в арсенале Мангана.

IV. В случае фронтального столкновения с врагами стандартный боевой порядок римской армии, как правило, состоял из пяти основных линий:

- 1) первой линии центра;
- 2) второй линии центра;
- 3) резерва (охрана тыла), обычно представлявшего собой две группы, размещенные позади каждого фланга;
- 4) фланговых отрядов охранения, в боевую задачу которых входили также охват и окружение противника;

5) отрядов дальнего охранения и прикрытия, в боевую задачу которых входили также охват и окружение противника.

Две первые линии составляла пехота — *скутаты* в центре, лучники (*исилы*) на флангах, три остальных всегда были кавалерийскими. Если пехоты было мало, она могла образовывать только вторую линию центра или в качестве дополнительного резерва размещаться позади двух кавалерийских линий.

Когда противостоящая армия являлась преимущественно кавалерийской, а римская — пехотной, передовая линия выстраивалась в ожидании атаки врага. Хорошо вооруженная византийская пехота была способна выдержать натиск вражеской кавалерии, а на фланги атакующего противника тут же обрушивались отряды охранения. Вслед за тем второй, еще более сокрушительный, удар по вражеским флангам и тылам наносили отряды дальнего охранения и прикрытия. Если первая линия вынуждена была отступить, то это совершалось организовано за спину солдат второй линии через специальные просветы, в соответствии с традиционной римской схемой. В это время отряды охранения и окружения начинали контратаку противника, отвлекая его внимание. Если же и второй линии не удавалось опрокинуть противника, а солдаты первой линии не успевали восстановить строй, задействовались свежие резервные отряды. Правда, чаще они все же применялись для окружения противника, чем для фронтальной атаки.

Естественно, что это — описание «правильного» сражения. А в реальной жизни случалось множество вариаций, которые позволяла осуществить очень гибкая конструкция боевого построения, — нечто среднее между римским легионом и классической греческой фалангой.

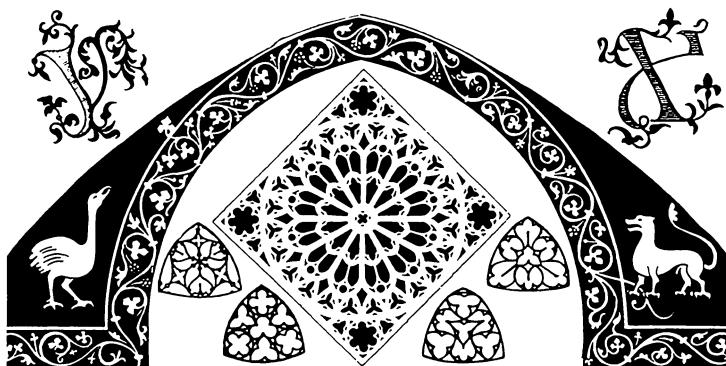
Как уже говорилось, роль пехоты в новой римской армии была далеко не второстепенной, особенно тяжеловооруженной. Если ей противостояла вражеская пехота, то при поддержке лучников и метателей дротиков она должна была *наступать*. Нормальная глубина пехотного строя равнялась 16 воинам, но — что очень важно — отдельные подразделения могли перестраиваться, растягивать и смыкать ряды, подобно старым римским когортам. Атакуя, они кидались на врага и перед самым столкновением с его боевыми порядками метали копья, опять-таки подобно римским legionарам. Выучка византийской пехоты была такова, что на поле боя скутаты, подобно передвижным крепостям, могли укрыть от врага даже

собственную конницу, если атаки ей не удавались и она не успевала перестроиться. Кроме того, широко практиковалось обучение кавалеристов спешенному бою, что позволяло до чрезвычайности разнообразить тактику каждого боевого столкновения⁶¹².

Кавалерийские тяжеловооруженные части (*дифензоры*) обычно строились в линии по 8—10 всадников в глубину. Византийцы не считали этот строй оптимальным, но очень верили в прочность, надежность и пробивную силу кавалерийской колонны⁶¹³. Их активно поддерживала легкая кавалерия — *курсоры*, располагавшиеся по флангам, впереди строя, а также в резерве, чтобы поддержать последнюю, решающую атаку на врага⁶¹⁴.

Подытожим сказанное. Действуя на стольких театрах военных действий, византийская армия одерживала в течение долгих веков блестящие победы. В VI веке она свергла королевства вандалов и остготов, в VII веке уничтожила могущество Персидской империи, в VIII веке сдержала мощнейший натиск арабов, в X веке восстановила в Малой Азии престиж Византии и, предуготовляя походы императора Василия Болгаробойцы, усмирила гордую Болгарию. Таким образом, в течение шести столетий она оказывала империи большие услуги и украсила свои знамена *ореолом славы*⁶¹⁵.





XLIX. ИМПЕРАТОР ВАСИЛИЙ II БОЛГАРОБОЙЦА (976–1025)

Глава 1. Соглашение царственных братьев. Восстание двух Вард

Преждевременная смерть бездетного царя Иоанна I Цимисхия открыла наконец путь к самовластному правлению сыновьям императора Романа II — Василию и Константину, которым к тому времени исполнилось 18 и 16 лет соответственно. Они уже в детстве были венчаны на царство, и теперь *непосредственно* взошли на царский престол как самодержавные государи. Двоевластие, зачастую губительное в других государствах и ставшее привычным в Византии, на этот раз не привело к осложнениям. Константин, не склонный к занятию государственными делами, но довольно благоразумный молодой человек, сам предложил старшему брату не делить самодержавную власть. Он с легкостью отказался от всех высших полномочий, хотя и остался титулованным императором, а все нити власти сосредоточились в руках царя **Василия II Болгаробойцы** — под таким именем он войдет в историю.

Новый император еще с юных лет производил впечатление человека решительного, собранного, мужественного и деятельного, но, конечно, неопытного в государственных вопросах. Его первым советником стал уже знакомый нам Василий Варвар, незаконно-рожденный сын императора Романа Лакапина, ставший при царе св. Никифоре II Фоке паракимоменом (главным спальничьим

царя) и несколько десятилетий являвшийся душой византийского правительства. Он благополучно пережил всех предыдущих василевсов и теперь опять оказался востребованным. Поскольку паракимомен приходился родственником Василию II, он, скопец с детства, испытывал к царственному юноше искреннее расположение и отеческую любовь. В первую очередь паракимомен добился, чтобы император навсегда добровольно отказался от увлечений юности — женщин и застолий, и вскоре перед современниками предстал серьезный, не по годам собранный и аскетичный человек⁶¹⁶.

Родовой инстинкт, присущий представителям знаменитой Македонской династии, обязывал юного царя напомнить всем присутствующим о том, *кто* является василевсом Римской империи. И уже первые действия Василия II явили современникам лучшие образцы самодержавного правления. Несмотря на недовольство придворных, царь вернул из ссылки свою мать, бывшую царицу Феофано, но не допустил ее к государственным делам. Кстати сказать, в последующие годы царственные жены вообще играли весьма незначительную роль в византийской политике, что, конечно, нельзя отнести к случайностям: греки не могли забыть, *чем* закончились для Римского государства попытки императриц Зои и Феофано выйти на первый план.

Современники в один голос отмечали благородство природы нового царя. Голубоглазый, с чуть изогнутыми бровями, выдающими его гордый и сильный нрав, он весь светился мужеством и силой. Невысокого роста, Василий II обладал удивительно прямой осанкой, отличался физической силой, прекрасно ездил верхом и владел оружием. У него была неистребимая привычка теревить в минуты гнева и опасности подбородок — единственное свидетельство внутренних волнений, которые император тщательно скрывал от окружающих⁶¹⁷.

Надо сказать, что юность царя и события предыдущих лет давали повод для многих политических комбинаций. Два предыдущих императора, ставших василевсами из полководцев под девизом защиты интересов Римской империи, давали хороший пример для других соискателей. Тем более что многие аристократы, обладавшие славным именем, деньгами и реальной силой, могли, ссылаясь на свое родство с Цимисхием или св. Никифором II Фокой, претендовать на царство, как *наследники императоров*. Первым не-

гласным кандидатом являлся Варда Склир, прославивший свое имя на полях многочисленных сражений. Богатый, как Крез, любимец войска, родственник покойного Цимисхия, он имел все основания претендовать на царский венец.

Как полагают, его кандидатура предлагалась перед смертью Иоанну Цимисхию. Склира активно поддерживал Константинопольский патриарх Антоний и духовенство, но категорически не принимал могущественный евнух Василий, желавший продолжать управлять Римским государством при малолетних императорах. Он и убедил Василия II предпринять спешные меры предосторожности⁶¹⁸. И едва ли не первым своим распоряжением Василий II отправил domestika схол Востока в почетную ссылку в Месопотамию правителем фемного войска. Если василевс хотел изолировать Склира от политики, то это было не очень удачное место. Рядом располагалась Армения, где оскорбленный Варда имел многочисленных почитателей и родственников, дружно объявивших о своей поддержке ему, если он решится объявить себя императором. Склир не стал терять времени и тут же объявил о неповиновении василевсу. Его авторитет был настолько высок, что множество боевых командиров встали на его сторону, и вскоре Склир располагал уже значительным войском. Его поддержали не только армянские и грузинские аристократы, но и арабы, желавшие восстановить свою власть на захваченных Иоанном Цимисхием землях.

Поскольку Харпут, где пребывал Склир, находилась на значительном удалении от столицы, в Константинополе не скоро узнали о новой апостасии и не предприняли мер предосторожности⁶¹⁹. Поэтому уже летом 976 г. вся Малая Азия была охвачена волнениями и попала под власть Склира. Из Харпута Варда направился в Кесарию, где в феме Ликанды, у города Липара, дал сражение императорскому войску под командованием патрикия Петра. При помощи местных сарацинских князей ему удалось победить, попутно переманив на свою сторону дуку Антиохии Михаила Вурцу. После того как Антиохия досталась мятежнику, император направил против него второе войско под командованием протовестиария Льва и патрикия Иоанна. Они имели некоторый частный успех, но в конце 977 г. потерпели поражение в сражении с Вардой; протовестиарий Лев и domestik Петр Фока пали на поле боя, а патрикий Иоанн попал в плен.

Император направил посольство, надеясь договориться с мятежным полководцем, но тщетно. Хуже того, от царя отложился флот Кивириотской фемы, и теперь Склиру были открыты и сухопутные, и морские пути к столице. В начале 978 г. Варда Склир со своим войском находился в непосредственной близости от Константинополя. Впрочем, паракимомен Василий и на этот раз продемонстрировал свои недюжинные способности. Из разрозненных судов, охранявших столицу с моря, он создал небольшую эскадру, нанесшую под руководством флотоводца патрикия Феодора Карантина поражение восставшим в морском сражении у Фокеи. Сухопутную дорогу, проходившую через Никею, паракимомен поставил охранять патрикия Мануила Дротика — отца будущего императора *Исаака I Комнина*, родоначальника династии Комнинов. Тот блестяще справился с поставленной задачей, разрушив «греческим огнем» осадные башни мятежников и отбив все их атаки⁶²⁰.

Однако этого было еще очень мало для победы. И тогда паракимомен Василий, поднаторевший в знании человеческой психологии и имевший колоссальный жизненный опыт, решил противопоставить силе — силу, авторитету — авторитет. По его совету император пригласил Варду Фоку, племянника императора св. Никифора II, сосланного за мятеж в монастырь, — об этом писалось в предыдущей главе. Теперь он был *на время* освобожден от иноческой клятвы, но при условии, что, разбив Склира, немедленно вернется в обитель. Это был очень точный и в известной степени остроумный расчет: Фока не мог забыть, что именно Склир некогда остановил его заговор и свел на «нет» все усилия захватить царскую власть. Поэтому, у него имелись *личные мотивы* поквитаться со старым обидчиком. С большим трудом переправившись в Кесарию, где можно было набрать свежее войско, Фока деятельно взялся за выполнение царского поручения. Попутно он заручился поддержкой Грузинского князя *Баграта II Регвени* (961—994), предоставившего ему 12 тыс. великолепной конницы. Однако первое столкновение двух армий 19 июня 978 г. на реке Сангарию закончилось победой самозванца. Сам Фока едва не погиб, выбитый в бою из седла. Правда, и Склир понес тяжелые потери⁶²¹.

Но затем Фока начал действовать более удачно: хотя его отряды и уступали по численности мятежной армии, но правильная тактика обеспечила ему несколько небольших, но *звонких* побед над

противником. Кроме того, на помощь царю пришел счастливый случай. В это время умер патриарх Антиохии, и жители города совместно решили просить императора поставить им архипастырем *Агапия* (977—995), с чем был солидарен и местный сарацинский эмир *аль-Азиз биллах Абу Мансур Низар ибн-Маар* (975—996) из династии Фатимидов, основавшей в 969 г. собственный халифат со столицей в Махди и подчинивший себе Дамаск. Фатимиды являлись шиитами измаилитского толка и связывали свое родство с дочерью пророка Мухаммеда Фатимой, откуда и получили свое наименование.

Василий II благосклонно рассмотрел эту просьбу, но в ответном письме просил отвергнуть Склира, если антиохийцы по-прежнему считают себя его подданными. Получив это послание, эмир и все жители города отвергли Варду Склира и объявили своим царем Василия II, что, конечно, негативно сказалось и на численности мятежной армии, и на ее боевом духе. Армяне, проживавшие в Антиохии, попытались переломить ситуацию и подняли бунт в пользу Склира, но патриарх благословил народ воевать за *законного царя*, и восставшие были разбиты⁶²².

Наконец, 24 марта 979 г. оба войска собрались для решающего сражения на территории фемы Харсиан в долине Панкалии. Видимо, ненависть двух родственников друг к другу была настолько велика, что они договорились перед началом боя встретиться в единоличном поединке, победителем в котором оказался Фока. В последующем столкновении войско мятежников не устояло и отступило. Склир прекрасно понимал, *какой* исход его ждет в случае сдачи в плен, а потому решил попытать счастья в Багдаде, предложив тамошнему султану *Абдулкарим аль-Фадл аль-Мути* (974—992) свои услуги. Однако императору стали известны ближайшие планы мятежников, и он в свою очередь тоже направил в Багдад послом патрикия Никифора с просьбой к халифу не оказывать покровительства Склиру. Случилось, что и Варда, и посол оказались в Багдаде одновременно, и посланник императора предложил халифу выдать мятежника. Тот согласился, но при условии уступки ему Римским царем нескольких ранее захваченных византийцами крепостей. Конечно, Никифор отказался и даже попытался отравить мятежного полководца, но неудачно. Решив не рисковать, халиф в присущей восточным людям манере посадил

в тюрьму обоих византийцев, где Склиру и Никифору пришлось пребывать до лета 986 г.⁶²³

Примечательно, что сразу после поражения Склира патриарх Антоний тут же добровольно оставил свой престол, что только подтверждало опасения Василия II о его *прямом участии* в апостасии. На его место императором был поставлен *Николай II Хрисоверг* (979—981).

Тем временем Варда Фока с триумфом вернулся в Константинополь и дальше продолжал верно служить Римской империи. Василевс очень высоко оценил его полководческие таланты и, освободив от монашеского послушания, поставил во главе армии, воюющей в Сирии. Там наследник Сейф-ад-Даула *Сад-ад-Даул Шариф* (967—991) вернул себе родительскую вотчину город Алеппо. Араб попытался заключить вассальные союзы с более могущественными мусульманскими правителями, но это не помогло ему. 2 ноября 981 г. римская армия во главе с Вардой Фокой подошла к стенам Алеппо и 1 декабря этого же года нанесла Шарифу тяжелое поражение — тот немедленно признал над собой власть Византийского императора и обязался выплачивать дань⁶²⁴.

Казалось бы, теперь мир и спокойствие должны вернуться в Византию. Однако, как известно, в людях мало постоянства, да и подозрительность Василия II, небеспричинно глубоко укоренившаяся в его сердце еще с детства, сыграла свою роль. В скором времени он стал ревновать паракимомена Василия к своей власти. Ему казалось, что теперь, когда он вышел из юности и стал самодержавным василевсом, опека паракимомена не только обременительна, но и *подозрительна*. К тому же, как обычно, придворный мир, полный слухов, противоречий и интриг, настойчиво формировал убеждение у императора, будто бы сановник излишне щедр к отдельным лицам и таким способом втайне от царя формирует собственную партию. В этом не было ничего необычного: идея «общего блага» имела в Византии столь многочисленные интерпретации, а вариативность оснований занятия императорского престола столь безгранична, что смело можно было допустить, будто паракимомен Василий готовит Римской империи нового василевса.

Царь встревожился: рядом с ним находились две очень сильные личности — Варда и паракимомен Василий, союз которых, несмотря на взаимную ненависть, был не невозможен. А это несло

смертельную опасность. Недолго думая, даже не пытаясь смягчить удар, он с юношеской решимостью и категоричностью неожиданно объявил в 985 г. ошеломленному паракимомену Василию об отставке. Несчастного вельможу посадили на корабль, который тотчас отчалил от берега и направился к месту его ссылки. Так, некогда первый сановник Римской империи, заканчивал жизнь в небытии и забвении. Василий не выдержал такого поворота судьбы и, оставленный всеми, вскоре умер.

Последующие действия императора едва ли могут быть оценены как разумные, зато позволяют пролить свет на характер царя, стремившегося всем продемонстрировать свою самодержавную власть. Кто-то из придворных внушил ему мысль, будто бы уже давно оставленный паракимомен решал государственные дела из *личной выгоды*, забывая о государственном благе. Не особенно разбираясь, что было хорошо, а что плохо, император в силу прирожденной, но еще неопытной решительности попросту отменил все прежние распоряжения паракимомена о награждении лиц титулами и чинами. Он даже приказал разрушить построенный на деньги паракимомена храм в честь Св. Василия Великого — впоследствии мотивы этого неблагоприятного поступка никто не мог адекватно объяснить⁶²⁵. Естественно, подобные шаги вызвали негативную реакцию в высшем обществе и создали почву для очередного заговора, время для которого уже пришло. Нашелся и «новый старый» кандидат на царскую власть — Варда Фока.

Пока Василий II набирался опыта и собирал власть в государстве в свои руки, Варда Фока успешно воевал на Востоке и нанес африканским арабам два тяжелых поражения. В 983 г. он помог Сауд-ад-Даулу Шарифу, осажденному берберами в Халебе, освободиться от этой смертельной опасности. И тот в благодарность передал византийцам Химс, чтобы хоть как-то защитить от африканских Фатимидов свои тающие владения. В 985 г. он вновь принес клятву верности Византийскому императору⁶²⁶.

21 июля 985 г. Фока взял город Килиз, а в сентябре того же года город Апамею. Рядом с ним успешно действовал новый правитель Антиохии магистр Лев Милиссина⁶²⁷. События в Константинополе не могли не волновать его. Хотя Фока стал одним из наиболее приближенных к царю лиц, но, очевидно, был недоволен своим положением. То ли он полагал, что заслуживает большего, чем имел, то ли считал свое положение неустойчивым — так или иначе,

но в его голове постепенно созрели преступные мысли. Внезапная отставка всесильного паракимомена Василия только укрепила решимость старого полководца устранить императора от власти и надеть на себя царское платье. Варда Фока легко посчитал, что старые клятвы, принесенные некогда Василию II, были даны *для другого времени*, а потому уже недействительны. Преодолев нравственные сомнения, полководец решил действовать.

Некоторое время он тайно сносился с правителями ближайших фем, где без труда нашел себе многочисленных союзников. Наиболее значительную помощь оказали Фоке его единокровцы армяне, составившие костяк мятежной армии. Отсюда, кстати сказать, легко убедиться в том, насколько слабым авторитетом пользовался пока еще император Василий II на периферии. Обращает на себя внимание и неэффективная работа тех государственных служб, которые обязаны были следить за настроениями армии и отдельных полководцев. В общем, когда в августе 987 г. Варда Фока провозгласил себя императором и облачился в царское платье, это стало полной неожиданностью для Константинополя.

Положение Василия II осложнилось тем, что в это же время началась война в Болгарии, и в первом же сражении византийская армия под командованием царя потерпела поражение. Кроме того, как быстро выяснилось, Фока был не единственным претендентом на царство. Незадолго перед этим Варда Склир, все еще пребывавший в арабской тюрьме, упросил халифа Багдада отпустить его на свободу, чтобы вновь попытаться захватить царскую власть. В обмен на это Склир обещал арабу положительно для того решить некоторые территориальные споры между двумя государствами. Араб согласился и 3 января 987 г. освободил Склира, взяв в качестве заложников его сына Романа и брата Константина. Более того, халиф разрешил ему привлечь в свою армию арабов⁶²⁸.

Склир только начал собирать армию для похода на Константинополь, когда узнал об апостасии Варды Фоки. Решив объединить усилия, он явился к Фоке и предложил родственнику свои услуги при условии, что, захватив Константинополь, они *разделят Римскую империю*: Фока получит европейские владения, а Склир — азиатские. Тот согласился, и оба мятежника скрепили союз крепким рукопожатием. Однако оставались единомышленниками недолго. Не доверяя своему родственнику-сопернику, Фока вскоре аресто-

вал Склира, присоединил его отряд к своей армии и направился на Константинополь.

Император оказался в критическом положении. В довершение всех бед весной 987 г. поступили неприятные известия из Корсуни о нападении на Херсон русских дружин во главе *со святым равноапостольным князем Владимиром* (978—1015). К нему направили посольство, чтобы урегулировать конфликт, но неожиданно византийцы столкнулись с необычным условием, выдвинутым св. Владимиром. Князь соглашался на мир, но лишь при условии выдачи за него замуж сестры императора Анны. Послы попытались обмануть Русского князя, но тот легко раскусил все их хитрости и продолжал настаивать на своих условиях.

Ситуация была критическая. Из памяти современников еще не стерлась история с женитьбой Болгарского царя св. Петра на византийской принцессе Марии при Романе I Лакапине, однозначно воспринятой всеми, как *несмываемый позор*. Теперь было еще хуже. Святой Петр являлся *православным царем*, хотя и «варварским», а св. Владимир — язычником и всего лишь князем. Тот был благочестив и целомудрен, а русский воитель возил с собой многочисленный гарем наложниц. Мария, ставшая женой св. Петра, не была порфирородной принцессой, а Анна — истинной царевной, рожденной от венценосных родителей. Тем не менее пришлось соглашаться, иначе к Константинополю могли подойти вместе с Вардой Фокой не только болгары, но и русские дружины.

Правда, так случается, что зачастую мы оцениваем события негативно, не понимая, какую великую роль им предстоит сыграть. И женитьба св. Владимира на византийской принцессе летом 987 г. привела Русь к Христу — Анна дала согласие выйти замуж при обязательном крещении Русского князя. Любопытно, что первоначально Анна была сосватана за будущего Западного императора Оттона III, племянника царя Василия II — юный германец очень хотел породниться с императорским домом. Но, как выяснилось по факту, Русский князь оказался для Константинополя более предпочтительным женихом⁶²⁹. С этого момента началась новая история нашей Родины, столь значимая для христианской цивилизации и всего человечества. Между Византийской империей и Русью возникли очень теплые и тесные взаимоотношения, и вскоре русские воины будут в едином строю с греками отбивать атаки многочисленных врагов — норманнов, болгар, арабов⁶³⁰.

В итоге император Василий II даже выиграл: царское войско, которым он располагал, было немногочисленным, и 6-тысячный отряд русских воинов, отличавшихся высокой боевой выучкой, направленный в Константинополь по его просьбе святым равноапостольным князем Владимиром, оказался очень кстати.

В апреле 988 г. два войска — царское и мятежное — выстроились для битвы около Авидоса. Надо сказать, император Василий II и его царственный брат Константин «не праздновали труса» и стояли в первых шеренгах. Узнав о том, что цари решили принять участие в сражении, Фока обрадовался, надеясь разом решить судьбу императорской диадемы: убив их, он становился единственным претендентом на царство. Варда смело бросился в сражении впереди своего войска, надеясь в личном поединке сразить василевса. Навстречу ему смело мчался Василий II, держа в одной руке меч, а в другой — икону Пресвятой Богородицы. Внезапно на всем скаку Фока вывалился из седла, без сознания рухнул на землю и испустил дух. Причину его смерти передают по-разному: брат царя Константин заявлял, что своим дротиком поразил мятежника, другие утверждали, будто евнух, заранее подкупленный императором Василием II, *отравил* Фоку непосредственно перед сражением, дав тому питье с ядом. Так или иначе, но, узнав о смерти Фоки, мятежное войско разбежалось. Голову Варды принесли императору как почетный трофей⁶³¹.

Безусловно, это была великая победа, которой Василий II — один из наиболее выдающихся Римских императоров — был всецело обязан святому равноапостольному Владимиру и Руси. Без его поддержки и военной помощи не только последующие победы и завоевания Византии в Болгарии, Сирии и на Кавказе; само существование Македонской династии в тот момент времени становилось невозможным. Без Киева Василия II и его семейство ждала та же участь, что и франкских Меровингов, стертых с лица земли могущественными земельными магнатами, или Багдадских халифов, чья участь была едва ли менее печальной⁶³².

Победа над Фокой знаменательна еще одним событием из области государственно-церковных отношений. В разгар апостасии император при Константинопольском патриархе *Николае II Хрисоверге* (979—991) добровольно отменил старые постановления императора св. Никифора II Фоки, касающиеся распоряжения монастырскими земельными наделами, крайне непопулярные

в Церкви. Этот момент очень важен, и нам следует остановиться на нем.

Как всегда, *личность императора* значила в Византии очень многое. В отличие от своих великих предшественников, Василий II занял куда более лояльную политику по отношению к правам Константинопольского патриарха, чему есть свои объяснения. В первую очередь нельзя забывать личную религиозность и аскетизм императора, жизнь которого мало отличалась от жизни рядового монаха. Кроме того, над ним довели и политические соображения. Став царем в 18-летнем возрасте, окруженный претендентами из числа лучших византийских полководцев, не имея иногда средств, чтобы противостоять мятежникам в открытом сражении, Василий II не мог не обратиться за помощью к Константинопольскому патриарху в критическую минуту. Авторитет Николая II Хрисоверга явился той спасительной соломинкой, ухватившись за которую император преодолел страшные бури гражданских войн. И нет ничего удивительного в том, что император Василий II именно в 988 г. отменил прежние узаконения царя св. Никифора Фоки. Причем, сделал это в присущей ему категоричной форме, нисколько не пытаясь сгладить неловкость: «Эти узаконения, — писал царь в своем хрисовуле, — направлены к оскорблению и обиде не только церквей и богоугодных домов, но и самого Бога»⁶³³.

Однако в главных прерогативах царя по управлению Кафолической Церковью Василий II ничуть не сомневался. По примеру св. Никифора II Фоки и Иоанна Цимисхия он *самоллично* поставлял патриархов на кафедры, и без его приказа ничего в Церкви случиться не могло. Впрочем, царю пришлось выдержать настоящую войну со своими епископами, решившими после смерти Николая II Хрисоверга в 991 г. навязать императору свою кандидатуру. Почти четыре с половиной года патриаршая кафедра пустовала, выросшие в идеологии «византийского папизма» восточные епископы дружно отказывались хиротонисать кандидатов в патриархи, предложенных императором, а царь не принимал кандидатов, отобранных архиереями. Только в 995 г. царь назначил Константинопольским патриархом *Сисиния II* (995—998), а до этого дня столичный престол *вдовствовал* (!). Вслед за ним василевс поставил патриархами столицы *Сергия II* (999—1019) и *Евстафия* (1019—1025), которых остальным архиереям пришлось лишь хиротонисать⁶³⁴.

Итак, очередной мятеж провалился, и Василий II сделал соответствующие выводы. Предательство и клятвопреступления среди самых близких людей ожесточили его сердце и наполнили подозрительностью. Правда, волновали императора не личное благосостояние и возможность поглощать в неописуемых количествах блага, даруемые жизнью молодому мужчине, а судьба Византийской империи. Бережливый и экономный, *аскет в душе*, Василий II быстро отставил в сторону все забавы и совершенно отказался от украшений и роскошных платьев. При торжественных приемах его простую одежду украшало лишь несколько жемчужин. Только они позволяли определить, что перед собеседником находится царственная особа. На его столе никогда не было мяса и вина, и Василий II был чрезвычайно набожен — клирики *обожали* своего государя. Его лицо было постоянно сосредоточенным — все понимали, что император озабочен государственными вопросами и, главное, безопасностью Римской державы.

Перемену, произошедшую с царем, ощутил на себе даже его брат Константин, которому василевс оставил всего лишь небольшую личную стражу, разогнав все остальное окружение и сановных бездельников, постоянно выющихся возле того. Правда, он не лишил брата любимых удовольствий — охоты и бани, а также прощал некоторое легкомыслие⁶³⁵. Самопожертвование императора было настолько сильно, что он даже не удосужился жениться — пребывая день и ночь в заботе о Римском государстве, *он не нашел для этого времени*.

Глава 2. Царь-Болгаробойца. Победные марши византийской армии на Востоке и Кавказе

Пока Византийский император гасил огни мятежей, в Македонии зрели тревожные события. Пользуясь слабостью царской власти, в Македонии вспыхнуло восстание, которое подготовили и возглавили четыре сына некоего комита Николая Комитопула, скромного провинциального чиновника. Они низложили царя Бориса, который в спешке бежал в Константинополь вместе со своим братом-скопцом Романом. К несчастью, на самой границе

болгарский сторожевой отряд принял Бориса за грека из-за его одежды, и тот пал, сраженный стрелой. Однако Роман вернулся к Комитопулам, был ласково принят ими и назначен начальником Скопии, что на Вардаре. Как скопец, он, разумеется, не мог претендовать на царский титул, и поэтому предложенная должность вполне соответствовала его запросам. В скором времени три брата из четырех погибли в стычках с византийцами, а четвертый, *Самуил* (980—1014) принял на себя царскую власть, положив начало династии Комитопулов.

Это был далеко не рядовой правитель: ему удалось в течение короткого времени создать могущественнейшую державу с центром в Охриде. Постепенно он объединил Македонию вплоть до Фессалоники, старые болгарские земли между Дунаем и Балканскими горами, Фессалию, Эпир, часть Албании вместе с Диррахием, а также Диоклею и Расцию. Одновременно с этим Самуил восстановил Болгарский патриархат, ликвидированный при Цимисхии. Однако образовавшееся государство трудно было ассоциировать со старой Болгарией, поскольку в этническом отношении оно представляло собой смесь множества народов, а ядром державы стала Македония, ранее являвшаяся периферийной областью Болгарии⁶³⁶.

Около 980 г. Самуил во главе многочисленной рати попытался проникнуть через Коринфский перешеек в Аттику, но неудачно. Однако это не остановило его, и в следующем году он повторил свои попытки⁶³⁷. Ему противостоял византийский гарнизон, хотя и не очень активно, и Самуилу удалось захватить некоторые земли. Жителей этих мест, главным образом, славян, он переселил в Болгарию, а захваченную в плен в городе Лариссе красавицу-гречанку сделал своей женой.

Византийские гарнизоны, расквартированные в Элладе, по малочисленности не решались открыто противостоять болгарам, а те не могли проникнуть дальше в Пелопоннес, ограничиваясь ежегодными набегами. Такое положение вещей сохранялось до 986 г., пока император Василий II не предпринял поход на Самуила. Из Филиппополя он проник через Траяновы ворота до Сердики и осадил этот город. К несчастью, его войско, собранное наспех, было плохо подготовлено — видимо, василевс не имел достаточного времени для организации кампании. Осадная техника оказалась неэффективной против крепких стен, продовольствия не хватало,

а тут еще были получены сведения о том, что Самуил с большим войском приближается к Сердики. Император срочно снял осаду и быстрым маршем направил армию на родину.

16 августа 986 г. византийцы остановились для отдыха в лесном урочище у Вакарела, между Дунаем и Эгейским морем. На следующий день, 17 августа 986 г., греки достигли Ихтиманской долины, покрытой лесами, и тут на них с двух сторон обрушились болгары, укрывшиеся в засаде. Они обстреливали византийцев из луков, метали копья, а затем пошли врукопашную. Потери римской армии были ужасными — пало почти все войско, а победителям достался императорский шатер, весь обоз и множество осадной техники. Сам царь Василий II едва не погиб — его спас отряд армянской пехоты, который укрыл императора в середине своего каре и с боем прорвался сквозь густые ряды болгар. В следующие несколько лет Самуил попытался развить свой успех: он завоевал приморские города Драч и Леш и проник на севере через сербские земли до Рагузы (Дубровника)⁶³⁸.

Конечно, император Василий II никак не желал мириться с таким исходом. Он начал спешно готовиться к новому походу, но вновь помешали внутренние волнения. 70-летний и почти ослепший Варда Фока, пребывавший до сих пор под арестом, получив известие о гибели конкурента, решил еще раз попытать счастья. Весной 989 г. он собрал из рассеянных остатков войска Склира новую армию, ничуть не уступающую по численности и силе прежней, и вновь объявил себя Римским императором, надев пурпурные сапоги. Однако теперь мятежник действовал гораздо осмотрительнее. Не решаясь вступать в открытое сражение с императорской армией, Варда Фока блокировал Константинополь, перекрыв все дороги и торговые пути, ведущие в столицу.

Следует признать, что авторитет этого старого полководца был по-прежнему очень высок в народе, а в армии его откровенно любили ветераны, разделившие с ним многочисленные походы. Это был воистину «солдатский генерал», хотя и рожденный в старинной аристократической семье. Варда охотно ел вместе со своими воинами из одного котелка, знал их в лицо, разговаривал с ними на свободные темы и делился последним. Его служба охранения была организована настолько великолепно, что лазутчики императора не могли достать сведений о перемещении мятежной армии. Что бы ни затевал законный император, ему не удавалось расстроить

планов Фоки, всегда оказывавшегося чуть-чуть быстрее и расторопнее Василия II⁶³⁹.

Делать нечего — отчаявшись победить противника в бою, император направил к Фоке посольство с предложением мира в обмен на вторую после себя должность в государстве. Сначала Варда категорично отверг это предложение, но, поразмыслив, подумал о том, *что* готовит ему судьба в ближайшие годы. Его очень волновала и участь солдат, сохранивших ему верность в годы мятежа. Поэтому он согласился снять со своей головы царский венец, приняв титул куропалата, при обязательном сохранении командирами военных отрядов своей армии занимаемых ими должностей и чинов. Император дал свое согласие и сдержал слово.

Поддерживаемый с двух сторон, слепец подошел к царскому шатру, предварительно сложив с себя все знаки императорской власти. Они обменялись с Василием II поцелуями и даже предались беседе. Обрадованный таким легким исходом мятежа, молодой царь попросил у старика совета: каким способом сохранить единовластие в стране и держать армию в подчинении. Ответ Фоки был прост до чрезвычайности: он посоветовал оставить в стороне сострадание и милость и наводить порядок железной рукой, не опасаясь недовольства подданных. «Программа», изложенная Фокой василевсу, выглядела следующим образом: «Не терпеть слишком могущественных сановников; не позволять никому из крупных военачальников владеть большими богатствами, обременять их произвольными налогами, заставляя их таким образом посвящать все свое время частным делам, не доверяться никому и лишь немногим открывать свои замыслы». После этого старец отправился в выделенное ему имение, где и скончался 4 февраля 991 г, а его слова пришлось по нраву императору⁶⁴⁰.

Надо сказать, что, несмотря на свой жесткий характер, царь Василий II пощадил бунтовщиков. Исключение составил Антиохийский патриарх *Агануй* (977—995), письма которого были обнаружены в сундуке мятежного полководца. В них архиерей, забыв ранее данные царю обещания и его милости, открыто высказывался в поддержку восстания. За это Василий II низверг его с архиерейской кафедры и отправил в ссылку⁶⁴¹.

Испуг пришлось пережить и бывшим союзникам мятежников. *Давид III Великий* (994—1001), царь Тао-Кларджети (Юго-Западная Грузия), испугался последствий своей измены и срочно просил

пощады, отмечая в послании к императору, что стар, не имеет наследника и вообще готов присоединить Грузию к Византийской империи. Император согласился, наградив грузина титулом ку-ропалата и считал теперь его страной своей⁶⁴².

В ближайшие за этими событиями годы Василий II решил воплотить в жизнь советы «последнего из могикан» уходящей эпохи. Изверившийся в добрых нравах, он отныне решил все делать *самостоятельно*, никому ни в чем не доверяя. Царь совершенно отказался от советников, как реалист и солдат испытывая искреннюю неприязнь к «ученым» людям, хотя предпринимал шаги по развитию просвещения в Византийской империи. Население он обложил тяжелыми податями и налогами, не делая никаких различий между знатными и простыми семьями.

Убедившись на недавних примерах, что аристократия, и особенно военная аристократия, представляет собой потенциальных противников царской власти, мало заботящихся о государственном благе, он продолжил мероприятия своих царственных предшественников по ограничению ее могущества и богатства. «Неужели мы не окажем сопротивления, — восклицал Василий II в своем законе, — замыслам этих людей? Неужели мы оставим в их руках имущество бедняков, которых они бесчестно ограбили?» Он без колебаний объявил войну непокорным «властителям», чтобы устранить возникшую для целостности Римского государства опасность. Как справедливо полагают, «во всей социальной истории Византии эта борьба X века, вероятно, была самым значительным явлением»⁶⁴³.

Характерный пример являет история с Евстафием Малеином, одним из соратников Варды Фоки, могущественным аристократом. Приглашенный Малеином в гости, царь сам убедился, сколько велико могущество властителя, способного вооружить и поставить под свое начало несколько тысяч солдат из числа зависимых от него крестьян. Как следствие, под благовидным предлогом василевс пригласил Евстафия к себе во дворец, где тот и содержался некоторое время фактически под изысканным арестом, а тем временем его имущество конфисковали в казну⁶⁴⁴.

В 996 г. император полностью уравнил аристократов в правах с обычными земледельцами и ввел новые ограничения по покупке «властителями» земельных наделов свободных крестьян и стратиотов. Согласно эдиктам императора, все приобретения, сделанные

властителями у бедняков, признавались незаконными. Более того, любая приобретательская давность по ним упразднялась. Сам царь объявил, что в отношении государственной казны не существует никакого срока давности, и простер право государства возвращать имущества до времен императора Августа Октавиана⁶⁴⁵.

«С тех пор как мы получили самодержавную власть и приняли разбирать дела между богатыми и бедными, мы увидели, что “властители”, страдая страстью приобретения, находят явное поощрение своей страсти в 40-летней давности и стараются то посредством подарков, то посредством присущей им силы и влияния миновать как-нибудь этот срок и затем получить уже полное право собственности над тем, что они дурным образом приобрели от “убогих”. Желая исправить такое зло, поставить в должные границы нынешних “властителей” и воспрепятствовать будущим следовать по тому же пути, мы издаем настоящий закон, после которого они будут знать, что уже не найдут в этой 40-летней давности никакой помощи, но что чужое будет отбираемо не только у них самих, но и у детей их или у тех, кому они оставят свое имущество. А что держава наша не без рассмотрения и не без испытания отменяет освященное давностью право собственности, но сострадая к бедным и заботясь о прочности общественного порядка, а также из любви к справедливости, из желания уврачевать опасную страсть любостязания, — это ясно из нашего закона»⁶⁴⁶.

Вполне обоснованно опасаясь за свою безопасность, желая опереться на по-настоящему преданных соратников, Василий II окружил себя людьми незнатными, но проявившими себя на поле боя или в делах государственного управления⁶⁴⁷. С другой стороны, никакие заслуги и титулы не способны уберечь лицо от ответственности за преступление, полагает василевс. «По старому закону лица, достигшие звания протоспафария или другого высшего, будучи повинны в умышленном убийстве, наказывались только потерей сана и чести, но не смертной казнью. На будущее время преступники этого класса, если они совершат убийство или составят заговор и науськают других к тому преступлению, будут подвергаться не только лишению чести, но и лишению главы»⁶⁴⁸.

В целом все эти меры при внешней их непривлекательности позволили ему укрепить авторитет царствующей династии и собрать необходимые средства для ведения дальнейшей войны в Болгарии и Сирии. Несмотря на многочисленные мятежи и военные кампа-

нии, отметившие его правление, император Василий II оказался редкостным радетелем интересов государственной казны. В годы его царствования она увеличилась до 200 тыс. талантов — фантастическая по тем временам сумма. Сокровища кельтов и арабов, конфискованное у мятежников имущество, — все переводилось в деньги, которыми наполнились царские сокровищницы. Когда же места в них не осталось, император приказал вырыть специальные подземные лабиринты, где хранил остальные богатства.

Привыкший во всем доверять только себе, император Василий II успешно познал науку государственного управления и военное искусство. Не любивший красивых слов, а лишь *дело*, он лично диктовал писцам свои распоряжения и эдикты, никогда не тратя время на пустые и цветастые выражения. Настоящий аскет, он с войском проделывал многокилометровые переходы, легко сносил зной и стужу, был очень воздержан и не любил, чтобы кто-то замечал его слабости. Дорожа своими солдатами, в походах Василий II предпочитал действовать из засад, издавелека обстреливая неприятеля метательными снарядами — военная техника в годы его правления постоянно совершенствовалась. Когда солдаты иногда говорили своему полководцу в лицо, что строжайшая дисциплина угнетает их, царь неизменно отвечал: «Иначе нам никогда не кончить войны», и был, конечно, прав. Терпеливый, он редко наказывал своих воинов в походе, но, вернувшись в Константинополь, предавал виновных военному суду. Царь умел подавлять гнев, но был долгопамятен, никому не прощая ошибок или предательства⁶⁴⁹.

Потерпев поражение от Самуила, василевс не стал торопиться. Только в 991 г. он через Фракию и Македонию отправился в Солунь и попытался переломить ситуацию в свою пользу. Однако перед ним был не прежний бессильный и миролюбивый Болгарский царь св. Петр, а мужественный воин и прекрасный организатор. Целых 4 года провел император в походе, но успехи римского оружия были пока еще очень скромными: Василию II удалось взять всего лишь несколько крепостей, да и то город Верею византийцы удержать не смогли и сдали обратно болгарам⁶⁵⁰. Вернувшись в Константинополь, император учел старые ошибки и, как человек целеустремленный и цельный, никогда не останавливающийся на половине пути, сделал главной целью своей жизни покорение Болгарии. Для этого ему потребовалось долгих *28 лет* (!).

В первую очередь, проанализировав прошлые ошибки, василевс организовал опорные базы для своей армии в Филиппополе, Солуни и Мосинополе и начал подготовку к новой войне. Но его опередил Самуил, в 996 г. предпринявший очередной поход в Элладу. Вначале все развивалось очень даже успешно для болгар: они победили в битве при Солуни византийского полководца армянского происхождения Григория Таронита, причем его сын Ашот попал в плен. Но внезапно военное счастье изменило Самуилу. Началось с того, что его дочь влюбилась в Ашота и настояла на том, чтобы отец выдал ее за него замуж. Делать нечего — Болгарский царь удовлетворил желание дочери и после свадьбы назначил Ашота правителем города Драч. Но едва к стенам Драча подошел византийский флот, как Ашот сдал город, сумев привлечь для нейтрализации болгарского гарнизона местное греческое население. Интересно, что жена-болгарка помогала ему в этом.

Рок продолжал преследовать Самуила. Он прошел через всю Элладу и дошел даже до Пелопоннеса. Однако его по пятам преследовала другая византийская армия, во главе с полководцем Никифором Вестом. На берегу сильно разлившейся вследствие дождей реки Сперхия оба войска расположились лагерем друг напротив друга. Ночью, когда болгары спали, византийцы перешли вброд реку и напали на их лагерь — битва закончилась совершеннейшим уничтожением болгарского войска. Сам Самуил едва спасся, бежав на остров Преспы. После Сперхейского сражения инициатива полностью перешла к грекам. В течение 999 и 1000 гг. римские полководцы, среди которых заметно выделялся Никифор Ксифин, победоносно захватывали земли Мезии и близ Софии. Затем под ударами римского меча пали Большой и Малый Преслав. Но кардинальные успехи начались в 1001 г., после прибытия Василия II на болгарский фронт. Император вторгся в область Сердики и захватил города Вервею, Сервею, тем самым отрезав Самуила от старых болгарских земель на Дунае. Затем василевс вторгся в Македонию и захватил Воден и другие крепости Фессалии⁶⁵¹. А в 1002 г., после длительной осады, царь смог принудить к сдаче город Бдин. Единственным ответным успехом Самуила стало внезапное нападение на Адрианополь, которое, однако, не привело к захвату города⁶⁵².

Из Бдина царь Василий II, разрушая по пути болгарские крепости, двинулся по Моравской долине к Скопии, где в 1004 г. вновь разгромил Самуила, после чего город Скопия открыл ему ворота.

Только теперь, пробыв на войне почти 4 года без передышки, василевс решил прервать кампанию, в ходе которой его противник лишился большей части своих земель, и отойти в Константинополь.

Самуилу к этому времени уже начали изменять самые близкие люди: например, князь Роман, внук великого царя Симеона, сдал находившийся под его защитой город византийцам и получил взамен титул патрикия. После 4—5 лет войны от недавнего Болгарского царства остались только Западная Македония, Албания и горные земли возле Софии. Но тут неожиданно Самуил получил передышку, поскольку император был вынужден отвлечься на войну в Грузии и Армении. Правда, ничего *кардинально* уже изменить было нельзя, в чем Самуил сам вскоре убедится. А пока он удовлетворялся локальными успехами, надеясь, что в войне начался перелом.

Болгарин пребывал в иллюзиях до тех пор, пока вновь не появился император Василий II. Римскому царю только в 1014 г. удалось вновь сосредоточиться на войне с болгарами, которые, используя длительную передышку, несколько восстановили свои силы и даже вернули себе города Драч и Воден. Естественно, византийцы сразу же приступили к активным наступательным действиям, хотя первоначально и не очень удачным. Хотя римский полководец Феофилакт Вотаниат разбил у города Солуни болгарское войско под командованием Несторицы, сам император безуспешно пытался пробиться через засеки в ущельях Клидиона близ Струмицы. Однако правильная стратегия и умение войска оказали решающее значение на исход этой кампании. 29 июля 1014 г. на помощь Василию II подоспел стратиг Филиппополя Никифор Ксифий и, обойдя болгар с тыла, напал на них. Это сражение, названное впоследствии «*битвой у горы Беласицы*», привело к полному уничтожению болгарской армии; сам Самуил едва спасся.

Но вслед за этим переменчивое военное счастье даровало некоторый успех и болгарам: храбрый полководец Феофилакт Вотаниат, отправленный императором к городу Струмице, попал в засаду и погиб, а вместе и ним и большая часть его отряда. В ответ василевс приказал ослепить 15 тыс. пленных болгарских воинов, оставив на каждую сотню одного зрячего, как проводника, и в таком виде отправил их к Самуилу. Конечно, это было страшное зрелище: по лесным и горным тропам шли тысячи здоровых, сильных, но *слепых*

мужчин, нелепо и неумело пытавшихся держаться друг за друга. Путь их был не скор, и когда они предстали перед своим царем, тому открылось жалкое и страшное зрелище. Оборванные и голодные, грязные и морально сложенные, слепые бродяги мало напоминали его некогда храбрых и мужественных воинов. Самуил не вынес увиденной картины — с ним случился сердечный приступ, и он потерял сознание. Через 2 дня, 15 сентября 1014 г., царь Самуил скончался. Говорят, это был великодушный и добрый человек, редко опускавшийся до казней и весьма милостивый. К его чести, он более четверти века противостоял победоносной византийской армии и самым лучшим ее полководцам⁶⁵³.

Кончина государя вызвала настоящий раскол в болгарском обществе, чем, естественно, воспользовались византийцы. Сын и наследник Самуила *Гавриил-Радомир* (1014—1015) пытался организовать сопротивление, но через несколько месяцев был убит двоюродным братом, некогда пощаженным им самим, *Иоанном Владиславом* (1015—1018). Затем узурпатор заманил к себе и подло убил Сербского князя *св. Иоанна Владимира* (990—1016), позднее причисленного Церковью к лику святых мучеников. Таким путем Иоанн Владислав пытался купить мир с Византией, но едва не был уничтожен возмущенными болгарами, желавшими продолжать войну. И, надо сказать, последующие военные действия не принесли грекам решающего успеха — болгары отчаянно сопротивлялись и, заключив союз с печенегами, переходили даже в контрнаступления. Борьба перешла в такую степень взаимного ожесточения, что обе стороны без размышлений ослепляли всех пленных подряд, лишь после этого страшного обряда отпуская изуродованных воинов «на свободу». Однако весной 1018 г. Иоанн Владислав пал от руки собственного солдата, когда стоял с войском у города Диррахий.

После этого Болгарский престол стал вакантным, и тут же образовались две конкурирующие партии со своими претендентами. Собственно говоря, это обстоятельство и решило окончательно судьбу многолетней войны. Император Василий II начал новое наступление в Болгарии, и повсеместно города открывали перед римской армией ворота, выражая свою покорность⁶⁵⁴. Последний защитник независимости Болгарии — царевич *Пресиан* (1018), сын Иоанна Владислава, был взят в плен при обороне крепости Про-ништа в 1018 г.

64-летний Римский царь, прозванный за свои блестящие и многочисленные победы *Болгаробойцей*, триумфально вошел в Константинополь под громкие крики народа. Его сопровождали пленные члены царской семьи Болгарии и множество других пленных. Радость византийцев была понятной — вдуматься только: *Болгарского царства больше не существовало!* Прежняя Болгария была преобразована в фему Булгария с административным центром в Скопии. Теперь Римская империя простиралась от Евфрата до Истрии, от Дратвы до Кипра, и все Сербские и Хорватские князья принесли клятву верности василевсу. Никогда со времени св. Юстиниана Великого Византийская империя не знала подобных успехов. Она простиралась от Дуная до Антиохии и Сирии на севере, от присоединенной Армении до отвоеванной Южной Италии. Вокруг Византии группировались вассальные государства: итальянские и славянские, кавказские и армянские. Русь, обращенная в христианство с 989 г., также вошла в сферу ее влияния⁶⁵⁵.

В этой связи нам открывается удивительная картина беспрецедентной способности Римской империи устраивать свои отношения с покоренными народами. Обеспечив переход Болгарии под власть Византии, император Василий II утвердил нерушимость и целостность ее границ, одновременно с этим подтверждая старые привилегии, данные ей при прежних Римских василевсах, а также права Болгарской церкви, сформированные при Болгарских самодержцах⁶⁵⁶.

«Мы постановляем, — писал император в своем хрисовуле, — чтобы нынешний святейший архиепископ владел всеми Болгарскими епископиями, над которыми прежние архиепископы имели верховную власть при царях Петре и Самуиле. Хотя мы владеем теперь этой страной, но сохранили неприкосновенными ее привилегии и подтверждаем их нашими хрисовулами и печатями и повелеваем, чтобы нынешний святейший архиепископ Болгарии владел той же самой церковной областью, какая была в его власти при царе Петре. И чтобы господствовал над всеми епископиями Болгарии, утверждая права епископии Силистрии-Дристры. Ибо при Петре, прежнем Болгарском царе, этот город славился честью архиепископской кафедры. После же того архиепископия переходила из города в город, пока не перешла в Охриду. Утверждая за архиепископом Болгарским названные епархии, где и прежде была над ними его власть, установленная старыми узаконениями, ибо не

отменяем ничего из прежних преимуществ Болгарской архиепископии, а если бы она и испытала какой ущерб, то настоящим хрисовулом нашим восстанавливаем его, дабы нерушимо и неизменно сохранялись все древние преимущества архиепископии»⁶⁵⁷.

Важная деталь — Болгарская церковь признавалась *автокефальной*, т.е. независимой от Константинополя, причем ей передавались несколько епархий, ранее входивших в состав Константинопольского патриархата. Архиепископ, глава Болгарской церкви, назначался на кафедру непосредственно императором, и тот факт, что первым болгарским архиереем был назначен этнический болгарин, свидетельствовал о доверии царя к своим новым подданным и о желании даровать им значительную автономию⁶⁵⁸.

В другом хрисовуле император отмечал: «Хотя Болгарская страна покорена, мы не отменяем ее прав, но *подтверждаем их*». Действительно, покоренные болгары едва ли почувствовали какие-то перемены для себя к худшему. За основной массой болгарской знати были сохранены права на землю, кроме того, им были пожалованы византийские титулы. Болгарские царевицы заняли высокие должности в Константинополе: один из них возглавил дворцовую стражу «букеллариев», другой стал стратегом в Армении, третий — в Феодосииполе (Эрзеруме). Болгарская царица Мария и дочь Самуила Екатерина вошли в штат придворных дам Римского императора, прочие княжны вышли замуж за знатных византийцев.

В самой Болгарии ничего не изменилось — сохранилось старое местное самоуправление, прежние налоги и подати. Лишь в крепостях были выставлены византийские гарнизоны, но они главным образом защищали саму Болгарию от внешних опасностей, которыми был полон тот век. Сохранение прежней системы выражалось, в частности, в том, что болгарские крестьяне, в отличие от греков, имели возможность уплачивать налоги не деньгами, а натурой, т.е. отдавать государству известную меру пшеницы, проса и вина⁶⁵⁹.

Во главе Болгарии был поставлен катепан, являвшийся императорским наместником страны. Ему подчинялись стратиги (архонты) областей. И первый катепан Болгарии Давид Арианит и его преемники довольно мирно сосуществовали с местной аристократией; права болгарского крестьянства также не были ущемлены. Единственно, кто мог высказать претензии, были некоторые члены

царской семьи, высланные на периферию⁶⁶⁰. Да еще, пожалуй, часть военной аристократии, которую из соображений безопасности перевели для продолжения службы императору из Болгарии в Южную Италию или Малую Азию⁶⁶¹.

Вообще, говоря о системе государственного управления в Римской империи, доведенной Василием II до высшей степени совершенства, следует отметить, что внутренняя политика Византийской империи всегда базировалась на некоторых абсолютных принципах, родных детям Православия и имперской идеи. Основной задачей царской администрации являлось обеспечение государства финансовыми средствами. Это было делом чрезвычайно трудным, так как в Византии почти всегда существовала известная диспропорция между потребностями и ресурсами. Другая задача администрации была, быть может, еще труднее. Византийская империя не обладала ни единством расы, ни единством языка. Это было «искусственное творение, руководившее двадцатью различными национальностями и объединявшее их по известной формуле: *один государь, одна вера*».

Замечательным достижением Римского государства стало превращение этого многонационального конгломерата в сплоченный и единый организм посредством всеобщей эллинизации и повсеместного исповедания Православия. Греческий стал *государственным и церковным языком* и получил значение национального языка. Благодаря умелой пропаганде эллинской культуры и замечательному искусству щадить и ассимилировать побежденные народы, Византийское государство наложило общий отпечаток на те разнородные элементы, из которых оно состояло. И это, по справедливому замечанию известного исследователя, лучше всего свидетельствует о жизненности и могуществе Византийской империи. Вследствие распространения Православия и умения Восточной Церкви одерживать *культурные победы* над странами, завоеванными оружием, чиновничество смогло сблизить и смешать все расы и нации, которыми единодержавно управлял Римский царь. При Василии II государственное управление стало поистине могущественным остовом, поддерживавшим Византийскую империю и делавшим ее однородным и крепким организмом⁶⁶².

Рядом с победоносной Болгарской войной стоят победы императора в Сирии и на Кавказе. Надо сказать, что восточная политика Василия II по ясности задач и обдуманности своевременно и систе-

матически проведенных военных и дипломатических мероприятий также замечательно характеризует государственный ум и военный талант этого яркого представителя Македонской династии⁶⁶³.

Несмотря на прежние завоевания византийцев, Алеппо и Дамаск продолжали оставаться стратегическими базами мусульман. Дамасский эмир *Бакджур* (983—991) попытался отложиться от Фатимидов, правящих в Египте, но потерпел поражение, смирился и в награду получил от них права на город Алеппо. Тогда Саад-ад-Даул уведомил императора о происках своего конкурента и убедил начать кампанию против Бакджура. Дука Антиохии Михаил Вурца выступил в поход и 25 апреля 991 г. Бакджур был разбит, а затем попал в плен. К этому времени сам несчастный Саад-ад-Даул уже скончался, а его сын *Сауд-ад-Даул Шариф* (991—1002) не имел никаких сил противостоять египетским Фатимидам. Он во всем доверился своему полководцу Лулу, а тот предался в руки византийцам, чьей помощью единственно и существовал он сам и его господин. Правда, занятый войной в Болгарии, Василий II в то время не имел возможности предоставить необходимую военную помощь⁶⁶⁴.

Это вызвало соответствующую реакцию со стороны правителей Египта: они совершали набеги до стен самой Антиохии и в 994 г. осадили Алеппо. Оттуда слали просьбы к императору поспешить на помощь, отмечая, что после падения этого города не устоит и Антиохия, а, следовательно, арабская угроза распространится затем на Константинополь. «Один слух о твоём приближении заставит врагов снять осаду», — говорилось в послании.

Хотя царь в это время был занят в Болгарии, он, верно оценив обстановку, срочно начал собирать новую армию. Зимой с 994 на 995 г. Василий II с 40-тысячным войском, посаженным для быстрой передвижения на мулов, совершил беспрецедентный марш, явившись в Антиохию. Правда, боеспособной оказалась только передовая часть в количестве 17 тыс. стратиотов, но эффект неожиданности сработал и на этот раз — сарацины спешно сняли осаду с Алеппо. Подчинив ранее завоеванные города, император освободил Вурца за пассивность от занимаемой должности, а дукой Антиохии поставил Михаила Далассина — представителя знатной византийской фамилии⁶⁶⁵.

В ответ Фатимидский халиф *аль-Азиза* (975—996) предпринял поход в Сирию, однако по пути умер. Во главе Фатимидского ха-

лифата стал его 11-летний сын *аль-Хаким* (996—1021), прославившийся впоследствии неслыханной жестокостью по отношению к христианам. Среди сарацин разразилась страшная междоусобица, и многие мусульманские эмиры искали расположения Римского царя и просили о помощи. Выдалась очень удачная ситуация для дальнейшего укрепления положения Византии в Сирии. По приказу василевса в 998 г. Дамиан Далассин, брат Михаила Далассина, начал военные действия против халифа. К сожалению, у города Апамеи византийское войско в количестве 6 тыс. человек было разбито, Далассин погиб, в плен попали два сына дуки и множество командиров.

Тогда за дело взялся сам император. В 999 г. он предпринял второй поход в Сирию, желая доказать всем, что Римский царь никогда не отдаст Сирию во власть Египетского халифа. Осенью 999 г. василевс прибыл в Антиохию, имея при своем войске большой вспомогательный отряд русских воинов. Пройдя с войском от Северной Сирии до Ливана, василевс приказал уничтожить все на своем пути, чтобы подорвать снабжение мусульманских войск. Затем дошел до Дамаска, где были сосредоточены главные сарацинские силы, но, продемонстрировав свою силу (разгромить врага было нереально), в начале 1000 г. вернулся в Антиохию и назначил ее новым дукой Никифора Урана⁶⁶⁶.

Минувшие события самым негативным образом сказались на судьбе династии Сейф-ад-Даула, некогда заставившего Византию считаться с собой. В 1002 г. Лулу отравил своего господина, а двумя годами позже в качестве регента отослал двоих сыновей покойного в Египет по предварительной договоренности с Фатимидами. Очевидно, он хотел начать собственную династию, но его сын Мансур был вскоре вытеснен из Халеба. На этом история царственной ветви завершилась⁶⁶⁷.

Внезапно события в Грузии отвлекли внимание василевса от основной цели восточного похода. Поступило сообщение о том, что Грузинский князь Давид был отравлен своим архиепископом, недовольным провизантийской политикой монарха, дав тому вместе со Святым Причастием яд. Не медля, царь направился с войском в центр фемы Халдия — Трапезунд, где вообще редко появлялись европейцы, чем произвел большое впечатление на местных правителей. Пройдя утомительные горные пути, он стал на границе с Грузией в укреплении Гаваджик. Сюда к царю явились пред-

ставители грузинской аристократии, приветствовавшие его как своего императора. Затем явились царь Абхазии и Карталингии *Баграт II* (978—1015), а также цари Грузии, Карса, Вана и Васпурахана. Все они притязали на владения покойного Давида. Выбор императора Василия II пал на представителя династии Багратидов, *Гургена II* (1001—1008), с которым он заключил соответствующий договор. Тем не менее самый влиятельный Армянский царь *Гагик I* (989—1020), сын *Аиота III* (952—977), не прибыл на встречу с императором, опасаясь его растущего влияния на Кавказе. Расставив повсюду греческие гарнизоны, василевс весной 1001 г. вернулся в Константинополь, захватив множество заложников из числа грузинской и армянской знати⁶⁶⁸.

Несколько лет после этого события на Востоке не привлекали особого внимания царя. Но в 1009 г. Египетский халиф аль-Хаким начал страшные гонения на православных, приказав срыть храм Воскресения в Иерусалиме, базилику Константина и Лобное место. В свое время Фатимиды, желая укрепиться в Северной Африке и Египте, относились довольно снисходительно к христианам и евреям, теперь этой политике был положен предел. Был обнародован его указ, согласно которому публичный торг на базарах разрешался только днем, а после заката никто не имел права покидать свои дома. Христиане обязывались носить на одежде крест, а евреи — бубенчики. Воспрещена была продажа всех напитков из ячменя, дабы не вводить правоверных в соблазн. Озабоченный желанием сосредоточить в своих руках всю власть в мире ислама, он казался попеременно современникам то шиитом, то суннитом, а позже попытался установить государственной религией своего Халифата измаилитский догмат о воплощении Божественного духа в натика, и приказал считать себя седьмым, высшим натиком, которому подобает божественное поклонение. Отсюда и те гонения, которым подверглись христиане⁶⁶⁹.

Нельзя, впрочем, сказать, что попытка аль-Хакима создать из Египта образцовое измаилитское государство удалась. Уже в 1006 г. Омейядский принц Абу Раква, изгнанный из отечества могущественным майордомом Кордовского халифа *Хишамом II* (976—1009, 1010—1013) аль-Мансуром, стал имамом среди берберов и арабов Барки. Под его предводительством те восстали против аль-Хакима и едва не взяли штурмом столицу Фатимидского халифата, но были разбиты. В отличие от Византии, сохранявшей внутреннюю силу,

мир ислама был весь покрыт трещинами и ранами сепаратизма. То берберы воевали с турками, то арабы объединялись с ними, чтобы громить негритянскую гвардию аль-Хакима (его любимая жена была негритянкой). А когда в 1017 г. один измаилит провозгласил в мечети, будто душа Адама переселилась в зятя пророка Мухаммеда, а оттуда в аль-Хакима, едва не вспыхнуло новое восстание.

В конце концов аль-Хакиму пришлось спасаться бегством в Даразий, где он и исчез в феврале 1021 г. Слухи о его исчезновении ходили самые разные — одни полагали, что его отравила собственная сестра, другие утверждали, будто он убыл в тайное место, дабы продолжать руководить измаилитами издалека. В любом случае его сын и наследник *аль-Захир* (1021—1036) был вынужден констатировать факт резкого ослабления могущества своего государства и династии⁶⁷⁰.

Для полноты картины заметим, что Багдадский халифат в это время прозябал на задворках истории, руководимый слабыми и во всем зависимыми от турок правителями. В годы, о которых идет речь, в Багдаде правил *аль-Кадир Биллах* (992—1031). Целиком зависящий от Буидов, он много времени проводил в молитвах и толкованиях Корана, а также в обосновании того бесполезного в практическом отношении факта, что Египетские Фатимиды не связаны с родом пророка Мухаммеда. В 1009 г. в Багдаде произошли столкновения шиитов с сунитами, и для подавления шиитов халиф направил свою личную гвардию, которая залила город кровью. Пожалуй, это было самое яркое событие в его жизни⁶⁷¹.

В связи с гонениями и нестроениями в Египте, Сирии и Багдаде в одночасье византийские владения стали прибежищем для всех гонимых халифом. Правда, и там не все обстояло гладко. Уже в 1008 г. царь *Баграм III Багратиони* (1008—1014), сын Гургена II, объединив Грузию, создал независимое Грузинское царство, царем которого и был венчан. А его сын и преемник *Георгий I* (1014—1027) поставил перед собой задачу вернуть себе земли бывшего Тао-Кларджети, не так давно отторгнутые Византией. И потому в 1018 г. он вступил в альянс с аль-Хакимом, чем вызвал гнев императора Василия II. В этом же году царь начал готовить поход к границам Кавказа, для вида заявив, что цель его экспедиции — Сирия. Однако до возмездия было еще далеко — война в Болгарии не позволяла василевсу немедленно рассчитаться с мятежниками. Но, едва покончив воевать с болгарями, царь тут же двинулся на Кавказ.

В феврале 1021 г. в очень трудных условиях царь с войском переправился через горы и вступил в Малую Армению, чем совершенно застал неприятеля врасплох. Возле современного Эрзерума василевс сделал остановку, надеясь мирным путем убедить Георгия вернуться к подчинению Римской империи, но тот уповал на свои войска и помощь сарацин. Вданном римлянами сражении грузины были разбиты, а их царь бежал. Весной 1022 г. Василий II совершил третий поход на Кавказ, чтобы закрепить прошлогодние успехи. Практически все сильные властители кавказских земель принесли свою покорность Римскому царю. Сейчас невозможно в точности определить восточные границы Византии, но, несомненно, сфера ее влияния расширилась до долины реки Куры и даже до Тифлиса. Царь Георгий бежал, пылая жадой мести, но 16 августа 1027 г. скоропостижно скончался в Триалети⁶⁷².

Император собирался двинуться в Абхазию, чтобы принять эту страну в свои владения, но тут из Константинополя поступили сведения о новом мятеже в малоазиатских фемах. Его поднял Никифор Ксифия, стратиг фемы Анатолик, и Никифор Фока, сын знаменитого Варды Фоки. Узурпаторы очень рассчитывали на помощь грузинских и армянских аристократов, а также сочувствие населения, где память о семействе Фок была сильна. Однако их надежды были сильно преувеличены. Более того, изначально заговорщики не условились между собой о дальнейшем ходе действий, и вскоре Ксифия стал подозревать Фоку в своекорыстных планах. Он заманил товарища в западню и убил 15 августа 1022 г., но затем понял, что без Никифора Фоки у него нет никаких шансов на успех. Отказавшись от дальнейшей борьбы, Никифор Ксифия сдался на милость царя, был пострижен в монахи и окончил свои дни в монастыре на острове Антигони. Окончательно погасить очаги мятежа царь поручил Никифору Далассину, назначенному стратигом фемы Анатолик, с чем тот успешно справился⁶⁷³.

Глава 3. Соперничество с германцами в Италии. Папы-марионетки

Несколько слов следует сказать о положении дел на Западе, которые были чуть менее успешны для византийцев, хотя и здесь им удалось удержать владения в Южной Италии и сохранить стра-

тегическую инициативу. Однако интерес представляют не только эти события, но и состояние папства в Риме, по-прежнему находящегося в глубоком кризисе, и двусмысленное поведение Западных императоров, нередко срывавших возможность избавить христианские народы от арабской угрозы. Это предуготовляло, с одной стороны, глубокую и решительную реформу в Западной Церкви, с которой мы вскоре столкнемся, с другой — выводило на страницы византийской истории новых лиц — *норманнов*, будущих властителей Средиземноморья.

Сарацины Сицилии, находившиеся в вассальной зависимости от Египетского халифа, зачастую пренебрегали соглашениями своих патронов с Римскими императорами и беспощадно грабили земли Апулии и Калабрии. Стратиг фемы Лангобардии был вынужден своими средствами за счет местного фемного ополчения отбивать их атаки, не очень надеясь на помощь союзников-германцев. Те были заняты своими делами, и зять Василия II император Оттон II только в 980 г. сумел посетить Италию и Рим. Тем не менее германская политика по присоединению заветного полуострова к своим владениям была столь же вредна для самой Германии, как и для Византии, старавшейся удержать свои южноитальянские владения. Амбиции Западных императоров приводили к постепенной *изоляции* Италии от обеих империй, а также к полной анархии в самом Риме.

Не только в Византии самодержавной власти пришлось пережить минуты смертельного противостояния с аристократами; нечто подобное происходило и на Западе. Смерть великого Оттона I породила множество попыток обрести независимость со стороны немецких и лотарингских сеньоров. И то обстоятельство, что король Западно-Франкского королевства *Лотарь* (965—986) и император Оттон II Рыжий приходились друг другу родственниками (франк был женат на дочери императрицы Аделаиды от ее первого мужа Лотаря, Итальянского короля), ничего не значило. Недолго думая француз решил взять в плен царственного кузена, который намеревался вместе с беременной императрицей Феофаной прибыть в Ахен. Разумеется, Робертины, владевшие Парижем, поддержали его, и вскоре французская армия стояла неподалеку от города. Когда об этом донесли Оттону II, тот не поверил, вскочил на коня и лично отправился на рекогносцировку. Конечно, он не

имел возможности собрать в короткое время достаточно войска, чтобы отразить угрозу, зато успел покинуть Ахен вместе с женой и двором. Ворвавшиеся в город французские солдаты застали столы с дымящейся едой, предназначенной для царственных особ.

Раздосадованный Лотарь попытался взять на обратном пути Менц, но и это дело у него не получилось. Тем временем, призвав своих вассалов, Оттон II собрал армию численностью 30 тыс. человек — великая по тем временам сила — и вторгся на территорию Франции. Лотарь, распустивший к тому времени свою армию, ничего не мог ему противопоставить, вынужденно скрываясь за стенами Парижа. Но тут ему на помощь пришел герцог Бургундии *Генрих* (965—1002), также принадлежащий к династии Робертинов, и теперь уже Оттону II Рыжему пришлось срочно отступать, едва не подвергнув свою армию смертельному риску, — вследствие половодья реки разлились, а потому переправа была чрезвычайно сложна. В результате император потерял часть своего обоза, сгинувшего в водах реки Аксоны, и довольно много солдат, пораженных инфекционным заболеванием⁶⁷⁴. Обе стороны приписывали победу себе, а тем временем Лотарь, опасаясь происков конкурентов, решил венчать на королевство своего 13-летнего сына *Людовика V Ленивого* (979—987), что и произошло в Реймсе 8 июня 979 г.⁶⁷⁵

Но при всех своих достижениях и успехах Лотарь не сумел закрепить за собой Лотарингию — цель всех его борений с Оттоном II. А активность одного из сильнейших представителей семьи Робертинов — *Гуго Капета* (940—996), графа Парижа, будущего родоначальника великой династии *Капетингов*, вынудила его заключить тайный договор с Западным императором в июне 980 г. на не самых выгодных для себя условиях⁶⁷⁶.

Затем Оттон II собрал в Риме представителей французской, итальянской и германской знати; среди его сподвижников оказался даже будущий папа *Сильвестр II* (999—1003), с которым их связывали прошлые теплые отношения. Правда, до открытых столкновений дело еще не дошло, но ни у кого сомнений в истинных целях военных приготовлений короля не оставалось⁶⁷⁷.

Между тем известия о тайных договоренностях короля Лотаря с императором стали распространяться в кругу франкской знати, что вызвало сильное раздражение и недовольство Каролингом. Этим воспользовался Гуго Капет, повсеместно рассказывавший,

будто все победы, одержанные над Оттоном II, принадлежат ему, а королю — лишь поражения. А затем отъехал в Рим, где имел тайное свидание с императором, следствием которого стал новый мирный договор (разумеется, *тайный*) между ними, перечеркнувший былые договоренности Оттона II с Лотарем. Впрочем, и тот внезапно получил шанс расширить свое могущество, женив сына, Людовика V, на вдове герцога Аквитании Аделаиде. Но молодой принц вовсе не стремился стать помощником своему отцу, и уже в скором времени своим безрассудным поведением и транжирством резко ослабил авторитет Каролингов в Аквитании. Вероятно, участь последних представителей славной династии Карла Великого была бы еще печальнее, если бы не некоторые события, внезапно многое изменившие в ходе дел на Западе⁶⁷⁸.

Несмотря на все ранее заключенные с греками договоры, цели германцев были далекими: они хотели укрепиться в Южной Италии, опираясь на поддержку старых, испытанных союзников — герцогов Капуи и Беневента, и распространить свое влияние на других Лангобардских князей. А этого можно было достичь, лишь покончив с грабительскими операциями сарацин из Сицилии. Однако на этом пути Оттона II ждало горькое разочарование. Чем далее он продвигался на юг Италии, тем более менялись предпочтения и симпатии местных князей. В отличие от Византии, имевшей с Южной Италией давние политические и духовные связи, Восточно-Франкское королевство выглядело прямым захватчиком, *посягателем на исторические права* и прерогативы итальянских городов. Поэтому в ответ на германские амбиции граждане Салерно вступили в отношения с патрикием Амальфи и признали над собой власть Византийского императора. Их примеру последовал сам Беневент, герцог которого *Пандульф I* (961—981) незадолго перед этим умер. Они сместили его сына *Пандульфа II* (981—1014) и отказались подчиняться германским чиновникам.

Оттон II попытался еще в январе 982 г. вернуть эти земли в подчинение, но успеха не достиг. Тогда Западный император решил разбить сарацин и таким способом завоевать утраченные симпатии местного христианского населения. Любопытно, что в официальной германской хронике тех лет говорилось, будто бы император желал освободить Калабрию от «частых набегов *греков* и грабежей сарацин»⁶⁷⁹. Впрочем, по другой версии, звучащей со страниц

древней хроники, император «пытался присоединить к Римской империи Калабрию и Апулию, принадлежавшие Греческому государству, по причине родства, которое связывало его с Греческим императором через его жену Феофано»⁶⁸⁰.

Его соперником стал Сицилийский эмир, объявивший христианам джихад. Спешно германец разослал повеления своим вассалам, включая и духовных лиц, поставить необходимое количество воинов. Увы, силы короля были невелики: светские князья прислали ему 586 рыцарей, а епископы — 1504 воина; конечно, ни о каком серьезном успехе с таким войском нечего было и думать⁶⁸¹.

Интересно, что в походе своего мужа участвовала Западная императрица, бывшая византийская принцесса Феофано, находившаяся во время решающей битвы в Россано под защитой византийского гарнизона. 13 июля 982 г. в долине реки Стило произошло роковое для Оттона II сражение. На измученное жарой и походом войско Западного императора внезапно напали арабы с местными греками и истребили весь цвет германской аристократии, почти поголовно уничтожив своих врагов. Оттон II чудом спасся и бежал на греческом корабле в Верону, где в начале 983 г. соимператором Западной Римской империи был провозглашен его сын *Оттон III* (983—1002).

Все саксонские князья оплакивали поражение в битве, и лишь одна императрица Феофано, как казалось германцам, радовалась победе своих соплеменников (ведь греки были в сарацинском войске, и этого казалось достаточным) над армией мужа. Едва ли, конечно, события носили столь ярко выраженный однозначный характер, вполне возможно, что это был очередной наговор на изысканную гречанку, так слабо сочетающуюся с германскими нравами и традициями. Но в любом случае впоследствии ненависть германцев к императрице обуславливалась ссылкой на этот эпизод⁶⁸². Сам же Оттон II скончался в возрасте 28 лет 7 декабря этого же года в Риме, подготавливая новый поход в Южную Италию⁶⁸³. Он стал единственным Западным императором, похороненным в Вечном городе.

Это поражение еще более ослабило христианские силы в данном регионе, и потому арабы без особого труда расширили сферы своего влияния на итальянские территории, подчиненные Византии, укрепляясь все более и более в приморских городах. В 986 г. они захватили город Жераче, в 988 г. опустошили окрестности Бари

и едва не захватили Тарент, а в 994 г. овладели городом Матерой. Постепенно добившись превосходства на море, сарацины осадили в 1003 г. Бари еще раз, и только внезапная помощь венецианцев позволила грекам отстоять город.

Неудачи в Италии способствовали образованию смуты в самой Германии. Едва Оттон II был предан земле, как права на императорскую корону в обход его сына и вдовы заявил двоюродный брат покойного *Генрих Сварливый* (955—976, 985—995), герцог Баварии. Этот беспокойный и амбициозный родственник покойного императора уже пытался в 974 г. захватить власть, но был посажен в тюрьму; герцогство, естественно, у него отобрали. Теперь у Генриха появился новый шанс.

Императрица Феофано, как уже говорилось выше, не пользовалась популярностью у германцев, а ситуация усложнялась тем, что ее сын, наследник престола Оттон III, находился в руках его дяди, Кельнского архиепископа Бруно, едва ли испытывавшего к мальчику большую любовь. Как рассказывают, дядя с детства так сильно злоупотреблял физическими наказаниями, что однажды юный принц тайком убежал в город, расположенный неподалеку от замка, нашел там труп мальчика и принес в свою комнату, где и положил тело в постель. Когда архиепископ увидел труп в кровати принца, он принял его за Оттона III и едва не лишился от страха жизни, представив себе, какое наказание для него придумает император. Сам же принц объяснил окружающим, что таким способом пытался заставить дядю и воспитателя умерить свою жестокость. Понятно, почему архиепископ с легким сердцем передал юношу его же сопернику — смертельная опасность!¹⁶⁸⁴

Ситуация для юного императора и его матери усложнялась еще и тем, что в скором времени Генрих Сварливый созвал Собор аристократов в Квидленбурге, где во время празднования Пасхи (984 г.) и был провозглашен своими сторонниками королем Восточно-Франкского королевства. По счастью для Оттона III, этот поступок возымел обратный эффект: если бы Генрих признал себя регентом при номинальном *мальчике-императоре*, все было бы решено. А теперь германские князья с омерзением отошли в сторону. Поэтому Генрих не торопился легализовать этот титул, опасаясь противостоящих ему сторонников Оттона III, среди которых значились герцоги Саксонский и Швабский, архиепископ Майнца и епископ Льежа, а также архиепископ Реймса, но начал

методично объезжать вассалов Западной империи, надеясь на их поддержку и помощь⁶⁸⁵.

Тем временем императрице Феофано удалось привлечь на свою сторону группу интеллектуалов из местной среды, с их помощью перебраться через Альпы и подтвердить свои права на опекунство сына в Риме. В Италии, в Павии, ее дружественно приняла императрица-вдова Адельгейда, что разом опровергло и слухи о германофобии Феофано, и предоставило в ее распоряжение множество аристократов, у которых вдова великого Оттона I пользовалась непререкаемым авторитетом. Там же Феофано приняла необычный титул *imperator august* и придала своему имени мужское окончание, назвавшись *Theopanius*, чтобы обеспечить своим актам законную силу.

Обе императрицы явились 24 июня 984 г. в Рор, где в это время пребывал Генрих Сварливый, и переломили ситуацию в свою пользу. Генрих тут же отказался от каких-либо амбиций и спокойно отправился в свое герцогство. Власть Оттона III была восстановлена. В дальнейшем Феофано удалось проводить самостоятельную политику, направленную на сближение обеих держав — Западной и Византийской⁶⁸⁶.

Поскольку Запад жил все еще идеей единой Империи, эпизод противостояния Генриха с Оттоном III имел самые прямые и, увы, негативные последствия для Лотаря, короля Франции. Для достижения некоторых своих целей (захват возделенной Лотарингии) он вступил в 985 г. в тайный союз с Генрихом Сварливым и во главе армии направился к союзнику в Бризы, где у них был назначен пункт сбора. Но коварный баварец в последнюю минуту побоялся пускать франков на германские земли, опасаясь негативной реакции саксонских аристократов, и французам пришлось поворачивать назад, где в горах их поджидали возгские горцы. Лишь с большим трудом королю удалось отбить их атаки и спасти армию от тотального разгрома. Все же весной 985 г. внезапным штурмом он взял Верден, который ранее рассчитывал подчинить себе при помощи Генриха Сварливого. Но едва он отправился в Лан, как герцог Верхней Лотарингии *Зигфрид Люксембургский* (922—998) взял Верден штурмом. Лотарю пришлось срочно возвращаться обратно и вновь брать город приступом. Продолжая свой успех, король осадил в следующем году Льеж и Камбре, но 2 марта 986 г. внезапно скончался от колик в животе, простудившись в дороге⁶⁸⁷.

Его наследником стал уже упоминавшийся Людовик V, которому едва исполнилось 19 лет. Возможно, юный король был не столь уж и ленив и мог со временем реализовать свои дарования, но 22 мая 987 г. скончался в результате падения с лошади на охоте. На власть претендовал дядя покойного короля *Карл Лотарингский*, герцог Нижней Лотарингии (977—992), второй сын короля Людовика IV Заморского, но на совете аристократов выбор пал на небезызвестного нам по предыдущему изложению Гуго Капета, графа Парижа, имевшего родственные связи с семьей покойного Оттона I⁶⁸⁸. На время ситуация нормализовалась. Оценив по достоинству ум, политическую мудрость и авторитет императрицы Феофано, Гуго Капет прибыл в 991 г. в Кведлинбург, где императрица вместе с царственным сыном встречала Пасху, и услужливо сопровождал их во время поездок. К сожалению, 15 июня того же года императрица Феофано скончалась в возрасте 30 лет и была погребена в Кельне, в церкви святого целителя и великомученика Пантелеймона, как значилось в ее завещании⁶⁸⁹. Но у нее был достойный подражатель.

Император Оттон III, воспитанный в классическом имперском сознании, великолепно образованный *чуть-чуть романтик*, с детства под влиянием матери вынашивал великую идею воссоединения двух частей некогда единой и великой Римской империи. Его воспитатель Герберт написал ему как-то на книге, которую читал совместно с Оттоном III: «Италия, Галлия и Германия вверяют тебе свои силы, и Скифские королевства не обделяют вниманием. Ты, цезарь, августейший император римлян, рожденный от самой почитаемой крови греков, превосходящий греков по размерам Империи, управляющий римлянами по праву наследства, превосходящий и тех, и других своим талантом и красноречием»⁶⁹⁰.

После процедуры коронации этот потомок Византийских самодержцев без всяких внутренних сомнений велел именовать себя «Августейшим императором римлян» («*Romanorum imperator augustum*»). На королевских документах вместо восковой печати теперь подвешивался свинцовый медальон, на одной стороне которого была изображена голова Карла Великого, а на другой — щит со знаменем и надписью: «*Renovatio imperii Romanorum*» («Возрождение Римской империи»). Чуть позже была изготовлена печать самого Оттона III с надписью «*Aurea Roma*» («Золотой Рим») ⁶⁹¹.

В январе 1001 г. в торжественной речи, произнесенной перед понтификом и папским двором, Оттон III без обиняков заявил, что «Константинов дар» — *подделка* (!), да и поведение предыдущих апостоликов в любом случае его полностью обесценило. Тем самым он указал, что не Божественный Промысел лежал в основе публичных прав и полномочий понтификов, а воля императора св. Константина Великого. Древние папы были достойны такой награды — и император делегировал им свои права; теперь же, вследствие постыдного поведения апостоликов в последние столетия, эти дары можно считать *отозванными*.

Затем Оттон III заметил, что не намерен утверждать грамоту своего дедушки Оттона I Великого, предоставившего Римскому епископу восемь графств Пентаполя — достаточно, чтобы папы получали только доходы от этих земель. Поскольку император св. Константин I Великий именовал себя *isapostolos* («равноапостольный»), Оттон III принял титул *servus Jesu Christi* («раб Иисуса Христа»). Это означало, что Христос *непосредственно* дал ему право расширять и укреплять Римскую империю и Кафолическую Церковь, и папа, как уже говорилось выше, может быть лишь помощником императора⁶⁹².

В горячих мечтах Оттону III рисовалась восстановленная в прежних размерах Священная Римская империя. Остальные земли, населенные христианскими народами, но не вошедшие в состав Империи, должны были стать союзниками римлян («*amici et socii populi Romani*») — одни, как полунезависимые (Бургундия, Венгрия, Польша и Дания), а другие — в качестве полностью зависимых территорий. По примеру императора святого и равноапостольного Константина I Великого, Оттон III неоднократно лично председательствовал на церковных Соборах и подписывал вместе с папой их акты.

Эта практика имела для него немалые выгоды, поскольку Гуго Капет вовсе не собирался *всерьез* признавать себя вассалом императора. Едва став королем Западно-Франкского королевства, он поспешил венчать королевской короной своего сына Роберта II Благочестивого (996—1031). Юноша был красив, мужественен, отличался знанием наук и умением биться холодным оружием⁶⁹³. Просьба короля была удовлетворена его вассалами, но затем начались проблемы. Желая укрепить свою династию, Капет женил в 988 г. Роберта на *Сусанне* (до замужества носившей

имя Розалии), дочери короля Италии *Беренгара II* (950—964). Но 30-летняя вдова графа Фландрии *Арнульфа II* (965—987), имевшая уже детей от первого брака, была слишком стара для 19-летнего мужчины (он даже именовал ее «итальянской старухой»), и тот недолго думая в 992 г. оформил развод, чтобы сочетаться узами брака с новой женой. Формальным поводом стало то, что королева так и не подарила своему супругу наследника престола.

Неожиданно для всех новой пассией Роберта стала графиня Анжуйская Берта, в которую он влюбился с первого взгляда во время совершения Таинства Крещения ее пятого ребенка. Дождавшись, когда его возлюбленная овдовела, он предложил ей свои руку и сердце и не был отвергнут.

Теперь эта тема неожиданно стала предметом политических баталий между королем Франции и императором. По требованию императора папа *Григорий V* (996—999), этнический немец, поставленный Оттоном III на Римский престол, признал новый брак короля недействительным; Роберт не подчинился Святому престолу, за что в 998 г. был отлучен от Церкви.

Дошло до того, что при содействии папы Сильвестра II, во всем разделявшего взгляды своего ученика, Оттон III созвал в 999 г. в Риме Собор, на котором вновь рассмотрел брачное дело Роберта II Благочестивого. Французу вменялось в вину то, что он находится с супругой Бертой Бургундской в кровнородственной связи, а потому обязан расторгнуть брак и в течение 7 лет нести заслуженную церковную епитимию⁶⁹⁴. Нюанс заключался в том, что Сильвестр II до своего понтификата именовался Гербертом Орильякским, был замечательным ученым, а Роберт являлся его учеником. Как, впрочем, и Оттон III. Завершая рассказ об этом удивительном монархе, скажем, что в конце концов он был вынужден расстаться и с Бертой, которая в силу неведомых причин также не смогла родить от него ребенка. Лишь брак с *Констанцией*, дочерью Арльского графа *Гийома I* (955—993), дал Капетингам четырех сыновей и дочь⁶⁹⁵.

Как и его дед, Оттон III широко практиковал назначение на итальянские кафедры этнических немцев, а также активно поддерживал духовных лиц в их конфликтах со светскими князьями. Провозгласив эпоху возрождения Римской империи, Оттон III определил Италию своим постоянным местом проживания, изредка покидая ее для войны со славянами. В ходе одной из таких войн

(999—1000 гг.) на обратном пути германец заехал в Польшу, которую относил к полунезависимым союзникам, наделил Польского короля *Болеслава Храброго* (992—1025) титулом патриция, подарил тому золотой обруч для предстоящей коронации и предоставил льготы по уплате дани. Аналогично вел себя Западный император и с Венгерским королем *Иштваном I Святим* (997—1038), которому в 1001 г., во время возвращения из очередного похода, подарил титул «король» и утвердил самостоятельное архиепископство для Венгрии в городе Гране. Заехав наконец-то в Германию, император повел себя в высшей степени оригинально: он приказал разрыть гробницу Карла Великого, снял с трупа золотой крест, золотые одежды и... надел на себя. Теперь Оттон III считал себя «*настоящим*» императором⁶⁹⁶.

Вместе с тем при всей грандиозности и всесии Оттон III не был любим на родине. Он проводил большую часть времени в Италии, был несколько непрактичен в государственных делах и явно выбивался своими «греческими» манерами из круга отечественной аристократии. Кроме того, его небезосновательно подозревали в *слишком* теплых отношениях с Константинополем, где, впрочем, Оттона тоже не баловали вниманием, как очевидного конкурента на титул Римского императора, который, конечно, для греков олицетворялся исключительно с личностью василевса Василия II. Наконец, Оттона III всерьез опасались в Риме, видя, как просто и без согласования с партиями Вечного города император поставлял и освобождал понтификов от Апостольской кафедры. Нигде не найдя поддержки в своих политических планах, германец возмечтал стать проповедником, чтобы обращать язычников в христианство, но потом передумал.

Тем временем заволновалась Италия, крайне недовольная немецким засильем. Уже в 999 г. южноитальянские города, включая Неаполь, Гаэту, Амальфи и Салерно выгнали поставленных Западным императором правителей и поддержали маркграфа Ардуина Иврейского, заявившего притязания на Италийскую корону. Правда, германцы были еще очень сильны и в октябре 1000 г., нанеся поражение итальянским мятежникам, Оттон III вступил в Рим. Но едва он ушел, как восстание вспыхнуло с новой силой, а во главе его стал Григорий Тускуланский, ранее назначенный германцем на должность префекта флота. Пришлось вновь отправляться в поход и занимать Рим.

В Вечном городе, на площади Ангела, Оттон III сказал про-чувственную и далеко не ординарную речь. «Вы ведете себя так, — сказал он, обращаясь к жителям города, — как будто не являетесь моими возлюбленными римлянами. Ради вас я оставил свое отечество, своих близких, из любви к вам покинул своих саксов и немцев. Я добыл для вас новые земли, на которые никогда не ступала нога наших далеких предков, когда они покоряли мир. Все это делалось во славу вашего имени. И за все это вы платите мне возмущением против меня, вашего отца, убиваете моих верных подданных, хотите, чтобы я удалился. Но я не злопамятен и никогда не оставлю вас в своей благосклонности».

Как рассказывают, впечатление от речи было таково, что сами горожане тут же на месте умертвили двух зачинщиков предыдущего восстания. Но вскоре начались новые волнения, и императору вместе с папой Сильвестром II пришлось спешно покидать Рим⁶⁹⁷.

Ситуация осложнялась тем, что постепенно помимо Германии образовался новый центр в Париже, поскольку в головах современников доминирующее положение занимала уже идея восстановления не Священной Римской империи, а Империи Карла Великого, поскольку без второго условия невозможен и первый результат. А потомки по прямой линии сохранились не в Германии, а во Франции. Потому некий автор того времени и писал жене короля *Людвика IV Заморского* (936—954) *Гербере*: «Королевство римлян большей частью уничтожено, по поскольку существуют короли Франции, которые должны держать Римскую империю, достоинство Римской империи целиком не погибло. Оно живет в них».

Отдавая себе отчет в могуществе Оттонов, короли Западно-Франкского государства (Франции) не шли на прямую конфронтацию, но начали постепенно налаживать свои собственные отношения с Римским престолом. В свою очередь Оттоны никогда не считали правителей Франции своими вассалами. Во всей Европе был только один король, который разговаривал на равных с императором, — король Франции. И пока короли Германии воевали с папами в те минуты, когда в эпоху слабых понтификов внезапно появлялись лица, желавшие избавиться от императорской опеки, короли Франции неизменно стояли в стороне, никак не вмешиваясь в схватку титанов. Проявления этого тройственного противостояния мы увидим по мере повествования еще не раз⁶⁹⁸.

Сломленный морально, Западный император вынашивал новые, не менее грандиозные планы. Но для их реализации следовало успокоить Италию. Собрав в очередной раз войско, Оттон III отправился осенью 1001 г. в Рим, но, не достигнув его, умер в возрасте 22 лет 24 января 1002 г. В результате все, что было достигнуто Оттоном I Великим, рассеялось как дым⁶⁹⁹. Сразу же после его смерти королем Италии тут же был избран *Ардуин Иверейский* (1002—1014), которого в 1004 г. архиепископ Арнульф Миланский короновал короной Лангобардских королей.

После смерти бездетного Оттона III императорский престол захватил его родственник по отцовской линии Баварский герцог *Генрих II Святой* (1002—1024), отец которого приходился родным братом императору Оттону I. 7 июня 1002 г. его короновал епископ Виллигиз, а франкская и мозельская знать торжественно присягнула на верность. Как рассказывают, некогда, еще совсем юношей, он молился в Регенсбургской церкви и услышал голос, потребовавший его прочесть надпись на стене; там было написано: «После шести». Юноша был удивлен и напуган, он посчитал, что таким способом Провидение предупреждает его об опасности. Но выяснилось, что именно после 6 лет, 6 месяцев и 6 дней после этого памятного дня скончался император Оттон III, а сам Генрих II стал преемником. Но его политика отличалась полной противоположностью, в чем мы сумеем без труда убедиться⁷⁰⁰.

Но если императорская власть смогла восстановить свои prerogatives, то у пап дела шли совсем плохо. Понтифики, поставляемые аристократическими партиями, менялись один за другим, постоянно становясь креатурами, а потом и жертвами то королей, то аристократических партий Рима. Например, папа *Бенедикт VI* (973—974) почти полгода ждал своего утверждения Западным императором, опасаясь без его согласия начать понтификат. Но затем жители Рима организовали восстание, свергли апостолика, заключили в тюрьму и в июле 974 г. задушили⁷⁰¹.

А папа *Бонифаций VII* (974), как писалось выше, через месяц после начала своего понтификата был вынужден забрать свое имущество и бежать в Константинополь, где пребывал до 980 г. Затем, снабженный деньгами императором Василием II, он вернулся в Рим и в 984 г. вернул себе папство. Правда, и на этот раз ненадолго — весной 985 г. он вновь был свергнут и растерзан толпой римлян. В перерыве между понтификатом Бенедикта VI и Бонифация VII

Римскую кафедру занимал поставленный Оттоном II *Иоанн XIV* (983—984), которого убил все тот же Бонифаций VII. Новый папа, *Иоанн XV* (985—996), поставленный Кресценцием, почти не имел шансов на долгий понтифик. В 988 г. он оказался под домашним арестом у одного влиятельного римского аристократа и смог вернуться на престол лишь при помощи армии Оттона III. Но ему не суждено было видеть своей свободы — папа умер, не доехав до Рима. Вслед за этим к императору Оттону III в Верону прибыла делегация из Рима с просьбой поставить своим решением нового понтифика, поскольку иных способов умиротворить все партии просто не существовало⁷⁰².

Выбор императора был однозначен — как указывалось выше, он предложил папой своего 20-летнего кузена *Григория V* (996—999) — первого понтифика из числа немцев. Но тут же вступил в тяжелейшую борьбу с самым могущественным человеком Рима — Кресценцием, поставившим в 997 г. антипапу *Иоанна XVI* (997—998), этнического грека, из Калабрии. Папу Григория V изгнали из Рима, и лишь очередной поход Оттона III к Вечному городу позволил папе вновь занять Латеранский дворец. Иоанн XVI срочно бежал в Кампанию, но его схватили, ослепили и отправили в один из дальних монастырей, где он и скончался тремя годами позже⁷⁰³.

«Новый Константин», как любил себя называть Оттон III, в очередной раз продемонстрировал Римским епископам, что верховным правителем в государстве и Западной Церкви является только он. Когда скончался Григорий V, германец поставил папой своего любимца и воспитателя Герберта, дав тому новое имя *Сильвестра II* (999—1003) — мнение клира и населения Рима его совершенно не интересовало. Примечательно, что Сильвестр II открыл список французских пап, как и покойный Григорий V — немецких. В дипломе об утверждении Сильвестра II было прямо написано: «Господина Сильвестра, нашего учителя, избираем и по воле Божьей ставим и определяем светлейшим папой. Вся власть в Риме и Римской области должна исходить от императора, а папа является его *верным помощником*». Воспитанный в византийском духе и прекрасно образованный, он считал делом чести прекратить самовластие Римских епископов, основывающееся к тому же на сомнительном базисе. Иными словами, новый понтифик оправдал самые смелые ожидания императора.

Он много работал над искоренением двух наиболее распространенных грехов — nepотизма и симонии и совместно с императором мечтал о восстановлении Священной Римской империи. Но Рим был не тем городом, который долго терпит чужеземца: в 1001 г. город восстал против папы и тот вынужденно бежал, а в мае 1003 г. скончался от малярии⁷⁰⁴.

Следующие три понтифика были креатурами Кресценция — *Иоанн XVII* (1003), *Иоанн XVIII* (1004—1009), *Сергий IV* (1009—1012), постоянно метавшиеся между собственным желанием наладить добрые отношения с Оттоном III и Генрихом II и прогrecческой политикой их повелителя, идущей вразрез с устремлениями Западных императоров. Наконец, папой был избран тускуланец *Бенедикт VIII* (1012—1024), сын графа Тускуланского. Он был, скорее, воином, чем священником, и многие годы провел в борьбе с Кресценциями, организовав вместе с Западным императором несколько удачных походов — правда, не принеcших им с союзником решительной победы.

После его смерти новыми апостоликами стали брат, а затем племянник покойного понтифика: *Иоанн XIX* (1024—1032) и *Бенедикт IX* (1032—1044, 1045, 1047—1048). Интересно, что три последних понтифика взoшли на престол из мирян — любопытная деталь в контексте вековых споров Рима и Константинополя по поводу патриархов, хиротонисанных из государственных чиновников. Более того, 20-летний Бенедикт IX, избранный исключительно при помощи денег своего отца, являлся совершеннейшим *распутником* — самым распутным из тех, кого римляне видели на папском троне, что и предредило его падение. Кресценции, пытавшиеся поставить в очередной раз собственного кандидата, и на этот раз не умели успеха — *Сильвестр III* (1045), сменивший Бенедикта IX, не удержался на престоле более года. Но и тот, вернув себе трон, в мае 1045 г. внезапно добровольно ушел на покой, передав власть собственному крестному отцу, принявшему имя *Григория VI* (1045—1046). Этот папа мог стать крупнейшим реформатором Церкви, но, к несчастью, некогда отставленные понтики заявили о собственных правах на понтификат. И император *Генрих III* (1039—1056) не стал мудрствовать лукаво, а просто отлучил от власти сразу всех трех претендентов.

Разумеется, нельзя винить императора за то, что ему пришлось столь оперативно вмешиваться в церковные дела. Никакой иной

власти, способной умиротворить Рим, просто не существовало. А потому, понимая свой долг перед Церковью, освободив от папской мантии предыдущих трех апостоликов, Генрих III затем назначил поочередно четырех других. *Климент II* (1046—1047) продержался всего десять месяцев, а потом был отравлен неугомонным *Бенедиктом IX*, которого вновь пришлось убирать силой. Затем выдвиженцем императора стал немец *Дамасий II* (1048), но через 23 дня скончался от малярии в Палестрине. О двух других папах мы поговорим чуть ниже. Так *разлагалось папство*, ожидая своих новых реформаторов и спасителей⁷⁰⁵.

Тайные и, главное, неудачные выражи германской политики и неспособность обоих императоров соединиться для защиты Италии от арабской угрозы привели к тому, что многие города на юге полуострова решили вообще обойтись собственными силами, не подчиняясь ни Оттону III, ни Василию II. В 1008 г. при *катепане* (новое наименование правителя византийских фем Ломбардия и Калабрия) Куркуасе вспыхнуло антигреческое восстание в Бари. Новый катепан Василий Аргир с большим трудом подавил в 1009—1010 гг. восстание и вернул Бари Византии. Тем не менее это поражение вынудило лангобардские партии Южной Италии искать помощи у *норманнов*, с которыми были заключены первые неофициальные соглашения, преследующие освобождение данных земель от власти греков. Во всяком случае уже в 1015 г. в Капуе появился отряд норманнских добровольцев во главе с Гислербертом — якобы для оказания помощи населению против сарацин. Но, справившись с мусульманами, при тайной поддержке Римского папы *Бенедикта VIII* (1012—1024) они вошли в сношения с антивизантийской партией. В 1017 г. норманны напали на Апулию и первоначально имели большой успех. Однако катепан Василий Бугиан, подкрепленный из Константинополя войсками и *русскими дружинами*, сумел нанести норманнам жестокое поражение при Каннах в 1018 г.

Вообще, деятельность этого, выражаясь современным языком, генерал-губернатора Южной Италии была чрезвычайно успешной. Он отставил в сторону оборонительную тактику и начал смело расширять сферу влияния Византии на полуострове. Вскоре князя Беневента и Салерно искали сближения с новым катепаном, а герцог Капуи признал свою зависимость от Константинополя, передав золотой ключ от города. Помимо этого, византийский

катепан построил крепость Трою у входа в ущелье, ведущее через Апеннины на равнину. Недолго думая Василий пригласил остатки норманнских дружин к себе на службу, оценив по достоинству уровень боеготовности северных «гостей». После этого практически все лангобардские правители признали власть Византийского царя, включая герцога Капуи Пандульфа. Даже монастырь Монте-Кассино, до сих пор считавшийся оплотом латинских интересов на юге Италии, перешел на сторону Константинополя⁷⁰⁶.

Но тут, как и ранее, сыграло свою роль древнее стремление Римского епископа обеспечить независимость от Византийского императора. Папа Бенедикт VIII, с тревогой следивший за успехами греков, обратился с настоятельной просьбой к германцам остановить Василия Бугиана. К слову сказать, этот папа, презрев канонические правила, в 1016 г., собрав флот, *лично* повел его против сарацин, одержав блистательную победу в Ломбардии. Примечательно, что после этого сражения вождь арабов прислал папе мешок, полный каштанов, а его посол передал понтифику, что в следующем году арабы числом не менее того, какое есть в мешке каштанов, высадутся в Италии, дабы отомстить за поражение. В ответ этот папа, явно не страдающий отсутствием храбрости, передал послу мешок с просом, говоря: «Пусть приходят во второй раз, но пусть знают, что они найдут здесь столько же облаченных в доспехи рыцарей или даже более того, сколько здесь зерен»⁷⁰⁷.

Теперь же, в 1020 г., он отправился к Западному императору Генриху II Святому в город Бамберг с просьбой урезонить «зарвавшихся греков». Папа настолько понравился германцу, что тот в знак признательности выдал понтифику грамоту, в которой утвердил за папами все старые владения, ранее отобранные Оттоном III⁷⁰⁸.

Следует сказать, что вообще новый император Запада был совершенно равнодушен к идее восстановления Священной Римской империи и испытывал очевидную симпатию к папской доктрине, всячески укрепляя положение понтификов в Риме и Италии⁷⁰⁹. О нем говорили, что король полностью заслужил свое прозвище, но едва ли заслуживал канонизации. Погруженный исключительно в вопросы Церкви и благочестия, он стал послушным орудием в руках папы, о котором недвусмысленно говорили, будто их с Генрихом II следовало поменять местами. Вместо идеи восстановления Священной Римской империи Генрих II провозгласил новый девиз

восстановления Франкского королевства. Прекрасно понимая все выгоды политики Оттона I Великого, Генрих II вскоре восстановил епископальную систему, получив немецких архиереев в качестве верных проводников своей политики. Конечно, союз с папой органично входил в его планы⁷¹⁰.

Генрих II пошел навстречу желаниям Бенедикта VIII, и анти-византийское соглашение было без труда заключено. Правда, для того, чтобы реализовать договоренности, нужно было решить несколько тонких дипломатических задач. Территории, на которые претендовал папа, принадлежали Византии вне зависимости от того, признавал этот факт Западный император или нет. Попытка использовать недавнее противостояние византийцев с лангобардами под эгидой защиты последних от «агрессии» также не получалась. Но когда 15 июня 1021 г. греки под руководством того же катепана Василия овладели важной крепостью на реке Гарильяно, германец отбросил в сторону сомнения и дипломатический этикет.

В конце 1021 г. германская армия во главе с королем Генрихом II численностью 60 тыс. воинов предприняла поход в Италию. *Официально* целью его являлась защита итальянских городов от сарацин, но на самом деле германцы желали привести в повиновение города Южной Италии. Они жестоко покарали недавних союзников Византии: те были или казнены, или пленены, а затем отправлены в темницы Германии. Но самое главное — германцам так и не удалось взять важнейшую крепость византийцев Трою, лишь 4 года тому назад возведенную Василием Бугианом. Простояв несколько месяцев под стенами крепости, германская армия бесславно отправилась восвояси, грабя все вокруг. Только смерть Генриха II 13 июля 1024 г. остановила этот узаконенный разбой⁷¹¹.

Кончина Генриха II означала крах германской экспансии в Италии. Жители Павии сожгли королевский дворец, а итальянцы направили своих представителей к Французскому королю Роберту II Благочестивому с предложением принять Итальянскую корону. Но тот, имея множество врагов у себя на родине, благоразумно отказался. Тогда предложение адресовали Аквитанскому герцогу *Гильому V Великому* (995—1030). Тот специально съездил в Италию, убедился, что немедленное принятие предложения не даст ему ничего хорошего, и для начала сколотил коалицию против

германцев. Чуть позже, хотя и не без колебаний, к нему примкнул и Французский король (или, как тогда говорили, король Западно-Франкского королевства) Роберт II Благочестивый. Однако италийанский епископат, в массе своей состоявший из этнических немцев, поддержал своего соотечественника, чем резко осложнил дела коалиции.

Позиции Византии в Италии значительно укрепились, и даже попытки нового Восточно-Франкского королевства *Конрада II Салического* (1024—1039), основателя новой династии, захватить Капую едва могли увенчаться успехом, если бы не привходящие обстоятельства. Но все же, хотя и с громадным трудом, германцам удалось восстановить свое господство в Италии. Был занят Милан — гордая Павия не далась немцам в руки — и Конрад II короновался Лангобардской короной. Позже, в 1027 г., папа *Иоанн XIX* (1024—1032) венчал его императорским венцом⁷¹².

Император Василий II не без веры в успех надеялся совершить поход на Сицилию и освободить ее от арабской зависимости. Громадная византийская армия, в которую вошли части турок, болгар, русских, уже стояла в Реджио, ожидая императора, чтобы начать наступление на остров. И есть все основания полагать, что Василий II не собирался ограничивать свои планы *только* захватом Сицилии. По крайней мере начатые им переговоры с Римом свидетельствовали о намерении освободить всю Италию и вернуть ее Римской короне. К сожалению, смерть не позволила императору реализовать свою давнюю мечту, и вскоре в Сицилии появятся иные правители...⁷¹³

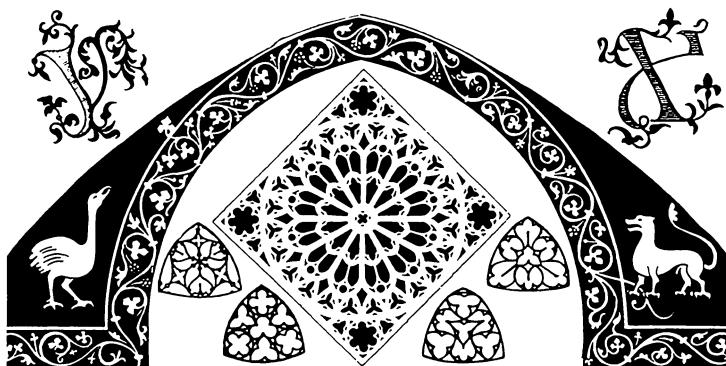
Скончался император Василий II на 72-м году жизни, 15 декабря 1025 г., в 9 часов утра. Незадолго перед смертью царь срочно вызвал к себе брата Константина, отдыхавшего в Никейской области, и торжественно провозгласил того новым императором Византии. Впрочем, некоторые исследователи сомневаются в достоверности данного факта, ссылаясь на то, что Константин еще в детстве был венчан императорской диадемой, и надобность в дополнительном подтверждении его прав на престол отсутствовала. Тем не менее нельзя забывать, что аристократия, многие представители которой были крайне недовольны внутренней политикой Василия II, исподволь пыталась объявить новым царем своего ставленника в обход Константина. Этот заговор был организован настолько тонко и так тщательно скрывался, что даже тайные службы им-

ператора не имели никаких достоверных сведений — одни слухи. В такой ситуации император решил не рисковать и подтвердить права Константина на царство.

За несколько дней до кончины Василий II назначил *Алексея III Студита* (1025—1043), настоятеля Студийского монастыря, новым патриархом Константинополя, а потом озвучил свою предсмертную волю. Даже в последние часы жизни василевс не изменил ни своим взглядам, ни привычкам. Согласно завещанию императора, его похоронили в простой одежде (он категорично запретил облачать тело в царское платье) в скромном монастыре Св. Иоанна Евангелиста около Константинополя. Там он желал покоемся рядом с простыми странниками-паломниками. Ранее же сооруженный мраморный склеп в храме Святых Апостолов василевс завещал своему младшему брату, что и случилось несколькими годами позже, когда император Константин VIII отдал Богу душу⁷¹⁴.

Византийская империя погрузилась в траур, даже не подозревая, что только что ее оставил последний *выдающийся* представитель великой Македонской династии. Наступала эпоха главным образом выдающихся *посредственностей*...





Л. ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН VIII (1025—1028)

Глава 1. Хранитель государственных традиций. Поиск преемника

Смерть Василия II имела для Византии тяжелые последствия. Система государственного управления, ориентированная на общее благо, созданная руками нескольких сильных и мудрых василевсов, в слабых руках их преемников начала давать сбой. Императорская власть перестала быть самодержавной и стала орудием той или иной аристократической группировки. Теперь речь шла лишь о том, *кто именно* — военные аристократы или земельные олигархи — возьмет власть в свои руки. И это внутреннее обстоятельство проявилось вовне в резком и скором упадке военной мощи Римского государства и экономических кризисах. Очень скоро в этом всем предстояло убедиться на конкретных примерах⁷¹⁵.

После смерти Василия II Болгаробойцы власть в Римском государстве взял в свои руки его царственный брат 70-летний **Константин VIII**. Едва ли он готовил себя к этой священной миссии, проводя все предыдущие годы по большей части в праздности и развлечениях — в годы правления старшего брата Константин даже боялся подумать о том, что станет под конец жизни василевсом. Но судьба, как видим, сложилась иначе.

Внешне он был очень высокого роста, невероятно силен и ловок. Константин VIII метко стрелял из лука и бросал копье, владел

искусством боя на мечах, прекрасно ездил верхом. Как говорили, этот «раб желудка и любовных желаний», любивший ристания, охоту, игру в кости и шашки, легко переносил зной, холод и голод, если к этому вынуждали обстоятельства. Впрочем, он не выносил, когда ему поддавались, и требовал, чтобы соперник состязался с ним в полную силу. Под старость у него открылась болезнь суставов (по-видимому, подагра), и императору было очень тяжело передвигаться на ногах. И, не желая демонстрировать свои физические слабости, Константин VIII предпочитал передвигаться верхом на коне, очень уверенно держась в седле.

Хотя едва ли императора можно было отнести к кабинетным ученым, тем не менее он не был чужд науке и любил покровительствовать просвещению. Сам царь был довольно образованным человеком, прекрасно владел риторикой и признавался прекрасным оратором. Ведя переписку с другими лицами, он диктовал свои послания очень быстро, как заранее приготовленный текст, и писцы испытывали немалые трудности, пытаясь поспеть за речью царя⁷¹⁶.

Современники по-разному рисуют нам характер этого человека. Одни описывали Константина VIII сибаритом с беспечным нравом, немного трусливого и напроочь лишенного чувства властолюбия. Говорят, он был вспыльчив, хотя быстро отходил от гнева, легковерен и доступен слухам, не любил воевать и предпочитал решать все дела дипломатией и золотом. Как и старший брат, которого Константин VIII боготворил, новый император не терпел посягательств на царскую власть и незамедлительно пресекал любые попытки заговоров, довольно жестоко наказывая злоумышленников. Как полагают, *мнимых*, что представляется едва ли обоснованным, зная, какие страсти вокруг трона кипели в эту эпоху, полную внешних войн и внутренних разбирательств с аристократией⁷¹⁷.

Однако, по другим источникам, нам предстоит гораздо более симпатичная личность. Константин VIII характеризуется мягким, благочестивым и сострадательным человеком, щедрым и открытым⁷¹⁸. По-видимому, истина, как обычно, лежит где-то посередине. Все же следует учесть *объективные факты*. В частности, то, что сразу после воцарения Константин VIII выпустил на свободу аристократов, арестованных его братом за попытки бойкотировать законы о «властителях», а также участников мятежей Фоки

и Ксифия. Попутно царь простил все недоимки с населения. Согласимся, эти мероприятия слабо согласуются с отрицательными оценками.

Царю вменяли в вину, что он не знал границ своей щедрости, и золото из государственной казны потекло в частные руки, «как песок». Причем, особо отмечалось, что он окружил себя евнухами и людьми, не принадлежащими к знатным родам византийской аристократии, что отнюдь не случайно. Еще Роман I Лакапин св. Никифор II, Иоанн I Цимисхий и Василий II упорно боролись с «властителями» за права рядовых землевладельцев. И целый ряд мятежей, пришедшихся на время последнего царствования, главами которых являлись представители самых знатных аристократических семей Византии, наглядно демонстрируют, насколько непопулярными являлись мероприятия царей Македонской династии в высшем свете. Незадолго до смерти императора Василия II ходили упорные слухи о том, что аристократы пытаются поставить на место его брата другого кандидата на трон, что очень правдоподобно. И надо отдать должное Константину VIII: несмотря на некоторый индифферентизм к политическим делам, он остался верным традициям своих великих предшественников, не давая побряжки «властителям». Как следствие, василевс старался укрепить царскую власть выходцами из рядов служилого сословия и товарищей своего покойного брата, не жалея золота, чтобы поощрить их и укрепить статус своего ближнего окружения.

А вскоре смутные подозрения подкрепились конкретными фактами. В 1026 г. в одной из восточных фем, Веспуракан, вспыхнул очередной мятеж, во главе которого встал храбрый и воинственный стратиг Никифор Комнин. Он вступил в сговор с Абхазским царем *Георгием I* (1014—1027) из династии Багратидов и объявил *об отделении* кавказских фем от Римской империи. Однако вовремя подошедшие войска из Каппадокии быстро подавили новую апостасию, и Комнин был арестован. Целый год длилось следствие, в ходе которого была доказана причастность к мятежу представителей многих аристократических родов. Организаторами и вдохновителями заговора являлись: патрикии Константин Вурца, Варда, сын Варды Фоки, Василий Склир, Роман Куркуас, Богдан, Глаба, Гудел. К ним присоединились Навпактский епископ, монах Захарий и вест Феодат. Их всех осудили и ослепили, а клирикам отрезали вдобавок языки — довольно мягкие наказания для того времени

за государственную измену. Замечательно, что Константинопольский патриарх Алексей III Студит проявил глубокое понимание ситуации и издал в июне 1026 г. синодальную грамоту об анафематствовании всех мятежников против царской власти⁷¹⁹.

Императора упрекают, что, взойдя на царский престол, он быстро передал все дела по управлению государством ученым, а для себя оставил только прием посольств и дипломатическое поприще. Действительно, этот новаторский шаг не может не вызвать удивления. Как правило, стареющие или покинувшие на время войны Константинополь цари передоверяли полномочия сановникам и высшим чиновникам, а не ученым мужам, обычно совершенно безыскусным в практических делах. Какие причины могли вынудить императора нарушить старые традиции и поступать столь опрометчиво? Очевидно, в основе такого суждения лежит или неверное толкование действий василевса, или некоторые обстоятельства, не учтенные тенденциозными современниками. А объяснение изложенному выше факту лежит, что называется, на поверхности.

Внешнеполитическое положение Византийского государства тех лет продолжало оставаться очень стабильным. Лишь единожды печенеги попытались совершить набег на Болгарию, но стратиг Константин Диоген отбил их нападение. А правители островов Хиоса и Самоса тем временем вытеснили из вод Эгейского моря сарацинский флот⁷²⁰. Собственно говоря, больше никаких особых инцидентов и не возникало. *Государственная машина*, запущенная при предыдущих представителях Македонской династии, пока еще работала в автоматическом режиме, и царю не было нужды дополнительно вникать в эти вопросы. Но в случае необходимости Константин VIII оперативно реагировал на военные проблемы.

Правда, не все распоряжения царя можно оценить положительно. В частности, без всяких видимых причин в 1027 г. император неожиданно отозвал из Италии катепана Василия Буагина. Возможно, он опасался его прямого или косвенного участия в минувшем заговоре, но все равно этот шаг относился к тем фактам, которые могут менять историческую картину. Как следствие, уже в 1027 г. лангобарды захватили Неаполь, и теперь вдруг актуальной стала старая мечта этого племени о создании Южно-Итальянской империи. В Неаполь вернулся ставленник Западного императора и первым делом рассчитался со своими наемниками-норманнами,

которым предоставил в 1030 г. в собственность лен в виде города Аверса. Этот прецедент станет первопричиной последующей норманнской экспансии в Италии и на Сицилии, стоившей Византии очень дорого⁷²¹. Пожалуй, это — самый тяжелый просчет Константина VIII, и в его оправдание можно лишь сказать, что результаты данного шага едва ли можно было предугадать.

Что же касается других дел, то нужно помнить о возрасте и состоянии здоровья императора. Исполненный чувства долга и понимания величия царского статуса, Константин VIII тратил последние силы на мероприятия, которые требовали его личного присутствия. По заведенной испокон века традиции это были торжественные церемонии императорского дворца и дипломатические приемы. В остальных случаях, когда публичность не требовалась, он мог принимать решения в уединении, *для видимости* ссылаясь на то, что ученые мужи могут легко разрешить все текущие дела. Конечно, в действительности никто не допускал «теоретиков» к делам государственного управления — рядовые вопросы поручались соответствующим чиновникам.

Однако решение одной проблемы император не мог передоверить никому — он был обязан обеспечить *преемственность царской власти*, причем в очень непростых условиях. Самым важным являлся вопрос о наследнике престола, вернее — его отсутствии. Еще в юности Константин VIII взял в жены Елену, представительницу знатного аристократического рода, отец которой Алипий являлся первым министром при царе Василии II Болгаробойце. Он имел трех дочерей — Евдокию, Зою и Феодору. Вскоре жена умерла, старшая дочь переболела оспой и выпросила у отца разрешение принять монашеский постриг, уединившись в обители. А 50-летняя Зоя и 45-летняя Феодора продолжали жить во дворце, так и не найдя себе спутников жизни⁷²².

Как нередко бывает в жизни, сестры являли полную противоположность друг другу. Зоя была немного полновата, но отличалась миловидностью лица, моложавостью, прекрасной фигурой и удивительно гладкой и белой кожей. Она была чрезвычайно влюбчива, что впоследствии принесло Римской империи много бед. У нее были красивые большие глаза, густые ресницы и золотистые волосы. Напротив, Феодора была откровенно некрасивой, высокого роста и с маленькой головой. Отличались сестры и нравами. Зоя — довольно циничная по натуре, любила красивый образ жизни и не

жалела денег для удовольствий. Импульсивная, она была способна на самые противоречивые поступки и всегда добивалась того, чего ей хотелось в конкретную минуту. Как ни странно, при своем подвижном нраве она была «молчуней». Среднего ума и невежда, Зоя была женщиной вспыльчивой и раздражительной, порой — удивительно жестокой и циничной. Она принимала решения и так же быстро меняла их, не проявляя никакой логики. Тщеславная и капризная, она обожала комплименты — у придворных даже появилось развлечение: когда они говорили, что принцессу нельзя видеть, не будучи пораженным тотчас молнией, та таяла от удовольствия. Зоя была крайне ленива, и государственные дела вызывали у нее откровенную скуку. И даже император Василий II, любивший племянницу, не мог иногда скрыть своего презрения к ней⁷²³.

Наоборот, Феодора была на редкость благочестива и целомудренна, не испытывала никакого влечения к мужчинам и чуждалась больших обществ. Чрезвычайно бережливая, она редко раскошеливаясь даже на мелочи. Но в то же время была добродушной, веселой по характеру, приветливой, скромной и любезной. К сожалению, ее умственные способности не отличались к лучшему, и Феодора являла классический образец безволия и посредственности, а также непоследовательности⁷²⁴. В довершение всех неприятностей сестры не очень любили друг друга, и со временем эта неприязнь переросла в открытую ненависть и зависть⁷²⁵.

9 ноября 1028 г. василевс неожиданно заболел. Когда Константин VIII почувствовал, что смерть близка, он решил немедленно предпринять меры для продолжения династии. Хотя, как известно, византийская традиция допускала варианты с наследованием женщинами царского престола, все равно к таким событиям относились крайне отрицательно. «Римское государство не настолько ослабело, чтобы не найти мужа, достойного титула василевса», — мог сказать любой грек, и был бы прав. *Единственный* способ в отсутствие наследника мужского пола состоял в том, чтобы выдать замуж одну из дочерей и возложить на ее избранника царский венец. Из всех возможных претендентов император первоначально выбрал аристократа Константина Далассина, но придворный евнух Симеон отговорил царя, предложив ему другую кандидатуру — 60-летнего *Романа Аргиропула*, протоспафария.

Царь подумал и согласился. Ему импонировало, что Роман приходится родственником царской семье: их отцы были двою-

родными братьями по матерям, и это обстоятельство позволяло надеяться на крепость брачного союза и единство интересов. Иногда удивляются: почему именно Роман попал в поле зрения царя? Ответ на этот вопрос довольно прост. Понимая, что после его смерти противостоять аристократии может лишь человек высшего круга и богатого опыта государственного управления, Константин VIII выбрал в качестве противовеса лицо, чей статус *почти* равнялся царскому. Ведь Роман был не просто чиновником, но епархом Константинополя — это говорило само за себя. Достаточно сказать, что впоследствии единственная дочь Романа вышла замуж за Западного императора *Генриха III* (1039—1056)⁷²⁶.

Скажем еще несколько слов об избраннике судьбы. Род Аргиропулов не отличался древностью происхождения, но имел свои славные страницы. Прародитель Романа начал свою карьеру еще при императоре Михаиле III и вскоре стал богатым человеком — он имел обширные земельные владения в феме Армениак. Его потомки прославились на полях сражений и соединились с самыми известными родами Римской империи, а также Венеции и Грузии.

Императора не беспокоило кровное родство своей дочери с женихом — в царских семьях на эти «детали» обращали мало внимания. Однако оставалась более существенная преграда, которую преодолеть было не просто — Роман был женат на женщине по имени Елена и жил в браке счастливо. Но факт бракосочетания Романа с Еленой для государственного блага казался второстепенным событием, а потому Константин VIII довольно искусно разыграл свою комбинацию, чтобы убедить Романа сочетаться с Зоей или Феодорой.

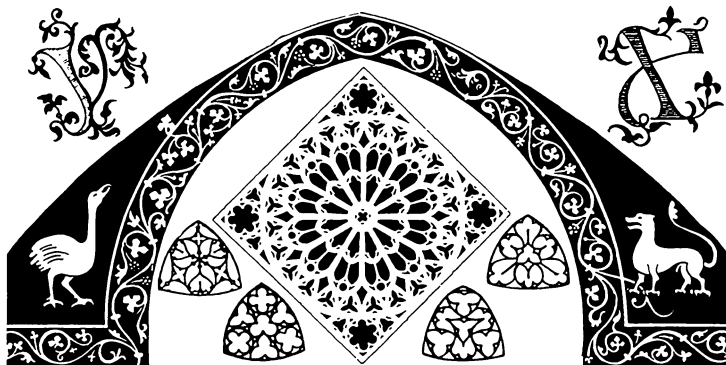
Он вызвал к себе Аргиропула и обвинил в том, что тот якобы затевает заговор с целью овладеть царской властью. *Сыграв гнев*, он объявил, будто ослепит и сошлет протоспафария в ссылку. Роман напрасно оправдывался, не зная, что его слова никому не нужны. Затем, сменив гнев на милость, Константин VIII вновь вызвал Романа и составил совсем иной разговор. «Незачем силой брать то, — сказал император, — что я готов тебе отдать добровольно», — и предложил взять его дочь в жены. Конечно, Роман понимал, *чем* закончится для него отказ, но и согласия не дал, попросив время для обдумывания. Дома он посоветовался с женой, и благородная женщина, желавшая спасти своего мужа, заявила от своем намерении принять постриг и уйти в монастырь. Патриарх Алексей III

Студит не стал упрямиться и развел супругов, целиком и полностью став на сторону императора⁷²⁷. Елена провела остатки дней в монашеской келье и умерла в 1032 г., а Роман стал перед выбором: с какой из принцесс ему следует сочетаться браком.

Но все разрешилось очень быстро. В принципе новый брак еще мог дать Византии наследника престола, поэтому первой предложили выйти замуж Феодоре, как более молодой. Но та категорично отказалась: то ли ей не нравился Роман, то ли она не желала вступать в *такой* брак; возможно, имелись и другие причины — Феодора была на редкость благочестива. Так или иначе, но невестой стала Зоя, не озабоченная никакими препятствиями⁷²⁸.

12 ноября 1028 г. состоялось венчание Романа с принцессой Зоей. И в этот же день он был провозглашен новым василевсом Византийской империи **Романом III**. А 15 ноября 1028 г. император Константин VIII скончался, даже не предполагая, сколь быстро-течным окажется организованный им брачный союз и к каким «смутным временам» приведет Византию открывшаяся в Зое любовная страсть к молодым мужчинам.





LI. ИМПЕРАТОР РОМАН III АРГИР (1028–1034)

Глава 1. Новый «Марк Аврелий»

Однако, как показали уже первые дни царствования Романа III Аргира, выбор Константина VIII едва ли можно назвать удачным. Все современники отмечали, что новый император отличался крайним тщеславием и самомнением. Внешне он во всем походил на царя: его выделяли из толпы изящество манер, прекрасный голос, высокий рост и истинно царская наружность, но, к сожалению, содержание много отличалось от формы. *Внезапная слава*, почившая на челе Аргира вместе с царским венцом, разбудила его воображение, и Роман III почему-то решил, что должен войти в ряд таких прославленных императоров, как Август, Траян, Марк Аврелий, св. Юстиниан I Великий, и навечно обессмертить свое имя. Эта навязчивая идея бросала Аргира от одной деятельности к другой, внося хаос и смятение в устоявшиеся основы византийской жизни, — хрестоматийный пример человека, получившего больше того, чем для него рассчитала природа.

Как человек образованный, хотя и неглубоко, он задался целью возродить литературу и науку. Нередко, сняв царскую одежду и облачившись в философскую мантию, василевс вел диалоги с учеными мужами. Попутно, посчитав себя опытным богословом, Роман III возмечтал воссоединить Армянскую церковь с Кафолической Церковью. Он смело ринулся в исследование тонких

богословских вопросов, ревнуя к славе св. Юстиниана I Великого, однако вскоре охладел к теологии, оставив свои «исследования» неоконченными⁷²⁹.

Попутно Аргир пожелал прослыть победоносным полководцем, и какое-то время тщательно изучал военную теорию. По натуре кроткий и тихий, он напускал на себя воинственный пыл и грозился разгромить всех врагов Римской империи на Западе и Востоке. Когда же чуть позднее выяснилось, что военные таланты царя — фикция, а богословие не нуждается в его исследованиях, Аргир открыл для себя новую сферу применения горячечной фантазии. Как всегда целно и энергично, но по обыкновению довольно бестолково, император ринулся в пучину финансового и государственного управления, воображая, что его истинное призвание — мирная деятельность. К сожалению, как мы увидим, василевс заблуждался и на этот счет⁷³⁰.

Выбирая поле будущих сражений, Роман III пришел к выводу, что победа над «варварами»-германцами, но все же христианами, не принесет ему славы. Поэтому остановил свой выбор на Востоке, где многие православные земли Римской империи все еще находились под игом мусульман. Император собрал громадное войско, присоединил к нему союзников и наемников и рьяно принялся обучать его, изобретая новые боевые порядки. А попутно отдал приказ своим военачальникам начать военные действия⁷³¹.

В октябре 1029 г. евнух Спондила, поставленный стратигом Антиохии еще при императоре Константине VIII, попытался, на свою беду, продемонстрировать силу римского оружия соседям-арабам, но потерпел поражение. Вслед за этим эмиры Алеппо и Триполи овладели инициативой и захватили крепость Меник, расположенную в непосредственной близости от Антиохии. Царь заменил Спондила своим зятем Константином Карантином, а затем неожиданно решил возглавить поход на сарацин.

Следует сказать, что вековой противник Византии в это время по-прежнему пребывал в состоянии медленного, но верного разложения. В это время в Багдаде правил халиф *аль-Каим-Биамриллах* (1031—1075), матерью которого была армянка-невольница. Грамотный и благочестивый, он, увы, как и его предшественники, являлся заложником Буидов⁷³². Халифа лишь *терпели*, и повелитель правоверных жил довольно скромно, порой не имея самого необходимого для жизни. Число шиитов тем временем в Багдаде

резко выросло; дошло даже до того, что один из них едва не занял пост главы сунитских кадиев. Затем шииты получили собственного духовного главу — накиба («настоятеля»). И теперь две враждебные партии открыто противостояли друг другу.

Однако и сами Буиды постепенно утрачивали былое влияние, чему были свои причины. К описываемому нами времени территория Персии была разделена на три государства — Саманид с Трансоксанией, Хорезмом, Балхом, Мервом, Хератом и Хорасаном; Буид с Кирманом, Фарсом, Хузистаном и Ираком; и Вашгемир с Табаристаном. И хотя Буиды контролировали почти половину этих земель, Саманиды все более выходили из повиновения воинственному семейству. Поскольку они не могли претендовать, как шииты, на престол, мысль представителей этого дома направилась в естественном для себя направлении: мало озадачиваясь проблемами Халифата, они решали собственные проблемы. Все военачальники Багдадского халифата были из Буидов, скрепленных единственно уважением к основателям своего могущества — трем братьям, удерживавшим родственников в твердых руках. Но за их смертью моментально наступила междоусобица, и теперь каждый из Буидов думал лишь о себе⁷³³.

Это обстоятельство только способствовало укреплению и без того сильной и независимой позиции турок, и так долгое время фактически контролировавших Багдад. И когда в это смутное время объявился некий Абуль Харис Арслан аль-Бесарири, заявивший о необходимости разрушить Халифат и свергнуть халифа, несчастный аль-Каим-Биамриллах обратился не к Буидам, которым было не до него, а к султану турок-огузов *Тогрул Беку* (1038—1063), основателю будущей великой династии *Сельджуков*. И тот легко справился с поставленной задачей, но... себе на пользу. Об этом рассказ у нас будет впереди⁷³⁴.

Тем временем Египетские Фатимиды, во главе которых стал сын таинственно скрывшегося аль-Хакима *Аз-Захир* (1021—1036), могли наконец заполучить вожеленную Сирию. Но, к несчастью для Фатимидов, царственный юноша вскоре умер от оспы, а его сын, 7-летний ребенок невольницы-негритянки, *аль-Мустансир* (1036—1094), по вполне понятным причинам никак не мог управлять государством. Власть фактически перешла в руки его матери, создавшей в короткое время негритянскую гвардию численностью до 50 тыс. человек. Жестокая и необразованная женщина, она скоро

перессорила между собой всех аристократов и, постоянно опасаясь заговоров, отстранила от командования войском единственного уважаемого солдатами полководца Дизбирия, завоевавшего Сирию. Неудивительно, что турки, влияние которых не ограничивалось отнюдь лишь Багдадом и Хорезмом, в скором времени стали чужествовать себя в Египте хозяевами положения⁷³⁵.

Поэтому, возвращаясь к Роману Аргиру, скажем, что на фоне этих нестроений у того были неплохие шансы вернуть Византии сирийские владения. Но для этого во главе войска должен был стоять не философствующий гражданский чиновник, а железный полководец типа Фоки или Цимисхия. Летом 1030 г. император торжественно и пышно прибыл в Антиохию, словно давая театральное представление, а не готовясь к сражениям. Прознав о намерениях царя, сарацины направили к Роману Аргиру послов с уведомлением о своем нежелании начинать войну. Они напомнили императору, что не давали повода для войны, четко соблюдали свои обязательства перед Римской империей, но если Аргир решится воевать, Бог им будет судьей. Видимо, Аргир действительно прогневал Господа, поскольку удача никак не желала признать его своим избранником. Едва греческая армия выступила из Антиохии, как тут же попала в засаду и потерпела поражение от войска эмира Алеппо. Первыми оставили боевые порядки царские телохранители — о причинах этого скажем чуть ниже, а затем побежало и остальное войско. Армия потеряла весь свой обоз, и врагам даже достался царский походный шатер с множеством драгоценностей. Сам император едва спасся бегством, но потом собрал остатки войска и держал совет со стратигами о том, что делать дальше. Видимо, почувствовав тайные желания императора, командиры предложили василевсу вернуться в Константинополь, а войну оставить военачальникам; Аргир тут же согласился⁷³⁶.

Правда, византийская армия еще была богата талантами, и в том же году стратиг Феоктист сумел переманить на свою сторону Трипольского эмира и овладеть крепостью Меник. Другой византийский полководец, с которым мы еще не раз столкнемся, Георгий Маниак, стратиг фемы Телух, сумел наголову разгромить большой арабский отряд, преследовавший разбитое византийское войско, и отбил большую часть добычи. В благодарность за это Роман III дал ему в управление Самосат, который Маниак сделал своей базой. В 1032 г. византийский полководец овладел городом

Эдессой и захватил великую христианскую святыню — письмо Спасителя Авгару Эдесскому. Последующие нападения арабов на Эдессу были отражены в 1036 и 1038 гг. правителем этих мест армянином по национальности Варасвацом⁷³⁷.

Не обнаружив в себе искры Божьей на поле брани, император, тем не менее, не оставил мысли все же прославить свое имя как вдохновитель побед византийского оружия. Предоставленные сами себе, греческие стратиги оказались гораздо удачливее. Правда, не всегда. В 1033 г. византийское правительство поручило Георгию Маниаку овладеть Сицилией, но эта кампания оказалась безуспешной. Аналогичная попытка, случившаяся в 1031 г., успеха также не имела. Но в целом ситуация в Средиземноморье складывалась удачно для Византии. В 1032 г. стратиг Навпакта, сын Никифора Карантина, при помощи горожан Рагузы совершенно истребил сильный арабский флот, грабивший окрестности Далматии и остров Корфу. Вслед за этим африканские и сицилийские сарацины объединили свои силы и принялись опустошать Мир Ликий и Кикладские острова. Однако два римских флота из Кивирреотской фемы и из Фракии под командованием Константина Хаги уничтожили их корабли. С пленными поступили, как с простыми разбойниками: повесили и посадили на кол⁷³⁸. Увлеченный этими успехами, василевс совсем упустил из виду ближайшее столичное окружение, и напрасно.

На самом деле Аргиру следовало проявить осторожность и принять меры по умиротворению византийского общества, где у него быстро нашлись могущественные враги. В первую очередь Романом III была глубоко недовольна принцесса Феодора, и, надо сказать, небезосновательно. Как человек самолюбивый, Аргир не забыл, что младшая дочь императора Константина VIII *отказалась* выйти за него замуж, и это обстоятельство очень тяготило его. Как следствие, после воцарения он дал наглядно понять, что Феодора не вправе претендовать на равную с ее сестрой царскую честь, и была поставлена в откровенно приниженное положение. Конечно, это больно задело принцессу, ничуть в свою очередь не сомневающуюся в нравственном и умственном превосходстве над старшей сестрой. Дело в том, что, отказав Роману Аргиру в женитьбе, Феодора вовсе не собиралась отказываться от царской власти, и замужество Зои восстановило Феодору и против сестры, и против василевса.

Вокруг царевны вскоре образовался кружок оппозиционеров, в среде которых постоянно зрели мысли о свержении императора. Как прирожденный аристократ, Аргир сразу же после воцарения отменил экономические законы, неприятные «властителям», и выпустил из тюрем всех тех, кто был наказан при императоре Василии II. Однако по прошествии короткого времени сам Роман III невольно проникся принципами византийской государственности и начал новое наступление на права не ожидавшей такого оборота аристократии. А потому к заговорщикам вскоре присоединились представители высших сословий западных фем, недовольных тем, что их постепенно вытеснили из близкого окружения императора⁷³⁹.

Хуже того — в скором времени Роман III испортил отношения с собственной супругой, не подозревая, что тем самым готовит свою гибель. Хотя ему уже исполнилось 60 лет, под влиянием льстивых речей некоторых придворных он возжелал создать новую императорскую династию, для чего, естественно, нужно было родить наследника. Аргир втирал в свое тело самые «испытанные» масла и крема, но результата не достиг. Тогда василевс обвинил в бесплодии императрицу Зою и явно охладил к ней, чем, разумеется, публично ее оскорбил. Что было еще обиднее для женщины — он резко уменьшил ее бюджет, вследствие чего она вынужденно отказалась от многих, ранее так доступных, забав. Затем Роман вообще прекратил супружеские отношения с Зоей, найдя ей замену в лице женщин легкого поведения. Что же удивительного в том, что царица возненавидела мужа и затаила в своей душе месть?⁷⁴⁰

Замену мужу на брачном ложе она нашла в лице церемониймейстера Константина, а затем Константина Мономаха, но царь вскоре отослал тех из дворца, и на время Зоя оказалась одинокой и брошенной женщиной⁷⁴¹. Она также образовала собственную неформальную партию из числа придворных аристократов против мужа, и хотя партии обеих сестер не смешивались, действуя изолированно и каждая в собственных интересах, положение Романа III быстро осложнилось.

Правда, Зоя действовала гораздо тоньше и осторожнее своей сестры, и Аргир не замечал ничего опасного в ее поведении. Напротив, активность аристократов, сплотившихся вокруг младшей принцессы, не осталась незамеченной в царском дворце, и Роман III установил над Феодорой негласный надзор, который осу-

шествовал синкелл Иоанн. Однако оппозиционная партия быстро завербовала того в свои сторонники, и уже в конце 1028 г. обнаружился заговор из числа сторонников Феодоры, во главе которого стоял магистр Прусиан Болгарин, сын последнего царя Болгарии Иоанна Владислава⁷⁴², и зять императора Константин Диоген, бывший дука Фессалоники, родом из восточной фемы Сирмия. К ним примкнули: синкелл Иоанн, надсмотрщик Феодоры, стратиг Евстафий Дафномил, три сына магистра Михаила Вурца и два родственника монаха Захарии, который был наказан за другой мятеж еще при императоре Константине VIII и поплатился языком.

Однако заговор провалился, и все его участники понесли наказания: Прусиан был ослеплен, Константин Диоген — посажен в тюрьму, а остальных публично бичевали, провезли по Константинополю на ослах, а затем отправили в ссылку. Принцесса Феодора была удалена из дворца и отправлена на постоянное жительство в монастырь. Как говорят, раскрытию заговора активно содействовала императрица Зоя, видевшая в нем угрозу своей власти: она опасалась, что Феодора станет царицей, а Прусиан — царем. Именно по ее требованию младшая сестра была сослана в монастырь, хотя и не приняла пострига⁷⁴³.

Конечно, интрига на этом не закончилась, и новый заговор сторонников сосланной принцессы созрел, когда император отправился летом 1030 г. в поход в Сирию, надеясь вновь овладеть Алеппо. Способ устранения царя был прост и в известной степени «оригинален»: военачальники, приверженцы Феодоры, решили в ходе сражения с сарацинами оставить своего императора без охраны, что и произошло в действительности. Едва завязался бой, как об этом говорилось выше, царские телохранители *целенаправленно* оставили василевса и покинули поле брани. Естественно, что и остальное войско, недоуменно взирающее за бегством царского окружения, бежало. Все были убеждены, что царь должен неминуемо погибнуть. Но благодаря мужеству и верности армянского офицера Абукабу, входившего в число телохранителей императора, Роман III был спасен.

В сентябре 1031 г. открылся очередной заговор, организованный неутомимым Константином Диогеном, уже состоявшим в числе братии Студийского монастыря. Император вновь отправился в Сирию, чтобы взять реванш, а в это время Зоя получила сообщение от архиепископа Феофана Фессалоникийского, что

Константин Диоген подготавливает бегство Феодоры в Иллирик и им деятельно помогают митрополит Диррахия и епископ Перифеория⁷⁴⁴. Императрица немедленно отправилась в монастырь Петрий, где находилась ее сестра, и приказала постричь Феодору в монахини, говоря, что только таким способом можно прекратить интриги. Она *лично* присутствовала при совершении Таинства пострига, и удовлетворилась только тогда, когда Феодору облачили в монашеское платье. Правда, с учетом того, что новая монахиня являлась порфирородной принцессой, за ней сохранили некоторые знаки внешнего отличия и почести⁷⁴⁵.

Сам же возмутитель спокойствия царя — Константин Диоген был арестован и в ходе следствия погиб, сорвавшись (или будучи злонамеренно сброшен) с крепостной стены во время препровождения в тюремную камеру. Впрочем, митрополита и епископа, отосланных к василевсу на суд в Месанакты, где он находился с войском, пощадили — видимо, Роман III посчитал их вину незначительной. Последний всплеск активности партии Феодоры пришелся на 1033 г., когда зять царя, слепой Василий Склир, некогда восставший против императора Василия II, а теперь получивший титул магистра, устроил еще один заговор. Однако этот мятеж был совсем не опасен, а потому сразу после проведения следствия Склира просто выслали из столицы, и он закончил жизнь в ссылке⁷⁴⁶.

Теперь Аргире казалось, что все опасности уже миновали, но он не учел оскорбленного самолюбия своей отверженной супруги. На фоне предыдущих заговоров от императора укрылось, что его доверенный евнух, монах Иоанн, верно служивший императору уже много лет, получивший в 1031 г. титул препозита, а в 1034 г. — *орфанотрофа* (он занимался социальными вопросами и назывался по должности «кормилец сирот», откуда и пошло его прозвище), тайно составил коалицию с Зоей. Иоанн был родом из Пафлагонии, отличался необычайной хитростью, ловкостью, умом и *абсолютным цинизмом*. Он был удивительно осведомлен обо всем, что происходит в столице, и обладал замечательной памятью. Даже в разгар пира, будучи пьяным, Иоанн помнил абсолютно все, что услышал и увидел. А запомнив, умел использовать свои знания по назначению. Поэтому его боялись буквально все⁷⁴⁷.

Многочисленная родня Иоанна Орфанотрофа была удачно устроена евнухом на «теплые» места, но ему этого казалось мало,

и он возмечтал о большем. Надо сказать, прежде Зоя откровенно ненавидела Иоанна, видя в нем большую угрозу своим интересам, но евнух придумал хитрый ход, быстро примиривший его с императрицей. Заметив, насколько царица тяготится *женским одиночеством*, он пристроил при царской опочивальне своего младшего брата *Михаила Пафлагона* — юношу, отличавшегося красотой, крепостью тела и детской наивностью, сводящей с ума дам престарелого возраста. Едва ли ему импонировала мысль стать любовником 50-летней матроны, но Орфанотроф сумел вселить честолюбие в его сердце, сказав буквально следующее: «Если хочешь стать вельможей, слушайся моих советов». С другой стороны, как бы ни был равнодушен Михаил к Зое, но, безусловно, его сердце стучало сильнее обычного, когда он как к себе домой стал входить в царские покои — святая святых Византии. Конечно, молодой мужчина без особого труда прельстил стареющую женщину, четко выполняя инструкции старшего брата, и вскоре между Зоей и Михаилом возникла любовная связь⁷⁴⁸.

Молодая Зоя (надо сказать, она действительно выглядела гораздо моложе своего возраста), тщательно следившая за своим телом, искренне полагавшая, будто Михаил увлечен ею, *как женщиной*, даже не подозревала, что стала жертвой хитроумного плана евнуха. А тот, убедившись, что первая часть плана удалась, поставил перед собой фантастическую цель: подчинить через Михаила императрицу, свергнуть Романа III, поставить царем младшего брата и самостоятельно управлять Римской империей. Орфанотроф провел с Зоей необходимые разговоры, разумеется, ни словом не обмолвившись о заключительной стадии своего плана, и нашел в ней горячего союзника. Оба заговорщика нашли друг друга: Орфанотроф в Зое — ступень для невиданного взлета, Зоя в евнухе — очень опытного советника, мастера интриги.

Конечно, близкая связь царицы со слугой быстро стала известной во дворце, а потом и в Константинополе. В конце концов, едва ли не последним, узнал об измене жены и император. Но, поскольку он уже давно охладел к Зое, Аргир постарался сохранить приличие, сделав вид, что не верит «сплетням». Однако один эпизод все же вынудил его обратить внимание на Михаила Пафлагона. Однажды Зое пришлось в голову посадить своего возлюбленного на императорский трон и возложить на него венец. Какой-то придворный евнух случайно вошел в тронный зал, когда там разыгралась эта

удивительная сцена, и едва не упал в обморок. А императрица, не смущаясь, приказала тому пасть ниц перед Михаилом, промолвив: «Отныне Михаил император, и придет день, когда он действительно станет им»⁷⁴⁹. Конечно, придворный тут же донес царю об этом. Возможно, дело бы замаяли, но вмешалась сестра василевса Пульхерия — женщина энергичная и умная. Она настояла на *неформальном* допросе Пафлагона, и царь вызвал Михаила к себе. Последующая сцена не лишена интереса.

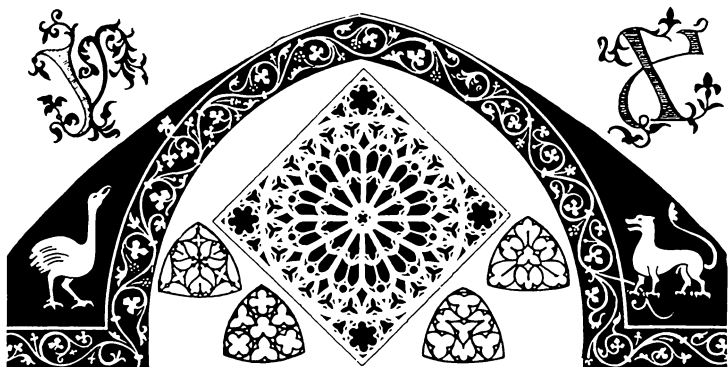
В ответ на расспросы царя, которого волновала не столько супружеская измена императрицы, сколько способности Михаила организовать заговор с целью свержения его власти, Пафлагон заявил, что никаких замыслов против Романа III не имеет. Кстати сказать, он действительно мог не догадываться об истинных замыслах своего старшего брата. Юноша был настолько искренен, что сумел убедить василевса в собственной невинности. В довершение всего Михаил поклонился на святыни, и тут же у него случился приступ эпилепсии. Впоследствии говорили, будто Бог наказал Михаила за лжесвидетельство — возможно, это и так, но Аргир иначе истолковал болезнь юноши. Придворным он сказал, будто для него теперь стало очевидным, что такой больной мужчина не может быть интересен женщинам и вряд ли способен претендовать на царство. Более того, внутренне раздосадованный тем, что Пульхерия *вынудила* его придать некоторые неприятные для него факты широкой огласке, под искусным давлением Зои и евнуха Иоанна Орфанотрофа царь выслал в 1033 г. сестру из столицы вместе с ее мужем Василием Склиром. Заговорщикам это и было надо — василевс лишился единственного разумного советника, радеющего о его интересах⁷⁵⁰.

Поздительно быстро после этого Роман III заболел. Он потерял аппетит и сон, лицо его стало мертвенно-бледным, тело распухло, волосы на голове и бороде выпали. Ни у кого из опытных придворных не было сомнений в том, что царя отравили, и все взоры небезосновательно обратились в сторону императрицы Зои и Иоанна Орфанотрофа. Но Аргир по-прежнему не желал слушать никаких намеков, полагая, что с течением времени легкое недомогание будет преодолено его «железным» организмом. И действительно, несмотря на принятый яд, Роман III держался гораздо дольше того срока, который ему отвели Зоя и Орфанотроф, и они всерьез обеспокоились. Было трудно представить, что и в даль-

нейшем василевс останется настолько слепым, чтобы не заметить перемен в своем самочувствии. И никто не гарантировал, что кто-нибудь из придворных не откроет царю глаза на сомнительный союз евнуха и царицы. Поэтому заговорщики решили подстраховаться и ускорили развязку событий.

В роковой для него день 11 апреля 1034 г. Роман III по установившемуся обыкновению должен был раздать жалованье чиновникам (*ругу*), которое выплачивалось раз в году. Желая придать своему телу свежий вид, император отправился в баню, где решил поплавать в бассейне. Когда он нырнул в воду, кто-то из слуг «заботливо» попридержал его голову под водой более, чем следовало. Когда Аргира вынули из воды, он был полумертвым, и изо рта его текла какая-то черная жидкость. Не приходя в сознание, василевс скончался на 66-м году жизни, так и не успев понять, что произошло⁷⁵¹.





III. ИМПЕРАТОРЫ МИХАИЛ IV ПАФЛАГОН (1034–1041) И МИХАИЛ V КАЛАФАТ (1041–1042)

Глава 1. Больной царь. Торжество евнуха

Когда императрице Зое донесли о смерти царя, она хладнокровно *лично удостоверилась* в его кончине, а затем предприняла меры по неразглашению данного факта, используя выпавшее ей время для реализации собственных замыслов. Во дворце начались переполох и волнения. Близкие к царской семье лица, не осведомленные о ее союзе с Орфанотрофом, предлагали Зое выбрать новым супругом достойного мужа, и такие кандидаты, конечно, нашлись во множестве. Но царица уже определилась с выбором. Она горячо желала сделать царем своего любовника Михаила Пафлагона, однако не решалась публично огласить собственную волю, опасаясь скандала. Дело решил Иоанн Орфанотроф, наедине убедивший царицу: «Мы погибнем, если будем медлить с передачей власти!»⁷⁵² Без сомнения, Орфанотроф опасался, и не без оснований, что в случае промедления распространившаяся по городу весть об отравлении императора может стать губительной для заговорщиков.

Вечером того же дня — а это был Великий Четверг — в покои императрицы был срочно вызван ничего не знавший о происшедших событиях Константинопольский патриарх Алексей III Студит. Каково же было его изумление, когда он обнаружил тело мертвого

императора Романа III на столе, а в дальнем углу Зою вместе с Михаилом Пафлагоном, одетым в царское платье. Царица потребовала от архиерея обвенчать их, и тот не посмел отказать. Поздней ночью небольшая группа придворных провозгласила 24-летнего Пафлагона новым императором **Михаилом IV**, а на следующий день, 12 апреля 1034 г., в Великую Пятницу, состоялась публичная и торжественная процедура возведения его на царский трон в присутствии синклита и представителей армии. В этот же день был погребен император Роман III Аргир⁷⁵³.

Византия покорно приняла неожиданный для нее поворот судьбы, но, судя по дальнейшим событиям, так до конца и не признала Михаила IV *настоящим* царем. При нем для византийского сознания наглядно обнаруживалась разница между случайными фигурами и такими монументальными личностями, как Василий I Македонянин или Василий II Болгаробойца. Конечно, порфиородная царица была вправе выбрать себе спутника жизни, а грекам — императора. Но поставить василевсом своего любовника, человека незнатного рода, совершенно неизвестного Римскому государству? Это действительно стало беспрецедентным скандалом.

Между тем, объективно говоря, в Михаиле IV было много здравого смысла, подчас удачно заменяющего ему государственный опыт и образование. Молодой, красивый, крепкий телом мужчина, этнический грек, он был рассудителен, доброжелателен, не мот и в известной степени великодушен. Любитель духовных особ, он много жертвовал на монастыри и любил общаться с монахами⁷⁵⁴. Современники особенно отличали его простоту и скромность: даже став императором, Михаил не оставил привычки своей юности, предпочитая простое платье и старательно избегая лишних торжеств и церемоний, на которых чувствовал себя не вполне уютно. Получив власть, император не стал ничего менять в прекрасно функционирующем аппарате Римского государства, не убрал никого из членов синклита, был доступен всем желающим, простил населению недоимки в бюджет, отменил тяготивший крестьянскую общину закон об *аллиленгиях* — обязанности соседей уплачивать налог за вымороченное имущество, постоянно раздавал деньги голодающим и нищим. Летописец даже упомянул, что если бы не прелюбодеяние с Зоей, которым осквернил себя Пафлагон, и подозрения о его участии в убийстве Романа Аргира, Михаила IV можно

было бы даже причислить к наиболее достойным императорам Римской империи⁷⁵⁵.

Однако эти личные качества не имели под собой главной опоры — *понимания государственных задач* и величия своего титула. Это пришло к Пафлагону позднее, когда уже ничего нельзя было изменить. Хуже того, проведя юность в царских покоях, он не получил никакого образования и при необходимости сослаться на законы, как правило, торжественно и «глубокомысленно» молчал. А ведь император традиционно считался главным законотворцем Византийской империи и верховным судьей. Если же знание законов было ему недоступно, то каким способом Михаил IV мог подтвердить свои священные обязанности хранителя права? Уже это обстоятельство неумолимо подрывало пока еще никак не оформившийся авторитет царя в обществе.

Сложные государственные проблемы также зачастую оставались вне его сознания, и василевс остро нуждался в опытном советнике, в качестве которого и выступил Иоанн Орфанотроф. Возможно, как человек неглупый, царь мог бы по примеру других императоров, вышедших с низов, восполнить со временем лакуны образования, но ему мешала внезапно обнаружившаяся тяжелая болезнь, приступы которой встречались все чаще и чаще. Доходило до того, что для торжественных выездов в город императорские носилки специально оборудовались красными занавесками. Когда болезнь усиливалась и появлялись признаки приступа, слуги тотчас задерживали их. При конных выездах верхом натренированные телохранители мгновенно смыкались, скрывая царя от посторонних глаз, если тот вдруг падал без чувств с лошади, что случалось неоднократно.

Приняв власть, Михаил IV и сам чувствовал себя мало приспособленным для решения важных государственных дел, хотя в случае необходимости проявлял личное мужество и терпение. Отношения с Зоей вскоре были им прерваны самым решительным образом — он никогда не любил императрицу, и, как человек совестливый и благочестивый, томился душой, скорбя о своих преступлениях и убийстве Романа III Аргира. По причинам, изложенным ниже, император вскоре разошелся со своими родственниками, откровенно и нагло использующими выпавшие на их долю возможности грабить государство. Ко всему прочему, болезнь не унималась. Стыдась и желая уединения, василевс постепенно все

больше и больше уходил в одиночество, завел множество друзей среди монахов, с которыми проводил почти все время⁷⁵⁶.

Но именно *такого царя* искал для себя старый интриган евнух Иоанн Орфанотроф. Правда, его мысли были гораздо более амбициозные, чем просто статус «серого кардинала» при царской особе. Заветной мечтой Орфанотрофа было стать Константинопольским патриархом, и он попытался, что называется, *сходить* реализовать ее. Конечно, такой пост при слабом царе и явно сформировавшейся тенденции «византийского папизма» давал евнуху почти безграничную власть в Римской империи. К патриарху Алексею III Студиту явились епископы — посланники Орфанотрофа и начали с ним переговоры о добровольном оставлении архиерейского престола столицы. В качестве «канонического» довода они сослались на нарушение процедуры его назначения патриархом — не решением Собора епископов, а велением императора Василия II Болгаробойцы. Нечего и говорить, что никаких канонов Студит не нарушил, и процедура его хиротонии полностью соответствовала канонической практике Византийской империи. Это он и ответил «переговорщикам», а потом добавил, что если его избрание признают незаконным, то пусть низложат одновременно с этим всех митрополитов, поставленных им за 11 лет управления Восточной Церковью, и *анафематствуют трех императоров (!)*, коронованных им на царство. Если Орфанотроф готов пойти на это, не без иронии заметил патриарх, то он, конечно, сам оставит престол. Разумеется, на такое евнух пойти не осмелился⁷⁵⁷.

Впрочем, если он что-то и потерял в реальных полномочиях, то немного. Уже в первые дни нового царства он был почтен вассилевсом титулом синкелла и полностью сосредоточил все нити управления Римским государством в своих руках. Человек глубоко циничный и властолюбивый, он сохранил в душе единственное доброе чувство — к своим родным, которых во множестве начал устраивать на самые высокие должности. *Плебеи* по духу и образованию, высокопоставленные нувориши устроили настоящий грабеж, беззастенчиво забирая все, что им нравилось. К чести Михаила IV, он очень остро воспринял такие факты. И когда отдельные сановники каким-то образом умудрились докладывать ему о злоупотреблениях, миновав защитные барьеры Иоанна Орфанотрофа, которыми тот окружил царя, вассилевс не оставался безучастным. В такие минуты император горячился, высказывал

брату и родственникам много нелицеприятного, но затем евнух успокаивал василевса, убеждал, будто подобные случаи более не повторятся, и Михаил IV *сникал*⁷⁵⁸.

Правда была забыта, государством управлял евнух, а финансовые злоупотребления со стороны чиновничества вызвали множество местных волнений, особенно в византийской части Сирии, подавлявшиеся войсками с невиданной жестокостью⁷⁵⁹. Конечно, это никак не могло поднять престиж Пафлагона в народе. Скорые события подтвердили опасения византийцев о недостатке талантов у Пафлагона. Не остался для них сокрытым и тот факт, что царь не управляет Римской империей *самодержавно*. И в самые блестящие события неизменно вкрадывались детали, свидетельствующие о бессилии и зависимости царя от чужой воли.

Так, в 1034 г. по совету Орфанотрофа василевс решил овладеть Сицилией, воспользовавшись разладом между островными сарацинами и Египетскими Фатимидами, вассалами которых ранее состояли. И несколько рядовых побед греческой армии в течение 2—3 лет показали всю серьезность стремлений Михаила IV. А в 1038 г. полководец Георгий Маниак, ставший на короткое время стратигом Италии, собрал большое войско, куда вошел отряд норманнских наемников, и вместе с флотом под командованием зятя царя Стефана взял штурмом Мессину. Сильное арабское войско, пришедшее на помощь единоверцам из Африки, было наголову разбито византийским полководцем при Ремате, и уже большая часть Сицилии оказалась в руках греков. Арабы собрали новую армию, но и она была разгромлена византийцами при Драгине.

Оставалось только добить врага, после чего Сицилию вновь можно было назвать «византийской». Но Стефан оказался настолько неискусен, что дал возможность остаткам разбитой арабской армии бежать в Африку. В гневе Маниак высказал тому претензии, военачальник высокомерно ответил — плебей аристократу, и Георгий, не удержавшись, ударил заносчивого наглеца по лицу. Стефан тотчас написал донос Иоанну Орфанотрофу, будто бы Маниак пытается захватить власть. В покои больного императора вбежали все родственники Пафлагонцы, скорбя и стenea по поводу опасностей, угрожавших им при удачной попытке сменить держателя власти, и василевс не устоял. В результате Георгий был отозван в столицу, Стефан сделался правителем Сицилии и в скором вре-

мени растерял все приобретения римского оружия. Обычно лучшие представители Македонской династии *всегда* отделяли личные интересы и обиды от государственных проблем, но Михаил IV этого сделать не сумел.

Политика возврата аристократии былых привилегий не могла не сказаться на экономике государства и его боеспособности. А потому в скором времени границы оказались открытыми для врагов, которых вокруг было множество. В 1035 и 1036 гг. Македония и Фракия подверглись жестокому набегу печенегов, уведших множество пленных за Дунай. А некоторые славянские племена, почувствовав слабость центральной власти, начали постепенно откладываться от Византии. Весной 1040 г. произошло восстание великого жупана сербов, женатого на внучке Болгарского царя Самуила. Он прогнал византийского стратига Феофила Эротика и разбил фемное войско, направленное на усмирение восставших.

В этом же несчастном для римлян году Иоанн Орфанотроф имел неосторожность решить финансовые проблемы Римского государства за счет болгар. Все прежние льготы и права, дарованные Болгарии еще императором Василием II, были отозваны. Непосильное налоговое бремя упало на плечи болгарских крестьян, не отошедших еще до конца от тягот минувших войн. Тяжелее всего было то, что отныне болгары обязывались уплачивать налоги *деньгами*, а не натурой. Разумеется, для них это было гораздо сложнее.

Данный шаг, по меньшей мере, нужно назвать неосмотрительным, напрочь перечеркивающим стратегию императора Василия II. Следует учесть, что в предыдущие годы Болгария подверглась нескольким разрушительнейшим землетрясениям, засухе и болезням. Вымирали целые села и города, мертвых просто некому было хоронить. Но это еще не все — Константинополь ударил по самолюбию болгар, забыв о старых обещаниях не касаться вопроса церковного управления. И после смерти Охридского архиепископа его преемником был *назначен* грек Лев Пафлагонец, что вызвало бурю возмущения. Экономические притеснения только подогрели недовольство⁷⁶⁰.

Вскоре волна мятежей окутала почти всю Болгарию, и самозванный внук царя Самуила *Петр Делеан* призывал соотечественников сбросить греческое иго. Первоначально болгары имели полный

успех вследствие неопытности столичных полководцев, выдвинутых не по талантам, а по близости к царской родне. В короткое время пали Ниш, Скопия, Диррахий, Никополь, Сердика, а болгары продвинулись в глубь Фессалии вплоть до Деметриады. К болгарам присоединились албанцы и сербы, а вскоре о своей независимости объявила Адриатика⁷⁶¹. Византийцам нанесли несколько мелких поражений, но осенью 1040 г. болгары были *разгромлены* при осаде Солуни, потеряв до 15 тыс. воинов. Между их вождями начались раздоры, и 3 июля 1041 г. Делеан был ослеплен конкурентом — Болгарским царевичем Алусианом⁷⁶².

На этот раз, почувствовав ответственность за судьбу отечества, император не стал отсиживаться в столице и, несмотря на тяжелую болезнь, *лично* отправился на войну. Он остановился лагерем у города Мосинополя, а потом нанес болгарам поражение у Прилепины. Следует сказать, что в этом походе проявились лучшие качества василевса — как человека и полководца. Постоянно находясь впереди своей армии, царь проявлял чудеса мужества. По ночам он едва дышал, мучимый недугами, но с наступлением утра первым вскакивал на лошадь и мчался верхом, будто что-то придавало ему новые силы. Окружающие его воины поражались тем переменам, которые происходили с ним, и очень гордились своим василевсом. Поняв, что его восстание обречено на провал, Алусиан явился в римский лагерь и сдался на милость победителя, получив взамен от императора не только жизнь, но и титул магистра. В итоге к декабрю 1041 г. спокойствие было восстановлено и в Болгарии, и на всем Балканском полуострове. После этого царь во всем блеске явился в Константинополь с трофеями и множеством пленных⁷⁶³.

Параллельно с Балканами оживилась Италия, где в 1038 г. произошло убийство нескольких византийских чиновников в Апулии, а в 1040 г. лангобард Аргир поднял мятеж против Византийского императора. Реакция Константинополя была быстрой: хотя василевс, по обыкновению, был болен, Орфанотроф распорядился направить в Италию в качестве катепана молодого и талантливого чиновника Михаила Дукеяна с приказом любой ценой восстановить порядок в Апулии. И тому *почти* удалось выполнить поручение. Собрав все римские войска в один кулак, катепан изобретательно потушил пламя мятежа, но затем допустил роковую ошибку. Возвращаясь с Сицилии, которую решил посетить, Михаил в Салерно

встретился с отрядом норманнов под командованием некоего лангобарда Ардуйна. Зная варягов как прекрасных воинов и полностью доверившись лангобарду, Дукеян назначил Ардуйна комендантом Мельфи, одной из самых главных горных крепостей на границе византийских владений в Италии. Конечно же, коварный лангобард решил использовать выпавший ему шанс в собственных целях. Едва прибыв в Мельфи, он начал склонять местных жителей на свою сторону, призывая совместно отомстить византийцам.

В марте 1041 г. Ардуйн тайно отправился в Аверсу, где легко набрал три сотни норманнских рыцарей, предложив тем совместно изгнать греков из Южной Италии и поделить завоеванные земли между собой. Разумеется, те не стали упорствовать. Первой пала Веноза, затем Лавелло и Асколи. Михаил Дукеян пытался консолидировать силы для борьбы с мятежниками, но 17 марта 1041 г. на реке Оливенто его армия потерпела страшное поражение от норманнов. Через несколько месяцев северные пришельцы вторично разгромили византийцев при Каннах⁷⁶⁴.

Известие об этих неудачах потрясло Константинополь. Михаила Дукеяна перевели в Сицилию помогать переправить остатки греческой армии Маниака на родину, а его сменил сын замечательного византийского полководца, бывшего катепана Италии Василия Буагина. Молодой человек не был лишен талантов своего отца, но не имел никаких военных подразделений, способных оказать сопротивление норманнам. А поэтому нет ничего удивительного, что 3 сентября 1041 г. те вновь разбили слабые греческие отряды в битве при Монтепелозо. Сам молодой Буагин попал в плен, и его провезли по улицам Апулии, чем подорвали авторитет византийского правительства. В результате в феврале 1042 г. норманны и лангобарды провозгласили своим королем Аргира⁷⁶⁵.

А как же отвергнутая царем Зоя? Увы, из всех заговорщиков, устранивших Романа Аргира, она ничего не приобрела и даже потеряла, обманутая во всех отношениях. Несмотря на возраст, императрица искренне полагала, будто и в дальнейшем Пафлагон будет любить ее, ведь ради него она пошла на страшный грех — убийство мужа и императора. Однако этого не произошло. А некогда первый советник, угодливый Иоанн Орфанотроф, бесстыдно выслал из дворца всех близких слуг Зои, окружил императрицу своими родственниками и приставил к ней стражу. Все, *буквально все* происходило по его приказу — прогулки царицы по Константинополю,

подготовка ванны, встречи с третьими лицами и, конечно, выдача денежных средств на личные расходы. В считанные дни императрица стала *нищенкой*, находящейся под домашним арестом, абсолютно зависимой от евнуха, — такого позора и унижения Зоя представить себе никогда не могла⁷⁶⁶.

В конце 1037 г. императрица попыталась избавиться от евнуха, надеясь вторым шагом примириться с императором — она все еще верила в его любовь, полагая, будто причина охлаждения отношения к ней Михаила IV заключается в интригах Орфанотрофа. Когда евнух приболел, она подкупила врача, чтобы лекарь дал тому яд. Однако старый интриган имел везде свои глаза и уши, и попытка сорвалась. Врача сослали в Антиохию, надзор за Зоей усилили. Императрица прекрасно понимала, что ей ничего не грозит: убить ее или ослепить означало для Орфанотрофа своими руками разрушить основания власти Пафлагона и его семьи. Но, неприкосновенная, она оставалась полностью беззащитной.

Впрочем, дела Орфанотрофа также складывались не самым блестящим образом. Хотя все высшее чиновничество, заполненное его родственниками, горой стояло за евнуха, средние и низшие круги Константинополя откровенно возмущались и беззастенчивым грабежом правительства, и бездействием царя. Иоанн Орфанотроф попытался укрепить авторитет власти Пафлагонцев и даже распространил по столице листовки, в которых отмечалось, будто бы Роман III еще при жизни венчал Михаила IV на царство и перед самой смертью одобрил его союз со своей женой, но никого обмануть было невозможно. Скоро весь Константинополь и вся Византия узнали об истинных событиях. Народ шумел, родовитая аристократия откровенно *брезговала* новой властью и искала лишь удачный повод, чтобы столкнуть Михаила IV и, главное, его старшего брата⁷⁶⁷.

«Первой ласточкой» стало дело Константина Далассина — несостоявшегося жениха императрицы Зои. Он спокойно отнесся к тому, что в свое время предпочтение императора Константина VIII было отдано Роману Аргирю, но откровенно возмутился, когда на трон взошел Михаил Пафлагон. Его мятежные речи в далекой Сирии были услышаны в столице, и обеспокоенный Орфанотроф направил к Далассину евнуха с предложением прибыть в Константинополь. Тот, встревоженный, потребовал гарантий собственной безопасности, и тогда другой евнух, присланный

к нему в имение, поклялся на святынях, что ничего с Константином не случится. Далассин явился к Орфанотрофу, был милостиво принят и награжден титулом *антипата*, а затем получил разрешение, похожее на приказ, остаться в столице.

В принципе Иоанн Орфанотроф действовал очень умело: он взял под непосредственный надзор одного из самых популярных аристократов Византии и внешне обласкал его, чтобы снискать авторитет среди представителей высшего света. Однако ширившиеся протестные настроения волей-неволей связывались именно с именем Далассина, особенно на Востоке, где были недовольны засильем «западных» выдвиженцев на государственных постах. Хотя Далассин жил уже в столице, вскоре брат царя Никита, назначенный дукой Антиохии, обезвредил заговор и арестовал 11 человек из числа сторонников Константина во главе с патрикием Елпидием. Это решило дело: 3 августа 1034 г. Далассин был арестован и отправлен в тюрьму. Вслед за этим кара обрушилась на весь знаменитый род Далассинов. Был арестован Константин Дука, женатый на дочери Далассина, протовестиарий Симеон пострижен в монахи, у патрикиев Гудела, Ваиана и Провата конфисковали имущество. Позднее, в 1038 г., были арестованы и отправлены в ссылку еще два брата Константина Далассина — патрикии Феофан и Роман, а также племянник Адриан и другие родственники⁷⁶⁸. В самой Антиохии волнения подавили чрезвычайно жестоко: более сотни граждан были посажены на кол, многие отправились в ссылку⁷⁶⁹.

Другой заговор был раскрыт летом 1040 г., и его главой стал аристократ *Михаил Керулларий*, впоследствии занявший престол Константинопольского патриарха. В число заговорщиков вошли многие члены семьи Керуллариев, включая его зятя, мужа сестры Иоанна Макремволита, а также представители многих знатных родов. Позднее, на следствии, Керулларий скажет, что заговор был вызван недовольством не по отношению к самому василевсу, а к Орфанотрофу и другим Пафлагонцам. Но, поскольку сместить их можно было только путем устранения от власти Михаила IV, то заговорщики предполагали сместить царя и заменить его более достойной кандидатурой. Почти наверняка новым василевсом должен был стать Михаил Керулларий, сын большого сановника, занимавшегося при царском дворе финансовыми вопросами. Уже в то время Михаил отличался от своих сверстников трезвым умом, честолюбием, серьезностью и решительным характером и имел все черты прирожденного

лидера. Вероятнее всего, заговор мог бы иметь успех, но, как обычно, кто-то из числа самих заговорщиков в последний момент струсил и донес обо всем Орфанотрофу. Мятежных аристократов арестовали, но, к удивлению, обошлись довольно мягко: имущество братьев Керуллариес конфисковали, самого Михаила насильно постригли в монахи, остальных сослали⁷⁷⁰.

Летом этого же года был раскрыт еще один заговор, участники которого понесли более суровое наказание. Его организаторами опять стали представители старых аристократических родов: Михаил Гавр, Феодосий Месаникт, Григорий Таронит — все из среды высших воинских начальников.

Эти события, а также болезнь Михаила IV вынудили Иоанна Орфанотрофа искать дополнительные гарантии для своей семьи. У Зои от брака с Пафлагоном детей не было и быть не могло, пытаться выдать ее еще раз замуж за представителя семьи Пафлагонов являлось чистой утопией. Поэтому Иоанн придумал вариант с *усыновлением* императрицей кого-нибудь из числа своих молодых родственников. Для начала он хотел предложить в качестве «сына» своего брата Никиту, дуку Антиохии, но тот скончался в 1034 г. В этой связи выбор пал на племянника Орфанотрофа и Михаила IV *Михаила Калафата*, занимавшего должность этериарха. Орфанотроф не без труда убедил василевса венчать того цезарем (кесарем) — царь откровенно недолголюбивал своего племянника, впрочем, как и сам евнух; однако другой кандидатуры не нашлось. Конечно, это не было соимператорством, но, напомним, со времен императора Диоклетиана кесарь официально считался первым претендентом на царство. Понятно, что желанием Зои никто не интересовался — она была вынуждена во всем повиноваться все-сильному евнуху. И в конце 1034 г. во Влахернском дворце состоялась торжественная процедура возведения Калафата в сан *кесаря Римской империи*⁷⁷¹.

Человек, вошедший в элиту Византии, обладал всеми пороками своего дяди Иоанна Орфанотрофа, но не имел никаких добродетелей. Свое прозвище он получил от отца, судовщика Стефана, занимавшегося чернением смолой днища кораблей. При новой власти тот стал друнгарием флота, но аристократия откровенно не желала принимать его, безродного выскочку, в свои ряды. Аналогичная судьба ждала и Михаила Калафата, которого терпели, но не любили. И, надо сказать, было за что.

Несмотря на молодые годы, Михаил Калафат был широко известен своим высокомерием, лукавством, хитростью, раздражительностью и полной неразборчивостью в средствах для достижения поставленной цели. Даже сам Иоанн Орфанотроф, спустя короткое время, разочаровался в собственном выборе и подумывал о том, чтобы заменить Калафата другим племянником, но *слишком* долго колебался, а потому так и не смог реализовать свой план.

Между тем болезнь царя усиливалась. Помимо эпилепсии, у него открылась водянка, и вид императора был ужасен. Михаил IV много жертвовал монастырям и возвел несколько храмов, желая загладить свои грехи, но ничего не помогало. Он весь распух, и его пальцы приняли гигантские размеры. Тогда, почувствовав приближение смерти, Пафлагон совершил акт, крайне неприятный для Орфанотрофа, — он принял постриг в возведенном им на собственные средства монастыре Святых Бессребренников. 10 декабря 1041 г., отправляясь в храм, император хотел обуться, но не нашел кожаных сандалий, забытых рассеянным слугой. Тогда василевс *босиком* (!) отправился в храм, поддерживаемый под руки монахами, а по окончании Таинства пострижения вернулся в келью и в тот же день скончался⁷⁷². Скромность Михаила IV проявилась и после смерти — по предварительному приказу василевса, его похоронили в этом же храме по левую сторону от входа, перед алтарем⁷⁷³.

Любопытно, что Зоя, узнав о том, что император умирает, обезумела от горя и, забыв все обиды, пешком бросилась в обитель. Она хотела сказать последние слова любви своему возлюбленному, нежное чувство к которому все еще жило в ее душе. Однако, желая умереть в мире и спокойствии, Михаил отказался принять императрицу, и Зоя вернулась во дворец, где и узнала о кончине царя⁷⁷⁴.

Глава 2. Неблагодарный «сын»

Безусловно, это был тяжелый удар для Пафлагонцев. Даже «железный» Иоанн Орфанотроф три дня находился в монастыре близ тела покойного брата, оплакивая его смерть. Тяжелые думы мучили *пока еще* всесильного евнуха: он не доверял Калафату, но не мог придумать, каким способом отставить племянника от власти, не утратив одновременно с этим своего влияния. В это время в ситуа-

цию деятельно вмешались другие родственники Калафата во главе с дядей Константином, всегда недолюбливавшим Орфанотрофа за то, что тот единственный из семьи вознесся так высоко. Они убедили евнуха, что никакой альтернативы Михаилу нет, а потому — надо действовать. «Кесарь не являлся неприкосновенной фигурой, а императрица способна найти себе нового мужа или просто передать царскую власть другому кандидату», — говорили евнуху. В таком случае Пафлагонцам не только пришлось бы уйти с прибыльных должностей в отставку и в забвение, но, возможно, и поплатиться жизнью за яркий взлет к вершинам властной пирамиды. Кто-кто, а Орфанотроф уж достоверно знал, *какая ненависть* скопилась в душах аристократии и простого населения к случайным выскочкам.

И сразу после погребения Михаила IV, состоявшегося 13 декабря 1041 г., была разыграна очередная сцена, чтобы привести Калафата на царство. Нет, его не собирались женить на Зое: во-первых, Калафат был уже женат, а, во-вторых, третий брак императрицы был бы с канонической точки зрения сомнительным. Кроме того, кто же входит в одну и ту же воду второй раз? И Орфанотроф придумал новый, оригинальный и ловкий план, должный своей неожиданностью привести императрицу в замешательство. После чего, используя ее состояние, можно было попытаться при помощи лести навязать царице нужное решение.

Неожиданно для Зои в ее покои вошли члены семьи Пафлагонов во главе с Иоанном Орфанотрофом и Калафатом. Они пали ниц перед царицей и заявили, что та может поступить по собственному усмотрению: или править самостоятельно, или возвести на престол *своего «сына»*, Михаила Калафата, который якобы будет являться лишь номинальным царем при Зое. Естественно, Зоя была ошеломлена: она действительно думала о том, что с ней будет дальше, но никак не ожидала такого предложения. Чтобы окончательно устранить все подозрения императрицы, Калафат тут же дал клятву на святынях, что всю свою жизнь будет относиться к Зое, как матери и своей госпоже, выполняя все ее требования и желания. Здесь следует сказать, что Зоя очень боялась Орфанотрофа, и не только потому, что физически ощущала его превосходство перед собой в интриге и силе характера. Представим себе — *стареющая*, одинокая и беззащитная женщина оказалась окруженной группой мужчин, легко способных тут же в случае

отказа убить ее. То, что евнух готов к этому, императрица знала не понаслышке. Собственно говоря, никакой альтернативы у нее не было. Зоя сдалась, и 26-летний Калафат был объявлен ею новым императором Византии **Михаилом V⁷⁷⁵**. Как и раньше, столичный патриарх послушно исполнил волю императрицы.

В первые дни всем казалось, что Михаил Калафат выполнит свои обещания: он раболепствовал перед Зоей, величал ее «моя царица», «моя госпожа», но вскоре отставил в сторону ненужный более «политес». Крайне амбициозный, Михаил V решил сделать то, на что не решался даже Орфанотроф, — создать собственную династию и окончательно удалить представителей Македонского дома от власти. Он был молод, имел жену и вполне обоснованно полагал, что сумеет родить наследника царского трона, *своего* наследника.

Правда, для этого нужно было найти для себя опору в общественных кругах. Аристократия, шокированная его появлением в царском платье, ни при каких обстоятельствах не могла стать союзником самозванца, которого считала *узурпатором*. Зато оставался простой народ, чье признание Калафат решил приобрести довольно простыми средствами. Неглупый и достаточно хорошо ориентирующийся в государственных делах, Михаил V прекрасно понимал, какое недовольство вызвала в широких массах политика Пафлагонцев, обиравших население. И неожиданно для всех василевс провозгласил себя *защитником закона и прав римских граждан*.

Вскоре после воцарения он выпустил из тюрем всех аристократов, кого туда ранее направил Иоанн Орфанотроф, хотя ранее конфискованное у них имущество не вернул. Затем Калафат освободил Константина Далассина, но тут же приказал постричь того в монахи — для пущей безопасности своей власти. Он отменил непопулярные финансовые налоги и сам часто заседал в суде, неизменно решая дела в пользу простых граждан. Популярность узурпатора в народе быстро росла: ремесленники и купцы души не чаяли в новом царе, защищавшем их интересы нередко в ущерб родовитой аристократии. Когда император проезжал по столице, его бурно приветствовали толпы народа. Впрочем, зная переменчивость настроений толпы, Калафат озаботился создать при себе отряд из иностранных телохранителей, предоставив тем ранее невиданные почести и льготы.

Исправляя ошибки предыдущего правления, Калафат вернул из ссылки Георгия Маниака и отправил в Италию, где положение византийцев в последние годы резко осложнилось. Тот нанес врагам тяжелое поражение в апреле 1042 г. при Драгине, и всем казалось, что положение дел в Римской империи скоро поправится⁷⁷⁶. Следует сказать, что наступление византийской армии в Италии произвело страшное впечатление на современников. Солдаты, а в массе своей они были наемники, не щадили никого на своем пути, сжигая города и убивая даже монахов и монахинь. Города Монополи, Матера и Джовинаццо срочно запросили о пощаде. И если бы не последующие события в Константинополе, византийцы имели все основания восстановить свое положение на полуострове⁷⁷⁷.

Одновременно с этим Михаил V начал постепенно, но *публично* отставлять своих родственников от должностей. Надо сказать, Калафат, в отличие от Иоанна Орфанотрофа, совершенно не заботился о своей родне — его интересовала лишь собственная участь. Кровная близость казалась ему «детской игрушкой», и, по словам современника, он ничуть бы не расстроился, если бы вдруг всех его родственников накрыло морской волной⁷⁷⁸. Затем настал черед самого Орфанотрофа. Первоначально Калафат осторожно начал возражать дяде на заседаниях синклита, а затем, обвинив во всех грехах, сослал на удаленный остров, где тот и скончался в 1043 г. Вслед за ним на алтарь победы были принесены оставшиеся родственники из семьи Пафлагонов: их безжалостно оскотили и ссылали. Исключение составил лишь дядя Михаила Калафата Константин, которому он пожаловал титул *новеллиси́ма* — тот всегда и во всем поддерживал своего племянника⁷⁷⁹.

Все было бы хорошо, но тут Михаил V совершил роковую для себя ошибку: он решил, что дело уже сделано, и императрица Зоя, его «мать», может быть безболезненно отстранена от власти. Этот процесс также происходил постепенно. Вначале, окруженный группой льстецов в неизменном присутствии дяди Константина, Михаил бурно негодовал, что имя царицы провозглашали первым перед ним. Однажды, «в сердцах», он даже, говорят, признался, что готов откусить свой язык, некогда назвавший Зою «госпожой». Однако Калафат не учел той популярности в народе, которую снижали себе предыдущие представители славной Македонской династии. А также того простого обстоятельства, что его царствование до тех пор оставалось легитимным в глазах константинопольцев,

пока *над ним* возвышалось имя Зои, власть которой пусть даже оставалась номинальной.

Пожалуй, самым испытанным способом убрать ненужную, как ему казалось, Зою являлась естественная кончина царицы, но для этого Калафат был *слишком нетерпеливым*. А отравить «госпожу» представлялось очень опасным — никто не мог предсказать последствий такого заговора, о котором так или иначе все равно прознали бы в народе. Любопытно, что, подготавливая свой план, Михаил совершенно забыл о Феодоре, которая тем временем все еще жила в монастырской обители, вознося свои молитвы к Богу. Узурпатор даже не думал, жива она или нет, и кто она вообще такая — отличная характеристика знаний человека, решившего посягнуть на императорскую корону⁷⁸⁰. Между тем существование Феодоры как законнорожденной царевны также сыграет свою роль в грядущих событиях, о чем Калафату нужно было бы позаботиться заранее.

В общем, недолго думая Калафат приказал в величаниях ставить имя Зои на второе место после своего, а затем, ложно обвинив «мать» в волшебстве и составлении ядов, предал ее суду. В воскресенье, 18 апреля 1042 г., он отправил царицу на остров Принца, расположенный неподалеку от столицы, где Зою постригли в монахини. Стоит отметить, что при всем своем сложном характере та проявила себя настоящей порфирородной императрицей. Прежде чем взойти на судно, она спокойно подняла глаза к царскому дворцу, помянула всех своих царственных родственников, отдав особую дань любви и уважения василевсу Василию II Болгаробойце, и отдалась воле Провидения. В обители она возблагодарила Бога, сохранившего ей жизнь, и принесла дары монастырю⁷⁸¹.

Как только это произошло, в ближайшем окружении Калафата мнения разделились. Некоторые члены синклита открыто поддерживали Михаила, объявившего *новую причину* отстранения царицы от власти — будто бы императрица пыталась устроить заговор и убить его. Но большинство благоразумно промолчало, в душе негодуя на поступок узурпатора. А Константинопольский патриарх Алексей III Студит горячо выступил в защиту сверженной царицы. В бешенстве Калафат приказал лишить того престола, о чем и поведал в своем обращении к народу, зачитанному на следующий день⁷⁸².

Но в ответ в столице начались беспорядки, охватившие собой все слои греческого общества — от простых ремесленников до аристократов. Все придворные партии, конкурировавшие друг

с другом, объединились против общего ненавистного врага, осмелившегося поднять руку на *законную императрицу*. Когда утром 19 апреля 1042 г. эпарх города патрикий Анастасий явился на центральную площадь, дабы огласить царский манифест о причинах удаления Зои от власти, его забросали камнями. Раздался крик: «Не хотим иметь Калафата царем! Верните к власти нашу *матушку Зою*, урожденную и законную нашу царицу! Разнесем кости Калафата! Где ты, наша единственная, душой благородная и лицом прекрасная? Где ты, одна из всех достойная всего государства господжа, царства законная наследница, у которой и отец — царь, и дед, и деда родитель?»⁷⁸³

Толпа направилась к царскому дворцу, открывая по дороге тюрьмы и выпуская арестованных. Калафат струсил и упал духом, тем более что часть его иностранных телохранителей перешла на сторону восставших. Единственным, кто сохранил самообладание, был его дядя новеллисим Константин, поспешивший домой, собравший и вооруживший челядь для боя с толпой. В константинопольцев полетели стрелы и дротики, и, как говорят, число жертв с обеих сторон достигло 3 тыс. убитых.

А тем временем по приказу василевса быстроходный корабль направился на остров Принца и доставил во дворец бывшую императрицу. Михаил Калафат потребовал от Зои принести клятву, что после прекращения волнений она не станет претендовать на власть, и испуганная женщина, чувствуя близость смерти, поспешно промолвила требуемые слова. Ее быстро переодели в царское платье и выставили напоказ народу, надеясь таким способом утихомирить восставших⁷⁸⁴. Но было уже поздно.

В храм Святой Софии, ставший штабом восстания, явился патриарх Алексей III Студит с представителями партии царевны Феодоры, казалось, давно уже забытой в монастырской обители. Они быстро договорились с приверженцами Зои, что царствовать обе сестры должны *одновременно*. И, не медля, направили своих представителей в монастырь Петрий, где и пребывала Феодора. Конечно, той очень хотелось вернуться в привычную обстановку царского дворца, и она дала свое согласие на царство, но не сразу, опасаясь подвоха. Прибыв в столицу, Феодора провела ночь в патриарших покоях, где было относительно безопасно. А 20 апреля 1042 г., во вторник, объявила Михаила Калафата низложенным,

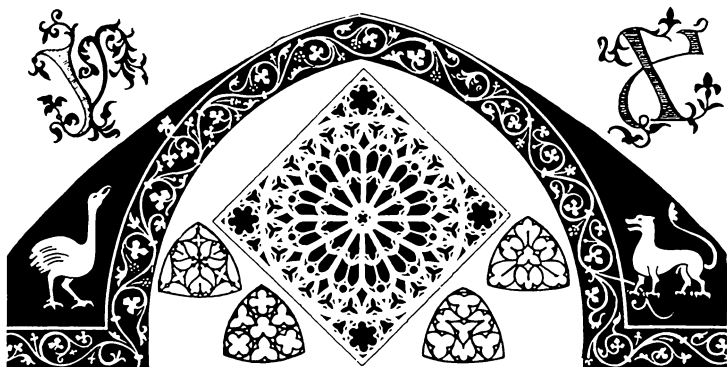
а себя — *Римской императрицей*; Зоя все еще оставалась заложницей в собственном дворце⁷⁸⁵.

В среду вновь была предпринята попытка штурма дворца Калафата, но уже по всем правилам осады и с именем царицы Феодоры на устах. Вскоре ворота рухнули, и восставшие ворвались внутрь помещений. Калафат и его дядя еле успели сесть на судно, чтобы искать защиты в Студийской обители. Но и там их ждало разочарование: посланные Зоей и Феодорой воины во главе с новым епархом Константинополя Никифором Кампанаром схватили обоих. Напрасно Калафат плакал и умолял монахов постричь его в иноки — те не смогли сопротивляться напору толпы и выдали его вместе с Константином, лишь взяв клятву с епарха, что с арестованными не случится ничего дурного. Михаила V и Константина повели до площади Сигма, где их уже поджидали палачи с орудиями для ослепления.

Ни слова не говоря, новеллисим Константин лег на землю и без малейшего звука терпел, пока палач ослепит его. Затем он встал, оперся на руку своего слуги и стал беседовать с окружающими. Напротив, Калафат катался по земле, плакал, умолял о пощаде. Его даже пришлось связать, чтобы палач смог довести свое дело до конца. На следующий день, 21 апреля 1042 г., Калафата и Константина провезли на мулах по улицам Константинополя, а затем отправили в ссылку в монастырь Элегмон, где позже Михаил Калафат скончался в полной неизвестности⁷⁸⁶. К слову сказать, здесь выяснились некоторые масштабы воровства, организованного семейством Пафлагонов. Лишь у одного новеллиссима Константина, дяди царя, было конфисковано после ареста 53 кентария золота, т.е. более 300 тыс. золотых номисм — баснословная сумма!⁷⁸⁷

Закончилось время господства семьи Пафлагонов, наступила пора царствования двух императриц, двух родных сестер Зои и Феодоры. Права Македонской династии были восстановлены византийцами при полной пассивности двух порфирородных императриц. Пожалуй, если и можно говорить о вершине монархического сознания византийцев, победе духа над материальными силами, то именно применительно к описанным событиям...





ЛИИ. ИМПЕРАТРИЦЫ ЗОЯ (1042–1050) И ФЕОДОРА (1042–1056), ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН ІХ МОНОМАХ (1042–1055)

Глава 1. Три императора

Открывшаяся после свержения Михаила V Калафата историческая эпоха была богата грандиозными, *вселенскими* событиями, а также весьма оригинальными формами самодержавной власти, с которыми нам предстоит познакомиться.

Итак, 21 апреля 1042 г. в Византийской империи возникла беспрецедентная ситуация — царский трон оказался занятым двумя женщинами. Конечно, и раньше императрицы при некоторых обстоятельствах получали самодержавную власть в Римском государстве, но, как правило, в качестве опекунов собственных царственных сыновей (и только до периода их взросления), либо для того, чтобы в скором времени передать ее мужчинам. Единственное исключение составила императрица св. Ирина, ненадолго ставшая самодержавной императрицей. Теперь же императриц стало сразу *две*, и никаких сыновей у них не было. Не было и мужей, которые могли разделить с ними ответственность за судьбу Римской империи.

Первоначально всем казалось, что царствие двух порфирородных цариц гораздо полезнее государству, чем владычество мужчин,

не имеющих прямого отношения к императорской династии, — слишком уж свеж был в памяти у всех Михаил Калафат. Поэтому никто даже не делал попыток предложить царский венец какому-нибудь достойному представителю знатных аристократических родов, которыми была богата Византия. Правда, опасались отчуждения, давно уже поселившегося в сердцах сестер по отношению друг к другу. Однако упорство представителей обеих партий, чувство патриотизма и здоровое монархическое чувство византийцев смогли преодолеть субъективную неприязнь двух женщин, в буквальном смысле слова *заставив* тех примириться. Сестры сошлись и стали править совместно.

Чтобы устранить размолвки между императрицами, старый церемониал постарались подстроить под обеих. Зоя и Феодора восседали вдвоем на царском троне в одну линию, слегка отклонявшуюся в сторону младшей сестры, рядом стояли *равдухи* (воины, исполнявшие «полицейские» функции при василевсах), позади — самые близкие к сестрам придворные. Еще дальше находилась вторая стража гвардейцев и потом уже синклит, в состав которого по должности входили новеллисим, протоспафарии, спафарокандидаты, спафарии и наиболее знатные патрикии. Все государственные дела сестры решали сообща в присутствии сановников⁷⁸⁸.

Однако вскоре всем стало ясно, что новая практика царствования двух женщин обречена на провал. Как только прошло первое опьянение от победы, сторонники обеих сестер утратили былые иллюзии. Зоя и Феодора со всей очевидностью демонстрировали полное неумение править Римской империей, и деньги, некогда собранные с великой бережливостью императором Василием II Болгаробойцей, очень быстро были похищены казнокрадами. Дошло до того, что средств на содержание армии катастрофически не хватало, и постепенно победоносные византийские войска начали утрачивать свою боевую выучку.

Идиллия продолжалась чуть более месяца. А затем все сошлось в убеждении, что нужна твердая мужская рука, способная управлять Римской империей. С учетом бездетности цариц единственный способ найти государству царя, соблюдая интересы и права Македонской династии (а это для всех представлялось безусловным), состоял в замужестве одной из сестер. Как и раньше, мнения разделились: одни считали, что замуж должна выйти Зоя, другие ратовали за права Феодоры, напоминая, *чем* обернулись для Ви-

зантии два предыдущих брака императрицы. Однако Феодора, благочестивая девственница, по-прежнему испытывала жесткое неприятие к супружеству, а потому невольной победительницей в заочном соревновании стала 64-летняя Зоя. Теперь оставалось подыскать ей достойного жениха, что также оказалось совсем не простым делом.

Первоначально взоры элиты обратились в сторону Константина Далассина, которого еще император Константин VIII прочил в женихи своей дочери. Того срочно вызвали из монастыря, где он пребывал в молитвенном уединении, и представили Зое. Но Константин произвел на нее плохое впечатление — его суждения об обязанностях царя перед Римским государством показались легкомысленной императрице слишком категоричными и резкими; в результате Далассин был отправлен обратно в монастырь. Представили нового кандидата — катепана Константина Артоклина, молодого и красивого мужчину. Как злословили, некогда Зоя была влюблена в него, тогда еще секретаря василевса Романа III Аргира, и император, сохраняя честь царской семьи, даже отослал молодого чиновника под благовидным предлогом на периферию. Конечно, Зоя немедленно согласилась венчаться с ним, но тут в дело вмешалась супруга Константина, которая не была столь покорной, как некогда жена самого Романа Аргира. Она *отравила* мужа, полагая, что Константин должен принадлежать либо ей, либо никому. В конце концов выбор придворных партий пал на *Константина Мономаха*, с именем которого у Зои также были связаны хорошие воспоминания⁷⁸⁹.

Род Мономахов был знатным, но не древним — только в X веке его представители сумели войти в элиту Римской империи. Отец Мономаха являлся чем-то вроде министра юстиции Византии, сам Константин к тому времени стал уже сенатором. Его несколько затянувшееся в молодости продвижение по карьерной лестнице сменилось резким взлетом, когда он после смерти первой жены женился на племяннице императора Романа III Аргира, дочери Пульхерии и Василия Склира. Красивый и статный мужчина, которому исполнилось 50 лет, невольно пленил сердце Зои, и в свое время Иоанн Орфанотроф выслал его от греха подальше на остров Лесбос. Там Константин Мономах пребывал несколько лет в полном забвении и даже подумывал о том, чтобы принять постриг. Единственным утешением и отрадой для него стала племянница

второй жены Склирена, в которую он по-настоящему влюбился и с которой сошелся, — супруга к тому времени уже тоже умерла. Склирена так привязалась к Константину, что последовала за ним в ссылку и там скрашивала дни уже немолодого человека.

Зоя не забыла своего бывшего фаворита и сразу после возвращения на царство назначила того судьей в фему Эллада. Но не успел Константин отплыть, как его срочно вызвали в Константинополь. Он предстал перед императрицей, очаровал ее своим видом и манерами, что и решило дело. Около столицы для Мономаха разбили специальную площадку, где в шатре его поджидало царское платье, а вокруг со славословиями толпился народ. Все решилось моментально, а потому уже 11 июня 1042 г. протопресвитером храма Святой Софии Стипом было совершено торжественное венчание их как мужа и жены — Константинопольский архиерей Алексей III передоверил эту обязанность священнику. Но 12 июня 1042 г. уже сам патриарх венчал **Константина IX Мономаха** на царство⁷⁹⁰.

Интересный момент — после замужества Зоя торжественно провозгласила в своем манифесте, что этот брак *претит ее понятиям о чести*, но ради мира в Римском государстве она готова принести в жертву даже собственное имя. Это публичное обращение к народу Империи, совсем не лишнее, дало «благородное» объяснение третьему браку обоих супругов и заранее обезоружило патриарха Алексея III. Дело в том, что тот был всецело на стороне благочестивой Феодоры, которой некогда предоставил пристанище. Поэтому патриарх категорически отказался венчать царей, но короновал Мономаха на царство — здесь он был уже бессилен что-либо сделать. Надо сказать, поведение архиерея очень не понравилось царю, и кто знает, куда зашли бы их отношения, но 20 февраля 1043 г. Студит скончался⁷⁹¹. Царь по-своему отомстил недругу: прослышав, что за время своего патриаршества Алексей III скопил значительную сумму денег, Момах приказал отправиться в его покои и забрать в государственную казну все средства. Их оказалось около 25 кентариев — громадная сумма.

Хотя права Константина на царство естественным образом вытекали из порфирородного статуса Зои, нельзя сказать, что его положение в первые годы отличалось устойчивостью, и именно по причине третьего брака царственных супругов. С одной стороны, византийцы продемонстрировали силу своего монархического правосознания и верность традициям, вернув двух монахинь

на трон. С другой стороны, византийское общество, выступившее единым фронтом против узурпатора, по-прежнему делилось на сторонников и противников Зои и Феодоры. В такой ситуации любая «мелочь», как, например, осуждаемый Церковью третий брак, или крупная политическая фигура, к которой издавна относился Константинопольский патриарх, могли развезть в прах сомнительный по крепости тройственный союз двух императриц и василевса. С учетом этого император поспешил с выбором нового столичного архиерея, надеясь опереться на человека, как ему казалось, известного своей преданностью Македонской династии, благородного, умного и твердого. И Константин IX остановил свой выбор на *Михаиле Керулларии* (1043—1058), с которым лично не был знаком, но, безусловно, много наслышан.

Как писалось выше, незадолго перед этими событиями Керулларий принимал самое деятельное участие в неудавшемся заговоре против Михаила IV Пафлагона, и эта история имеет свое продолжение, позволяющее охарактеризовать Михаила. Во-первых, осужденный как заговорщик, Михаил Керулларий далеко не сразу согласился постричься в монахи по приказу царя, и не потому, что категорично не желал для себя духовной карьеры, а в связи с тем, что полагал принципиально неправильным принимать ангельский чин в виде наказания. Во-вторых, ему, родовитому аристократу и человеку с глубоким умом и сильным характером, было невыносимо видеть, как царское достоинство достается изначально слабым личностям, а *не ему*. Человек властный и решительный, всегда готовый пойти на риск ради поставленной цели, он, по словам современников, мог быть и царем, и патриархом — в зависимости от обстоятельств. Кем именно — не играло никакой роли, лишь бы Михаил чувствовал себя на верху властной пирамиды⁷⁹². «Замечательную» характеристику патриарху дал один из его сподвижников: «Стремление к царской власти, желание царствовать над всеми, желание движением бровей потрясать небо и Олимп, заставляло его пренебрегать самыми священными вещами».

После смерти императора Михаила Пафлагона Михаил V Калафат разрешил ему вернуться из ссылки в столицу, хотя вскоре глубоко в этом раскаялся — Керулларий вовсе не собирался прекращать политической деятельности, даже надев монашеское платье. Возможно, его судьба сложилась бы более печально, но Калафата, по счастью, лишили царства. Почему-то Мономах ре-

шил, что при узурпаторе Керулларий боролся за права царственных сестер — удивительная неосведомленность и недальновидность, предопределившие ошибку императора. Впрочем, без всякого сомнения, императору импонировал глубокий ум и опыт Михаила в политических дела. Возраст и альковные забавы порядком утомляли василевса, и он надеялся приобрести в лице Керуллария верного помощника в государственных вопросах.

Буквально в течение месяца монах прошел все степени посвящения и 25 марта 1043 г. стал новым Константинопольским патриархом. Эта поспешность посвящения потом будет неоднократно вменяться в вину Керулларию со стороны Римских епископов⁷⁹³. Свое назначение Михаил, имевший очень высокое мнение о себе, принял как проявление Божественного Промысла и всю энергию положил на то, чтобы занять в Римской империи высшую ступень власти. Императором ему стать не пришлось, но ведь Константинопольский патриарх, как считал Керулларий, не уступает по статусу василевсу, а в чем-то даже *превосходит* — Михаил был знаком с «Константиновым даром» и искренне верил в его подлинность. Ему оставалось лишь определить время, когда можно будет обеспечить себе «настоящие», наивысшие полномочия столичного патриарха в Римском государстве по аналогии с теми, какие он имел в Восточной Церкви.

Это был не очень сложный по исполнению план, поскольку в эпоху «проходящих» императоров и нынешнего состояния политической власти Константинопольский архиерей постепенно вернул себе утраченные при бывших царях Македонской династии и амбиции, и авторитет. Керулларий не являлся бунтовщиком и мятежником и вовсе не собирался свергать царскую власть — просто он был убежден, что в силу ослабления Церкви в былые годы Константинопольские патриархи *оказались лишенными* по своему волюю отдельных василевсов присущих им по статусу прав.

Однако вернемся к василевсам. Надо сказать, Константин Мономах в действительности остался верным своему слову: он ни в чем не стеснял царственных сестер, и в официальных актах значилось не только его имя, но и Зои с Феодорой. Помимо этого, и законы подписывались *всеми императорами*, чтобы не нарушить права последних представительниц Македонской династии. Каждая из императриц пользовалась известной свободой действий и по негласной договоренности могла отдавать распоряжения, обязательные для всех лиц.

Удивительно, но в течение нескольких лет их совместного правления Римскую империю не посетил ни один политический кризис — все как-то улаживалось само собой. Так продолжалось до 1050 г., когда Зоя умерла. Теперь Константин IX продолжал править совместно с Феодорой, хотя их отношения резко ухудшились. Кто-то из сторонников Феодоры попытался отстранить Мономаха от власти, ссылаясь на ее статус последней порфирородной царицы. При неопределенности порядка наследования трона византийцы интерпретировали традиции необычайно широко. И положение императора-вдовца далеко не для всех предполагало непереносимое сохранение за ним и впредь царских полномочий. Конечно, Константин IX быстро пресек такие разговоры, причем без применения силы, но инцидент не забыл, постепенно *отодвинув* соправительницу в тень. Феодора тяжело переживала унижение, много позднее с горестью вспоминая о тех годах⁷⁹⁴.

Надо объективно сказать, что в лице Константина Мономаха на Византийский престол взошел далеко не однозначный для оценки человек. Человек опытный и благородный, мудрый и осторожный, прекрасно ориентирующийся в международных делах и вопросах управления государством, он имел многие слабости, нередко обесценивающие его качества прирожденного царя. Никто не мог сказать, что василевс глуп или необразован — напротив, все отмечали его высокие интеллектуальные способности. Император никогда не был заносчивым, не мстил никому из своих бывших недоброжелателей, умел найти подход к любому и отыскать компромисс даже в самых трудных ситуациях. Его речь была полна очарования, и веселое выражение лица всегда сопровождало Константина IX — казалось, он просто *не умеет* хмуриться или гневаться. Мономах обладал замечательной памятью и острым умом, был опытен в политических делах и умел держать себя в руках, очень и очень редко давая место гневу. По обыкновению, василевс часто заседал в суде, и вел дело так красиво и просто, что обе стороны — и проигравший, и победитель, уходили от него довольными⁷⁹⁵.

Более того, желая покровительствовать культуре и науке, император приблизил к себе таких ученых мужей, как Михаил Пселл, Константин Лихуд, Иоанн Ксифилин, Иоанн Мавропод, открыл в 1045 г. в Константинополе философский факультет и школу правоведения⁷⁹⁶. При нем была почти полностью прекращена продажа должностей⁷⁹⁷. Именно на время правления Константина IX приходится небывалый расцвет византийской культуры и резкое

повышение интеллектуального уровня столичной аристократии и чиновничества, несколько упавший в периоды нескончаемых войн при императоре Василии II⁷⁹⁸. Можно было еще долго перечислять его достоинства, но пора сказать и о недостатках. Как сказал один автор, «император Константин IX являлся более уверенным в себе человеком, чем Константин VIII, более трезвым политиком, чем Роман III. У него оказалось более крепкое здоровье, чем у Михаила IV, и он был менее своевольным деятелем, чем Михаил V. Однако он нанес Империи больше вреда, чем все они, вместе взятые»⁷⁹⁹. Если здесь и есть преувеличение, то небольшое.

В отличие от Калафата глубоко осознававший обязанности Римского царя перед Богом и народом, Мономах нередко с завидным легкомыслием ставил собственные желания и прихоти выше политических нужд. Иногда он казался *легковесным романтиком*, откровенным в своей любви и ненависти и лишенным даже тени ставшей притчей во языцех греческой хитрости. Если он кого-то любил, то отдавал такому человеку все, что угодно. Константин IX был податлив чужому мнению, любил выпить и поесть, а еще более — общество красивых женщин⁸⁰⁰.

Вообще, женщины были его самым слабым местом и причиной других, малопопулярных в народе деяний императора. Желая произвести должное впечатление на своих избранниц, Мономах легко тратил на них громадные суммы денег, полностью истощая государственную казну. Кроме того, уже давно не молодой человек, больной и зачастую даже немощный, Константин IX временами просто *физически* не мог управлять Римской империей. Как следствие, император доверил управление государством своим выдвиженцам, расставив тех на самые высокие должности, а сам предался отдыху и покою. Конечно, это мало способствовало укреплению верховной власти и политической стабильности Византии.

Глава 2. Любовные увлечения и политические волнения. Смерть Мономаха и самодержавное правление Феодоры

Пожалуй, самой тяжелой ошибкой Мономаха стало забвение интересов римской армии и крестьянства. Мелкое хозяйство к тому времени пришло в сильное запустение, зато крупные землевладель-

цы получили невиданные ранее преференции, включая полное освобождение от налогов. Более того, они приобрели судебный иммунитет и сами стали судить зависимых от них крестьян. Как следствие, властители не только выпали из сферы государственного подчинения, но и приобрели едва ли не абсолютную власть на своих землях. Даже столичным чиновникам запрещалось вступать на их земли без разрешения. И теперь властители начали содержать собственные армии и аппараты чиновников, что привело к решительному оскудению государственной казны. Как следствие, казна была вынуждена пойти на порчу монет и уменьшить запас золота и серебра, содержащихся в них. И византийская номисма, которая на протяжении нескольких столетий верой и правдой служила Римскому государству, утратила свой авторитет и влияние в мире⁸⁰¹.

Разумеется, при уменьшающихся доходах начали в первую очередь экономить на армии. Стоит ли удивляться, что вскоре успехи византийского оружия пошли на убыль, хотя общий уровень военной подготовки солдат и командиров пока еще сохранялся?! В результате успехи сменялись поражениями, порой очень тяжелыми. Правда, первое время военная машина Византии еще справлялась с врагами. В 1043 г. случилось нападение русских на византийскую столицу после того, как один из их знатных воинов случайно погиб в Константинополе. Тщетно Мономах предлагал Киевскому князю *Ярославу Мудрому* (1016—1018, 1019—1054) различные способы удовлетворения — все было тщетно. В завязавшейся войне удача улыбнулась византийцам: флотоводец Василий Феодоракан разбил русский флот, а последующая буря окончательно разметала их суда. Часть пленных русских греки ослепили, другим отрезали правую руку. Вслед за этим с Ярославом был заключен мирный договор⁸⁰². Другой удачей стала летняя кампания в Армении 1045 г. Тогда византийская армия заняла город Ани, и правитель Анийского царства *Гагик II* (1042—1045) стал почетным пленником в царском дворце. В качестве компенсации в скором времени ему была предоставлена фема Харсиан в Анатолии — далеко не самый печальный финал истории его царствования.

Император не подозревал, что судьба уготовила ему и Византии куда более опасного врага — *печенегов*. Это громадное племя тюркского происхождения неоднократно обращало на себя внимание византийской дипломатии, когда нужно было за счет печенегов стреножить неумных болгар или отважных русских воинов. Но по-

сле падения Болгарии внезапно печенеги стали соседями византийцев и уже вскоре начали серьезно угрожать их землям. Разделенные на 13 колен, печенеги кочевали на пространстве от берегов Днепра до Дуная. Но затем их начали теснить *узы* (*половцы*), и по разрешению Константина Мономаха римский правитель придунайских городов Михаил открыл им проход в глубь территории Римской империи. Благодарные печенеги даже во множестве приняли Святое Крещение, но это не повлияло на их свирепый нрав. В скором времени римское правительство оказалось вынужденным выкупать тысячи своих подданных из плена крещенных варваров⁸⁰³.

Зимой с 1048 на 1049 г. печенеги в количестве 800 тыс. человек перешли Дунай, но *застряли* в придунайских болотах, а мороз, эпидемия и голод валили их сотнями. Кочевники сдались византийцам, их поселили в качестве колонистов у Средца, а печенежского хана *Тираха* привезли в Константинополь, где он принял Святое Крещение и вошел в состав римской знати⁸⁰⁴.

Однако впоследствии Тирах изменил присяге и возглавил один из шальных печенежских отрядов, завербованных на римскую службу для войны в Армении. 8 июня 1050 г. Константин Арианит потерпел от него тяжелейшее поражение у Адрианополя, и печенеги начали господствовать на всех Балканах. Только в 1051 г. стратигам Никифору Вриеннию и Михаилу Аколufу удалось разбить печенегов в трех сражениях (при Голое, Топлице, Хариуполе) и вытеснить из Фракии и Македонии. К сожалению, в 1054 г. византийская армия вновь потерпела страшное поражение от печенегов у Преславля, и правительство было вынуждено покупать у Тираха 30-летний мир за высокую цену⁸⁰⁵.

Между тем государственная казна очень быстро истощалась. Не только Зоя, но и Феодора тратили несметные суммы: одна на благовония, вторая — чтобы скопить на «черный день». Главное — сам Константин IX, совершенно не сообразуясь с внешними проблемами, транжирил деньги на собственные увлечения, первое место среди которых занимала Склирена.

Она стала подлинной страстью императора, и он вывез ее с собой с Лесбоса в Константинополь, не желая оставлять. Для всех было ясно, что брак Зои и Константина IX носил исключительно *политический* характер, и поэтому императрица не стала возражать, чтобы Склирена, о которой Мономах говорил ей в самых возвышенных выражениях, поселилась у них во дворце. «Племянницу»

наградили титулом *севасты* («священная», «святая» — титул, обычно применяемый к царским особам), при торжественных процессиях она занимала третье место после Зои и Феодоры, и сама царица частенько шутила над «сестрой», как она ее называла, нисколько не ревнуя молодую женщину к мужу.

В благодарность Склирене за ответное чувство и верность царь стал направлять ей чуть ли не ежедневно необычайно щедрые подарки. Рассказывают, что однажды он нашел медный бочонок, наполнил его доверху золотыми монетами и отослал любовнице, которую сам считал вполне достойной титула императрицы и своей жены⁸⁰⁶. Спальные покои царской четы были разделены на три части, в одной из которых поселилась Склирена. И Зоя никогда не входила в комнату мужа, пока там присутствовала любовница⁸⁰⁷. Правда, эта идиллия не признавалась населением Константинополя, которое однажды во время торжественной процессии начало скандировать: «Долой Склирену! Да здравствуют наши возлюбленные матери Зоя и Феодора, чьим жизням угрожает опасность!». По счастью, до большего дело не дошло⁸⁰⁸.

Вообще, старую императрицу стало не узнать. Как рассказывают, под конец жизни Зоя сильно изменилась. Она стала набожной и благочестивой, часто и подолгу молилась, совершенно отказалась от пышных нарядов и кремов. Особенно императрица любила разговаривать с иконами, которые обнимала, называя изображенных на них святых самыми нежными именами. Но связь Мономаха продолжалась недолго: еще при жизни Зои чахотка свела Склирену в могилу.

Эту потерю император переживал очень тяжело, но... недолго. Вскоре его сердце было пленено молоденькой княжной — аланкой, проживавшей в столице в качестве заложницы. Вначале их связь была тайной, но после смерти Зои император открыто перевез девицу во дворец, дал ей титул севасты и предоставил богатую обстановку. Правда, уже через год подагра начала свою разрушительную работу, забирая последние силы Константина Мономаха. Но и в таком состоянии он на носилках отправлялся в покои к аланке для удовлетворения своих любовных страстей. Их связь продолжалась до самой смерти василевса, после чего влияние юной аланки быстро сошло на «нет».

Нет сомнений, что Мономах при возможности признал бы ее своей законной женой и *императрицей*, но четвертый брак для

него был невозможен — слава Богу, в 920 г. был установлен соответствующий церковный канон. Однако и в качестве любовницы прекрасная аланка буквально *разорвала* Римское государство своими забавами и покупками драгоценностей, на которые царь не жалел денег⁸⁰⁹.

Печально, но эротические забавы императора коснулись не только казны, но и политической сферы. По причинам, изложенным выше, царствование Мономаха нравилось далеко не всем. Вскоре восстание попытался поднять стратиг Кипра Феофил Эротик, и только *ледяное равнодушие* населения и армии не позволило тому привести свой замысел в исполнение. Прибывшее вскоре на остров имперское войско без труда разгромило его отряд⁸¹⁰.

Возвышение родственников Склирены вызвало возмущение и одного из самых лучших полководцев Римской империи — Георгия Маниака, род которого уже давно враждовал с семейством Склиров. В один из дней, желая нравственно унижить врага, брат Склирены Роман Склир изнасиловал жену Маниака. Конечно, за такое преступление полагалось наказать насильника, но Склирена, используя весь свой запас любви и все влияние на императора, каким-то образом убедила того в том, что Маниак затевает мятеж и специально *оговаривает* самых близких к царю людей. Константину IX эти слова стали тем более приятны, что он сам был близок к семье Склиров — его вторая жена, как говорилось выше, была дочерью Василия Склира.

Георгий в это время находился в Италии, куда его направил еще император Михаил Калафат, и там полководца нашло царское повеление об отставке и передаче всех дел новому катепану протоспафарию Парду. Уже в сентябре 1042 г. Пард прибыл в Южную Италию, но Маниак и не подумал уступать тому своей должности. Георгий рассудил, что отставка — это лишь первый шаг его врагов, а потому не стал ждать печальной участи и заявил о своих претензиях на царство. Храбрец с львиным голосом и внешностью, невероятно сильный и удачливый в сражениях, он пользовался большим авторитетом в армии, и Георгий решил рискнуть. Он захватил Парда вместе с казной, которую тот вез для итальянского войска, умертвил, напихав предварительно в уши и нос лошадиный навоз, а в феврале 1043 г. переправился в Фессалонику, где и провозгласил себя императором⁸¹¹.

Известие о мятеже сильно испугало Мономаха, и он попытался уладить дело миром. Царь убеждал Маниака сложить оружие, обещав тому личную неприкосновенность и пышные титулы, но Георгий не поверил этим обещаниям. Тогда в Фессалонику было направлено царское войско под командованием евнуха Стефана Севастофора. В завязавшейся битве успех был на стороне армии Маниака, который храбро сражался в первых рядах. Неизвестно, чем бы закончилась новая апостасия, но шальная стрела поразила Маниака в бок. Он упал с лошади, и солдаты из царской армии добились его.

Мятежная армия сложила оружие, а победитель Стефан триумфально вошел в Константинополь. Правда, через 5 месяцев он был также арестован по подозрению в новом заговоре: рассказывали, будто полководец пытался поставить на царство стратига Мелитины Льва Лампроса. В июле 1043 г. евнух был пострижен в монахи и сослан, а несчастного Льва Лампроса ослепили. Так и осталось неясным, насколько обвинение было обоснованным. Как отмечают летописцы, пышно отпраздновав победу, император вынес для себя урок и стал жить гораздо более скромной жизнью, чем раньше. Хотя, конечно, возраст царя по-прежнему не позволял ему заниматься государственными делами, как того требовало время.

Отстранение Маниака от командования итальянскими войсками вскоре привело к закономерному результату. Политическая карта Италии резко изменилась: теперь уже совершенно угасла идея о лангобардской автономии, поскольку отныне в Апулии и Кампании утвердились норманны. Северные воины получили прекрасный плацдарм для своих последующих наступлений в Италии. Полуостров окончательно ушел из-под власти Византийского императора, о чем, правда, никто еще не знал⁸¹².

Но самый большой заговор случился в 1047 г., когда патрикий и *вест* Лев Торник, род которого вел свое начало от армянских князей, возглавил недовольных аристократов Македонии, желавших вернуть утраченное влияние при дворе. Вследствие неясных причин император Константин Момах давно недолго любил Торника, а потом окончательно рассорился с ним. У царя были две сестры — Елена и Еврепия, и обеих он не ставил ни во что. Но если первая сестра старалась не надоедать царственному брату, то Еврепия, дерзкая по натуре, частенько являлась к Момаху и выговаривала всяческие неприятные слова. Узнав, что василевс

не благоволит к Торнику, она *специально* приблизила того к себе, дав повод для всевозможных догадок и сплетен. Лев и Еврепия настолько *надоели* императору, что он просто сослал Льва на периферию, откуда вскоре пришли вести, будто Торник задумал поднять апостасию. Недолго думая Мономах направил в Адрианополь своего сановника с приказом постричь Льва в монахи, и тогда Торник действительно решился на мятеж⁸¹³.

В Адрианополе он был провозглашен императором, и к его войску, состоявшему из солдат Македонской фемы, во множестве примкнули болгары и славяне. Надо сказать, для легитимизации своих претензий на царство Торник широко использовал ложный слух, будто бы Константин IX Мономах умер, а царица Феодора пожелала видеть Льва своим мужем и императором, но такому счастливому исходу противятся враги в Константинополе. Этому поверили, поскольку всем было известно, что Мономах давно и серьезно болеет. Нашлось много недовольных лиц, желавших что-то изменить к лучшему в этой жизни — в первую очередь представители воинского сословия. Войска поддерживали нового претендента, в котором видели товарища по оружию, тем более если царь, как им сказали, умер.

Как известно, история не знает сослагательного наклонения, но кто может сказать, состоялась бы эта апостасия, знай мятежники правду? Ведь, откровенно говоря, при всех недостатках Константина IX Мономаха очень любили за справедливость и доброту, в том числе и в увядавшей армии. Рассказывают такой характерный случай. Некого военачальника обвинили в присвоении крупной суммы денег, выделенных для уплаты войску жалованья. Явившись на суд царя, он признался в преступлении, но просил, чтобы сумма долга была погашена не полностью, поскольку в противном случае он просто не сможет оставить детям никакого наследства. На это Мономах спросил: «Будешь ли ты доволен, если кто-нибудь разделит с тобой твой долг?» Конечно, тот со слезами на глазах ответил, что будет почитать такого человека как Ангела. Тогда василевс объявил, что сам даст обвиняемую нужную сумму для покрытия трети долга. Тот едва не испустил дух от избытка чувств и неожиданности. «Я прощаю тебе две трети долга», — добавил император, а потом, почти сразу, произнес: «Нет, я прощаю тебе весь долг!»⁸¹⁴ Безусловно, такие истории были на слуху у войска, и солдаты помнили о благородстве «умершего» царя.

Но в ту минуту все пребывали в заблуждении, уверенные, будто идут в столицу *восстанавливать справедливость*. По мере продвижения Торника к Константинополю к нему присоединялись все новые и новые отряды, возглавляемые боевыми командирами, оставшимися без средств к существованию. В сентябре 1047 г. Торник подошел к столице и осадил ее. В числе его союзников значились такие мощные фигуры, как Иоанн Ватац, Феодор Стравомит, Полис и Марианн Врана, а также члены семьи Глабы, позволившие ему собрать значительное войско, а также сестра императора Еврепия⁸¹⁵.

Положение Мономаха оказалось критическим, к тому же он опять сильно заболел. Как говорят, у него началось обострение подагры, и царь буквально не мог ходить. Его желудок, испорченный всевозможными кулинарными изысками, почти перестал функционировать — поэтому-то по Константинополю и поползли слухи, будто василевс умер⁸¹⁶. За исключением отряда иностранных наемников, у царя не было войска, отсутствовал и полководец, которому он, малоопытный в военном деле, мог бы доверить оборону города. Торник попытался склонить константинопольцев к добровольной сдаче столицы, но те ответили отказом — Мономах должен был выйти на крыльцо Влахернского дворца, чтобы напомнить о себе народу, и его права на царство горячо поддерживали. Тогда начался обстрел города, и одна стрела едва не попала в императора, с балкона взиравшего на атаку мятежников. В этот момент настоящим *спасителем* Мономаха стал патриарх Михаил Керулларий. Он единственный сохранил самообладание, поддерживал упавшего духом царя, организовывал население для отпора мятежникам, что в значительной степени способствовало повышению его авторитета.

За неимением воинов в Константинополе наскоро освободили преступников и военнопленных агарян, пребывавших в тюрьмах, вооружили и направили на защиту города в наспех вырытые окопы. Конечно же, македоняне, профессиональные военные, без труда перебили эту толпу. Вход в Константинополь был открыт, но тут в силу невыясненных обстоятельств Торник почему-то не пожелал войти в город. Возможно, он хотел вступить в столицу не завоевателем, а *царем*, быть может, мечтал, чтобы лучшие люди столицы попросили его принять царский венец — неизвестно. Пока что Торник разъезжал между своими солдатами и прика-

зывал тем прекратить убийства раненых и пленных константинопольцев.

Константин Мономах оказался оставленный всеми. Но, к удивлению немногих верных придворных, не утратил бодрости духа. Взглянув за городские стены, он промолвил лишь одно, указав на Торника: «Меня тревожит, что этот посягнувший на власть хитрец призывает к человеколюбию и кротости. Как бы он не снискал этим милости Божьей. Удача будет сопутствовать мятежнику *только сегодня*, а потом она ускользнет от него, как песок из-под ног, и дела примут совсем другой оборот»⁸¹⁷.

Поразительно, но Лев Торник не стал штурмовать Константинополь и на следующий день, когда *незримо* колесо Фортуны уже покатилося под гору. Возможно, он ждал, что любимая им Еврепия сможет легализовать его претензии на власть, но не знал — Мономах уже изолировал свою дерзостную сестру. В любом случае для Торника отказ от немедленного штурма стал непоправимой ошибкой. Василевс прекрасно понял, в чем нравственная сила апостасии Торника, а потому сыграл на монархическом чувстве византийцев и попал в точку. Константин IX Мономах и его многоопытные придворные тут же воспользовались оплошностью мятежного полководца, пребывавшего в счастливом неведении относительно своего ближайшего будущего. Было включено главное оружие: мятежным солдатам наглядно доказывали, что Мономах жив, и Торник является *узурпатором*, которого никто в Римской империи не почитит титулом василевса. По-видимому, свою лепту внес и уважаемый в народе Константинопольский патриарх Михаил Керулларий — если архиерей *заранее* говорил, что не станет венчать *Льва-мятежника* на царство, то шансы Торника падали до нуля, что и произошло в действительности. Солдаты Торника с удивлением для себя узнали, что Церковь отказывается признавать их командира императором, сам Константин IX жив и царствует, и у Льва нет никаких шансов *законно* стать Римским царем.

Пока шла эта агитация, по обыкновению обширно орошаемая золотом, Торник почивал на лаврах, и даже ни о чем не догадываясь. Однако, когда в понедельник он вновь подошел к стенам Константинополя, внезапно выяснилось, что многие отряды его армии один за другим переходят на сторону императора. Поняв, что последующая осада окончательно истощит его силы, Торник двинулся в обратный путь, в Македонию, надеясь там пополнить свою армию и повторить

попытку. Однако к этому времени с Востока уже прибыло на помощь василевсу восточное войско под командованием полководца Михаила Ясита, и участь Торника была решена.

Это быстро поняли сподвижники, торопливо переметнувшиеся на сторону законной власти, и вскоре близ Торника остался один верный Ватац. В декабре 1047 г. Лев с Иоанном были схвачены и доставлены в Константинополь. Первоначально император хотел помиловать их, но когда мятежники предстали перед ним, ярость проснулась в его душе. 11 декабря 1047 г. Торника и Ватаца ослепили, и мужественный Иоанн произнес, ложась под нож палача, что Римская империя убивает своих лучших полководцев — конечно, он был прав⁸¹⁸.

Остальные мятежники отделались сравнительно легко: их лишили должностей и конфисковали имущество, но сохранили жизнь и здоровье. Этому они были обязаны, опять же, патриарху Михаилу Керулларию, который без страха направился в царские покои и жестко напомнил о ранее данном им слове помиловать вождей восстания. Как говорят, он в буквальном смысле слова *снимал их с виселиц*, и, несмотря на недовольство василевса, спас от смерти немало представителей знатных византийских родов.

Последующее царство Мономаха прошло без политических потрясений, если не считать двух неудачных попыток убийц-одиночек прикончить его. Вообще, надо сказать, Константин IX довольно легкомысленно относился к своей безопасности, заявляя, что Бог, давший ему царство, Своей невидимой силой защитит его. Действительно, чудесные спасения императора могут быть объяснены только таким образом. В конце 1050 г. один безымянный слуга попытался ночью прокрасться с ножом в опочивальню царя, убить его и овладеть престолом. Но по пути внезапно испугался и рванулся из дворца. Вид бегущего с ножом в руках слуги возбудил подозрения царской стражи, и она задержала преступника. Был проведен допрос и дознание, слуга назвал имена своих покровителей — сановников Никиту и Михаила, тех сослали, конфисковав имущество в пользу казны, а покушавшийся, очевидно, был казнен.

А в 1051 г. неудачную попытку убить василевса предпринял этериарх Роман Боила, влюбившийся в аланскую княжну — пассию Константина Мономаха. Он сумел заручиться доверием некоторых придворных и в любое время суток имел доступ в царские покои. Когда Боила уже готов был в одну из ночей привести свой

план в исполнение, кто-то из слуг, знавших об этом, прибежал в спальную комнату императора, разбудил Мономаха и предупредил того. Соратников Романа Боила осудили, сослали, имущество конфисковали, но его самого царь простил и даже оставил при себе в той же должности⁸¹⁹.

Но возраст брал свое, здоровье императора ухудшалось. Тем не менее и в таком состоянии Момах не хотел отказывать гражданам в праве видеть своего государя. Прекрасный наездник, он садился в седло и выезжал в город, незаметно поддерживаемый с боков двумя рослыми телохранителями⁸²⁰. Съедаемый болезнью, он скончался 11 января 1055 г. Эпитафию Константину IX Момаху составляют следующие слова современника: «Переменчивый душой, порой сам на себя не похожий, он хотел прославить свое царствование, и нельзя сказать, что вовсе не достиг цели»⁸²¹.

Перед самой смертью василевса вновь возник старый вопрос — *кто* будет царствовать в Римском государстве, и логофет (первый министр) Иоанн втайне от императрицы Феодоры уговорил Мономаха передать власть стратигу Болгарии Никифору Протевоу. За Никифором уже направили гонца, когда три близких к царице евнуха — Никита Ксилинит, Феодор и Мануил, не поставив никого в известность, посадили свою патрону на быстроходный корабль, увезли в Большой дворец и там провозгласили *самодержавной императрицей*. Константин IX Момах был возмущен, но никаких мер не предпринял. Феодора тут же арестовала Никифора и сослала того в монастырь Кузина, в феме Фракия. Его сторонники также были сосланы, а их имущество — конфисковано. Напротив, своих евнухов царица наградила очень щедро, предоставив им высшие государственные должности.

Удивительно, но все историки солидарны в том, что краткое царствие Феодоры ознаменовалось полным отсутствием каких-либо заговоров и мятежей; никто не злоумышлял против верховной власти. Царица в поистине мужском стиле управляла Римской империей, сама твердым голосом отдавая приказания и смиряя недовольных. В противоречии с устоявшимися обычаями при начале своего царствования она не пожаловала никому никаких новых титулов. А когда услышала о недовольстве народа, справедливо напомнила, что *не в первый раз* занимает священный престол, а *продолжает* царствовать. При ней, как по мановению волшебной палочки, урожаи случались очень хорошими, войны прекратились,

границы стали безопасными, что положительно сказалось на торговле. Государственная казна быстро пополнялась⁸²².

Однако отсутствие государственного опыта привело к тому, что императрица, знавшая о военном искусстве только понаслышке, решительно заменяла в армии представителей военных сословий своими любимыми евнухами и духовными лицами. Стратиги роптали, но тем не менее обошлось без волнений. Основной вопрос, вскоре разделивший Византийское государство на два лагеря, заключался в ответе на важнейший вопрос: нужно царице выходить замуж или ей следует остаться девственницей. Главой первой партии стал синкелл Лев Стравоспондил, второй, где собрались патриоты, считавшие, что женская и далеко не молодая рука не способна управлять Римской империей, являлся патриарх Михаил Керулларий.

Откровенно говоря, старая, находящаяся при смерти императрица оказалась в очень затруднительном положении. Она прекрасно понимала тайные чаяния партии Льва Стравоспондила, но тот был ее давним другом и союзником. И отдавала себе отчет в том, что *внешняя привлекательность* патриотических речей патриарха неизбежно ставила его над царской властью, к чему он, собственно говоря, и стремился. Керулларий и раньше активно фрондировал Мономаху и нередко выходил победителем в незримом состязании между императорской властью и властью духовной. Однако в условиях политической нестабильности и собственной физической слабости Мономаху мощный ум и сильный характер Михаила Керуллария решали очень многое, и царь не мог состязаться со своим же ставленником, у которого появилось к этому времени много союзников. Следует иметь в виду, что под конец царствования Константина IX Мономаху состояние государственной казны стало совершенно плачевным, а опасности возникали отовсюду. Для ликвидации дефицита государственного бюджета император предпринял непопулярные меры, подвергнув население *тотальному налогообложению*, включая взыскание старых недоимок и штрафов. В таких условиях Керулларию не составило никакого труда возглавить оппозицию правительству и громовым голосом озвучивать недовольство представителей высших кругов и клира.

Положение Мономаху стало критическим, когда он вследствие церковного раскола с Римом, о котором ниже пойдет речь, был

развенчан в традиционном для Византийских императоров титуле защитника Православия. Теперь патриарх обвинял царя в посягательстве на «священное» церковное имущество. И, надо полагать, кончина Константина IX избавила его от многих неприятностей, если не от *политической смерти*⁸²³.

Теперь в не лучшем положении оказалась и самодержавная царица. Патриарх заходил в ее покои, как *законодатель*, чего Феодора, безусловно, принять не могла и не желала. Как-то раз в гневе императрица едва не приказала освободить Керуллара от патриаршей кафедры, но открыто выступать против него оказалось выше ее сил. Единственное, что она решила себе позволить — сослать под благовидным предлогом любимых учеников и самых верных сторонников Керуллара из числа Хиосских монахов, обвинив тех в следовании нечестивым учениям, бросающим тень на правоверие Константинопольского патриарха.

Поэтому императрица приняла компромиссное решение. Феодора дала согласие сочетаться браком с достойным мужем, которого сама же и назначит преемником императорской власти, но при одном условии — этот брак должен быть *номинальным*. Пока шли переговоры, в августе 1056 г. императрица опасно заболела. Поэтому партия евнухов спешно выбрала кандидатом в мужа-цари престарелого патрикия Михаила Стратиотика («старика»), с которого заранее взяли клятву, что он, став василевсом, ничего не будет предпринимать без совета с людьми, приведшими его к власти; тот покорно согласился. Лев Стравоспондил принялся уговаривать больную царицу, ссылаясь на могущие возникнуть после ее смерти волнения в государстве. Та согласилась, и 31 августа 1056 г. своей рукой возложила на Стратиотика императорскую диадему, объявив его василевсом **Михаилом VI**. Константинопольскому патриарху ничего не оставалось, как совершить над Михаилом таинство венчания на царство. Буквально через 3 дня Феодора скончалась⁸²⁴.

Глава 3. «Клунийская реформа». Папа Лев IX и Григорий Гильдебранд

Между тем отношения между Западной и Восточной Церквями к тому времени начали меняться, и в худшую сторону. Хотя догматические расхождения пока еще не играли никакой роли

и церковное общение сохранялось, в дело вступили *политические противоречия* византийской и германской политик. В условиях националистического «византийского папизма», постоянно покушавшегося на их права, императоры естественно искали в Римских епископах своих союзников, способных противостоять своим духовным авторитетом восточному клиру. Кроме того, обладавшие поистине *имперским мышлением*, папы являлись той силой, которая могла помочь василевсам в деле возврата Византийской империей утраченных итальянских владений. Восстанавливая мощь государства, Византийские цари начали постепенно деятельно заниматься делами непосредственно в Риме, активно лоббируя свои интересы и даже деятельно участвуя в выборах нового понтифика.

К началу IX века создалось небезосновательное впечатление о начале процесса восстановления политического и культурного единства христианского мира, что напрямую было связано с победными кампаниями императоров Македонской династии. Возвращение восточных провинций обеспечило безопасность христиан-паломников в Святую землю, а завоевание Болгарии открыло дешевый и быстрый путь по суше. В Италии возникло множество греческих монастырей, служащих проводниками мирных идей, на Востоке образовалось множество латинских колоний. Конечно же, Византийские императоры не собирались упускать такой великолепный шанс в деле воссоединения Западной и Восточной Церквей и преодоления догматических и обрядовых разногласий.

Эта особенность новой политики царей не укрылась от взглядов некоторых патриархов, чрезвычайно встревоженных *возможным* предпочтением императорами их конкурентов в обход интересов Константинопольской Церкви. Когда император Иоанн I Цимисхий предоставил убежище бежавшему из Рима в Константинополь папе Бонифацию VII, патриарх Василий Скамандир, как отмечалось выше, отказался признать того законным понтификом, идя вразрез с требованиями царской политики. В ответ из двух архиереев василевс выбрал папу, изгнав столичного архиерея под благовидным предлогом с кафедры.

Институт папства к тому времени ослабел *политически* и стал настоящей игрушкой в чужих руках. Западные императоры пытались подчинить себе Римских епископов, которые, как показывало недавнее время, могли венчать короля императорским венцом, а могли и отказать. В самом Риме партия Кресценциев, сторон-

ников союза с Константинополем, активно противоборствовала Тускуланской партии, склонявшейся к союзу с Западным императором. Впрочем, заветной целью тускуланцев являлось восстановление римской независимости и от германцев, и от греков, что еще более осложняло интригу. Теперь к противоборствующим сторонам присоединился Византийский император.

Император Василий II Болгаробойца через партию Кресценциев в Риме инициировал выдвижение на Апостольский престол папы *Иоанна XVI Филагатоса* (997—998), прирожденного итальянского грека, любимца своей сестры императрицы Феофано. Жестокая расправа сторонников Западного императора над ставленником Константинополя вызвала негативную реакцию в греческой столице. Патриарх *Сисиний II* (995—998) даже издал от своего имени энциклику, некогда написанную против Рима св. Фотием, но отношений с папой не разорвал⁸²⁵. Все же Византийский царь был далеко, воевал главным образом на Востоке, и сила его влияния в Италии явно уступала возможностям короля германцев.

После всех перипетий Тускуланская партия, выдвинувшая в 1012 г. на Апостольский престол папу *Бенедикта VIII* (1012—1024), вошла в соглашение с императором *Генрихом II* (1002—1024), и понтифик возложил на германца в 1014 г. императорскую корону. А затем, опасаясь мести со стороны императора Василия II Болгаробойцы, призвал в Италию норманнов, совершенно не представляя, чем закончится эта авантюра. Однако скорое «содружество» закончилось очередным разрывом отношений союзников. После смерти Бенедикта VIII, не справившись о мнении нового короля 22-летнего *Генриха III* (1039—1056), та же Тускуланская партия поставила понтификом родного брата покойного папы *Иоанна XIX* (1024—1032), также грека-тускуланца по рождению, чем вызвала неизбежный, хотя и кратковременный, разрыв отношений с Германским двором.

Ситуацией решили воспользоваться в Константинополе, чтобы привлечь Иоанна XIX на свою сторону. В Италию отправилось императорское посольство, имевшее целью убедить папу признать за столичным архиереем статус «Вселенского патриарха» (что Рим категорически отказывался делать на протяжении 500 лет), пусть даже и с оговорками. Греки соглашались толковать титул «вселенский» в том смысле, что под этим словом понимается не весь мир вообще, а только мир цивилизованный, греко-римский, возвы-

шающийся над варварскими землями. И духовно окормляют его два великих архиеерея — Римский и Константинопольский, равные в своих правах. А мир «варварский» единолично окормляет папа.

Иоанн XIX, жаждущий и финансовой, и военной помощи с Востока, решил, не афишируя, дать удовлетворение просьбе греков, но слухи об этой комбинации все равно просочились через стены Латеранского дворца и стали общеизвестными. В Рим полетели укоризненные письма из Ключийской обители и других мест, а один аббат так отписал понтифику: если политическая власть некогда единой Священной Римской империи оказалась разделенной между различными правителями, то власть духовная *всегда должна принадлежать папе*. Этот взрыв негодования испугал апостолика, и он не дал никакого ответа византийскому посольству. Как полагают, эти неудачные переговоры, состоявшиеся в 1024 г., привели к тому, что в Константинополе, при патриархе *Сергии* (999—1019), под влиянием эмоций имя папы было вычеркнуто из диптихов. И трудно представить, что инициатором этой акции мог стать кто-нибудь другой, кроме многовекового и непримиримого противника папы — столичного патриарха⁸²⁶.

Удивительно, но, по-видимому, это осталось незамеченным в Риме, где к тому времени наступала новая эпоха папства. Новым папой стал *Григорий VI* (1045—1046), заявивший о необходимости восстановления авторитета Римской Церкви и ее главы. Как всем вскоре стало известно, он купил папскую тиару у папы-распутника Бенедикта IX за 1 тысячу золотых монет. Новый апостолик являлся убежденным сторонником радикальной церковной реформы и ради торжества Римской Церкви даже запятнал свое имя постыдной симонией. Папа очень надеялся на поддержку короля Генриха III, которого встретил у Пьянченцы, когда тот направлялся в Рим на коронацию. Однако здесь история сотворила злую шутку: Генрих III был в не меньшей степени, чем папа Григорий VI, озабочен делами в Западной Церкви и жаждал перемен. Но и он не смог перебороть негативного общественного мнения самых консервативных церковных кругов по отношению к папе-симонисту. В результате король передал дело Григория VI на синодальный суд, который 20 декабря 1046 г. в городе Сутри лишил понтифика высшего достоинства⁸²⁷.

Неугомонный Бенедикт IX вновь стал Римским епископом. К этому моменту папство достигло высшего (или низшего —

как угодно) предела своего падения и унижения. Вотчаянии жители Рима обратились к Генриху III, который осенью 1046 г. отправился в Рим и назначил Римским епископом своего друга епископа Бамберга Шидгера, принявшего имя *Климента II* (1046—1047). На Рождество произошла хиротония нового апостолика, после чего папа Климент II венчал короля Генриха III императорской короной⁸²⁸.

В полном соответствии с традиционными представлениями об императоре, защитнике и главе Церкви Генрих III, несмотря на молодость, восстановил титул Римского патриция, обеспечивающего ему высшую светскую власть в Риме. И когда умер Климент II, император по просьбе жителей Рима назначил им нового понтифика, бывшего Бриксенского епископа Попо, принявшего после хиротонии имя *Дамасия II* (1048), но тот правил меньше месяца — с 17 июля по 9 августа. Невзирая на разложение Римского престола, в глазах не только западного мира, но и всей Кафолической Церкви папство до сих пор считалось *божественным институтом*, установленным Самим Христом. Праведные верующие искренне молились, чтобы Спаситель дал им вместо продажных и морально разложившихся пап *настоящего главу Церкви*⁸²⁹.

И такие люди нашлись — епископ города Туля в Лотарингии Бруно, его друг и сподвижник Григорий Гильдебранд, с именем которого связаны самые решительные реформенные преобразования в Римской церкви, Петр Дамиан, Гуго Ключийский, Фридрих Лотарингский. В юности Гильдебранд вступил в орден Св. Бенедикта, аббатом которого являлся его дядя по матери, и много лет провел в монастыре, часто общаясь с монахами из Ключи. В 1048 г. он отправился в Ключийский монастырь, ставший центром новой церковной партии, и был назначен приором монастыря. Приор отличался характером твердым, а настрой его был возвышенным и повелительным. Аскет для мира, он любил *только* Церковь, хотя *в своем понимании*, и ничего более. Как рассказывают, Григорий обладал столь любимым на Западе «даром слез» — полагали, что им обладают только благородные, религиозные натуры. Во время Божественной Литургии, во время возношения Даров Гильдебранд разражался рыданиями о своих грехах. Тонкий и образованный, Григорий никогда не стеснялся в выборе средств, если видел перед собой высшую цель. Первый враг симонии, он, тем не менее, видел

образец папы в образе Григория VI, купившего свой титул для того, чтобы спасти Римскую церковь от разложения.

Клюнийская обитель заслуживает того, чтобы сказать о ней несколько слов. Бенедиктинский монастырь в Клюни был основан в Бургундии герцогом Аквитанским *Гильомом I Благочестивым* (893—918) в 910 г., а возглавил в качестве его первого настоятеля граф — один из родственников герцога. Аббат установил строгую дисциплину и вместе с братией поставил перед собой цель добиться независимости Церкви от светской власти. Вскоре вокруг Клюнийского монастыря объединились другие обители, и затем возникла настоящая конгрегация монастырей во главе с Клюнийским аббатом, который считал себя сюзереном по отношению к объединившимся монастырям. Сама конгрегация преподнесла свою независимость как дар Римскому папе⁸³⁰.

Клюнийская реформа в первую очередь была направлена на то, чтобы не только возродить идеалы монашеской жизни — аскетизм и благочестие, но привести к правильной христианской жизни *всех* верующих в мире. Христианская свобода, к которой стремились Клюнийские братья, понималась не только как свобода от мира, но и свобода для служения Богу в мире. И если монашество является высшей формой служения, то необходимо привести под его дисциплину всех христиан в целом или в крайнем случае добиться от них повиновения пастырям. Надо отдать должное, в этой борьбе за людские души сами монахи были чрезвычайно последовательны. Настолько, что даже некоторые папы, не говоря уже о государях, высказывали сомнения в истинности этого пути. Ведь эта борьба за нравы привела к тому, что Западная Церковь все больше и больше напоминала государство с его жесткими, административными способами поддержания внешнего порядка. Но все же формула Григория Гильдебранда, которую он вывел: «Бегство от мира для службы Церкви, господствующей над миром», была чрезвычайно популярной. А общий религиозный подъем, вызванный Крестовыми походами, еще более расширил круг поклонников этой идеи. Сотни и тысячи молодых аристократов из самых знатных семей поспешили предать себя на служение Богу, пополняя ряды аскетов⁸³¹.

Надо сказать, что помимо Клюнийской обители на Западе существовал еще один центр реформации, в Лорене. Лорентийцы также горячо выступали против симонии, требовали ввести цели-

бат священства и укрепить церковную дисциплину. Однако они связывали свои надежды с институтом епископата, в то время как клюнийцы являлись записными «папистами». Объяснение заключается в том, что вследствие своего ригоризма братья из Ключни постоянно вступали в конфликт с местными аристократами, находя в то же время покровительство в Риме. Очевидно, укрепление авторитета Апостольской кафедры являлось для клюнийцев жизненно необходимым⁸³².

Эта связь еще более окрепла после 1024 г., когда клюнийцы обеспечили себе право независимости от местного епископа и, следовательно, от светской власти и добились права избирать своего аббата самостоятельно. Вскоре дисциплинированные и благочестивые клюнийцы создали нечто вроде монашеской республики⁸³³.

Григорий и его сторонники искренне утверждали превосходство священства над царством, и вскоре им представилась возможность воплотить свои идеалы в земной действительности. Когда скончался Дамасий II, вновь по инициативе императора Генриха III Вормский рейхстаг назначил уже папой упоминавшегося Бруно, его двоюродного брата, высокого, рыжеволосого и мощного эльзасца, принимавшего активное участие в одном из карательных походов императора в Италию. Впрочем, военные подвиги были не единственным известным делом его рук. Повсеместно ходили рассказы о том, как Бруно, уже в качестве епископа, пригревал в своем доме бедняков, страдающих заразой, которым он предоставлял свою постель.

Однако Григорий Гильдебранд посоветовал тому отказаться от триары, полученной из рук светской власти, и подождать канонического избрания народом Рима и клиром; Бруно согласился. Друзья вдвоем добрались до Вечного города, население которого с радостью приняло Бруно и признало его новым Римским понтификом *Львом IX* (1049—1054). Как рассказывали современники, по дороге в Рим он слышал голоса Ангелов, поющих в вышине: «Говорит Господь: Я думаю о мире, а не о разрушении, обратитесь ко Мне с молитвой, и Я услышу вас из плена ото всех мест»⁸³⁴.

Конечно, Генрих III обиделся таким пренебрежением со стороны родственника, которому он сделал блестящую карьеру, но отнес этот поступок к личной скромности апостолика и простил его. Нелегкая доля ожидала нового Римского епископа. Симония

достигла совершенно неприличных размеров, и высшие церковные должности открыто выставлялись на продажу, как товар на аукционе. Запрет на браки (целибат) практически не действовал, и хотя священники не могли *официально* жениться на своих сожительницах, это обстоятельство вовсе не препятствовало им продолжать внебрачные связи и плодить детей. Церковная десятина почти не уплачивалась, и общины нищенствовали. Иными словами, положение папства было таково, что ввиду полного истощения казны Лев IX даже собирался продать свое облачение, чтобы содержать скромный аппарат церковных чиновников. Только неожиданное приношение из Беневента удержало его от этого поступка и вообще от постыдного бегства в Германию⁸³⁵.

С первого же дня Гильдебранд стал первым помощником папы, *субдиаконом*, и главой нового реформаторского движения, названного впоследствии «*Клюнийская реформа*»⁸³⁶. В свою очередь, его первым товарищем, умершим за год до понтификата Гильдебранда, стал Петр Дамиани, для которого брак священников был просто ненавистен. Вскоре он написал и представил на суд папы книгу против брака с характерным названием «Книга о Гомморе». Очень любопытен тот факт, что как спасение самого института папства, так и «Клюнийская реформа» обязаны соответственно стремлению Западных императоров к той группе клириков, которые не имели к Риму и Италии никакого отношения. В частности, папа Лев IX, этнический германец, долгое время являлся епископом в Лотарингии, его помощники также пришли из Германии или Бургундии. В отличие от римской аристократии эти реформаторы стремились сделать папство независимым от Кресценциев или Тускулани — двух наиболее могущественных итальянских семей, регулярно определявших кандидатуру следующего понтифика, и придать папству *интернациональные*, поистине вселенские, католические черты. Сами кардиналы стали рассматриваться как непосредственные помощники понтифика, проводники его политики, и папа Лев IX постарался сделать так, чтобы лишь незначительная часть кардиналов имела римские корни⁸³⁷.

Теперь о высших целях папства, как его видели реформаторы. Идеал политического устройства, по их мнению, заключался в теократии, полном подчинении интересам Церкви всех остальных земных институтов. Гильдебранд, как главный идеолог, был убежден, что каким бы недостойным *лично* ни казался папа, он,

тем не менее, является преемником апостола Петра и наместником Христа на земле. Как «Вселенскому» папе, ему вверены заботы обо всей Вселенной, он обладает высшей и окончательной юрисдикцией в Церкви, *выше всех королей* и может без всякого стеснения носить императорские регалии. Ему, конечно же, по «священному праву» предоставлена возможность смещать и назначать всех королей и императоров.

По большому счету корректировка в сторону социальных проблем старой римской доктрины о главенстве папы не должна удивлять. К тому времени Западная Церковь настолько ассимилировалась с феодальным обществом, что волей-неволей для собственного выживания должна была говорить языком того времени, отставив на время в сторону высокое богословие. Если весь быт западного общества, его структура и иерархия основывались на *идее власти*, то, следовательно, свободным может быть лишь то лицо, какое этой властью обладает. Иными словами, либо Западная Церковь должна была окончательно превратиться в один из социальных элементов западного общества, полностью растворившись в нем, либо стать во главе светских институтов, возглавить их и подчинить.

Поэтому в глазах Гильдебранда и Льва IX Церковь приняла черты духовной монархии с папой во главе. Как и любое государство, пусть даже и духовное, Церковь есть *общество неравное*, где клиру отводится особое место, а папа, как государь, приобретает широкие полномочия и исключительные прерогативы во всех сферах. Императоры и короли не вправе рассчитывать на какую-либо правительственную власть в Церкви — всю полноту и духовной и светской власти имеет только папа. «Папство, — не без иронии замечал один исследователь, — давно усвоило себе воззрение, что весь мир находится или по крайней мере должен находиться в обладании наместников блаженного Петра в Риме, что все государства мира суть не более, как *провинции* той всемирной монархии, которая должна находиться во власти пап, и если действительность не соответствовала этому мечтательному идеалу, то папы утешали себя тем, что идеалы вообще всегда расходятся с действительностью»⁸³⁸.

В одном из обращений Гильдебранда к епископам от 7 марта 1080 г. говорится буквально следующее: «Святейшие апостолы Петр и Павел, явите нам себя так, чтобы весь мир узнал и понял, что, обладая властью связывать и разрешать на небесах, вы обладаете также властью упразднить империи, царства, княжества,

герцогства, маркизаты, графства и все виды человеческих прав и собственности. Если вы обладаете таким могуществом в вещах духовных, так неужели на земле есть нечто, превосходящее вашу власть в делах мирских? Если вы судите Ангелов, которые гораздо выше самых гордых князей, разве вы не можете судить тех, кто ниже их? Пусть короли и принцы земли знают и чувствуют, как вы велики — и как возвышена ваша власть! Пусть страшатся презирать законы вашей Церкви!»⁸³⁹

Печально и совершенно с исторической точки зрения непоследовательно Гильдебранд и его сторонники связывали самые ужасные злоупотребления в Римской Церкви именно с ее подчиненным положением власти Западных и Византийских императоров, забыв, что многократно Римская Церковь обязана именно им своим спасением. «Церковь не должна управляться императором, — стало лозунгом нового времени. — Она должна управляться только руками того, кто поставлен Самим Богом для этого, т.е. Римским епископом»⁸⁴⁰.

Чтобы понять, *как далеко* завела новая теория папу в практических шагах, забежим немного вперед и посмотрим, что произошло в последующие годы. В 1073 г. *помимо своего желания* Гильдебранд станет папой *Григорием VII* (1073—1085) и начнет активно реализовывать свою доктрину. Весь мир казался ему собственностью папы, временно захваченной светскими правителями. К Сардинии и Корсике он вообще относился как к собственным ленным владениям, остальные следовало вернуть любыми средствами. Испанским князьям он написал в 1073 г., что в древности Испания принадлежала апостолу Петру, а, следовательно, является собственностью Апостольского престола. Королям Кастилии и Арагона папа «напоминал», что апостол Павел совершал путешествие в Испанию, освятив ее своей молитвой, и это по «божественному праву» — папская земля. *Филиппа I* (1060—1108), короля Франции, Гильдебранд холодно извещал, что каждый дом в его королевстве обязан платить Риму лепту святого апостола Петра. Короля Дании *Харальда III* (1074—1080) понтифик обязывал признать свою зависимость от Рима и направить сына защищать город от варваров. Венгерского короля *Ласло Святого* (1077—1095) Григорий упрекал в том, что тот принял корону из рук Западного императора как его вассал. Он «объяснял» ему, что единственным собственником королевства является Римский престол. Герцогу Далматии *Дмитару*

Звонимиру (1076—1089) он вручил королевскую корону в обмен на обязательства платить лепту Риму. 8 октября 1076 г. он был коронован посланником папы в городе Солоне⁸⁴¹.

Папа риторически вопрошал: «Кто сомневается, что служители Христа — отцы и учителя царей, князей и всех верных?»⁸⁴² В 1075 г. понтифик издал документ «*Dictates Papae*» («Диктаты папы»). «Диктаты» включают в себя 27 основополагающих принципов Римской Церкви. Самые важные из них таковы:

1. Римская церковь основана одним только Господом.
2. Римский епископ один по праву зовется вселенским.
3. Он один имеет право низлагать и восстанавливать епископов.
4. Папский легат, даже если он низшего ранга, на любом соборе имеет превосходство над всеми епископами и может вынести приговор о низложении против них.
5. Один только папа имеет право издавать новые законы в соответствии с нуждами времени.
6. Папа может низлагать императоров.
7. Ни один синод не может быть назван всеобщим без его приказа.
8. Ни одна книга не может считаться канонической без одобрения папы.
9. Никакой его приговор не может быть никем отменен, но сам папа может отменять любые приговоры (имеются в виду церковные суды).
10. Наиболее важные дела любой церкви (догматические и канонические) могут рассматриваться апостольским престолом.
11. Он может освобождать подданных «несправедливых» государей от присяги, и т.п.⁸⁴³

И, как справедливо отметил один из исследователей, если учесть весьма скромный статус папства до 1046 г., волевой и неприкрытый характер притязаний, озвученных в «Диктатах», сам собой бросается в глаза⁸⁴⁴. Благодаря энергии и настойчивости Гильдебранда, при нем епископы сидели в народных собраниях выше графов и герцогов. Пользуясь постоянными междоусобицами между князьями, папские прелаты без труда получали особые привилегии, особенно во Франции, включая право чеканить собственную монету⁸⁴⁵.

Главной целью Льва IX и его преемников стала реформа клира, для чего он горячо выступил против двух самых больших зол — *симионии* (продажи должностей) и *николаитства* — сожительства священников с женщинами. В силу сложившейся издревле практики понимания Церкви в германском обществе как «частной Церкви», симония являлась неотъемлемой частью процедуры инвеституры. И папа-реформатор совершенно справедливо полагал, что освободить Западную Церковь от столь сомнительных с точки зрения добродетелей свойств, как отождествление ее с земельным надлом, возможно лишь путем прекращения симонии.

Уже в 1048 г. папа провел первый Собор в Галлии и Германии, который, однако, был проигнорирован Французским королем *Генрихом I* (1031—1060), опасавшимся столь деятельного влияния папы на церковные дела в его королевстве. Тем не менее на первом же заседании понтифик потребовал, чтобы каждый из присутствующих членов Собора объявил, брал ли он деньги при своем посвящении. Призналось всего 5 человек, которых простили и восстановили на кафедрах. А когда архиепископ Безансонский попытался высказаться против, он тут же был поражен немотой — эпизод, сказавший присутствующим больше, чем нашим современникам⁸⁴⁶. Затем папа отправился в Тевтонское королевство, а оттуда в Швабию, где потребовал от своего родственника, графа *Адальберта* (?—1099), вернуть несправедливо захваченную обитель в Хиршау и позаботиться о ее восстановлении. Авторитет Льва IX, как аристократа и благочестивейшего понтифика, сработал и здесь — граф тут же согласился⁸⁴⁷.

На Пасху 1049 г. Григорий вместе с папой Львом IX провели решение о категорическом запрете симонии и сожительства священников с женами. Понтифик и Гильдебранд казались вездесущими: они без усталости совершали длительные путешествия по всей Европе, зато повсеместно местные синоды транслировали решения Римского собора 1049 г.

Вскоре папа окружил себя коллегией преданных кардиналов, сформировавших организованный аппарат клириков, деятельно восстанавливавших единоначалие понтифика в Западной Церкви. Многие священники и даже епископы были низвержены и осуждены. Однако, начав с триумфа, Лев IX закончил свой понтификат полным провалом. Вовсе не забывая о политических интересах Апостольского престола, папа имел собственные планы в отно-

шении Южной Италии, особенно Апулии и Кампании. Ловко играя на противоречиях всех заинтересованных лиц, понтифик добился того, что 5 июля 1051 г. беневетцы назвали его своим государем. А в следующем году император Генрих III обменял Беневент на Бамбергское епископство. Он, однако, не учел, что у норманнов также возникли свои виды на Южную Италию, и те успешно громили всех союзников Римского епископа. Льву IX пришлось срочно просить помощи у императора и стать во главе объединенной армии. Тем не менее он потерпел от викингов поражение 17 июля 1053 г. при Чивитате и даже *попал к ним в плен*, к чему в немалой степени причастны византийцы, чьи войска не явились к месту сражения⁸⁴⁸.

Проявляя глубокое почтение к сану понтифика, норманны препроводили его в Беневенто, чтобы определить условия своего мирного договора с Римским епископом. В своем послании к Константину Мономаху апостолик еще надеялся, что соединенные королевские, императорские и папские войска изгонят «варваров» с итальянских земель, но его просьбы о помощи оставались не услышанными. Целых 9 месяцев Лев IX пребывал в плену, здоровье его ухудшалось, и он вынужденно, хотя и не без злорадства по отношению к Константинополю, признал легитимность всех норманнских завоеваний в Папской области⁸⁴⁹.

Крайне раздосадованный тем, что византийские союзники, на которых он так надеялся, не прибыли к дню битвы, желая направить энергию сыновей Севера в другую сторону, апостолик благословил их занять Сицилию, что ему потом ставилось в вину строгими «клюнийцами». Конечно, в Константинополе также не понравилось, что понтифик так легко «дарит» чужакам исконные византийские земли, за которые было пролито столько крови. Но папе было уже все равно: Лев IX умер 19 апреля 1054 г. на 53-м году жизни⁸⁵⁰.

Когда это случилось, Григорий Гильдебранд был во Франции, откуда поспешил принять участие в выборе нового папы. По его подсказке понтификом был избран германский прелат Гебхард, епископ Эйхштадта, страстный поклонник императора Генриха III, принявший имя *Виктора II* (1055—1057). Но это было еще впереди, а пока вернемся к событиям, приведшим к Великому расколу Кафолической Церкви.

Глава 4. Великий раскол 1054 г.

После умиротворения Западной Церкви, настал черед Константинополя, к патриархам которого Григорий Гильдебранд и папа Лев IX относились с высокомерным презрением. Выступив против епископа Беренгария, отрицавшего учение о пресуществлении, Гильдебранд сильно охладил и без того малодружеские отношения с Восточной Церковью. А папа Лев IX решил ревизовать статус Константинопольского патриарха, найдя его *излишне завышенным* и неканоничным. В своем послании в Константинополь Лев IX доказывал, будто Константинопольская Церковь является только «дочерью» Римской Церкви, испокон века главенствующей на Востоке и Западе, и никак престол «Нового Рима» не может называться «вселенским». Видимо, в ответном послании с Востока ему напомнили характеристики пап последних двух столетий, далеко не лицеприятные, но Лев IX не растерялся. Спокойно и хладнокровно, как будто читая лекцию, понтифик оправдывался от этих обвинений, доказывая, что между *officium* (священным саном) и *meritum* (личными заслугами) нет никакой устойчивой связи⁸⁵¹.

Наверное, этого можно было и не делать, поскольку еще со времен древней Церкви это разделение считалось общепризнанным. И речь должна была идти не о «личных заслугах», а о том, что многие папы последних столетий подрывали авторитет самой Римской Церкви, издревне имевшей большой авторитет во всем православном мире — несомненный факт для христианского Востока. Такой же безусловный, как и прерогативы Константинопольской кафедры, полученные еще со времен II Вселенского Собора. Почему папа должен был восстанавливать авторитет Апостольского престола за счет уничтожения Константинопольского патриарха? Этот вопрос, гораздо более актуальный, чем притязания Рима, понтифик вполне благоразумно для себя не затрагивал.

Неожиданно к 1046 г. он получил поддержку в Константинополе в лице императора Константина IX Мономаха. Объективные обстоятельства вынудили василевса искать новой основы для столь нужного ему союза с Римом, поскольку авторитетом папы он надеялся немного урезонить ставшего *чрезмерно* могущественным патриарха Михаила Керуллара. К тому же царь не оставлял надежды вернуть утраченные итальянские владения. Узнав о резко выросшем авторитете папы в период понтификата Льва IX — че-

ловека глубоко благочестивого, василевс попытался навести дипломатические каналы.

Одним из его соратников явился итальянец Аргир Мелит, урожденный аристократ города Бари, ставший горячим пропагандистом объединения усилий Византийского императора и Римского епископа. Это была авторитетная и сильная личность, имевшая большое влияние на внешние события. Достаточно сказать, что в 1042 г., когда возникла апостасия Маниака, император Константин Мономах много сделал, чтобы привлечь Аргира на свою сторону; это в немалой степени предопределило победу над мятежником⁸⁵². Его назначили катепаном Италии, дали титул магистра, и в течение долгого времени Аргир проживал в Константинополе, ведя переговоры с императорским двором и патриаршим окружением о перспективах союза с Римом.

Альянс Константинополя и Апостольской кафедры был объективно выгоден обеим сторонам. Норманны, овладевшие многими областями Южной Италии, уже вплотную подошли к границам папских владений. Местное население, затерроризированное варягами, дошло до такой степени ненависти к ним, что, по словам одного очевидца, «почти невозможно для нормандца, даже если он — паломник, появляться в итальянских городах без риска быть похищенным, ограбленным, избитым или закованным в цепи, если только он не испустит дух в темнице». Император Генрих III, презрев родственные узы, принял от норманнов вассальную клятву и остался глух к просьбе двоюродного брата и Римского епископа выступить в защиту папских владений. А уступка норманнам герцогства Беневенто, являвшегося папской собственностью, определила вектор внешней политики Льва IX. И хотя зимой с 1050 на 1051 г. население Беневента вскоре изгнало своих новых правителей и просило папу принять их под апостольский омофор, ни Французский король, ни Западный император не откликнулись на призыв Римского епископа.

Единственным и неожиданным союзником Рима стал, как уже отмечалось выше, император Константин IX, которого Аргир убедил в том, что норманны представляют угрозу большую, чем папа, германцы и лангобарды вместе взятые. Как показала история, Аргир оказался пророчески прав в своих оценках. Стороны договорились действовать сообща: папа собрал армию, основу которой составили швабы, к нему присоединились итальянские ополчения.

Византийская армия должна была догнать итальянцев в походе на норманнов⁸⁵³.

Но тут в дело активно вмешался сам Константинопольский патриарх. Безусловно, Михаил Керулларий был великой личностью, более подходившей для царства, чем для патриаршества. Отличительной чертой его нравственного облика являлись преобладание разума над чувством, твердость характера, поразительное честолюбие и *властность*. Он был твердо последовательным в своих решениях, очень злопамятен, хотя, когда причина гнева проходила, нередко остывал и прощал виновного. Михаил был довольно образованным человеком, сведущим в богословии и особенно в каноническом праве. Величественный, он проходил во время службы по храму, внушая страх и трепет самим своим внешним видом. Одетый в пышные одежды, должны подчеркивать его высочайший статус, в то же время Михаил в обыденной обстановке был настоящим *аскетом*, ничего не тратя лично на себя⁸⁵⁴. Безусловно, от глаза Керуллария не укрылась новая нарождающаяся тенденция в отношениях между императором и папой, которую патриарх оценил для себя как однозначно негативную.

Керулларий учел, что хотя папа Лев IX в ту минуту также склонялся к союзу с Византийским императором, политика Рима, как всегда, была далеко не прямолинейной: с одной стороны, понтифик хотел натравить византийцев на норманнов, с другой — думал о тех выгодах, которые ему могли бы обеспечить северные пришельцы, завоевав императорские владения в Южной Италии и положив конец владычеству в этих землях Константинопольского патриарха. Все же первый вариант казался апостолику более актуальным, и он продолжил переговоры с Мономахом через Аргира.

Однако Керулларий, тщательно срывая под любыми предлогами поездку Аргира в Рим, пытался воздействовать на него через церковную дисциплину, а попутно осквернить его имя в глазах царя. Три или даже четыре раза Аргир был отлучаем патриархом от Святого Причастия по тому обвинению, что причащался опресноками и отстаивал каноничность латинского обряда богослужения. Тем не менее в 1051 г. Аргир был уже в Италии, провел переговоры с понтификом и отправил от себя в Константинополь епископа города Тран Иоанна, которого хитроумный Керулларий вскоре сумел завербовать на свою сторону.

Опасаясь, что союз Константина IX Мономаха с папой Львом IX приведет к возврату Римскому епископу епархий, переданных при императорах Льве Исавре и св. Никифоре Фоке Константинопольскому патриарху, Керулларий подготовил контрмеры. Он акцентировал внимание простых горожан на тот факт, что норманны в Южной Италии запрещают «греческий» обряд. Единственно неотвеченным остался вопрос: при чем здесь Римский папа? К тому времени Римская империя почти полностью аннексировала армянские княжества, и в Константинополе желали теперь включить Армянскую церковь, в массе своей монофизитскую, в состав Восточной Церкви. Но как это было возможно, если армяне придерживались «латинской» богослужебной практики, включая пост в субботу и употребление опресноков? И Керулларий, не особо утруждая себя размышлениями, приказал закрыть все латинские церкви в Константинополе. Это совершилось в 1053 г. по *единоличному приказу патриарха* и совершенно без ведома императора Константина IX, который, конечно же, никогда не согласовал бы такой акт⁸⁵⁵.

Надо признать, что с политической точки зрения этот шаг патриарха заметно повышал его авторитет в народе как защитника гражданских прав и патриота. Дело в том, что к X веку в Константинополе обосновалось множество венецианских, а затем и генуэзских купцов — людей очень обеспеченных и *надменных*. Греки их очень не любили, охотно устраивая с ними по всякому случаю драки и беспорядки. И именно эти люди были прихожанами латинских храмов и монастырей, которые закрыл Керулларий⁸⁵⁶. Несомненно, что ответные меры императора, направленные на реституцию старого положения, могли вызвать у константинопольцев только озлобление. На этой патриотической струне патриарх и сыграл свою первую партию.

Затем Керулларий отдал распоряжение в адрес всех священников закрытых церквей, чтобы они следовали при богослужении исключительно греческим образцам, угрожая им в случае неповиновения анафемой. Создавая благоприятный для себя общественный фон, он тут же направил послание греческому епископу Иоанну Транийскому (или Трану) в Апулию, подчиненному ему по принадлежности данного епископата к Константинопольскому диоцезу. В письме патриарх объяснил свои действия *некоторыми отступлениями* Западной Церкви от восточной практики⁸⁵⁷.

Впрочем, в некоторых случаях Константинопольский архиерей «проговаривался» и, не стесняясь, обращался к пастве с такими словами: «О, вы, православные, бегите общения тех, кто принимает еретичество латинян и мнит их первыми христианами в Кафолической и Святой Церкви Божьей! Ибо *папа* — *еретик*!»⁸⁵⁸

Если патриарх не побоялся открыто продемонстрировать свои церковно-административные полномочия, то выступить на богословском поприще он не решился, предпочитая действовать чужими руками, сам до времени оставаясь в стороне. Предварительно Керулларий уговорил архиепископа Льва Охридского (Болгарского) подготовить и направить Иоанну Трану еще одно резкое послание, но уже от *своего имени*, а также дал поручение Студийскому монаху Никите Стифату составить полемический трактат против латинян. Суть послания Льва Охридского Иоанну Трану заключалась в том, что архиепископ Болгарии, являвшийся поданным Византийского императора, бывший клирик и хартофилакс Константинопольского патриарха, обвинил Римскую церковь в различных ересьях, которым она подвержена *много веков* (!).

Уже само по себе такое обвинение в адрес одной из первейших как минимум кафедр Кафолической Церкви со стороны архиепископа вчерашней «варварской» страны было неслыханной дерзостью. Тем более что послание Льва Охридского не носило характера частной переписки и не было рассчитано на узкий круг лиц. Напротив, в нем напрямую говорилось, что с посланием должны ознакомиться «все франкские архиеереи и сам достопочтенный папа». Более того, адресату рекомендовалось прочесть послание в присутствии всего народа и, сделав несколько рукописных копий, разослать всем архиеереям Италии, заклиная их «исправиться»⁸⁵⁹.

Латинянам вменялось: совершение Евхаристии на опресноках, соблюдение поста в субботу в течение Великой четьредесятиницы (Великий пост), употребление в пищу удувленины и другие, уже не столь значительные деяния. Иоанну Транскому нетрудно было исполнить поручение Льва Охридского, поскольку в его городе в это время пребывал кардинал Гумберт, заподозривший итальянского епископа в интриге. Тем не менее Гумберт, знакомый с греческим языком, перевел послание на латынь и переправил папе Льву IX.

Второе провокационное послание, автором которого являлся монах Студийской обители Никита, было подготовлено и распространено несколько позже, уже ко времени приезда в Константи-

нополь римских легатов. Безусловно, оно тем более было неприятным папским посланникам, поскольку Студийский монастырь традиционно занимал *проримскую позицию*. Следовательно, в глазах христианского мира все выглядело таким образом, что Рим действительно сильно погрешил перед Православием, если даже среди студитов стали раздаваться критические голоса против папы. Кроме того, студийские монахи всегда отличались интеллектом и пополняли собой ряды византийских богословов, что придавало дополнительный вес полемическому трактату Никиты.

В сочинении Стифата помимо изложенных Львом Охридским обвинений содержатся упреки в безбрачии латинского священства, причем автор, явно слабо знакомый с канонами Вселенских Соборов, много напутал в хронологии истории Кафолической Церкви и ее обрядах. При внешней корректности формулировок, Никита, не удержавшись, назвал Римского епископа «псом и злым делателем».

Любопытно и знаменательно, что ни Лев Охридский, ни Никита вообще не затронули тему *Filioque* — римского учения об исхождении Святого Духа от Отца и Сына. В этом нет ничего удивительного: если Керулларий хотел *всколыхнуть* народ Константинополя, то следовало делать акцент не на тонких и малопонятных большинству обывателей догматических вопросах, а на фактах нарушения богослужебного культа, поскольку для рядовых и консервативных византийцев церковная форма являлась сакральной по своей природе. Таковы были, выражаясь современным языком, *официальные обвинения* в адрес Римской Церкви, никак не вызванные самим понтификом и лежащие исключительно на совести Константинопольского патриарха⁸⁶⁰.

Попутно у Керуллария образовался повод привлечь на свою сторону еще одного авторитетного союзника. В это время новым Антиохийским патриархом стал *Петр II* (1022—1051), которому предложил занять вдовствующую кафедру сам император Константин IX. Теперь, почуяв неладное, понимая, что никак не может повлиять на патриарха столицы, василевс через своего посланника решил начать мирные переговоры с Римом. Он напомнил архиерею Сирии древний обычай, согласно которому каждый вновь возведенный вселенский архиерей должен направить Римскому епископу извещение о начале своего патриаршества. Таким способом царь надеялся продемонстрировать перед папой свое миролюбие

и желание заключить перспективный союз. Однако об этом узнал Константинопольский патриарх и предпринял встречные меры, надеясь использовать Петра в своих интересах.

Тем временем понтифик получил перевод послания Льва Охридского. К несчастью, его перевод, сделанный Губертом, был очень приблизительным: секретарь лишь усугубил оскорбительный тон письма, да и сам апостолик не удосужился перепроверить точность переведенных выражений. Конечно, Лев IX был в ярости: рассчитывая на дружескую помощь Константинополя, он столкнулся с актом, откровенно направленным на расторжение отношений⁸⁶¹.

Папа Лев IX и его помощники были не настолько простодушны, чтобы не понять, *по чьей инициативе* подготовлено и с чьего тайного благословения получило свет это обличительное послание, а также его цель — сбросить главу Апостольской кафедры с пьедестала главы Кафолической Церкви. Папа дал поручение Гумберту срочно подготовить ответное послание, в котором приводились бы аргументы в пользу главенства Римского епископа в Кафолической Церкви, и само обращение было намеренно оскорбительным: «Михаилу из Константинополя и Льву из Охрид, *епископам*».

В подтверждение догадок папы об истинном авторе послания вскоре ему была доставлена грамота Константина IX Мономаха, в которой император искренне сожалел, что узнал *о махинациях патриарха* слишком поздно, и обещал сделать все возможное для восстановления мира в Церкви. Попутно василевс выразил свое соболезнование по поводу поражения папской армии от норманнов и обещал оказать военную помощь. Поразительно, но почти одновременно с этим Лев IX получил послание от Михаила Керуллара (!), в котором патриарх как ни в чем не бывало говорил о необходимости более тесных отношений между Восточной и Западной Церквями. Очевидно, что Константинопольский архиерей пытался запутать следы, узнав о негативной реакции царя на свои происки против Рима⁸⁶². Но папу было уже невозможно обмануть.

В ответном письме понтифик написал Керулларию, что в скором времени подготовит *собственное* исследование по затронутым Львом Охридским догматическим и каноническим вопросам. А сейчас папа лишь выразил естественное недоумение самим фактом обвинения Римской Церкви в ереси, напомнив патриарху, сколько еретиков родила Константинопольская церковь, и что

именно Апостольский престол многократно спасал от них Церковь. Сославшись на «Константинов дар», он напомнил об источнике высших правомочий Римского епископа и тут же обвинил Керуллара и его предшественников в «незаконном» использовании титула «Вселенский патриарх», нарушении канонического порядка его хиротонии в столичного архиерея и беспричинном закрытии в Константинополе латинских церквей⁸⁶³.

Вслушаемся в доводы понтифика: «Ты, возлюбленный наш, и еще нарицаемый во Христе брат и предстоятель Константинопольский, с небывалой дерзостью и неслыханной смелостью осмелился осуждать Апостольскую Латинскую церковь, — и за что же? За то, что она совершает воспоминание о страданиях Господа на опресноках. Вот неосмотрительная брань ваша, вот недобрая хвастливость ваша, когда вы, полагая, что уста ваши на Небеси, своим языком пресмыкаетесь по земле и силитесь человеческими доводами и умствованиями извратить и поколебать древнюю веру. Вот уже почти 1020 лет прошло с тех пор, как пострадал Спаситель, и неужели вы думаете, что только теперь от вас Римская церковь должна учиться, как совершать Евхаристию»⁸⁶⁴.

Это вполне разумное и очень аргументированное, за некоторыми исключениями, послание было направлено самому Керулларию и императору, который, несмотря на старость и нежелание вступать с патриархом в открытую борьбу, на этот раз устроил архиерею жесточайший выговор. Его активно поддержал Аргир, ужаснувшийся тому, что все многолетние труды заключить союз между Константинополем и Римом пошли прахом. Чтобы смягчить гордого патриарха, император пообещал Михаилу Керулларию договориться с понтификом, дабы тот признал за ним титул «вселенского архиерея», и Керулларий *сделал вид*, что согласился. Он даже направил в Рим некое примирительное послание, не дошедшее до нас, а также письмо Петру Антиохийскому, в котором отмечал «добродетели, благородство и просвещенность» понтифика.

Но тут, что называется, «занесло» уже Льва IX. В новом послании на имя своего Константинопольского собрата, отвечая на просьбу императора, он категорично отказался признать «вселенский» титул столичного патриарха: «Не чудовищно ли это требование, любезнейший брат? Церковь Римская, глава и мать всех церквей, не будет иметь членов и дочерей? И как же она может

тогда называться главой или матерью?» Понтифик справедливо упрекал патриарха, что тот, желая стать «*восточным папой*», как Римский епископ стал папой Запада, безосновательно пренебрег честью и достоинством остальных патриарших кафедр, унизив Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского архиереев. «К какой опасности ты стремишься — это очевидно для всякого здравомыслящего человека»⁸⁶⁵.

А в письме к императору Мономаху папа просил и даже требовал вернуть Римской Церкви спорные (по его мнению) епархии, переданные ранее Константинопольскому диоцезу. Кроме того, чтобы окончательно закрыть обидную и оскорбительную для себя тему, папа отправил в Константинополь своих легатов: кардинала Гумберта, родственника императора Генриха III, канцлера Римской Церкви Фридриха и Амальфитанского архиепископа Петра. Это было очень неразумно с его стороны — если папа *действительно* желал восстановить мир в Церкви, а византийцы являлись его единственными союзниками против норманнов, то нельзя было требовать от больного царя немедленного разрыва с могущественным патриархом. Кроме того, легаты, направленные Львом IX в Константинополь, никак не подходили для мирной миссии. Гумберт даже в Риме прослыл греконенавистником, а двое других послов участвовали в битве при Чивитате и были кровно обижены на византийцев, что те не пришли на помощь⁸⁶⁶.

По пути легаты остановились в Апулии и имели аудиенцию у Аргира. Тот, давно находясь в ссоре с Керулларием, посоветовал не искать встречи с патриархом, а ограничиться визитом к императору. Это был очень плохой совет, поскольку не учитывал реального положения дел — патриарх по-прежнему явно довлел над императором на политическом Олимпе. Наконец, в апреле 1054 г. легаты прибыли в Константинополь⁸⁶⁷.

Не оставляя надежды устранить причину ссоры, не зная о тайных интригах патриарха и его участии в подготовке послания Льва Охридского, Мономах принял легатов очень торжественно и отвел им помещение в одном из своих дворцов. Напротив, Керулларий всячески уклонялся от встречи с ними и по собственному признанию принял их всего один раз, причем аудиенция закончилась форменным скандалом, который был довольно грубо инициирован патриархом, целенаправленно унизившим латинян в своей резиденции. Не обошлось и без протокольных претензий.

Незадолго до приезда легатов патриарх получил послание от Иоанна Транийского, в котором тот уверял Керуллара, будто папа, как мудрый и выдержанный человек, настроен весьма дружелюбно к Константинополю и жаждет мира. Но официальное послание, полученное им от понтифика, было написано в совсем ином тоне. Тогда Михаил Керуларий заподозрил, что легаты *подменили* письмо во время остановки у Аргира, его извечного противника, — конечно, это было безосновательное подозрение. Затем патриарх развил свою мысль: как известно, сам папа находится в плену у норманнов, следовательно, если рассуждать логично, он никак не мог направить легатов в Константинополь. А если это так, то Гумберт «со товарищи» — *самозванцы* (!). В довершение всего 15 апреля 1054 г. папа Лев IX скончался, о чем вскоре стало известно в византийской столице. Новый папа, *Виктор II* (1055—1057), назначенный Генрихом III, о посольстве своего предшественника ничего не знал, а потому физически не мог подтвердить полномочия легатов. И Керуларий внутренне похвалил себя за осторожность и неторопливость⁸⁶⁸.

В результате вместо мирных переговоров легаты были вынуждены занять настоящую оборону против в той почти военной кампании, которую открыл на Римскую Церковь Керуларий. И тут категоричный Гумберт, совсем не дипломат по своему характеру, написал в Константинополе ответное послание Льву Охридскому, в котором сам обвинял греков во многих отступлениях от вселенских канонov, в частности, разрешении священнику сожительствовать с женой, и угрожал им анафемой.

Практически сразу же после этого Михаил Керуларий ввел в бой свой «резерв» — уже упоминавшийся выше полемический трактат Никиты Стифата, на который Гумберту пришлось отвечать экспромтом. Следует признать, ответ кардинала поразил всех своей грубостью и несдержанностью. Без всякого смущения он назвал монаха «глупейшим ослом, дерзнувшим сокрушить чело льва», «столетним мальчишкой, скорее, Эпикуром, чем иноком, которому уместнее жить в театре или в лупанаре, чем в монастыре», «вероломным навозником», а затем предал анафеме.

Видимо, Гумберт поставил в известность о своем ответе самого Константина IX Мономаха, поскольку уже 24 июня 1054 г. император со свитой и с легатами посетил Студийский монастырь, где подвизался Никита Стифат. Тот был настолько сломен и раздав-

лен авторитетом римских послов и приездом василевса, что сжег свою книгу, предал анафеме изложенные в ней взгляды и вообще всех недоброжелателей Римской Церкви. После чего был принят легатами в церковное общение. На следующий день Никита явился во дворец, где остановились легаты, и возобновил свои анафемы на хулителей Римской Церкви⁸⁶⁹.

И тогда Керулларий попытался подключить к ситуации патриарха Петра Антиохийского, убедив того стать врагом Западной Церкви. Он направил Петру срочное послание, в котором говорится буквально следующее. «До меня дошел слух, что как ты, так и Александрийский и Иерусалимский патриархи возносят имя папы в церковных диптихах. Странно видеть такое неведение, особенно в тебе. Известно, что со времен Святого Вселенского VI Собора и на все будущее время имя папы в наших церквах было вычеркнуто из диптихов по той причине, что тогдашний Римский папа Вигилий не желал придти на тот Собор и провозгласить анафему на сочинения Феодорита и Ивы. *С того времени и доныне* (поразительно! — *А.В.*) папа был отлучен от Кафолической Церкви. Вот почему нам показался невероятным слух о поминовении папы». Невероятно — то ли по незнанию, то ли по умыслу, но Керулларий совершенно переврал события, «приписав» папу *Вигилия* (537—555), жившего во времена императора св. Юстиниана Великого, к VI Вселенскому Собору (680—681 гг.) и «открыл» факт его анафематствования.

Затем в послании Константинопольский патриарх «объяснил» Петру Антиохийскому свою версию размолвки с Римом. Якобы он, желая мира, направил папе письмо, которое перехватил Аргир и от имени Льва IX подготовил *подложный* ответ, какой и был вручен в Константинополе императору и лично ему надменными римскими легатами. «Пришедши к нашей мирности, — продолжает Керулларий, — легаты проявляли всяческую спесь и заносчивость, и никакого приветствия не оказали нам, никакого поклонения головы и обычного поклонения (? — *А.В.*) от них не было. Они не хотели и слышать о том, чтобы сидеть с нами в официальном заседании ниже митрополитов, как бы это следовало согласно с изначальным обычаем, считая это величайшей для себя обидой. Даже и императору они никакого почтения не оказали»⁸⁷⁰.

Между тем патриарху нужно было бы помнить, если уж он заговорил о «древнем обычае», что во все времена Вселенских Соборов

и позднее легаты Римского епископа традиционно сидели *выше всех остальных епископов*, и, конечно, сочли великим бесчестьем, что их, послов Апостольского престола, попытались посадить ниже восточных митрополитов. Чтобы лучше понять возмущение легатов, вспомним об одном событии, которое произошло в Константинополе за 35 лет до этого. В день Пятидесятницы на одном из заседаний Константинопольского синода синкеллы Константинопольского патриарха категорически не пожелали садиться ниже митрополитов. С учетом того, что обыкновенно синкеллы патриарха являлись всего лишь *диаконами*, можно себе представить, что должны были чувствовать римские легаты в аналогичной ситуации!

Теперь о «неуважении императора». Нет сомнения, пассаж о якобы имевшем место случае неуважения к василевсу Керулларий вставил «для красного слова», чтобы усилить негативное впечатление о римских легатах. Но, как раз наоборот, император Константин IX Мономах неоднократно выказывал легатам свое благоволение и покровительство, и, вне всякого сомнения, никакого непочтения по отношению к нему послы папы проявить не могли.

Вскрыв послание, продолжает патриарх, он сразу же убедился, что письмо подложное, поскольку в нем приведены те же аргументы, которые ранее ему высказывал о практике Римской Церкви Аргир. Наконец, перейдя к основным вопросам, Константинопольский архиерей раскрыл перед Петром Антиохийским «римские соблазны», опять пропуская вопрос о *Filioque*. Его искренне возмутило, что легаты пришли не дискутировать и не быть наученными Православию, а *учить* (в этом, конечно, патриарх был совершенно прав). В завершение Керулларий *дает поручение* Петру Антиохийскому изучить, действительно ли в восточных патриархатах имя папы упоминается в диптихах.

Но что же так расстроило Михаила Керуллария, и можно ли было ожидать от легатов иной реакции на провокации патриарха? Послы прибыли не к нему, а к императору Константину Мономаху, и притом с присущим Риму чувством превосходства его главы над всеми остальными патриархами. Почему *вдруг* они должны были изменить свою позицию и убеждения? Впечатляет и приказ Керуллария собрату по патриаршей кафедре, особенно режущий глаза на фоне рассуждений самого Петра Антиохийского о пентархии

и братстве всех «Вселенских» архиереев, которые Константинопольский архиерей раздраженно пропустил мимо глаз.

Ответное письмо очень не понравилось Константинопольскому патриарху. Конечно, Петр Антиохийский выразил свое недовольство якобы имевшим место вмешательством Аргира, светского лица, в дела Константинополя и Рима. Но затем антиохиец с откровенной издевкой начал исправлять грубые исторические ошибки Керуллария о папе Вигилии и времени VI Вселенского Собора. Петр отметил заблуждения самого патриарха, говоря для смягчения «выговора» о том, что по неведению своего хартофилакса Керулларий не знает, что имя папы *никогда* не вычеркивалось из диптихов. И что он сам видел его в диптихах Константинопольской Церкви лет 40—45 назад, когда приезжал в столицу. Действуя в духе *икономии* («домостроительства»), Петр очень осторожно и доброжелательно объяснил Керулларию различия церковных практик, не видя в римских обрядах ничего еретического. В конце послания Петр воззвал к братским чувствам Михаила и просил того простить ошибки Рима, если они и существуют в действительности, ради чести его предстоятеля⁸⁷¹.

Подытожив результаты, Михаил Керулларий с горечью констатировал, что бит по всем направлениям. В довершение всех бед приказом императора были вновь открыты все латинские церкви в столице. Это событие явно продемонстрировало различие в отношении василевса к собственному патриарху и папе. Но тут римские легаты, до сих пор старавшиеся вести себя довольно осторожно, поспешили упиться собственной победой. Чувствуя покровительство императора, полагая себя абсолютно безнаказанными, они решились на публичную акцию, рассчитывая таким способом окончательно сломать патриарха и всенародно унижить его.

16 июля 1054 г. легаты явились в храм Святой Софии, когда там шла Литургия, выступили перед народом с гневными обвинениями на упорство и коварство патриарха, а затем положили на Алтарь грамоту об отлучении Керуллария и всех его сторонников от Церкви. Выходя из храма, они отрясли пыль на пороге и произнесли: «Пусть видит Бог и судит!»

Наступило длительное молчание. Наконец пришедший в себя от шока патриарх велел диаконам принести грамоту и перевести ее на греческий язык. В ней значилось, что Римская Церковь, имеющая попечение обо всех Церквях, нашла в лице папских легатов

Константинополь православнейшим и христианнейшим, равно как и императора — благочестивейшим царем. Другое дело — Константинопольский патриарх, ежедневно распространяющий по всему миру плевелы ересей. Легаты назвали его в своем письме «симонианином», «арианином», «манихеем» и еще добавили с десятков определений. Примечательно, что многие вины, вменяемые Керулларию и грекам, либо были изначально вымышленными, либо принадлежали самой Римской Церкви. Например, Гумберт упрекал византийцев в симонии, но не мог не знать, что этой болезнью в куда большей степени болеет Римская Церковь. К тому времени прекратилось и обязательное перекрещивание латинян, совершенно не применялась практика принудительного оскопления священников, а неприятие греками «закона Моисея» являлось выдумкой самого Гумберта⁸⁷².

Перечислив все вины Михаила перед Римской Церковью и Православием, действительные и мнимые, легаты *отказали ему в титуле Константинопольского патриарха (!)* и анафематствовали его. Заключительная часть грамоты звучит следующим образом: «Михаилу, новообращенному и ложному патриарху, которого только смертельный страх заставил усвоить монашеские обычаи, прославленному своими ужасными преступлениями; Льву, так называемому епископу Охридскому; Константину, секретарю вышеназванного Михаила, который публично топтал латинскую литургию ногами; и всем, кто следует им в их заблуждениях и гордыне, если только они не раскаются, всем им анафема, как симонитам, северианам, пневматомахам, манихеям, валезианам, николаитам, арианам, донатистам, назарееям, как всем еретикам и, наконец, как дьяволу и всем его слугам. Аминь, аминь, аминь!»

Конечно, эта грамота — верх высокомерия, грубости и алогизма. Если вся Византия православная, то как может быть признан еретиком патриарх, отстаивавший восточную практику, столь любимую Римом?⁸⁷³ И можно ли назвать *благочестивейшим* императора, спокойно вззирающего на «еретика»-патриарха?

Но, не удосуживаясь данными вопросами, считая теперь свою миссию оконченной, празднуя тяжело доставшуюся «победу», легаты получили подарки от Мономаха и двинулись в обратный путь, в Рим. Тем временем Михаил Керулларий, обладавший громадным политическим и жизненным опытом, уже просчитавший в уме комбинацию в свою пользу, упросил царя вернуть послов

якобы для того, чтобы устроить с ними совещание и разрешить конфликт. Царь исполнил его просьбу, и легаты были возвращены и поселены в том же дворце, откуда они только что выехали. Как позднее отмечали сами легаты в своем отчете папе, император *запретил* патриарху проводить заседания без его присутствия, но Керулларий все же поступил по-своему. Однако уже ничто не могло остановить цепь событий. Весь Константинополь шумел, негодуя по поводу узколобых легатов, позволивших оскорбить и патриарха, и Восточную Церковь. Император попытался успокоить граждан, но в результате был вынужден пойти на компромисс, приказав арестовать семью и родственников Аргира, проживавших в столице, — сам катепан находился в Италии и ни о чем не ведал.

20 июля 1054 г. патриарх созвал синод, формально пригласив на него римских послов. Те, конечно, не явились, что Керулларий заранее и предполагал. Тогда в присутствии 12 митрополитов, 2 архиепископов и 7 епископов, бывших в те дни в Константинополе, Керулларий огласил эдикт, в котором провозгласил ответную анафему на Римского папу, *обильно* обосновывая ее всеми римскими отличиями и отдельно осуждая *Filioque*, хотя речь ранее об этом вообще не шла. В целом грамота была составлена в куда более осторожных выражениях, чем римская анафема. В ней не анафематствуется папа, а лишь конкретные лица, легаты, и перечисляются «ереси» Римской Церкви. Но в сознании того времени эта была настоящая анафема апостолику, что и закрепилось в церковной практике в последующие времена⁸⁷⁴.

Не теряя затем времени, патриарх направил письмо Петру Антиохийскому, в котором по-своему изложил обстоятельства дела — будто бы легаты анафематствовали не его, а *всю* Восточную Церковь. В самом Константинополе Керулларий организовал широкие волнения — дошло до того, что жизни легатов угрожала серьезная опасность, и император с трудом смог их защитить, быстро выпроводив из столицы. Вследствие дерзких и высокомерных поступков римских послов патриарх поставил вопрос в такой редакции, что *только он один* является истинным защитником Константинопольской Церкви и Православия в целом при пассивной позиции василевса. В довершение всего Керулларий дал разрешение на издание памфлета «Против франков», в котором были приведены 28 канонических отступлений латинян — по большей части совершенно абсурдных. В частности, им вменялось, будто они крестят

младенцев слюной (!) и едят мясо волков. Без сомнения, памфлет был направлен на то, чтобы укрепить политическую победу патриарха над императором, который, как получалось, сквозь пальцы смотрит на попрание веры со стороны латинян⁸⁷⁵.

Император Константин IX, авторитет которого в глазах народа в ту минуту упал ниже низшего предела, вынужден был спасти уже самого себя. Он дважды направлял своих посланников к Керулларию, выдал на его суд в виде «козлов отпущения» двух переводчиков, служивших при легатах во время их пребывания в столице, и издал императорский рескрипт, позднее включенный в состав синодальной грамоты об анафематствовании Рима⁸⁷⁶. Как и ожидалось, Константин IX Мономах подписал соборную анафему Риму и согласился с патриархом по всем пунктам обвинения. Примечательно, что патриарх Петр Антиохийский попытался уговорить Керулларию восстановить единство с Западной Церковью, но тот, разумеется, даже слышать об этом не желал⁸⁷⁷.

Тем временем легаты вернулись в Рим и написали новому папе Виктору II подробный, хотя и малообъективный отчет. Оставалась последняя надежда, что понтифик не утвердит акт легатов своего предшественника, но тот, верный продолжатель дела Льва IX, анафематствовал Константинопольского патриарха и всех его сторонников. Поскольку же под эту категорию подходил и Византийский император, и восточные патриархи, и все греки, то всколыхнулась вся Восточная Церковь. Так произошел *Великий раскол Кафолической Церкви*, не изжитый до сих пор. Тем более удивительный, что современники в первые столетия мало придавали значения данному событию, полагая его *одним из* примеров ставшей привычной вражды Римской и Константинопольской кафедр. Увы, они глубоко ошибались...

Конечно, трудно обвинить одного Михаила Керулларию в этом расколе, поведение папы Льва IX также выглядит далеко не безупречным. Но в действительности он лишь повторял слова Римских епископов времен Вселенских Соборов. А те нисколько не сомневались в своем примате над всеми остальными патриархами, напоминая о заслугах Римской Церкви в деле защиты Православия. Но, как справедливо отмечают, объективно папа, живущий в XI веке, не имел никакого *морального права* говорить языком св. Льва Великого, св. Григория Великого, Целестина, Адриана и Агафона. «Типовой» папа тех времен, о котором говорили, что

в Риме властвует не апостол Петр, а Симон Волхв, игрушка, мятущаяся в течение двух столетий в руках различных политических партий. Вечно озабоченный поисками союзников и покровителей, морально падший и совершивший множество преступлений, *такой* понтифик не мог быть в глазах константинопольцев главой Кафолической Церкви и высшим авторитетом, каким являлись его великие предшественники.

Однако и позиция Константинопольского патриарха, ничуть не отличающаяся от римских «нот», полагавшего себя первым патриархом, управляющим всеми остальными епископами Востока, ничем не лучше. Небезынтересно отметить, что в течение всей переписки с Римом и июльских событий 1054 г. Керулларий даже не счел нужным снестись с Иерусалимским и Александрийским патриархами и узнать их мнение. Да и Петру Антиохийскому он давал лишь *поручения*, мало задумываясь над его словами и позицией⁸⁷⁸.

Теперь, освободившись, как казалось Керулларию, путем войны от Рима, он мог с полным основанием говорить о себе, как церковном главе Востока — чего, собственно говоря, и добивался все эти годы. Вслед за этим, как мы вскоре увидим, началась борьба с собственным императором, приведшая Византию к глубочайшему политическому и духовному кризису.

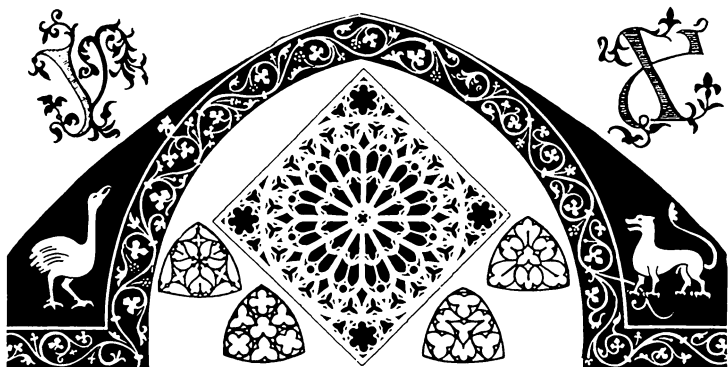
Раскол произошел, и каждый из противников думал, что победил. Правда, в последующие годы еще встречались сильные и мудрые фигуры, пытавшиеся возобновить отношения между Западом и Востоком. Хотя папа Виктор II и согласился с легатами своего предшественника, но он, тем не менее, направил в 1055 г. Барийского архиепископа Николая в Константинополь вместе с Аргиром. Вслед за тем папа *Стефан X* (1057—1058) также посылал своих легатов в византийскую столицу, но понтифик умер, и посольство рассыпалось. В 1071 и 1073 гг. папа *Александр II* (1061—1073) дважды пытался возобновить переговоры с императором, но также безуспешно⁸⁷⁹.

Объективно говоря, восстановление церковного единства было крайне важно для обеих сторон. Византийские границы уже горели в огне турецких набегов (об этом речь чуть впереди), и императорам не было никакой выгоды приумножать ряды врагов, тем более на Западе. К тому же только понтифик мог хотя бы немного смягчить экспансию норманнов на греческие территории Ита-

лии. Апостольская кафедра также полагала, что союз с византийцами небезвыгоден для них среди германского и норманнского окружения. К несчастью, в Константинополе в то время также торжествовал «византийский папизм», и нужно было быть слишком наивным идеалистом, чтобы рассчитывать на успех миссий. А в самом Риме, где только-только удалось восстановить престиж папского престола, никто не собирался уступать «схизматикам». В результате каждая из сторон стремилась только к тому, чтобы насолить другой. Когда в 1073 г. папа Григорий VII исполнил просьбу императора Запада и обязал вождя норманнов Роберта Гвискара заключить мирный договор с греками, в Константинополе ответили понтифику черной неблагодарностью. Во-первых, византийцы не выполнили обещания воссоединиться с Римом на оговоренных условиях. А, во-вторых, когда папа торжественно заявил, будто готов сам явиться с армией в Константинополь, дабы отразить нападение турок, это настолько испугало восточный клир, что во-прос «замяли»⁸⁸⁰.

Со временем иссякли и эти попытки, окончательно разделившие два христианских мира. Но напрасно «победители» торжествовали. Папство уже ждал новый кризис, который не смогла предотвратить (или, что вернее, породила) «Клюнийская реформа». И вскоре вместо Римского епископа Запад получит настоящего *политического деспота*, составившего конкуренцию самым сильным европейским монархам. Керулларий также мог торжествовать, но не знал, что чуть не закончит жизнь с клеймом государственного преступника. Что же касается великого христианского государства, то через 400 лет Византийской империи не станет...





ЛИV. ИМПЕРАТОР МИХАИЛ VI СТРАТИОТИК (1056—1057)

Глава I. «Старик», патриарх и мятежные полководцы. Завершение Македонской династии

Так получилось, что после всех дворцовых интриг и приключений *последним* представителем блестящей Македонской династии стал человек, не имеющей к ней по крови никакого отношения. Краткое царствование императора Михаила VI, заурядного в самом привычном смысле этого слова человека, не лучше и не хуже других Римских царей, представляет интерес в совершенно конкретном аспекте. Так сложилось, что именно на период его правления приходится самая яркая и наиболее опасная для Римской империи по последствиям вспышка «византийского папизма». Традиционное для последних столетий противостояние патриарха и василевса, ранее с успехом погашаемое силой и авторитетом императорской власти, сменилось таким положением дел, что политический статус царя и сам *выбор конкретного императора* стали целиком и полностью зависеть от Константинопольского архиерея. И до Михаила Керулария, и после него столичный престол занимали сильные личности, ни на минуту не сомневающиеся в истинности «Константинова дара» и доставившие царям немало забот. Но, объективно говоря, на 1057 г. приходится высший успех «византийского папы» — никто так не был близок к достижению заветного идеала

полного подчинения себе всей власти в Римской империи, как Михаил Керулларий, и ни перед кем из патриархов так не трепетали цари. Впрочем, не будем опережать события и вернемся к изложению царствования нового монарха.

Что можно сказать о Михаиле VI? Как говорят, это был выходец из знатного аристократического рода, воздержанный, спокойный, благочестивый. Он с малолетства служил в армии, воевал, а потом занимал довольно высокую должность при царском дворе, имея титул патрикия. При внешнем благодушии василевс имел твердый и решительный характер, позволяющий ему противостоять сильным врагам. Выбирая его своим преемником, царица Феодора, естественно, учитывала эти качества. Однако при всех достоинствах Михаилу VI был присущ природный недостаток, от которого, увы, не смог еще уйти ни один человек. Он был очень стар, а потому едва ли мог в полном объеме принять на себя груз ответственности за судьбу Римской империи. Точный возраст Стратиотика по-прежнему составляет предмет дискуссий, но, как говорят, на его голове не было ни одного волоса, что позволяет сделать соответствующие выводы⁸⁸¹.

В этом отношении партия придворного евнуха Льва Параспондила не ошиблась — немощный старик не столько руководил, сколько *нуждался* в добрых советах и молодой энергии. Памятуя старые договоренности и проявив завидное благоразумие, император ничего не стал менять в государстве — Параспондил остался первым министром Византии, сохранив свою власть и влияние.

Хотя Михаила VI возвела на царский престол непосредственно императрица Феодора, а ее воля (тем более посмертная) для византийцев являлась священной, нашлись другие претенденты на царский венец. Едва царица Феодора закрыла глаза и отдала душу Богу, как племянник императора Константина IX *Феодосий Мономах* тут же заявил свои права, как родственник василевса, на высшую власть. У него, однако, ничего не получилось: Константинопольский патриарх Михаил Керулларий открыто отказался поддерживать мятежника, а придворные евнуха сумели обезвредить Феодосия Мономаха, направив против него гвардейский отряд варягов. В результате Феодосий был арестован у храма Святой Софии и отправлен в ссылку в Пергам. Его апостасия настолько рассмешила константинопольцев, что они даже сложили о Феодосии Мономахе анекдотические стихи.

Как небезосновательно полагают, отказ патриарха поддержать Феодосия вызывался вовсе не лояльностью к императору Михаилу VI Стратиотику. Сохранились сведения о том, что сразу после воцарения Михаила VI некоторые придворные пытались убедить его пойти на союз с очень могущественным Керулларием, но царь категорично отказался. Он прекрасно понимал, *что* означает мир со столичным архиереем в понимании Керуллария — полное подчинение императорской власти патриарху. В данном случае неважно, являлся василевс слепым орудием Льва Параспондила, сохранившего к патриарху лютую ненависть, или Стратиотик действовал по собственному разумению. Хотя первое предположение не коррелирует с характеристикой царя и его поведением в последующих событиях. Главное то, что Керулларий, так долго и упорно добивавшийся объединения в своих руках всей власти в Римском государстве, не собирался прощать отказа императора. Патриарх и ранее был невысокого мнения о царствовавших на его веку императорах, невольно сравнивая их с собой и не находя должных достоинств. Но всякий раз, когда Керулларий поднимался против них, ему сопутствовали поражения, и каждый из василевсов имел свои преимущества перед архиереем, а потому приходилось ждать. Однако теперь ему противостоял не молодой Михаил IV Пафлагон и не могущественный Мономах, а *старик*, случайный «проходимец», иллюзорная, как казалось Керулларию, фигура на политическом Олимпе. И он посмел отказаться от союза с «вселенским патриархом»?! Патриарх, конечно, ничего не забыл, продолжая возглавлять сильную, оппозиционную правительству партию.

Он мог бы поддержать и, как мы увидим чуть далее, *поддержал следующую апостасию*, но не эту. Можно назвать две главных причины, по которым Керулларий не проявил сочувствия к замыслам Феодосия Мономаха. Во-первых, ему, безусловно, не хотелось помогать племяннику человека, с которым когда-то начал открытую войну, имевшую, не случись смерти Константина IX, все шансы на успех. Во-вторых, как человек очень опытный, Керулларий был превосходно осведомлен о той любви, какую византийцы испытывали к престарелой царице Феодоре. Он готов был «свалить» Стратиотика, но *чужими руками*. Следовательно, оставалось надеяться на счастливый случай, который, как был уверен Керулларий, вскоре представится⁸⁸². И он не ошибся.

В 1057 г. политическая элита Византии, как всегда, была далеко не монолитной, но на этот раз она жестко разделилась на два противоборствующих лагеря — военных и гражданских чиновников. Уже давно, буквально сразу после смерти императора Василия II Болгаробойцы, военачальники Римской империи пребывали на вторых ролях в государстве — их места заменили евнухи и гражданские лица. Конечно, такое умаление военного сословия не нравилось римской армии, и мятеж Льва Торника был первым сигналом для царской власти — к сожалению, не замеченным.

Новый конфликт возник очень быстро. Весной, когда по сложившейся традиции все византийские чиновники получали *ругу* — ежегодное содержание, а именно 27 марта 1057 г., несколько полководцев удостоились аудиенции у Михаила VI. Среди них были такие блестящие победители, как магистр Исаак Комнин, магистр Катакалон Кекавмен, вестарх Михаил Вурца, Константин и Иоанн Дуки. Они только что вернулись с полей сражений и искренне надеялись как минимум на повышение и производство в новые чины, а максимум на то, что царь, сам вышедший из стратигов, решится начать замену лиц в высшем управлении. В их требованиях не было ничего неестественного: с первых дней своего царствования Михаил VI отличился тем, что раздавал титулы и должности всем без разбора, надеясь таким способом заслужить симпатии населения. Дошло до того, что многие безвестные чиновники получали повышение на две и даже три ступени — *nonsense* для византийской системы государственной службы⁸⁸³. И разве боевые командиры были менее достойны повышения, чем евнухи и придворные льстецы?!

Однако они ошибались — Стратиотик ничем их не поощрил и очень негативно отнесся к просьбам о повышении. Более того, император откровенно дал понять своим командирам, что *недоволен* их успехами на восточной границе. Стратиги были потрясены и попытались искать правды у всемогущего Льва Параспондила, прознав, будто тот в состоянии влиять на решения василевса. Но евнух принял полководцев еще более сурово, чем император.

Задержавшись на несколько дней в Константинополе, полководцы тайно собрались вместе и решили сместить царя, тем более что, с их точки зрения, права Стратиотика на царство были весьма и весьма сомнительны. И дело не в том, что они оспаривали волю покойной императрицы, полководцы лишь руководствовались

«общим благом» — безусловной для византийцев политической категорией. Боевые командиры полагали, что столь бессильный и неспособный управлять делами Римской империи человек не должен носить титул царя.

К указанным выше лицам примкнули другие полководцы — Никифор Вриенний, проедр Роман Склир, сыновья Василия Аргира и Никифор Вотаниат. Дав друг другу клятву молчать, они затронули другой, не менее щекотливый вопрос — кому должна достаться императорская власть после свержения Стратиотика. Первоначально предложили ее Катакалону Кекавмену, армянину по происхождению, великому полководцу, но тот отказался. Действительно, он был хорошим, замечательным военачальником, но не чувствовал в себе талантов государственного деятеля. Тогда взоры всех обратились в сторону 50-летнего *Исаака Комнина*, женатого на Екатерине, дочери Болгарского царя Иоанна Владислава, и эту идею все дружно поддержали.

Примечательно, что, как и предыдущие заговорщики, полководцы избрали местом своей тайной сходимки храм Святой Софии, однако реакция патриарха в данном случае была совсем иной, чем при апостасии Феодосия Мономаха. Совершенно невероятно, что Керулларий ничего не узнал о встрече стратигов и их замыслах — хотя бы от служащих храма, круглосуточно пребывавших в нем. Тем не менее Михаил Керулларий *сделал вид*, что ему ни о чем не известно, и Михаил VI так и не узнал, какая опасность нависла над ним⁸⁸⁴.

Разъехавшись по своим армиям, полководцы тайно начали готовиться к походу на Константинополь, но один случай вынудил их поторопиться. Осторожный Михаил VI приставил к Никифору Вриеннию казначеем «своего» человека патрикия Иоанна Опсара. Вскоре между сослуживцами возникла ссора, и Никифор поссорился с патрикием — возможно, оскорбил действием. Ничего не подозревавший о готовящемся перевороте соседний военачальник патрикий Ликанф решил, что Вриенний сам по себе готовит нечто преступное против царя, а потому приказал арестовать его, ослепить и отправить в Константинополь для производства дознания. Получив об этом известие, остальные заговорщики очень испугались, как бы Никифор под следствием не выдал их, а потому поспешили в Пафлагонию, где находилось войско Исаака Комнина, и 8 июня 1057 г. провозгласили его императором⁸⁸⁵.

Как и следовало ожидать, горячий призыв лучших полководцев Византии нашел дружный отклик в сердцах старых солдат — в лагерь Комнина со всех сторон стекались все новые и новые добровольцы. Кроме того, Катакалон поспешил в черноморские области и собрал у Никополя 5 боевых полков — два западных, один из наемных русских воинов и два полка из черноморских фем, которые привел к Исааку Комнину. Тот в свою очередь поместил свою жену и дочь в крепости Пемолиссе в Галисе и вскоре двинулся на Никею⁸⁸⁶. Он без большого труда занял город и, желая продемонстрировать свое миролюбие, дал свободный проход гарнизону, оставшемуся верным присяге императору Михаилу VI.

Вообще, надо сказать, Комнин действовал здраво и вел себя, как настоящий император. В первую очередь он перекрыл все дороги в столицу, и теперь никто не мог пробраться в Константинополь без его разрешения. Прекрасно понимая, что для войска нужны деньги, он приступил к взысканию государственных налогов на занятых его армией территориях. Созвав к себе представителей налоговых органов, Исаак потребовал от них тщательно вести списки, чтобы по восшествии на престол иметь точные расчеты налоговых поступлений. Каждому командиру и солдату своей армии он определил жалованье и произвел наиболее достойных офицеров в следующие чины. Наконец, проявляя похвальную предусмотрительность, Комнин окружил себя телохранителями из числа своей родни⁸⁸⁷.

Весть об апостасии первоначально буквально *парализовала* волю василевса, но затем, под влиянием евнуха Льва Параспондила, он взял себя в руки и созвал совет. Однако, как вскоре выяснится, не он руководил деятельностью совета, а иные лица, среди которых следует особо выделить Михаила Пселла. Большой друг патриарха, монах и философ, сочетавший свои занятия с политической деятельностью при дворе, Михаил Пселл был человеком удивительного ума, опыта и... *цинизма*, для которого нравственные категории если и существовали, то только в абстракции. Нам вскоре придется многократно встретиться с этим «человеком эпохи» и поразиться тому, как Пселл предавал всех по порядку, чтобы вновь заслужить доверие властей предрежающих своими нередко очень толковыми советами и сохранить влияние при царской особе.

Пселл служил при 9 императорах, и в каждое царствие только возвышался в чинах, приобретая все большее влияние. Единственным принципом, которому он внешне оставался верным, было

полное послушание василевсу, даже если речь шла о заведомо несправедном деле. Сегодня он хвалил военное сословие, а завтра утверждал, будто преобладающее значение должны получить гражданские чиновники. В один день уверял, что откупиться от печенегов — верх благоразумия, а в другой — что это малодушие, и добрый царь должен вести с ними войну. Но помимо императора Пселл старался завоевать доверие и близость у всех сильных мира всего — начиная с фавориток и заканчивая патриархом⁸⁸⁸.

На совете, к удивлению царя, Пселл настоятельно рекомендовал срочно примириться с Керулларием, поскольку, как объяснял философ, в такой ситуации архиерей мог поддержать мятежников, что многократно увеличивало бы их шансы на успех⁸⁸⁹. Однако Михаил VI вновь категорично отказался от такого предложения. Вместо этого срочно собрали войско, отдав его под командование евнуха Феодора, помощник которого, кстати сказать, приходился шурином Исааку Комнину — история Византийской империи изобилует такими примерами.

Близ Никеи 20 или 25 августа 1057 г. обе армии встретились для битвы. Хотя императорское войско казалось многочисленнее, но из него постоянно дезертировали солдаты восточных отрядов, переходившие на сторону мятежников. Сражение оказалось очень ожесточенным и кровопролитным. Первоначально успех сопутствовал армии Феодора: его отряды разбили фланг мятежной армии, которым командовал Роман Склир, и тот даже оказался в плену. Серьезная опасность грозила самому Исааку Комнину, но тут все изменил Катакалон Кекавмен, сумевший сплотить ряды и нанести решительный удар по царской армии. Началось ужасное *побоище*, и многие преданные Стратиотику солдаты нашли на поле брани свою смерть. Евнух Феодор даже не думал о том, чтобы возобновить сражение, начав тайные переговоры с Исааком. И на третий день после победы Комнин прибыл в Никомедию⁸⁹⁰.

Узнав о поражении, в столице срочно созвали новое заседание совета. Неожиданно Михаил VI вызвал к себе Пселла и поручил тому возглавить посольство к Исааку с предложением мира. Стратиотик соглашался *усыновить* и признать Комнина кесарем с тем условием, что после его смерти Исаак может с полным правом занять царский престол. Этот вариант буквально поверг «философа» в шок и вызвал в нем горячее чувство протеста. С одной стороны, Пселл ссыался на опасность и трудность поручения, заранее вы-

говаривая себе милость в случае неудачи мирных переговоров. С другой стороны, искренне испугался и попытался *увильнуть* от исполнения царского приказа⁸⁹¹. Едва ли на самом деле его так пугала опасность встречи с Исааком, как он изображал императору. В действительности, хорошо зная восставших полководцев, Пселл мог быть уверен, что его не казнят, — Комнин был аристократ и благородный человек, свято чтящий неписанные правила приема посольства.

На самом деле этот шаг царя, направленный на сохранение мира в Византийской империи, предусматривавший безболезненную передачу власти молодому Исааку, вступал в противоречие с планами Михаила Керуллария и его партии. А план был грандиозным: подчинить политическую власть в Византийской империи Константинопольскому архиерею, «вселенскому патриарху» «Нового Рима». Кроме того, как человек злопамятный, патриарх не забыл, что Михаил VI пытался противоборствовать ему, а потому желал *уничтожить царя* в назидание другим. Личность Исаака Комнина была ему также неприятна — умонастроения блестящего аристократа и полководца, имевшего глубокое и традиционное для Византии понимание царской власти, не могли удовлетворить Керуллария. Он опасался вместо одного врага получить другого, только гораздо более сильного и решительного, на стороне которого окажутся политические традиции Римской империи, армия и молодость.

Что же желал противопоставить им патриарх? Не вполне ясно, насколько правдивы позднейшие заверения Пселла, но, как говорят, Керулларий вообще первоначально *желал возложить на себя обе короны — и патриаршую, и царскую*. В общем-то, такой замысел не противоречил доведенным до крайности идеям, заложенным в великой фальшивке, «Константиновом даре». Зная амбициозность и решительность Керуллария, вполне можно допустить, что патриарх готовился наглядно продемонстрировать папскую идею в «чистом виде», соединив в своих руках обе ветви единой Богом данной власти над Римской империей и Кафолической Церковью. Об этом напрямую скажет впоследствии в своей обвинительной речи Михаил Пселл. «Он сделался тираном по отношению к двум царям, чтобы утвердить державу и дворец за собой. *Он одинаково ненавидел обоих императоров*». Трудно предположить, что вся речь Пселла представляет собой фальшивые преувеличения, поскольку

данный «панегирик» был предназначен для процесса, где председательствовать собирался сам Исаак Комнин, позднее в деталях узнавший обо всех происках и интригах Константинопольского патриарха.

Оставался еще один вариант, хотя и менее привлекательный для Керуллория, но гораздо более реалистичный. В любом случае он давал патриарху больше, чем он мог рассчитывать в царствование Стратиготика или Комнина. В близком окружении Исаака Комнина находился Константин Дука, женатый на Евдокии, племяннице Керуллория, — человек, *абсолютно преданный* ему душой и телом и послушный во всем. И у патриарха не было никаких сомнений, что, сделав Дуку царем, он получит верного помощника, который никогда не станет противодействовать архиерею⁸⁹².

Справедливости ради следует сказать, что Керуллорий действовал в полном соответствии со своими убеждениями, и для него фигура *конкретного царя* значила сама по себе немного. Как человек цельный и упорный, принявший «Константинов дар» в качестве абсолютной истины, тем более что на этот «документ» охотно ссылался в ходе только что завершившейся переписки с Константинопольским патриархом Римский папа Лев IX, он вел свой корабль твердым курсом. Его мало волновало, что патриаршая хиротония состоялась по приказу императора, поскольку избрание Константинопольского архиерея, по его убеждению, свершалось непосредственно Христом. Поскольку же на нем, т.е. «вселенском патриархе», лежала забота обо всей Вселенной, включая царей, то, следовательно, он имеет «божественное право» исправлять их ошибки и направлять к истинным целям. Следовательно, прерогативой Константинопольского патриарха является поставление самих царей, а также их смещение, если они покушаются на права «главы священства»⁸⁹³.

Для достижения своей главной цели — поставить «правильного» императора, — достаточно было убедить Комнина отказаться от царской власти, отстранить от власти Михаила VI и «под шумок» объявить василевсом Константина Дуку. С учетом новых обстоятельств был предусмотрен вариант на тот случай, если вдруг Комнин проявит несговорчивость. Тогда его следовало скорее направить на Константинополь, убедив, будто Исаака с нетерпением ждут в столице, свалить его руками «старика», но тут же скомпро-

метировать Комнина в глазах населения, как смутьяна, узурпатора и нарушителя последней воли «матушки Феодоры».

И вдруг такой удар — Стратиотик решил добровольно передать власть Комнину, соединившись с ним родственными узами! Было от чего прийти в волнение. Но поручение царя — не шутка, и потому Пселл ознакомился с тайными инструкциями патриарха и возглавил посольство, получив от ничего не подозревавшего царя разрешение самостоятельно определить состав своей миссии. Как и следовало ожидать, туда вошли исключительно сторонники патриарха: проэдр Константин Лихуд и проэдр Феодор Алопос. Предупредив Комнина о своем визите, Пселл «со товарищи» отплыл к мятежникам⁸⁹⁴.

Конечно, как и следовало ожидать, никакая опасность им не угрожала — свита Комнина очень приветливо встретила Пселла и остальных послов. Все происходило весьма последовательно и традиционно неспешно. В первый день, 28 августа, Комнин лишь кратко объяснил причину, заставившую его и остальных полководцев выступить против царя, и лишь на второй день он дал длительную аудиенцию. *На людях* Пселл в точности выполнил поручение царя, стараясь убедить Исаака в том, что царский титул тот *пока еще* носит незаконно, и лучшее средство для нормального получения императорства — получить усыновление от Стратиотика и стать кесарем. «Сними царские одежды, прояви благоразумие, окажи уважение старому отцу своему и получишь скипетр по закону»⁸⁹⁵.

Эта речь, произнесенная в присутствии войска, вызвала волнения и шумные дебаты среди солдат и командиров. Подумав, Комнин отпустил послов, напоследок наедине сказав Пселлу: «Не ищуща сейчас царской власти, хватит с меня и кесарского облачения. Но пусть напишет мне царь другое послание и пообещает, что никому другому не оставит он державы после смерти и не лишит меня и соратников милостей, которых я их удостоил. Пусть он и мне уделит толику царской власти, чтобы я смог по собственной воле одних удостоить скромных гражданских титулов, а других возвести в воинские должности. Я прошу об этом не ради себя, а ради своих людей. Если мне будет дано такое обещание, я немедленно явлюсь к царю и своему отцу и воздам ему должные почести». Последним требованием (просьбой?) Комнина стало отрешение от должности евнуха Льва Параспондила.

После этого Пселл понял, что вариант с попыткой поставить царем Константина Дуку сомнителен — уже не Комнин вел войско к своему царствованию, а армия вела его к трону, и любой отказ от такого доверия был чреват уже для самого Исаака. Конечно, своими наблюдениями Пселл немедленно поделился с Керулларием по прибытии в Константинополь, и тот был вынужден скорректировать свои планы, попутно расстроив замыслы василевса. Как поведали другие современники, помимо публичной речи *втайне* посольство начало подбивать Комнина и Катакалона Кевкамена отвергнуть все предложения Стратиотика и немедленно идти на Константинополь, население которого ненавидит царя и жаждет видеть Исаака своим царем⁸⁹⁶.

В это время в царском дворце все шло своим чередом. Поскольку ничего сверхъестественного предложение Исаака не содержало, Михаил VI, выслушав отчет Пселла, тут же сказал: «Следует согласиться на все его требования, и ни одно из его желаний не оставить без исполнения. Торжественно увенчаем его голову — не венцом, как подобало бы кесарю, а *коронай*. Пусть он совместно со мной правит государством и назначает чиновников. Свои обещания я подкреплю рукой, устами и делом: составлю грамоты, собственноручно дам им подтверждение и торжественно поклянусь, что никогда не нарушу данных ему обещаний». В подтверждение своих слов царь тут же отрешил Параспондила от должности, как того просил Комнин. Затем василевс повелел Пселлу и послам вновь отправиться в лагерь Комнина и объявить ему свою волю⁸⁹⁷.

Буквально через день Пселл вновь встретился с Исааком и все в точности ему передал. В результате, как казалось, апостасия была торжественно завершена, и войско радостно приветствовало это решение. Комнин тут же объявил Пселлу, что немедленно направится в Константинополь, чтобы пасть перед императором и воздать тому почести. Причем он намеревался сделать это без триумфа — все-таки в глубине души Комнин горевал из-за того, что пролил кровь в битве с соотечественниками. Да и какой триумф можно было праздновать, если конфликт завершился не военной победой, а мирным договором *двух царей*? Единственно, Комнин просил, чтобы его по традиции у ворот Константинополя встречала делегация от граждан столицы.

Казалось бы, теперь улажены все недоразумения, и никто не сможет помешать Комнину и Стратиотику уладить все миром. Тем

не менее они забыли о третьей стороне этой интриги — патриархе Михаиле Керуллarii, которого, разумеется, такой оборот дела не устраивал никаким образом. Фигура отставленного Льва Параспондила была для него неприятной, но далеко не главной, чтобы затмить главную цель своей жизни. Однако, оценив через посольство Михаила Пселла силу, стоящую за Комнином и требующую именно его поставить царем, он избрал временный и компромиссный для себя вариант. Стратиотика следовало низвергнуть с престола и посадить Комнина на царство при всей нелюбви к нему архиерея. Он очень рассчитывал, что, *отняв и передав* царскую власть Исааку, навечно обяжет его перед собой.

Керулларий прекрасно понимал, что «старик» не так уж и слаб, чтобы добровольно передать свою власть, если не захочет, конечно, сделать это по доброй воле, и что в столице у него достаточно войска, чтобы дать отпор армии Комнина. Однако ясно ощущал и собственную силу. А потому в ожидании *формального* завершения переговоров патриарх пригласил к себе всех высших чиновников Римской империи на тайный совет и потребовал признать Комнина царем. Кто-то попытался возражать, но Керулларий тут же *сместил их с должностей* (!), заменив теми, кто послушно выполняет его волю. А к Михаилу VI тайно направил своего посольного сказать, чтобы тот слагал с себя императорский титул, если хочет остаться в живых⁸⁹⁸.

Попутно с этим, не афишируя, разумеется, свою причастность к грядущим событиям, через многочисленных слуг он организовал волнения в столице, *направив толпу* к храму Святой Софии. Во главе толпы стояли такие властные и *послушные патриарху* фигуры, как магистр Михаил, патрикий Феодор Хрисилий и патрикий Христофор Пиррос⁸⁹⁹.

Явившись перед толпой в полном патриаршем облачении, он с притворной горестью и оскорбленным чувством согласился выслушать граждан. Те задали вопрос, который трудно было ожидать от толпы — трудно, если не предположить, что его *вложили* в ее уста: «Если мы признаем Комнина императором, то совершим клятвопреступление против Михаила VI, которому присягали. А если не признаем, то подвергнемся казни за оскорбление царского величества, поскольку Исаак уже объявлен Стратиотиком василевсом. Как быть?» Патриарх ответил, что следует признать Комнина *единовластным царем* (!), а всех, кто не согласен с этим, следует нака-

зять. Присутствовавший здесь же Антиохийский патриарх *Иоанн VI* (1051—1062) добавил, что дома «мятежников» следует *разграбить* в назидание другим. Замечательные слова услышали в эту минуту стены храма Святой Софии от патриарха! Вслед за этим Керулларий отправил два посольства — одно к Комнину с предложением занять царский трон, второе к Михаилу VI — с требованием оставить царский трон, как ему уже *не принадлежащий*⁹⁰⁰.

Явившимся митрополитам император Михаил VI задал всего один вопрос: «Что патриарх даст мне взамен царства?» — и получил ответ: «Царство Небесное». После этого он немедленно снял царскую одежду и пурпурные туфли, сказав: «За них Михаил не продает благочестия»⁹⁰¹. А затем принял монашеский постриг. Его привели к патриарху, который, приветствуя Стратотику словами: «Радуйся!» — не смог сдержать самодовольной улыбки. Михаил VI оказался гораздо смиреннее, произнес в ответ: «Бог да воздаст тебе, святитель, за твое приветствие».

Всего этого, разумеется, Комнин не знал. Однако вечером 30 августа в лагерь Комнина стали прибывать из Константинополя люди, утверждавшие, будто бы в городе начался мятеж против Михаила VI. Что горят дома, люди вышли на улицу, ворвались в храм Святой Софии и *насильно* заставили патриарха стать главой мятежа. А тот, дабы сохранить мир в Римской империи, *решил венчать Комнина на царство*⁹⁰². Пронырливый Пселл был, конечно, рядом с Исааком и, не теряя ни минуты, начал горячо уговаривать того принять волю патриарха, но... *на определенных условиях*. Это был точный и расчетливый удар — как патриот своего отечества, Комнин не мог возражать, приняв царство в качестве Божьей воли, как свой тяжелый удел в земной жизни. И отказывать в просьбах «отцу»-патриарху, давшему ему императорский титул, также не мог. Он обещал исполнить все в точности, что просил Керулларий, и, как мы вскоре увидим, сдержит свое слово.

Всю ночь лагерь Комнина гудел, как улей. Наконец, ранним утром, когда еще даже не взошло солнце, Исаак направился в Константинополь, захватив с собой Пселла. Едва они показались близ городских ворот, как горожане дружно высыпали им навстречу, славословя Исаака как своего царя. Тот, однако, был невесел — Комнин чувствовал, что попался в сети какой-то грандиозной интриги, но ничего изменить уже не может. Когда его начал поздравлять Михаил Пселл, Исаак ответил: «Думается мне, обманчиво это

необыкновенное счастье. И не знаю, добром ли кончится». Все же он тут же назначил Пселла *проэдром синклита* (главой синклита), не подозревая, что только что собственными руками приготовил *саван своей царской власти*. Окруженный толпой народа, засыпаемый цветами, 31 августа 1057 г. Комнин прошел в царский дворец. А на следующий день, 1 сентября 1057 г., в храме Святой Софии его торжественно венчал на царство патриарх Михаил Керулларий⁹⁰³.

Закончилась великая эпоха Македонской династии, ярким представителям которой Византия была обязана мирным небом, грандиозными победами и освобождением от многих бед — от сарацин до болгар включительно. Все были счастливы видеть царем зрелого воина, не догадываясь, что наступает очередная пора лихолетья и царственной чехарды, низвергнувшей Римскую империю на дно пропасти, из которой государство будет поднимать уже не **Исаак I**, а другие представители славной династии **Комнинов**.



Примечания

¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. В 5 т. Т. 5. СПб., 2002. С. 10.

² *Дагрон Жильбер.* Император и священник. Этюд о византийском «цезаропапизме». СПб., 2010. С. 57, 58.

³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. СПб., 2009. Книга V. Глава 5. С. 144.

⁴ Там же. Книга V. Главы 8, 9. С. 146, 147.

⁵ *Дилль Ш.* Византийские портреты. М., 1994. С. 112.

⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга V. Главы 9 и 11. С. 148, 149.

⁷ Там же. Книга V. Главы 74, 75. С. 198, 199.

⁸ Там же. Книга V. Главы 12, 13. С. 150, 151.

⁹ Там же. Книга V. Главы 14–16. С. 152, 153.

¹⁰ Там же. Книга V. Главы 28, 29. С. 164, 165.

¹¹ Там же. Книга V. Глава 30. С. 165, 166.

¹² *Скилица.* Недостатки правления императора Никифора/Лев Диакон. История. М., 1988. С. 120.

¹³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга V. Глава 31. С. 166, 167.

¹⁴ Там же. Книга V. Глава 72. С. 197.

¹⁵ *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С. 226–230.

¹⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга V. Главы 78–82. С. 201–203.

¹⁷ Там же. Книга V. Главы 90–93, С. 208–210.

¹⁸ Там же. Книга V. Главы 96, 97. С. 213, 214.

¹⁹ Там же. Книга V. Главы 34, 35. С. 169.

²⁰ *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. СПб., 2001. С. 90, 91, 93.

²¹ Там же. С. 96.

²² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 28.

²³ *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. С. 98, 99.

²⁴ *Дагрон Жильбер.* Император и священник. Этюд о византийском «цезаропапизме». С. 160.

²⁵ *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. С. 104–106.

²⁶ Там же. С. 108, 109.

- ²⁷ Там же. С. 111, 112.
- ²⁸ Там же. С. 117, 118.
- ²⁹ Там же. С. 120, 121.
- ³⁰ Там же. С. 122, 123.
- ³¹ Там же. С. 128, 129.
- ³² Там же. С. 130—136.
- ³³ Там же. С. 137—144.
- ³⁴ Там же. С. 147, 148.
- ³⁵ Там же. С. 150—154.
- ³⁶ Там же. С. 170, 171.
- ³⁷ Оболенский Д.Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 99.
- ³⁸ Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки по истории Византии и южных славян. М., 1958. С. 153, 154.
- ³⁹ Иречек К.Ю. История болгар. Одесса, 1878. С. 191, 192.
- ⁴⁰ Лебедев А.П. История Константинопольских соборов IX века. С. 202, 203.
- ⁴¹ Там же. С. 182—186.
- ⁴² Лебедев А.П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках. СПб., 1999. С. 156, 157.
- ⁴³ Острогорский Г.А. История Византийского государства. М., 2011. С. 306.
- ⁴⁴ Иречек К.Ю. История болгар. С. 193, 199.
- ⁴⁵ Дринов М.С. Южные славяне и Византия в X веке. М., 1876. С. 3.
- ⁴⁶ Мюллер А. История ислама. В 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 745.
- ⁴⁷ Али-заде Айдын Ариф оглы. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. М., 2004. С. 179, 180.
- ⁴⁸ Джилман Артур. Сарацины от древнейших времен до падения Багдада. М., 2007. С. 305.
- ⁴⁹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. С. 129.
- ⁵⁰ Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. СПб., 1902. С. 10, 11.
- ⁵¹ Саксон Анналист. Хроника. 741—1139 гг. М., 2012. С. 81, 82.
- ⁵² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. С. 141—143.
- ⁵³ Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 23, 24.
- ⁵⁴ Там же. С. 25, 29.
- ⁵⁵ Петр Сицилиец. Полезная история, II.
- ⁵⁶ Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 30—33.
- ⁵⁷ Гиббон Э. История упадка и разрушения великой Римской империи. В 7 т. Т. 6. М., 2008. С. 257.

⁵⁸ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 35—37.

⁵⁹ Там же. С. 38—40.

⁶⁰ Там же. С. 47, 48.

⁶¹ *Саксон Анналист.* Хроника. 741—1139 гг. С. 87.

⁶² *Тейс Лоран.* Наследие Каролингов. М., 1993. С. 37, 39.

⁶³ *Ранп Франсис.* Священная Римская империя германской нации. СПб., 2008. С. 24, 25.

⁶⁴ *Альфан Луи.* Великие империи варваров. М., 2006. С. 214.

⁶⁵ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М., 2008. С. 410.

⁶⁶ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 57, 58.

⁶⁷ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. М., 1896. С. 141.

⁶⁸ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 759.

⁶⁹ *Шиканов В.Н.* Византия — щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. СПб., 2004. С. 70, 71.

⁷⁰ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджары. С. 190.

⁷¹ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 71, 72.

⁷² *Норвич Джон.* История Византии. С. 224.

⁷³ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 417.

⁷⁴ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 309, 310.

⁷⁵ *Лебедев А.П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках. С. 157, 160.

⁷⁶ *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. С. 195, 196.

⁷⁷ *Лебедев А.П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках. С. 168.

⁷⁸ *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. С. 207, 208.

⁷⁹ *Лебедев А.П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках. С. 173.

⁸⁰ *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. С. 221—224.

⁸¹ Там же. С. 226, 229, 231—233.

⁸² Там же. С. 234—238.

⁸³ Там же. С. 242, 243.

⁸⁴ Там же. С. 244, 245.

⁸⁵ Там же. С. 251.

⁸⁶ Там же. С. 262, 263.

⁸⁷ Там же. С. 265.

- ⁸⁸ Там же. С. 267.
- ⁸⁹ Там же. С. 283, 284.
- ⁹⁰ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. Пг., 1916. С. 868.
- ⁹¹ *Васильев А. А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 80, 81.
- ⁹² *Герцберг Г. Ф.* История Византии. С. 142.
- ⁹³ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 306.
- ⁹⁴ *Васильев А. А.* История Византийской империи. В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 446.
- ⁹⁵ *Азаревич Д.* История византийского права. Т. 1. Ч. II. Ярославль, 1877. С. 7—9.
- ⁹⁶ Там же. Т. 1. Ч. II. С. 17, 19, 20, 22.
- ⁹⁷ Там же. Т. 1. Ч. II. С. 25, 26.
- ⁹⁸ *Норвич Джон.* История Византии. С. 225.
- ⁹⁹ Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе// Две византийские хроники. М., 1957. Глава 1. С. 28.
- ¹⁰⁰ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 130.
- ¹⁰¹ Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 7. С. 41.
- ¹⁰² Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней св. Дмитрия Ростовского. В 4 книгах. Книга 4. М., 1906. С. 439.
- ¹⁰³ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. М., 2008. С. 3, 4.
- ¹⁰⁴ Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней св. Дмитрия Ростовского. Книга 4. С. 442.
- ¹⁰⁵ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 6, 7.
- ¹⁰⁶ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 129.
- ¹⁰⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Лев VI. Глава 1. С. 220.
- ¹⁰⁸ Там же. Книга VI. Лев VI. Глава 11. С. 225.
- ¹⁰⁹ Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 2. С. 30.
- ¹¹⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Лев VI. Глава 15. С. 226.
- ¹¹¹ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 297, 298.
- ¹¹² Там же. Т. 3. С. 311, 312.
- ¹¹³ *Азаревич Д.* История византийского права. Т. 1. Ч. II. С. 69—71, 119.
- ¹¹⁴ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 199, 200.
- ¹¹⁵ Там же. С. 202, 203.
- ¹¹⁶ Там же. С. 208—213.
- ¹¹⁷ *Васильев А. А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 452.

- ¹¹⁸ *Азаревич Д.* История византийского права. Т. 1. Ч. II. С. 113, 114.
- ¹¹⁹ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 220—222.
- ¹²⁰ Там же. С. 228—230.
- ¹²¹ *Соколов И.И.* Лекции по истории Греко-восточной Церкви. От Торжества Православия до падения Константинополя в 1453 г. В 2 т. Т. 1. СПб., 2005. С. 259.
- ¹²² Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Лев VI. Глава 5. С. 223.
- ¹²³ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 43, 44.
- ¹²⁴ Там же. С. 55, 56.
- ¹²⁵ Там же. С. 60.
- ¹²⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 385.
- ¹²⁷ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 73, 74.
- ¹²⁸ Там же. С. 77, 78.
- ¹²⁹ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 133.
- ¹³⁰ Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 8. С. 44.
- ¹³¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Лев VI. Глава 13. С. 225.
- ¹³² Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 10. С. 50, 51.
- ¹³³ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 85-87.
- ¹³⁴ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 134.
- ¹³⁵ Там же. С. 137.
- ¹³⁶ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 98, 99.
- ¹³⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Лев VI. Глава 26. С. 232.
- ¹³⁸ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 101.
- ¹³⁹ Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 11. С. 53.
- ¹⁴⁰ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 136.
- ¹⁴¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Лев VI. Глава 23. С. 230.
- ¹⁴² *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 106, 107.
- ¹⁴³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 388.
- ¹⁴⁴ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 117, 118.
- ¹⁴⁵ Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 12. С. 55.

- ¹⁴⁶ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 136.
- ¹⁴⁷ Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 13. С. 60, 61.
- ¹⁴⁸ *Попов Николай, протопресвитер.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 148, 149.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 160, 161.
- ¹⁵⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Лев VI. Глава 29. С. 234.
- ¹⁵¹ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 146.
- ¹⁵² Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Лев VI. Глава 4. С. 221.
- ¹⁵³ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 117, 118.
- ¹⁵⁴ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 191.
- ¹⁵⁵ *Джилман Артур.* Сарацины с древнейших времен до падения Багдада. С. 308, 309.
- ¹⁵⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Лев VI. Главы 6, 7. С. 222.
- ¹⁵⁷ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 437, 438.
- ¹⁵⁸ *Джилман Артур.* Сарацины с древнейших времен до падения Багдада. С. 309.
- ¹⁵⁹ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 100, 101.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 108—113.
- ¹⁶¹ Там же. С. 119, 120.
- ¹⁶² Там же. С. 121, 122.
- ¹⁶³ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 4, 5.
- ¹⁶⁴ *Рансимен С.* История первого Болгарского царства. СПб., 2009. С. 143, 144.
- ¹⁶⁵ *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 116.
- ¹⁶⁶ *Шиканов В.Н.* Византия: орел и лев. Болгаро-византийские войны VII—XIV вв. СПб., 2006. С. 72.
- ¹⁶⁷ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 7.
- ¹⁶⁸ *Рансимен С.* История первого Болгарского царства. С. 152.
- ¹⁶⁹ *Норвич Джон.* История Венецианской республики. М., 2009. С. 65.
- ¹⁷⁰ *Шиканов В.Н.* Византия: гроза над Дунаем. Северные войны Византии V—XIV вв. СПб., 2009. С. 75, 76.
- ¹⁷¹ *Альфан Луи.* Великие империи варваров. М., 2006. С. 246.
- ¹⁷² «Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Лев VI. Главы 9 и 10. С. 224.

- ¹⁷³ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 4.
- ¹⁷⁴ *Шиканов В.Н.* Византия: орел и лев. Болгаро-византийские войны VII—XIV вв. С. 74, 75.
- ¹⁷⁵ *Шиканов В.Н.* Византия: щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. СПб., 2004. С. 71, 72.
- ¹⁷⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Лев VI. Глава 18. С. 227.
- ¹⁷⁷ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 137.
- ¹⁷⁸ *Камениат Иоанн.* Взятие Фессалоники // Две византийские хроники. М., 1957. Главы 16—19. С. 169—171.
- ¹⁷⁹ Там же. Главы 26, 27. С. 176.
- ¹⁸⁰ Там же. Главы 32—38. С. 181—184.
- ¹⁸¹ Там же. Глава 59. С. 196, 197.
- ¹⁸² *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 150, 151.
- ¹⁸³ *Рансимен С.* История первого Болгарского царства. С. 155.
- ¹⁸⁴ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 154—156.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 158, 159.
- ¹⁸⁶ *Разин Е.* История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914—1918 гг. В 5 частях. М., 1940. Часть 2. С. 35.
- ¹⁸⁷ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 161, 162.
- ¹⁸⁸ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 748, 749.
- ¹⁸⁹ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 196.
- ¹⁹⁰ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 179.
- ¹⁹¹ Там же. С. 180, 181.
- ¹⁹² Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Лев VI. Глава 32. С. 235.
- ¹⁹³ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 10.
- ¹⁹⁴ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 184.
- ¹⁹⁵ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 169, 170.

- ¹⁹⁶ Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 19. С. 72.
- ¹⁹⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Александра, брата Льва. Глава 1. С. 235, 236.
- ¹⁹⁸ Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 20. С. 73, 74.
- ¹⁹⁹ *Попов Николай, протопресвитер.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 179.
- ²⁰⁰ *Диль Ш.* Византийские портреты. С. 143.
- ²⁰¹ *Попов Николай, протоиерей.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 180.
- ²⁰² Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Александра, брата Льва. Главы 3-7. С. 236—237.
- ²⁰³ *Тейс Лоран.* Наследие Каролингов. М., 1993. С. 62—66.
- ²⁰⁴ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. СПб., 2008. С. 467, 468.
- ²⁰⁵ Там же. С. 475, 476.
- ²⁰⁶ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М., 2008. С. 421, 422.
- ²⁰⁷ *Саксон Анналист.* Хроника 741—1139. М., 2012. С. 103, 104.
- ²⁰⁸ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 423—425.
- ²⁰⁹ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. Пг., 1916. С. 892.
- ²¹⁰ *Фазоли Джинна.* Короли Италии. СПб., 2007. С. 65, 66.
- ²¹¹ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 897.
- ²¹² *Фазоли Джинна.* Короли Италии. С. 69.
- ²¹³ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 427.
- ²¹⁴ *Фазоли Джинна.* Короли Италии. С. 70.
- ²¹⁵ Там же. С. 72, 73.
- ²¹⁶ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 428, 429.
- ²¹⁷ *Саксон Анналист.* Хроника 741—1139. С. 106, 107.
- ²¹⁸ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 431.
- ²¹⁹ *Огицкий Д.П.* Сущность римского католицизма // Хрестоматия по сравнительному богословию. М., 2005. С. 262, 263.
- ²²⁰ Там же. С. 266.
- ²²¹ *Фазоли Джинна.* Короли Италии. С. 97.
- ²²² *Норвич Джон.* История папства. М., 2014. С. 105.
- ²²³ *Огицкий Д.П.* Сущность римского католицизма. С. 269-270.
- ²²⁴ *Лиутпранд, епископ Кремонский.* Книга об Оттоне // Лиутпранд, епископ Кремонский. Антаподонис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. М., 2006. С. 114.

- ²²⁵ Робертсон Дж. С. История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 898.
- ²²⁶ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. С. 370.
- ²²⁷ Грегоровиус Фердинанд. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 440, 441.
- ²²⁸ Там же. С. 443.
- ²²⁹ Норвич Джон. История папства. С. 107.
- ²³⁰ Грегоровиус Фердинанд. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 445, 446.
- ²³¹ Норвич Джон. История папства. С. 107.
- ²³² Лиутпранд, епископ Кремонский. Книга об Оттоне// Лиутпранд, епископ Кремонский. Антаподонис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. М., 2006. Книга IV. С. 114.
- ²³³ Саксон Анналист. Хроника 741—1139. С. 130.
- ²³⁴ Рапп Франсис. Священная Римская империя Германской нации. СПб., 2008. С. 55, 56.
- ²³⁵ Лот Фердинанд. Последние Каролинги. СПб., 2001. С. 22, 23.
- ²³⁶ Там же. С. 24—26.
- ²³⁷ Хефер Манфред. Император Генрих II. М., 2006. С. 10, 11.
- ²³⁸ Колесницкий Н.Ф. Священная Римская империя: притязания и действительность.
- ²³⁹ Саксон Анналист. Хроника 741—1139. С. 157, 158.
- ²⁴⁰ Лозинский С. Г. История папства. Смоленск, 2004. С. 99, 100.
- ²⁴¹ Пападакис Аристиди С. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. М., 2010. С. 44, 45.
- ²⁴² Колесницкий Н.Ф. Священная Римская империя: притязания и действительность.
- ²⁴³ Лиутпранд, епископ Кремонский. Книга об Оттоне. Книга VII. С. 115.
- ²⁴⁴ Саксон Анналист. Хроника 741—1139. С. 179.
- ²⁴⁵ Лиутпранд, епископ Кремонский. Книга об Оттоне. Книга X. С. 117.
- ²⁴⁶ Норвич Джон. История папства. С. 112.
- ²⁴⁷ Лиутпранд, епископ Кремонский. Книга об Оттоне. Книга XV. С. 120.
- ²⁴⁸ Гергей Е. История папства. М., 1996. С. 84, 85.
- ²⁴⁹ Грегоровиус Фердинанд. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 468.
- ²⁵⁰ Саксон Анналист. Хроника 741—1139. С. 179.
- ²⁵¹ Норвич Джон. История папства. С. 113.
- ²⁵² Лиутпранд, епископ Кремонский. Книга об Оттоне. Книга XXII. С. 122.
- ²⁵³ Рапп Франсис. Священная Римская империя Германской нации. С. 65, 66.
- ²⁵⁴ Саксон Анналист. Хроника 741—1139. С. 185.
- ²⁵⁵ Колесницкий Н.Ф. Священная Римская империя: притязания и действительность.

- ²⁵⁶ *Ранп Франсис*. Священная Римская империя Германской нации. С. 67.
- ²⁵⁷ *Рансимен С.* Восточная схизма // Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 27.
- ²⁵⁸ ДВС. В 4 т. Т. 4. СПб., 1996. С. 350, 351, 358.
- ²⁵⁹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Главы 4, 5. С. 102.
- ²⁶⁰ *Дагрон Жильбер*. Император и священник. Этюда о византийском «цезаропапизме». СПб., 2010. С. 129, 130.
- ²⁶¹ *Суворов Н. С.* Учебник церковного права. М., 1913. С. 198.
- ²⁶² *Дилль III*. История Византийской империи. С. 92.
- ²⁶³ *Попов Николай, протоиерей*. Император Лев VI Мудрый и его царствование. С. 257.
- ²⁶⁴ *Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью. СПб., 1878. С. 102, 103.
- ²⁶⁵ *Комнин Анна*. Алексиада. СПб., 1996. Книга 1. Глава 13. С. 82.
- ²⁶⁶ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 84, 85.
- ²⁶⁷ *Суворов Н. С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. М., 1902. С. 134.
- ²⁶⁸ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 428, 429.
- ²⁶⁹ *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. СПб., 2007. С. 270.
- ²⁷⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Книга 1. Глава 20. С. 26.
- ²⁷¹ *Лебедев А. П.* История Константинопольских соборов IX века. С. 202, 203.
- ²⁷² «Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями». М., 2000. С. 866—868.
- ²⁷³ Там же. С. 867, 868.
- ²⁷⁴ *Пеликан Ярослав*. Христианская традиция. История развития и вероучения. Т. 2. Дух восточного христианства (600—1700). М., 2009. С. 157.
- ²⁷⁵ *Красножен М.* Толкователи канонического права Восточной Церкви: Аристин, Зонара и Вальсамон. Юрьев, 1911. С. 71, 72.
- ²⁷⁶ *Суворов Н. С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 131.
- ²⁷⁷ Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. С. 175, 176.
- ²⁷⁸ *Суворов Н. С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 126, 127,
- ²⁷⁹ Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. С. 295.
- ²⁸⁰ Там же. С. 302.
- ²⁸¹ *Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью. С. 199, 201.
- ²⁸² Там же. С. 186, 187.

- ²⁸³ Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2000. С. 183.
- ²⁸⁴ Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. Т. 5. М., 2000. С. 28.
- ²⁸⁵ Лебедев А.П. Смуты в византийской иерархии и общее ее состояние в IX, X и XI вв.
- ²⁸⁶ Лебедев А.П. История Константинопольских соборов IX века. С. 287.
- ²⁸⁷ Асмус Валентин, протоиерей. Лекции по истории Церкви. Лекция № 15.
- ²⁸⁸ Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. С. 306.
- ²⁸⁹ Грибовский В.М. Народ и власть в византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897. С. 342.
- ²⁹⁰ Там же. С. 343.
- ²⁹¹ Успенский Ф.И. История Византийской Империи. Т. 3. С. 308.
- ²⁹² Грибовский В.М. Народ и власть в византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. С. 343.
- ²⁹³ Там же. С. 325—326.
- ²⁹⁴ Сергеевич В.И. Русские юридические древности. В 3 т. Т. 2. СПб., 1893. С. 493—496.
- ²⁹⁵ Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. С. 302.
- ²⁹⁶ Мейендорф Иоанн, протопресвитер. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003. С. 414—415.
- ²⁹⁷ Барсов Т. Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью. С. 197.
- ²⁹⁸ Грибовский В.М. Народ и власть в византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. С. 344.
- ²⁹⁹ Там же. С. 343, 371.
- ³⁰⁰ Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. С. 305.
- ³⁰¹ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. В 3 т. Т. 2. СПб., 1893. С. 492.
- ³⁰² Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 21. С. 74, 75.
- ³⁰³ Дилль Ш. Византийские портреты. С. 143.
- ³⁰⁴ Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 21. С. 76.
- ³⁰⁵ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Константина, сына Льва. Глава 2. С. 238.
- ³⁰⁶ Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 21. С. 74, 75.
- ³⁰⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Константина, сына Льва. Главы 3, 4. С. 238, 239.

³⁰⁸ Там же. Книга VI. Царствование Константина, сына Льва. Глава 4. С. 239.

³⁰⁹ Там же. Книга VI. Царствование Константина, сына Льва. Глава 6. С. 241.

³¹⁰ Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе. Глава 21. С. 76.

³¹¹ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 144.

³¹² *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 119, 120.

³¹³ *Рансимен С.* История первого Болгарского царства. С. 162.

³¹⁴ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Константина, сына Льва. Глава 5. С. 240.

³¹⁵ *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 120.

³¹⁶ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 199, 202—204.

³¹⁷ *Рансимен С.* История первого Болгарского царства. С. 164, 165.

³¹⁸ *Шиканов В.Н.* Византия: орел и лев. Болгаро-византийские войны VII—XIV вв. С. 79—81.

³¹⁹ *Хэлдон Джон.* История византийских войн. С. 357, 358.

³²⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Константина, сына Льва. Глава 10. С. 243.

³²¹ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 18.

³²² *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 122.

³²³ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 205, 206.

³²⁴ *Норвич Джон.* История Византии. М., 2009. С. 245.

³²⁵ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. Глава 13, 51, 52. С. 61.

³²⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Константина, сына Льва. Глава 11. С. 243—245.

³²⁷ Там же. Книга VI. Царствование Константина, сына Льва. Глава 12. С. 245.

³²⁸ Там же. Книга VI. Царствование Константина, сына Льва. Главы 13—16. С. 246—247.

³²⁹ Там же. Книга VI. Царствование Романа. Главы 2, 3, 6, 7. С. 248, 249.

³³⁰ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 20.

³³¹ *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 122.

³³² Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа. Глава 8. С. 249.

³³³ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 22—24.

³³⁴ *Шиканов В. Н.* Византия: орел и лев. Болгаро-византийские войны VII—XIV вв. С. 84.

³³⁵ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа. Глава 13. С. 251.

³³⁶ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 29.

³³⁷ *Васильев А. А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 216.

³³⁸ *Суворов Н. С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 80.

³³⁹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа. Глава 15. С. 252, 253.

³⁴⁰ *Оболенский Д. Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 123.

³⁴¹ *Рансимен С.* История первого Болгарского царства. С. 176, 177.

³⁴² *Державин Н. С.* История Болгарии. М.—Л., 1946. С. 16.

³⁴³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа. Глава 19. С. 254.

³⁴⁴ Там же. Книга VI. Царствование Романа. Глава 25. С. 258.

³⁴⁵ *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. С. 166.

³⁴⁶ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 63, 64.

³⁴⁷ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Глава 13, 53—56. С. 63.

³⁴⁸ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 468.

³⁴⁹ *Васильев А. А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 227.

³⁵⁰ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 196.

³⁵¹ Там же. С. 231, 232.

³⁵² Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа. Глава 24. С. 257.

³⁵³ *Норвич Джон.* История Византии. С. 249, 250.

³⁵⁴ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа. Глава 42. С. 265.

³⁵⁵ *Васильев А. А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 236, 237.

³⁵⁶ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—II веков хиджры. С. 198, 199.

³⁵⁷ *Джилман Артур.* Сарацины от древнейших времен до падения Багдада. С. 320, 321.

³⁵⁸ *Васильев А. А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 260, 261.

- ³⁵⁹ Там же. С. 246.
- ³⁶⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа. Глава 27. С. 258, 259.
- ³⁶¹ Там же. Книга VI. Царствование Романа. Глава 44. С. 265, 266.
- ³⁶² *Васильевский В.Г.* Материалы по внутренней истории Византийского государства // *Васильевский В.* Избранные труды по истории Византии. Т. 2. С. 672, 673, 680.
- ³⁶³ Там же. С. 692, 693.
- ³⁶⁴ *Васильев А.А.* История Византийской империи. В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 456, 457.
- ³⁶⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 3. С. 316—318.
- ³⁶⁶ *Васильевский В.Г.* Материалы по внутренней истории Византийского государства. С. 698.
- ³⁶⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа. Глава 26. С. 258.
- ³⁶⁸ Там же. Книга VI. Царствование Романа. Глава 32. С. 260.
- ³⁶⁹ Там же. Книга VI. Царствование Романа. Глава 33. С. 260, 261.
- ³⁷⁰ Там же. Книга VI. Царствование Романа. Главы 36, 38. С. 261, 262.
- ³⁷¹ *Лебедев А.П.* Очерки внутренней истории Византийско-восточной Церкви в IX, X и XI веках. СПб., 2003. С. 74.
- ³⁷² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 482, 483.
- ³⁷³ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 250.
- ³⁷⁴ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 792, 793.
- ³⁷⁵ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 201, 206, 207.
- ³⁷⁶ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 799.
- ³⁷⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа. Глава 45. С. 266.
- ³⁷⁸ Там же. Книга VI. Царствование Романа. Глава 48. С. 267.
- ³⁷⁹ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 256.
- ³⁸⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 484.
- ³⁸¹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Глава 50. С. 221, 222.
- ³⁸² *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 406.
- ³⁸³ *Дилль Ш.* История Византийской империи. М., 1948. С. 75.
- ³⁸⁴ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 802.
- ³⁸⁵ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 69.
- ³⁸⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа. Глава 40. С. 263.
- ³⁸⁷ *Норвич Джон.* История Византии. С. 252.

³⁸⁸ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа. Главы 51—53. С. 268.

³⁸⁹ *Норвич Джон*. История Византии. С. 253.

³⁹⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Самодержавное правление Константина. Главы 1, 2, 3, 5—7. С. 269—271.

³⁹¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Самодержавное правление Константина. Глава 54. С. 285.

³⁹² *Норвич Джон*. История Византии. С. 256.

³⁹³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 785—787.

³⁹⁴ «Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей». Книга VI. Самодержавное правление Константина. Главы 14, 15. С. 274.

³⁹⁵ *Васильевский В.Г.* Материалы по внутренней истории Византийского государства. С. 703, 704.

³⁹⁶ Там же. С. 708, 709.

³⁹⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Самодержавное правление Константина. Главы 10, 11. С. 272, 273.

³⁹⁸ *Соколов И.И.* Лекции по истории Греко-восточной Церкви. От Торжества Православия до падения Константинополя в 1453 г. В 2 т. Т. 1. С. 279, 280.

³⁹⁹ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Предисловие. С. 33, 35.

⁴⁰⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 500, 501.

⁴⁰¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Самодержавное правление Константина. Глава 40. С. 280, 281.

⁴⁰² Там же. Книга VI. Самодержавное правление Константина. Главы 8, 9. С. 271, 272.

⁴⁰³ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 264, 265.

⁴⁰⁴ Там же. С. 272, 273, 276.

⁴⁰⁵ Там же. С. 279, 285, 286.

⁴⁰⁶ Там же. С. 302, 303.

⁴⁰⁷ Там же. С. 308, 309.

⁴⁰⁸ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 802.

⁴⁰⁹ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 268, 269.

⁴¹⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Самодержавное правление Константина. Главы 31, 32. С. 278.

⁴¹¹ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 288, 289.

⁴¹² Там же. С. 292—294.

⁴¹³ Там же. С. 296, 297.

⁴¹⁴Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Самодержавное правление Константина. Глава 41. С. 281.

⁴¹⁵*Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 298, 299.

⁴¹⁶Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Самодержавное правление Константина. Главы 44, 47. С. 282.

⁴¹⁷*Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 805.

⁴¹⁸*Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI и Константин VII Багрянородный. С. 310.

⁴¹⁹Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Самодержавное правление Константина. Глава 49. С. 283.

⁴²⁰*Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. В 7 т. Т. 5. М., 2008. С. 364.

⁴²¹Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Самодержавное правление Константина. Главы 51, 52, 54. С. 284, 285.

⁴²²Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа II, сына Константина Багрянородного. Глава 5. С. 287.

⁴²³Там же. Книга VI. Царствование Романа II, сына Константина Багрянородного. Глава 13. С. 291.

⁴²⁴Там же. Книга VI. Царствование Романа II, сына Константина Багрянородного. Главы 1—3. С. 286, 287.

⁴²⁵*Васильевский В.Г.* Материалы по внутренней истории Византийского государства. С. 715, 720.

⁴²⁶*Пселл Михаил.* Краткая история//Пселл Михаил. Хронография. Краткая история. СПб., 2003. Глава 103. С. 346.

⁴²⁷Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа II, сына Константина Багрянородного. Главы 8, 9. С. 288, 289.

⁴²⁸*Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 507, 508.

⁴²⁹Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа II, сына Константина Багрянородного. Глава 10. С. 289.

⁴³⁰*Лев Диакон.* История. М., 1988. Книга I. Глава 4. С. 9, 10.

⁴³¹Там же. Книга I. Главы 7—9. С. 12, 13.

⁴³²Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа II, сына Константина Багрянородного. Глава 12. С. 290, 291.

⁴³³Там же. Книга VI. Царствование Романа II, сына Константина Багрянородного. Глава 16. С. 292.

⁴³⁴*Шиканов В.Н.* Византия — щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. С. 85.

- ⁴³⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 513.
- ⁴³⁶ *Лев Диакон.* История. Книга II. Глава 3. С. 15.
- ⁴³⁷ *Шиканов В.Н.* Византия — щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. С. 86.
- ⁴³⁸ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа II, сына Константина Багрянородного. Главы 14, 15. С. 291, 292.
- ⁴³⁹ *Шиканов В.Н.* Византия — щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. С. 86.
- ⁴⁴⁰ *Мюллер А.* История ислама. Т.2. С. 804.
- ⁴⁴¹ *Браунворт Ларс.* Забытая Византия, которая спасла Запад. М., 2012. С. 255.
- ⁴⁴² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 516-518.
- ⁴⁴³ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 148.
- ⁴⁴⁴ *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. Т.3. С. 365.
- ⁴⁴⁵ Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей. Книга VI. Царствование Романа II, сына Константина Багрянородного. Глава 3. С. 287.
- ⁴⁴⁶ Там же. Книга VI. Царствование Романа II, сына Константина Багрянородного. Глава 6. С. 288.
- ⁴⁴⁷ *Лев Диакон.* История. Книга II. Глава 10. С. 20.
- ⁴⁴⁸ *Лев Диакон.* История. Книга V. Глава 8. С. 49, 50.
- ⁴⁴⁹ *Скилица.* История захвата Никифором Фокой императорского престола // *Лев Диакон.* История. С. 114.
- ⁴⁵⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 519.
- ⁴⁵¹ *Лев Диакон.* История. Книга II. Глава 11. С. 21.
- ⁴⁵² Там же. Книга II. Глава 12. С. 21, 22.
- ⁴⁵³ Там же. Книга III. Главы 1, 2. С. 23, 24.
- ⁴⁵⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 521.
- ⁴⁵⁵ *Лев Диакон.* История. Книга III. Глава 4. С. 26.
- ⁴⁵⁶ Там же. Книга III. Глава 5. С. 26, 27.
- ⁴⁵⁷ Книга церемоний. Глава 96 // *Лев Диакон.* История. С. 108, 109.
- ⁴⁵⁸ *Лев Диакон.* История. Книга III. Главы 7, 8. С. 28, 29.
- ⁴⁵⁹ *Шилов К.* К вопросу о военных реформах Никифора II Фоки и их социальных последствиях // *Византийский временник.* № 60 (85). 2001. С. 35, 40, 41, 45.
- ⁴⁶⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 526.
- ⁴⁶¹ *Лев Диакон.* История. Книга III. Главы 10, 11. С. 31, 32.
- ⁴⁶² *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 158.
- ⁴⁶³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 527.
- ⁴⁶⁴ *Лев Диакон.* История. Книга IV. Глава 2. С. 34.
- ⁴⁶⁵ Там же. Книга IV. Главы 3, 4. С. 35, 36.
- ⁴⁶⁶ Там же. Книга IV. Глава 8. С. 38.
- ⁴⁶⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 536.

- ⁴⁶⁸ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 473.
- ⁴⁶⁹ *Хефер Манфред.* Император Генрих II. С. 12.
- ⁴⁷⁰ *Саксон Анналист.* Хроника. 741—1139 гг. С. 185.
- ⁴⁷¹ *Лиутпранд, епископ Кремонский.* Отчет о посольстве в Константинополь // Лиутпранд, епископ Кремонский. АнтаподониС. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. Главы IV, V. С. 126.
- ⁴⁷² Там же. Главы XV, XVI. С. 130, 131.
- ⁴⁷³ Там же. Главы XLVII, XLIX. С. 140, 141.
- ⁴⁷⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 551, 552.
- ⁴⁷⁵ Там же. Т. 3. С. 553.
- ⁴⁷⁶ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 225, 226.
- ⁴⁷⁷ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 88—90.
- ⁴⁷⁸ Там же. С. 92.
- ⁴⁷⁹ *Лев Диакон.* История. Книга IV. Глава 5. С. 36.
- ⁴⁸⁰ *Сахаров А.Н.* Тайный русско-византийский договор и дипломатия Руси в 967—968 годах // Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.
- ⁴⁸¹ *Сахаров А.Н.* Тайный русско-византийский договор и дипломатия Руси в 967—968 годах.
- ⁴⁸² *Иречек К.Ю.* История болгар. 1878. С. 241.
- ⁴⁸³ *Рансимен С.* История первого Болгарского царства. С. 205.
- ⁴⁸⁴ *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. С. 170.
- ⁴⁸⁵ *Сахаров А.Н.* Создание антивизантийского союза // Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава.
- ⁴⁸⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 531.
- ⁴⁸⁷ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 804, 805.
- ⁴⁸⁸ *Лев Диакон.* История. Книга IV. Глава 10. С. 40.
- ⁴⁸⁹ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 241.
- ⁴⁹⁰ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 99, 100.
- ⁴⁹¹ *Сахаров А.Н.* Тайный русско-византийский договор и дипломатия Руси в 967—968 годах.
- ⁴⁹² *Лев Диакон.* История. Книга V. Глава 4. С. 46.
- ⁴⁹³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 533, 534.
- ⁴⁹⁴ *Шиканов В.Н.* Византия: щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. С. 88, 89.
- ⁴⁹⁵ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 409.
- ⁴⁹⁶ *Лев Диакон.* История. Книга III. Глава 8. С. 29.
- ⁴⁹⁷ *Диль Ш.* Византийские портреты. С. 154.
- ⁴⁹⁸ *Лев Диакон.* История. Книга III. Глава 9. С. 30.
- ⁴⁹⁹ *Диль Ш.* Византийские портреты. С. 156.
- ⁵⁰⁰ *Скилица.* История захвата Никифором Фокой императорского престола. С. 117.
- ⁵⁰¹ *Диль Ш.* Византийские портреты. С. 158.
- ⁵⁰² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 576.

- ⁵⁰³ Книга эпарха // Эклога. Книга эпарха. Рязань, 2006. С. 297, 309.
- ⁵⁰⁴ *Склища*. Недостатки правления императора Никифора // Лев Диакон. История. С. 118—121.
- ⁵⁰⁵ *Лебедев А.П.* Царствование византийского императора Никифора Фоки в церковно-историческом отношении (963—969) // Лебедев А.П. История Византии. М., 2005. С. 224—225.
- ⁵⁰⁶ Там же. С. 226.
- ⁵⁰⁷ *Брентано Л.* Народное хозяйство Византии. М., 2010. С. 57, 58.
- ⁵⁰⁸ Правила Святых Апостол и Святых Отец с толкованиями. М., 2000. С. 211—213.
- ⁵⁰⁹ *Лебедев А.П.* Очерки внутренней истории Византийско-восточной Церкви в IX, X и XI веках. С. 73—74.
- ⁵¹⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 569, 570.
- ⁵¹¹ *Лев Диакон*. История. Книга IV. Глава 7. С. 37.
- ⁵¹² Там же. Книга V. Глава 5. С. 46, 47.
- ⁵¹³ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 159.
- ⁵¹⁴ Там же. С. 160.
- ⁵¹⁵ *Лев Диакон*. История. Книга V. Глава 6. С. 47, 48.
- ⁵¹⁶ Там же. Книга V. Главы 7, 8. С. 48, 49.
- ⁵¹⁷ Там же. Книга V. Глава 9. С. 50.
- ⁵¹⁸ *Лев Диакон*. История. Книга 6. Глава 1. С. 51.
- ⁵¹⁹ Там же. Книга 6. Глава 3. С. 52, 53.
- ⁵²⁰ Там же. Книга 6. Глава 2. С. 52.
- ⁵²¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 583.
- ⁵²² *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 162.
- ⁵²³ Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 2000. С. 35, 36.
- ⁵²⁴ *Лев Диакон*. История. Книга 6. Глава 4. С. 53.
- ⁵²⁵ Там же. Книга 6. Глава 5. С. 54.
- ⁵²⁶ Там же. Книга 6. Главы 6, 7. С. 54, 55.
- ⁵²⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 602, 603.
- ⁵²⁸ *Норвич Джон*. История папства. С. 116.
- ⁵²⁹ *Лев Диакон*. История. Книга 10. Глава 2. С. 85.
- ⁵³⁰ Там же. Книга 6. Глава 8. С. 55.
- ⁵³¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 553.
- ⁵³² *Норвич Джон*. История Византии. С. 284.
- ⁵³³ *Вольфхерий Хильдесхаймский*. Альтайские анналы // Немецкие анналы и хроники X—XI столетий. М., 2012. С. 104, 105.
- ⁵³⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 589, 590.
- ⁵³⁵ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 166.
- ⁵³⁶ *Лев Диакон*. История. Книга 7. Главы 1, 2. С. 60, 61.
- ⁵³⁷ Там же. Книга 7. Главы 4, 5. С. 63, 64.
- ⁵³⁸ Там же. Книга 7. Главы 6, 8. С. 64, 66.
- ⁵³⁹ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 164.
- ⁵⁴⁰ *Лев Диакон*. История. Книга 9. Глава 3. С. 76, 77.

- ⁵⁴¹ *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава в период русско-византийской войны 970—971 годов // Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава.
- ⁵⁴² *Лев Диакон.* История. Книга 6. Глава 10. С. 56, 57.
- ⁵⁴³ Там же. Книга 7. Глава 9. С. 66.
- ⁵⁴⁴ Там же. Книга 6. Главы 12, 13. С. 58, 59.
- ⁵⁴⁵ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 102, 103.
- ⁵⁴⁶ *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава в период русско-византийской войны 970—971 годов.
- ⁵⁴⁷ *Лев Диакон.* История. Книга 8. Глава 3. С. 69, 70.
- ⁵⁴⁸ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 106.
- ⁵⁴⁹ *Лев Диакон.* История. Книга 8. Главы 4—8. С. 70—73.
- ⁵⁵⁰ *Хэлдон Джон.* История византийских войн. С. 374.
- ⁵⁵¹ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 106.
- ⁵⁵² *Сахаров А.Н.* Создание антивизантийского союза.
- ⁵⁵³ *Разин Е.* История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914—1918 гг. Часть 2. С. 41.
- ⁵⁵⁴ *Лев Диакон.* История. Книга 8. Главы 9, 10. С. 73, 74.
- ⁵⁵⁵ Там же. Книга 9. Глава 2. С. 75, 76.
- ⁵⁵⁶ *Хэлдон Джон.* История византийских войн. С. 380.
- ⁵⁵⁷ *Лев Диакон.* История. Книга 9. Главы 6, 7, 9. С. 78—81.
- ⁵⁵⁸ *Разин Е.* История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914—1918 гг. Часть 2. С. 43.
- ⁵⁵⁹ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 107, 109.
- ⁵⁶⁰ *Лев Диакон.* История. Книга 9. Главы 11, 12. С. 81—83.
- ⁵⁶¹ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 244.
- ⁵⁶² *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 208.
- ⁵⁶³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 592.
- ⁵⁶⁴ *Норвич Джон.* История Византии. С. 286.
- ⁵⁶⁵ *Лев Диакон.* История. Книга 10. Главы 1, 2. С. 84, 85.
- ⁵⁶⁶ *Шиканов В.Н.* Византия: щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. С. 89.
- ⁵⁶⁷ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 238.
- ⁵⁶⁸ *Лев Диакон.* История. Книга 10. Главы 4, 5. С. 86, 87.
- ⁵⁶⁹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 410.
- ⁵⁷⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 594, 595.
- ⁵⁷¹ *Лев Диакон.* История. Книга 10. Глава 11. С. 91—94.
- ⁵⁷² *Колташев В.Г.* Армия Византии // Los ejércitos de Bizancio.
- ⁵⁷³ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 5, 14.
- ⁵⁷⁴ *Шиканов В.Н.* Византия: щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. С. 15.
- ⁵⁷⁵ *Банников А.В., Морозов М.А.* Византийская армия (IV—XII вв.). СПб., 2013. С. 332, 333.

- ⁵⁷⁶ Дилль Ш. Основные проблемы византийской истории. С. 78, 79.
- ⁵⁷⁷ Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV—XII вв.). С. 336.
- ⁵⁷⁸ Луговой О.М. Крестоносцы-наемники в Византии // <http://www.templiers.info>, 2008
- ⁵⁷⁹ Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. С. 254.
- ⁵⁸⁰ Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV—XII вв.). С. 366—370.
- ⁵⁸¹ Люттвак Эдвард. Стратегия Византийской империи. С. 386—389.
- ⁵⁸² Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV—XII вв.). С. 353, 354.
- ⁵⁸³ Шиканов В.Н. Византия: щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. С. 19.
- ⁵⁸⁴ Колташев В.Г. Армия Византии.
- ⁵⁸⁵ О лагерьном устройстве // Два византийских военных трактата конца X века. СПб., 2002. Книга XXVIII. С. 383, 384.
- ⁵⁸⁶ О боевом сопровождении // Два византийских военных трактата конца X века. Книга I. С. 121.
- ⁵⁸⁷ Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV—XII вв.). С. 405.
- ⁵⁸⁸ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 2008. С. 64—66.
- ⁵⁸⁹ Колташев В.Г. Армия Византии.
- ⁵⁹⁰ Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV—XII вв.). С. 345, 346.
- ⁵⁹¹ Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 26, 27.
- ⁵⁹² Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV—XII вв.). С. 380—384.
- ⁵⁹³ Хэлдон Джон. История византийских войн. С. 366, 367.
- ⁵⁹⁴ О боевом сопровождении. Книга XIX. С. 204.
- ⁵⁹⁵ О лагерьном устройстве. Книга XXIX. С. 385.
- ⁵⁹⁶ Дилль Ш. Основные проблемы византийской истории. С. 86.
- ⁵⁹⁷ Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 246—250.
- ⁵⁹⁸ О лагерьном устройстве. Книга II. С. 334.
- ⁵⁹⁹ Там же. Книга XVII. С. 358.
- ⁶⁰⁰ Шиканов В.Н. Византия: щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. С. 15.
- ⁶⁰¹ Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. С. 179, 180.
- ⁶⁰² Лев Диакон. История. Книга 6. Глава 3. С. 52.
- ⁶⁰³ Там же. Книга I. Глава 6. С. 11.
- ⁶⁰⁴ О боевом сопровождении. Книга IV. С. 133.

- ⁶⁰⁵ *Хэлдон Джон*. История византийских войн. С. 359, 360.
- ⁶⁰⁶ О боевом сопровождении. Книга XVII. С. 189.
- ⁶⁰⁷ О лагерном устройстве. Книга XXVII. С. 382.
- ⁶⁰⁸ Там же. Книга I. С. 320—323.
- ⁶⁰⁹ Там же. Книга I. С. 326, 327.
- ⁶¹⁰ Там же. Книга X. С. 348—352.
- ⁶¹¹ Там же. Книга XV. С. 357.
- ⁶¹² *Шиканов В.Н.* Византия: щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. С. 18.
- ⁶¹³ *Колташев В.Г.* Армия Византии.
- ⁶¹⁴ *Шиканов В.Н.* Византия: щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. С. 17.
- ⁶¹⁵ *Дилль Ш.* Основные проблемы византийской истории. С. 85.
- ⁶¹⁶ *Пселл Михаил*. Хронография. Василий II. Главы I—IV // Пселл Михаил. Хронография. Краткая история. СПб., 2003. С. 8, 9.
- ⁶¹⁷ Там же. Василий II. Главы XXXV—XXXVII. С. 19, 20.
- ⁶¹⁸ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 145.
- ⁶¹⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 610.
- ⁶²⁰ Там же. Т. 3. С. 611, 612.
- ⁶²¹ *Яхья Антиохийский*. Летопись. Книга 1 // Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца: извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. С. 3.
- ⁶²² Там же. Книга 1. С. 4.
- ⁶²³ *Пселл Михаил*. Хронография. Василий II. Главы VI—IX. С. 9, 10.
- ⁶²⁴ *Яхья Антиохийский*. Летопись. Книга 2. С. 17.
- ⁶²⁵ *Пселл Михаил*. Хронография. Василий II. Главы XIX—XXI. С. 13, 14.
- ⁶²⁶ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 805, 806.
- ⁶²⁷ *Яхья Антиохийский*. Летопись. Книга 3. С. 20.
- ⁶²⁸ Там же. Книга 4. С. 21.
- ⁶²⁹ *Титмар Мерзебургский*. Хроника. В 8 книгах. Книга 7. Глава 72. М., 2005. С. 162.
- ⁶³⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 632.
- ⁶³¹ *Пселл Михаил*. Хронография. Василий II. Главы XII—XVII. С. 12, 13.
- ⁶³² *Острогорский Г.А.* Владимир Святой и Византия // Владимирский сборник. В память 950-летия крещения Руси. 988—1938. Белград, 1938. С. 32, 33.
- ⁶³³ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 441.
- ⁶³⁴ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 145, 146.
- ⁶³⁵ *Пселл Михаил*. Хронография. Василий II. Главы XXI—XXII. С. 14.
- ⁶³⁶ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 377, 378.
- ⁶³⁷ *Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. С. 111.
- ⁶³⁸ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 251, 252.
- ⁶³⁹ *Пселл Михаил*. Хронография. Василий II. Главы XXIV, XXV. С. 15.

- ⁶⁴⁰ Дилль Ш. Основные проблемы византийской истории. С. 105, 106.
- ⁶⁴¹ Яхъя Антиохийский. Летопись. Книга 4. С. 26.
- ⁶⁴² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. С. 662.
- ⁶⁴³ Дилль Ш. Основные проблемы византийской истории. С. 104, 105.
- ⁶⁴⁴ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 383.
- ⁶⁴⁵ Там же. С. 384.
- ⁶⁴⁶ Васильевский В.Г. Материалы по внутренней истории Византийского государства. С. 733, 734.
- ⁶⁴⁷ Дилль Ш. История Византийской империи. С. 91.
- ⁶⁴⁸ Васильевский В.Г. Материалы по внутренней истории Византийского государства. С. 738, 739.
- ⁶⁴⁹ Пселл Михаил. Хронография. Василий II. Главы XXXI —XXXIV. С. 18, 19.
- ⁶⁵⁰ Иречек К.Ю. История болгар. С. 253.
- ⁶⁵¹ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 386.
- ⁶⁵² Иречек К.Ю. История болгар. С. 254, 255.
- ⁶⁵³ Там же. С. 256, 257.
- ⁶⁵⁴ Яхъя Антиохийский. Летопись. Книга 12. С. 59.
- ⁶⁵⁵ Дилль Ш. Основные проблемы византийской истории. С. 47.
- ⁶⁵⁶ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 388.
- ⁶⁵⁷ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.3. С. 470, 471.
- ⁶⁵⁸ Оболенский Д.Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 224.
- ⁶⁵⁹ Иречек К.Ю. История болгар. С. 263, 264.
- ⁶⁶⁰ Державин Н.С. История Болгарии. М.—Л., 1946. С. 92, 94.
- ⁶⁶¹ Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. С. 267.
- ⁶⁶² Дилль Ш. История Византийской империи. С. 85.
- ⁶⁶³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. С. 656.
- ⁶⁶⁴ Мюллер А. История ислама. Т. 2. С. 806.
- ⁶⁶⁵ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. С. 659.
- ⁶⁶⁶ Там же. Т. 3. С. 660, 661.
- ⁶⁶⁷ Мюллер А. История ислама. Т. 2. С. 806
- ⁶⁶⁸ Яхъя Антиохийский. Летопись. Книга 15. С. 61.
- ⁶⁶⁹ Мюллер А. История ислама. Т. 2. С. 883—886.
- ⁶⁷⁰ Там же. Т. 2. С. 887—890.
- ⁶⁷¹ Али-заде Айдын Ариф оглы. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 209, 210.
- ⁶⁷² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. С. 665—667.
- ⁶⁷³ Там же. Т. 3. С. 669.
- ⁶⁷⁴ Саксон Анналист. Хроника. 741—1139 гг. С. 201.
- ⁶⁷⁵ Лот Фердинанд. Последние Каролинги. С. 83—91.
- ⁶⁷⁶ Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви. В 4 книгах. Книга II, 24 (21) // Славянские хроники. М., 2011. С. 42.
- ⁶⁷⁷ Колесницкий Н.Ф. Священная Римская империя: притязания и действительность.

- ⁶⁷⁸ *Лот Фердинанд*. Последние Каролинги. С. 100—106.
- ⁶⁷⁹ *Титмар Мерзебургский*. Хроника. В 8 книгах. Книга 3. Глава 20. С. 43.
- ⁶⁸⁰ *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139 гг. С. 203.
- ⁶⁸¹ *Колесницкий Н. Ф.* Священная Римская империя: притязания и действительность.
- ⁶⁸² *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139 гг. С. 207, 208.
- ⁶⁸³ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т.3. С. 673, 674.
- ⁶⁸⁴ *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139 гг. С. 213.
- ⁶⁸⁵ Квидленбургские анналы // Немецкие анналы и хроники X—XI столетий. М., 2012. С. 44, 45.
- ⁶⁸⁶ *Ранп Франсис*. Священная Римская империя Германской нации. С. 73.
- ⁶⁸⁷ *Рихер Реймский*. История. Книга III, 97—101. М., 1997. С. 124, 125.
- ⁶⁸⁸ *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139 гг. С. 217.
- ⁶⁸⁹ Кведлинбургские анналы // Немецкие анналы и хроники X—XI столетий. М., 2012. С. 47.
- ⁶⁹⁰ *Хефер Манфред*. Император Генрих II. С. 76, 77.
- ⁶⁹¹ *Колесницкий Н. Ф.* Священная Римская империя: притязания и действительность.
- ⁶⁹² *Ранп Франсис*. Священная Римская империя Германской нации. С. 79.
- ⁶⁹³ *Рихер Реймский*. История. Книга IV, 13. С. 139.
- ⁶⁹⁴ *Рихер Реймский*. История. Книга IV, 87. С. 172.
- ⁶⁹⁵ *Фавье Робер*. Капетинги и Франция. СПб., 2001. С. 71, 72.
- ⁶⁹⁶ *Колесницкий Н. Ф.* Священная Римская империя: притязания и действительность.
- ⁶⁹⁷ Там же.
- ⁶⁹⁸ *Фавье Робер*. Капетинги и Франция. С. 111, 112.
- ⁶⁹⁹ *Ранп Франсис*. Священная Римская империя Германской нации. С. 82, 83.
- ⁷⁰⁰ *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139. С. 254.
- ⁷⁰¹ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 476, 477.
- ⁷⁰² *Хефер Манфред*. Император Генрих II. С. 50.
- ⁷⁰³ *Норвич Джон*. История папства. С. 119, 120.
- ⁷⁰⁴ *Норвич Джон*. История папства. С. 121, 122.
- ⁷⁰⁵ Там же. С. 123—125.
- ⁷⁰⁶ *Норвич Джон*. Норманны в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. М., 2005. С. 26—30.
- ⁷⁰⁷ *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139. С. 310.
- ⁷⁰⁸ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 547.
- ⁷⁰⁹ *Хефер Манфред*. Император Генрих II. С. 108.

⁷¹⁰ *Колесницкий Н.Ф.* Священная Римская империя: притязания и действительность.

⁷¹¹ *Норвич Джон.* Норманны в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 36—38.

⁷¹² *Колесницкий Н.Ф.* Священная Римская империя: притязания и действительность.

⁷¹³ *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги (1048—1094)//Васильевский В.Г. Избранные труды по истории Византии. В 2 книгах. Книга 1. М., 2010. С. 7.

⁷¹⁴ *Яхъя Антиохийский.* Летопись. Книга 16. С. 69.

⁷¹⁵ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 399, 400.

⁷¹⁶ *Пселл Михаил.* Хронография. Константин VIII. Главы IV—IX. С. 23, 24.

⁷¹⁷ Там же. Константин VIII. Глава II. С. 21.

⁷¹⁸ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 123, 124.

⁷¹⁹ Там же. Т. 1. С. 127, 128.

⁷²⁰ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 201.

⁷²¹ *Норвич Джон.* Норманны в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 43—47.

⁷²² *Пселл Михаил.* Хронография. Константин VIII. Глава V. С. 22.

⁷²³ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 167.

⁷²⁴ Там же. С. 178.

⁷²⁵ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 129, 130.

⁷²⁶ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 400.

⁷²⁷ *Яхъя Антиохийский.* Летопись. Книга 16. С. 71.

⁷²⁸ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 133.

⁷²⁹ *Пселл Михаил.* Хронография. Роман III. Главы II, III. С. 25, 26.

⁷³⁰ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 133, 134.

⁷³¹ *Пселл Михаил.* Хронография. Роман III. Глава VII. С. 27.

⁷³² *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 210.

⁷³³ *Мюллер А.* История ислама. В 4 т. Т. 3. М., 2004. С. 57—59.

⁷³⁴ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 210.

⁷³⁵ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 890, 891.

⁷³⁶ *Пселл Михаил.* Хронография. Роман III. Главы IX—XI. С. 28, 29.

⁷³⁷ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 214.

⁷³⁸ Там же. С. 215.

⁷³⁹ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 137.

⁷⁴⁰ *Пселл Михаил.* Хронография. Роман III. Глава V. С. 26.

⁷⁴¹ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 168.

⁷⁴² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 203.

⁷⁴³ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 139, 140.

⁷⁴⁴ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 203.

⁷⁴⁵ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 176.

⁷⁴⁶ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 141.

⁷⁴⁷ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 171.

⁷⁴⁸ *Пселл Михаил.* Хронография. Роман III. Главы XVIII—XIX. С. 23, 33.

⁷⁴⁹ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 169.

⁷⁵⁰ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 144.

⁷⁵¹ *Пселл Михаил.* Хронография. Роман III. Глава XXVI. С. 35, 36.

⁷⁵² *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил IV. Глава I. С. 37.

⁷⁵³ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 146.

⁷⁵⁴ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 205.

⁷⁵⁵ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил IV. Главы VII, X. С. 38, 39.

⁷⁵⁶ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 147.

⁷⁵⁷ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 141, 142.

⁷⁵⁸ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил IV. Главы XI, XV. С. 40, 41.

⁷⁵⁹ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 205.

⁷⁶⁰ *Державин Н.С.* История Болгарии. С. 94.

⁷⁶¹ *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 225.

⁷⁶² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 216, 217, 220.

⁷⁶³ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил IV. Главы XLII, XLIV, XLIX. С. 50, 51, 53.

⁷⁶⁴ *Норвич Джон.* Норманны в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 67—70.

⁷⁶⁵ Там же. С. 71, 72.

⁷⁶⁶ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил IV. Главы XVI, XVII. С. 41, 42.

⁷⁶⁷ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 150.

⁷⁶⁸ Там же. Т. 1. С. 151.

⁷⁶⁹ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. С. 283.

⁷⁷⁰ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 152, 153.

⁷⁷¹ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил IV. Главы XX—XXIII. С. 44, 45.

⁷⁷² *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 155, 156.

⁷⁷³ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил IV. Главы LIV, LV. С. 54.

⁷⁷⁴ *Диль Ш.* Византийские портреты. С. 173.

⁷⁷⁵ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил V. Главы III, IV. С. 55, 56.

⁷⁷⁶ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 222.

⁷⁷⁷ *Норвич Джон.* Норманны в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 74.

⁷⁷⁸ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил V. Глава IX. С. 57.

⁷⁷⁹ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 161.

⁷⁸⁰ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил V. Глава XXXV. С. 67.

⁷⁸¹ Там же. Михаил V. Глава XXII. С. 62, 63.

⁷⁸² *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 162, 163.

⁷⁸³ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил V. Глава XXVI. С. 64.

⁷⁸⁴ Там же. Михаил V. Глава XXXII. С. 66.

⁷⁸⁵ Там же. Михаил V. Главы XXXVI, XXXVII. С. 67.

⁷⁸⁶ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 169, 170.

⁷⁸⁷ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. С. 199.

⁷⁸⁸ *Пселл Михаил.* Хронография. Зоя и Феодора. Константин IX. Глава III. С. 72.

⁷⁸⁹ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 171, 172.

⁷⁹⁰ *Пселл Михаил.* Хронография. Зоя и Феодора. Константин IX. Главы XIX, XX. С. 78.

⁷⁹¹ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 2. СПб., 2004. С. 88.

⁷⁹² *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 9.

⁷⁹³ Там же. С. 11.

⁷⁹⁴ *Пселл Михаил.* Хронография. Самодержавное правление царицы Феодоры. Глава XIII. С. 138.

⁷⁹⁵ Там же. Зоя и Феодора. Константин IX. Главы XXXI—XXXIII, CLXIV, CLXV. С. 82, 83, 123, 124.

⁷⁹⁶ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 181.

⁷⁹⁷ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 206.

⁷⁹⁸ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 406.

⁷⁹⁹ *Норвич Джон.* История Византии. С. 321.

⁸⁰⁰ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 175.

⁸⁰¹ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 409—411.

⁸⁰² *Пселл Михаил.* Хронография. Зоя и Феодора. Константин IX. Главы XC—XCVI. С. 98—100.

⁸⁰³ *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги (1048—1094). С. 14—16.

⁸⁰⁴ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 223, 224.

⁸⁰⁵ Там же. С. 225.

⁸⁰⁶ *Пселл Михаил.* Хронография. Зоя и Феодора. Константин IX. Главы LV—LVII. С. 88, 89.

⁸⁰⁷ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 184.

⁸⁰⁸ *Норвич Джон.* История Византии. С. 323.

⁸⁰⁹ *Пселл Михаил.* Хронография. Зоя и Феодора. Константин IX. Глава CLIII. С. 120.

⁸¹⁰ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 208.

⁸¹¹ *Пселл Михаил.* Хронография. Зоя и Феодора. Константин IX. Главы LXXX, LXXXI. С. 95, 96.

⁸¹² *Норвич Джон.* Норманны в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 76, 77.

⁸¹³ *Пселл Михаил.* Хронография. Зоя и Феодора. Константин IX. Главы C—CI. С. 102.

⁸¹⁴ Там же. Зоя и Феодора. Константин IX. Главы CLXX—CLXXII. С. 125, 126.

⁸¹⁵ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 180, 183.

⁸¹⁶ *Пселл Михаил.* Хронография. Зоя и Феодора. Константин IX. Глава CVI. С. 104.

⁸¹⁷ Там же. Зоя и Феодора. Константин IX. Главы CXV, CXVI. С. 107.

⁸¹⁸ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 184, 185.

⁸¹⁹ Там же. Т. 1. С. 187.

⁸²⁰ *Пселл Михаил*. Хронография. Зоя и Феодора. Константин IX. Глава СХХIX. С. 111, 112.

⁸²¹ Там же. Зоя и Феодора. Константин IX. Глава CLXXXIX. С. 130.

⁸²² Там же. Самодержавное правление царицы Феодоры. Главы IV, V. С. 135.

⁸²³ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 81—83.

⁸²⁴ *Пселл Михаил*. Хронография. Самодержавное правление царицы Феодоры. Главы XX, XXI. С. 140.

⁸²⁵ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 17, 18.

⁸²⁶ Там же. С. 22, 23.

⁸²⁷ *Колесницкий Н.Ф.* Священная Римская империя: притязания и действительность.

⁸²⁸ *Норвич Джон*. Нормандцы в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 83, 84.

⁸²⁹ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 928.

⁸³⁰ *Гергей Е.* История папства. С. 89.

⁸³¹ *Гарнак Адольф*. Монашество, его идеалы и его история // *Teologia teotonica contemporanea*. Германская мысль конца XIX - начала XX в. о религии, искусстве, философии. СПб., 2006. С. 180, 181.

⁸³² *Рансимен С.* Восточная схизма // *Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 34.

⁸³³ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 48.

⁸³⁴ *Саксон Анналист*. Хроника 741—1139. С. 347.

⁸³⁵ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 565.

⁸³⁶ *Шафф Филип*. История христианской церкви. В 5 т. Т. 5. СПб., 2008. С. 18, 19.

⁸³⁷ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 55.

⁸³⁸ *Беляев Н.Я.* Догмат папской непогрешимости. Историко-критический обзор. Выпуск первый: папский догмат в процессе образования и развития до XIV в. Казань, 1882. С. 6.

⁸³⁹ *Шафф Филип*. История христианской церкви. Т. 5. С. 28, 29, 31.

⁸⁴⁰ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 929.

⁸⁴¹ *Шафф Филип*. История христианской церкви. Т. 5. С. 31, 32.

⁸⁴² *Чичерин Б.Н.* История политических учений. В 5 т. Т. 1. М., 1869. С. 138.

⁸⁴³ *Берман Гарольд Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 102, 103.

- ⁸⁴⁴ *Пападакис Аристиди С.* Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 74.
- ⁸⁴⁵ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 997, 998, 1039.
- ⁸⁴⁶ *Норвич Джон.* История папства. С. 127.
- ⁸⁴⁷ *Саксон Анналист.* Хроника 741—1139. С. 347, 348.
- ⁸⁴⁸ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 566.
- ⁸⁴⁹ *Норвич Джон.* Нормандцы в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 102—106.
- ⁸⁵⁰ *Шафф Филип.* История христианской церкви. Т. 5. С. 20.
- ⁸⁵¹ *Бармин А. В.* Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX—XII веков. М., 2006. С. 132.
- ⁸⁵² *Скабаланович Н. А.* Разделение Церквей при патриархе Михаиле Керулларии // Скабаланович Н. А. Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 2. СПб., 2004. С. 285.
- ⁸⁵³ *Норвич Джон.* Норманны в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 92—98.
- ⁸⁵⁴ *Скабаланович Н. А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 2. С. 92, 93.
- ⁸⁵⁵ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 41.
- ⁸⁵⁶ *Катанский А.* История попыток к соединению Церквей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. СПб., 1868. С. 34.
- ⁸⁵⁷ *Лебедев А. П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках. СПб., 2001. С. 237, 238.
- ⁸⁵⁸ *Пеликан Ярослав.* Христианская традиция. История развития и вероучения. Т. 2. Дух восточного христианства (600—1700). С. 165.
- ⁸⁵⁹ *Суворов Н. С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 30, 31.
- ⁸⁶⁰ Там же. С. 32, 33.
- ⁸⁶¹ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 42.
- ⁸⁶² *Норвич Джон.* Нормандцы в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 112.
- ⁸⁶³ *Суворов Н. С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 38, 39.
- ⁸⁶⁴ *Лебедев А. П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках. С. 240.
- ⁸⁶⁵ Там же. С. 247.
- ⁸⁶⁶ *Норвич Джон.* Нормандцы в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 113, 114.
- ⁸⁶⁷ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 43.
- ⁸⁶⁸ Там же. С. 43, 44.
- ⁸⁶⁹ *Суворов Н. С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 44, 46.

- ⁸⁷⁰ Там же. С. 47, 48, 51.
- ⁸⁷¹ Там же. С. 54, 55.
- ⁸⁷² *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 45.
- ⁸⁷³ *Норвич Джон.* Нормандцы в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. С. 115, 116.
- ⁸⁷⁴ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 60, 61.
- ⁸⁷⁵ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 47.
- ⁸⁷⁶ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 66.
- ⁸⁷⁷ *Функ Ф. К.* История христианской Церкви от времен Апостольских до наших дней. М., 1911. С. 248.
- ⁸⁷⁸ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 72.
- ⁸⁷⁹ *Скабаланович Н.А.* Разделение Церквей при патриархе Михаиле Керуллари. С. 320, 321.
- ⁸⁸⁰ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 51, 52.
- ⁸⁸¹ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 192, 193.
- ⁸⁸² *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 84, 85.
- ⁸⁸³ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил VI. Исаак I Комнин. Глава II. С. 141.
- ⁸⁸⁴ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 86.
- ⁸⁸⁵ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 195.
- ⁸⁸⁶ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 233.
- ⁸⁸⁷ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил VI. Исаак I Комнин. Главы VII, VIII. С. 143.
- ⁸⁸⁸ *Безобразов П.В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл // Безобразов П.В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. Я.Н. Любарский. Михаил Пселл: личность и творчество. СПб., 2001. С. 177.
- ⁸⁸⁹ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил VI. Исаак I Комнин. Глава X. С. 144.
- ⁸⁹⁰ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 196.
- ⁸⁹¹ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил VI. Исаак I Комнин. Главы XVII—XIX. С. 146, 147.
- ⁸⁹² *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 98.

⁸⁹³ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 2. С. 93.

⁸⁹⁴ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 197.

⁸⁹⁵ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил VI. Исаак I Комнин. Главы XXVIII—XXX. С. 150, 151.

⁸⁹⁶ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 87.

⁸⁹⁷ *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил VI. Исаак I Комнин. Главы XXXII, XXXIII. С. 152, 153.

⁸⁹⁸ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 90, 91.

⁸⁹⁹ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 198.

⁹⁰⁰ *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. С. 88.

⁹⁰¹ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т. 1. С. 200.

⁹⁰² *Пселл Михаил.* Хронография. Михаил VI. Исаак I Комнин. Главы XXXIV—XXXVII. С. 154, 155.

⁹⁰³ Там же. Михаил VI. Исаак I Комнин. Главы XL—XLII. С. 156, 157.

Содержание

МАКЕДОНСКАЯ ДИНАСТИЯ

XLI. Император Василий I Македонянин (867—886)	4
Глава 1. «Византийская сказка» — дорога к царству. Начало славных дел.....	4
Глава 2. Примирение с Римом. «Восьмой Вселенский» Собор 869—870 гг.	15
Глава 3. Война с арабами. Девальвация императорства на Западе.....	29
Глава 4. Собор «В храме Святой Софии» 879—880 гг. «Прохирон» и «Эпанагога». Смерть императора.....	46
XLII. Император Лев VI Мудрый (886—912)	62
Глава 1. Нелюбимый сын. Философ на троне	62
Глава 2. Царь и патриарх. Четыре брака императора	72
Глава 3. Война с болгарами и арабами	88
XLIII. Император Александр (912—913)	103
Глава 1. 13 месяцев царствования патриарха	103
Глава 2. Кризис «папизма» на Западе. Распад и воссоздание Западной Римской империи	109
<i>Приложение №10: «Византийский папизм» и «Эпанагога»</i>	<i>129</i>
XLIV. Императоры Константин VII Порфирородный (913—959) и Роман I Лакапин (919—944)	152
Глава 1. Патриарх и императрица — смертельная схватка.....	152
Глава 2. Царственный опекун и малолетний император. «Семицарствие»	164
Глава 3. Войны, заговоры, войны. Дети против отца.....	178
XLV. Император Константин VII Порфирородный (945—959). Единоличное правление.....	190
Глава 1. Царствие ученого-императора	190
Глава 2. Неудача на Крите. Стратегический перелом в войне с арабами	198

XLVI. Император Роман II (959—963)	206
Глава 1. Возврат Крита. Триумф византийского оружия в Сирии	206
Глава 2. Царь, отравленный женой	215
XLVII. Император святой Никифор II Фока (963—969).....	220
Глава 1. Царь-монах.....	220
Глава 2. Завоевание Сирии. Спор о Риме и титуле «император» с Оттоном I Великим	227
Глава 3. Любовь старого солдата и юной царицы. Убийство царя	241
XLVIII. Император Иоанн Цимисхий (969—976)	253
Глава 1. Разочарование Феофано. Восстановление положения императора в Церкви и государстве.....	253
Глава 2. Война со Святославом, князем русским. Победы в Сирии	266
<i>Приложение №11: Римская армия в VIII — X вв.</i>	279
XLIX. Император Василий II Болгаробойца (976—1025)	296
Глава 1. Соглашение царственных братьев. Восстание двух Вард.....	296
Глава 2. Царь-Болгаробойца. Победные марши византийской армии на Востоке и Кавказе	307
Глава 3. Соперничество с германцами в Италии. Папы-марионетки.....	324
L. Император Константин VIII (1025—1028)	344
Глава 1. Хранитель государственных традиций. Поиск преемника	344
LI. Император Роман III Аргир (1028—1034)	352
Глава 1. Новый «Марк Аврелий»	352
LII. Императоры Михаил IV Пафлагон (1034—1041) и Михаил V Калафат (1041—1042).....	363
Глава 1. Больной царь. Торжество евнуха.....	363
Глава 2. Неблагодарный «сын»	374
LIII. Императрицы Зоя (1042—1050) и Феодора (1042—1056), император Константин IX Мономах (1042—1055)	381
Глава 1. Три императора	381

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 2. Любовные увлечения и политические волнения. Смерть Мономаха и самодержавное правление Феодоры	388
Глава 3. «Клунийская реформа». Папа Лев IX и Григорий Гильдебранд.....	400
Глава 4. Великий раскол 1054 г.....	413
LIV. Император Михаил VI Стратиотик (1056—1057)	431
Глава 1. «Старик», патриарх и мятежные полководцы. Завершение Македонской династии	431
Примечания	445

Научно-популярное издание

Величко Алексей Михайлович,
доктор юридических наук

**ИСТОРИЯ
ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ**
От Василия I Македонянина до Михаила VI Стратиотика

Редактор *А.А. Скороход*
Корректор *О.Н. Богачева*
Верстка *И.В. Резникова*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 02.03.2015. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «НьютонС». Печ. л. 30.
Тираж 500 экз. Заказ .